ГРЫННЫЙ

ДЖУЛИ ДЕЙС

НЕТ НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Джули Дейс

Наши границы

Серия «Нет ничего невозможного», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51373476
SelfPub; 2021

Аннотация

Всё начинается красиво и хорошо. Мы думаем, что это навсегда. Вот же она – настоящая и истинная любовь. Но мы и не предполагаем, что она может обернуться тьмой, от которой не избавиться. Она медленно пожирает тебя. Каждый день ты будешь просыпаться с одним вопросом в голове, который не будет давать тебе покоя: почему? Это «почему» будет убивать тебя изнутри. Для тебя этот вопрос станет кислородом, выжигающим лёгкие. Когда-нибудь ты найдешь антидот и ослабишь эту боль, но даже такое лекарство принесёт тебе колотые раны и рубцы на сердце. Останется лишь пустота, которая окутывает разум и душу.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	48
Глава 4	63
Глава 5	79
Глава 6	99
Глава 7	114
Глава 8	132
Глава 9	147
Глава 10	174
Глава 11	186
Глава 12	211
Глава 13	224
Глава 14	241
Глава 15	262
Глава 16	278
Глава 17	299
Глава 18	325
Глава 19	363
Глава 20	407
Глава 21	437
Глава 22	460

Глава 23 490
Глава 24 527
Глава 25 546
Глава 26 562
Глава 27 587
Глава 28 612
Глава 29 627
Глава 30 651
Глава 31 694
Глава 32 714
Глава 33 729
Глава 34 761
Эпилог 787

Джули Дейс
Наши границы

Пролог

Фолл—Ривер,

7 лет назад

Сердце отбивало бешеный кульбит, отчего даже в висках чувствовался яростный пульс. Ноги сами неслись к машине, не обращая внимания на зрителей, которые с интересом и опаской наблюдали развернувшуюся картину. Мысли парня уже давно спутались в клубок, который не в силах распутать ни он, никто-либо ещё.

«Зачем я вообще приехал. Зачем я встретил его. Зачем повелся на провокацию», – возникало в голове парня, и тут же сменилось другим вопросом: *«Простит ли она меня?»*.

Дёрнув за ручку автомобиля, которая на удивление не сломалась от той силы, которую к ней приложили, юноша запрыгнул в машину и быстро завел двигатель, который в ту же секунду зарычал.

Парень перевёл дыхание, чтобы успокоиться. Единственное, что ему сейчас поможет – это рассудительность. Он может в порыве эмоций сказать лишнее, сделать то, о чем по-

жалеет и далее по списку.

«Ты уже сделал то, что сделал. Хуже не станет, поверь», – заскрипела совесть в голове.

От злости на себя парень стукнул ладонями по рулю, отталкивая себя от затеи ударить того ублюдка, который всё испортил. Он поймал себя на мысли, что выпотрошит из него все дерьмо, если Алисия не простит его. Её глаза, на тот момент, отражали разочарование, которое и поспособствовало прекращению его действиям. И он запомнит этот взгляд на всю жизнь.

Выкрутив руль, он выехал на дорогу, выискивая глазами жёлтый авто. Она не могла далеко уехать. Алисия плохо владела водительскими навыками, и, когда они куда-то уезжали, то за рулём всегда сидел он. Благодаря этому, сейчас ему не составило труда заметить знакомую машину.

Он зажал педаль газа и на всей скорости устремился за Алисией. Эти кошки мышки ему нравились, ведь он точно знал, что ждёт их, когда он догонит её. На лице у него заиграла предвкушающая улыбка.

В этот момент его обогнал другой автомобиль, становясь единственной преградой между ним и Алисией. Ярость в груди у юноши заклокотала, сопровождаясь злосчастными картинками в голове.

Он потянулся к телефону и набрал её номер.

Гудок. Гудок. Гудок.

В это время Алисия перевела напряжённый взгляд запла-

канных глаз на телефон, на экране которого высветилось имя причины её слез. Она долго смотрела на телефон, думая принять ли звонок.

В одно мгновение, до него донёсся звон разбившихся стёкол и визг автомобильных шин, которые замолчали также быстро, как и прозвучали. Испуганно устремив взгляд на дорогу, он увидел то, как желтая машина, точней, остатки от неё – полыхали огнём.

Глава 1

Принстон,

Наши дни.

С раннего детства мне внушали о том, что нет ничего невозможного, но как можно говорить это человеку, руки которого скованы семейными обычаями, традициями и делом?! Чушь собачья, нет ничего невозможного для того, кто раскован, проживая жизнь, руководствуясь собственным выбором, а такое не обо мне. Даже за тысячу миль – родителям удаётся держать меня на поводке, словно собачку, отчаянно пытающуюся перегрызть эту линию, которая тянется от шеи к рукам её хозяев. Но где-то мне удаётся вытянуть поводок из их рук, и тогда я отрываюсь по полной, позволяя себе намного больше, чем-то возможно девушке, род которой, отчасти, примыкает к «голубой крови».

Мы не являемся частью королевской семьи, которая живёт во дворце, где на столе с левой стороны от тебя лежит пара вилок разного размера, с правой стороны – нож и две ложки, прямо – десертная вилка и ложка. Плюсом к этому, по правой стороне тянутся три бокала, чашка с блюдцем, а противоположно им – ещё одна тарелка с ножом и салфетка. Нет, это не о нас, но эти правила этикета мне известны ещё с той поры, как меня пересадили с детского стульчика на цар-

ский трон в виде стула за столом. Мои родители с какого-то троюродного или четвероюродного родства решили, что мы являемся частью семьи во дворце и обязаны следовать всем правилам подобной жизни. Я, конечно, с ними в корне не согласна, но кто меня будет спрашивать? Это обязанность, а не выбор.

Благодаря связям родителей, я могла поступить в любой университет Америки и стран Европы. Но, недолго думая, я выбрала то самое место на карте, куда «королевский» нос моих родителей точно не сунется, и на этом спасибо. Их разочарованные лица вызывают у меня приступ рвоты и снятся по ночам, поэтому избавиться хотя бы от их вида – уже счастье. Но, к сожалению, от их влияния, как я полагаю, не смогу избавиться даже в гробу.

Готова поспорить, что моя задница уже посинела от многочасовой поездки от аэропорта до здания университета. И, наконец-то, на горизонте появился незнакомый мне Принстон, которому я необыкновенно рада. Да я рада всему, что спасет меня от родителей, а тут ещё и на целых четыре года, что безусловно потрясающе.

Шофер Джошуа, который возил меня ещё малюткой и сопровождал меня в самолётах, опустил окно, разделяющее пассажирскую часть машины от водительской. Мужчина улыбнулся мне через зеркало. И это была точно не та улыбка, которую нашей семье посылают другие. Это была та самая искренняя, бескорыстная улыбка, заставляющая мою брава-

ду пасть и улыбнуться в ответ.

– Почти приехали. Осталось только найти место на парковке, что, боюсь, будет не так просто, учитывая, сколько студентов здесь учится.

Повертев головой в разные стороны, я тоже обратила внимание на то, что машин здесь немало, а значит мой верный Джошуа будет вечность искать парковочное место. Я откинулась на кресле, думая, как скоро я смогу принять горячий душ и лечь в теплую постель. После поездки это единственное, что мне нужно.

В конце концов Джошуа всё-таки нашел место, и мне посчастливилось выйти из машины на свежий воздух и размяться, потому что сейчас по эластичности я напоминала дерево.

В это момент ко мне из неоткуда выпрыгнул грузный мужчина с сальными волосами и самым противным видом. Нет, дело не в чертах лица. Это скорее то, что меня мало волнует. Но улыбка, которую он посылал мне, взгляд его глаз, противно скользящий по мне, – заставляли мое внутреннее «я» приложить его чем-нибудь тяжёлым, не дожидаясь даже слов от него.

Проведя пухлой мозолистой рукой по волосам, заправляя их ещё больше назад, он обнажил зубы, пожелтевшие от табака.

– Здравствуйте, мисс Мелтон, меня зовут Этан Харрис. Для нас большая честь видеть вас здесь.

Даже не буду спрашивать его, откуда он знает меня: всё итак очевидно.

– Добрый вечер, мистер Харрис.

Мужчина быстро взглянул на часы и с ещё большей приторной улыбкой посмотрел на меня.

– Вы правы. Сейчас как раз вечер. Позвольте мне вас проводить до вашей комнаты в общежитии? – поинтересовался он, но что-то подсказывает мне, что это была простая формальность. И я была абсолютно права.

Не дожидаясь моего ответа, который был бы отрицательным, Харрис скрепил руки за спиной и важным шагом пошел к высокому зданию, стоящему недалеко от университета.

– Вы всех новых студентов провожаете до комнат? – откровенно насмехаясь, спросила я.

Губы Харриса изогнулись в нервной улыбке, но тут же вернулись в прежнюю позицию.

Раздраженный моим прямым вопросом, он потёр шею и махнул Джошуа, который всё это время шел за нами, держа в руках чемоданы с моими вещами.

– Третий этаж, комната 1703B. Женщина у входа поможет вам, – Джошуа кивнул и удалился в указанном направлении, оставляя нас наедине.

Мистер Харрис повернулся ко мне без фальшивой улыбки и приторного взгляда.

– Нет, не всех, Грейс. Вы и без меня знаете свою цену в обществе, поэтому к чему был этот вопрос?

– Вот и ваше истинное лицо, мистер Харрис, – мы без пяти минут знакомы с этим донжуаном, но он уже не вызывает у меня ни малейшего доверия. Он точно не будет тем человеком, к кому я обращусь за помощью даже с банальным расписанием.

Сморщив нос, будто почуял зловонный запах, Харрис качнулся на одних пятках, продолжая сверлить меня тяжёлым взглядом.

– Вам не о чём беспокоиться, я вас уверяю. Для меня играют роль ваши достижения в спорте, и ничего более.

– К чему вы клоните?

Мужчина раздражённо вздохнул. Пусть считает, что я глупая, чем будет думать, что сможет повлиять на меня. Я только избавилась от постоянного внимания и натиска родителей, и новый поводырь мне не нужен.

– Мы же взрослые люди, Грейс, – прошипел он сквозь зубы, оглядываясь по сторонам, будто где-то есть жучки, направленные следить за нами, – наша команда по женскому американскому футболу оставляет желать лучшего. И, несомненно, увидев вашу персону в списке кандидатов, я возложил на вас большие надежды. И я очень надеюсь, что вы их оправдаете.

От его заявления, кровь в венах забурлила с новой силой.

Я люблю американский футбол. Это – единственное, что помогает мне справиться с проблемами контроля гнева. В спорте не нужно следить за движениями, словами, эмоция-

ми. Хотя бы в спорте я могу позволить тебе делать то, что считаю нужным, в отличии от жизни, где максимум, что я могу делать самостоятельно – дышать.

Наверное, именно поэтому я добилась хорошего успеха в американском футболе, когда была девочкой-подростком в старшей школе. Хотя могу заверить, что большинство моих соперниц из других школ были вдвое больше меня, а то и втрое. Поэтому назвать этот спортивный период в моей жизни детским, у меня не поворачивается язык. Это было реальное месиво: мне дважды ломали руки, пару раз я получала сотрясение и бесконечно раз я лежала дома, обложившись льдом, из-за многочисленного количества гематом. Но даже травмы не смогут убавить мою симпатию к спорту. Именно поэтому предложение Харриса, которое звучало скорее, как утверждение, понравилось мне куда больше положенного.

– Вот мы и пришли, – объявил мужчина, возвращая меня из собственных мыслей, когда мы добрались до комнаты. Он уже пошел по направлению к лестнице, чтобы спуститься, но резко остановился, – я надеюсь, что вы хорошо подумаете над тем, что я вам сказал, и сделаете правильный выбор. До скорой встречи, мисс Мелтон.

С этими словами он скрылся.

Стоять и смотреть ему в спину, пока он исчезает из моего вида, я не видела смысла, тем более, когда этот мужчина становится мне противен с каждым сказанным им словом. Я открыла дверь комнаты, к которой меня привел Харрис, и

вошла. Но рассмотреть комнату я не успела, отвлекаясь на реально громкий визг рядом с моим ухом.

– Да не ори ты, – я попыталась закрыть уши, чтобы не слышать вопль девушки, но это мало помогало.

От возмущения эта банши открывала и закрывала рот, жадно хватая воздух, не в силах ничего сказать.

– Это я ещё кричу? Да ты кто нахрен такая? – она сжала руки в кулаки и прижала их к бёдрам.

В темноте комнаты я не видела даже её лица. Лишь свет солнца, которое вот-вот исчезнет за горизонтом, помог мне увидеть хотя бы размеры этой бестии. Как будто услышав мои мысли, девушка прошла мимо меня в другой конец комнаты и включила свет, вспышка которого тут же ослепила меня. Когда мои глаза привыкли к освещению, я смогла рассмотреть свою собеседницу.

Черные волосы крупными локонами ниспадали с плеч, ореховые глаза злобно смотрели на меня, позже быстро забегали, и выражения лица девушки стало растерянным. Только в этот момент, я оглядела комнату: белые, красные и синие шарики были развешаны по всей комнате; звёзды, прикреплённые ниточкой к потолку, развивались на лёгком сквозняке, доносящимся из окна.

Как только девушка открыла рот, чтобы на этот раз что-то сказать, телефон в кармане моих джинс зазвонил. На экране высветилась наша с Аланом фотография, где я в шутку целовала его в щеку, пока он ел гамбургер.

– Ты должна была прилететь два часа назад, Грейс. Где носит твою задницу? – раздалось из трубки и позади меня. Не знаю, где я в жизни так нагрешила, но, по великолепному стечению обстоятельств, Алан стоял в дверном проходе и с открытым ртом смотрел на меня.

Большие медовые глаза заискрились радостью, а его губы тронулись в приветственной улыбке. Издав радостный вопль, я кинулась к лучшему другу с объятиями, после чего, потрепала его заметно отросшую шевелюру.

– Джошуа долго искал парковочное место. Им в срочном порядке необходимо расширять территорию не под учебные корпуса, а под парковочные места, – улыбнулась я, дёргая волосы, цветом горького шоколада, – ещё чуть-чуть, и мы сможем сделать тебе дреды, либо я буду тренироваться на тебе в плетении кос.

– Тогда в первый же день, ты оставишь меня лысым, в таком случае, мы отложим идею с дредами на далёкое будущее, и пойдём покупать мне парик, – усмехнулся Алан своей тёплой улыбкой, – ты испортила мой сюрприз. Нужно было терпеть до тех пор, пока струйка не побежала из ушей.

Позади раздалось тихое покашливание. Девушка явно намекала на то, что мы тут не одни. Отстранившись от друга, я завернула лицо в сторону незнакомки, которая скрестила руки под грудью, смотря на нас с неким любопытством.

Из-за того, что Алан или я, можем обнять друг друга в любой момент – нас часто принимают за влюблённых, но это

ошибочное суждение. Мы лишь друзья и не более. Мы знаем друг друга всю жизнь, и это он помогал мне неделю назад паковать чемоданы в Лондоне, ворча о том, как много у меня вещей и зачем они мне вообще в другой стране. Его идею с новым гардеробом, который можно подобрать тут – я отрезала сразу. Денег у родителей куры не клюют, но я не горю желанием их брать, иначе так привяжу себя к дому ещё больше, таким образом, они будут следить за каждым фунтом, точней, центом в моём кошельке, а я и без того на коротком поводке.

– Мисс, – послышался голос Джошуа за спиной Алана. Повернув голову теперь уже к своему шофёру, я опустила глаза на четвёрку чемоданов возле него.

– Спасибо, Джошуа, – улыбнулась я, – их можно оставить тут.

Указав на свободное место у стены по правую руку, после чего, повернулась к девушке, но мой взгляд быстро перешёл за её спину, а точней, на то, что там стояло – кровать. В комнате две кровати параллельно друг другу, что повергло меня в замешательство, и не только меня. Искоса я заметила, что Джошуа свёл брови на переносице смотря в ту сторону, куда смотрела я.

– Мисс, – начал мой шафер, – мистер Мелтон чётко выражался, когда говорил о том, что для Вас была предоставлена одноместная комната. Я сейчас уточню, – кивнул он, и сделал шаг к двери.

– Нет, – резко вырвалось из моего рта, а глаза распахнулись и стали размером с орбиту, когда я обернулась к Джошуа. – Я прошу, не нужно. Я не хотела жить одна. Пожалуйста, – чуть ли не взмолилась я, смотря на удивлённого Джошуа, – не рассказывайте им.

– Мисс, но Ваш отец и мать, они… – заговорил он.

– Они не узнают, – оборвала его я на полуслове, – мы скажем, что Алан помог мне отнести чемоданы, а Вас – я отпустила. Я прошу… Джошуа…

На лице у мужчины промелькнуло сожалению: он прекрасно понимает меня, и мне даже кажется, что он единственный человек кроме Алана, знающий то, чем я живу. Обходя просьбу родителей, меня поселили не одну, а с девушкой, пусть и крикливой и достаточно странной, но даже ей я рада, все равно лучше, чем жить одной. Если это – не подарок судьбы, то что?

Состроив мордочку, с помощью которой я всегда выпрашивала шоколад у Алана, в последний раз попробовала:

– Они не узнают, Вам не о чем беспокоиться. Просто, пожалуйста, это очень важно для меня.

– Думаю, соблюдая осторожность, мы можем избежать наказание за эту самодеятельность. Но, если вдруг что-то пойдет не так…

– Я возьму всё на себя, клянусь, – энергично закивала я.

Улыбка, свойственная Джошуа, и без которой он – не он, скользнула на его лице. Я уже знаю, что он согласится, но на

всякий случай смотрю на него с мольбой, чтобы добить.

– Ладно, но мы делаем это всё на ваш страх и риск, – побеждено выдохнул Джонас. – Хорошей учебы, мисс Мелтон и мистер Джонас. До свидания.

– Спасибо, Джошуа, – одновременно ответили мы с Аланом, и мужчина удалился.

Меня распирало от радости осознания того, что я не буду жить одна в отдельном блоке, словно больной человек, опасный для общества. Уверенность в том, что родители не узнают про эту ошибку университета, конечно, не стопроцентная. Но мне и не нужна гарантия того, что все пойдет так, как нужно. Сейчас мне нужно лишь выпытать у Алана информацию о том, что тут происходит.

– Как давно ты приехала? Почему ты мне не сказала? – как только я приготовилась нападать на него с моими вопросами, он тут же прервал меня своими, – чтобы ты понимала, я с самого утра сидел и украшал комнату к твоему приезду. Да я даже купил твой любимый грёбаный тыквенный сок, который, если что, трудно найти.

– Ну вообще-то, ты не сам все делал, дорогой, – подала голос девушка, привлекая наше внимание, – я тоже помогала тебе. И по большинству всё делала как раз-таки я.

Очень интересно получается. То есть мой лучший друг, приехавший в Принстон за неделю до меня, уже обзавелся пассией. И, что забавно, заставил украшать комнату в честь меня, которую она даже не знает. Теперь я не удивлюсь, если

она и впрямь окажется моей соседкой.

– Спасибо, Сам, – обиженно надул губы Алан. Да, его сдали с поличным. С жутким раскаянием в глазах он посмотрел на меня, не отвлекаясь на хихиканье банши.

– Я правда старался, но ты же знаешь, что эта мелкая работа не для моих рук. Тем более, я – мужчина. В общем я мчался сюда, чтобы встретить тебя и как следует поздравить с исполнением Американкой мечты. Да я даже плакат сделал. Я сделал, а не Сам! – он указал на кусок бумаги над свободной кроватью с фотографиями и надписью «Добро пожаловать в Американскую месту, детка», – но по дороге сюда меня остановил мистер Харрис и начал говорить что-то про нового тренера, который прибудет к нам со дня на день. Представляешь, мне придется отвечать за то, чтобы он был введен в курс дела. Да я же сам новичок.

Не знаю, как мы свернули с момента про сюрприз, на тему Харриса и нового тренера, но от имени ублюдка—ректора у меня прошлась мелкая мурашка по коже и возникли рвотные позывы.

Кашлянув в кулак, банши снова заставила нас посмотреть на неё. Кажется, её уже порядком раздражает то, что ей приходится заставлять нас замечать её существование.

– Меня в общем-то Саманта зовут. Мы теперь вроде как соседки. Если честно, то для меня это тоже большой шок, но ты не расстраивайся, вдвоем ведь веселее, да? – ободряюще улыбнулась Саманта.

– Так ты тоже должна была жить одна?

– Нет, – махнула она рукой, – меня собирались поселить с подругой, но в последний момент к ней подселили мексиканку, а меня отправили сюда.

Значит, это только меня родители попытались изолировать от других студентов. Это даже не удивляет меня, были вещи и похуже: мама перевела меня на домашнее обучение из-за того, что в школе отказывались давать мне одноместную парту, а папа однажды выгнал моих друзей из дома, предварительно сказав им, что они даже не достойны дышать одним воздухом со мной, а нам, на минуточку, было всего девять лет. Они всегда ставили себя выше остальных, а соответственно делали также и со мной, что было невыносимо паршиво.

– Хорошо, – улыбнулась я, вновь переключив внимание на друга, который готов был бить кулаками в грудь, что он сделал плакат и даже повесил его. Но что-то мне подсказывает, что и тут ему помогла Саманта. Алан не управился бы один, скорей всего, сейчас на лёгком сквозняке могли развиваться два отрывка, так называемые плакатом. Но плевать, он ведь так старался, и я ценю это, как и его самого.

Алан всегда был в почёте и его лицо возглавляло список лучших учеников школы. Но многие глубоко заблуждаются, когда отдают ему должность ботана или паинького мальчика, это совершенно не так. Мой друг успевает везде, и иногда я всерьёз задумываюсь, не продал ли он душу дьяволу. Он кра-

сивый, умный, дружелюбный настолько, насколько это вообще возможно. Алан бросит всё и помчит на первом самолёте по первому зову, даже если ты пролила молоко на новую кофточку. Он смешной и забавный, его юмор легко понимает каждый. И кроме того, мой лучший друг – спортсмен, что определённо выделяет его из толпы. По этим малым причинам – у Алана даже есть собственный фан-клуб. Я не шучу. Ведёт его, конечно же, не он, но там больше двухсот девушек. Друг лишь плакал от смеха, когда я нашла подобное детище на фейсбуке и показала ему. Конечно, Алану было приятно, но подобного рода увлечение в виде парня, которого они видят только на обложке журнала в виде школьной газеты – вызывает у него смущённую и забавную реакцию. Тогда он покрутил головой и сказал, что это детские прибамбасы: перерастут и успокоятся. Что ж, могу сказать о том, что фан-клуб Алана всё ещё существует и обновляется, потому что иногда, я тайно послеживаю за ним.

Я не сомневаюсь, что в его рекомендательном письме для университета расписали каждую мелочь, даже то, что он купил маркеры для доски, потому что старые прекратили своё существование в самый неподходящий момент. Если написать и собрать все мелочи, которые сделал Алан – можно в несколько раз обмотать весь Принстонский университет. И сейчас я без доли сомнения уверена, что лучшим – он будет тут. В первый же день его заметил противный ректор, хотя мой друг, ещё даже не был на лекции. Ввести в курс человека

доверили человеку, который сам не в курсе. Вот же умора, но даже с этим – Алан, безусловно, справится.

– Скажите мне, вы всегда никого не замечаете вокруг, когда находитесь вместе? – спросила Саманта, из-за чего я тихо засмеялась, посмотрев на Алана, глаза которого тоже озорно заблестели. Она определённо права. Нам никто не нужен, мы хорошо понимаем друг друга.

– Не говори ерунду, Сам, мы просто не виделись, – вежливо улыбнулся Алан, посмотрев на мою новоиспечённую соседку, – а вообще, я вижу, что мне пора валить, потому что Грейс сейчас напоминает Пиноккио.

– Кстати, – выдала я довольно громко, чем завоевала внимание двух людей, – я – Грейс.

– Я уже поняла, и Алан весь день талдычил твоё имя, будто я – рыбка Дори, которая спустя три секунды ничего не вспомнит, – улыбнулась Саманта.

– Э—эй, – смеясь, протянул друг, – я просто хотел, чтобы всё было идеально.

– Всё очень даже идеально, Алан, – заулыбалась я, протянув руку к его волосам, и проведя по ним в противоположном направлении. Алан это ненавидит, поэтому сразу начал выворачиваться и поправлять спутавшиеся локоны, – спасибо вам. И я действительно хочу упасть на кровать и не шевелиться, даже пол – сейчас мне покажется водным матрасом.

– Тогда, увидимся завтра? – поднял уголки губ Алан, переведя взгляд с Саманты на меня. Не нравится ли она ему

часом?

– Безусловно, – сразу кивнула я, и приняла объятия друга, который в знак мести, кулаком быстро поворошил по моей макушке, таким образом, намагнитив волосы, а это уже ненавидела я, поэтому вырвалась из его захвата и показала язык, – мне всё равно нужно в душ. Они придут в норму.

– Тогда я сделаю это в другой раз, – засмеялся он.

– Даже не думай об этом, – закрутила я головой, – иначе я подам в суд, и ты больше не приблизишься ко мне на несколько миль.

– Я подам апелляцию, – пошевелил он бровями, сделав шаг к двери, – до завтра, девочки. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Алан, – улыбнулась я, провожая его взглядом. То же самое сделала Саманта – пожелав ему доброй ночи. Повернувшись к соседке, я не нашла ничего лучше, чем просто улыбнуться.

Глава 2

Шагая в сторону нужного корпуса, я рассматривала каждую деталь в готической архитектуре строения. Каждый кирпичик в стене – приводил меня в невообразимый восторг. Эти шпили, которые врезаются в небеса, суровые массивы, тонкие стёкла и загадочность – поднимают каждую волосинку на теле.

Готический стиль поистине величественный и изумительный. Он не подвластен времени. Его ноты присутствуют не только в рамках старинных замков или храмов, он успешно сочетается с чем-то современным, что придаёт ему ещё более превосходящий над другими стилями колорит. Для меня – он одновременно романтичен и грозен. Он завораживает. В нём столько красок даже несмотря на то, что готика связана, в основном, с тёмными цветами. Я по-детски восхищаюсь историческими постройками, как ребёнок полученной шоколадке, в них столько тайн и загадочности. Столько событий хранят стены, которые были возведены с начала двенадцатого века.

Лужайка, на которой засиживались студенты, была красочной и манящей, что мне, по неволе, тоже захотелось присоединиться к другим, но я опоздаю, а меня где-то должен ожидать Алан. Мы договорились встретиться у арки, но где её найти? Точней, какая из них нужна мне?

Корпуса университета тянулись в разные стороны, но мои глаза нашли одну и самую большую арку по левой стороне, которая возвышалась над ступеньками соединяя парочку корпусов. Глаза вмиг обнаружили шевелюру друга, а ноги сами добавили себе темпа. Не люблю заставлять кого-то себя ждать. В школе я была капитаном, и зная моё отношение к опозданиям – команда никогда не задерживалась. Все они минута в минуту стояли перед моим лицом. Торопиться мне не хотелось, ведь я наслаждалась каждой частичкой свежего воздуха и той атмосферой, которая была присуща Принстонском университету, но ноги так не думали.

Минуя тропинку и ступеньки, я оглядела друга: чёрные потертые джинсы, таким же цветом футболка, поверх которой был накинут бомбер отсвечивающий под солнечными лучами, лишь кроссовки на Алане выделялись, потому что единственные оставались белого цвета. Плюсом к его тёмной одежде с одного плеча свисал рюкзак. Сейчас он напоминал бунтаря, с которым определённо хотелось бы познакомиться и понравиться любой ценой. Искоса я заметила, что есть парочка женских компаний, с любопытством рассматривающих моего друга и перешептываясь между собой. Посылая ему улыбочки, они глупо хихикали и строили глазки, на что он смущённо опускал голову и запускал пятерню в волосы.

– Хорошо выглядишь, – улыбнулся Алан, когда я поравнялась с ним, – сон тебе пошёл на пользу.

– Э—эй, – засмеялась я, легонько шлёпнув его руке, – во-

обще-то я просидела в кресле самолёта половину суток, ты хоть понимаешь, какого это, спать в одной позе такое количество времени?

– Вообще-то, я понимаю, – засмеялся он в ответ. Глупо было такое говорить, ведь мы прилетели с одного города, просто с небольшим периодом во времени, – и как ты достала эту блузку? Я помню, что она была на самом дне чемодана.

– Пришлось приложить немало усилий, – улыбнулась я, поправив закатные рукава на нежно—розовой шифоновой блузке и покрутив верхнюю золотистую пуговицу, после чего, я отряхнула белые джинсы и поправила сумку на плече.

– Ты идёшь не на встречу с королевой, а на лекцию, Гри, – дружелюбно усмехнулся Алан, – ты прекрасно выглядишь.

– Ты уже помог тому, кому должен был помочь? – спросила я, когда мы направились внутрь арки, которая растянулась в несколько фут.

– Нет, мистер Харрис говорил о двенадцати часах. Нужно подойти к административному корпусу. Чёрт, я даже не знаю, где найти административный корпус, не говоря уже о том, чтобы помочь. Думаю, что мы будем бродить тут как два идиота в поисках иглы в стоке сена.

– Может, тебе хотят поручить провести для него экскурсию по университету? – захихикала я.

– Очень смешно, Гри, – закатил глаза Алан, дёрнув меня за локон волос, – ты уже вступила в команду?

– Думаю, что мистер Харрис сделал это за меня, – пожа-

ла я плечами, когда Алан открыл перед моим лицом массивную деревянную дверь и пропустил вперёд. Да, ещё он джентльмен, который пропускает вперёд, открывает дверь, носит рюкзак и помогает с пакетами.

– Да, твои спортивные успехи были явно основополагающими для зачисления, – хохотнул друг.

– Э—эй, – снова шлёпнула его по руке я, – тебе не стыдно говорить мне такое?

– Гри, ты выбрала биологию в дополнение к основным экзаменам, но поступила на факультет искусств, как такое ещё можно обосновать?

– Может, я просто являюсь способной ученицей, – довольно улыбнулась я, – и я люблю биологию и рисование.

– Да, твоей первой художественной работой тут – будет какой-нибудь человеческий орган, – засмеялся Алан.

– Будешь ещё болтать, и я нарисую твою печень, при чём, она будет моей натурщицей.

Алан посмеялся над моими шутливыми угрозами, а я окинула взглядом широкий коридор, по которому мы вышагивали. В какой-то момент я почувствовала себя не иначе, как в Хогвартсе, потому что над головой свисали светло серые кирпичные закруглённые арки, точно такими же были стены. Доведя меня до нужной двери, где я увидела необходимый номер, Алан подмигнул мне и зашагал к своей, предварительно пожелав *«не уснуть на интереснейшей лекции по истории изобразительных искусств»*. Для меня – это увле-

кательно и интересно, для Алана – скука смертная, поэтому вслед, я пожелала ему не помереть на веселейшей лекции по истории Европы, потому что друг поступил на факультет политологии.

Проводив его взглядом до тех пор, пока спина друга окончательно не скрылась в толпе студентов, я зашла в амфитеатр.

Величественные окна тянулись по всей длине стены за рядами, которые возвышались над профессорской трибуной. В этот момент я почувствовала себя настоящей студенткой. Это далеко не школа. Стулья и столы, вытянувшиеся полукруглом от стены до стены, три крупные люстры в готическом стиле нависали по всей длине свободного пространства. В аудитории было огромное количество света, который исходил из массивных окон.

Заняв свободное место на втором ряду вблизи профессора, я достала ноутбук и с нетерпением ожидала начала лекции. Дальние ряды выбирают лишь те, кто желает поспать, либо же ему не интересно, хотя я искренне не понимаю таких людей. Они не ценят свободу, которую так желаю получить я.

Родители были против моего поступления на данный курс, но преподаватели в школе всё же смогли их переубедить, говоря о том, что у меня талант и его нельзя губить. Они не особо разбираются в искусстве, скорей, моя семья очень хорошо владеет в музыкальных направлениях, особен-

но теми инструментами, где можно подёргать за мои нервы. На моих струнах – они играют словно на гитаре, и уверяю, эти линии могут в один момент дать слабину и порваться.

Думаете, родители так слепо поверили преподавателям? Чепуха. Они позволили мне поступить на факультет искусств только тогда, когда продали мою любимую, написанную мною же, картину, что принесло им не хилую сумму в карман, а мне – разочарование. Она была одной из первых, написанных моею рукой. Конечно, среди денег, которые есть у родителей – продажа картины лишь капля в море, но это было сделано только для достоверности и убеждения. Только после подобной продажи и отзывов – они окончательно позволили мне поступить на художественный курс. Сейчас я могла сидеть рядом с Аланом, либо на факультете юриспруденции, либо вовсе надеть белый халат, чтобы стать врачом. И подобный выбор родителей – вызывает у меня лишь рвотные позывы, которые в дальнейшем закончатся асфиксией.

– Доброе утро, друзья! – начал седовласый профессор, поправив очки и заняв место на трибуне, опираясь на неё локтями и поддавшись вперёд, – пожалуй, пора начать, не будем терять времени. И, думаю, мне стоит представиться для новичков. Можете обращаться ко мне – профессор Фаринсон. Но я сделаю вид старого дурака, который не знает, что в университетских коридорах вы зовёте его «мистер коричневый пиджачок». Для тех, кто не в курсе – когда-нибудь, вы услышите историю происхождения данного наименования, а

сейчас, приступаем к работе.

Удивлённая таким названием, я поджала губы и вновь их разжала, открыв следом ноутбук, лежащий перед лицом, где создала новый документ по данной лекции. Подняв глаза, я вновь посмотрела на профессора Фаринсона, который поправлял коричневый пиджак и, кажется, я догадываюсь о подобном негласном имени для него, который создали студенты. Взгляд янтарных глаз нашёл меня в толпе и остановился, пристально вглядываясь в моё лицо. Вероятно, о «её королевском величестве» – знают все, что отвратительно. Я не хочу выделяться из толпы, я просто хочу спокойной и одновременной бурной студенческой жизни, а не тыканье в собственную сторону указательным пальцем и предложения дешёвой дружбы.

Моё желание только одно: быть наравне с другими. Но, вероятно, с фамилией Мелтон – это невозможно сразу при рождении. Я уже в команде по футболу, и совершенно не буду удивлена, если мистер Харрис сделает из меня чуть ли не народное достояние, чью статую возведут по центру от главного входа в университет.

– Все мы знаем, что существует два вида направления живописи: станковый и монументальный. Наверняка кто-то из присутствующих, занимался монументальной, даже сейчас это делает, – сказал профессор, смотря в самую верхнюю точку рядов, куда все студенты быстро завернули головы, в том числе и я, – я, конечно, понимаю, что Вам хочется под-

черкнуть предназначение стола в этом кабинете, но давайте остановимся на стенах для граффити, а не на резьбе по дереву!? – иронично проговорил он.

Парень, чем-то шаркающий по столу, вмиг остановился и помрачнел, заметив, как десятки глаз устремились в его сторону. Отложив свой инструмент, он что-то тихо пробубнил и скатился по стулу вниз, из-за чего мне стало видно лишь его торчащие рыжие волосы в разные стороны.

– Спасибо, – кивнул седовласый мужчина, вновь окинув взглядом студентов, – сегодня мы не будем говорить о видах живописи, их слишком мало и каждый выберет свой собственный, наиболее удобный и подходящий для него. Сегодня я хочу обсудить с вами основные стили живописи. Их пять, и я хотел бы, чтобы к следующей лекции – мне поступили доклады на почту с Вашим мнением об определённом стиле. Не нужно затрагивать все, я прошу лишь один, который Вы должны раскрыть от себя. Готов кто-нибудь поделиться собственным мнением прямо сейчас? – вновь провёл взглядом по студентам профессор, и мне захотелось убиться, потому что его глаза застыли на мне, – мисс Мелтон? Не желаете поведать нам Ваше мнение, и назвать более понравившийся стиль?

Вздохнув, я прокляла свою фамилию, которая словно красное знамя маячило над моей головой. Что ж, я хочу стать хорошей студенткой, поэтому стоит ответить.

– Я не предпочитаю ни один из тех стилей, о которых Вы

сегодня говорите, – пожала я плечами, – по мне, так это вычурное умершее прошлое. Величайшие картины в данных стилях были написаны сотни лет назад, и сейчас их никто не способен повторить, либо сделать что-то лучше. Новые и современные стили превосходят в яркости и красочности.

– Я видел ваши работы, и хотел бы их обсудить по завершению лекции. Вы, мисс, я так понимаю, предпочитаете что-то в стиле абстрактного экспрессионизма. Что именно привлекает Вас в данном стиле?

– Эмоции, – сразу ответила я, пожав плечами, – это выражение человеческих чувств в определённый момент, которые он отражает на холсте. То, что вы рисуете – и есть вы. Ваши переживания, тревога, радость, грусть, тоска и весь остальной спектр эмоций. Всё это можно увидеть по цветам, которые останутся на картине. Это жизнь, которую вы переносите во внешний мир с красками.

– Хорошо. Что Вы скажите о картине Малевича. Я имею в виду «Чёрный квадрат», – улыбнулся он.

– Супрематизм очень схож с абстракционизмом. Эти два стиля почти родственники, потому что отказываются от конкретных изображений. Если в супрематизме для создания картины, Вам необходимо провести геометрическую линию вдоль холста, то в абстракционизме достаточно не глядя махнуть кистью, оставив блямбу. Но эта полоса или капля – уже будут отражать ваши эмоции. И существует множество спорных теорий на счёт данной картины. Одни говорят, что Ма-

левич просто не добился нужного результата и решил измазать написанную картину, таким образом, получив чёрный квадрат. Образно говоря: психанул. Другие скажут, что он, не думая, вставил квадрат в белую рамку. Я же не примыкаю ни к одному из мнений. Для меня эта картина говорит о том, что чёрный цвет преобладает над остальными. Если смешать все краски в кучу, то выйдет – чёрный. Вряд ли Малевич думал о чём-то в этот момент. Он выражал то, что у него лежит на душе, таким образом, он абстрагировался от внешнего мира, а мы получили данное произведение искусства.

– Я поражён ходом Ваших мыслей, но как же барокко, классицизм и другие основные стили? – с блеском в янтарных глазах, смотрел на меня профессор.

– Я уже сказала, что это вычурно. Данные стили остались в прошлом, на смену им пришла яркость и незамысловатость.

– И вы предпочитаете эту незамысловатость?

– Да, – согласно кивнула я, – я отражаюсь на холсте, в этом разве не суть любого искусства? Музыка, рисование, спорт, литература. Конечно, сейчас Вы начнёте глаголить о чём-то *«прекрасном»* в виде Джоконды и тому подобном, но к чёрту прекрасное, профессор. Кто-то отдаётся душой музыке, подбирая аккорды или стихи, кто-то находит себя в живописи, кто-то в письме книг, а кто-то в спорте. В любое дело – мы вкладываем душу.

– Свою душу Вы отдаёте изобразительному искусству? – вежливо улыбнулся мистер Фаринсон. И мне показалось, что

наш диалог слегка затянулся, потому что остальные студенты хоть и оставались оживлёнными и заинтересованными в нашей дискуссии, но с каким-то временем этот интерес потухнет.

– Я отдаю её ещё спорту, – коротко отрезала я.

– Разве спорт можно считать искусством? – вскинул он брови, из-за чего его очки подпрыгнули вместе с ними и чуть ли не слетели на трибуну.

– А разве нет? Искусно владеть мячом, шайбой, коньками, оружием – не является искусством!? По мне, так это и есть искусство, но лишь в различных направлениях.

– И чем искусно владеешь ты? – послышалась насмешливость с левой стороны от меня, на что я обернулась и кинула хладнокровный взгляд в светловолосого, слащавой внешности, парнишку, который решил выделиться из толпы зевак.

– Тем, что легко попаду футбольным мячом в самое яблочко между разрезом твоих глаз, даже если мне закроют глаза и отведут на сто ярдов от тебя, – сухо ответила я, чем явно ошеломила всех присутствующих, – с удовольствием могу предложить тебе опробовать сие искусство владение мячом на поле.

После произнесённого мою предложения – парень сощурился, но, вероятно, поверил мне на слово, потому что закрыл рот, не решаясь чем-то ответить. Слабак. Ещё раз бросив в него смирительный взгляд, я повернулась к профессору и улыбнулась.

– Ещё, я искусно владею тем, что легко могу заткнуть любую выскочку, решившую попортить воздух своими бессмысленными изречениями.

– Мы отошли от темы, – прокашлялся профессор, явно изумленный моими последними словами. Плевать, потому что я не позволю какому-то имбецилу, считающему себя властелином мира, шевелить языком там, где им махать не стоит.

Продолжив свою лекцию, профессор коротко, но вполне понятно рассказывал о каждом стиле и на его взгляд, самых знаменитых и запоминающихся в том или ином направлении художников.

По приходу в кампус – я с удовольствием займусь докладом, приступить к которому – у меня уже чешутся руки. Я внимательно вслушивалась в слова профессора, оставляя для себя небольшие пометки, чтобы прочитать побольше о том, чего ещё не знала, либо же знала, но не так глубоко, как хотелось бы сейчас.

Я не знаю, чего желаю получить от данной специальности, я просто понимаю, что должна присутствовать именно тут и сейчас на том месте, которое занимаю. Это моя отдушина, как и футбол.

По завершению лекции, засунув ноутбук в сумку, я уже было направилась к выходу из амфитеатра, когда услышала собственную фамилию из уст профессора, подзывающего меня к себе. В какую-то секунду, я даже подумала, что дей-

ствительно позволила себе лишнего, но ведь я была права, потому что намёки слащавого – были далеко не двусмысленными. Он выражался вполне конкретно. С удовольствием бы двинула по его напыщенной ухмылке и думаю, что вполне могу это сделать, если он ещё раз откроет рот, перейдя рамки дозволенного. Милая и робкая блондинка, которая думает не головой, а губами из силикона – не обо мне.

– Мисс Мелтон, я хотел бы обсудить с Вами работы, которые Вы прислали, – улыбнулся профессор.

– Эм, хорошо, – медленно кивнула я, делая несколько шагов к столу, где он собрал чемоданчик и отложил его в сторону, поправив пиджак. Я снова заметила этот жест и загадка на счёт «мистер коричневый пиджачок», становится для меня более понятливой, разве что там упоминает коричневый цвет. Возможно, что он просто носит пиджак этого оттенка ежедневно.

– Меня восхитили Ваши работы, и сейчас, когда мне удалось узнать Вас побольше, – откашлявшись, начал профессор, – я начал лучше понимать Вас.

– Спасибо, – ответила я, не находя ничего лучше, чем подобная словесная благодарность.

– Мой друг – Антуан, устраивает выставку молодых художников, и мне очень хочется, чтобы Вы приняли в ней своё участие.

На какой-то момент – я опешила, обдумывая его предложение, которое явно не понравится родителям, строго сле-

дящими за моими «художествами», как они любят их называть. С одной стороны – это шаг в будущее, ведь не зря же я поступила на данный факультет, а с другой – мнительная затея. Есть сомнения, что подобное предложение не связано с моей фамилией, либо же вовсе дело рук родителей, которые пытаются запихать меня везде.

– Я подумаю, – ответила я, спустя минуту молчания.

– Мисс Мелтон, Ваши работы действительно воодушевляют и эмоционально воздействуют в приятном смысле этого слова, – вежливо улыбнулся седовласый профессор, смотря на меня сквозь крупные линзы очков, – выставка будет проходить через пару недель, но Ваш ответ, мне необходимо получить за неделю.

– Хорошо, – кивнула я, сделав шаг назад.

– Мисс Мелтон, я рад, что Вы выбрали Принстонский университет для раскрытия Вашего таланта, – остановил меня словами он, но время на часах уже говорило только о том, что в эту минуту – я должна менять повседневную одежду на спортивную форму.

– Спасибо, – натянуто улыбнулась я, – мне нужно поспешить. Извиняюсь.

Свои прощания – я выразила уже тогда, когда практически выскочила из двери, и чуть ли не снесла с ног того слащавого парня, который будто поджидал меня. Обернув его, я поскакала вприпрыжку по малознакомым коридорам на тренировку, которая уже вот-вот должна начаться, а на мне всё

ещё белые джинсы, готовые поцеловать и собрать всю грязь с земли.

С горем пополам добежав до раздевалки, которую я, кстати, с таким же горем пополам нашла в стенах университета, я распахнула дверь и быстро проскользнула внутрь. Времени у меня мало, а точней, его вовсе нет. Я уже в минусе и это жутко выводит меня, потому что я всегда приходила раньше других, чтобы вдоволь насладиться одиночеством на поле. Для меня было истинным наслаждением то, если рядом никого нет, а я в это время слушаю любимую музыку и колдую над новой картиной, либо же над тактическим построением команды.

Быстро скинув с себя блузку, я сменила её на черный топ, который сидел на мне, как вторая кожа, а на ноги натянула легинсы и такого же цвета, что и топ, кроссовки. В команде нашей школы у нас была форма, которую нам нужно было носить на тренировки. В чем занимаются здесь – для меня чёртова загадка, которую я не тороплюсь разгадывать. Если, будучи в школе я старалась показать себя, то здесь я буду заниматься только ради себя и точно не ради Харриса.

Все девушки уже выбежали на поле, оставив меня в раздевалке одну, поэтому, наспех скрутив пучок на голове, я вышла вслед за ними.

Зелёное поле размером сто двадцать на пятьдесят четыре ярда, которое, если честно, выглядит даже более идеальным, чем, то же поле у нас в школе. Кто бы что не говорил,

но поверхность, на которой вы играете, структура и ухоженность, – это тоже вносит свою лепту в результативность вашей игры.

Десять девушек уже разминались, а трое, которые по-видимому являются запасными, сидели на скамье и слушали музыку. Будет забавно посмотреть на них, когда одной из этих дамочек прилетит мяч в лицо. Готова поспорить, что я буду первой, кто кинет его в них, причём специально. Хотя темнокожая девушка, вдвое больше меня ростом и с самым атлетичным телом из всех, что я видела у женщин, смотрела на эту троицу с таким же азартом и безумством, что и я.

Недолго думая, я направилась именно к ней.

– Грейс, – представилась я, когда почти дошла до девушки, но я не сомневаюсь в том, что она меня услышала.

С дружелюбным лицом она повернулась ко мне и вытянула руку вперёд.

Только не говорите мне, что американцы так здороваются. Ещё говорят, что британцы странные, – фыркнула я у себя в голове, но, естественно, держала язык за зубами.

– Мадонна, но для друзей просто Донна, – как только я вложила в ее большую ладонь свою крошечную, она сжала её с такой силой, что мои костяшки склеились в одну. Затем она – Мадонна притянула меня к себе и безумно крепко обняла, да так сильно, что наши ребра поцеловались.

– Мадонна, – прохрипела я, пытаясь оттолкнуть её от себя, подметив, что больше к ней даже близко не подойду.

– Просто Донна, Грейс. А как тебя называют друзья? – все также сжимая меня, спросила она.

У меня не так много друзей, а точнее всего один друг, который не так часто, но называет меня Гри. И, чёрт возьми, я ненавижу это прозвище, которое напоминает кличку собаки. Так что этой любимице обнимашек придётся разочароваться во мне.

Наверное, я слишком долго молчала, потому что Донна испугано отпрянула от меня, схватила за плечи и держала перед собой.

– Никак. Меня никак не называют друзья. И, пожалуйста, не делай так больше, иначе тебе придется прятать труп, а я не маленькая, так что, Донна, тебе придется искать место побольше, – попыталась я отшутиться, но кажется она заметила, как я судорожно хвастаюсь за кислород, пытаясь не упасть в обморок.

Девушка легко отмахнулась и выпустила меня из своей мёртвой хватки. По-моему, я даже прошептала слова благодарности Богу, но это точно было не специально.

– Не лги себе. Ты самая маленькая девочка в нашей команде, кроме Полли. Кстати, ты уже знакома с ней?

Отрицательно покачав головой, я остановила себя от дальнейшего объяснения. Сомневаюсь, что ей нужно знать, как мои родители долго не отпускали меня в университет, и выпустили в последний момент, но под вечную слежку Джошуа, которому родители поблизости сняли квартиру для

лучшего наблюдения.

– Кто такая Полли? – задала я встречный вопрос, на что она тяжело вздохнула.

– Я не так давно познакомилась с ней, если честно, но уже могу сказать, что она – сука, которая мечется в лидеры команды. Так что если ты собираешься идти в капитаны, то быстрее оставляй эту затею, пока она не съела тебя живьём.

– Она – отстойный капитан, судя по тому, что на данный момент её задница не присутствует на поле, – улыбнулась я, а Донна пожала плечами.

Может, Донне всего лишь показалось, что девушка – сука, но что-то подсказывает мне, что эта жизнерадостная Донна не просто так решила такое на её счёт. Во всяком случае, если она всё-таки окажется такой, какой её представила мне Мадонна, я поставлю эту девочку на место самым жестоким путем из всех.

Я не успела сказать это вслух, как раздался звонкий хлопок в ладоши рядом с нашей группой девушек. Все мы были одеты по-разному, и, кажется, это даже взбесило тренера, в виде подтянутой рыжей старушки.

– Вам не выдали форму, новички?

– Нет, тренер, – хором ответили мы, на что женщина удовлетворённо кивнула нашей дисциплине.

– После тренировки зайдите к Миссис Эванс, чтобы она выдала вам вашу форму. А мы начинаем, – громко сказала она и снова хлопнула в ладоши. – Меня зовут тренер Мак-

кой, и вам придётся очень постараться, чтобы называть меня так.

– А что, можно называть Вас как-то по-другому? – спросила пышногрудая брюнетка в другом конце строя.

Тренер хладнокровно улыбнулась, и мне даже показалось, что она была готова проглотить эту несчастную.

– Да, новичок. Ты можешь никак не называть меня, если не будешь в моей команде. Два выбора, вникаешь? Либо в команде, либо за дверью. Решать вам, новички, – если она ещё раз скажет «новички», я начну выть на луну. – Какое звание у вас было в школе?

Звание? Мы, нахрен, в армии?

– Фулбек, – крикнула блонди.

Не знаю, что не понравилось в ней тренеру, но та скорчила гримасу ужаса.

– Корнербек.

– Центр.

– Лайнбэкер.

– Фри сейфти.

Девушки продолжали называть свои «звания», а тренер Маккой кивала, иногда смеялась и фыркала. Очередь дошла и до нас с Донной.

– Тэкл защита, – громко сказала Донна. Примерно на защите я и представляла эту большую девушку.

– Серьёзно? Какой хрен поставил тебя на защиту? Ты огромная, новичок, и должна играть в нападении.

Это. Просто. Омерзительно.

Говорить человеку, твою мать, девушке, что она огромная? Вы серьезно?

– Простите, мэм, – шмыгнув носом, оскорблённо пробормотала Донна. Мне захотелось пихнуть её в бок, чтобы она не извинилась, ведь она даже ни в чём не виновата.

Но тренер уже сконцентрировалась на мне.

– Главный квотербек, – стальным тоном объявила я свою позицию в игре.

– Как хорошо ты играешь?

– Я надеру вашу задницу, – стиснув челюсть до жалобного скрипа, прохрипела я, на что женщина улыбнулась.

Я не веселю тебя, сучка, я пытаюсь вывести тебя из себя за мою новоиспечённую подругу.

– Сыграем? – спросила тренер.

Если я откажусь, то стану посмешищем и грушей для битья этой сучки. А я точно не могу этого допустить.

– Один на один. Мяч Ваш, тренер. Я даю Вам фору, – объявляю я и кидаю ей продолговатый кожаный мяч со шнуровкой, который лежал рядом с моей ногой.

Маккой с надменной улыбкой двигается к скримеджу, пока я хрустела костяшками, встав лицом к линии нападения. Как только свисток, который тренер дала одной из девочек, просвистел, мы собрались кинуться друг на друга. В мои планы входило держать драйв всю игру и в конечном счёте выиграть, но уже знакомый мне ректор громко заорал.

Он собирается портить мне каждый день своим эффектным появлением?

– Какого чёрта здесь происходит?

Кажется, что сучка-Маккой не такая смела, при виде Харриса. Тренер быстро скинула мяч с моих рук, который я успела схватить со свистком.

– Проводим воспитательную беседу, мистер Харрис, – приторно пропищала она, поправив свою футболку. – А что собственно случилось?

– Случилась Ваша некомпетентность, – рявкнул он на неё, отчего она спрятала голову в плечи, как испуганная собака поджимает хвост. Он перевел свирепый взгляд на нашу компанию, – можете идти в раздевалку, дамы, на сегодня тренировка окончена. И знайте, что с завтрашнего дня у вас будет новый тренер. Всем до завтра, а Вас, мисс Мелтон, я попрошу остаться.

От его тона, не терпящего возражений, мне пришлось сделать так, как он просит, хотя внутреннее противостояние всё-таки совершилось.

Всё девушки пошли в раздевалку кроме Донны, которая стояла возле входа и сверлила меня взглядом, задавая немой вопрос. Я приятно удивилась заботе с её стороны, и кивнула ей, чтобы она могла оставить нас с ректором наедине.

– Вы, миссис Маккой, тоже можете идти.

– Сэр, я…

– Идите, – прошипел он, и тренер, вздёрнув подборок

ввысь, зашагала прочь с поля, периодически поворачивая голову в нашу сторону.

Как только дверь за ней захлопнулась, я с наигранным равнодушием окинула взглядом ректора. Уже другой костюм сидел на нем достаточно хорошо, прикрывая пивное брюхо.

– О чём вы хотели поговорить со мной?

– Ты подумала на счёт моего предложения? – с нетерпением спросил Харрис, перебив меня. Неужели я так сильно нужна команде? Или во мне нуждается Харрис из личных целей? Может кто-то предложил ему серьёзную сумму за победу Принстона в матче этого месяца? И ещё миллион вопросов сменяются один за другим в моей голове, и ни на один нет ответа.

– Подумала и решила согласиться.

На самом деле, конечно, я не думала. У меня попросту не было времени вспоминать ректора и его рекомендацию вступить в команду. Но спорт нужен мне, и я это понимаю.

Харрис улыбнулся, становясь похожим на Чеширского кота, которому дали мяту.

– Я рад, мисс Мелтон. Очень рад, – покачивая головой, он скрепил руки за спиной в замок и ушел с поля, оставляя меня позади.

Не знаю, что с этим мужчиной не так, но, кажется, что-то движет им, и это далеко не лучшие побуждения. Характером и своим поведением он с каждым разом напоминает мне моего отца, а он один из самых противных людей в моей

жизни, которые всё делают лишь ради собственной выгоды.

Не желая больше находиться на поле, я пошла в раздевалку, которая к моему приходу – осталась пустой. Неужели диалог с ректором был столь долгим? Наспех стянув с себя одежду и нижнее белье, я намеревалась принять душ. И в тот момент, как я сделала шаг к душевым – дверь распахнулась, и очень сексуальный парень возник на пороге раздевалки, где стояла я, причём голая и практически безоружная, если не учитывать ноутбука в сумке, которым я, конечно, легко могла двинуть ему, если бы собственные руки были свободны.

Мужчина с тёплыми карими глазами, эротичной щетиной, о которую я захотела потереться щекой, рельефным телом, которое скрывается под обтягивающими джинсами и футболкой с коротким рукавом – окинул меня холодным взглядом, а затем посмотрел в самые глаза. От его взгляда – я невольно вздрогнула. Ни злой, ни разочарованный, ни обвинительный вид моих родителей не сотрясали меня так, как это делает этот парень.

– Даже не будешь визжать? – это должно было прозвучать как шутка, но его тон был далеко не весёлым. Простое сухое безразличие и только.

– Может ты выйдешь, умник? – огрызнулась я, прикрывая руками всё, что могла. Жаль, что я слишком далеко закинула одежду, и если попытаюсь достать её, то парню откроется полный вид на мои прелести.

– Не переживай, ничего интересного я не увидел. Не впечатляет, – скрестив руки на мощной груди, он поиграл желваками и вышел.

Растерянная и злая ещё минут пять, я стояла и пыхтя смотрела туда, где видела этого придурка. Какой-то идиот, который страдает картографическим кретинизмом и не более, но, чёрт возьми, очень сексуальный идиот.

Глава 3

Продолжая внутренне кипеть, я тяжёлым шагом огибала столики со студентами. Когда чёртов горячий потеряшка, который перепутал двери и лицезрел на меня голую, вышел, я не нашла ничего лучше, чем поддержка старого доброго Алана. Для этого ведь нужны друзья, не так ли? Поэтому я написала ему с просьбой встретить меня, добавив капсом, что я в ужасном состоянии и как никогда нуждаюсь в нём. Парень оказался в кафе и предложил мне присоединиться к нему, и я, конечно, не отказалась, потому что парочка эклеров значительно поднимет моё настроение.

Заметив темную макушку своего друга, я тут же ринулась к нему. Он тоже заметил меня, а также увидел выражение лица, с которым я летела к нему. Алан испуганно встал с места, и я налетела на него, прижимаясь головой к его груди. Обняв его за торс, я крепко прижала его к себе, вдыхая запах одеколона, который уже стал до безумия родным. Алан опешил, но сразу же обнял меня в ответ, поглаживая спину рукой.

– Все настолько плохо, Грейс? Кому нужно надрать задницу? – шепнул он на ухо.

Вот он – мой лучший друг, готовый всегда помочь мне, поддержать меня и надрать задницу не пойми кому. Кажется, что я начинаю обожать его всё больше и больше с каждым

днём. Хотя я уже и не понимаю, куда можно больше.

– Какой-то идиот перепутал двери и зашел в женскую раздевалку. А там я была.

– С кем не бывает, Грейс. Ты однажды перепутала мужской туалет с женским, и пускай они и не были против, что ты зашла к ним в туалет, – тихо рассмеялся Алан, продолжая гладить мою спину. Странно, но этот жест на самом деле успокаивающе влиял на меня.

– Я была голой, – прошептала я

Алан тут же схватил меня за плечи и отодвинул от себя, вглядываясь в мое лицо и пытаясь понять, шучу я или нет.

Хотела бы я, чтобы это было шуткой.

– Ты сейчас серьёзно? – напряжённо спросил он, а его голос надломился. Кажется, я уже начинаю жалеть о том, что рассказала ему, – Господи боже, Грейс, как это вышло?

– Откуда я знаю? Сам же сказал, что со всеми бывает.

– Ты была голой, – взревел он на все кофе, и чуть тише повторил, – ты была голой. Кто он? Скажи мне кто он, и я убью его.

– Конечно, дорогой. А сейчас прекрати злиться. Даже я остыла под твои разгневанные вопли, – Алан попытался мне возразить, но я тут же перевела тему, – провёл экскурсию?

Мой план успешно сработал, потому что биение его сердца замедлилось, и он перестал быть очень горячим, как уголь, пылающий огнем.

– Провел.

– Ты так и не узнал, почему именно ты?

Он закатил глаза и улыбнулся.

– Конечно, узнал. Меня поставят капитаном команды по лакроссу, поэтому мистер Харрис решил, что именно мне следует помочь новому тренеру.

Обрадовавшись за Алана, я вновь притянула его к себе в объятия в то время, как позади раздался рычащий голос.

– Кто это? Почему она обнимает его? Саманта, какого черта ты спокойно сидишь, будто это тебя не касается? Ты не видишь, что бешеная фанатка без чувства собственного достоинства прилипла к Алану?

Бешеная фанатка?

Ярость во мне, которая совсем недавно была направлена на сексуальный объект с неизвестным именем, перешла на суку, сидящую рядом с моей соседкой. Волосы девушки было красиво уложены и крупными локонами лежали на груди. Надменный взгляд зелёных глаз рассматривал меня с ног до головы, а алые пухлые губки скривились от отвращения.

– Полли, что ты несёшь? – грубо осадил её Алан и отодвинул мне стул за столом, чтобы я присела. Этот жест не остался незамеченным этой Полли. Девушка покраснела от злости и сжала руки, покоящиеся на столе, в кулаки.

Я, естественно, поняла, что к чему. Девочка влюбилась в моего лучшего друга и ревнует – как же ожидаемо. Мое нутро трепетало заявляя, что я должна проучить эту безмозглую девицу, которая слишком много о себе возомнила. Поэтому

я послала сладкую улыбку Алану, положила свою ладонь ему на бицепс и медленно присела за стол, не отрывая взгляда от Полли. И, о боже, я почувствовала безумное ликование, когда она со всей силы дёрнула ногой под столом, больно ударившись коленкой.

– Думаю, что вам нужно нормально познакомиться. Полли, это Грейс, моя любимая подруга, – улыбнулся мне Алан, даже не взглянув на Полли, у которой от слова «любимая» дёрнулся глаз.

– Приятно познакомиться, – ложь. Мне не просто приятно познакомиться, мне *очень* приятно познакомиться, ведь я теперь твой ночной кошмар.

Она натянуто улыбнулась, а руки вздрагивали. Кажется, она хочет убить меня, что несомненно станет рекордом, потому что мы знакомы всего пять минут.

– Может тебе стоит представить…, – она сморщила вздёрнутый носик, – Грейс Саманте?

– Мы уже знакомы, – легко ответила Сам и откусила сэндвич. Похоже, что она здесь единственная, кто не чувствует эмоционального напряжения.

– Да? И откуда? – Полли нахмурилась и уставилась на жующую Саманту, словно та была гребаной шпионкой и периодически передавала ее секреты мне.

Но Сам не обратила внимание на тон Полли и, продолжая есть, пробубнила:

– Она моя соседка по комнате.

Я говорила, что Полли злилась, когда я касалась Алана? Так вот теперь она просто в бешенстве. Зубочистка, которую она держала в руках, сломалась со звонким треском.

– Так это ты, та богатенькая Барби? – она вновь окинула меня оценивающим взглядом и сделала вид, что её тошнит.

Если бы Алан смотрел на неё, то заметил бы её актерскую игру и сто процентов не оценил. Удачно, что Алану нравятся нормальные девушки, и мне не приходится отпугивать таких чучел, как Полли. Хотя последние три года у него никого нет, что определено странно, учитывая его доброту, ослепительную харизму и необыкновенную красоту.

– Прекрати, – шикнула Сам на Полли, и стукнула ее по плечу. По-видимому, она заметила, что диалог идёт не в том русле, и, скорее всего, всё сведётся к неприятностям, поэтому Саманта с тяжёлым вздохом отодвигает тарелку с сэндвичем, провожая его жалобным взглядом, и обращается ко мне, – Алан обещал тебе рассказать, но, как я понимаю, он забыл.

– О чём ты? – перебивает её Алан и впервые за то время, пока я нахожусь здесь, переводит взгляд с меня на Саманту, а затем и на Полли, которая пыхтела от злости. Полли на растекается лужицей, как любая влюбленная девчонка, но точно оттаивает.

Саманта фыркает.

– Вечеринка для новичков в доме братства. Вечер. Много напитков, красные стаканчики, потные тела, лёгкие нар-

котики. Вспоминаешь?

– Точно, совсем вылетело из головы, – он хлопнул себя по лбу и добавил уже мне, – мы пойдем.

– Да вы охренели! – взвизгнула Полли, но её проигнорировали.

– Ну уж нет, Алан. На сегодня хватит с меня, – он слишком настойчиво посмотрел на меня, – не делай этого со мной.

– Прекрати, королева драмы. Я знаю, что ты хочешь расслабиться. В Лондоне родители следили за каждым твоим шагом, но сейчас, – он обвел глазами кафе и вскинул руки, – их здесь нет. Отрывайся, Гри.

Он прав. Как всегда, прав. И это чертовски раздражает меня. Я знаю, что мои отношения с алкоголем вместе дают ядерную смесь, и он знает это точно также. Похоже, что он специально ведёт всех нас на верную смерть, ведь пьяная Грейс – просто гребаная пушка.

– На гранитной плитке, под которой тебя похоронят, будет твоя самая удачная фотография, где ты целовался с Билли, – сдалась я и побеждено выдохнула.

– Я тебя умоляю, солнце, это ещё не самая удачная фотография. Вот та, где ты засунула носок, делая вид, что это твоя третья сиська, – это реальный ужас.

Почему он помнит это? Это мать твою было пять лет назад, и я была тринадцатилетний девчонкой, которая хотела иметь большую грудь. Просто один носок соскользнул из чашечки лифчика, и стало похоже, что у меня третья грудь. Это

был самый худший момент в моей жизни.

– Так, парочка, хватит вспоминать свои «романтичные», – Саманта сделала пальцами кавычки, – моменты. Идём переодеваться и на вечеринку.

С неподдельным энтузиазмом Саманта взяла за руку Полли и начала тащить ее за собой, как упрямого коня, в комнату переодеваться. Та всю дорогу ворчала, фыркала на наши с Аланом шутки и периодически «случайно» наступала мне на ботинки, отчего они в один прекрасный момент попросту слетели. Но и тут она промахнулась, потому что Алан взял меня на руки и нёс всю дорогу до комнаты. Надо было видеть лицо Полли: багровое от злости, красные белки глаз бегают из стороны в сторону, губы дёргаются в постоянных фальшивых улыбках.

В конце концов мы всей четвёркой добрались до нужного этажа, и мы с Самантой побежали переодеваться, пока Полли и Алан ушли по своим комнатам делать то же самое.

Взяв ярко красную помаду, я начала заканчивать свой образ: красное короткое жутко облегчающее платье на тоненьких лямках, под которое я не смогла надеть трусики, волосы прямо лежали на спине, а ноги украшали черные лаковые шпильки с открытым носиком. В мои планы не входит соблазнение неудачников и девственников, хотя это одно и тоже, мне просто хочется хотя бы вечером выглядеть шикарно, потому что на утро я буду схожа с овощем.

– Грейс, – промычала Саманта, пока я наносила помаду на

губы, а она красила ресницы, смешно открывая рот, – Полли классная, просто она иногда бывает не в себе. Но она быстро привыкнет к тебе, дай ей время.

Я могу дать сучке—Полли хоть сто лет, но что-то мне подсказывает, что даже за миллион лет она не привыкнет ко мне. Во всяком случае, наверное, она ослабит свою ненависть, когда поймет, что нас с Аланом связывает только дружба, но это я доказывать ей не буду, ибо наши отношения – точно не ее дело.

– Ради меня, – жалобно проскулила Саманта, издавая хныкающий звук.

– Боже, ладно, сдаюсь. Я дам ей время, только прекрати выть.

Она, весело пританцовывая бедрами, перекинула сумочку через плечо и вышла из комнаты, а следом и я.

Вы когда-нибудь были в доме братства? Как вы вообще представляете себе логово Сатаны, где живут одни парни? Это место напоминает самый настоящий хаос, преисподняя, чёртов ад. Стены обычно окрашены в синий, коричневый или черный цвета, потому что тот же зелёный, по их мнению, – показатель того, что они не мужики. В воздухе по всюду витает тестостерон, парни топлес, а иногда и совсем голые, передвигаются по дому, не стесняясь публики. Второй этаж, усыпанный спальнями, давно можно переименовать в «Публичный дом». И именно сюда мы и направляемся, ведь если вы были в университете и ни разу не побывали на вече-

ринке братства – вы не жили.

Перед самой дверь Саманта быстро поправляет прическу и платье, заслужив своими резкими движениями смешок от Полли, которая, кстати, перестала смотреть на меня разъяренным взглядом – теперь просто злым. Уже что-то, не так ли?

Дверь нам открывает высокий темнокожий парень с модельной внешностью, и с открытой дверью музыка, которую мы слышали ещё в кампусе, стала громче в сотню раз. Парень дружелюбно улыбнулся и вытер белую дорожку над губой.

– Саманта, рад видеть тебя. Ты с друзьями? – кучерявый прошёлся по нам взглядом, останавливаясь на моей груди, виднеющейся из-за глубокого выреза.

Алан, как настоящая мама медведица, встал передо мной, скрывая меня от любопытных глаз, и заслужил разочарованный вздох.

– Взаимно, Кир. Да, сегодня я с друзьями. Ты ведь не против?

– Проходите, – вяло проблеял парень и пропустил нас внутрь дома.

Мы дружно вошли в дом, оставляя Кира снаружи, потому что парню резко стало плохо. Вот поэтому я и не принимаю наркоту.

Комната была бы в кромешной темноте, если бы не разноцветные лампы, которые создавали что-то на подобии танц-

пола в центре комнаты. Танцующие тела прижимались к друг другу, парочки целовались и сжимали друг друга на диванчике, в кресле, в углу, одинокие алкоголики опрокидывали в себя один стакан коктейля за другим.

Алан схватил меня за руку сразу же, как только мы вошли. Он с отвращением смотрел на всю обстановку, творящую в доме.

Если он собирается везде ходить со мной, то далеко я не продвинусь.

Похоже, единственные из нас, кому удастся отдохнуть – это Полли и Саманта, потому что обе исчезли в толпе, направляясь к напиткам. Мои ноги уже несли меня к ним в тот момент, когда Алан притянул меня к себе и закружил.

– Ты чего? Уже что-то принял? – я податливо покоилась у него в руках.

Тело парня содрогнулось от смеха.

– Нет, глупая, меня сейчас стошнит от этого всего, и ты единственная, кто меня успокаивает. Ты же не против, что я танцую с тобой?

– Конечно, нет. Что за вопросы, Алан? Я всегда «за».

– Всегда, – слишком грустно шепнул Алан, надеясь, что я не услышу его.

Он качал нас из стороны в сторону, намертво прижимая меня к себе. Даже когда пьяные студенты пытались пройти через нас, он все равно держал меня, дарил злой взгляд бедолаге, и тот с поражением обходил нас.

– Отпустишь меня, я схожу за напитками?

Алан тяжело вздохнул и нехотя выпустил меня из кольца своих мощных рук.

– Мне просто содовую.

– Сомневаюсь, что здесь есть обычная содовая без слабительных, алкоголя или наркоты, – рассмеялась я и ушла в том же направлении, куда недавно ушли Полли с Самантой.

На импровизированной стойке стояла множество стаканов, графинов, бутылок, и ни одной тарелки с едой. Какой идиот составлял меню на эту вечеринку? Взвешивая свою способность опьянеть от текилы, я держала руку напротив стопки шотов.

Позади меня донёсся тихий смех, который я услышала даже сквозь громкую музыку. Обернувшись, я подтвердила догадку: передо мной возвышался тот самый парень из раздевалки. Сейчас он выглядел ещё более сексуальным в расстегнутой на несколько пуговиц рубашке, обтягивающий штанах и с взъерошенными волосами. От его вида рот наполнился слюнями, которые я пыталась незаметно сглотнуть.

– Так ты у нас ни только любительница ходить без одежды, но ещё и алкоголик. Забавно выходит, – холодным тоном сказал незнакомый красавчик.

Почему, когда парень красивый, он обязательно должен быть таким ублюдком? Что с этим мужчиной не так?

– К твоему сведению я была в раздевалке после тренировки. Ты считаешь, что я должна была пойти в вонючих вещах,

пропитанных потом, в кафе?

Он раздражённо закатил глаза и скрестил руки на груди, подчёркивая накаченную грудь.

– Почему ты злишься? Я всего лишь пошутил, или я чего-то не знаю? А может ты начинаешь беситься, потому что хочешь меня? Прости, но такой, как ты, я точно не дам даже посмотреть на себя без футболки.

Простите, что? Этот парень только что сказал, что я не достойна его?

– Такая как я? Что прости? – гнев, снова направленный на этого идеального идиота, вырывался наружу. В такие моменты я бежала к Алану, чтобы он успокаивал меня, пока я не наделала бед, но сейчас я хочу сделать все наоборот. Я мечтаю надрать задницу этому высокомерному снобу. Прямо сейчас, твою мать.

Как только я собиралась надвигаться на него, чтобы ударить в челюсть, «великолепная» Полли решила пройти мимо и «случайно» вывернуть мне на платье содержимое ее стакана, который, удивительно, был полным.

Тупая сука.

– Мне не жаль, – сухо сказала Полли и ушла. За честность я попытаюсь не убить её сегодня, но насчёт завтра – сомневаюсь.

Спасибо платью, что оно не впитало в себя жидкость. Поэтому на зло Полли, я осталась более сухая, чем она себе представляла, когда придумывала план *«Как сжить меня со*

света».

– Да ты оказывается сплошной магнит для неприятностей, – гортанно рассмеялся парень, и, клянусь, если бы не была так зла на него, то растаяла бы от его смеха, как шоколадка под палящим солнцем.

– Все неприятности приключаются со мной, когда ты рядом. Может тебе стоит не попадаться мне на глаза? – рявкнула я ему, желая, чтобы он ушел и остался – одновременно.

– Сделай доброе дело – спрячь колючки, – равнодушно ответил он. – Может тебе стоит успокоиться и всё-таки выпить? Надеюсь, что это хоть как-то потушит тебя.

Кто он такой? Грёбаный Санта Клаус?

– Ты предлагаешь мне выпить с тобой? Серьезно? После того, как ты видел меня голой, ты просто хочешь напоить меня?

– Ты всегда так узко мыслишь? Ты не богиня красоты, и твои формы мне не понравились. Не в моем вкусе. Так что успокойся, бери свою задницу и пошли, – на одних пятках сексуальный придурок развернулся и сексуальной походкой пошел в сторону столов.

Что мы имеем на сегодняшний день: меня ненавидит Полли, которая отчаянно влюбилась в моего лучшего друга – Алана. То, что она пролила свой коктейль мне на платье, кажется, только начало; мой друг перестает быть похожим сам на себя, посылает мне многозначительные взгляды, и я вечно ловлю его внимание на себе; до жути странный ректор Хар-

рис хочет, чтобы я была в команде, по-честному не объясняя своих целей; преподаватель по искусству хочет, чтобы я продавала свои картины, но этого не хочу я, потому что не считаю их великолепными; самый сексуальный парень в мире с внешностью Бога и прекрасным телом видел меня голой, говорит, что я не в его вкусе, и предлагает мне выпить с ним. Спрашивается где. Где я в жизни так оступилась, что теперь буду жить с таким букетом красок жизни?

Алан был прав. Мне нужно срочно напиться и отдохнуть от первого дня в Принстоне. Если это – только начало, то я даже не знаю, что меня ждёт дальше. Я боюсь представить, что будет через полгода, через год и более. Но я точно знаю, что сейчас я безумно хочу находиться в обществе сексуального ублюдка без имени.

Я ведь даже не знаю, как его зовут.

– Я даже не знаю твоего имени, – крикнула я ему вслед, когда он уже скрывался из виду.

– Диего Фуэнтес.

Не задумываясь об Алане, Полли и Саманте, я двигаюсь за ним, расталкивая плечами танцующих людей.

Хорошо, Диего Фуэнтес, я надеюсь, что ты сможешь скрасить мою жизнь своими яркими красками, потому что я хочу, чтобы ты сделал это.

Как только я почти поравнялась с ним, телефон в сумочке завибрировал. Не останавливаясь, я на ходу вытащила его и открыла входящее сообщение.

«Поздравляю, мисс Грейс, Вы – капитан команды девушек по футболу. Ваш ректор, мистер Харрис.»

Блядь…

Глава 4

С протянутым и не самым приятным стоном, я открыла глаза, которые мне удалось разодрать с очень большим усилием. Чёртова голова была размером с воздушной шарик, и, кстати, была точно такой же хрупкой. Коснись её и произойдёт взрыв. Потерев глаза, я осмотрела незнакомую комнату, где по правую руку от меня развеивалась на сквозняке открытой двери балкона – лёгкая прозрачная тюль, поверх которой оставалась задёрнута темно-коричневая штора, но сквозь небольшую щёлку, пробивались солнечные лучи. И они не просто светили, твою мать, они выбрали тот самый угол и слепили мне глаза, тем самым помогая голове раскалываться даже не на две части, а сразу на миллион частиц.

Я. Больше. Не. Пью. Никогда.

Я не знаю, где я. Не знаю, кто я. И не знаю, какой сейчас, чёрт возьми, год. Я проклинаю себя за вчерашний выпитый алкоголь, но жалею ли? Нет. Было весело. У меня сейчас только одна проблема: в чьей кровати с нахожусь? На блок в кампусе явно не тянет, потому что такой роскоши в виде балкона там нет.

Кто бы тут ни жил – заботиться о моей одежде этот человек явно не собирался. Она валялась на полу, вероятно, не без моей помощи. Уверена, что скинула её сама. Вечером – мало заботил сегодняшний внешний вид. Я, собственно, во-

все не планировала просыпаться в чужой кровати, и уж тем более доме.

Подняв вещи с пола, я быстро натянула на себя одежду и потянулась к двери, откуда изначально высунула голову для разведки, а после чего, проскакала к входной двери напротив. Обувь долго искать не приходилось. Свои туфли я нашла сразу на полу у двери. И чудо, что в квартире было тихо, даже слишком тихо. Я даже слышала звук стрелок на часах. Кстати, о часах.

– Вашу мать! – заскрипела я зубами.

Через пятнадцать минут – мне нужно стоять на поле с командой, а я непонятно где и непонятно у кого.

Заглянув в телефон, я ещё раз выругалась и выскочила за дверь, которая была открытой, попутно включая карту, чтобы разобраться в месте своего нахождения.

Настоящим чудом и спасением для меня было то, что прибывала я в квартале от кампуса, до которого должна добраться максимум за пять минут, где переоденусь и упаду лицом в воду, которая приведёт его в порядок, потому что сейчас жесткое похмелье написано на моём лице и видно невооруженным глазом.

Через минуту, я прокляла свою обувь и стащила туфли с ног, взяв их в руку, галопом побежав к кампусу. Столько ошарашенных взглядов – мне еще поймать не удавалось. Такое чувство, что бежала я не без обуви, а с ней, но без одежды.

Преодолев путь за шесть минут, я с отдышкой скакала по ступенькам к кампусу, после чего на нужный этаж, и ещё дальше к комнате, где должна была сегодня ночевать, и не только сегодня. Это моё место дислокации на четыре последующих года. Нужно запомнить и постоянно напоминать себе об этом, а лучше, сделать татуировку в виде адреса, куда меня нужно доставить при непредвиденных обстоятельствах.

Вроде тех, что были вчера.

Увидев меня на пороге, Саманта открыла рот и шокировано оглядела меня с ног до головы, не издавая и звука. Да и мне некогда было чесать языком и вдаваться в подробности, которых я абсолютно не помню.

Быстро скинув вчерашнее платье, и натянув первые попавшиеся вещи, я, не дожидаясь вопросов от Саманты, которая уже открыла рот – выскочила из комнаты, словно ошпаренная. У меня нет и секунды, чтобы поговорить с ней. Да и что рассказывать, если в моей голове непробиваемый вакуум.

Через несколько минут – я уже открывала двери женской раздевалке в университете, где было пусто.

– Чёрт! – взревела я, вновь скидывая с себя одежду, чтобы натянуть форму.

Чёрная форма, по бокам которой тянулась пара лампасов оранжевого цвета, и повторяющие этот оттенок цифры на спине – села настолько упруго, что каждую косточку и из-

вилинку на моём теле, можно было увидеть даже из космоса. Собрав волосы в хвостик, я шлёпнула дверцей шкафчика, которые загрохотал так, что барабанные перепонки полопались. И в этот момент передо мной в зеркале отразилась Кунг-фу Панда, которую я напугалась. Мой внешний вид был далёк от королевского. И будь сейчас родители рядом, от меня бы смело написали отказную.

Вытерев остатки бывшего макияжа с лица, я рванула на поле, куда уже опоздала на четыре минуты и двадцать две секунды. Будь я проклята, потому что сейчас сама себе кажусь недоразумением в виде капитана команды.

Выбежав из дверей, я, спеша, направилась к команде, которая уже в полном сборе разминалась. Чёрт. Я точно опоздала даже на знакомство.

Скорей всего новый тренер свернёт мне шею одним пальцем, судя по широкой спине вдали, где прыгали девочки. Видимо, мистер Харрис не шутил, когда говорил о замене той сучки, которой я так и не успела надрать задницу. Будь он проклят дважды.

– Извиняю… – начала я, когда ко мне повернулось вчерашнее лицо.

– Какого хрена ты тут делаешь? – свёл он тёмные брови на переносице, расставив руки по бокам и выгнув бровь. Чёрт возьми, но я проглотила слюну от одного вида на его мускулистые руки, которые были напряжены.

– У меня тот же вопрос, придурок. Какого хрена ты тут

делаешь? Я – капитан этой команды.

– Поздравляю, а я тренер этой команды, – сухо ответил он, от чего я подавилась выделившейся слюнной и воздухом, который не дошёл до лёгких, а завис где-то не в том месте.

Взгляд мой прошёлся по девочкам, которые с интересом наблюдали за разворачивающейся картиной. На лице Донны отразилась куча немых вопросов: *где тебя носило? Что с твоим видом?* И, конечно, самый главный: *капитан?*

Решив ответить на них после тренировки, следом мой взгляд метнулся на девушку, чьё имя я отлично запомнила со вчерашнего вечера – Полли.

Насколько тесен мир?

Вот же она, сучка-Полли собственной персоной, метающая в меня невидимые ножи, о которой лепетала на днях Донна, а ещё и по забавному стечению обстоятельств – лучшая подруга моей соседки, которая, кстати, мне очень симпатизирует до тех пор, пока рядом с ней не возникает эта выскочка. И вот же самое весёлое: придурок, нахамивший мне в раздевалке, когда я была голой и безоружной, на вчерашней вечеринке – тренер команды. На этом шутки закончены или сейчас откуда-то должен выпрыгнуть чувак с камерой и сообщить о том, что я, мать вашу, приемная!?

Открыв рот, я начала хлопать губами, хватаясь за воздух. Чёрт возьми, я была у него дома. Воспоминания резко обрушились на голову с такой силой, что меня могло легко вкрутить в землю, как шуруп. Я страдаю склерозом и амнезией

одновременно. Он ведь говорил вчера, что знает меня. В какое дерьмо я вляпались так и не успев начать обучение и выиграть первый матч?

Кажется, этот придурок догадался о ходе моих мыслей, потому что в один шаг сократил расстояние между нами и ухватил мой локоть, потащив в сторону.

– Ничего не было, – прохрипел он, снова расставив руки по бокам, – ляпнешь кому-нибудь, и я лично вырежу тебе язык, обмотав вокруг шеи.

– Надеюсь, вокруг своей, – поморщилась я, бросив в него взгляд отвращения, – и приятно познакомиться, *тренер*, – чересчур заносчиво выделила я название его должности, – футбольные правила объяснять не буду, раз уж Вас наградили подобным званием.

– Мелтон! – грубо рявкнул он, когда я зашагала к команде, удивлённо наблюдающей за нами. Лучшим решением было то, что я, не глядя, показала ему средний палец и заняла место рядом с Донной, челюсть которой, была готова отпасть. Собственно, не только у неё. Все смотрели на меня, как на сумасшедшую и прокаженную, и лишь сучка—Полли до сих пор метала ножи, на что я закатила глаза и вытянула руки вверх, чтобы потянуться.

Откинув все эмоции, которые бушевали во мне секунду назад, я начала разминаться, пока остальные с долей ужаса и шока смотрели на меня, как и придурок, вернувшийся на место. Я не люблю лишних драм на тренировках.

– Я не поняла, – жёстким тоном заявила я, вернув корпус в вертикальное положение и оглядев толпу, – вы сюда пришли играть в футбол, а не на спектакль. Я не потерплю лени, прохлаждения и нытья. Хотите драму – валите с поля в театральный кружок. Я понятно изъясняюсь?

– А ты кто такая, чтобы решать за всех? – объявила о себе моя милая сучка—Полли.

– Мне нужна ватная палочка, чтобы вытащить серу из её ушей, потому что она плохо слышит, – бросила я, – ещё раз повторяю, я – капитан команды. Не согласны – валите нахрен с поля. Я никого не держу. Либо работаем и побеждаем, либо чиркаем в тетрадочках записки о любви. Всю личную жизнь – мы оставляем за белой линией на траве. Все учебные моменты – мы оставляем за белой линией на траве. Всё то, что касается команды и игры – мы решаем здесь и сейчас, и это не выходит за линию поля. Всем понятно?

– Да, – в один голос ответили девочки, из-за чего моя оппонентка помрачнела и лишилась дара речи. То-то же, сучка. Никакого личного дерьма. Только спорт, когда мы собираемся тут. И судя по дружному тону – команда признала меня лидером. Так-то лучше, одна выскочка – не вся команда, я быстро верну эту принцессу с небес на землю.

– Тут я тренер, – вступился наш доблестный придурок—рыцарь.

– Какого чёрта команда прохлаждается, тренер? – выгнула я бровь, устремив в его сторону холодный взгляд, который

вмиг превратился в кипящий от жара, потому что чертова красная майка сидела на нём лучше, чем идеально.

– Повторяюсь для опоздавших, – с насмешкой, произнёс он, окинув взглядом девочек и меня в том числе, на которой остановил взгляд более положенного, – я – тренер Фуэнтес, а теперь продолжаем работать.

Закатив глаза на воодушевляющую речь, я вновь опустила корпус вниз и потянулась ладонями к траве, расставив ноги на ширине плеч.

– Мы кто: проститутки или стриптизерши? – спросила я у Донны, которая занялась тем же.

– Уже второй год эту форму выбирают в качестве основной, – вздохнула моя новоиспеченная подруга.

– Я сожгу всё это тряпьё для шлюх, и уведомлю Харрисона, что в этом команда играть не будет никогда. Я не собираюсь трясти сиськами перед кучкой идиотов, глазеющих с трибун и крича не самые доблестные комментарии.

– Давно пора, – кивнула она, завернув в мою сторону голову, – когда ты успела стать капитаном?

– Вчера. Мистер Харрис торжественно вручил мне данную должность, когда я преклонила перед ним колено, а он постучал мечом по моим плечам во время вечеринки в братстве.

– Грейс, – засмеялась Донна, качая головой, – Полли закопает тебя по центру поля, где разыгрывается мяч.

– Пусть готовит лопату, сучка, – торжественно улыбнулась

я, размахивая руками из стороны в сторону.

Вероятно, мой ответ – устроил Донну даже больше положенного, судя по широкой улыбке на её лице. Что ж, меня всё устраивает не меньше, кроме чёртого горяченького тренера, бродящего вокруг нас, словно надзирателя в тюрьме для особо опасных преступников.

Абстрагировавшись от внешнего мира, я занялась тем, чем занималась всегда и с удовольствием: спортом. Кроме того, что он помогает избавиться от накопившихся эмоций, как и рисование – помогает ещё и держать тело в отменном состоянии. Если для кого-то идти в зал и изнурять себя круговыми тренировками – считается адским и вынужденным занятием, то для меня фантастическим времяпровождением. Благодаря подобной любви, я с упоением могу наворачивать сладкое, совершенно не задумываясь на счёт каждой килокалории.

– Грейс, – шепнула Донна. Её щеки пылали, а взгляд был робкий.

– Что? – не отвлекаясь от тяги к ногам корпусом, спросила я.

– У нашего тренера стояк, – безумно тихо сказала Донна.

Я проследила за её взглядом, направленным на горячего придурка. У него и впрямь стояк, который он тщательно пытается скрыть книжкой с нашими именами.

– Боже, Донна, какого хрена ты смотришь на его член?

– Эй, это не я смотрю. Это он на меня смотрит. И у него

встал на тебя, Грейс.

– Что?! – ахнула громче положенного, чем привлекла к себе внимание некоторых девочек.

– Он смотрит всю разминку только на тебя, – хихикнула Донна.

Что-то внутри меня ликовало, но я лишь закатила глаза и издала рвотный звук. Склонив тело к ногам, я постаралась выделить грудь, которую закрывал коротенький топ. Поднявшись с земли в вертикальное положение, я повторила упражнение, которым занималась изначально.

Поиграем, придурок.

Повернувшись боком, я ещё раз выгнулась и склонилась корпусом к ногам, потянувшись ладонями к траве. Сейчас я уже чувствовала на себе тяжелый взгляд, и честное слово, мне хотелось хихикать, словно какой-то малолетней девочке, на которую смотрит мальчик.

– Заканчиваем, – раздался довольно резкий и громкий хлопок ладоней, из-за чего я еле сдержала смешок.

В каком месте он заканчивает?

Повернув голову к Донне, давящейся смехом, который рвался наружу в виде слёз, я и сама еле удерживалась от подобного рода занятия. Искоса я заметила, как одной рукой придурок потёр лоб, видимо, от пота.

– Это было что-то, – прыскала Донна.

– Ты о чём? – свела я брови, создавая непонимающий и непринуждённый вид.

– Хорошее шоу, Грейс, – проворковала она, сквозь слёзы, которые смахивала с лица.

– Было весело, – сдалась я и захихикала следом, – у тебя есть вода?

– Только не говори, что ты хочешь вылить её себе на голову и грудь.

– Нет, всего лишь попить, вчерашняя вечеринка прошла на славу, и сегодня я поклялась больше не пить. Снова.

Кивнув головой, Донна сделала несколько шагов и подняла одну из бутылочек, покоящихся на траве, которую следом вручила мне. Несмотря на то, что знаем мы друг друга буквально сутки – по её лицу я видела, что веры мне не было. Донна точно уверена, что я не просто сделаю глоток. Что ж, она права.

Послав ей хитрую улыбку, которую она сразу поняла и раскусила, я поднесла бутылочку к лицу и сделала хороший глоток, из-за которого вода проскользнула мимо рта и закапала на грудь. С нужной стороны, до уха донеслись покашливания от человека, для которого и было устроено сие шоу. Вернув бутылочку Донне с ликующим лицом, я смахнула остатки капель с груди и подняла глаза в сторону тренера, вопросительно выгнув бровь, потому что тёмные глаза смотрели прямо на меня.

Ты проиграл, придурок.

Из-за выражения моего лица, наилюбимейший тренер вновь вернул маску безразличия и хладнокровность на лицо,

вдруг проявив интерес к девочкам, спрашивая их о положениях на поле, которые они занимали в школе. Теперь я точно убеждена, что картина в раздевалке ему понравилась, как и моё миленькое шоу сегодня. Его нижний дружок выдаёт его с потрохами.

После тренировки, которую устроил для нас Диего, все хотели выплюнуть лёгкие на землю, кроме, конечно, меня. Я люблю подобные нагрузки, потому что сама никогда не давала спуску команде.

Главное не победа, а участие?

Засуньте это выражение себе в задницу. В данном случае, для меня существует только победа. Спорт – это то, где я легко побеждаю, потому что реальная жизнь мне не предоставляет таких шансов. Скорей всего, родители тоже руководствуются подобным правилом, применяя его на мне.

Найдя кабинет с холстами и красками, я взяла нужные для себя предметы и направилась на поле, где была максимум полчаса назад. Даже несмотря на выброшенные эмоции на поле, а именно те, которые заставляет меня испытывать хренов Фуэнтес, я чувствую не полную опустошённость, и для этого у меня есть выход в виде красок.

Пустота и городской шум – вот моя идеальная мелодия, но ещё идеальней та, что я включу в наушниках. Вставив пару белых капель в уши, я нашла песню подстать настроению Paramore – Misery Business и поудобней разместилась на траве, сложив ноги по-турецки, куда положила свеженький

холст. На самом деле, сидеть под эту песню мне абсолютно не хотелось, но, если я начну прыгать по полю размахивая головой и выкрикивая текст песни, находясь в наушниках – меня сочтут за психически-неуравновешенную.

Первый взмах кистью с красной краской, которая олицетворяет сегодняшний день: такой же броский и через чур яркий, режущий глаза. Из-за Фуэнтеса, мне совершенно не хотелось выводить нежные линии кистью, мне хотелось швырять ею, и желательно в лицо чёртового горячего тренера. Пусть катится прямиком в ад.

Надавив на кисть с такой силой, из-за которой холст чуть ли не порвался, а кисть не сломалась – по правую руку от меня возник никто иной, как творец моего дерьмового настроения после тренировки.

– Что за мазня? – выгнул он бровь, нависая надо мной. И чёрт побрал, потому что моё лицо было практически на уровне его паха.

– Убери от моего лица свой член, придурок, – наиграно поморщилась я, – и это называется абстрактный экспрессионизм, а не мазня. Мазня – это то, что ты чертишь на своём листочке в виде тактического плана на игру.

– Прибереги свои коготки, Грейси, – сухо ответил он, на что я скривилась в лице, которое стало пунцовым и ледяным. Так меня называют родители.

Грейси.

Хренова Грейси осталась в Лондоне. Засуньте её куда по-

дальше и несколько раз прокрутите против часовой стрелки. Даже собачью кличку, данную мне Аланом в виде Гри – я люблю больше, чем сраную Грейси. Это придурок начал рыть яму, которую я залила бетоном, железом и свинцом в одной смеси.

– Гри! – послышался голос моего лучшего друга, в сторону которого тут же завернули свои головы я и Диего.

Чувство стыда окатило меня ледяной водой. Вчера я пошла за содовой и чем-то для себя, так и на вернувшись назад. Зная Алана, друг наверняка изморочил свою голову в догадках и поисках меня, пока я отжигала с чертовым тренером, член которого так и продолжает находиться на уровне моих глаз. И провалиться мне под землю, если ночью он побывал во мне.

– Твою мать, Гри, тебя где носило? – вздохнул Алан, когда подбежал ко мне и резко поднял за руку, привлекая в тёплые объятия, – я чуть ли голову не сломал. Ты вообще знаешь, что такое мобильник?

– Спроси у сучки, которая изволила окунуть моё платье в ядерной смеси, которую влили в её стаканчик, – первый раз соврала я другу, точней, сказала правду, но не всю.

– Здравствуйте, – сказал Алан, обратившись к тренеру, стоящему рядом с мрачной миной на лице и горящими то ли яростью, то ли пустотой глазами.

– Добрый день, – прохрипел Фуэнтес, испепеляя взглядом Алана.

Он вообще умеет улыбаться или это его постоянное выражение лица?

– Я дико волновался за тебя, Гри, – вновь притянул меня в свои объятия Алан, которые я с удовольствием приняла, видя, как мрачнеет лицо Диего. Серьёзно, ничего не могу с собой поделать, но мне так нравится выводить его из себя, будь то небольшое стриптиз-шоу или объятия друга.

– Готова искупить вину и накормить нас в кафе, – довольно улыбнулась я, искоса взглянув в сторону Диего, чей взгляд застыл и сверлил дыру теперь во мне, из=за чего я решила подлить масла в огонь, – ночь была отвратительной, собственно, как и вечер.

– Ладно, но кафе выбираю я, – улыбнулся Алан своей искренней улыбкой и оставил поцелуй на моей макушке. И пусть меня простят небеса, но я так была рада получить его поцелуй именно сейчас.

– Согласна, – энергично кивнула я и расплылась в улыбку, которую послала Алану, а, следом, повернула лицо в сторону тренера, на шее которого вздулись вены. Если меня не обманывает слух, он даже рыкнул.

– Я помогу тебе, – отстранился Алан, подняв с травы набор для моего творения, которое так и осталось не начатым. Но оно и не нужно, ведь я уже выбросила эмоции от тренировки и получила новые сейчас. За это, дорогу в ад для меня покроют красной ковровой дорожкой, а сам Люцифер преклонит колено, позволяя ступить на порог преисподней.

– Всего доброго, – проворковала я, когда Алан подхватил всё в одну руку, а вторую закинул на моё плечо. Могу сказать о том, что я полностью прощена уже сейчас. Алан слишком снисходителен ко мне даже там, где этого делать не стоит.

Тяжелый взгляд Диего – я чувствовала весь путь до дверей университета. Только тогда, когда наши спины скрылись с горизонта тёмных глаз, я скинула руку Алана и улыбнулась, показав язык и скорчив рожицу. Друг явно не догадывается о том, где только что побывал. Меж двух огней, если быть точным.

Глава 5

Вернув на место художественные принадлежности, я положила холст с кривой линией на стол. Вдруг повезёт, и войдя сюда кто-то завтра, сочтёт это за шедевр, тем самым вознеся меня до уровня Марка Ротко, с его картиной «Красный, коричневый и чёрный». Могу даже название дать «Красный на белом». Всё гениальное просто.

– Хотелось бы для начала забежать в блок, чтобы упасть лицом в косметику, – вздохнула я, повернув лицо к Алану, шагающему рядом.

– Я ужасно голоден, Гри, и у меня есть пакет, – пожал он плечами.

– И к чему нам пакет?

– Мы наденем его на твою голову и вырежем пару дырочек, – улыбнулся он.

– Почему пару? – захихикала я, – я же задохнусь, поэтому, мне нужна вторая пара для носа.

– Я вырежу столько дырочек, сколько тебе заблагорассудится, – подмигнул друг, вновь закинув руку на моё плечо. Клянусь, он начинает пугать моя подобными частыми объятиями, – что хотел от тебя тренер?

Хотелось бы мне сказать, что было утром, и что сейчас практически болталось у моего лица, но я сдержала свой порыв.

– Как тебе вчерашняя вечеринка? – быстро сменила я тему.

– Ты бросила меня и за это кое-что должна, – тихо засмеялся Алан, остановившись посредине тропинки, заставляя окружающих обходить нас.

– Что?

– Я хочу тебя кое-куда пригласить, – улыбнулся он, посмотрев на меня, на что я вскинула брови и улыбнулась в ответ. Я ещё толком не видела город и надеюсь, что это именно то приглашение прогуляться.

– Куда?

– На свидание.

– С кем?

– Со мной, Гри, – вздохнул Алан.

– Ты кого-то пригласил на свидание и хочешь, чтобы оно было двойным?

– Господи, Гри. Нет. Ты и я. Я приглашаю тебя на свидание

Открыв рот, я глазела на Алана, словно припадочная. Кажется, что слух сейчас начал меня подводить. Я даже встряхнула головой, чтобы убедиться в точности услышанного.

Мой лучший друг приглашает меня на свидание.

– Алан, я.. – забубнила я, но телефонный звонок оборвал меня, так и не позволив договорить.

Незнакомый номер высветился на экране, из-за чего я тупо уставилась на мобильник. Вряд ли я успела оставить свой

номер кому-то в Принстоне, разве если только не на вчерашней вечеринке. От одной мысли, что звонок от Диего – меня кинуло в жар. Дрожащей рукой, я смахнула подступившие капли пота с лица, когда Алан посмотрел на меня с замешательством и смятением. Вряд ли бы друг приглашал меня на свидание, если бы знал, в чьей кровати я была с утра. Но это я оставлю при себе.

– Да, – приняла я звонок.

– Мисс Мелтон, это ректор Харрис, – заговорил мужской голос, и я непроизвольно поморщилась. Это точно не Диего. В какой-то степени, подобное меня даже разочаровало.

– Слушаю, – поменялась я в голосе на твёрдый и уверенный.

– Я должен поговорить с Вами прямо сейчас. Жду в своём кабинете.

Ни приветствия, ни прощания. Он вообще знаком с правилами этикета и вежливости? Вероятно, стоит напомнить ему о подобных изречения и желательно, если данные слова он будет вставлять в начале и в конце своей речи.

– Мне нужно к ректору.

– Мы пообедаем и сходим, – кивнул Алан.

– Нет, – покрутила я головой, – мне нужно к нему прямо сейчас.

– Гри, что происходит? – свёл брови Алан, пытаясь найти ответы, но по моему лицу было видно, что сейчас я не шучу. Мне нужно быть в кабинете прямо сейчас, – я отпущу тебя,

при условии, что ты согласишься.

– Хорошо, – автоматически кивнула я, из-за чего губы Алана дрогнули в улыбке. Притянув меня в объятия, которые теперь не считались дружескими, он оставил поцелуй на моей голове и сделал шаг назад.

Выдавив слабую улыбку, я понеслась со всех ног к дверям университета с полу дрожащими коленями.

Меня совершенно не беспокоит то, из-за чего я была вызвана в срочном порядке на ковёр ректора. Плевать, устроила ли я что-то вчера или в принципе за эти два дня. Диего явно непохож на того, кто будет бежать к ректору и жаловаться на студентку. Хотя, с чем чёрт не шутит, и этот с виду грозны и холодный мужчина, на самом деле тонкая и ранимая душа. Я даже засмеялась над собственными рассуждениями, пока бежала. Прямо-таки представляю, как этот мужлан вытирает слёзки платочком. Но сейчас не до этого. Когда мой лучший друг успел миновать черту дружбы в парня, который приглашает меня на свидание. Как я вообще не заметила столь сильной перемены?

Я готова к чуваку с камерой и объявлению меня приёмной. Это не иначе, как хреновы шутки, которые всё никак не могут прекратиться.

Добежав до деревянной двери с золотистым прямоугольником, где разместилась фамилия ректора, я дёрнула ручку. Как никак, этот звонок спас, но что-то мне подсказывает, что ещё он только усугубил и без того не красочную ситуацию.

Достаточно просторный кабинет с громоздкими шкафами встретил меня теплотой своей атмосферы. По правой стороне, полу дугой разместился стол, сидящая женщина за которым, тут же устремила на меня взгляд зелёных глаз.

– Мисс Мелтон, добрый день, – приветственно улыбнулась она.

Тут что, каждый человек знает моё имя и фамилию?

Я как чёртов Гарри Поттер, который известен всему волшебному миру с рождения. Стоит взять канцелярский нож и вырезать у себя на лбу молнию, чтобы наверняка почувствовать себя в мире магии.

Обойдя стол, она открыла передо мной дверь, которая разместилась по левую сторону от её стола и освободила для меня путь. В какой-то момент, мне даже захотелось потребовать красную дорожку, но я удержала свой порыв нагрубить. Это ведь элементарная вежливость и выполнение рабочих обязанностей, из-за такого не стоит портить настроение ни себе, ни женщине рядом. Она ведь не заслужила мои насмешки.

– А, мисс Мелтон, приветствую Вас, – деловито улыбнулся мистер Харрис, проведя пятерней по волосам, заправляя их назад. Вот тут, я уже прикусила язык, как только открыла рот, потому что язвительные замечания на счёт приветствия так и рвались наружу. Сударь изволил поздороваться.

Жестом указав на массивное деревянное кресло с мягкой обивкой перед собой, мистер Харрис, кажется, расслабился

и напрягся одновременно, судя по дёргающейся улыбке на его лице. Не удивлюсь, если вчера я тоже устроила шоу, но сегодня уже не помню о своих проделках. Как и говорилось мной: алкоголь – зло, под ним я не контролирую саму себя. Если этой ночью между мной и Диего всё же что-то было, то я даже не удивлюсь. Пусть этот козёл хотя бы признается.

– С какой целью я понадобилась Вам прямо сейчас? – начала я, потому что его глаза бегали по мне, рассматривая каждый дюйм тела.

Клянусь, если ты хочешь трахнуть меня на этом столе, то я лично выбью из тебя всё дерьмо.

– Как Вы знаете, мисс Мелтон, – начал он, вновь выделив мою фамилию, что жутко раздражало, – на следующей неделе пройдёт первый футбольный матч.

– На следующей неделе? – ахнула я, выпучила глаза. Я надеру задницу этого испанца, как только он появится на горизонте.

– Тренер Фуэнтес не говорил Вам об этом?

– Нет, – проскрипела я зубами.

– Что ж, я скажу: на следующей неделе пройдёт матч между командами нашего университета и колумбийского. Надеюсь, Вы понимание, чего я желаю?

– Надрать их задницы? – выгнула я бровь, всё ещё яростно пыхтя из-за хренова тренера, который, по-видимому, решил уведомить нас об этом за час до матча.

Храни Боже твои яйца, Фуэнтес, потому что я готова

их отрезать.

– Безусловно, – кивнул мистер Харрис.

– Будет сделано, это всё? – обратилась я, поднимаясь с места.

– Не торопитесь, – улыбнулся он, – хотелось бы узнать, как Вы чувствуете себя в нашем университете и нравится ли Вам команда?

– Мне всё нравится и устраивает, – сухо ответила я, хотя жутко желала добавить, что моё положительное мнение длится до тех пор, пока он не пристает ко мне со слишком раздражающими расспросами, которые я принимаю за двусмысленные, – это всё?

– Вероятно, Вы торопитесь, мисс Мелтон. Не смею Вас держать.

Пробубнив прощанье, я поблагодарила Бога, что этот разговор завершён. Меня настораживает подобный откровенный интерес к своей персоне, ещё не хватало того, чтобы он метил в мои папики. Боюсь, но для того, чтобы я легла под него – не хватит всего алкоголя в мире.

Ярость вновь закипела в груди, и я уже знала, куда меня понесут ноги. Туда, откуда меня увёл Алан – поле, где я хотела избавиться от скопленных эмоций. И, чёрт возьми, дай долгой жизни тому, кто вновь решит мне помешать.

Захватив новый холст и краски в кабинете, где уже дважды была в течение этого часа, я твёрдым шагом направилась в сторону поля. Стук моих ног эхом отдавался в пустых

стенах университета, что даже было хорошо, мне точно никто не должен помешать. Надеюсь, что все вымерли на ближайшую пару часов, иначе я лично позабочусь об апокалипсисе.

Заняв то самое место, я вновь засунула наушники в уши, включила музыку и положила холст на колени.

Какова же была моя радость и облегчение, когда мне всё же удалось перенести эмоции во внешний мир с красками, занимающими место на траве по правую руку. На протяжении пары часов, я чувствовала взгляды на себе, но не придавала этому значение. Мало ли, кто решил попялиться на меня.

Отложив холст в сторону, я выдохнула и расслабилась на траве, расставив руки позади себя и вытянув ноги, подставив лицо под тёплые солнечные лучи.

Одиночество иногда очень полезно. Невозможно постоянно слушать болтовню у своего уха, либо же вовсе переносить чьё-то присутствие рядом. Мне искренне жаль людей, которые не наслаждаются подобными минутами наедине с самим собой.

Открыв глаза, я снова встретилась с нависающим Диего надо мной.

– Ты хренов неуловимый мститель, который уже второй раз подставляет своего дружка к моему лицу, – поморщилась я, – сделай шаг в сторону, и желательно в сторону кабинета.

– Поверь, последнее, о чём я думаю, как бы подвести его

к тебе, – холодно выплюнул он слова.

– Либо проваливай, либо я надеру твой зад по причине того, что оставалась не в курсе игры на следующей неделе.

– Не хотел поднимать панику, Грейси.

– Ещё раз произнесёшь подобную кличку, и я перережу тебе горло палитрой, Фуэнтес.

Клянусь, что на лице Диего проскользнула тень улыбки после моих слов, но он быстро взял эмоции под контроль и вернул маску отстранения на лицо.

Решив ответить тем же равнодушием, я выпрямилась и расправила одежду, после чего подхватила краски с травы.

– Парнишке явно с тобой повезло, – бросил он мне в спину, из-за чего я резко повернулась на пятках к хренову горячему тренеру.

– Ещё раз упомянешь моего друга в своей речи, и язык отрежу тебе уже я.

Брови Диего дёрнулись, а я вновь продолжила свой путь. Не знаю, почему я просто не сказала имя Алана, а назвала его другом, но что сделано, того не исправить. Теперь ему точно известно, что между нами дружба, а в моей душе поселилась какая-то непонятная надежда того, что он обратит на меня внимание не только как на объект для насмешек, но и девушку. Сейчас я переступаю границу учителя с учеником, но ничего не могу с собой поделать. Он влечёт меня больше положенного. И с сегодняшнего утра, я убеждена, что это взаимно. Не даром Донна уловила момент на тренировке.

– Чёрт, Грейс, тебя где носит вторые сутки!? – подскочила Саманта с кровати, как только я появилась на пороге комнаты.

– В аду, если быть точной, – поморщилась я, бросив сумку на кровать и упав следом.

Нависая надо мной, Саманта рассматривала моё лицо, словно я под ножом хирурга, который решает вырезать лучшую часть на теле.

– Я ничего не помню, – покрутила я головой, – можешь даже не спрашивать. Единственное, что могу сказать: я проснулась в чьей-то квартире голой и поскакала на тренировку.

– Сколько ты вообще выпила? – удивлённая моим ответом, вскинула брови соседка.

– Этого я тоже не помню, – выдохнула я, – но знатное количество. Я вообще пить не умею. Хотите меня в здравом рассудке – не давайте мне ничего, где больше четырёх градусов.

– Я запомню, – кивнула Саманта, а я поднялась с кровати и подхватив полотенце с ванными принадлежностями, поспешила под душ, который смоет этот поганый день с корнем.

Не знаю, сколько я могла простоять под тёплыми струями ещё, если бы голову не начало клонить не в ту сторону. Мысли заострились на Диего: его руках, по которым бежали линии вен, мускулах, которые я желала потрогать, щетина, о которую я хотела потереться щекой и футболка, под которой

скрывается тело Бога. Закрыв глаза, я повела рукой вдоль тела к тому месту, где всё завязалось в узел и было готово вспыхнуть. Вторая рука устремилась к груди, но представляла я ладони человека, с кем быть непозволительно, а то и вовсе нельзя.

– Грейс! – раздался голос Саманты, как гром среди ясного неба, из-за чего я резко скинула с себя руки.

– Да? – с дрожью в голосе, отозвалась я, боясь, что была поймана с поличным.

– Алан пришёл и ждёт тебя.

– Иду, – вздохнула я, вспомнив друга, которому обещала разрушить нашу дружбу то ли любовными отношениями, то ли разбитым сердцем.

Алан оставался Аланом: заботливым, смешным, отзывчивым и дружелюбным, чего не сказать обо мне, потому что я вытащила колючки, замечая блестящий взгляд друга на себе.

Парочку часов, мы просто болтали с Самантой и Аланом, пока они рассказывали мне вчерашние события на вечеринке, которые я, к сожалению, не знаю или не помню.

Какой-то парень на спор разделся и бегал по крыше близлежащих домов абсолютно голым, девушку с третьего курса накачали алкоголем так, что она блевала дальше всего, что видела. Надеюсь, эта сумасшедшая не получила спиртной удар, как солнечный, и сейчас жива, и здорова. На свете много ублюдков, готовых воспользоваться подобной удачей не только в сексуальном плане, но и с целью вымогательства

какими-нибудь не самыми лучшими снимками. В таком случае, девушке обеспечен позор и жизнь в клетке.

Нашу лёгкую и непринуждённую атмосферу нарушила сучка—Полли, вломившаяся в комнату так, словно она её собственность.

– Мы идём? – улыбнулся мне Алан.

– Идём, – кивнула я.

– И куда вы? – вступила Саманта.

– Свидание, – подмигнул ей друг, а Полли посмотрела на меня так, что в её глазах от меня не осталось и мокрого места.

Выкуси, сучка.

Не знаю, чем я кичилась, потому что ничего хорошего из этого не выйдет. Хотя, кто знает. Мы знаем друг друга с детства. Мы – лучшие друзья. Он всегда был рядом, но чувствую ли я к Алану романтические чувства? Нет. Я совершенно не понимаю, какие нужно подобрать слова, чтобы он понял моё отношение, но, видимо, их придётся найти.

Заняв место в уютном кафе, куда меня привёл Алан, я уставилась в меню.

На самом деле, чувствовала я себя не в своей тарелке, хоть и находилась с ним. Отношения между нами изменились и это полностью моя вина.

Ещё хуже мне стало тогда, когда, подняв глаза, я застала Диего с девушкой, вошедшей в кафе. Мне захотелось провалиться сквозь землю на том же месте, где я сидела пятой

точкой.

Она, чёрт возьми, красива. Невероятно красива и примерно моего возраста.

Легкие светлые локоны ниспадали на её плечи чуть выше груди, обворожительная улыбка, которую она посвящала ему. И будь я трижды проклята, потому что он делал то же самое, смотря на неё.

Диего и улыбка, такое вообще возможно?

Чёрная футболка облегала каждый бицепс его тела, как и джинсы, которые прятали то, что я так желала увидеть. Девушка с ним настолько миниатюрна, что обогнуть её талию – Диего удастся лишь одной ладонью. В горле застыли рвотные позывы, когда они заняли столик.

Я имела бешеное желание пересесть на другую сторону, чтобы не видеть лица своего тренера, который занимал диванчик через один стол от нашего. Что-то внутри меня бушевало и выводило из себя. Я практически не слышала рассказа Алана, занимающего место, напротив. Впервые в жизни я позволила себе абстрагироваться и не послушать друга. Мне стыдно, но я лишь кивала головой где, то было необходимо, пока мой взгляд впивался в затылок девушки напротив Диего.

В лёгкие и вовсе перестал поступать кислород, когда он оголил идеальные зубы, растянувшись в улыбке, смотря на свою собеседницу. Слишком быстро воздух в помещении наэлектризовался, а мне стало так душно, как никогда ранее. В

эту же секунду я подскочила с места и промямлила какие-то невнятные извинения для Алана о том, что мне необходимо на свежий воздух.

– Гри, – остановил он меня, когда я уже поравнялась с ним, – всё в порядке?

– Да, – слишком быстро и не естественно закивала я, – мне нужно на свежий воздух. Я вернусь через несколько минут.

Отпустив руку, Алан проводил меня взглядом, который я чувствовала на своей спине до тех пор, когда дверь за мной не закрылась.

Путь мой лежал через столик Диего и его спутницы, чёрт меня подери, но каким-то непонятным способом мне удалось вскинуть подбородок и пройти мимо, зацепив тёмный взгляд тренера. Одним взглядом – он делает так, чтобы всё моё нутро затрепетало, а колени подкосились. Но я успешно создаю вид безразличия.

Только выйдя на улицу, я наконец-то более-менее выдохнула и пустила воздух в лёгкие, которые успели высохнуть за несколько минут в кафе. Отойдя ближе к небольшому проёму между кирпичными зданиями, я облокотилась спиной на стену и подняла голову к небу, закрыв глаза.

К счастью, время было позднее и тёмное, по этой причине на улице практически не присутствовало народу, что было мне только на руку. Мне не нужны лишние вопросы: *с Вами всё в порядке? Вы живы? Вам помочь?* Со мной всё очень даже в порядке, просто в одном помещении со мной, нахо-

дится человек, который заставляет моё тело не повиноваться мне так же, как и разум. И этот человек, мать твою, с какой-то сукой. Слишком молоденькой и хорошенькой сукой. Пусть она пылает огнём вместе с ним.

Жадно наполняя лёгкие кислородом, я отчаянно пыталась найти в себе силы вернуться назад, но ноги приросли к плитке и не позволяли сдвинуться с места.

– Будь ты проклят, слишком горячий Фуэнтес, – еле слышно, пробормотала я, хватая воздух губами.

Рядом с моим ухом прозвучал щелчок пальцев, отчего я резко распахнула глаза и встретилась с взглядом Диего, который смотрел на меня выпуская сигаретный дым, который тут же уносился прочь вместе с ветром.

– Что? – сипло прохрипела я, после чего откашлялась.

– Не издавай таких звуков, – резко сказал он и дрожащей рукой поднес сигарету ко рту.

Сглотнув, я попыталась успокоить бешеное дыхание, которое всегда становилось таковым рядом с Диего.

– Каких? – я старалась показать, что мне плевать на него и его присутствие, поэтому в привычной мне манере – я промурлыкала.

– Таких сексуальных, – от его слов пламя внутри меня загорелось с большей силой, а ноги и вовсе перестали держать меня. От возбуждения я невольно прикусила губу, что не осталось незамеченным Диего, который внимательно проследил за моим жестом и в следующую секунду громко рявк-

нул, – блядь.

Отбросив сигарету на асфальт, Диего, не глядя, потушил окурок ногой, пристально впиваясь в меня взглядом, из-за чего я поёрзала на месте. В следующую секунду я оказалась за углом, его жадные губы на моих и рука, которая тут же проскользнула под подол платья, ведя вверх по внутреннему бедру к самому эпицентру пожара.

Как только горячие пальцы проскользнули под трусики – колени меня предали и подкосились, но Диего быстро подхватил моё содрогающееся тело, обведя рукой талию и прижав к себе настолько сильно, что между нами не смог проскользнуть и лист бумаги. Глухой стон вырвался изо рта, когда первый палец вошёл в меня, а его зубы прикусили мою нижнюю губу.

Стена между нами окончательно рухнула, а разум затуманился.

Дрожащими руками, я начала спешно расстегивать ремень на его джинсах, а следом пуговицу и ширинку. Вместе с этим, я пыталась ещё и дышать, хотя совершенно позабыла, как это делается, потому что его палец двигался во мне, а губы и язык сплетались с моими.

Я обезумела. Страсть и желание полностью поглотили меня так, как никогда и ни с кем ранее.

Джинсы со звуком повисли на его коленях, а рядом зашуршал пакетик, который он откуда-то успел достать. Не иначе, как магия вне Хогвартса.

Опустив глаза, я оглядела мужчину перед собой, а точней то, что было ниже его живота. Проглотив новую порцию воздуха, я отвела взгляд и проглотила слюну, пока внутри всё сжалось и пульсировало. Горячие губы вновь возникли на коже, а дыхание начало обжигать шею.

Сильные руки оторвали тело от земли, следом, мои ноги обвились вокруг талии и закрыли кольцо разделяющего пространства между нашими телами.

– Смотри на меня, – хрипло приказал Диего, когда я закрыла глаза, скрепив руки на его шее и запустив пальцы в тёмные волосы.

Открыв глаза, я встретилась с прожигающим взглядом тёмных глаз, которые смотрели намного глубже, чем я того желала. Из моего рта вырвался пронзительный стон, а Диего издал рык, заполнив меня полностью. Прислонившись к моему лбу – своим, он задвигался, а я закусила губу, не решаясь закрыть глаза под его приказом, хотя наслаждение пронзало каждую клеточку, которое я начала получать с первой же секунды,

Его движения ни капли не намекали на нежность, что приводило меня в ещё большую агонию. Я вовсе позабылась и растворилась в этом мужчине без остатка. Вокруг нас не было ничего. Я не думала, что мы на улице. Не думала, что кто-то может пройти мимо и увидеть. Не думала о том, что Алан находится за моей спиной через стену, которая разделяет нас. И я не думала о том, что мои стоны услышит даже

глухой, проживающий в паре кварталов от нас.

Жадно впившись в мои губы, Диего ещё сильней прижал меня к стене и сжал пальцы, которые наверняка оставят следы на моём теле, как и мои ногти на его шее. Хотя я старалась не делать этого, запуская пальцы в его волосы и немного дёргая их назад, из-за чего он издавал рык в мой рот, а я ответный стон – в его.

Вернув дрожащие ноги на пол, Диего покрутил меня вокруг собственной оси так, что теперь я осталась лицом к стене и спиной к нему. Подол платья взметнулся вверх и накрыл талию вторым слоем, а крепкие руки притянули мой зад ближе, заставив спину выгнуться, словно дуга.

Войдя в меня, он задвигался ещё быстрей, а я застонала ещё громче. От нарастающего давления внутри меня, я заерзала на месте и сильнее почувствовала пульсирующий член.

– Чёрт, Грейс! – рыкнул он, притянув за волосы и впившись губами в мою шею, где наверняка остался след его зубов. Я улыбнулась, но не той улыбкой, которая доставалась Алану, а той, что делает из меня самую настоящую адскую бестию.

Когда руки сжали мою талию жёсткой хваткой, я задрожала и вспыхнула. Следующим рывком, к кульминации пришёл Диего, который тяжело задышал у моего плеча.

– Проклятие! – прохрипел он и стукнул кулаком о стену в паре дюймов от моего лица, но я даже не вздрогнула от столь резкой смены его настроения.

В следующую минуту, он поднял джинсы и вернул их на место. Как только до уха донёсся характерный звук застегивающейся молнии, я повернула лицо и увидела спину, которая скрылась за углом.

Судорожно, я натянула трусики и расправила платье, пытаясь привести волосы в нормальное положение после того, как они изрядно пошоркались о стену позади. Под рукой ничего не было, поэтому свой внешний вид – я подправила интуитивно.

Войдя в кафе, я попыталась сделать уверенную походку. От Диего и его спутницы и след простыл. Их столик был пуст. Заняв диванчик напротив, я провела пальцами по волосам, но вышло не особо, потому что Алан посмотрел на меня со смесью замешательства.

– Эм, помада, – указал он пальцем в левую сторону.

Внутренности у меня расплавились под кипящей лавой стыда. Поджав губы и поднеся дрожащую руку к лицу, я попыталась, не глядя, вытереть помаду, которая явно была размазана. Мне стало так стыдно и тошно от самой себя, поэтому я опустила глаза в стол перед собой, предварительно послав нервную улыбку Алану.

– Ты в порядке? – послышался его немного надорвавшийся голос, над моей головой.

– Да, – хмыкнула я, – я.. всё в порядке.

– Гри, что с тобой? – потормошил Алан моё плечо, но уже заняв место рядом.

– Прости, мне просто стало плохо, – соврала я, покачав головой, но всё ещё не поднимая глаз, по которым друг легко всё поймёт, – тошнит.

– Хочешь уйти? – тихо спросил он.

– Нет, – отрицательно закрутила я головой, хотя стоило согласиться, – это вроде… первое свидание.

– Мы можем уйти, Гри, сходим в другой раз, – пожал он плечами, из-за чего мне стало ещё только от самой себя. Алан озабочен моим здоровьем, а я всего лишь переспала с тренером за углом на своём первом свидании с другом.

Алану всё же удалось увести меня из кафе, чему я одновременно была благодарна и унижена. Уверена, узнав произошедшее, он не пожелает даже одним глазом взглянуть в мою сторону. Что тут говорить, я и сама чувствую себя ничтожеством.

Проводив меня до комнаты, Алан оставил поцелуй на моей щеке, а я так и не смогла посмотреть ему в глаза.

Я проследила за его удаляющейся спиной взглядом до тех пор, пока она не скрылась с вида и зашагала к выходу из кампуса. Не хочу идти в комнату и подвергаться допросам Саманты, либо сучки-Полли, которая так и ждёт, когда я облажаюсь.

И она выиграла. Я облажалась. Я чертовски облажалась.

Глава 6

Всю ночь я не могла заснуть из-за воспоминаний сладкого момента. Касания Диего все ещё чувствовались на моей коже так реально, что мне казалось, будто он рядом. Даже когда я всё-таки смогла погрузиться в царство Морфея, сновидения были о нём. К утру мне уже хотелось не петь от счастья, а проклинать гребаного Фуэнтеса за мокрые трусики.

В душе по-прежнему сидит червячок, который битый час твердит мне о том, что он просто воспользовался мной, и я была совсем не против. *На тот момент*. Хотя кого я обманываю, если бы он сейчас снял одну футболку передо мной – я бы уже растеклась лужицей и пошла за ним даже в огонь. Но грёбаный червяк вдобавок напоминает мне о безумно красивой девушке с самой красивой и жизнерадостной улыбкой, с которой он пришёл. Впервые в жизни я испытываю огненное чувство в груди, которое разжигает во мне не костер, а чёртово пламя, пожирающее меня, не давая сделать вздох, – ревность. Никогда бы не подумала, что когда-нибудь испытаю это колющее чувство. Кажется, каждый не задумывается об этом. Но в себе я была абсолютно уверена: холодная, безжалостная, грубая и эмоциональная – разве такая, как я, могу испытывать ревность, вызванную светлыми чувствами *влюбленности?* Диего, сам не задумываясь и не делая ничего намеренно, меняет мою жизнь в корни и меняет саму

меня.

Из сна меня вырвал противный звон, и если бы это был будильник, то я бы не задумываясь швырнула его в стену, но, к сожалению, это – телефон. С самого утра кто-то решил испортить мне жизнь своим присутствием в этом мире, разбудив меня пораньше. Обязательно продам все органы из этого паршивца на чёрном рынке, как только пойму кому от меня что нужно.

– Что? – грубо рявкнула я, как только приняла вызов.

С той стороны трубки послышалось знакомое фырканье.

– А мы с отцом слепо надеялись на твое перевоспитание в Принстоне. Но я была права: Америка явно ни лучшее место для жизни, потому что ты стала ещё злее. Кто же тебя так обидел, *Грейси*?

Только не это, чёрт возьми.

Мама. Практически каждый из нас, услышав это слово, представляет что-то нежное, тёплое, искреннее, родное. Как вы можете угадать, я точно не вхожу в это число счастливчиков. Но смело могу сказать, что могу терпеть мать дольше, чем отца, потому что последний до одури невыносим.

Моя мама забеременела мной, когда ей было всего семнадцать. Ее родители, насколько я знаю, были категорически против брака моих родителей, но, когда они всё-таки поженились, родители мамы предложили забрать меня к себе, из-за чего оскорблённая пара молодых родителей перестали общаться с ними. В итоге: я никогда не видела своего дедушку

и бабушку по линии матери, но что-то во мне подсказывает, что они совершенно другие, относительно родителей отца. И я слепо верю во встречу с ними. Я хочу узнать их. Я хочу узнать тех, кто даже на расстоянии испытывает ко мне безусловную любовь.

Проглотив ком в горле, я выдавила из себя приветствие, на что мама вновь фыркнула:

– И тебе здравствуй, Грейси. Как проходит учёба? Ты ещё не передумала? Отец купит тебе билет в бизнес-класс сразу же, когда ты попросишь. Ты ведь знаешь об этом, так?

Ну конечно, она звонит, чтобы лишний раз напомнить о своей правоте. Хотя даже такое внимание с ее стороны кажется мне приятным.

– Все нормально, спасибо, что интересуешься. Как ваши с папой дела?

– Честно? Я максимально устала от постоянных встреч с заказчиками, но твой отец отказывается ходить на них один. Чувствую себя зверюшкой в цирке, которую используют для привлечения внимания.

Я хрипло рассмеялась. Это так похоже на отца: без мамы он, кажется, ходит только в туалет.

И нет, это не безумная любовь. Мои родители не питают к друг другу никакой любви, кроме как дружеской. Забавно, но они всего лишь друзья. Когда-то они даже твердили мне, что между супругами не может быть любви, любовь – выдумка. И я слепо верила им.

– Что-то серьезное, мам? – спросила я, когда в замке комнаты начали ковыряться ключом – Саманта.

– Пока нет, а должно что-то случиться, чтобы родная мать позвонила своей любимой дочери?

Может быть, для матери, решающей позвонить своей любимой дочери, не нужны никакие причины. Но мы не в том положении, где я лучшая дочь, а мама заботливая и вечно переживающая. Хотя она переживает: за свою репутацию, на которую может плохо сказаться мое поведение, выпады и прочая хрень, которая меня не волнует.

– Нет, если это всё, то мне срочно нужно бежать. Передай папе привет, – не дожидаясь ответа от матери, я сбросила вызов и уткнулась носом в подушку.

Дверь распахнулась и в комнату ввалилась Саманта, держа в руках вешалки с одеждой. Она быстро сократила расстояние до своей кровати и рухнула на нее, не боясь смять ткань платьев.

– Я выдохлась. Наш профессор по истории моды уехал на повышение квалификации. Зачем он это сделал? Он сто процентов подставил меня, потому что он знал о моей взаимной ненависти к миссис Робин. Она – Драко Малфой только в юбке. И, клянусь, когда-нибудь ей точно прилетит учебник в лоб, а то и больше чем один, потому что я больше не выдержу двухчасовой пытки с ней в аудитории, – устало пробормотала она в покрывало, затем, будто что-то щёлкнуло в её голове, Саманта резко подняла голову и устремила взгляд

на меня:

– Что ты здесь делаешь в такое время?

– А сколько сейчас времени?

Я хотела потянуться за часами, но оторвать свою голову от подушки оказалось труднее, чем я думала.

– Час дня. У тебя разве нет лекции, тренировки? Полли сказал, что ты вчера напечатала всей команде сообщение о какой-то новости, которую объявишь за десять минут до начала тренировки.

Дальше я не слушала то, что Саманта говорила. Ее слова подействовали на меня, как электрошокер – я быстро вскочила с кровати и ринулась в другой конец комнаты к шкафу, наспех напялила на себя джинсы и обычную футболку на размер больше нужного. Только тогда, когда я наконец смогла сделать передышку, зашнуровывая кеды, поблагодарила Саманту:

– Спасибо тебе, Сам. Вчерашний день преподнёс мне не малое количество сюрпризов, которые я пыталась осмыслить всю ночь, из-за чего легла только под утро.

– Ну и как прошел процесс?

Тяжело вздохнув, я открыла дверь и, готовясь выйти и убежать в сторону футбольного поля, кинула Саманте отрицательный кивок головы.

– Стало только хуже.

Она пожала плечами и пообещала закрыть за мной дверь, поэтому я со всех ног умчалась на лекцию, придумывая себе

причину опоздания.

– Извините, профессор, можно войти, – я осторожно открыла дверь и попыталась найти маленького мужчину, который ведёт у нас историю искусства.

– Мисс Мелтон? Да, конечно, проходите, – сказал голос за столом, – прошу сесть вас с Оливером, Рори и Беллой. Вы пришли последней и свободное место в группе только с ними.

Дойдя до нужной парты, я села за свободный стул и посмотрела на своих одногруппников, с которыми буду выполнять задание вместе: светловолосый парень, который в первый же день отличился, пошутив надо мной, и брюнетка со своим другом азиатской внешности.

– Я Рори, а это Бель, – лучезарно улыбнулся парень, показав на свою подругу, которая сейчас обратила все свое внимание на телефон, – Белла, – шепнул он ей, и девушка подняла на меня глаза.

– Привет.

– Ну, меня ты уже знаешь, принцесса, – пошло улыбнулся Оливер и подмигнул мне. Если бы это сделал любой другой парень, то меня бы вывернуло на него, но слова Оливера я не принимаю всерьёз.

– Какое у нас задание?

– Мы уже все сделали. Ну, вообще-то я всё сделал, – всё также широко улыбнулся Рори. Бель мельком взглянула на парня и хмыкнула.

Входная дверь хлопнула, отчего даже Бель, которая была больше заинтересована в телефоне, чем в нас, повернула голову в сторону звука. На её лице промелькнул целый спектр эмоций и остановился на отвращении.

– Мудила на горизонте, – скорчив гримасу, Рори окинул оценивающим взглядом входящего парня и поморщился, – это ее парень. Он бросил ее со словами о её бездарности, бесполезности, неприглядности…

– Хватит. Спасибо, Рори, все всё поняли, – рявкнула на него Бель, продолжая смотреть на того парня, который уже садился на место.

Оливер хмыкнул:

– Тогда докажем ему обратное. Ты – лучшая, Бель из сказки. И когда он узнает это – он посадит тебя на стол и до блеска вылижет твою киску, – довольно улыбнулся Оливер, словно Чеширский кот, но тут же заметил наши лица, на которых отобразился ужас, – вы – девственники? Вот это, блядь, дела. Реально не знаете, что такое куни? Ок'ей, дядя Оли расскажет вам: куни – это рай женщин, когда…

– Боже мой, скажи еще раз сто слово куни, Оливер, – застонала Бель, пока Рори пытался закрыть уши руками.

– Если ты просишь, то куни, куни, куни, куни, куни, куни, куни…

Кажется, этот парень явно не понимает сарказма.

– Всем пока, я сваливаю.

Оливер наконец замолчал, отчего Рори с Бель посмотрели

на меня с благодарностью.

– Пока, принцесса.

Выйдя из аудитории, я сразу же направилась в сторону раздевалки.

Все девушки стояли на поле, переодетые в форму, и ждали меня – непутёвого капитана, который проспал лекции и забыл про свою команду. Как только я подошла к ним, всё внимание с яростно говорящей брюнетки, которая стоит у нас на защите, перешло на меня. Донна шепнула мне «привет» и приобняла за плечи. Почувствовав её поддержку мне стало легче говорить:

– Спасибо за то, что услышали меня и пришли.

– У нас просто не было выбора, капитан, – выплюнула Полли, сдувая прядь волос со лба.

Если она скажет ещё хоть слово – я за себя не ручаюсь.

– Заткнись и слушай, – рявкнула я на неё и перевела взгляд на других девушек, – на следующей неделе у нас будет матч с колумбийским университетом, а что это значит? А это значит больше работы в десять раз. Вы должны пахать на поле, словно лошади. Вы должны уходить с тренировок потными, уставшими, убитыми. Вы должны слушать мои указания. Мы обязаны выиграть. Всем всё ясно?

Единогласное «да», и громкое «да» Донны и злое «конечно» Полли. Плевать, пусть бесится сколько ее душе угодно. Моя задача выиграть, ее задача не мешать мне выигрывать.

– Какого хрена тут происходит? – рявкнул мужской бари-

тон позади нас, и конечно же я сразу узнала, кому он принадлежит.

Как только мы все повернулись, чтобы посмотреть на тренера Фуэнтеса, я сразу заметила, что смотрит он буквально на всех, но не на меня. Диего тщательно избегает встречи со мной даже глазами.

Он будет вести себя, как подросткок-девстенник, которого смущает одно слово куни? И это всё из-за того, что мы занялись сексом? Охренительно.

– Раньше пришли, чтобы потренироваться дольше нужного. Это же не запрещено? – спросила у него Полли.

Он смерил ее холодным взглядом своих карих глаз.

– Неужели? Я не вчера родился, Бейкер. Выкладывай.

Неожиданный резкий ответ тренера настолько удивил её, что она растерянно хлопала ресницами, сжав губы в линию. Никогда бы не подумала, что её можно заткнуть.

– Вам лучше спросить капитана команды, тренер, – наконец сказала Полли, сжимая руки в кулаки, будто вот-вот и нападет.

И он впервые за то время, пока находится здесь, посмотрел на меня. Цвет его глаз из-за солнца стал похожим на текучее золото, очерчивающее солнечное затмение. Пусть даже на лице застыла типичная маска безразличия, я до сих пор видела в нём того, кто взял меня за углом и просил смотреть на него. В груди сжалось сердце, отчего я даже, кажется, дёрнулась. Как же он красив. Я с первого дня нашего зна-

комства знала, что он самый привлекательный мужчина из всех, что населяют нашу планету, но теперь я вижу красоту не только на лице, на его теле – он, красив и внутри. Вечно загадочный, холодный, чёрствый, полный безразличия, но один миг – и он становится горячим, словно феникс, эмоциональным, дерзким и властным. Он настоящая загадка для меня, которую мне уже не терпится разгадать.

– Что здесь происходит, Мелтон? – снова по фамилии. Ему нравится ходить по второму кругу, возвращаясь каждый раз к одной и той же точке старта?

Я пожала плечами, стараясь смотреть ему в глаза, а не на накачанные руки, мышцы живота, которые плотно облегает футболка. Если я подавлюсь слюной, он победит.

– Просто рассказывала девочкам о матче на следующей неделе, так ведь?

Девушки кивнули.

– Хорошо, тогда за работу. Сегодня мы не будем отрабатывать игру. В наш сегодняшний план входит игра в тройках. Один нападающий, защитник и ваш вратарь.

– Вратарь? – поморщилась одна из девушек.

Тренер закатил глаза, даже не поворачивая голову в ее сторону.

– Если у вас проблемы со слухом, то идите вон, мисс Арен. Первая тройка: Мадонна, Полли и Мелтон. За работу.

Роль нападающего была определена мне, Полли защитником и Донна стала вратарём без ворот. Встав на линию, мы

с Полли испепеляли взглядом друг друга и ожидали свистка Диего, когда все правила университета уже перестанут на нас действовать, и мы сможем хорошенько избить свой объект ненависти. В её случае цель – я, в моём – она.

Как только до нас донеся громкий звук свистка, мы кинулись друг на друга. Я с мячом бежала к Донне, чтобы перекинуть мяч за линию, а Полли бежала на меня, расставив плечи и готовясь сбить меня с ног сразу же, как только я стану в зоне досягаемости.

– Мелтон, откуда у тебя растут ноги? Быстрее, – кричал Фуэнтес, раздражая меня.

Хотелось развернуться и кинуть мяч прямо ему в голову, но боюсь подпортить его чудесное лицо.

Пока я отвлеклась на тренера, Полли уже добежала до меня и приготовилась толкнуть меня, чтобы перехватить мяч, но я резко проделала крюк, из-за чего оставила её позади себя. Возмущённая Полли кинулась за мной.

– Молодец, Бейкер! Со спины нельзя, запомни, ты, твою мать, не крыса. Догони её и сбей нахрен. Не позволь ей добежать до Донны, – продолжал кричать Диего.

Он поддержал Полли, а не меня.

От осознания этого в горле встал ком, но сразу же перешёл в грудь, срастаясь с бешеной яростью. Хотелось показать ему, что Полли, за которую он так яро болеет, гораздо хуже меня.

Мне осталось всего пару футов до Донны, но я предпочла

отомстить. Я развернулась и кинулась на Полли.

– Ты что блядь творишь, Мелтон? – во все горло крикнул Диего, но я уже не слышала его.

Добежав до Полли, которая смотрела на меня с открытой злобой, я опрокинула её через спину, отбросив мяч в сторону. Как только она с громким хлопком достигла земли, я пнула ее в бок, взяла мяч и побежала до Донны. И чёрт возьми, она была полнейшем шоке, из-за чего не смогла поймать мяч, прилетевший в неё.

Встав на месте, я попыталась привести дыхание в норму. Я нашла опору в своих коленях, положив на них ладони и присев. Яростный стук сердца отчётливо слышался даже в пятке, руки дрожали, как от первой победы, а голова ходила кругом. В глазах начало темнеть, и ощущения того, что я вот-вот и упаду, настигли меня. Нельзя. Я победила эту суку. Я должна выйти из игры достойно, а не на руках Донны, которая будет тащить меня в медпункт. Звёздочки в глазах хохотали надо мной, а чувство собственного достоинства рычало им в ответ.

– Ты как? Это было охренеть как круто, Грейс. Ты реальная машина для убийства, и я просто обязана повесить твое фото в виде плаката на стену, – затараторила Донна, подбежавшая ко мне. Активно жестикулируя, она продолжала что-то говорить, но я уже не слышала её. Мир вокруг меня вдруг стал шататься, а звук выключился, будто кто-то случайно нажал кнопку пульта.

Резкий хлопок, и я уже в руках Донны, которая держит меня на весу.

– Что с тобой? Может тебя отвести к врачу?

– Не надо, – прохрипела я не своим голосом. Весь звук слышался мне так, словно я на несколько метров под водой, – всё в порядке. Просто отнеси меня к трибунам, пожалуйста.

Меньше всего меня волновало самочувствие Полли, которую я грубо перекинула через себя и сильно пнула. Она не умрет, и на этом хорошо. По крайней мере Полли заслужила это: своим поведением она давно добивалась того, что я начну применять силу. И мне плевать, что теперь меня могут исключить из команды. Я смогу обойтись без спорта, а вот дальше терпеть выходки Полли я бы не смогла.

Донна по моей же просьбе оттащила меня к трибунам, посадила меня на стул и села рядом, испуганно всматриваясь в мое лицо, тело и даже воздух вокруг меня.

– Ты молодец, – тихо сказала она, как в заключение, – поставила её на место.

– Наверное, – с трудом рассмеялась я, но вышло только криво приподнять один уголок губ. Ощущения все ещё были странными, и казалось, что это тело вовсе не моё.

Я повернула голову в сторону поля, где недавно носилась здоровой лошадью, и искала глазами Диего. Больше всего мне не хочется, чтобы он разочаровывался во мне.

– Она ушла вместе с Эрикой. Кстати, выглядит она лучше тебя. Такое чувство, будто не ты ее, а она тебя сравнила с

землёй, – сказала Донна, подумав, что я ищу Полли. Ещё чего. Я не стану волноваться за её здоровье.

– Грейс, – раздался голос рядом с моим ухо, и я резко подняла на звук голову, отчего голова закружилась ещё сильнее. Диего быстро подхватил меня и кивнул Донне, чтобы она пошла прочь. Подруга с вызовом посмотрела на него, готовясь чуть что встать на мою защиту и сразиться даже с медведем. Но Диего лишь смерил её злым взглядом, и та сдалась. Как только она ушла, часто оборачиваясь, Диего сел на её место и оказался лицом к лицу ко мне.

– Ты могла пострадать.

– Значит, теперь ты переживаешь не за Полли, а за меня, – мне хотелось истерически смеяться.

Руки Диего от злости задрожали.

– Какая же ты глупая, Грейс. Скоро матч, и ты нужна команде не только как капитан, но и как лучший игрок.

– Стоило мне сбить её с ног, и я стала лучшей. Неплохо, – хмыкнула я, хрустнув пальцами.

– Блядь, заткнись. Просто заткнись. Какая же ты сложная. Почему, почему, почему с тобой так всё сложно? – крикнул мне в лицо Диего, сжимая голову. Он запустил пятерни обеих рук в волосы, отдёргивая их и становясь похожим на сумасшедшего учёного, – я устал от всего. От того, что мне пришлось здесь работать, от того, что Мария снова связалась с дурной компанией, и меня нет рядом, чтобы вправить ей мозги. Жена Рома забеременела, а мой брат – трус, и боится

ответственности в виде ребенка. Я устал от тебя, Грейс, потому что ты невыносима. Ты ведёшь себя как ребенок, чёрт возьми.

Ещё минуту мы просто смотрели друг другу в глаза. Только сейчас я смогла заметить большие синяки под его глазами, взгляд его ореховых глаз перестал быть холодным и стал усталым. Он открылся мне. Открылся, с другой стороны. Теперь я знаю, что у него есть брат-говнюк, какая-то Мария, за которой он присматривает, как за младшей сестрой. Диего Фуэнтес раскрывается мне, но это только удваивает количество вопросов, загадок, мыслей.

Сильные руки обняли меня со спины. Из-за головокружения, которое ещё играет с моим разумом, я не смогла даже дёрнуться. В следующую секунду из-за спины вышел Алан, улыбнулся, притянул меня к себе и жадно поцеловал в губы.

А я не смогла сопротивляться.

Глава 7

Когда Алан оторвался от меня, точней, я осознала произошедшее и отстранилась от него, спина Диего уже не маячила на горизонте. Только что было уничтожено то, что вот-вот зародилось или пыталось зародиться.

Можешь ожидать того, что на матч он наденет футболку с именем Полли, болея не за команду, а за неё. Как сделал это сегодня.

Мне хотелось орать на Алана, стуча по его груди, но, таким образом, я лишь дам ему понять, что за мной дело не чисто.

Я вообще не понимаю, как он не увидел мой взгляд, обращённый к Диего. Это же Алан. Тот Алан, который знает меня всю жизнь так же, как и я его. Чёрт, да он знает почти всё. Девяносто девять и девять процентов меня. Он – мой лучший друг. Я делилась с ним всем, но он всё разрушил чувствами.

Либо сделал это нарочно.

– Что ты делаешь? – прошипела я.

– Я не понимаю, что тебя смущает, Гри, я просто поцеловал тебя, – спокойно произнёс Алан, и из-за этого спокойствия, мне хотелось накинуться и задушить его голыми руками

– Мы не одни! – взревела я, заняв оборонительную пози-

цию, пытаясь обосновать собственную ярость в его глазах, дабы не выдать произошедшее между мной и Диего.

– Что тебя смущает?

– Мы, чёрт возьми, не одни! Вот, что меня смущает! Это не вежливо!

– С каких пор тебя вдруг начала волновать вежливость?

Пыхтя, я открывала рот, напоминая рыбу, которой не хватает кислорода, пытаясь что-то сказать в свою защиту. Он прав. Мы оба знаем, что он прав. Когда меня волновало чьё-то мнение?

Тогда, когда ты увидела его, – оживилось подсознание, но я послала его к чёрту.

– Я должна доделать проект, – легко соврала я, чтобы отделаться от Алана и податься на поиски Диего.

– Проект? – выгнул он бровь.

– Да, – протараторила я, торопливо передвигая ногами, но пытаясь сбавить темп. Уж довольно подозрительно я спешу, при чём с тренировки, которую не соизволила завершить.

Я даже чувствовала прожигающий спину, взгляд Полли, которая возвращалась на поле вместе с Эрикой.

Дорогая, сейчас мне бы очень хотелось, чтобы Алан запал на тебя так же, как и ты на него, но, увы, друг выбрал не верную дорожку.

Кроме того, что моя спина горела из-за зелёных глаз, я чувствовала остальные – ошеломлённые от других девочек. Я знаю, как всё выглядело: я и Диего орем друг на друга;

возникает Алан; я целуюсь с ним; в это время уходит Диего. И, кстати, я сбила с ног Полли, за которую так яро болел тренер. Сюжет довольно простой и понятный каждому. Не трудно соединить концы с концами, чтобы получить вполне понятное определение. Как бы мне не хотелось, чтобы всё было так, но видели все и всё.

На сегодня тренировка завершена.

Несясь со всех ног в тренерскую с надеждой обнаружить там Диего, я лишь попросту питала надежды. Надеясь найти его там, я была слишком наивной.

Пусто.

Вместе с надеждами, отвалилась часть моей души.

Ноги вновь понеслись на поле. Видимо, тренировка не завершена, потому что сейчас я как бомба, готовая рвануть. Слишком много во мне было эмоций, от которых необходимо избавиться.

Практически телепортировавшись на улицу, я обнаружила команду на поле в том же положении, в котором оставила.

– Работаем! – крикнула я, хлопнув в ладоши, после чего посмотрела на траву, куда уселась Полли, рядом с которой был Алан, рассматривающий её лёгкие гематомы.

– Она не может тренироваться, Грейс, – нахмурился друг, подняв на меня глаза.

– Если я свалила её с ног, то после колумбийского, мы будем отдирать лепёшку от травы. Либо работаем, либо ноем, – заявила я, из-за чего в глазах Полли вспыхнула ярость,

заставившая её выпрямиться и расправить плечи.

Так-то лучше.

Только сейчас я поняла, насколько мы похожи. Она пытается доказать что-то Алану, а я – Диего. Только беда в том, что мой наблюдатель исчез без каких-либо объяснений, так и не дав мне объясниться. Да и к чёрту.

По сравнению с Диего, я была самым настоящим зверем, который издевался не только над собой, но и над остальными.

К концу тренировки, девочки бездыханно валялись на траве полностью мокрые, и если команда заболеет, то это будет полностью моя вина. Но я готова нести наказание за свои поступки. Я надеру десяток задниц одна, если это потребуется.

Итого, что я получила на последующую неделю: ничего. Ни одного взгляда от Диего. Когда он обращался ко мне, то смотрел куда-то в сторону, словно я – пустое место. Пылинка под его ногой. С одной стороны, мне было обидно, внутри я рвала и метала, но снаружи оставалась неприхотливой и равнодушной даже к Алану. И слава всем Богам, потому что он старался не трогать меня по пустякам. Да и я сослалась на то, что с каждым днём, к моему носу приближается день первой игры.

И что я сделала ещё из-за собственного гнева? Согласилась на выставку. Это было спонтанное и взбалмошное решение. Я просто прошла к профессору Фаринсону и сказала

«да», что он изначально не совсем понял, но потом до старичка дошёл смысл, и он принял моё согласие. Все мои шаги были только ради того, чтобы Диего посмотрел на меня. Внутренне, я буквально кричала, чтобы он увидел меня.

Снова мимо. Он не замечал.

В порыве ярости, я высказала все претензии на счёт формы, которую считала ничем иным, как одежку для шлюх. Это я, кстати, так и высказала мистеру Харрисону. Меня абсолютно не смущал подбор слов. Я называла вещи своими именами. Ректор опешил от моего резкого тона, но согласился в срочном порядке заменить нашу форму. Теперь у каждой девочки есть новенькая и красивая экипировка футболистки Принстонского университета, а не девочки на прокат.

За неделю, я успела исписать девять холстов. Эмоции так и лились из меня в виде красок. Что ж, эти картины сгорели ярким пламенем, за которым я наблюдала с величайшим удовольствием. Чёрт с ними тоже, как и с Фуэнтесом.

Собрав все эмоции в кулак, я вошла в раздевалку, где девочки уже натянули командную форму, улыбаясь и разглядывая друг друга.

– Грейс, это просто отпад! – заверещала Америка, когда увидела меня в такой же одежде. Нашим отличаем были лишь фамилии и номера на спине.

Другие девочки тоже поблагодарили меня за то, что я не стала целовать задницу ректора и высказала все претензии прямо в лицо.

Спасибо Диего, благодаря которому, в груди полыхала ярость, сметающая всё на своём пути. Хоть где-то от его игнорирования был толк.

– Всем привет, – как чувствуя мои мысли, раздался голос тренера за спиной, на который все перевели взгляд.

На протяжении недели, я, не боясь, бросала ему вызов и смотрела в глаза, но не получала ответного. Из-за присутствия Диего – разум снова канул в небытие, прокручивая его последние для меня слова на поле или руки, прижимающие к себе. Растормошил меня лишь голос старого доброго ректора.

– Тренер Фуэнтес и мисс Мелтон, прошу пройти за мной, – заговорил мистер Харрис, как только ступил на порог раздевалки. Ничего нового, как всегда ни Вам «здравствуйте», ни «До свидания». Как на счёт того, чтобы преподать ему уроки вежливости и намёка на то, что можно сказать какие-то наводящие и подбадривающие слова для команды?

– И Вам добрый вечер, многоуважаемый ректор, – иронично произнесла я, повернувшись в сторону двери, – не хотите что-то сказать команде? Мы вроде как собираемся представить сейчас спортивную жизнь университета.

– Эм, да, – помедлив, пробубнил он себе под нос, явно обескураженный моими словами, – желаю отличной игры. Тренер Фуэнтес и мисс Мелтон, буду ждать вас в тренерской.

И где, нахрен, тут тренерская? Мы не в своём универси-

теме.

Со своими словами, он покинул дверной проём. Что за холодность и не заинтересованность к собственной команде? Каждый раз, он проявляет интерес к моему мнению об университете, но при этом, даже не может или не желает подбодрить лицо университета. По неприхотливости и отстранённости, он напоминает моих собственных родителей, которые переживают лишь за имидж идеальных заботливых мамочку и папочку, вспоминающие о дочери только тогда, когда «образцовой» семье необходимо выйти под свет софитов.

Могу уверенно заявить: в семье не без урода. На одном из таких вечеров, я, несовершеннолетняя любимица Грейси, накидалась шампанским так, что не узнала собственную мать и попросила найти миссис Мелтон у неё же. К счастью или сожалению, ничего большего я сделать не успела, родители быстро скооперировались и уволокли меня в машину с Джошуа, который доставил моё весёлое тело, желающее продолжения – домой. И подобных моментов моей жизни – не малое количество. Однажды, я даже успела зарядить в нос какого-то чиновника, но этот слизняк зашёл слишком далеко, когда положил свою жирную руку на мою задницу. Причём, на безымянном пальце его левой руки блестело обручальное кольцо. Выглядело это так, словно сардельку крепко перетянули тонкой ниточкой, по-иному не назовёшь. Не знаю, как в пьяном угаре, мне удалось разглядеть эту линию среди сгустка кожи, но этот урод получил по заслугам и мне

плевать, что я опозорила родителей. Я защитила свою честь.

Оставив команду, я первой проследовала за ректором, не став медлить, дабы не искать нужную дверь. Я специально повиливала задницей, лишь бы зацепить и приковать глаза Диего к себе. У меня получилось, потому что подобный взгляд я ощущала возле кафе тем вечером.

– На игру прибыли важные гости, – начал Харрис, как только мы вошли в тренерскую, – не подведите меня. Это слишком важно для нашего университета.

Козел, ты даже не мог сказать приятных слов для команды. Я выиграю только ради себя, а не ради твоих жалких «гостей».

– Что-то ещё? – ледяным тоном спросила я.

– Боюсь, что нет, – кивнул он, покачавшись на пятках и скрестив руки за спиной, – желаю удачи.

Со своими словами, он покинул кабинет с видом человека, который является не ректором одного университета, а сразу всего объединения лиги плюща.

– Может, ты перестанешь меня игнорировать, я – капитан команды, твоя правая рука, от меня невозможно избавиться! – заскрипела я зубами, обращаясь к Диего, ведь за неделю, нам так и не удалось остаться наедине, чего я страшно желала.

– Да срал я на твою команду и капитана! – прорычал он, сделав рывок к двери, но я резко схватила его за руку и остановила.

– Тебя злит, что он поцеловал меня? – с надеждой и иронией в голосе, спросила я.

Резко завернув голову в мою сторону, Диего, окинул меня взглядом ледяных глаз, смерив со стеной позади.

Стена. Я. Он. Наши губы и тела.

Проглотив скопленную слюну, я почувствовала, как внизу живота – вспыхнул огонёк. Я не могу забыть те минуты, они, словно буря, проносятся в голове почти ежесекундно. Уверена, мы подумали об одном и том же.

Отпустив руку, я попятилась назад, смотря в его глаза практически не моргая. Мои мнимые шаги закончились ровно тогда, когда поясница вписалась в стол. Каждое моё движение – Диего отслеживал словно коршун.

Руки у меня дрожали, как и ноги, поэтому я смогла лишь опереться на поверхность позади, дабы не сравняться с плиткой.

– Он поцеловал меня. И я ответила, – вновь заговорила я, – и знаешь, кого я представляла на его месте?

– Прекрати! – прорычал Диего, не двигаясь с места.

– Тебя, – продолжала я, проигнорировав его слова так же, как и он не замечал меня неделю.

– Хватит! – вновь рыкнул он.

На губах вновь начинала расползаться улыбка дьяволицы, потому что не пожелав он меня слушать, то уже давно мог быть на поле или в раздевалке.

Диего продолжал стоять на одном месте, а я собралась с

силами и отлипла от стола, зашагав на выход, но не успела, потому что дверь закрылась прямо перед моим носом. За долю секунды, я вновь оказалась у стола, а после и на столе. Рука Диего скользнула за мой затылок и запуталась в волосах, потянув их назад.

Губы, руки и тело мужчины, которого я желала всеми фибрами души, разместились между моих ног, награждая жадными и не терпеливыми поцелуями, которые поднимали каждую волосинку на коже. Откинув голову к потолку, я закрыла глаза и издала протяжный выдох и стон.

– Грейс… – прохрипел Диего у моей шеи.

У нас мало времени, а точней, его вовсе нет, поэтому дрожащими руками, я начала спешно расстёгивать ширинку на его джинсах, пока Диего поднял мою футболку вверх, открывая грудь.

Как только моя рука добралась до того, что скрывалось под чёрными боксерами и задвигалась – Диего зарычал. Развернув меня спиной, он уложил меня животом на поверхность стола и, стянув бриджи, резко вошёл, из-за чего я не удержалась и издала громкий стон. Но мне было плевать, если кто-то сейчас зайдёт и увидит нас. Я так сильно желала этого мужчину, что осознание и страх сдаются и покидают разум.

Закусывая нижнюю губу, дабы быть тише, трясущимися руками, я крепко держалась за уголки стола.

Каждое движение – выбивало из меня всякое сожаление

и ярость, длившуюся неделю. Мне так нравилось, как его крепкие руки хватают мою талию, оставляя следы от сильной хватки; как горячие губы выпиваются в шею; как тёплая ладонь подбирается к груди и сжимает её. Всякое действие в Диего – возбуждает меня и сводит с ума.

Быстрые толчки, которые я принимала с удовольствием и радостью, начали усиливаться и увеличиваться в темпе и напоре. Повернув моё лицо к себе, Диего впился в мои губы, и я вздрогнула, обмякая в его руках, словно хлеб в молоке. Через минуту, к своему завершению – пришёл он, резко двинувшись во мне и застыв.

– Зачем ты это делаешь? – прохрипел он у моего уха, положив лоб на плечо.

– А зачем ты это делаешь? – выдохнула я.

– Грейс, – прорычал Диего, покинув моё нутро и отстранившись, из-за чего я вдруг почувствовала себя одиноко.

Звук приближающихся ног, заставил нас встрепенуться и завершить дальнейший диалог. Вернув форму меньше, чем за секунду, я спешно подняла пару тетрадей, свалившихся со стола. Но я не учла одного «но», мои чертовы волосы сейчас напоминали солому.

– Этого больше никогда не произойдёт! – отрезал Диего, заняв место за рабочим столом, а я скрутила волосы в пучок на макушке.

– Мы оба знаем, что решаешь тут не ты, – заулыбалась я, из-за чего его лицо стало багрового цвета, а мои щёки и без

того, оставались покрасневшие.

Дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появилась та сучка, которая была с ним в кафе, из-за чего ярость во мне вновь дала о себе знать с новой силой.

Что б ты знала: сейчас он трахался со мной.

– Мелтон! – прорычал тренер в свойственной себе манере, наградив меня смирительным взглядом, – ещё слово и вылетишь из команды!

– Диего! – сердито пискнула сучка, но я не обратила внимание, даже если она решила защитить меня.

– Значит, я буду лишена всего лишь пары минуток наедине с Вами, не велика потеря, – выдала я, из-за чего его лицо перекосилось ещё больше, потому что я давала не двусмысленные намёки. Если эта сучка не тупая, то поняла, о чём я веду речь.

Со своими словами, я расправила футболку и вышла из кабинета, услышав, как она начала ругаться, что еле нашла эту каморку среди коридоров.

Не понимаю, что движет мной, когда я практически в открытую заявляю о своей связи с тренером, но я не крашеная блондинка, чтобы в мозг проник отбеливатель, поэтому мне известно это чувство – ревность. Мои начавшиеся размышления вылетели из головы также спешно, как позади дёрнула чья-то рука, но она не принадлежала Диего, который может обвести мое запястье пальцем.

Завернув голову, я встретилась лицом к лицу со своей со-

перницей, как я её считала. У неё действительно есть что-то, что незримо притягивает к себе. И я легко могу поставить её в свои ряды.

– Благодарить не буду. И вообще, мне не нужна была помощь от его пассии, – довольно резко бросила я.

– Я не его пассия, – поморщилась она, – мой брат – засранец. Самый ужасный засранец из всех возможных, но будь он не моим братом, я бы надрала его задницу и послала нахрен. Дашь мне пять?

– Что? – ахнула я, разинув рот и жадно хватая воздух.

Она. Его. Сестра.

Чувство стыда за собственный тон – дало о себе знать с той же резкостью, как и Диего усадил меня на стол.

– Мария, – улыбнулась она и протянула руку, на которую я посмотрела с каким-то ужасом и благодарностью. Она защищала меня несмотря на то, что не знает ситуации. И это о ней он говорил на поле.

– Грейс, – решилась ответить я, вложив свою ладонь в её.

– Не обращай внимания на моего старшего брата, он уже давно позабыл о вежливости и нормальном общении с людьми.

– Он что, социопат? – наконец улыбнулась я, но с долей нервозности.

– Мария! – раздался грубый голос за её спиной, на который мы тут же перевели внимание.

– Иду, иду, – вздохнув, закатила она глаза и повернулась

ко мне, – приятно познакомиться, Грейс. Как на счёт потусить вместе? А то я часто нахожусь в обществе социопата, либо человека, стремящемуся к подобной личности.

– Согласна, – кивнула я, на что получила широкую улыбку Марии, которая тут же поспешила к Диего, готового сжечь нас на том самом месте, где мы стояли.

Не став смотрел вслед Марии, потому что Диего испепелял меня взглядом, я развернулась и продолжила свой путь.

В раздевалке стоял бунт, девочки с воодушевлением обсуждали предстоящий матч. В их разговоры с удовольствием включилась я, решив подбодрить команду перед первой игрой. Ни на одном лице я не наблюдала волнение. Все были довольно спокойны, что мне, безусловно, нравилось.

– Девочки! – громко заговорила я, привлекая к себе внимание, – наш ректор настолько коммуникабельный, что не в силах даже промямлить нормальные слова поддержки. Это сделаю я.

Десяток лиц и глаз повернулись ко мне, в ожидании красноречивой речи, но это явно не было в моих планах, хотя, конечно, я могу.

– Скажу только то, что мы всю неделю работали, как проклятые, и знаете, что? Надерем задницу этим сучкам. Нахрен целые кости, передние зубы, ноги или руки. Мы должны растоптать их. Когда я говорю должны, значит, имею в виду обязаны. Мы не рассматриваем позицию: главное не победа, а участие. Пусть те, кто так считает – засунет это выражение

в задницу, и продолжает утешать себя вторым местом. Мы никогда не будем вторыми. Наша обязанность быть первыми, потому что мы – лучшие. С какой стати какие-то задротки будут с нами тягаться в силах!?

– Мы тоже в лиге плюща, – пробубнила себе под нос Полли, чем заслужила вспышку моей ярости, но я быстро вернула себя в чувство. Желает быть второй – пусть будет, но не в моей команде.

– Меня это мало волнует. Либо победа, либо нахрен. Другого не дано. Привыкайте быть первыми, я не рассматриваю других вариантов.

Девочки дружно закивали. Видимо, моя речь всё же удалась на славу и подействовала на команду. Это не были какие-то подбадривающие слова или мотивация, я действительно придерживаюсь данной позиции. Мне не нужен проигрыш. Я сильная. Я это знаю.

– Теперь живо на поле! – раздался позади голос Диего, но я решила не награждать его взглядом, даже если он меня сейчас слышал.

Как бы мне не хотелось остаться наедине с Диего и повторить, я проводила взглядом девочек, но не всех. Рядом остановилась моя любимица в виде Донны, с которой я легко нашла общий язык. И сейчас я была счастлива как никогда, что она решила пойти в ногу со мной, иначе мои – занесут меня куда-нибудь в сторону Фуэнтеса, а я хочу быть на него злой. По крайней мере, я стараюсь сохранять хладнокровие

и равнодушие в его присутствии, хотя на душе скребут кошки. Мне его критически мало. Он обрывает всё сразу.

Ладно, один раз нам помог Алан с его чертовым поцелуем в самый неподходящий момент, из-за чего я зла на него.

Проходя мимо Диего, я посмотрела на него из-подо лба, зацепив взгляд карих глаз, которые так манили меня в свои сети. Задев его локтем, я прошла мимо.

Я должна ненавидеть тебя, чёртов Фуэнтес.

Команда девушек Колумбийского университета ничем не отличалась от их парней. Они раза в три больше нас, а одна из девочек команды противника больше Донны в два раза. В два, черт возьми.

Они нас сожрут.

Подарком судьбы было именно то, что она играет в нападении, то есть я буду её главным соперником. Кого нужно благодарить? Бога или судьбу?

Выиграв жеребьевку, колумбийцы выстроились параллельно линии. Каждая из сучек смотрела на нас с таким призрением, какому позавидовала бы даже Полли. Всю игру мы сохраняли счёт равным, стараясь не уступать противникам. Должна признаться, что это далеко не школьный американский футбол, из которого я выходила всегда сухая с кубком в руках. Здесь мне приходилось работать вдвое больше, но это лишь усилит вкус победы. Мы носились по полю, как ужаленные, стараясь не попадаться под руку большим девочкам из колумбийского университета, но также стараясь зарабо-

тать максимум очков. Когда осталось совсем немного времени, в моей голове уже промелькнули картинки того, как нами будет гордиться Диего. Сколько бы раз я себе не напоминала, что я делаю это все для себя, каждый раз мое второе «я» смеялось.

Не лги хотя бы себе, детка, – раздражал голос в голове, заставляя меня зацикливаться не на игре.

В этот момент, когда моя совесть решила также противостоять второму «я», мяч попал в руки моему Тайтэнду – Полли. В последние минуты она должна была играть, как игрок линии нападения, а не принимающим. Ее цель – защищать квотербека. Но что-то пошло не так, и я прекрасно понимаю, что.

Девушка из Колумбийского университета, которая была выше меня в три раза, шире меня, а ее тело было похоже на одни сплошные мышцы, бежала рядом со мной. И Полли воспользовалась ситуации, опасно прищурив глаза, она кинула мяч мне. Хавбек-Америка пыталась принять мяч у меня из рук, но было уже поздно: та самая огромная девушка уже отбросила меня на несколько футов, нарушая правил игры.

Я не успела понять, что произошло, когда мяч уже вылетел из моих рук, а сама я летела в противоположном направлении. Большая девушка смотрела на меня с самодовольством. Она знает, что ждёт ее за это, но ей было наплевать – она сделала то, что хотела всю игру, следую за мной по все-

му полю в течении всей игры. Приземлившись на землю, я с большой силой ударилась головой об поле, которое было намного твёрже, чем наше поле в Принстоне.

Они специально продумали эту комбинацию, зная, что чёртово поле – грёбаный булыжник?

В глазах резко померкло. Последнее, что я видела, был Диего, который мчался ко мне, медперсонал и улыбающаяся Полли, подмигнувшая мне, когда я уже отключалась.

Глава 8

После удара, который пришёлся на мою голову, хотелось ударяться ещё раз, чтобы вправить мозги на место, но, к сожалению, такой громилы в юбке на горизонте уже не было. А жаль. От меня не ускользнул обеспокоенный и сочувственный взгляд Диего, который бежал в мою сторону, когда я отключалась.

Как ему удаётся так легко накидывать маску безразличия на лицо? Как только я оклемалась и пришла в сознание – его вновь подменили на холодного и отстранённо. Единственные прозвучавшие слова:

– Ты в норме?

Мой кивок.

– Ладно.

На этом все переживания закончились. Он ушёл.

Сейчас я в норме, но удар напоминает о себе без предупреждения, когда в мозг слово тыкают иглой. Я не стала сообщать о таких нюансах медсестре, осматривающей меня, потому что с подобным встречалась в школе. Ничего страшного. Через день я уже буду свеженькой, как огурчик с чистого поля.

– Грейс! – воскликнули где-то с боку от меня, – Грейс, подожди.

Завернув лицо в сторону зова, я нашла глазами Марию,

спешащую ко мне. Улыбка на её лице была точно такой же, как и те предыдущие два раза, когда я видела эту девушку. Она вообще перестает улыбаться хоть когда-нибудь? Даже не знаю, чем её можно обидеть или ввести в состояние грусти.

– Я так рада, что ты в порядке! – пропищала она и кинулась на меня с объятиями, из-за чего я немного опешила, но приобняла её в ответ. Странно обниматься с человеком, которого ты не знаешь, но, вероятно, Мария так не думает, – я сильно напугалась, когда тебя унесли без сознания.

– Судя по тому, что я тебя помню и могу говорить, то могу считать себя в полном порядке, – кивнула я, разъединяя объятия сёстры Диего.

– Тогда ты просто не можешь отказаться от сегодняшней вечеринки в честь победы! – завизжала она, запрыгав на месте.

Победы. Девочки смогли победить без меня.

Я не могу сказать, что меня беспокоит больше всего: то, что команда обошлась без меня, либо гордость, потому что им чудом свыше была дарована победа над громилами, которых каким-то образом нужно называть слабым полом. Как ту команду и слабый пол – можно поставить в одну ширинку? Они антоним данного выражения о девушках.

– Какой вечеринки? – глухо спросила я, первый раз услышав о подобном мероприятии. Да чему удивляться, я ещё не видела команду без состояния отшибленной.

– В честь вашей победы, и ты обязана там быть!

– Я не могу, – отрицательно закрутила я головой.

– У тебя нет другого выбора, Грейс, ты – капитан команды, – сверкнула она очаровательной улыбкой, – при хорошем раскладе: напьёшься и отсосешь кому-нибудь.

– Сейчас я не уверена в том, что зарядили мне, а не тебе, – поморщилась я.

– Да ладно тебе, не строй из себя девственницу со стажем, – смешно зашевелила она бровями, над чем я не удержалась и рассмеялась.

Ох, Мария, единственный человек, кому я могу это сделать – твой брат.

Конечно, я оставила эту мысль при себе, ответив:

– Я подумаю.

– Встречаемся в восемь у кампуса, – широко улыбалась она, зашагав в сторону, откуда пришла, – никаких возражений!

Смотря вслед Марии, я не совсем понимала, когда успела дать своё согласие. Видимо для неё, оно было чистой формальностью.

Какие же они разные, буквально две противоположности. Мария – озорная, весёлая, бесстрашная, не обидчивая и жизнерадостная, в то время как Диего – закрытый, холодный, равнодушный, одним словом – тайна, покрытая мраком. Диего говорил о том, что у него есть брат, только его – я ещё не наблюдала. Судя по тому, что он боится ответственности в виде ребёнка, но имеет законную жену – парень странный.

Женился, но поджимает булки из-за беременности собственной жены. Кто ещё есть в его семье? Уж не брат ли та золотая середина в их семье, потому что характер Диего и Марии виден невооружённым глазом.

– Принцесса, – возникла на моём плече рука, и я заочно знала, кому она принадлежит так же, как и упоминание ласкательного имени. По этой причине я закатил глаза.

– Чего тебе?

– Хочу предложить скоротать время, возможно, что даже очень приятное для тебя, а после и для нас.

– Не будь я вежливой, то послала бы тебя нахрен.

– Ты уже это сделала, – усмехнулся Оливер у моего уха.

Скинув руку с плеча, я искоса посмотрела на пошлую улыбочку, дарованную мне.

– Оливер, я лучше полижу асфальт, чем потрахаюсь с тобой.

– Детка, ты зря отказываешься, – расплылось его лицо в ещё большей улыбке, когда я зашагала в нужном направлении.

Закатив глаза на очередную реплику своего секс-преследователя или же претендента на данную должность, я покинула стены университета в направлении кампуса.

Но и тут меня поджидала неудача.

Поцелуй Алана в щёку был таким же быстрым, как человек, который должен развести пиццу за час, иначе оплатит её сам.

Мой лучший друг теперь метит на должность моего парня. Я что, обнюхалась кокаином и сейчас мне всё мерещится?

– Привет, – улыбался он, шагая рядом и пытаясь поймать мою ладонь, которой я то и дело поправляла волосы, чтобы не позволить ему это сделать.

Нет, он не метит. Он уже считает, что занимает данное место в моей жизни. Когда я проспала этот момент?

– Привет, – невнятно пробубнила я, очередной раз заправляя волосы за уши. Клянусь, таким образом девушка даёт понять, что смущается, тем самым парень может легко додумать, что она испытывает к нему чувства.

Я ничего не испытываю, хотя мне очень хочется обратного. Чёртово сердце.

Какого это: целовать человека, который является твоим лучшим другом практически всю жизнь!? Он знает всё. Господи, он знает намного больше, чем необходимо, даже моего первого парня и как всё было. Он что, терпел и не показывал вида? Не может же человек, испытывающий чувства к другому – выслушивать весь его бред и не ощущать покалывания в сердце.

– У тебя месячные? – тихо спросил Алан.

– Господи, Алан! – воскликнула я, кинув в него взгляд, наполненный ужасом.

Он даже знает мой цикл.

И он прав: где месячные? Всю неделю я лишь мысленно

убивала Диего, который очередной раз взял меня на столе и показал равнодушие после секса.

– Но у тебя должны были начаться вчера, – пожал он плечами, вгоняя меня в краску, которую я никогда не испытывала в его обществе.

– Хватит обсуждать эту тему, – процедила я.

– Хорошо, – сказал Алан, и меня жутко выбесило его *хорошо*, поэтому я сверкнула глазами в сторону друга, дав понять, что пребываю не в самом лучшем расположении духа.

Проводив меня до самой двери, Алан снова оставил поцелуй на моей щеке и помахав рукой на прощанье, скрылся за ближайшим углом.

Войдя на порог, я закрыла дверь и прижалась ней спиной. Всё зашло слишком далеко, стало ещё более запутанней. И самое главное, что я позволяю расти и путаться этому клубку дальше.

– Дерьмовый день? – спросила Саманта, на что я распахнула глаза от неожиданности, потому что не заметила её присутствия.

– С каждым днём хуже и хуже. Чёртова вечеринка должна принести хоть каплю веселья.

– Ты идёшь?

– Мне не оставили выбора, – вздохнула я, отстраняясь от двери и следом упав лицом в подушку.

Видимо Саманта очень доходчивая, потому что не стала устраивать мне допрос с пристрастием, пытаясь выведать

причину бесконечных расстройств в моей жизни. Серьёзно, я жду того момента, когда меня уже объявят приёмной.

Уткнувшись носом в ткань, я буквально пыталась задохнуться и лишить себя жизни хотя бы на пару часов. Примерно так же, как меня вырубили на поле. Прекрасные часы без головняков.

– Грейс, – поглаживала тёплая рука моё плечо.

Я уже было хотела вымолвить имя Диего, но успела прикусить язык, увидев фигуру Саманты, склоняющуюся надо мной.

– Сколько время? – распахнула я глаза, переведя взгляд на окно, где уже заметно стемнело.

– Четверть восьмого.

– Твою мать! – соскочила я с кровати, подхватывая полотенце и одежду, в которой собиралась быть сегодня на вечеринке.

Под душем я ополоснулась так быстро, как только могла, два раза порезав ногу бритвой на одном и том же месте, а лучше бы полоснула шею. Это всё непонятная магия университета, где я ещё никуда и никогда не пришла вовремя. Сейчас мне кажется, что я даже опоздаю на собственные похороны.

Расправив на теле утонченное белое платье с закрытыми руками и грудью, но открытыми ногами, я наспех высушила волосы и встряхнула ими, придавая прикорневой объём и лёгкую небрежность, разбросанную по плечам.

Саманты в комнате уже не было, вероятно, ускользнула к Полли, которая наверняка будет на вечеринке. Я до сих пор помню улыбку этой сучки, направленную мне в ту секунду, как глаза погрузились во тьму. Она специально сделала пас, тем самым бросив меня под гусеницу танка. Как-нибудь, я отплачу ей той же монетой, эта сучка уже доконала меня. Пора перестать жалиться над ней и включить стерву, которая легко сотрёт её в пыль по щелчку пальцев.

Шагнув в туфли, я подхватила телефон и побежала на выход, потому что время перевалило за восемь, показывая, что я уже опоздала на две минуты.

Одно могу сказать точно: бегаю я на шпильках ничем не хуже, чем в бутсах. Мне даже удалось снести с ног парня, вошедшего в двери. Чудом он успел отклонить голову назад, в ином случае – косяк дерева мог ровно пройтись по его милому личику.

– Решила заморозить меня? – заулыбалась Мария, увидев меня, трусцой бегущую в её направлении.

– Отключилась на несколько часов, – вздохнула я, остановившись около Марии, пытаясь выровнять дыхание. Чёрное платье на её теле – было будто изрезано и более открыто сверху, чем моё. Хотя длинна оставалась одинаковой.

Добравшись до дома братства буквально в квартале от кампуса, мы вошли в открывшуюся перед нашими лицами дверь, из которой выскочил какой-то парень и поскакал по траве, будто годами сидевшего заложника, выпустили на во-

лю.

Проводив его взглядом, я направилась за Марией, которая не стала наблюдать за придурковатым парнем, скачущем на газоне. В руках моих тут же оказался стаканчик, который вручила моя вечерняя подруга.

– За Грейс! – заорала толпа, из-за чего я распахнула глаза и оглядела людей в доме, взгляды которых были направлены на меня.

– Не делайте вид, будто я не отключилась, – закатила я глаза и осушила стаканчик до дна, после чего, посмотрела на девочек, особенно на Полли, лицо которой помрачнело, когда мы встретились глазами. Сучка явно понимает, что вина полностью на её плечах, – это ваша победа.

– Победа наша благодаря тому, что ты измывалась над нами на поле ежедневно, – улыбалась Донна, подойдя ко мне и обняв, – я рада, что ты жива. И я отомстила ей за тебя.

– Отомстила? – вылупила я глаза, переживая за то, что Донну могут исключить на несколько игр, либо же вовсе из команды.

– Типа того, – кивнула она, – я могла оставить ей косоглазие, петляя по полю. И её отстранили на следующую игру с нами.

– Отлично, мой следующий мяч впишется в её физиономию, как только она появится у меня на глазах, – и второй в лицо Полли, но продолжение я добавлять не стала, а лишь улыбнулась и подхватила второй стаканчик с алкоголем.

Взметнувшиеся красные стаканчики в воздух, опустошились со криками *«за победу»* и *«за кисок»*. Втрое, конечно, принадлежало парням с братства, у которых член вместо мозга.

После третьего стакана, в голове тараканы уже начали готовить план дальнейших действий. Но первым они выбрали танцы. Сумасшедшие танцы: на столе, полу, диване, столешнице. Этот дом – рассадник бактерий и венерических заболеваний, как и любое подобное братство университета.

Мария от меня не отставала, даже больше: она была на шаг впереди. По её талии, плавно двигались мужские руки, и она не торопилась их скидывать. Я не дам ей посетить кровать какого-нибудь идиота с хламидиозом. Сколько бы не было во мне алкоголя сегодня, я чувствую, что отвечаю за голову сестры Диего. И не только за голову.

Воспоминания его касаний – моментально вспыхнули в голове. Закрыв глаза, я двигалась в танце, представляя, как его сильные руки обвивают мою талию и привлекают к себе, пока разум постепенно начинает дурманить аромат парфюма, едва уловимого табака и тот самый запах, который принадлежит ему после секса.

Выпитое спиртное дало о себе знать не только в сознании, но и в физиологическом плане. Ухватив руку, Марии, я потащила ее на второй этаж, где обычно можно найти туалет. Желательно, если он будет свободным. Одну я её не оставлю. Нет уж, увольте. Потом не найду эту девушку и через

год. Скажут, что последний раз её видели со мной. В итоге: Диего сломает мой позвоночник или найдёт что-нибудь поизворотливее.

Дёрнув первую ручку – я наткнулась на неудачу, потому что она оставалась закрытой. Следующая – поддалась легче, но не позволила себя открыть.

– Скорей всего, эти парни сломали её сто лет назад и годами перекидывают друг на друга ответственность за её восстановление, – пожала плечами Мария, отодвинув меня в сторону и дёрнув ручкой так, что она могла отлететь и восстановлению бы уже не подлежала, – я же говори…

– Что? – сделала я шаг в комнату за ней и застыла.

Спина. Слишком знакомая спина, закрывающая тело какой-то шлюхи.

– Да вы охренели! – взревел Диего, но, когда повернул голову, его губы вытянулись в тонкую ниточку.

Проглотив ком, я попятилась назад, но наткнулась на чьё-то тело, шедшее мимо. Мужские руки вмиг оказались на моей талии, пока я не могла отвести взгляд с Диего, который вновь нацепил маску равнодушия.

– Принцесса, я уже считаю, что происходящее между нами не является совпадением, – промурлыкал довольный голос Оливера, чьи руки покоились на моей талии.

– Боже! – запищала наконец-то Мария и выскочила из комнаты, захлопнув дверь с широко распахнутыми глазами, в тот момент, как Диего заорал «стоять».

Когда она полетела к лестнице, я вырвалась из хватки Оливера и рванула за ней.

Если Мария бежала от смущения из-за увиденного, то я бежала из-за другого – от человека, который вчера усадил меня на стол в тренерской и на нём же взял. Сегодня он делает это с другой.

– Обе стоять! – раздался грубый голос за нашими спинами, от которого наши ноги обоюдно приросли к асфальту.

Я просто застыла, не найдя в себе силы повернуться в его сторону, хотя спиной слышала и чувствовала приближающиеся шаги. Мария переняла мою позицию, и тоже не двигалась с места. Если бы сейчас из-за угла выехала фура, то легко могла оставить пару лепёшек в виде нас.

– Какого хрена ты тут делаешь? – гневно заговорил Диего, что пробудило во мне силы повернуться к нему лицом.

– Моя команда выиграла первую игру, – ответила я.

– Не ты, – фыркнул Диего, дав мне невидимую пощечину, – я к тебе обращаюсь, Мария!

– Пришла на вечеринку, – наконец заговорила она, завернув к нему лицо, вслед за мной.

– Ты меня плохо понимаешь? Тебе мало того, что уже есть? – повысил он голос, терзая её тёмным взглядом, в котором не было никакой эмоции, лишь злоба.

– Что ты несёшь!? – закричала она, – я не могу прийти вечеринку?

– Не можешь, блядь! – заорал Диего в ответ так сильно,

что на моём лбу, проявились первые капли пота.

– Не указывай мне, что я должна делать, – не стала медлить Мария, – я не маленькая девочка!

– Мне плевать! – продолжал орать Диего, когда сестра начала всхлипывать, – ты сейчас же поедешь домой. Я лично усажу тебя в такси.

– Я никуда не поеду! – закричала она. Ещё с минуту они смотрели друг другу в глаза, испепеляя одним лишь взглядом.

Первая слеза скатилась по лицу Марии:

– Почему ты так поступаешь? Почему ты делаешь это с собой, Диего? У тебя был шанс на нормальную жизнь, – кивнула на меня она и резко выплюнула со всей злобой: – но ты и его потерял!

– У меня есть отношения, – запротестовал Диего, защищаясь.

Мария посмотрела на Диего со всем призрением. Развернувшись, чтобы уйти, она кинула ему напоследок:

– Засовывание члена в девушку не является отношениями. Ты болен, Диего. И мне тебя очень жаль, но ты должен понять, что то, чем ты занимаешься, тебе не поможет, – оставив последнее слово за собой, она убежала в обратную сторону от братства, вытирая слезы на бегу.

Кажется, ей гораздо хуже, чем мне.

Отрывки ее слов крутились в моей голове, но размышлять о их значении, сейчас не было времени.

Диего стиснул челюсть и со всей накопившейся злобой посмотрел на меня:

– Что ты, блядь, забыла с моей сестрой?

Смотря на него с ужасом, я не могла и моргнуть. В глаза будто вставили зубочистки, которые помогали слезному отделению постепенно начинать крутить механизм, помогающий им выйти наружу.

– Почему ты так поступаешь? Зачем этот метод кнута и пряника? – проигнорировала я его вопрос.

– Метод кнута и пряника? Боже, Грейс, – злобно рассмеялся Диего, но взгляд карих глаз продолжал оставаться холодным, – ты же не думала, что если мы потрахались пару раз, то теперь я стал тебе чем-то обязан? – рявкнул Диего, награждая меня пустым взглядом.

– К сожалению, я именно так и думала, – эхом ответила я.

Он прав. Никто никому ничего не обещал, но почему тогда моя душа рвётся на части, как и сердце, покрывшееся корочкой льда, которая начала трескаться?

Диего достал пачку сигарет из кармана штанов, вытащил одну и поджёг. Втянув в себя дозу никотина, он выпустил дым и последний раз посмотрел на меня перед тем, как удалиться в том же направлении, куда ушла Мария.

– Мы просто трахались, Грейс. Потому что ты этого хотела, ты смотрела на меня своими глупыми глазками, жадно раздевая и придумывая фантазии о свадьбе и пятерых детях. А я не хотел этого, я не хотел ничего, связанного с тобой. И

до сих пор не хочу, – он сплюнул и не оборачиваясь ушёл.

Я начинаю ненавидеть тебя, Диего Фуэнтес.

Глава 9

Боль. Каждый из нас хотя бы раз в жизни испытывал это болезненное ощущение. Пусть это будет физической болью или моральной – плевать. Потому что каждая приносит достаточно мучений.

До этого момента я ощущала лишь физическую боль, когда меня опрокидывали на футбольном поле во время игры, когда мяч прилетал в голову, когда падала и стирала колени и руки в кровь. *Но это делало меня сильнее, заставляло вставать и двигаться дальше, невзирая на ощутимое чувство боли.*

Я никогда в жизни не чувствовала *такого*.

Когда Диего бросил меня, стоящую на дороге с стеклянными глазами, в которых отражалось разочарование, – я думала, что умру. И нет, я не утрирую. Та боль, которая сжимала моё сердце в сильном кулаке, не давая разуму овладеть мной вновь и заставляя меня рыдать, – убивала меня изнутри, выжигая клеймо на сердце в виде имени моей боли. А у моей боли как раз-таки было имя – Диего. Который отныне для меня – никто. Мне хочется стереть все воспоминания о нём, о его существовании в моей жизни, пусть и таком коротком, но болезненном. Я хочу забыть всё, что связано с ним, чтобы не чувствовать эту боль.

Но она не уйдет. Потому что я никогда не смогу забыть

Диего Фуэнтеса, который въелся в мою голову, обвил лианами все жизненно важные органы и затуманил разум.

Продолжая стоять на дороге, я смотрела на удаляющуюся спину причины моих страданий. Я не лучший человек, но чем я это заслужила? Может, родители были абсолютно правы, и Америка – не лучшее место для моего проживания. Но это уже не важно, ведь даже если я покину Принстон и вернусь в родной Лондон, воспоминания останутся. Они будут преследовать меня всю жизнь. А мне, мать твою, всего восемнадцать. Неужели я всегда буду чувствовать грёбаную боль от мудака—Фуэнтеса? Неужели мне придется избегать мужчин, чтобы снова не ощутить это?

Слезы стекали по лицу, соединяясь на подбородке. Я не стирала их, как напоминание причины, по которой теперь обязана отпустить затею узнать Диего. Он ясно дал понять, что ему наплевать на меня и то, что я чувствую. А я чувствую чёртову влюбленность. *Спасибо, что не любовь.*

Разве, когда люди разбивают сердца другим, они не страдают? Почему Диего не испытал ничего, разбивая всю меня на мелкие осколки?

Ответ прост: он – игрок, который просто трахал тебя, – подала голос совесть, а буйное второе «я», которое периодически спорит с ней, согласилось. *Единогласно.*

Как я вообще могла влюбиться в него за каких-то пару недель? Тем более, когда он всячески отвергал меня, давал понять, что я – никто в его жизни.

Прекращая мучить свою голову, я медленно дошла до кампуса, по пути купив шоколадное мороженое с кусочками орешков. Ребята кричали мне вслед слова поздравления, но я молча обходила их, направляясь в свою комнату.

Это не моя победа. Я как раз-таки проиграла.

Распахнув дверь, я поплелась к нужной кровати и грохнулась на неё. Челюсть Саманты отпала от вида моих красных заплаканных глаз, но она изо всех сил держалась, чтобы не начать болтать без умолку. Открыв мороженое, я достала одноразовую ложку из прикроватной тумбочки и принялась есть мороженое, смотря куда-то в одну точку.

– Ну всё, я больше не могу сидеть на месте и смотреть, как ты страдаешь, – вырвалось из Сам.

Девушка подлетела ко мне, села на пол и обняла мои ноги, положив голову на мои колени. Как ни странно, но мне не хотелось отвергать её, хотя обычно я со всем справляюсь сама. Но когда Саманта подняла на меня свои глаза, я резко передумала и отпрыгнула от неё.

– Не надо жалеть меня. Мне не нужна твоя жалость, – железным тоном отчеканила я сквозь зубы и запустила новую ложку мороженного в рот.

Но жалостливый взгляд Саманты никуда не делся. Наоборот девушка с ещё большим сожалением смотрела на меня, склонив голову, будто мои слезы – её вина. Когда-нибудь сердобольность погубит её, сломав все, чем она жила.

По своему опыту знаешь? – рассмеялось второе «я» и тут

же потухло, вспоминая, что также виновато во всех моих проблемах.

Саманта тяжело вздохнула и осторожно присела ко мне, словно я злая собака и чуть что укушу её.

– Расскажешь мне? Обещаю хранить твой секрет и унести с собой в могилу.

– Мне очень хочется тебе рассказать, но, кажется, ты не сможешь понять меня.

Девушка сжала губы в тонкую линию и задумалась.

– Я попробую понять тебя, Грейс, – кивнула она через минуту размышлений.

Переведя дух, я рассказала ей обо всём: начиная с раздевалки, где мы впервые встретились, заканчивая сегодняшним днём. Она все время, пока я рассказывала, молчала, изредка понимающе кивая.

– Так значит тренер Фуэнтес? – растягивая спросила она с улыбкой.

– Именно.

– Прямо на столе? А это удобно? Стол ведь, ну, твердый, в кровати удобнее, наверное. Я не знаю, я не пробовала на столе. Думаешь, стоит?

– Саманта, – возмущено заверещала я, – ты не помогаешь.

– Прости, прости. Просто…извини, но я всегда думала, что ты – сука, – быстро выпалила она и тут же прошептала извинения, – ты никогда не рассказывала ничего мне, приходила поздно и делала вид, словно меня нет. Но сейчас я

понимаю, что было, и приношу свои извинения за то, что думала о тебе такое. Мне так стыдно.

Девушка закрыла ладонями лицо, но ее красные щеки я всё-таки успела увидеть.

– Не извиняйся. Наверное, я и вправду вела себя с тобой, как сучка. Ты ведь простишь меня?

Саманта удивлено посмотрела на меня и энергично закивала.

– Конечно, боже, ты ещё спрашиваешь. Можно теперь я тебя обниму?

Неужели это первый человек, которого я встретила в Америке, спрашивает разрешение, прежде чем обнять?

Я не успела дать своё согласие, как Саманта налетела на меня, положив наши туши на кровать, легла под боком и крепко обняла меня.

Кажется, я поторопилась с выводами.

– Он очень горячий? – тихо спросила она, выводя круги на моей руке.

– Мгхм, – промычала я, делая вид, что мне нужно подумать.

Он охренительно горячий, потому что иначе мы бы не отдались ему на улице, на столе, – довольно промурлыкало второе «я».

– Кажется, у меня шизофрения.

– Что? А, это у вас англичан шутки такие. Алан первое время тоже как-то странно подшучивал надо мной.

Вот ты и опять думаешь о Диего. Парень был прав: мы и вправду забыли обо всем, кроме него, фантазируя план свадьбы и воспитания детей, – начала совесть, но второе «я» тут же завопило:

Кому ты веришь, женщина? Он же сказал нам все эти гадости только для того, чтобы проверить нас. А вы так легко поверили. Стыдно, девочки.

Не знаю, нормально ли то, что в своей голове, я спорю сама с собой и говорю «мы», но я впервые за все это время согласна со вторым «я»: Диего специально оттолкнул меня. *Надеюсь.* Но даже если это так, то у него должны быть на это веские причины. Долго размышляя над ситуацией, я решила для себя дать ему время. *Отныне он не будет существовать в моей жизни, кроме как тренером.*

– Кстати, Грейс, каждый год мы с Оли и Полли в конце сентября выбираемся в поход. И как раз завтра тот день. Может, присоединишься к нам? – Саманта поднялась на локтях и с интересом стала ждать моего ответа.

Не помню, когда я в последний раз ходила в лес, а тем более с ночёвкой. Это кажется мне диким, но интересным. Если бы родители были рядом, то точно не отпустили бы меня, а это значит, что?

– Я с вами, – твердо сказала я, заставив Саманту улыбнуться, – только можно я возьму с собой подруг?

– Подруг?

Я кивнула, не понимая причину, по которой Саманта так

удивляется факту наличия у меня подруг. Разве я такая социопатка? Или совсем больная на всю голову злая истеричка?

– Конечно бери. Вместе веселее. Значит завтра утром выезжаем, – Саманта ещё раз обняла меня и подскочила к двери, – пойду скажу Оливеру, Полли и Алану, что ты поедешь с нами.

Оливер? Да ну вас нахрен. Если этот придурок поедет с нами, то он не только вынесет мне весь мозг, но и доведёт до нервного срыва Полли, которую он пару раз называл девушка-каждый-день-месячные. Хотя, последнее будет как раз-таки кстати.

Быстро вытащив телефон из сумки, я напечатала Донне и Марии предложение присоединиться к нам и, не дожидаясь ответного сообщения, уснула.

Утром мне пришлось проснуться от того, что меня трясли, но как-то нежно, поглаживая плечо большим пальцем. Если бы человек хотел испортить мне день, начиная с прерывания сна, то точно не ласково поглаживал, а вообще скинул с кровати. Любопытство взяло надо мной вверх, и я смогла открыть один из глаз, который склеился из-за вчерашних слез.

– Доброе утро, – улыбнулся Алан, продолжая меня гладить. Разве я похоже на домашнюю кошку, которой нужна ласка? *Может и нужна, но не от Алана*, – присоединяйся.

Сначала я не поняла, что он имел ввиду, но как только

увидела, кто ещё стоит в нашей комнате – это ушло на второй план. Подскочив на месте, я подтянула с ноги, обхватив колени, и натянула одеяло практически до ушей. Если Саманта решила собрать всех наших друзей, то ей, наверное, стоило разбудить в первую очередь, блядь, меня. А если бы я спала голой? Этот вопрос я и озвучила.

– Тогда я бы ещё сильнее обрадовался сегодняшнему дню, принцесса. Но у нас все ещё впереди. Целый день вместе, – последнее Оливер пошло прошептал, но я даже не дёрнулась. *Придурок.*

Саманта стукнула его в плечо, отчего он сделал вид, что смертельно ранен, и упал на соседнюю кровать.

– Не беспокойся, Грейс, даже несмотря на то, что ты поздно приходишь ночью, я все равно знаю в чём ты спишь, – сказала Саманта, складывая вещи по сумкам. *Мои вещи в сумку. Мои. Какого чёрта?*

Я не успела выразить все своё возмущение из-за Алана, который с хмурым лицом настиг меня, сел рядом и скрестил руки на груди. Как-то обиженно надув губы, он тихо спросил:

– Почему ты приходишь поздно ночью, *Грейс*?

Даже не Гри, он не назвал меня собачьей кличкой – точно обиделся. Вся эта игра в чувства только треплет мои нервы, потому что мне не хочется терять Алана, но я также не собираюсь отказываться от всего.

От всего, это от Диего, да? – хихикнуло второе «я», под-

начивая совесть. Только сейчас мне не хватало моих отклонений в виде разговоров в голове.

Вернувшись к миру, я все также увидела Алана рядом, хмуро глядящего на меня.

– Поздние тренировки. Ты же видел девушек из Колумбийского университета. И они далеко не единственные, они все такие большие. Как капитан может быть размером с муравья? Вот поэтому я и занимаюсь по вечерам в качалке, чтобы стать сильнее, – медленно врала я, придумывая что-то максимально правдоподобное. Алан знает меня, слишком сильно знает меня, поэтому ему не составит труда расколоть враньё. Если только любовь не затмила ему разум.

Друг посмотрел на меня тем самым взглядом, говорящим я-знаю-что-ты-врёшь, но тут же сменил его на ты-такая-красивая-Гри. *Слабак. Даже он сломался перед напором чувств.*

– Тебе ничего не нужно менять, Гри, ты итак лучше всех, – Алан с немотивированным восхищением посмотрел на меня, продвинулся ближе, нежно взял мой подбородок и попытался поцеловать меня, но на этот раз я отскочила. Неосознанно я посмотрела именно на Полли, которая наблюдала за всей этой картиной с гримуаром и свечкой в руках. Она стояла в дверях, облокотившись на дверной косяк плечом. Все её внимание было, естественно, обращено на нас. И, может быть, я бы подмигнула ей, как она мне в тот раз, но я не смогла. В её глазах застыла пелена боли, руки дрожали, и

казалось, что она вот-вот заплачет.

Только этого нам не хватало. Нам не нужно сочувствие. Оставь смазливые чувства другим, – заверещали голоса в голове.

Видимо, меня и вправду хорошо приложили, раз теперь все решения за меня принимают вопли в голове.

– Ребят, – громко позвала всех Саманта, – надо распределить обязанности.

– Мы с Аланом поедем заправлять машину, – сказал Оливер.

– Хорошо, тогда я и Донна будем собирать вещи, а Полли, Мари и Грейс поедут в магазин, – мы с Полли тут же хотели запротестовать, но Сам быстро осадила нас, – решено. Вам, девочки, стоит перестать грызть друг другу глотки. Встречаемся в десять на парковке кампуса.

– Сейчас даже нет десяти утра? – завопила я как не в себе, – какого чёрта мы собрались делать в лесу в такую рань?

– Купаться, там есть речка, принцесса.

– Есть зефир, жареную картошку и мясо, Гри.

– Дышать свежим воздухом, – повела носом Мария.

– Играть в правду или действие, капитан.

– Если тебе что-то не нравится, то можешь не ехать, – тише всех сказала Полли, но я всё же услышала её мышиный писк.

Саманта укоризненно посмотрела на неё, на что та лишь подняла руки вверх в знак капитуляции.

– Вот поэтому вы пойдете вместе, а Мария будет вас разнимать, если вы решите поубивать друг друга, – сказала Сам тоном, не терпящего возражений.

Спустя десять минут мы втроём шли в Таргет. Мария шла посередине, потому что пару раз я попыталась заехать Полли в челюсть из-за её вечных шуток, которые она отпускает в мой адрес. Сука не знает границ, и я покажу ей, что значит оказаться в отключке.

Воодушевлённая сегодняшними планами, Мария абстрагировалась от мира и начала двигаться быстрее нас, позволяя мне наконец треснуть Полли, но совесть запретила.

Ты реально станешь ее слушать? Дорогая, плевать мы на неё хотели. Полли заслужила, чтобы ей сломали челюсть , – ворчало второе «я».

– Я точно больная. Мария, это нормально, что у меня в голове происходят дебаты?

Девушка обернулась, чтобы посмотреть на меня, и хихикнула.

– У меня тоже такое было. Правда, тогда я нюхала кокаин.

– Ого, наш капитан – наркоман, – рассмеялась Полли, делая вид, что ужаснулась.

Я пихнула её в плечо, заставив пошатнуться.

– Да нет же, это тебя стоит поблагодарить за такие глюки. Ты же решила подставить меня на игре, – зарычала я на неё. Хотелось сделать гораздо большее, чем просто накричать на неё, но опускаться до её уровня – я не стану.

Полли лишь весело пожала плечами.

– Брось, она бы так и так выкинула тебя до Северной Каролины. Я просто дала ей повод.

– Вот уж спасибо, как камень с души упал, – раздражённо фыркнула я, ожидая того, что Мария встанет на мою сторону.

Но у неё свои планы.

Мария резко остановилась, заставляя сделать тоже самое и нас. Полностью развернувшись к нам, она окинула каждую хмурым взглядом, на что мы съежились. Со стороны вся эта ситуация напоминала маму и провинившихся детей.

– В чём дело? Полли, в чём твоя проблема? А твоя, Грейс? – серьезно спросила Мария. Неужели она всерьёз станет разбираться в этой ситуации, – я знаю вас не так долго, но всё это время я вижу одно: вы вечно огрызаетесь друг с другом.

– Тебе стоит спросить причину у Полли, – с предвкушающей улыбкой я посмотрела на девушку. Полли рассерженно дёргала подол платья, смотря по очереди на каждую из нас. Когда её взгляд остановился на мне, я сладко пропела, – просто Полли безответственно влюбилась в Алана, но увы, её тощая задница не привлекает его. Теперь она винит в этом меня.

– Заткнись, – сквозь зубы прошипела Полли и со всех ног ринулась в Таргет, который был уже поблизости.

Впервые в жизни я почувствовала себя ужасно из-за по-

ступка по отношению к другому человеку. Наверное, я как никто должна понимать Полли, ведь сама не далеко ушла. Жалость к ней и отвращение к себе запульсировали в груди, отчего я попыталась найти помощь в Марии, которая смотрела на удаляющуюся спину Полли, но, почувствовав мой взгляд, обернулась.

– Не надо. Не говори мне, что она сама виновата. Вы обе хороши, – прервала она меня, когда я уже собралась оправдываться.

– Мария, в этом всём нет моей вины.

– Нет, – она отрицательно замотала головой, – есть. Ты можешь поговорить с ней, объяснить, что ты – не соперница ей. А вместо этого ты топчешь всё, что у неё есть к Алану.

– Погоди, ты на её стороне? Ну уж нет, она – сука, и заслужила все, что я ей уготовила, – сжав руки в кулаки, я со всей силы прижала их в бедра, вдавливая.

– Никто не виноват в том, что Алан любит тебя, а не её. А также никто не виноват в её ненависти к тебе. Поставь себя на её место, Грейс, – продолжала Мария давить на больное.

– Он не любит меня. Может влюбленность, но не любовь. Нет, нет и ещё раз нет, – заскрипела я, пытаясь донести эту истину не до Марии, а до себя. Как никогда хотелось верить в это.

Мария улыбнулась.

– Пусть будет по-твоему. Но, пожалуйста, поговори с Полли наедине в лесу. Это должно прекратиться, потому что

страдают все, а не только вы. Пойдем, мы уже опаздываем.

Она со шлепком схватила меня за шею и повела к дверям Таргета.

Схватив большую тележку, она впихнула её мне, со словами о том, что теперь я рюкзаконосец без рюкзака. Петляя между стендами с едой, я пару раз ловила себя на том, что неосознанно искала глазами Полли. *Она не могла далеко уйти.* И пусть моё второе «я» ворчало и билось в конвульсиях, я всё равно попыталась видеть в Полли только хорошее. А такого, к сожалению, мало. Зато я точно знаю, что она хорошо играет в американский футбол, красиво поёт, и она отличная подруга. Думаю, этого достаточно для того, чтобы ненавидеть её чуть меньше.

– Полли! – крикнула на весь магазин Мария, когда увидела знакомую макушку. Полли попыталась сделать вид, что нас не слышит, но как только Мария заорала ещё раз, значительно громче чем в первый, она сдалась и поплелась к нам. Неудивительно, что смотрела она на Марию, а не на меня. Зато теперь я лишний раз убедилась – Полли обидчивая.

– Нельзя кричать на весь магазин, – рассерженно пропыхтела Полли, как только подошла к нам.

Мария улыбнулась своей фирменной лучезарной улыбкой наркомана.

– Почему нет? Пусть все знают твоё имя, красотка.

– О боже, тебе шестнадцать? – устало спросила Полли, вытирая пот со лба.

– Что? Нет, мы ровесницы, – махнула рукой Мария, следуя куда-то в сторону напитков.

– С виду не скажешь, – все также недовольно проворчала Полли, когда улыбчивая бестия отошла от нас, но, вспомнив, что я рядом, она резко перевела взгляд зелёных глаз, в которых не было привычных огоньков вражды, на меня, – чего тебе, *Гри*?

Последнее слово она буквально выплюнула мне в лицо, из-за чего мне пришлось провести ладонью в тех местах, куда попал её змеиный яд.

– Успокойся, *девочка-каждый-день-месячные*, давай хотя бы сегодня без вражды.

Она назвала меня кличкой собаки, я назвала её прозвищем Оливера. 1:1.

Полли вздрогнула и посмотрела на Марию, которая уже летела к нам с алкоголем, пачкой сока и газированной водой.

– Куда нам столько выпивки?

– Ты собираешься оставаться трезвой? Я впервые уезжаю в лес с ночёвкой, и поверь мне, я очень хочу найти медведя и подраться с ним, будучи в хлам, – весело объявила свои намерения Мария, закинув всё в тележку.

– Здесь нет медведей.

– Плевать, Полли, я найду их, где бы они ни были. Пойдёмте к стенду с едой.

Не смея возражать ей, мы двинулись за Марией, изредка кидая друг в другу равнодушные взгляды.

Когда покупки были оплачены и разложены по пакетам, каждая взяла по одному, хныча о том, что стоило отправить за продуктами парней.

– В следующий раз мы поедем заправлять машину, – проворчала Мария, сдувая пряди со лба, когда мы почти подходили к кампусу.

– Поверь мне, следующего раза не будет, потому что я убью их раньше.

– Не выйдет, я миллион раз пыталась прибить Оливера, но он, как грёбаный таракан, – вяло пробубнила Полли.

– Оливер кажется милым, – вздохнула Мария и мечтательно улыбнулась.

Сестра Диего влюбилась в главного идиота страны?

Мы с Полли резко обернулись на неё и ошарашенно посмотрели, ожидая, когда она произнесет слово шутка. Мария пожала плечами обходя нас и теперь двигаясь впереди.

– Ты тоже это слышала? – спросила я Полли, на что та кивнула. Ладно, по крайней мере у меня не глюки.

– Вот и они, – крикнула нам Мария и кинулась вперёд на стоянку, где заметила знакомую красную машину, раскачивая на бегу пакет.

Полли тихо рассмеялась, но также, как и я, ускорила шаг, чтобы догнать нашу бестию.

Пока Оливер помогал Донне и Марии затолкать все пакеты с одеждой и продуктами в багажник, Алан облокотился на машину и смотрел в телефон. Мы с Полли быстро вручили

Оливеру пакеты, передавая эстафету, и направились Алану.

– Ого, покажите шеи, я должен полностью убедиться в том, что вы не перегрызли глотки друг друга, – улыбнулся Алан, делая вид, что рассматривает наши шеи с разных ракурсов.

Если Полли была рада даже такому вниманию от него, то я была раздражена.

– Очень смешно, Алан.

– Что с тобой сегодня с самого утра? – удивлённо спросил он.

– А что со мной?

– Ты ворчишь. А что это значит? А это значит, что у тебя плохое настроение. Кто тебя обидел, Гри?

– Брось, я в порядке. Просто не выспалась, меня же никто не предупреждал, что в лес нужно ехать в одиннадцать утра.

– Уверяю тебя, природа изменит твое настроение, – улыбнулся Алан.

Выдавив кривую улыбку и сморщенное одновременно лицо, говорящее о том, что слабо верю в данные слова, я заняла место в машине, и чёрт меня дери, рядом сел Оливер, губы которого растянулись в пошлой улыбке, добавляя шевеления бровями в виде волны. Не удержавшись, я прыснула. Оливер придурок года, но его тупые шутки начинают нравиться, и мне действительно становится страшно.

Воткнув наушники в уши, я нашла песню, которая будет громыхать настолько, насколько это было бы возможно, дабы

заглушить голоса ребят.

Алан занял место за рулём, предварительно оглядев салон, в который утрамбовалась наша веселейшая компания. Надеюсь, после меня и Полли – лес останется на месте, потому что мы испепеляем друг друга даже взглядом.

Как только в ушах заиграли первые дроби Yungblud feat. Dan Reynolds – Original Me, я сползла по спинке и отвернулась к стеклу, дабы не наблюдать ухмылки соседа.

– Эй! – воскликнула я, когда из уха выдернули наушники, из-за чего я злобно взглянула в сторону Марии, которая сверкнула в ответ улыбкой.

– Мы собираемся петь, Грейс.

– Господи, да вы, вероятно, шутите? – поморщилась я, но по лицам рядом поняла, что шутки ушли в сторону.

– Мы… Мы едем! Мы! Мы! Мы едем! – заверещала Мария, и остальные хоть и смеясь, но поддержали её, даже Полли, которая выкрикивала слова.

– Это какой-то хренов апокалипсис? Вы пересмотрели фильмы про чирлидинг? – закатила я глаза, скрестив руки под грудью.

Команда энтузиастов проигнорировала мой вопрос, продолжая верещать эти слова ещё сотню раз.

Отдых превратится в ад, если они будут каждый раз выкрикивать подобные слова: «мы едем», «мы едим», «мы идём», «мы в туалет», «мы спать» и тому подобное. Даже моя широкоплечая и устрашающая Донна присоединилась к

орущим бред, предав меня.

Как только машина остановилась в глухом лесу, где максимум, кто может нас обнаружить – святой дух, я немного испугалась. Мало ли что водится в этой степи: медведи, волки, койоты и подобные животные, готовые с удовольствием вырвать мою глотку раньше когтей Полли.

Я ни разу не ходила в поход, ибо это «не царское дело», как считают родители, а я занимаю ту позицию: встать поперёк их слова.

Как только в наши руки попали пакеты, рюкзаки, мешки с походными вещами, я немного согнулась под тяжестью груза. Мы сюда не на месяц приехали, а на пару дней, но выглядит так, словно на всю жизнь.

– И чего вы заткнулись? – оглядела я людей, шагающих рядом со мной, – где же: мы! Мы идём!.. Мы! Мы идём!?

И я зря задала этот риторический вопрос, потому что они тут же подхватили мою идею, начав горланить слова.

Зачем я подала им такую хорошую идею? Теперь кучка этих громовещателей будет орать каждый свой шаг.

Как только палатка была поставлена, еда готовилась, а мы уже вдоволь искупались в речке – в лесу заметно стемнело, и я впервые почувствовала себя трусихой, потому что идти за ближайшее дерево одной, казалось мне не лучшей затеей. Но гордость мне не позволяла попросить кого-то из девочек пойти со мной.

– С тобой сходить? – поднял голову Алан, как только я

приняла вертикальное положение, найдя в себе немного бесстрашия, которое где-то потерялось на пути к поляне, на которой остановилась наша компания.

– Господи, это всего лишь лес, Алан, – произнесла я, придав словам уверенности. Я просто не хочу, чтобы он шёл за мной. Не будь между нами того, что произошло за последнее время, я бы легко дала своё согласие.

Зашагав в сторону кустов, я чувствовала, как предательски подрагивают колени, но выпрямила спину, направляясь к темноте, готовой скрыть мой силуэт.

Согласилась бы я на подобное предложение, будь оно сделано Диего? Да. Потому что я идиотка.

Где, чёрт возьми, моё чувство собственного достоинства?

После брошенных в мою сторону слов, я твёрдо решила его ненавидеть, либо же встать на данный путь.

У тебя плохо получается, Грейси, – смеялся мне в лицо разум, добавляя мерзкое ласкательное от родителей.

Очерчивая фонариком от телефона собственный путь в никуда, я и сама не поняла, как добрела до скрытого от людских глаз озера, над которым возвышались невысокие скалы в высоту примерно с двухэтажное здание. Тут мы не были. Это место даже лучше речки. Тишина и пустота этого места одновременно отпугивала и завлекала к себе ближе. Я поддалась второму чувству и подошла к воде, проведя по ней пальцами.

Никаких звуков вокруг. И мне так не хватает этой тишины. Обычно возле меня кто-то крутится рядом, но не тут. Заняв место на траве, я наконец-то вздохнула полной грудью, напрочь позабыв о том, зачем шла в кусты.

Мысли крутились вокруг Диего, за это я проклинала себя. Я не должна думать о нём, я должна ненавидеть его. Почему у меня ничего не получается? Разве это сложно: перестать о ком-то думать ежеминутно.

Легко проведя пальцами вдоль линии живота, я закрыла глаза, представляя сладкие моменты, проведённые с ним. Над головой завертелись звёздочки, потому что моя крыша начала конкретно смещаться с фундамента. Я не остановилась, я пошла дальше: проскользнула рукой под топ, восстанавливая тот момент, когда он сжимал мою грудь. По телу за секунду поднялись все мурашки.

– Грейс! – с паникой, выкрикивали моё имя, в следующую минуту, тёмная фигура Саманты появилась на горизонте с фонариком в руках.

Увидев меня, она тут же ринулась в мою сторону, а я быстро убрала руку от тела, сделав вид, что поправляла лифчик. На самом деле я панически переживала за то, что меня застали в таком уязвимом состоянии. Не хватало того, чтобы кто-то посчитал меня конченной извращенкой, которая пришла поразвлекаться с самой собой на пруд.

– Чёрт, Грейс, мы тебя потеряли! – запыхалась Саманта, и кипишно затыкала по экрану. Тут разве есть связь?

– Нашла этот пруд случайно, и не смогла уйти, – пожала я плечами, смотря практически в темноту. Тусклый свет этому чарующему месту дарила лишь луна, но в этом и есть своеобразное колдовство.

– В последнее время ты сама не своя.

– О чём ты? – нахмурилась я, кинув в соседку взгляд.

– Ты стала очень грубой и резкой. Я уже думаю, что встретила на пороге какую-то другую Грейс, и она исчезла.

– Я такая и есть, Сам, просто не люблю сюсюкаться.

– Это ведь из-за него? – внимательно смотрели на меня и без того чёрные глаза.

– Нет, – покрутила я головой, отчасти, сказав и правду, и ложь.

Хреново ли мне из-за Диего? Наверно, но думаю, виной тому слова. В ушах всё ещё эхом звенит последняя брошенная фраза в мою сторону: «мы просто трахались, Грейс». Я не вхожу в число тех, кто стал бы выяснять отношения или закатывать истерики после секса. Он не первый, и даже не второй. Но почему-то именно от его слов, болезненно жжёт в груди.

Катись к чёрту, Диего Фуэнтес.

Саманта поднялась с травы и подала мне руку, чтобы я сделала тоже самое. С поддержкой улыбнувшись мне, она сплела наши пальцы и повела нас к ребятам. По середине нашего места горел костёр, а возле него расположились три палатки и несколько брёвен. Алан, Донна и Оливер обсуж-

дали прошлый матч по лакроссу, в котором Принстону не удалось одержать победу. Полли что-то готовила на костре, а Мария читала ей кулинарную книжку, чтобы та сделала всё точно по рецепту.

– Сыграем в правду или действие? – спросила Саманта, как только мы пришли к ребятам. Все обернулись на нас, прерывая свои разговоры.

Оливер лукаво улыбнулся и потёр ладонями друг об друга. Кажется, этот засранец что-то придумал.

– Отличная идея.

– Я начинаю, – подняла руку вверх Мария и потрясла ею в воздухе, – Саманта, почему ты поступила на факультет моды и дизайна?

– Потому что это единственное, что я умею – говорить о моде.

– Неправда, просто ты ненавидишь мужчин, а на этом факультете их меньше всего, – влезла Полли.

Я в шоке уставилась на Саманту, которая в смущении переминалась с ноги на ногу, отпустила мою руку и села на одно из брёвен. Неужели я и вправду не знаю ничего о своей соседке из-за того, что слишком много времени проводила в мечтаниях об Диего. От такого признания самой себе захотелось вывернуть всё, что я ела в этом месяце. Причем вывернуть всё именно на Диего.

– Хорошо, теперь моя очередь, – начала Саманта, но её прервали.

– Подожди, если ты ненавидишь мужчин, то как Оливер может быть твоим лучшим другом со школы? И как ты собралась заниматься сексом в конце концов? Для этого процесса нужен мужчина, ты ведь знаешь об этом? – не унималась Донна, пытаясь понять, что она сейчас услышала.

Надо было видеть лицо Мадонны, когда Саманта с лёгкостью ответила:

– Конечно, я знаю, что в сексе нужен мужчина. Но меня это интересует меньше всего. Я – лесбиянка. И моя ненависть к мужчинам не распространяется на Оливера и Алана, – Сам щёлкнула Донну по челюсти, чтобы та ее захлопнула. – Оливер, как часто ты играешь со своим другом?

Все разом рассмеялись с такого откровенного вопроса. Оли единственный, кто возмутился. Сморщив аккуратный носик, он твёрдо заявил:

– Я не занимаюсь рукоблудием. Для этого у меня есть девушки, которые бегают за мной по всему Принстону.

– Успокойся, чувак, за тобой давно уже никто не бегает, – Алан хлопнул его по плечу, сдерживая смех.

Оли перевёл возмущённый взгляд на него и быстро скинул руку с плеча.

– Иди в задницу, – обиженно прошипел он и обратился к нашей кучке девочек: – Мой вопрос для Марии. Ты девственница?

– Да.

– Серьёзно? Ты ни разу не трахалась? Где ты жила? В мо-

настыре? Ты вообще видела себя в зеркало, ты же… горячая.

Щёки Марии покраснели. Девушка нервно поправила пучок на голове и принялась качать стаканчиком с алкоголем в руке. Мы с Полли дружно рассмеялись с этой картины и дали друг другу пять. Но как только осознали, что сделали, сразу отпрыгнули друг от друга на несколько футов, избегая встречи взглядами.

– Я жила в Сабаделе, где Диего был одним из главных бандитов города. Естественно, никто не хотел связываться с младшей сестрой самого Диего Фуэнтеса, чтобы не оказаться без члена где-нибудь в Аликанте, – робость спала, и на смену ей пришла злость. Переведя дух, она обратилась к Алану, – сколько у тебя было девушек, которых ты по-настоящему любил?

– Нуль, – не задумываясь ответил он.

При этом он смотрел на меня с расслабленным лицом, будто я как никто должна была знать его ответ ещё до того, как он его огласил.

– У вас кодекс какой-то что ли? – спросил Оливер, перенимая внимание Алана на себя.

– О чём ты?

– Ты смотрел на неё так, будто это она виновата в отсутствие любви в твоей жизни, – хохотнул Оливер, сам не понимая, как метко он попал.

Тишина, в которую погрузилось наше место, была далеко не той, которая доставляет удовольствие. Песни сверчков

становились всё громче, словно мы в каком-то фильме, и кто-то затупил.

Полли вышла вперёд и с надменным лицом сучки прошипела:

– Моя очередь. Грейс, как давно ты спишь с тренером Фуэнтесом?

Она серьезно это только что сказала?

С трудом сглотнув ком, я попыталась что-то сказать, но, проигрывая каждый вариант ответа, поняла, что я в западне. Как она узнала? Где она нас увидела: в кафе или в тренерской? Вероятно, в кафе, ведь в тренерскую никто не заходил, пока мы там были. Хорошо, пусть даже если так, то зачем она говорит это?

Посмотри на Алана. Как только Полли выплюнула вопрос, его лицо сменилось маской ужаса. Она выставляет тебя сукой в его глазах. Ты теряешь друга, Грейс. Пускай ты и потеряла его давно, когда он влюбился в тебя, – объясняло второе «я», а совесть повторяла то же самое. Хоть где-то мои глюки пригодились.

Сменив испуг на равнодушие, я холодно ответила ей:

– Не понимаю, о чём ты. Я выбираю действие.

– Конечно, ты не понимаешь. Зато я всё понимаю. Как ты выходила из тренерской с такой мерзкой улыбкой, будто он трахал тебя на столе, – с отвращением кричала Полли, пока другие стояли в стороне, не понимая в чём дело.

Мария встала между нами, обращаясь к рычащей Полли:

– Я была там и могу твердо заявить, что никто ни с кем не трахался. Оставь это, Полли.

Глаз этой стервы нервно дернулся. Кажется, она рассчитывала не на такой исход.

– Вот тебе действие: сегодня ты спишь в палатке с Полли. Всем спокойной ночи, – донёсся до нам командный голос Саманты.

Все тихо разошлись по палаткам, оставляя Сам и Донну заканчивать готовку. Полли исчезла в зарослях леса, предварительно сказав, что ей нужно пройтись перед сном. Никто не стал её отговаривать, а я тем более. Расположившись в палатке, я укуталась в одеяло и начала засыпать.

Полли поступила ужасно. Сегодня она впервые вела себя, как нормальный человек, но вновь всё испортила. Мне стоило поговорить с ней, но как только я к ней подходила, у неё сразу находились занятия поважнее. Может, пора оставить эту затею. Это её выбор, и если она хочет, то пусть ненавидит меня. Решив, что со следующего дня перестану обращать на неё внимание, я начала погружаться в сон. В эту секунду до меня донёсся тихий голос Полли, которая минуту назад зашла в палатку:

– Прости меня. Ненавидеть тебя становится всё сложнее.

Глава 10

Все выходные я провела в комнате, отсиживаясь в тёплой постели в компании ноутбука и чашки чая, которую мне периодически приносила Саманта. Сотрясение больше не давало о себе знать, из-за чего пропали голоса в голове, и осталась одна я наедине со своими мыслями, которые пожирали меня, словно чёртовы дементоры. Пару раз я даже попыталась писать картины, чиркать наброски в блокноте, но из этого ничего не вышло – вдохновения нет. Все, что я имею на данные момент – ощущение пустоты внутри. Ни ребята, ни рисование, ни музыка, ни тренировки не помогают мне справиться с непреодолимым ощущением, будто в моей жизни что-то идёт не так, из-за чего каждый миг я ощущаю себя, как не в своей тарелке. И дело даже не в Диего. Ещё до его появления в моей жизни я чувствовала себя одинокой. И, вроде бы, Алан всегда был со мной, но это лишь ухудшало положение. То время, которое я смогла провести наедине с собой и своими мыслями, я потратила на попытки объяснить, в чём же дело.

После того случая в лесу, Алан весь следующий день избегал меня и только на следующее утро решился подойти.

– Это правда? – быстро сказал он без приветствия, когда поймал меня в коридоре. Настороженный взгляд так и умолял меня сказать «нет», но я не хотела лгать, а тем более ему

– моему лучшему другу с детства.

Чувствуя, как все тепло моего тела пришло к лицу, отчего загорелись щёки, и стало невыносимо душно, я попыталась сделать вид, что мне кажется смешным его вопрос. *На самом деле мне хотелось реветь навзрыд от несправедливости.*

– Разумеется, нет. Мария ведь подтвердила, что была в тот день в тренерской, и ни о каком сексе не шло и речи, – я брезгливо сморщила нос, будто идея оказаться с членом тренера внутри своей вагины – это самое омерзительное.

Алан все также пронзительно смотрел мне в самую душу, но, кажется, в его глазах мелькнуло слабое облегчение.

– Прости, что усомнился в тебе. Это и вправду звучит дерьмово, – он шумно выдохнул и подошёл ко мне ближе, за один шаг, сокращая расстояние между нами до минимума. От его близости мне стало не по себе, но это лишь добавило причину моей злости на себя, – мне давно нужно было с тобой поговорить, Грейс, я не знаю как…

– Стой, – быстро выкрикнула я, отказываясь слушать то, что он собирается сказать. Все предельно ясно: он расскажет мне о своих чувствах, что убьет нашу дружбу, ведь я не смогу ответить ему взаимностью. Решение пришло в голову мне мгновенно, – давай потом, ладно? У меня охренительно много дел, так что я побежала.

Когда я собиралась стартовать, воспользовавшись его ступором, он вмиг схватил меня за плечи, крепко удерживая рядом с собой.

– Нет, Гри, я итак слишком долго держал это в себе. Сегодня и завтра утром у меня одни сплошные тренировки, но это не означает, что тебе удастся избежать разговора. Завтра в восемь в парке, – командным тоном сказал он и добавил уже чуть тише с откровенной мольбой. – Пожалуйста, это важно для меня.

– Без проблем, – ещё какая проблема, – завтра в восемь и без опозданий.

Я улыбнулась другу и уже собралась выпутаться из кольца его рук, но он прижал меня в объятия, вдыхая аромат шампуня в моих волосах. Полностью зарывшись лицом в мои волосы, он прошептал:

– Ты даже не представляешь, насколько сильно это важно для меня, насколько ты важна для меня.

Полный крах.

Поэтому все выходные я провела в гордом одиночестве, размышляя на тему того, как я до такого докатилась.

Битый час Саманта ходила по комнате из угла в угол, не переставая болтать о сегодняшнем показе мод, который устраивал известный журнал мод, чтобы заметить достойных кандидатов на стажировку. Перебирая волосы в нервном жесте, она быстро говорила, задыхаясь от нехватки кислорода.

– А если им не понравятся мои творения? А что если им не понравятся мои модели? – накручивала она себя.

– Прекрати, Сам. Как внешность модели и её тело повлияет на качество твоей работы?

Её глаза стали размером с пенни.

– Влияет всё. Совершенно всё. В прошлом году, когда я только поступила в Принстон, на втором месяце обучения Рокки Тайдер…

– Кто это вообще такой? – перебила я её. И лучше бы этого не делала.

– Грейс, – возмущённо зашипела Сам, – это известный дизайнер. Так вот, он устроил показ платьев, и знаешь что? Одну девушку просто-напросто исключили из списка претендентов из-за её гребаного парня, который распространил её голые фотографии после их расставания. Журнал отказал ей в стажировке из-за этого сукиного сына, потому что это повлияло бы на репутацию журнала.

– Вид модели и эта история – разные вещи, – осторожно заметила я, хотя эта ситуация была реально паршивой.

– Нет, это из одной оперы, – снова возмутилась Саманта.

– Кажется, мне пора на лекцию. Тем более я довожу тебя до пены изо рта, а тебе сейчас это противопоказано, – отсалютовав ей, я открыла дверь из комнаты и в дверном проёме крикнула, – удачи. Без победы можешь даже не приходить обратно – не пущу.

Саманта хихикнула и помахала мне на прощание.

До лекции был ещё как минимум час, но я покинула комнату, дабы не ляпнуть что-то ещё и после чего вовсе не дожить до лекции. Моим познаниям в сфере моды – можно только позавидовать. В отличие от мамы, которая так же, как

и Сам в курсе трендов – я полный нуль. Мне больше интересно, как размножается морской конёк, чем то, какие туфли на мне сейчас. Кстати, я прочитала, как он размножается. Рожает конёк именно мужского пола, вынашивая в себе почти двести маленьких копий. Что ж, смело, могу заявить: мужской пол познал все прелести беременности и родов, даже если это прочувствовал всего лишь морской конёк.

Тренировка сегодня должна быть позже, но ноги автоматически принесли меня на поле, где я просто уселась на траву, чтобы поймать тёплые солнечные лучи, которые скоро будут пытаться пробиться сквозь холода зимы. Закрывшись от постороннего мира наушниками, я нашла в плейлисте песню The Weekend – Nothing Without You и, подперев тело локтями, расстелилась на траве, подпевая мелодии. Моё уединение длилось не долго, потому что по правую руку от меня – почувствовалось чьё-то присутствие.

Попытка побыть наедине с собой провалилась.

Открыв глаза, я встретилась с тёмным взглядом Диего, нависающим надо мной.

Он что, твою мать, издевается?

– Какого чёрта твой член снова делает у моего лица? – поморщилась я и отодвинулась в сторону, хотя рот наполнился слюной от одного вида на тело, которое мне уже дважды удавалось касаться.

– Ты слишком много думаешь о моём члене, Грейс, – сухо ответил Диего.

– Ты слишком много думаешь о том, что я думаю о твоём члене, – бросила я слова и вновь подставила лицо к солнечным лучам.

Я думаю о твоём члене, чёрт меня дери.

– Не строй из себя недотрогу и обиженку.

– Господи, Фуэнтес, – засмеялась я, выдавливая из себя смех и лож, но получалось очень даже правдоподобно, – твоё эго размером с Нибиру. Спешу тебя расстроить: я не думаю ни о тебе, ни о твоём члене, ни о вас в целом. Мне плевать, понимаешь?

Ложь. Ложь. И ещё раз ложь.

Диего, кажется, немного опешил из-за моих слов, потому что лицо его помрачнело, а брови встретились на переносице. А это значит что? Что я обладаю отличными актерскими данными. Можно я дам себе пять?

– Есть ещё вопросы? – сухо спросила я, выгнув бровь и повернув к нему лицо, окинув надменным взглядом.

– У меня изначально их не было.

– Так может, ты свалишь и дашь мне насладиться одиночеством!?

– Принцесса! – окрикнули меня, и я уже точно знаю, кому принадлежит пошловатый оттенок слов и голос.

– Господи, да ты издеваешься? – взмолилась я, пробубнив эти слова себе под нос, предварительно вскинув голову к небесам, – где я так согрешила?

Ты помыла спиной стену в каком-то закоулке с трене-

ром, который возвышается над тобой, Грейси, – смеялось надо мной собственное «я», добавляя туда же, – *и задницей протёрла пыль на столе.*

– Не хочешь пойти со мной на лекцию? – пошевелил бровями Оливер, переведя немного удивлённый взгляд с Диего на меня. *Чёртова Бейкер.* Теперь все будут сомневаться в том, что между нами ничего не было, как только Диего будет оказываться возле меня. Что ж, этот парень определенно плевал на Фуэнтеса, пребывающего рядом, что мне очень нравится.

– Блайт, с какого счастья ты взял, что сегодня мы будем в одной аудитории? – вздохнула я.

– Знаешь мою фамилию? – довольно заулыбался Оливер, – что ещё ты узнала обо мне?

– Идиот, ты играешь в одной команде с Аланом, – закатила я глаза, – логично, что я слышала её и на тебе сейчас форма с твоей фамилией.

– Знаешь, я до сих пор хочу задушить Сам, потому что она могла кинуть действие мне, и тогда мы бы оказались в одной палатке, – вновь заулыбался он игривой улыбкой, намекающей на что-то большее, чем моё колено в его паху.

– Принеси кусок асфальта, я оближу его прямо сейчас, Блайт.

– Детка, я могу дать тебе облизать кое-что другое, – подмигнул Оливер, и почему-то его слова меня рассмешили намного больше, чем должны были. Диего откашлялся, в то

время как Оливер довольно лыбился, а я заливалась смехом. Этакая метаморфоза между мной и Диего.

– Господи, Оливер, кто тебя создал?

– Лучший скульптор, – заиграл он бровями, эротично проводя рукой по атлетическому торсу, на что я поморщилась. Хотя, тело Оливера очень даже неплохо.

– Фу, – бросила я, поднимаясь с травы, – так уж и быть, Оли, я пойду с тобой, но твоя конфетка может высохнуть в штанах.

Стряхнув одежду, я выпрямилась, в это время Оливер подставил руку в знак того, чтобы я просунула свою, словно мы закадычные подружки. Либо мне серьёзно отшибло мозги, либо это всё влияние Диего, но я взяла Оливера под руку.

– Встретимся на тренировке, тренер Фуэнтес, – похлопала я по плечу Диего, когда мы зашагали в сторону входа, оставляя его позади.

Ты сделала это для того, чтобы снова к нему прикоснуться, пусть даже так? – ехидно заметило собственное «я», на что я встряхнула головой, ведь моя шизофрения должны была подойти к концу, как только тело полностью выздоровело после встречи с катком на поле.

Оливер тащил меня по коридорам к тому месту, где у меня должна быть лекция. *И видимо, у него тоже*. Кроме всего прочего, я не вытащила свою руку из его хватки даже после того, как глаза Диего скрыли стены университета. Кажется, меня всё же знатно приложили, потому что мне начина-

ет симпатизировать Оливер. Конечно, не на место парня, но вот на вакансию друга – очень даже. Надеюсь, что его пошлые шутки так и останутся шутками, иначе сейчас я иду за вторым Аланом. А это означает только одно: я потеряю и его, когда он вдруг ни с того, ни с сего он решит, что любит меня.

Алан.

Завтра наша дружба даст трещину и рухнет к ногам. После встречи – я потеряю лучшего друга раз и навсегда, если он, конечно, не одумается и не взорвет над моей головой хлопушку, заявив, что просто пошутил. А мне бы очень хотелось, чтобы он пошутил. Мы забудем все его поцелуи и то, что он делал. Только сейчас я придаю его заботе совершенно иной оттенок: влюблённый. Сюрприз по приезде был не для «лучшей подруги Гри», а для «я по уши в тебя влюблён, Гри».

Отсидеть лекцию по философии в компании шута-Оливера было даже неплохо, потому что своими хоть и тупыми, но шутками, легко помогал мне справиться с мыслями о Диего.

Неужели мне теперь будет необходима компания любого человека, чтобы не терзать себя. В последнее время мои поступки настолько низки, что тошно от самой себя. Я никогда не являлась предметом для подражания и примером, но сейчас уровень моей самооценки скатился куда-то в задницу. Как пара слов какого-то человека, могут повлиять на самооценку в целом?

Разве что этот человек значит для тебя больше, чем

тренер, – заулыбалось второе «я».

Может, мой интерес на уровне любопытства? Ведь Диего не прочесть, как открытую книгу. Он под тысячью печатей, которые хоть зубами отдирай. То ли дело Оливер – зачитайся. Он не скрывает плоскость своего развития, хотя, сегодня у меня появилась доля сомнений в его тупости, когда он заговорил об археологии. Парень ведь действительно говорил вполне серьёзно, упоминая то, что ему нравится данное занятие. По мне, так археологом нужно быть человеку, который ведёт пассивный образ жизни, тянет ли Оливер на такого простака? Очень сомневаюсь, у него петарда в заднице, готовая рвануть.

Кроме всех собранных проблем в голове, бонусом идёт выставка, на которую я согласилась и которая должна пройти в воскресенье. Мистер Фаринсон уже упоминал о том, что я должна определиться с картинами, которые хочу показать. У меня буквально три дня, потому что в этот наипрекраснейший четверг – я ещё ничего не знаю. В моей голове обезьяна, которая, не унимаясь, хлопает тарелками. Чёрт меня дери, но я должна сделать это сегодня, если даже не сейчас. По-хорошему, в эту минуту я должна перебирать ногами в сторону профессора с рисунками в руках, что делаю я? Шагаю на тренировку.

Ты в дерьме, Грейси, – хихикал разум, которого я следом послала нахрен.

В раздевалке уже никого не было, впрочем, ничего

необычного, я ведь успешно развиваю в себе черту человека, который вечно опаздывает.

Быстро скинув с себя одежду, я натянула форму и небрежно скрутила волосы в пучок, покинув раздевалку. Жутко ненавижу опаздывать, но тут это становится привычным делом, что меня не особо устраивает.

– Мисс Мелтон, – остановил меня голос, принадлежащий дотошному ректору.

Сделав вынужденную остановку примерно в нескольких футах от цели, я развернулась вокруг своей оси и посмотрела на направлявшегося в мою сторону мистера Харриса. Вопросительно выгнув бровь, я ожидала причину остановки, при этом лицо моё выражало раздражение и недовольство, ибо я уже опоздала.

– Профессор Фаринсон упомянул, что Вы будете принимать участие в выставке молодых художников, который устраивает Антуан. Я горжусь Вами.

– Спасибо, что-то ещё?

– Вы мне кое-кого напоминаете, – улыбался ректор, раздражая меня ещё гуще прежнего.

– Я тороплюсь, – процедила я, намекая о спешке, но, вероятно, он решил пропустить это мимо ушей.

– Мисс Мелтон, – вдруг сменился горделивый голос на серьёзный, – тренировки для Вас сейчас запрещены.

– Что? – переспросила я, потому что показалось, что у меня зазвенело в ушах.

– Боюсь Вас расстроить, но после травмы, тренировки для Вас запрещены.

– Да Вы, вашу мать, шутите? – вспыхнула я, повысив голос, зрительно стирая человека напротив себя в порошок.

– Мисс Мелтон, Вам нужно оклематься после случая на игре.

– Я здорова!

– Мне очень жаль, – с толикой расстройства в голосе, повторил мистер Харрис, помогая зажженному фитилю – бензином.

После своих слов, он развернулся и зашагал прочь, оставляя меня кидать невидимые ножи в его удаляющуюся спину. Ярость во мне была неописуемой. Я всеми фибрами души желала спалить этот университет к чертям, оставив груду пепла.

Вернувшись в раздевалку, я сорвала с крючка одежду, не став менять университетскую форму, и пулей сорвалась, куда глаза глядят.

Глава 11

Профессор Делон, в который раз пожал плечами, глядя куда-то вдаль, но только не на нас.

– Мы не успеем приготовить сочинение, профессор, – вновь сказал Оливер с большим нажимом. На месте Делона я бы уже давно сдалась, но он стойко переносит весь наш гнев. Внутри меня настоящий вулкан, который вот-вот взорвётся от холодного безразличия профессора по отношению к нам. А началось всё с простого вопроса:

– Вы хотите стать успешными людьми в будущем, чтобы есть не хлеб, с которого только что срезали плесень, а питаться в дорогих ресторанах, банально позволить себе всё, что пожелаете? – спросил профессор, как только зашёл в аудиторию.

Конечно же, мы ответили ему согласием. Кто не хочет сладко жить, не заботясь о том, что наступит кризис, и в кармане будет ненавистное перекати—поле.

– Отлично, раз вы всё понимаете вашу цель и то, к чему нужно стремиться, ваше домашнее задание – приготовить сочинение на тему: кем вы видите себя через десять лет.

Надо было сразу догадаться, к чему клонит этот говнюк, задавая лёгкий вопрос, не требующий ответа, ведь итак всё предельно ясно.

– А смысл? Мы ведь всё дружненько решили, что ста-

нем восходящими звёздами. Разве нет, профессор? – спросил кто0то на последних рядах.

– Конечно, мисс Найлс. Каждый из присутствующих видит себя звездой, – на последнем он даже фыркнул, – но уверены ли вы, что так оно и будет? Дадите ли вы мне гарантию того, что обеспечите себе шикарную жизнь в роскоши? – никто ему не ответил, на что он ухмыльнулся и продолжил, – вот именно, что нет никакой гарантии. Но у вас всегда должен быть второй план, здравый план, к которому вы придёте, если ваша шикарная, – он закатил глаза на последнем слове, показывая, что это – смехотворно, – жизнь окажется пустым лепетом. Объём сочинения должен быть не менее двух тысяч слов. И, коллеги, никакой воды. Мы – взрослые люди. Оценивайте себя по достоинству.

Протестующий гул студентов заполнил всю аудиторию, отдаваясь в стенах.

– Две тысячи слов на одну только тему о нашей будущей жизни? Мне придётся описывать мои старческие болячки, чтобы хоть как0то перейти порог в тысячу, – завопил один из нас, но профессор даже не поднял на него взгляд.

– Получается, мне придётся описывать цвет крышки моего гроба на пятьсот слов, так что ли? – Делон снова не обратил внимания.

– Мы не успеем приготовить сочинение, профессор, – сквозь зубы пробасил Оливер.

И второй раз мы заполучили его внимание с тех пор, как

он зашёл в аудиторию. Было отчётливо видно, как крутятся колесики его в голове, отчаянно цепляясь зубчиками, друг за друга. И его будто осенило:

– Вас всего пятнадцать студентов в моей группе, а значит, что на каждого хватит по профессору. Отлично, значит, вы можете выбрать себе преподавателя в наставники, чтобы совместно раскрывать цель вашей жизни. Это может быть искусство, семья, работа, друзья – разницы нет. Главное, чтобы вы здраво оценивали себя. На сегодня, думаю, всё. Все свободны.

Отказываясь отвечать на наши дальнейшие вопросы, он схватил свою сумку и вылетел из аудитории на тридцать минут раньше окончания лекции. Недовольные студенты последовали его примеру и также покинули стены аудитории с лицами, будто съели целый лимон.

– Охренительно, – раздражённо пробубнил Оливер, накинув на плечо портфель. Взглянув на меня, он кивнул на выход, – ты идёшь? Я так устал от этой хрени, что единственный помощник в этом случае – еда. Тем более Сам написала, что они сидят в кафе и ждут нас.

Мой живот одобрительно заурчал, поддерживая идею Оливера. Как только я направилась с ним к выходу, дверь распахнулась, и вошёл запыхавшийся Делон.

– Слава богу, мисс Мелтон, что вы тут. А то я думал, мне придется искать вас по всему Принстону, – хрюкнул мужчина.

– Что-то случилось?

– Нет, – отмахнулся он, вручив сумку Оли, который опешил от такого действия преподавателя и почти уронил её. Делон ослабил тиски галстука и вздохнул. – Вашим наставником будет ректор Харрис. Вы будете с ним встречаться каждый день после лекций в течение трёх рабочих дней. Удачи вам, мисс Мелтон, – он улыбнулся и забрал сумку из рук Оливера, – Вам, мистер Блайт, также удачи. До скорого!

С этими словами он вновь пулей вылетел из комнаты. По-видимому, он очень не хочет отвечать на вопросы, возмущения и недовольства студентов, потому что каждый раз сбегает, как с тонущего корабля.

Пока я пыталась разложить по полочкам всю информацию, которую нам подал Делон за короткое время, рядом стоящий Оливер начал смеяться, согнувшись в коленях.

– Ты чего? – спросила я у парня, пихая его в плечо. Он пошатнулся и практически упал, но смеяться не прекратил.

– Да мне, Блядь, грех жаловаться, – задыхаясь от смеха и проглатывая буквы, сказал он, – Делон и Харрис – лучшие друзья, которые каждый год спорят на студентов. И в это году их цель – ты.

Я свела брови к переносице, скрестив руки на груди в оборонительном жесте.

– О чём ты вообще?

– Брось, тебе меньше всего сейчас нужно сердиться на меня. На твоём месте я бы давно поджарил задницу ректора, –

ещё сильнее рассмеялся Оливер и упал задницей на ступеньку лестницы, которая вела на задние ряды аудитории.

– Объясни. Нормально. В. Чём. Дело, – я отчеканила каждое слово, начиная внутренне закипать. Если он прямо сейчас не объяснит мне, в чём проблема – я подвешу его на резинку трусов.

Оли улыбнулся, не ощущая моего гнева.

– Каждый год они спорят, как быстро Харрис сможет вывести студента из себя.

– Что? – абсолютно не веря, спросила я, – ты смеёшься надо мной? Они же взрослые мужики, нахрена им эти детские игры?

– Кто их знает. Может, у них дерьмовая жизнь, которую они пытаются хоть как-то скрасить, за счёт бедных овечек в виде студентов, – Оливер пожал плечами, понимая, что никогда не задумывался о причине споров ректора и профессора.

– Ладно, на причину плевать. А в чем собственно суть? Какие правила? Что мне нужно делать?

– Тебе? Ничего. Ректор просто не будет тебе помогать. И всё, совершенно всё, ты будешь делать в одиночку, – сочувственно посмотрев на меня, Оливер встал с лестницы. – Ладно, разберемся. Пошли уже в кафе, иначе мой желудок захочет претендовать на тебя, как на пищу.

Оливер взял меня за руку, сплетая мои пальцы, и вывел в коридор. Огибая студентов, спешащих на занятия, он вел

меня в направлении, в котором его вёл голодный живот. Как только осталось несколько метров до нужной двери, я спросила:

– А что смешного ты нашёл в этом?

Оли, не останавливаясь ни на секунду, посмотрел на меня с непониманием в глазах.

– О чём ты? – но тут же вспомнил, – а, просто мне казалось, что ты любимица Харриса. А тут вышло так, что ты, оказывается, просто интересная игрушка. Извини, но так и есть.

– С чего бы я стала любимицей Харриса? – недовольно сморщив носик, спросила я у Оливера.

Парень улыбнулся, открыв дверь кафе и пропуская меня внутрь, и пошёл следом за мной. Как только мы поравнялись и встали в очередь, он ответил:

– На самом деле он не очень благосклонен к студентам и редко обращается к ним, если поводом разговора не будет являться исключение. А к тебе он с самого первого дня добр.

– Чересчур, я бы сказала, – прошептала я, на что Оливер кивнул. Может, ректор и не испытывает ко мне симпатию, как к девушке, но точно испытывает другую, но какую – я ещё не знаю. Но обязательно узнаю.

Оли взял наш поднос с едой и пошел вглубь кафе, где стоят множество столиков. Заметив наших друзей, мы направились к ним.

– Я же сказала, что у них совместная лекция, – закатила

глаза Полли при виде нас.

Оливер кинул поднос на стол и, как истинный джентльмен, отодвинул мне стул, заставляя меня хихикнуть в кулак, как глупая шлюшка. Две пары глаз удивлённо уставились на нас, а третья прожигала дыру на лбу Оливера. Кажется, мой лучший друг ревнует меня. Если бы кто-то сказал мне об этом раньше, я бы врезала ему. Да я и сейчас не прочь.

– Вообще-то, никакой совместной лекции. Я прихожу к мистеру Делону только ради моей принцессы, – Оли игриво заиграл бровями, шутливо поглаживая мою руку своей.

Глаз Алана нервно дёрнулся, когда его взгляд опустился на наши руки. Рядом сидящая Полли отпустила смешок и что-то прошептала Сам, которая сидела с таким же кислым видом, что и Алан. Неужели я ещё и Саманту привлекаю, как девушка? Кстати, то, что она лесбиянка, сначала вывело меня из равновесия. Ни разу в жизни не встречалась с таким и изначально я была не уверена, что жить в одной комнате с девушкой-лесбиянкой будет комфортно. Но Саманта останется Самантой, даже если решит сменить пол. Поэтому я легко забыла резкие мысли и продолжила наслаждаться совместным проживанием с ней.

– Приятного всем аппетита, – улыбнулся Оливер, и откусил кусок бургера.

Постукивая длинными ногтями по столу, Саманта облизнула пересохшие от волнения губы и спросила:

– Как прошла лекция?

– На самом деле всё было бы не так плохо, если бы он не задал нам сочинение на грёбанных две тысячи слов, – пожаловалась я и заслужила удивлённые вздохи.

– Две тысячи? Что за тема, чёрт побери? – первый спросил Алан.

– Кем мы видим себя в будущем, – ответил Оливер с набитым ртом, – не поверите, кто стал наставником Грейс. Харрис. Наш ректор. Прикиньте?

Вилка Полли остановилась в нескольких сантиметрах от её накрашенных губ.

– Что? Харрис? В прошлом году он взял парня с третьего курса, и, убейте меня, если он хоть чуть-чуть помог ему, – хмуро сказала Полли, но, по-видимому, вспомнила, чей он теперь наставник, и улыбнулась, – бедной Грейс придётся делать всё самой. Наверное, ты даже не будешь успевать на тренировки к тренеру Фуэнтесу. Как жаль!

Театрально вздохнув, она убрала невидимую слезинку и холодно улыбнулась.

– Давай сыграем в апорт, Полли? Я кину тебе мяч, а ты убежишь за ним и не вернёшься.

– Знаешь, а я представила тебя с кляпом во рту, и, если честно, так ты будешь выглядеть гораздо лучше. Наверное, потому что замолчишь, – огрызнулась она в ответ.

Кинув согнутую напополам вилку на стол, я впилась ногтями в ладони, сдерживаясь, чтобы не ударить её.

– Эй, хорош, – отдёрнул меня Оливер, когда я уже крас-

нела от злости, играя в гляделки на смерть с Полли.

– Кажется, совместная ночь в палатке не принесла плоды, – расставив руки по бокам, сказала Сам, глядя по очереди то на меня, то на Полли.

– Вы ведёте себя, как две шлюхи, которые не поделили член, – грубо осадил нас Алан. Мы с Полли сразу изменились в лице, так как слова Алана подействовали на нас, как ведро ледяной воды, – Грейс, если в тебя будут проблемы с сочинением, то ты всегда можешь прийти по мне за помощью.

Сдержанно улыбнувшись, я схватила сумку с соседнего стула и встала.

– Спасибо, но, думаю, я справлюсь сама. Всем приятного аппетита.

Как только я собралась бежать от этого места подальше, чтобы взять хотя бы блокнот и начать рисовать, изливая все, что накопилось во мне: гнев, ярость, обида, злость, отчаяние – Алан схватил меня за руку, заставляя посмотреть ему в глаза.

– Ты в порядке? Может быть, мне пойти с тобой? – с нежностью и неподдельным беспокойством спросил он, поглаживая мою руку большим пальцем.

Аккуратно вытащив свою ладонь из замка, я улыбнулась:

– Мне нужно побыть одной. Ты же знаешь, – *или знал, пока любовь не затуманила твой разум.*

Алан кивнул и отпустил меня.

Как только двери хлопнули за спиной, отделяя меня от

мира ребят, я выдохнула и вскинула подбородок, шагая по коридорам замка в направлении художественной мастерской. Чёртов Харрис отобрал у меня любимое занятие в виде спорта, значит, я с головой готова уйти в рисование.

С каждым новым поворотом, студентов в коридоре становилось меньше и меньше, до тех пор, пока стук единственных туфлей не начал эхом отдаваться в кирпичных стенах.

Я была практически у цели. От назначенного кабинета, меня отделял лишь небольшой глухой проём и соседняя дверь. Ноги ускорились, но моё запястье схватила чья-то рука и затянула в этот самый пустой квадрат так резко, что в глазах потемнело.

– Какого чёр… – хотела заорать я, но взгляд сфокусировался на Диего, который примкнул ладонь к стене практически у моего лица, тем самым закрыв проход.

– Если из-за того, что мы пару раз развлеклись, решила пропускать тренировки, то это плохая идея, – процедил он, смотря на меня сверху вниз.

Вспышка новой ярости в моей груди быстро направила мысли в нужную сторону, а не в ту, о которой я обычно думаю.

– Боже, Диего, – засмеялась я, вспоминая начало того, как со мной обошлись так, будто я собачье дерьмо, – ты же не думал, что если мы потрахались пару раз, я стала бы из-за тебя отказываться от любимого занятия?

На лице Диего промелькнули эмоции шока, злости и

неожиданности из-за моих слов. Этого самого я и добиваюсь. Чёртов придурок решил, что вокруг него начнётся крутиться весь мир, но я спешу его расстроить. Моё желание сравнять его с тем же дерьмом, которое было вывалено на меня той ночью. Страшно представить, в какую ядовитую смесь может влиться Диего и Полли, будь они вместе. От подобной мысли – зажгло в груди, но я абстрагировалась от подобных эмоций.

Никакой жалости или наивности, к чёрту, – заговорило недавно рождённое моё ещё одно «я», которое осаждало трепетность и чувства к этому грубому парню.

– Я – твой тренер, как ты разговариваешь? – прохрипел он от гнева, из-за чего пульс на его шее начал выбивать кульбит, который стало очень заметно.

– Серьёзно? – рассмеялась я, да так, что согнулась пополам от того, как сдавливал горло приступ смеха, – это какой-то проклятый цирк, устроенный Вами же, *тренер Фуэнтес*.

Кажется, что Диего был готов взорваться из-за моей реакции, так сильно она выводила его из себя, что одновременно возбуждало и нравилось. Когда волна смеха прекратилась, я выпрямилась и посмотрела прямо в карие глаза, которые пылали яростью.

– Я хочу по… – начал он, но резко замолк, потому что глаза ректора метались между мной и Диего, постепенно наливаясь краснотой от гнева. Плотно подоткнутые губы гово-

рили о том, что он сдерживал порыв слов, которые так и рвались наружу, – мистер Харрис, – кивнул Диего, убрав руку.

Я же решила не наделять ректора приветствием, потому что он не знаком с данными словами, а если и вспоминает, то только по прямому напоминанию о том, что есть манеры. Скрестив руки под грудью, меня совсем не пугала сложившаяся двусмысленная ситуация, я лишь выгнула бровь, задавая немой вопрос: *какого чёрта нужно?*

Конечно, прямо сейчас моё личное дело могло само выложить себя на стол для отчисления, как и Диего, за связь со студенткой, но разве Харрису что-то известно?

Бейкер могла упомянуть за кружечкой чая, – заверещало то «я», которое раздражало, но сейчас оно было правым как никогда иначе. В этот миг, страх наполнил каждую клеточку моего тела.

Не могла, у неё голова набита теми же влюблёнными опилками, что и у Алана, – вступилось «я», которое было на моей стороне. Расслабив плечи, я подумала о том, что по отчислению, Алан останется тут и вся его любовно—страдальческая дребедень тоже, но больше меня напугало то, что я потеряю Диего, как бы не старалась его возненавидеть.

– Тренер Фуэнтес и мисс Мелтон, что тут происходит? – сухо, но раздражённо произнёс мистер Харрис.

– Решаем вопросы по тренировке, – также безэмоционально ответила я, чем удивила двух мужчин рядом. В глазах Диего застыла какая-то благодарность, а Харриса – недо-

верие.

– Я отстранил Вас от тренировок на период реабилитации, – напомнил ректор, смотря на меня, после чего, перевёл взгляд на Диего, – мисс Мелтон не будет тренироваться, пока не восстановятся её травмы.

– У меня ни осталось и синяка, – прошипела я, пронзая взглядом отвратительного ректора, который помимо всего прочего, ещё будет отправлять мою жизнь наставничеством несколько дней.

– Отстранили от тренировок? – глухо выдал Диего, смотря на меня. Он явно жалел о том, что поймал и завёл меня в этот укромный уголок, который лишь напоминал нам о случае в кафе.

– Да, – бросила я, будто меня вовсе не волнует данная проблема, – теперь я наконец-то могу пойти в библиотеку?

– Да, конечно, – кивнул Харрис, – Вас, тренер, я попрошу пройти со мной, чтобы обговорить все вопросы.

Отстранившись от стены, я поправила на плече ремешок сумки и гордо зашагала в направлении кабинета, где должна взять нужные предметы, чтобы уйти от реальности в мир красок.

Пока руки собирали кисти, палитру, холст и остальные мелочи, сердце бешено стучало в груди. Все те минуты, я вдыхала аромат Диего, но смогла собраться с мыслями, чтобы не мямлить в его присутствии. Даже если мне больно и при виде Фуэнтеса – сжимается сердце, я не должна давать и

повода усомниться в своей безразличности к нему. Плевать, если это лишь видимость. Я никогда не буду за кем-то бегать, и тем более, если это лицо мужского пола, с которым у меня уже была случайная интрижка и не одна.

Это лицо обваляло тебя в дерьме, помни это, – напомнило моё «я», за что получило одобрительный кивок.

Пролетев в библиотеку, я нашла укромный уголок и удобно устроилась, получив свой покой в музыке, которую включила сразу, как только заняла местечко на деревянном покрытии. Благо, что студентов было мало, да и скрывали моё присутствие в данном месте стеллажи с тысячами книг.

Я не случайно выбрала данное место, ведь в кампусе покоя не будет из-за Сам, Алана, Оливера или сучки-Полли, да и всех остальных, кто может нагрянуть в комнату. На поле, член Диего может вновь оказаться у моего лица, чего я не желаю. *А может и желаю.* Сейчас я хочу одиночества, когда меня никто не трогает и не вертится под боком. Где ещё найти тишину, как ни в библиотеке?

Краски, которые я взяла, так и лежали в стороне, потому что работал за меня карандаш. Я и сама не поняла, как начала рисовать образ Диего, крутившегося в голове. Это всё благодаря песне Lewis Capaldi – Before You Go, которая затянула меня в собственные чувства. Я лишь едва слышно подпевала словам:

"Я ненавижу тебя, ненавижу тебя, ненавижу тебя", – но так я просто обманывал себя.

Я начинаю искать замену всем нашим мгновениям.

Я ненавижу рисовать портреты, но чёрный грифель настолько точно отражал человека, который забрал все мои чувства и растоптал, что я влюбилась в данный рисунок с первых набросков. Может быть, я пытаюсь обмануть сердце, но меня всё устраивает. Так проще, чем скулить из-за не взаимности. Будто почувствовав знакомый взгляд, я подняла глаза и быстро прижала к себе лист, потому что его отражение сейчас устремлённо летело в мою сторону.

Чёрта с два он увидит. Я скорей выжгу это место, чем покажу рисунок, и тем более ему.

– Какого чёрта тебе ещё от меня нужно? – выругалась я, вынув капельку наушника, – ты слышал, что мне нельзя тренироваться.

– Прекрати быть сукой, – огрызнулся Диего, схватив меня за руку и потащив на выход.

– Что ты делаешь? – вырвалась я, остановившись посередине пустого зала. *Я рисовала так долго?*

– Спасаю тебя, идиотка, – процедил он, вновь ухватив мою руку и потащив к дверям.

– Ты спасёшь меня тем, если прекратишь хватать, – вопила я, пытаясь вырвать собственное запястье из его крепкой хватки, которая больно сковывала кожу.

– Была пожарная тревога, я делаю тебе одолжение, можешь не благодарить, – также сухо заявил он, бросив в меня секундный взгляд.

Пожарная тревога?

Не став спорить дальше, я позволила ему тащить себя из университета. Физически, тело не желало разрывать контакт, хотя я в состоянии сама найти выход. Но что-то во мне не позволяло выдернуть руку. Я хотела этого прикосновения, даже если оно жгло кожу, пронзая электрическим током каждую частичку. Наши отношения в стадии апокалипсиса или начала конца свет, поэтому других касаний ожидать не стоит.

Как только ноги выбежали на улицу, я обнаружила огромное количество студентов, оживлённо обсуждающих происходящее. В это секунду рука Диего оставила мою. Одиночество вмиг напомнило о себе, чем озадачило и обеспокоило меня. Так не должно быть. Он не может заполнять дыру в моей душе своим касанием. Я не хочу зависеть от чувств.

– Мисс Мелтон, – раздался знакомый голос профессора Фаринсона, спешившего в нашу сторону, – я так рад Вас найти, даже в подобной ситуации.

– Здравствуйте, – вежливо улыбнулась я. Не знаю почему, но этот старикашка нравится мне больше остальных профессоров.

– Мне сегодня же нужны ваши картины, – спешно пробубнил он, поправляя коричневый пиджак, из-за чего я непроизвольно улыбнулась, – я завтра должен передать их Антуану.

– Хорошо, – кивнула я, – в течение часа принесу в мастер-

скую. Какое количество?

– Три, – заулыбался он, – оставьте их возле стола, я заберу. Тогда, мы можем договариваться на пять часов вечера в Арт-галерее в воскресенье? Ваше присутствие обязательно. Кроме того, Антуан лично желает познакомиться с вами.

– Хорошо, – ещё раз кивнула я.

– Доброго дня, – сказал профессор, переведя взгляд с меня на Диего, после чего, зашагал в сторону.

– Картины? – заговорил Диего.

– Не твоё дело, – гаркнула я и, окинув его взглядом, направилась в толпу, дабы не тешить себя присутствием человека, который может обернуться катастрофой и моим вновь облитым дерьмом сердце.

Через несколько минут нам всё-таки объяснили причину того, что каждого из нас вывели на улицу, где далеко не солнечный и теплый июль, а тучный октябрь, а точнее его начало: парень со старших курсов поджёг урну в туалете, из-за чего сигнализации оповестила нас о возгорании. Студента отправили домой, а нас в кампус, предварительно извинившись за доставленные неудобства. Я быстро сбегала за картинами, отнесла их Фаринсону и отправилась в комнату.

Открыв дверь, я не ожидала, что на меня налетит визжащая соседка. Обняв своими клешнями мою шею настолько крепко, что на ней останутся синяки, она принялась кричать мне в самое ухо:

– Ты даже не представляешь, что произошло. Я выигра-

ла. Да, да, да, я выиграла стажировку, Грейс. Это просто офигенно. Ты понимаешь, что мне выпала возможность доказать, что я нихрена не бесполезная? – кажется, это была только часть эмоциональной тирады, но я быстро прервала её, резко отодвинув от себя. Потрогав уши и убедившись в том, что они целы и невредимы, я улыбнулась Саманте.

– Я так и знала, что у тебя всё получится. Видимо, моя угроза плодотворно повлияла на тебя.

– Перед пожарной тревогой вывесили списки, и я просто бомбой влетела на награждение и объявление победителей. Разве не здорово?

– Это, конечно, супер, – согласилась я, – но уверена ли ты, что это именно то, чем ты хочешь заниматься? Стажировка – это уже серьёзно, сравнимо с работой. Ещё чуть-чуть и тебе придётся оплачивать счета, налоги, платить за продукты, приходить поздно домой и падать в кровать безжизненной тушей. Взрослая жизнь – отстой.

– Грейс, мне уже двадцать. Пора начинать взрослую жизнь. И у меня выпала потрясающая возможность, – лучезарно улыбнулась Саманта и покружилась вокруг своей оси.

Радость подруги вызвала в моём сердце ответный отклик.

– Я безумно рада за тебя, но, получается, ты собираешься переехать от меня?

Саманта резко перестала улыбаться и сочувственно посмотрела на меня. Перебирая подол платья, она опустила глаза в пол.

– Они выделяют студентам квартиру рядом с центром, где находится штаб. Мне жаль, Грейс, я правда не хотела переезжать, ведь жизнь с тобой прекрасна; но это обязательное условие.

– Прекрати, ты ни в чём не виновата. Ты – молодец, и ты должна двигаться к своей мечте. Оставь меня тут гнить одну и ни о чём не беспокойся. Тем более по соседству живёт Полли, и я буду только рада навещать её по пятьсот раз в день и доводить её до сердечного приступа.

– Кто бы сомневался, – ухмыльнулась Сам. – Но не переживай: я съеду только через два месяца. Это чертовски долго, и мы ещё успеем устроить сотню вечеринок. Кстати, об этом. Шоп Тау устраивают вечеринку в честь такого грандиозного события. Ты пойдешь?

– Вечеринка в начале неделе? – сразу вспомнился итог моей последней вечеринки, отчего я непроизвольно дёрнулась, – нет, спасибо.

Через пару часов она ушла в кампус Шоп Тау, предупредив меня, что вечером её ждать не стоит. Сменив одежду на пижаму, я прыгнула на кровать, села по-турецки, поставила на кровать ноутбук и включила Наследие. Наблюдая за идиоткой Хоуп, которая решила, что лучше оставить всё как есть, чтобы остальные не помнили о её существовании, я раздражённо жевала батончик, периодически оставляя комментарии о глупости Лэндона, странности нового директора и сексуальности Рафа. В этот момент в комнату дважды посту-

чали.

– Войдите, – дверь осторожно открылась, и в комнату зашёл Алан.

И, боже мой, он был как никогда красив: русые волосы были уложены назад, черная футболка изящно облегала каждый сантиметр его пресса, темные рваные джинсы обрамляли накаченные, от занятия лакроссом, ноги, а сверху он накинул лёгкую кожаную байкерскую куртку. Если бы он не был моим лучшим другом, и в моей жизни не появился Диего, то я бы прямо сейчас занялась сексом с Аланом. От этих мыслей образовался ком, который не хотел сглатываться.

Алан, довольный эффектом, который произвел на меня, подошёл ближе и упал на кровать рядом со мной.

– Ты не пришла, – грустно выдохнул он, и меня будто облили ледяной водой.

Я – идиотка, потому забыла о договорённой встрече в восемь в парке.

– Господи, я совершенно забыла… – начала тараторить я, придумывая оправдание, – Фаринсон отвлёк меня своей чертовой выставкой… чёрт, мне так жаль, прости меня.

– Ладно, бывает, – улыбнулся Алан, очередной раз, прощая меня. *Почему он не может обидеться или высказать недовольство? Почему не может в лицо сказать разочарование в поступке?*

Потому что у него мозги набекрень от любви, – шепнуло то «я», с которым я соглашаюсь. И сейчас согласна.

– Слышал, тебя потеряли во время тревоги. Гри, мне чертовски жаль, что меня не было рядом. Ёбаный Фуэнтес гонял нас по полю, как собак на отлове бродячих животных.

Я хотела возразить на «ёбаного Фуэнтеса», но сразу прикусила язык. Это будет слишком подозрительно, а я итак на мушке.

– Всё в порядке. Меня нашли и доставили в руки Харриса, который поцеловал меня в обе щеки.

Взгляд Алана ожесточился. Неужели он теперь перестанет понимать моих шуток?

– Скажи, что ты пошутила, – приказал он стальным тоном.

– Да ладно тебе, конечно же, я пошутила. Максимум, что он мог сделать – это снова испортить мне день.

Наконец Алан смягчился.

– Если у тебя с ним какие-то проблемы, то ты можешь обратиться ко мне: я всегда помогу тебе разобраться со всем.

– Я знаю, спасибо. Так зачем ты пришел?

– Я мешаю тебе?

С тех пор, как проявляешь нездоровое внимание к моей персоне – да.

– Конечно, нет.

– Я был на вечеринке в Шоп Тау и, если честно, ожидал увидеть там и тебя, ведь ты не пришла в парк, как мы договаривались. Но, как оказалось, ты сидишь в полном одиночестве.

– Эй, я не в полном одиночестве. У меня есть второе «я»

и ноутбук, и, чтобы ты понимал, мы отлично спелись.

– Хорошо. Звонил отец и спрашивал, приедем ли мы на Рождество в Лондон?

– Я не поеду. Даже не уговаривай, – меньше всего мне хочется проводить праздник в кругу своей «семьи».

Алан вздохнул и поправил волосы, которые уже лезли ему в глаза.

– Ты же знаешь, что это семейный праздник. А моя семья всегда считает тебя частью нас, так что ты можешь провести Рождество с нами.

– Спасибо, Алан, это очень круто и все дела, но я откажусь.

– Почему?

– Потому что я не хочу утруждать вас. И вообще, что за вопросы, Блядь. Сейчас только октябрь.

– Практически конец октября.

– И что? – сморщив носик, я скрестила руку на груди, вызывающе смотря на друга.

– Ладно, кошечка, спрячь когти. Я, в общем-то, хотел с тобой поговорить, – лицо Алана тут же изменилось и приобрело красноватый оттенок.

– Говори, – мелкая дрожь прошла по телу, начиная с плеч и заканчивая пальцами ног. Кажется, я в полной заднице и единственный выход – это окно, так как дверь находится близко к Алану, и он успеет перехватить меня.

Переведя дыхание, Алан сказал то, что послужило нача-

лом изменений моей жизни:

– Когда мне было четыре года, мама пришла домой с тортом. Тогда я обрадовался, подумал, что вот оно счастье, но торт был не для меня. Мама сказала, что придет её подруга с университета, и это будет угощением к столу. Я разозлился. Мелкий засранец захлопнул дверь в свою комнату и сидел там до того момента, пока дверь не открылась. Настроившись на скандал, инициатором которого я планировал быть, я поднялся и подлетел к двери. И меньше всего, что я ожидал увидеть, была она. Маленькая девочка с белыми волосами и взрослым взглядом зелёных глаз. Мое сердце в тот момент остановилось. Я знал, что больше никогда не отпущу её, потому что она – ангел, которого мне послал Бог. И, чёрт возьми, она решила, что мы будем друзьями. И долгие годы я мирился с этим, внутренне борясь с собой, чтобы не убить всех ее парней. А однажды она влюбилась в Арчера, моего лучшего друга. И я, Блядь, был в гневе, когда он лишил её девственности, когда познакомился с её родителями и понравился им больше, чем я сам, когда они были везде вместе и были по-настоящему счастливы. И пускай это будет чертовски неправильно, но я был счастлив, когда они расстались. Я всячески утешал её, ожидая, когда очередь дойдет до меня. Но очередь никак не доходила до меня, а она по-прежнему страдала по Арчеру. И вот закончилась школа. Я решил поступать в Принстон, зная, что она останется в Лондоне, ведь её родители категорически против Америки.

Я хотел попытаться забыть её, ведь у меня не было ни единого шанса на совместное будущее, а я хотел это совместное будущее. Я хотел, чтобы она стала моей женой, воспитывала наших детей, а я приходил домой с работы и целовал её макушку светлой головы. Да я же всегда был с ней рядом, понимаешь? На всех её матчах, когда её родители отказывались приходить под предлогом того, что спорт – дерьмо для нищих. Но я был с ней рядом. И я всё ещё рядом. Я все ещё рядом с тобой, Грейс. И я чертовски сильно люблю тебя с самого первого дня нашего знакомства. Я насквозь пропитан любовью к тебе. И, пожалуйста, не отвергай меня, потому что я не переживу эту боль. Если ты не готова, то я подожду, но, прошу тебя, не ломай меня изнутри.

Взгляд карих глаз Алана с беспокойством скользил по моему лицу, когда я уже вторую минуту молчала, смотря куда-то сквозь него. В моей жизни всё разом рухнуло с таким дребезгом, что, кажется, свист падений был слышен за тысячу футов от меня.

Он сказал, что любит меня. Давно. Он никогда не был мне другом. Он всегда ждал, что будет мне кем-то большим.

– Мне нужно подумать, – через силу прошептала я.

Алан с минуту стоял на месте, но все же кивнул и исчез из комнаты, перед этим сказав:

– Ты ни в чём не виновата.

Может, если бы он знал, что я не теряла время, и даже не знала, что Алан претендует на меня, то он наверняка давно

разочаровался бы во мне, и вся любовь исчезла в небытие.

Не знаю, сколько я стояла на прежнем месте, но меня отвлёк громкий, гораздо громче, чем стучал Алан, стук в дверь. Я крикнула, раз пять, если не больше, грёбаное *войдите*, но стук всё продолжался и только нарастал. Максимально злая, я подлетела к двери и сильно распахнула её так, что ручка ударилась об стену, а крупинки побелки попадали вниз.

На пороге стоял тот человек, кого я совсем не ожидала увидеть в дверях своей комнаты. Судьба наверняка решила добить меня своими злыми шутками, потому что после того, как на меня вывалили поток розовых сердечек, явился всадник апокалипсиса, будоражащий мою кровь.

– Какие мы злые сегодня.

Глава 12

В тёмных коротко стриженных волосах играли блики света от люстры, чёрные джинсы низко сидели на нём, отчего всякий мог увидеть полоску его боксеров, а сквозь белую футболку виднелась одна единственная татуировка, которую я не успела разглядеть при наших «встречах». *Конечно, я не заметила; у меня просто не было времени разглядывать его и без того шикарное тело, пока он находился глубоко во мне.* Нахальная улыбка расцвела на его идеальном лице, подразнивая и маня к себе. Двухдневная щетина выглядела как никогда привлекательна, к ней хотелось прильнуть, потереться щекой, носом, плевать. Главное – ощущать тепло Диего рядом с собой.

– Молчишь, значит сюрприз удался, – самодовольно усмехнулся он, и я только сейчас заметила, что он пьян. В стельку пьяный тренер стоит на пороге моей комнаты, сексуально опираясь на дверной косяк, закинув руку за голову. Почему это не может быть простым сном? – Днём ты была не такая тихая. Словарный запас язвительных словечек иссяк, Грейс?

Бред пьяного Диего заставил меня только улыбнуться. Сейчас он был таким милым и беспомощным, что мне хотелось скорее прижаться к нему, позабыв об Алане. Хотя я итак забыла о случившемся несколько минут назад, потому

что предмет моих грёз спустился ко мне с небес.

– Блядь, да скажи хоть что-нибудь, – я совсем забыла о том, что молчу, хотя мысленно я уже провела потрясающую дискуссию сама с собой, – ты обиделась на меня?

Диего, не заполучив ответа, протолкнул меня дальше в комнату, зашёл и захлопнул дверь. Повалив меня на кровать, он навис надо мной. Запах табака с мятой ударил в нос, и пусть я ненавижу запах сигарет, но это ничуть не распространяется на Диего.

– Я идиот. Я самый настоящий идиот, раз решил, что смогу забыть тебя, трахнув какую-то шлюху с вечеринки. Мне чертовски жаль, солнце. Просто, Блядь, невыносимо тошно от себя из-за тех слов, что я тогда тебе наговорил. Прости меня. Прости меня за всё. Обещаю, что больше никогда, – он мило икнул, отчего я даже хихикнула, но сразу же надела маску безразличия, чтобы выудить ещё слова прощения, – не сделаю тебе больно.

– Да неужели?

– Наконец-то, заговорила. Спасибо, королева, что решили снизойти и порадовать меня своим вниманием, – пробурчал он, но мгновенно адаптировался, – да я, блядь, клянусь. Никогда больше, вообще никогда, не причиню тебе боль. Только, пожалуйста, не отталкивай меня. Я, между прочим, пришел на эту дерьмовую вечеринку ради тебя, а тебя там не оказалось. И, спрашивается, какого хрена?

Пьяный лепет вперемешку с матами не отталкивал меня,

а заставлял смеяться и улыбаться. Я как самая настоящая тупая девушка была готова простить ему всё, независимо от тяжести содеянного.

– Значит я вам нравлюсь, тренер Фуэнтес? – с лёгкой игривостью спросила я.

Глаза Диего округлились.

– Я такого не говорил, – но заметив мой хмурый взгляд, он тяжело вздохнул мне в лицо, опаляя дыханием, – да, нравишься. Блядь, да у меня каждый раз танцует член при виде тебя.

Я попыталась сделать вид, что от его слов сердцебиение не начало отбивать бешеный ритм, сохраняя спокойствие на лице, но пожар в грудной клетке говорил об обратном. Диего покачнулся и прижался ко мне ещё плотнее. Мое бедро нащупало его плоть, которая прилично растянула джинсы под свой размер. Слова – это одно, действие – другое. И Диего доказал мне, что его член и впрямь пляшет при виде меня.

– Ты тяжёлый, – с трудом выговорила я, положив руки на его грудь. Приятное тепло разлилось по всему телу, отдаваясь множеством мурашек по коже.

– Хочешь, чтобы я слез с тебя? – насмешливо спросил он, приподнимая густую бровь и сильнее прижимаясь ко мне. Я задержала дыхание, чтобы не пропасть в этом омуте, – твоё тело говорит об обратном, глупая.

– Фуэнтес, я сломаю тебе челюсть, – прошипела я сквозь зубы.

Диего улыбнулся той улыбкой, которая говорила все сама за себя: он знает, что я никогда не испорчу его идеальное лицо. *Вот же говнюк.*

– Зачем ты пришёл?

Взгляд тёмных глаз и без того потемнел. Странная злость отразилась на его лице. Он сжал челюсть, отчего острые скулы могли в любой момент порезать меня.

– Я же тебе высказал. Я провинился – я извинился. Твоя обязанность – простить меня, – обиженно пробурчал Диего.

– Моя обязанность? Мечтай. Давай я тоже пойду и займусь сексом с каким-нибудь парнем, скажу тебе, что ты – дерьмо, а потом буду вешать ванильную чепуху про то, что это было ошибкой, ты всё осознал и бла, бла, бла.

Диего дёрнулся и резко слетел с меня. Раздражённый, расстроенный, рассерженный он запустил пятерни обеих рук в волосы, положив локти на ноги. Устало вздохнув, измученный Диего повернул голову в мою сторону, одаривая меня извиняющимся взглядом. И, Блядь, я была готова его простить, пока специально не прокрутила в голове картинки того вечера, чтобы усмирить свою девичью дурость.

– В голове все казалось проще, – признался он.

– Конечно, ты думал, что сможешь прийти ко мне, сказать, что виноват, и я раздвину перед тобой ноги.

– Ты уже раздвигала, – ухмыльнулся Диего, проведя пятерней по волосам.

– Выметайся, – рявкнула я на него. Диего заскулил, по-

двинулся ко мне ближе и попытался сократить расстояние к минимуму, но я ударила его в грудь. От неожиданности он согнулся пополам, но промолчал.

– Да знаю я, что я – мудак. Но разве я специально? Дай мне ещё один шанс, Грейс. Пожалуйста, – недавно Алан умолял меня не отвергать его чувства, а теперь Диего просит в меня второй шанс, и я готова дать ему это. Забавно, что хорошему Алану я отказала, а Диего, который по-крупному накосячил, я могла бы простить, кажется, многое, если не всё.

– Третьего не будет.

Он вмиг прижал меня к себе, крикнув:

– Да! Я знал, что ты не устоишь перед моей харизмой.

– Твоя пьяная рожа слишком большого о себе мнения, – выдохнула я ему в грудь. Словно кошка, любящая ласку, я прижалась щекой к его груди, обнимая ногами торс.

– Я не планировал пить.

– Хочешь сказать, что гадкие студенты напоили хорошего тренера? – откровенно издевалась я над ним.

Диего рыкнул и укусил меня за щеку, отчего я взвизгнула и попыталась отодвинуть его от себя, но он сплел мои руки у себя за спиной.

– Именно так все и было, – рычал он. Лизнув след от своих зубов на моей щеке, он сексуально прошептал мне на ухо, обжигая ушную раковину своим дыханием, – а теперь дерзкая девчонка соблазняет хорошего тренера. Что же ему сделать с ней. Может, ему стоит наказать её? Как думаешь, Грейс?

От этого шёпота каждая волосинка на моем теле встала по стойке смирно, миллиарды мурашек покрыли кожу от и до, а сердце сжалось до приятной боли. Все моё нутро молило Диего продолжать говорить непристойные вещи.

– Делай всё, что хочешь, Фуэнтес, – шептала я, задыхаясь от ощущений его тела и дыхания на себе.

Несколько секунд он смотрел мне прямо в глаза, не двигаясь и, казалось бы, не дыша.

– Нет.

– Что? – мне послышалось. Мне точно послышалось, что он продинамил меня.

– Нет, мы не будем заниматься сексом сегодня.

Я практически подавилась слюной.

– Ты же сам предложил.

– Я передумал, – невозмутимо сказал он, – это неправильно. Я должен доказать тебе, что я не такой мудак, как ты думаешь.

– В тебе говорит пьяный Диего. А трезвый Диего завтра врежет тебе, – никогда бы не подумала, что буду уговаривать парня взять меня.

– Плевать, пусть даже это так.

– К чему все эти стереотипы? Это уже было. Дважды. Не относись к сексу, как к чему-то большему.

– Это не меняет сути. И что за цинизм?

– Это просто устои.

Лицо Диего стало непроницаемым, по этой причине я ре-

шила завершить нашу глупую дискуссию.

– Хорошо, и чём ты предлагаешь заняться? Смотреть фильмы или читать книгу, обсуждая героев? – раздражённо спросила я. Ещё чуть-чуть, и я выкину этого паршивца из комнаты.

Диего пожал плечами.

– Почему нет? Фильм – отличная идея.

– Да без проблем, – *ещё какая проблема.* В моих трусах целый Тихий океан, возбуждённая плоть дребезжит, а он предлагает смотреть фильм, словно мы подростки—девственники, – тогда фильм выберу я.

– Пожалуйста, – улыбнулся Диего.

Сейчас ты прекратишь лыбиться, зайчик.

– Титаник, – признаться честно, я сама с великой неохотой буду смотреть этот фильм.

Диего застонал и захныкал. Если завтра он начнёт вспоминать, каким предстал передо мной, то он точно будет не в восторге и снова будет вести себя, как сволочь.

– Нет, пожалуйста, только не это. В мире миллиарды фильмов, а ты решила выбрать тот, который я ненавижу? – *неужели мы настолько похожи?*

– Простите, хороший тренер, но это была ваша идея, – скользя по сайтам в поиске Титаника, парировала я.

– Я предложил посмотреть фильм, а не сопливый дерьмовый пиздец, – продолжал хныкать Диего.

– Если ты сейчас не успокоишься, твоя задница окажется

по ту сторону двери. Сядь и смотри.

Он с побеждённым видом перекатился с меня и сел рядом.

– Плевать. Я посмотрю это дерьмо.

К концу фильма он был уже не такого мнения. Весь сеанс просмотра он комментировал каждое действие влюблённой парочки, периодически ворча о том, что их безмозглости позавидует любой.

– Она могла спасти его, – возмутился Диего, когда на экране высветилось титры.

– Не—а, доказано, что дверь не удержала бы их обоих.

– Грейс, ты узко мыслишь, я говорил тебе?

– Говорил. И если скажешь ещё раз, то я выкину тебя из окна. Действуй.

– Она могла с самого начала уплыть на лодке, но что? Она, как тупая девчонка, прыгнула на тонущий Титаник к своему любимому и обрекла его на смерть.

– Любовь. Что ты на это скажешь?

Глаза Диего наполнились едва уловимой болью.

– Это не любовь, Грейс.

– Что ты знаешь о любви? – вырвалось у меня.

– Больше, чем ты думаешь, – кажется, он вмиг протрезвел, потому что леденящий душу тон, который стал верным спутником Диего, резал мне сердце.

– Ты снова ссоришься со мной. Фуэнтес, в какие игры ты играешь?

– Мы говорим о фильме. Как ты перешла с одной темы

на меня? – отрезал он, – я не хочу говорить больше об этом дерьме.

– Просто признай своё поражение. Роза оказалась верной Джеку, вот и всё, – подначивала я его на дискуссию. Только разговорами я смогу хоть что-то узнать о нём, – да, он умер, но умер, видя её любовь. Она была рядом и держала его руку в этот момент.

Пронзающий душу смех донёсся до моих ушей.

– А он, он оказался верным, Грейс?

– Безусловно, – не понимаю, к чему он клонит.

– Запомни: мужчина может быть верен идеям, делу, друзьям, но никак не женщине, – Диего вздёрнул одну бровь, ожидая, когда я перестану пялиться на него, но состояние шока, в котором я пребывала, кажется, не развеять.

– Зачем тогда люди женятся? – *только не думай, что я спрашиваю о нас. Потому что так и есть.*

– Жениться и заводить семью само по себе бессмысленно. Но могу предположить разве что для личной выгоды.

– Ты хочешь сказать, что лучше всю жизнь иметь сотню женщин, чем быть с одной единственной?

К глазам подступили непрошеные слёзы, а горло начало саднить. Он не может так думать. Разве кто-то вообще хочет жить без любви? Нет, потому что такого не бывает. Он снова пытается оттолкнуть меня.

– Именно так. Ты бы смогла есть, допустим, макароны с сыром каждый день, на протяжении всей жизни? И ничего

другого, только макароны с сыром. Так вот с девушками тоже самое. Всё в этой жизни приедается, а топтаться на месте – удел идиотов, – как бы мне сейчас хотелось, чтобы на его прекрасном лице расцвела улыбка, и он сказал: *«Шутка, это всего лишь шутка, Грейс. Я хорошо отношусь к женитьбе и в будущем собираюсь связать нас с тобой узами брака»*. Кажется, он уже говорил мне, что я слишком замечталась и потерялась в реальности, составляя прекрасный образ, в который постепенно влюбляюсь всё больше и больше.

– Ты серьёзно? – еле слышно спросила я, продолжая надеется.

– Похоже, что я шучу? Прекрати жить сказками, где все друг друга любят, играют пышную свадьбу, собирая всех родственников и друзей в одном кругу, заводят детей, ходят на работу, а потом уставшие приходят домой, воспитывают этих ходячих сперматозоидов и ложатся спать. Такое бывает, но не со мной и не в моём мире, Грейс. Я не буду любить тебя до гроба, клясться тебе в безграничной любви и прочую хрень, которую ты себе напридумывала. Мне нравится общаться с тобой потому, что в тебе я вижу себя – поломанного человечка, обиженного на весь мир. И не более, понимаешь? Так что выбирайся из мира грёз. Ты – взрослая девочка, а эти бредовые сказки про сладкие романы должны отталкивать тебя своей приторностью из-за того, что ты познала горькую суть нашей жизни. Теперь выбор за тобой: ты можешь забыть меня, как самый страшный сон, в котором

ты кончала десятки раз, или идти со мной по этому дерьмовому пути судьбы, которая нас с тобой свела.

Он сказал это. Он сказал то, что я так боялась услышать. *Я – сломанная*. Мои родители не любят меня, у меня не было детства, все друзья смылись куда-то в канализацию из-за моего паршивого характера, мой бывший парень расстался со мной из-за моей ревности, а лучший друг влюблён в меня с самого начала – *сломана*. Все это время я искала в Диего то, что могло бы изменить мою жизнь, исправить её, сделав меня не такой испорченной куклой, у которой уже отвалилась рука и нога, в волосы частично выпали. *Сломана.* Диего был со мной всегда честен, а я видела в этом совсем не то, что было на самом деле. Когда он трахал другую девушку, я представляла измену, но ведь мы даже не встречались. Мы толком то и не общались. Я привязалась к нему хвостиком, заставив быть якорем моей жизни, чтобы хоть как-то выкарабкаться и вздохнуть, а потом снова уйти на дно на долгие года. Глупая маленькая Грейс привязалась к взрослому тренеру Фуэнтесу, навязывая свои мысли, идеи, жизнь.

Если бы не выключенный свет, он увидел бы мои слёзы, которые ручьем капали с глаз. Но слава Богам он не может видеть их, не может увидеть то, что задел больной зуб в челюсти с именем «Грейс».

– Мне нехорошо. Мне следует поспать, ты ведь не против? Если решишь уйти – закрой дверь и положи ключ под коврик, – не дожидаясь ответа от него, я спрыгнула с кровати,

дождалась пока Диего выйдет из ступора и встанет, сняла покрывало и залезла под одеяло, повернувшись к нему спиной.

Заглушая всхлипы кулаком во рту, я старалась заснуть, мечтая о том, чтобы Диего поскорее покинул комнату, пространство вокруг меня и мою жизнь. Но он, как настоящий паразит, въелся глубоко и надолго.

– Ты не можешь обидеться на меня за правду, – прохрипел он позади меня.

– Я знаю, я не обижаюсь. Просто дай мне поспать, Диего, – расплакалась я ещё сильнее. Сентиментальная сука.

С минуту он стоял не двигаясь. От него не было никакого шума, отчего мне даже показалось, что он исчез. Но мои сомнения развеял скрип кровати рядом со мной. Диего залез под одеяло, прижал меня спиной к своей груди и, уткнувшись мне в шею, уснул.

Я ещё долго лежала без сна, раздумывая над тем, как он чертовски он оказался прав.

Слова Диего воздействовали на моё сознание слишком сильно. Я с трудом уснула и с таким же трудом спала. Сны менялись, и каждый новый был пуще предыдущего. И тогда, когда на часах я застала четыре часа утра – Диего уже не было, словно его присутствие было абстракцией, которую я так хотела воплотить в реальность.

На душе скребли кошки. Если это не было сном, то сейчас я очень жалела о том, что продолжила диалог, кинув ему в лицо вопрос о любви. Но я нашла небольшой плюс в этой

ситуации: от лица Диего отхлынула кровь, как только слова слетели с моих губ. У его прошлого есть ноги, которые породили жестокость, но что это за ноги?

Глава 13

Не знаю, что за волнение окатило моё тело и разум, но я жутко нервничала, на чём сроду себя не ловила. Это, чёрт возьми, даже не касается парня. Это же обычная выставка, когда кучка зевак бродит вдоль стен, разглядывая картины, в которых, вероятней всего, ничего не понимает. Единственное, чем можно понять картину – цвета, которые выбрал её автор, но сомневаюсь, что кто-то будет утруждать себя такими догадками.

Как только на моё плечо легла чья-то рука – я вздрогнула и резко обернулась, найдя глазами профессора Фаринсона и какого-то мужчину рядом, которые добродушно улыбались мне.

– Добрый вечер, мисс Мелтон, – начал профессор, – должен представить Вас своему другу, тем более он так настаивал.

– Антуан Клозье, – кивнул мужчина, перебивая своего спутника.

Протянув ему руку, я столкнулась с тем, что едва заметная щетина начала щекотать кисть. Отпустив мою ладонь, мужчина ещё раз улыбнулся оливковыми глазами, а его тонкие губы то и дело трогала улыбка. Подправив шарф цветом хаки, он вежливо улыбнулся ещё раз:

– Мисс Мелтон, я восхищён Вашими работами. В них

столько эмоциональности, чувственности и страсти. Я очень надеялся на Ваше согласие, и Морис не подвёл, уговорив Вас.

– Спасибо, – ответно улыбнулась я, подумав о том, что скорей мои картины пропитаны гневом, который каждый раз порождали собственные родители, но такая честность вряд ли сыграет мне на руку, поэтому я оставила эти детали при себе.

Видимо, Антуан не собирался оставлять меня, у него горели глаза, в которых я читала сотню вопросов, адресованных мне. И сразу первый вопрос был тем, который я ожидала:

– В Вашей семье кто-то увлекается художественным искусством? Мне кажется, Вы похожа на одну мою знакомую художницу.

– Нет, – *мои родители считают это увлечение для бедных и несамореализованных людей, которые не знают, чего хотят от жизни, да и не считают это за работу.* Дополнение отрицательного ответа, я решила также оставить при себе, – в мире много очень внешне схожих людей.

– Вы правы, мисс Мелтон, – радушно улыбнулся Антуан, – Морис говорил Вам, что это благотворительная выставка молодых художников?

– Нет.

– Если на Ваши работы найдётся покупатель, Вы готовы с ними распрощаться?

– Думаю, что да, – пожала я плечами, – это ведь благотворительность, я рада, если мои картины кому-то помогут.

На самом деле, я не лгу. Если моя мазня, как назвал её Диего, спасёт жизнь или чем-то поможет, то это самым минимум который я могу сделать. Под матрасом в комнате лежит то, с чем я никогда не попрощаюсь и не покажу. Это тот самый белый лист бумаги, на котором чёрным грифелем вырезан образ Диего. Из всего того, что я писала за всю свою короткую жизнь – его портрет самый дорогой.

– Как Вы пришли к тому, что начали писать картины? – продолжал Антуан, с интересом ожидая ответа, пока профессор Фаринсон то и дело кивал каким-то людям в знак приветствия.

Впервые в своей жизни, я почувствовала не фальшивый интерес к увлечению, а реальный. Мужчина передо мной не завёл беседу для того, чтобы как-то примкнуть к моей семье или набиться в друзья ради того, чтобы засветиться в жёлтой прессе. Он интересовался мной, как человеком. Улыбнувшись, я ответила честно:

– Это хороший способ избавиться от эмоций.

– Понимаю, – кивнул Антуан, – а как Ваши родители относятся к подобному роду занятий? Наверняка они гордятся Вами.

Определённо гордятся, – недовольно начали голосить мои «я». Родители восхваляют моё занятие только тогда, когда это нужно для поддержки образцовой семьи, на деле, они

лишь воротят носы. Первое время, мне было неприятно и обидно, но со временем я привыкла. Теперь их мнение для меня сравнимо с теми, чьи имена мне даже неизвестны, в то время как им – известно моё.

– Конечно, – согласно кивнула я, легко солгав о реальном отношении.

В эту минуту, на мою спину легла рука, но я сразу почувствовала, что она не принадлежит Диего. Он вряд ли вообще появится на данном мероприятии, хотя ребят я всё же пригласила, да и они сами сказали, что посетят выставку, потому что объявления о данном мероприятия покрывали все информационные доски университета. Кроме того, каждый из них так или иначе относится к творчеству выбранной профессией.

Направив взгляд на человека, чья рука сейчас покоилась на пояснице, я встретилась с улыбкой Алана. События ночи вмиг заставили сбиться дыханию и поднять жар в теле.

– Я буду честным и скажу, что твои работы самые лучшие, Гри, – улыбался друг далеко не дружеской улыбкой.

– Ваш молодой человек очень даже прав, – согласился с Аланом Антуан, протянув ему руку, – Антуан Клозье.

– Алан, просто Алан, – кивнул друг, пожимая ладонь друга профессора Фаринсона, так и оставляя покоиться вторую на моей пояснице, из-за чего становилось неуютно. Нас уже посчитали парой, и это играет не в мою пользу.

– Приятно познакомиться с Вами, Алан. Берегите свою

девушку, она – сокровище.

Алан ещё раз кивнул, послав в мою сторону влюблённый взгляд, который дал ещё одну вспышку жара, помогающей капелькам пота проскользнуть по спине. Благо, что сегодня на мне было коктейльное платье оттенком слоновой кости, с открытыми руками и закрытым телом. Наверняка от друга не ускользнули бы такие мелочи, как пот. Единственное, что он мог – приписать это в свою пользу, тем самым позволить себе новый шаг в сторону отношений, которых я сторонюсь, как огня.

– Мы… – начала я, но застыла с открытым ртом, смотря за спину пары мужчин напротив.

Мария и Диего уже заметили меня, и будь я проклята, потому что челюсть Диего резко сжалась, как и губы, образовавшие тонкую прямую линию, когда он прогулялся взглядом по руке Алана. Пытаясь прокатить образовавшийся ком по сухому горлу, я откашлялась, потому что попытка была неудачной, как несколько последующих.

Появление Диего стало для меня такой же неожиданностью, как и лиловый цвет для Уильяма Перкина, который занимался поисками лекарства от малярии, а получил месиво и новый, досель не открытый, оттенок цвета, изменивший мир. Если до его появления меня кидало в жар, то сейчас меня просто сбросили в кратер вулкана. За попыткой поправить волосы, я скрыла смахивание пота со лба.

Спасла меня от переминания с ноги на ногу Мария, кото-

рая бросилась на мою шею с объятиями и восторгом, словно я привела её на концерт любимого исполнителя, а не на скучную художественную выставку.

– Грейс, ты потрясающе рисуешь, – восторженно тараторила сестра Диего у моего уха. Хотелось бы мне ответить, что это лишь бессмысленны взмахи по полотну, но я прикусила язык, а вот профессор Фаринсон весьма удивился присутствию Диего.

– Не ожидал встретить Вас тут, – улыбался профессор, пряча за словами шок. Что ж, в изумлении был не только он, но и остальные, ведь взглянув на Диего, вряд ли можно сказать то, что он тонкая чувствительная натура, воздыхающая по искусству.

– Моя младшая сестра затащила меня сюда, – кивнул он, бросив секундный взгляд в сторону профессора.

– Что? – воскликнула Мария, и её звонкий голос эхом откликнулся в стенах галереи, – ты сам изъявил желание пойти!

Лицо Алана помрачнело, а вот моё наоборот излучало свет. *Да, я идиотка, заранее простившая его жестокость.* Сдерживая порыв счастливой улыбки, готовой озарить моё лицо, я лишь посмотрела на Диего и немного приподняла уголки губ. Вероятно, моя *мазня* всё же нравится ему, если Мария глаголет правду, и он сам захотел прийти.

– Думаю, что нам стоит оставить Вас и Вашу компанию, мисс Мелтон, – улыбнулся Антуан, – я рад, что сегодня Вас

решили поддержать друзья. Желаю приятного вечера.

После своих слов, мужчины удалились, а Мария ухватила Алана за руку, сославшись на то, что просто обязана показать ему картину, которая привела её в такой дикий восторг, как рождественская ёлка ребёнка. Ставлю миллион долларов на то, что сделала она это специально, потому что когда-то уже намекала на меня. И это был самый отвратительный вечер в моей жизни, потому что Диего выпотрошил мои органы в те проклятые минуты лишь открыв рот.

Пока Мария тащила Алана за собой, друг минуту держал взгляд на мне, потому что сейчас они оставили меня и Диего наедине, а сучка—Полли заставила его сомневаться в наших тренер-капитан отношениях.

– Спасибо, что пришёл.

– Я уже ухожу, – сухо отрезал он, делая шаг в сторону, но я успела ухватить его руку, тут же её убрав, потому что вокруг нас слишком много глаз, которые получают знания в стенах Принстонского университета.

– Не веди себя, как обиженный мальчик. Алан – мой друг, – *ты сам говорил, что мужчина не может быть верным, что, если женщина тоже?* Хотелось добавить мне, но я умолчала. Сердце больно зажгло от воспоминаний его слов.

– При чём тут это? Мне плевать, Грейс.

– А в чём тогда причина? – громко прошептала я, – ушёл бы ты, если бы увидел нас, но без Алана?

В глазах Диего начали крутиться механизмы, которые ис-

кали ответ на поставленный вопрос, но судя по минутному молчанию и игру в гляделки, – ответа не было. Правота за мной.

– Спасибо, что пришёл, – ещё раз повторила я, смягчив тон, – это очень важно для меня.

– Пожалуйста, Грейс, – сдался он, на что я не сдержала улыбку.

Смотря на Диего, я понимала, как сильно хочу открыто обнять его и примкнуть в колючей щетине, покрывающей скулы. Но нельзя. Ничего нельзя. Наши отношения не могут быть открытыми до тех пор, пока я не получу диплом и не помашу рукой университету, либо Диего не покинет его стены раньше меня.

Переминаясь с ноги на ногу, я не знала, как вести себя дальше. Чувствую себя серой мышкой, которая боится и рот открыть при парне. Глупость, но я предложила пройтись по выставке, объяснив ему направления художников, чьи работы занимали стены.

То время, которое мы бродили от картины до картины, я ненароком задевала руку Диего, ведь неутолимо желала хотя бы какого-нибудь соприкосновения. Я чувствую, что этот брутальный мужчина – мой спичечный коробок, с помощью которого вспыхивает огонь, когда о боковую тёрку для зажигания воспламеняют спичку. Его присутствие одновременно волнует и успокаивает, я не могу определиться с чувствами, которые то и дело меняются каждую минуту.

На моей картине, Диего задержал взгляд. И это была именно тот рисунок, когда мои отношения с Арчером потерпели кораблекрушение. Броские красные пятна, будто кто-то резко взмахивал кистью, разбрасывая мелкие пятна по полотну, смешивались с гневом в виде чёрного. Ничего необычного, но именно два этих цвета отпечатались на картине, которую я хотела спалить, но почему-то оставила, как какое-то воспоминание о первом парне. С Арчером связано слишком многое, и я не могла оборвать эту нить до конца, чего не сказать о нём. Я любила его. Я так его любила, что весь спектр чувств невозможно описать словами. Эта любовь была больной, как утверждал напоследок Арчер. Сейчас я с ним полностью согласна.

– Грейс! – воскликнули прямо возле того уха, которое совершенно недавно оправилось после Марии.

Моя шея в долю секунду скрылась в кольце рук Саманты, за спиной которой стоял Оли, посылая мне очередную пошлую улыбку, и моя любимица – Полли, взгляд которой упирался в Диего. Эта сучка складывает пример за примером в своей голове, и мне не нравится, что она начинает убеждаться в своих словах, брошенных в лесу. Сейчас я и Диего стояли у моей картины один на один, и это никак не идёт в мою защиту. Наоборот. Всё против меня.

– Твои работы, они невероятные! – звонко голосила Сам в моё ухо.

– А по мне, так какая-то мазня, – усмехнулся Оли, увере-

на, что сейчас Диего мог с удовольствием стукнуть его ладонь своей в знак солидарности. Но он поверг меня в шок.

– Мазня – это то, что ты чиркаешь в своей тетради, – сухо ответил на комментарии Оливера Диего. *Он что, только что защитил меня? Я не ослышалась?*

Несколько «я» во мне ликовало, пуская в небо воздушные шарики и салюты, потому что совершенно недавно, Диего именно таким образом оценил мои работы. Брови Бейкер взлетели, а после свелись на переносице. Змеиный яд так и наровился окатить меня волной, но, вероятно, при Диего – она не такая смелая. Оливер тоже изначально опешил.

– Не думал, что человек, гоняющий нас по полю, как кучку инвалидов с синдромом дауна, разбирается в искусстве, – выдал он в ответ.

– Хочешь сказать то, что вы называете бегом и бросками – называется как-то иначе? – выгнул тёмную бровь Диего, сверля глазами Оливера.

– Это я его потащила с собой, – возникла Мария на горизонте, рядом с которой вышагивал Алан, явно обескураженный тем, что слышит теперь, – я просто не хотела идти одна.

Ох, Мария, ты топишь мой корабль.

– Ты бы и не была одна, – фыркнула Полли, прыская ядом в сторону Марии, вероятно из-за того, что сестрёнка Диего держала Алана за руку.

– Ты можешь хотя бы на сегодня заткнуться и вести себя подобающе? – раздраженно бросила я в сторону Бейкер, –

если тебе что-то не нравится, то путь до кампуса тебе известен, могу даже на такси одолжить.

– Мы в принципе могли не приходить, – поморщилась она, – куда нам до тренера.

Слова сучки—Полли окатили всех новой волной недоверия. Который раз, глаза ребят обращались то ко мне, то к Диего, стоящему по мою правую руку.

– Какого хрена ты несёшь, Бейкер? – ледяным тоном, обратился к ней Диего, вкручивая в плитку одним взглядом.

Сучка—Полли решила на этот раз проглотить язык, и мне очень понравилась сия ситуация, несмотря на всю её правдивую абсурдность. Но как только мой взгляд остановился на Диего, внутри будто обрушились всякие положительные эмоции, которые должны были скрасить этот вечер.

– Надеюсь, тебе известна суть взаимоотношений преподаватель—студент, – продолжал Диего, проворачивая её в пол, словно шуруп, – если нет, то я легко проведу лекцию на данную тему. Все уяснили?

Окинув всех взглядом, Диего задержал его на мне на какую-то долю секунды, которая ни о чём не могла мне рассказать. Его взгляд был настолько непроницаем и закрыт, что ни одной эмоции не смог бы распознать лучший психолог на планете. Даже Мария смотрела на него с непониманием, вероятно, тоже пытаясь решить сложный пример. Меня же в эти секунды тревожило только одно: он оборвал всё то, что вот-вот завязалось между нами, или это была маска, чтобы

защитить нас. В обоих вариантах, ответ я получу только наедине с ним, и по этой причине сейчас я хочу завершить выставку.

– Ты снова испортила вечер, Бейкер, интересно, сколько ещё наших выходных ты обольёшь своим дерьмом? – выгнула я бровь, – поход, выставка, что дальше в твоих планах?

Лицо Полли перекрасилось, потому что сейчас каждый хмуро смотрел в её сторону. И это доставляло мне неимоверное удовольствие. Она наконец-то почувствовала себя виноватой. Разбавила нагнетающую атмосферу, конечно, Мария, хлопнувшая в ладони:

– Грейс, это просто невероятно! И это платье делает тебя такой сексуальной, что, будь я парнем, безусловно, могла трахнуть тебя где-нибудь за углом.

От столь лестного комментария, я поймала чувство дежавю, начав откашливаться, потому что именно это уже со мной произошло, но с участием её старшего брата. В какой-то момент мне показалось, что глаз Диего дёрнулся, но он быстро взял себя под контроль:

– Мария, мы не в том месте, чтобы так выражаться.

– Но это же правда, ты только посмотри на неё! Она чёртов пожар, поднимающий все члены в округе!

– Боже, – захихикала Сам, – но я с ней согласна. Грейс, это платье просто отпад, можно я надену его на стажировку?

– Конечно, – пожала я плечами.

– Может Гри откроет нам тайны произведений? – кивнул

Алан в сторону картин, поддерживая Марию в оттепели сложившейся ситуации.

– С удовольствием, – улыбнулась я, и двинулась в сторону.

Чувствуя тяжелый взгляд Полли, которая не решилась пойти за нами, я рассказывала друзьям направления и то, что хотел объяснить автор своими рисунками. Искоса, мой взгляд останавливался на Полли, которая так и стояла на том самом месте, где её все оставили. В какой-то момент, мне стало её жаль, но я напомнила себе, что она заслужила. Всё могло быть иначе, не будь она сукой, которая не может держать язык за зубами. Даже если она права, Бейкер нужно научиться не плеваться ядом в каждого, кто не сделал ей ничего плохого.

Полли не виновата в том, что влюбилась в Алана, пока мой лучший друг, решил влюбиться в меня.

Я нахожусь в той же дерьмовой ситуации, что и Полли. Мужчина, который вскружил мне голову: груб и жесток. Конечно, таким образом Диего мог лишь пытаться отгородиться от меня, но почему тогда я нехотя верю его словам? Слёзы начали жечь глаза, но я гордо вскинула подбородок, проглотив всякую эмоциональность. Желание отплатить ему той же монетой – очень сильно, но сильнее желание оставаться верной, руша все предрассудки, которые он выстроил перед собой. Я хочу быть той самой Розой, которая будет верно держать его руку наплавку, даже если мы оба сломаны.

– Гри? – послышался голос Алана сквозь пелену, запол-

нившую мысли и глаза.

Переведя взгляд от картины, я посмотрела на друга, тёплая ладонь которого покоилась на моём плече, а карие глаза выражали обеспокоенность.

– Ты как? – нежно спросил он.

– Всё хорошо, – ответила я не своим голосом.

Но Алан не был бы Аланом, если бы так легко сдался. Когда он притянул меня в объятия, я легко поддалась, ведь они всегда были убаюкивающими. Мне было плевать на жёсткий взгляд Диего, сверлящий дыру в спине, именно его слова заставили болезненно сжиматься сердце. Уже через минуту я поняла, что плечи расслабились, а напряжение спало. Ладонь Алана поглаживала мою спину, а я закрыла глаза и взмолилась о том, чтобы он наконец-то понял, что мы лишь друзья, и эти объятия не более, чем дружеские.

– Спасибо, – немного улыбнулась я, отстранившись от друга, игнорируя пронзительный взгляд Полли и Диего.

– Идём, – с улыбкой, кивнул Алан в сторону кучки народа, к которой постепенно подгребали новые лица.

Согласно кивнув, я заправила волосы за уши и зашагала за друзьями, чувствуя тяжёлый взгляд Диего, который решил не идти с нами.

Всё время я старалась сохранять спокойствие и равнодушие, хотя печаль и боль подступали к горлу. Я уже давно поняла, что его слова легко помогают мне терять равновесие на канате под названием жизнь. Они каждый раз словно порыв

сильного ветра, сшибающий с ног, и пока я держусь крепко неся палку, помогающую следовать ровно, но как долго смогу ещё?

Как оказалось, все три мои картины были куплены, принеся в копилку благотворительности в общей сложности десять тысяч долларов. Тепло разливалось по телу только при одной мысли того, что я могла кому-то помочь. Неважно как: медикаменты, операция, курс лечения, всё, что угодно, главное помощь. Сейчас я точно уверена в том, что приняла правильное спонтанное решение.

– Ты молодец, Грейс, – довольно улыбалась Саманта, обняв меня.

– Вот же нахрен! – завопил Оли, – не могу удержаться, смотря на это.

Пошлая улыбка была настолько широкой, что не могла ни заразить своей лучезарностью. Руки Оливера обвились вокруг меня и Сам, и крепко скрепились на наших талиях.

– Убери от меня своего дружка, Блайт, – шутя, поморщилась я, – он упирается мне в ногу.

– Детка, и это он ещё даже в неприподнятом состоянии, – рассмеялся друг, шевеля бровями, – показать в готовом виде?

– Фу, – фыркнула Мария, пока хихикала.

– Меня хватит на вас всех, крошки, – продолжал Оли.

– Ты слишком долго молчал и не пускал пошлые шуточки, я сразу подумала, что тут что-то неладное, теперь ты их

накопил, – закатила я глаза, вырываясь из его хватки.

Оливер вновь сверкнул очаровательной улыбкой, которая могла свалить с ног весь женский пол в галерее, кроме, конечно, нас, потому что его подкаты не действуют в нашей компании.

Выйдя на улицу к друзьям, я не желала садиться в машину, в которой для меня уже было заготовлено местечко. Под предлогом того, что хочу остаться и поблагодарить руководителей выставки, я отпустила машину с ребятами и вернулась к дверям, проводив их взглядом. Я до боли желала поговорить с Диего, который тоже исчез вместе с Марией, вероятно домой. Я осталась одна.

Вдыхая свежий вечерний воздух, я смотрела вдаль, пока мимо проходили люди, покидающие галерею. Когда последний человек вышел из дверей и скрылся во тьме, я хмыкнула. Теперь точно осталась только я.

– Галерея закрылась, Грейс, – прозвучал стальной голос Диего с левой стороны, который заставил распахнуться глаза и встретиться с его взглядом, наблюдающим за мной.

– Я хотела поговорить с тобой.

– Мне некогда. Если ты решила обсудить сказанное ночью, то я лишь повторюсь. Ты легко позволяешь мне читать свои эмоции и причинять тебе боль.

– Диего… – начала я, желая извиниться за объятия Алана, игнорируя больные слова, но его взгляд остановил поток слов, которые рвались наружу.

Той ночью он говорил, что больше не сделает мне больно, но, видимо, это был лишь пьяный бренд и не более. Скорей всего Диего ни слова не помнит. И сейчас я очень сильно хочу увидеть того человека в алкогольном опьянении, который относился ко мне с уважением, обещая чуть ли не горы. Всё это дешёвые слова, на которые я купилась впервые.

– Возвращайся в кампус, Грейс.

Его жестокость не знает никаких границ. Сейчас я чувствую себя ничтожеством, которое вновь облили дерьмом. Лишь гордость помогла мне высокомерно вскинуть подбородок и зашагать прочь без оглядки. Но сильной я казалась лишь со спины, потому что по щекам сбегали соленые капли.

Глава 14

Проведя, наверное, тысячу часов в ванной комнате перед зеркалом, я наконец привела себя в подобающий вид и могла идти в университет, не переживая о том, что меня отчислят из-за кучки студентов, которые будут валяться на полу коридоров, как только увидят меня.

С самого утра мой день не задался: проснувшись с больным горлом ощущения, в котором были сравнимы с проглоченными стеклышками, я побежала мерить температуру и оказалось, что у меня реальный жар. Не знаю с чем связана эта простуда, но скорее всего всё из-за холодных дней октября. Через неделю будет хэллоуин, а я собираюсь слечь с болезнью. Отлично.

– Можно? – постучав всего раз, спросила я, когда приоткрыла дверь в кабинет ректора и всунула в узкий проем свою голову, которая начинала пульсировать из-за повышенной температуры.

С утра мне пришла лишь одна гениальная идея – это провести весь день с ректором за сочинением. И даже если он всё-таки поспорил на меня с Делоном, то наплевать, потому что я все равно получу сто баллов за это чёртово сочинение. Либо с ректором, либо без ректора. И решать, конечно же, ему.

Харрис поднял голову, оторвав взгляд от бумажек на сто-

ле. Сказать, что он шокирован моему приходу – ничего не сказать.

– Грейс? – вылетело из его рта. Кажется, он хотел ударить себя по губам за то, чтобы обратился ко мне на *ты*, – Мисс Мелтон, проходите.

Расслабленно я села на кожаный стул за рабочим столом ректора, на котором покоилось множество бумаг, папок, листовок и прочей макулатуры.

– Чем я могу быть полезен вам? – устало улыбнувшись, спросил он.

На лице не было привычной широкой улыбки, от которой мне становилось не по себе. Сейчас он выглядел измученным взрослым мужчиной, которому не помешает отдых.

– Профессор Делон дал нам задание: мы должны написать сочинение на тему того, какой мы представляем свою жизнь и себя через десятку лет. Делон разрешил нам пренебречь помощью преподавателей.

– Как я понимаю, вы выбрали меня? – перебил ректор. И от меня не ускользнула радость в его голосе. Неужели он действительно будет рад работать с первокурсницей в свободное от работы время?

– Делон настоятельно попросил меня взять именно вас в наставники. Поэтому я здесь и хочу, чтобы мы определились с расписанием, когда я смогу приходить к вам для работы.

Отодвинув все бумаги на другой конец большого стола, он сложил руки перед собой в прочном замке и с улыбкой в

глазах и на лице посмотрел на меня.

– Будете приходить ко мне каждый день после занятий. Начнем прямо сейчас, у вас ведь нет сейчас лекций?

– Нет, я сегодня чувствую себя слишком ужасно, поэтому решила заняться сочинением.

– Тогда приступим. Вы же не против, если я буду звать вас Грейс?

Если ты будешь пялиться на меня так, то буду против всего, что связано с тобой.

– Думаю, нет.

– Хорошо, Грейс. Дай мне пару минут, чтобы сообразить с чего нам следует начать, – сказав это, он крутанулся, представив мне чёрную кожу его большого кресла, и отвернулся к окну.

За то время пока он молчал, пытаясь достичь дзен вдохновения, я успела посчитать количество узоров в виде короны на обоях и сколько досок в паркете пола. От скуки хотелось завывать, хотя мы ещё и не начали писать сочинение. Да я даже забыла сколько тысяч слов нам задал Делон. Хотелось взять мольберт, серые краски и начать наносить тонкие мазки, напоминающие брови девушек из двухтысячных.

– Итак, – прервал мой зевок Харрис, – кем ты видишь себя в будущем?

Ты, Блядь, минут двадцать думал над этим вопросом?

Подавляя желание схватить рюкзак, зацепив им рожу ректора, и выбежать отсюда, я сдержанно улыбнулась, старясь

чтобы он не услышал скрип моих зубов.

Скоро твои зубы будут скрипеть, Харрис, если ты не начнешь помогать мне так, как полагается.

– Художницей.

– Художницей? – челюсть ректора собрала всю пыль на полу. Его глаза были размером с мою пятку, а ноздри беспорядочно раздувались.

– Да, мне нравится писать картины.

Харрис подпрыгнул на стуле, сглотнул, дрожащими руками ослабил тиски галстука и прошёл в другой конец комнаты. Набрав стакан воды из графина, он залпом опустошил его и пару секунд постоял на месте, играя стаканом в руке. Его взгляд смотрел в стену, где висела фотография. Я не смогла совпадать с любопытством, поэтому осторожно, не издавая ни звука, подошла к нему и с нескрываемым интересом впилась глазами в фотографию. Молодой Харрис, одетый в клетчатую рубашку и смешные брюки на лямках, держит на руках свёрток с ребенком, с любовью смотря прямо на него. А рядом с ним стоит прекрасная блондинка, чьи волосы едва доходят до плеч. Сарафан в цветочек изящно подчеркивает каждый ее изгиб, а жёлтая шляпка закрывает её макушку. Женщина обнимает Харриса за талию и также, как и он, смотрит на ребенка с любовью.

– Значит картины, – практически беззвучно шептал он во второй раз.

Пропуская мимо ушей сказанное им, я осторожно спра-

шиваю:

– Это ваши жена и ребенок?

Харрис быстро моргает, вытирает глаза и чуть-чуть поворачивается ко мне. Красные глаза, подрагивающие губы приковывают мое внимание к себе. Почему он плачет? Может, его жена и ребенок умерли? Или это его сестра и племянник, а у него самого нет никого? Следовало сначала подумать об этом, прежде чем задавать вопрос, потому что странная милостыня гораздо лучше гнева, а своим вопросом я, возможно, задела больную точку в его жизни, из-за чего на меня обрушатся миллионы молний ректора—Зевса.

– Да, это моя жена и наша… дочь, – сдавленно ответил он.

– Вы, хм, расстроены, что случи…

– На этом закончим, – громко перебил меня Харрис, отказываясь слушать продолжение моего следующего вопроса, – я совсем забыл о том, что у меня совещание. Давайте я провожу вас.

Как только я хотела возразить, он аккуратно обернул вокруг моего запястья пальцы и потащил к выходу. Снисходительно улыбнувшись мне, он открыл дверь и практически выпихнул меня из своего кабинета. Почему практически? Да он, Блядь, серьёзно выпихнул, кинув напоследок:

– Приготовьтесь, что через две недели состоится одна очень интересная выставка, и я хочу, чтобы вы были там со мной.

– Зачем?

– Там будет одна очень известная и талантливая художница, и я думаю, что она поможет вам разобраться с вашим желанием стать творцом искусства.

– Зачем мне помогать с этим? Я итак знаю, что хочу. Разве нет, ректор? – чувствую себя ребенком из-за бесконечного протока вопросов, которые так и норовят из меня выпасть.

– Сколько картин вы отдали на благотворительную выставку?

– Три.

– Если вас попросят написать к определённому сроку большее количество, к примеру, раз в шесть, сможете ли вы?

Если в моей жизни будет происходить что-то яркое, запоминающееся, доводящее меня до эмоционального пика, то – да. В любом другом случае мой талант канет на дно.

– Вот именно, – он прочитал всё на моем лице, сделав правильный вывод, – Грейс, тебе только на руку общение с.. ней.

– Кто она? – сдалась я. Если так нужно, то пускай будет. Думаю, общение с какой-то известной художницей не помешает мне, тем более я никогда не общалась тет-а-тет с такими же, как я.

Харрис улыбнулся одним уголком губ.

– Моя жена. Идите, мисс Мелтон. На сегодня все.

Дверь захлопнулась перед моим носом, оставляя меня в коридоре смотреть на деревянную преграду между мной и странным, сегодня ещё более странным чем обычно, ректо-

ром.

Дойдя до библиотеки, я быстро прошагала к своему излюбленному месту, где никто не видит меня и не может помешать заниматься своими делами. В голове была большая куча дерьма, связанного с Диего, а единственное, что помогает мне разобраться в себе – это рисование. Достав блокнот и карандаш, я воткнула наушники в уши, в которых заиграла The Lumineers – Sleep On The Floor, и начала творить. Первые линии я рисовала без раздумья, ориентируясь лишь на своих чувствах и ощущениях. Следующие линии я рисовала с чётким пониманием того, кого я собираюсь изобразить. Диего. Сильная челюсть, острые скулы, прямой аристократический нос, наглый взгляд, кажущийся холоднее, чем зимы Аляски, короткие волосы и едва заметная родинка над губой. Кто бы мог подумать, что я чертовски круто рисую портреты?

Никто не говорит, что ты нарисовала бы шедевр, если бы перед тобой был, к примеру, Алан, – посмеивалось второе «я».

По крайней мере сейчас я чуть больше, чем вчера вечером, настроена на то, чтобы открыть окно в голове, позволяя ветру выставить образ Диего из моей головы. Я не могу так часто о нем думать. Это – ненормально, неправильно, дерьмово, паршиво, полный пиздец.

Я не должна позволять с собой так обращаться. Никто и никогда не смеет ставить меня в одну линию с дерьмом, за-

служивающим унижений. Родители достаточное количество раз видели во мне лишь посмешище, и они последние, кто позволили себе это. Я сильнее всех этих подонков, сильнее Полли, сильнее Фуэнтеса.

Всех к чёрту!

С уверенным настроем я пошла на улицу, где на лужайке расположились ребята: Оливер жевал сэндвич, слушая Саманту, которая что-то активно ему рассказала; Алан расположился рядом, держа в руках наушники и плеер, смотря на Марию, чьи пальчики быстро набирали сообщения на телефоне.

– Привет, – улыбнулся мне Алан, как только я дошла до их компании. Сев рядом с ним, я попросила у него наушник и легла головой на его ноги, слушая Haux – Homegrown. Алан заправил мне пряди волос за уши, нагнулся и чмокнул в лоб, – как самочувствие?

– Что с моей принцессой? – заверещал Оливер, оттолкнул Сам и подполз ко мне, – вы же не оставите своего верного слугу, готового всегда прийти на помощь, принцесса?

– Боже, Оли, ты меня совсем не слушаешь, зато, как только стоит появится твоим игрушкам, то ты сразу хороший слушатель, друг и слуга, – заворчала Саманта, отряхивая платье и подвигаясь ближе к нам, – прости, Грейс.

– За что?

– Я назвала тебя игрушкой Оливера. Это самое обидное прозвище, дорогая, – пожала плечами Сам.

Пока Алан и Мария смеялись, Оли успел сотню раз ткнуть пальцем Саманту, передразнивая её слова.

– Это самое обидно прозвище, бла—бла—бла. Друзья, должен объявить победителя конкурса «Главная миссис Беннетт года». Сварливая, тупая и…

Он не успел договорить, как Саманта врезала ему сумкой по лицу.

– Было больно. Если ты повредила моё личико, то миллиарды моих поклонниц будут поджидать тебя за углом кампуса.

– Ты страдаешь шизофренией, придурок. Нет у тебя никаких фанаток.

– Значит будут, – Оливер сморщил носик, поправляя свою гриву.

– Ты видел себя в зеркале?

– Конечно, каждый день вижу того красавчика, который машет мне рукой. А, стоп, это же я и есть тот красавчик.

– Заткнись, пока я не вывернул содержание своего желудка на тебя, – застонал Алан, выводя узоры у меня на щеке.

Оливер ничуть не обиделся. Нахально улыбнувшись Алану, он пропел:

– Я конечно тот ещё Бог, но дары, в виде содержимого твоего желудка, я принимать не стану. Буду благородным Богом, а не только красивым, и позволю тебе оставить всё при себе.

Оставляя эту парочку кидать друг другу комментарии, я вспомнила про Алана.

– Чувствую себя вяленым помидором.

– Ты не любишь помидоры, – чуть улыбнулся Алан.

– Не люблю, – согласно кивнула, – но чувствую себя именно так.

– Хорошо ли то, что ты представляешь себя овощем?

– Определённо нет.

– Почему тогда ты сидишь здесь, а не лежишь в постели и лечишься? – строго спросил он, забирая наушник и выключая музыку, – пошли.

– Куда? – простонала я, когда мою зону комфорта вывели из строя, подняв меня на ноги.

– В комнату. Я сделаю тебе чай, закутаю в одеяло и буду сидеть с тобой, пока мы не можем твою температуру.

– У меня нет чая.

– Значит едем покупать чай, – Алан взял меня за руку, махнул друзьям и пошел в сторону парковки.

– У тебя же нет машины.

– Не было, но теперь есть.

Алан завернул на парковку, сплёл наши пальцы и пошел в неизвестном мне направлении, оглядываясь по сторонам в поиске нужной машины. С минуту мы бродили по огромной, заполненной до краёв, парковке, пока Алан не воскликнул:

– Вот она – моя ласточка, – махнув в сторону оранжевой Audi Q8, он отпустил мою руку и начал рыться в кармане штанов в поиске ключей.

– И как давно она твоя ласточка? – со сжатыми губами

спросила я его, осматривая машину недовольным взглядом. Кажется, я начинаю ревновать Алана к какой-то машине, что очень странно. Забавно, но теперь мне хочется быть единственной дамой в его сердце.

Он улыбнулся, заметив недовольство в моём голосе:

– Нашел, – выдохнул Алан и открыл машину ключами, которые только что достал из штанов.

– У тебя там Нарния что ли?

– Узкие джинсы, знаешь ли, не позволяют моей руке разгуляться, поэтому достаю чёртовы ключи сутками, – он быстро добежал до пассажирской двери и открыл её мне.

Он ответил на мой прошлый вопрос, заводя машину:

– Помнишь Роба?

Отрицательно помотала головой, избивая лицо волосами из хвостика.

– На вечеринке он упал с лестницы.

– Тот, что выпил больше всех, а его «дружки» решили посмеяться и прокатить его с перил?

– Да, он, – кивнул Алан, – так вот он сломал ногу.

– Соболезную парню. Друзья у него, конечно, дерьмовые, – хуже, чем были у тебя, Грейс.

– И это тоже, – тяжело выдохнул Алан, соглашаясь, – ему нужно ездить в больницу, которая находится охренеть как далеко, на физиотерапию. И я вызвался возить его, если он даст мне свою машину на тот срок, пока на его ноге гипс.

– Так значит ты теперь будешь возить меня.

– Куда тебя возить, Гри, – рассмеялся он, – максимум, куда ты выходишь дальше кампуса, – университет.

– Больно надо, – заворчала я, скрестив руки под грудью и устраиваясь поудобнее на кожаном кресле.

Всю дорогу до Aldi мы перекрикивали друг друга в песне Atlantis – Seafret, дергаясь в танце на пятой точке. Позабыв всё, что навалилось на мои плечи за последнее время, я просто наслаждалась временем. Алан открыл все окна машины, чтобы каждый слышал то, как хреново мы поём. Морозный ветер, кричащий, что скоро ноябрь, дул нам в уши, отчего через пару минут они начали жалобно ныть и болеть. Смеясь, мы все-таки доехали до магазина. Алан разрешил мне остаться в машине и сам сбегал за упаковкой чая для меня. Вернувшись через пару минут, он завел машину, включил I follow rivers и начал кричать новую песню.

– Я, я следую. Я следую за тобой в глубокое море, малыш. Я следую за тобой.

– Я, я следую. Я следую за тобой в тёмную комнату милый. Я следую за тобой, – в ответ кричала ему я слова песни.

Умирив дружный хохот, Алан взял меня за руку и заставил посмотреть себе в глаза, дергая на себя.

– Мы неплохой дуэт, не так ли?

Конечно, всё не может быть идеально. Где-то есть подвох и вот он.

– Не начинай, Алан. Прошу, я ещё не готова, – завыла я, умоляя его, чтобы он вновь стал моим лучший другом,

который будет петь со мной песни, покупать мне сладости и просто быть рядом.

Переведя взгляд с дороги на меня, он окинул меня ледяным взглядом.

– Ладно. Пусть будет, по-твоему. Я уважаю твой выбор, ты же знаешь.

– Знаю, – выдохнула я.

– В середине ноября будет игра. Я хочу, чтобы ты пришла поболеть за меня.

– Конечно, без вопросов.

Удовлетворённый моим ответом, он поставил песню на повтор, и наш дуэт вновь начал кричать песню во все горло.

Когда мы уже почти доехали до парковки университета, телефон Алана зазвонил:

– Да…нет, меня там нет… зачем?.. ладно.

Сбросив звонок, он оторвал взгляд от дороги.

– Ты сможешь припарковать машину, или ты совсем забыла то, чему я тебя учил?

– Смогу, а зачем?

– Фуэнтес решил начать тренировку прямо сейчас, поэтому мне нужно бежать.

– Без проблем, – улыбнулась я, стараясь не подавать виду, что от одной фамилии тренера моё сердце перестало биться.

Алан с благодарностью сжал мою руку.

Кто сказал, что парковка – это самое сложное в вождении? Да я – профессионал в этом. Алан уже убежал в сторо-

ну Принстона, а я начала искать место, куда бы пригвоздить эту громадину.

У меня прекрасно получалось переключаться между газом и тормозом, пока на глаза не попалось лишь одно место. И это проклятое место заставило мои булочки загореться от страха. Конечно, мои родители могут легко позволить купить себе или мне данную машину, но я лучше перережу вены ложкой, чем обращусь к ним за подобной помощью, если вдруг оставлю царапину на этой железке.

Чего ты боишься, Грейс? – закряхтела самоуверенность, – *ты уже миллион раз садилась за руль и парковалась там, где это было невозможно. Дерзай, крутышка.*

Одобрительно закивав уверенности, я дюйм в дюйм припарковала машину. Но так я думала до тех пор, пока грёбанная дверца не смогла открыться достаточно для того, чтобы выпустить меня на волю. Алан поверил мне и доверился, вряд ли друг будет и дальше столь доверчивым, когда увидит открытое окно, куда он должен пролезть, чтобы занять водительское кресло.

Выдохнув, я поджала губы и сделала движение назад, в эту секунду раздался резкий звук незатыкающегося клаксона, в который жали не ладонями, а скорее ступнями ног. *Хреновы зеркала, я совсем про них забыла*. Пулей вылетев на улицу, я скорей осмотрела машину, которая осталась цела, как и моя жизнь вдали от родительских оков.

– Крошка, да ты, чёрт возьми, чуть ли не уничтожила мою

принцессу! – заголосил смуглый парень экзотической внешности, рассматривая фары на своей машине, – ты хоть знаешь, что это за машина?

– Мустанг шестьдесят пятого года, – закатила я глаза, – как он вообще едет? Ты что, разгоняешь его и запрыгиваешь на ходу?

– Тише, принцесса, тише, – поглаживал парень фары своего идеально отпарированного чёрного коня, сидя на корточках и смотря на меня снизу-вверх, его машина едва ли ни чудом ещё держится на ходу, – это она не про тебя.

– Боже, ты шутишь?

– Никогда не говорит так о принцессе, – угрюмого произнёс он, из-за чего я жутко желала съязвить в ответ, но лишь вопросительно выгнула бровь, молча спрашивая, почему я не могу говорит о какой-то железяке таким образом, – она же больше не заведётся нахрен.

Такого ответа я совершенно не ожидала, и такая честность рассмешила меня до приступа асфиксии. Тут он прав: любое телодвижение и она больше не заведётся. И можно будет благодарить Господа, если она ещё и не развалится на части.

– Согласна, – смеясь, сказала я, – ты молишься перед каждым её заведением?

– Принцесса, закрой уши, – произнёс парень, легонько похлопав машину по капоту и выпрямившись с корточек, – женщины совершенно ничего не понимают.

– Я не женщина, – фыркнула я.

– Девушки, – закатил он глаза, широко улыбаясь, – для вас всё предельно просто: машина едет, значит уже хорошо, а если нет, то бензин закончился.

– Парень, ты уже в долг говоришь, – закатила я глаза, рассмотрев своего оппонента: чёрная кожаная куртка поверх чёрной футболки, под которыми прячется полоска от таких же джинс, в дополнение к которым чёрные кеды; кольцо серебристой серьги в левой мочке уха и носу, чёрные кудрявые волосы приличной длинны в сочетании с глазами оттенка горького шоколада. Кажется, что на его лице проскальзывало даже небольшое количество веснушек, скоплённых на носу.

– Ключи в машине? – посмотрел он за мою спину, на что я хотела возразить, но было уже поздно, обойдя меня, он запрыгнул на водительское кресло хлопнул дверцей. За долю минуты, машина встала именно так, как её должна была поставить я.

С самодовольным видом, он покинул салон автомобиля и подмигнул мне, загнав свою на парковочное место рядом, потому что за время моих попыток и нашей перепалки – квадрат освободили.

– Крошка, – окрикнул меня парень, когда я уже захватила ключи и решилась плюхнуться на ближайшую лавочку, чтобы дождаться Алана.

– Что?

– Благодарности не жду, но вот помочь ты мне можешь.

Проведи меня по вашим чёртовым закоулкам к полю.

– Зачем? – повернулась я, ещё раз рассматривая парня.

– У моего братца тренировка, хочу сделать ему сюрприз, – заулыбался он, и я почему-то не смогла ответить отказом.

Махнув головой в сторону входа, я зашагала вперёд:

– Пошли.

– Будем считать это твоей благодарностью, – подмигнул парень, поравнявшись со мной, – а ты так-то ничего. Это была судьба. Ты как моя спасительница. Не будь я женат, то приударил бы за тобой.

– Будем считать это твоей благодарностью, – повторила я, и чуть ли не поцеловалась с асфальтом раньше того, чем переспала с Оливером, потому что рука, которую обрамляла чёрная куртка – повисла на моём плече.

Я шагала в таком состоянии шока, из-за которого вовсе позабыла скинуть его руку, так и пройдясь до поля.

– Сейчас познакомлю тебя со своим братом, и ты вовсе не устоишь. Он горячий.

Фыркнув, я поморщилась на подобное описание. Кто вообще так говорит о брате? Его старший брат, подрабатывающий сутенёром?

– Вот, – широко улыбнулся парень, встав в одну линию с Диего, который увидев нас, одновременно помрачнел и покраснел от ярости, – он, конечно, не такой горячий как я, но крошка, где ты была раньше?

На моём плече висит рука. И эта рука принадлежит брату

Диего, о котором он как-то уже успел упомянуть.

Чтоб мне провалиться, вашу мать, у меня чуйка на всех Фуэнтесов?

– Какого хрена ты тут делаешь и какого хрена ты тут делаешь со студенткой? – прорычал Диего, бросая злобные взгляды то на меня, то на брата.

– Брата пришёл проведать, – весело ответил парень, пропуская мимо раздражённый тон Диего, после чего повернулся ко мне, и заведя локоны волос с одной стороны за моё ухо, добавил, – не обращай внимание, он только с виду такой устрашающий, может, даже в постели неплох. Не могу дать точных гарантий, в этом плане я сужу по внешнему виду.

Ты даже не представляешь на сколько он, вашу мать, горячий.

Этот парень даже подразумевать не мог, как точно в цель бил своими шуткам. Оставаясь внешне непринуждённой и даже веселой, я выгнула бровь, окинув взглядом Диего, делая вид, что вижу его первый раз:

– Знаешь, у меня бывали и лучше. Не могу судить книгу по обложке. Внешне красивая и хочется зачитываться до упоения, но вот начинка может подкачать.

– Согласен, – кивнул парень, – он просто не хочет, чтобы его откр…

– Ром, – рыкнул Диего, оборвав брата на полуслове.

– Я уже говорил тебе, чтобы ты не обращала внимание? – вновь пропускал тон Диего его оппонент, – кстати, меня и

правда зову…

– Грейс, какого чёрта ты забыла на поле? – очередной раз оборвал наши разговоры Диего, на что я вздохнула и закатила глаза, обратив взгляд к тренеру.

– Так вы знакомы? – перебил его брат, – какого чёрт ты не познакомил меня с этой крошкой раньше? Я, возможно, наградил бы нашей фамилией её.

– Заткнись, – рявкнул Диего и в один голос с ним, Алан выкрикнул моё имя. Через секунду меня сшиб Оливер, перекинув через плечо и помчавшись прямо к эпицентру парней из команды, вслед которому летели пули из глаз Диего.

– Она пришла на мою тренировку! – заорал Оли, – она любит меня!

– Блайт, – кряхтела я на его плече и стуча ладонями по заднице друга, – чёрт побери, отпусти меня!

Когда ноги коснулись земли, я откашлялась и расправила одежду, оглядев толпу веселившихся парней.

– Придурок, – шлепнула я Оливера по руке, и он тут же привлек меня в объятия, в которых я билась, словно килька в банке.

– Я уже думал, что она никогда не придёт, – проворковал друг, крепче зажимая меня, – и это я ещё не снимал футболку.

– Отпусти её, – смеясь, сказал Алан, убирая обогнутые вокруг моего тела руки Оливера.

– Блайт, руки! – резко и грубо рявкнул Диего, двигаясь

сторону команды вместе с братом. Второй довольно улыбался, засунув руки в карманы, – никаких соплей на моём поле! Какого хрена вы сели? Я должен за вас отрабатывать броски?

Команда, ворча, поднялась с травы и дружно зашагала в сторону ворот, около которых валялись десятки мячей и столько же стик. Рядом остался лишь Алан и Оливер. И оба они чертовски сексуально выглядели в форме. Я даже не знала, на ком из них заострить основное внимание.

Ты уже знаешь, на ком его застрошь, Грейс, – смеялось надо мной «я».

И оно было право, потому что я с ног до головы прошлась взглядом по Диего. Именно он из четвёрки парней мог легко расплавить мои мозги одним присутствием. Глаза прогулялись по рукам, оставляя вспышки воспоминаний, которые я желала помнить и хотела забыть, вырвав с корнем из памяти. В горле пересохло, но выкинуть из головы ощущения Диего – помогла повисшая парочка рук Алана и Оливера на моих плечах.

– Гри, я приду в кампус, – тепло улыбнулся друг, заправив свободной рукой мои выпавшие из-за ушей волосы, – пока готовь кружки и кипяти воду. Прости, что не подвёз.

– И для меня тоже, – пошевелил бровями Оливер, но я проигнорировала миллионные намёки.

– Ничего, я всё равно хотела прогуляться, – пожала я плечами, улыбнувшись Алану.

– Чувак, тот, кто утрёт ей сопли, подаст горячий чай и

померит температуру – всегда был и буду я, – Алан стукнул кулаком в грудь Оливера, отталкивая второго, но он будто прилип.

– Оли, твой дружок снова упирается в мою ногу, – закатила я глаза.

– Это не я, это физиология, – усмехнулся друг, после чего чмокнул меня в щёку, подхватив руку Алана и потащив его к воротам.

Наблюдая за парнями, которые, смеясь, толкали друг друга по пути, я и сама не сдержала улыбку, но она тут же сползла с лица, когда я вспомнила о Диего и Роме за своей спиной. Повернувшись на пятках, я столкнулась с яростным и пылающим взглядом Диего, но ещё в его глазах отражалась предельно понятная пустота. Пустота ко мне. Какие же они разные: на губах Рома играет улыбка, а на лице его брата – безэмоциональность.

– Извините, – выдавила я, больше обращаясь к Рому, – было приятно познакомиться.

– Взаимно, крошка Грейс, – ещё шире улыбнулся Ром.

Оставив последний взгляд на новом знакомом, я не стала смотреть на Диего, чтобы не вспоминать его по пути. Но ведь это лож. Только о нём я и буду думать всю дорогу. Когда ноги направились к дверям университета, за спиной послышался гневный голос Рома:

– Да что с тобой, твою мать!?

Глава 15

Смотря в зеркало, я то и дело морщила нос. Уверена, предложение именно такого костюма для меня поступило от сучки—Полли. Наблюдая за мной, Сам хмурилась и сдерживала рвущийся наружу смех, чего не сказать о её плюс один в виде Бейкер, которая в открытую довольно растягивалась в улыбке, готовой выдать злобный смех.

– Вы, Блядь, прикалываетесь? – прошипела я.

– Скажи спасибо, что я не взяла костюм вагины или члена, – язвила в ответ Бейкер, за что я стрельнула в неё раздражённым взглядом.

– Грейс, но это же весело! – воскликнула Сам.

– Быть самой стрёмно ощипанной индейкой на Хэллоуин – весело?

– Да, – закивала она.

– Да у меня, вашу мать, кровь между ободранных перьев, это веселит?

Саманта прикусила нижнюю губу, вероятно, соглашаясь, что выглядит это отвратительно. Кроме того, что костюм потрёпан, он выглядит ужасающе. И это не то, что должно отпугивать мертвецов, а то, что их только рассмешит и они все потянутся за мной. Данный костюм будто каждый год берёт в аренду идиот, который считает его забавным и крутым. Либо в этом году он слегка опоздал со своей извращенностью,

либо нашёл костюм прокладки.

Спешно обдумывая все варианты, которые я могла воссоздать в течении десяти минут, на ум приходила только какая-нибудь невеста Дракулы, костюм которой наверняка будет на каждой второй обделённой воображением и фантазией. Но лампочка в голове всё же вспыхнула:

– Дайте мне пять минут.

Кивнув, Сам подхватила руку Бейкер и вытащила их из комнаты.

Ринувшись к шкафу, я спешно перебрала всю одежду, найдя в гардеробе нужную ярко салатовую юбку-карандаш выше колен, за которой следом с плечиков слетел приторно розовый топ, оголяющий живот, в дополнение к одежде, я прихватила белые массивные туфли. Перекинув светлые локоны волос на одну сторону и подколов их так, что теперь они напоминают объём, я подкрасила глаза жёлтыми тенями и провела линию, сделав белые стрелки, придав губам розоватый оттенок под их реальный цвет.

Теперь через отражение в зеркале, на меня смотрела кукла Барби или девочка, которая ещё не вышла из восьмидесятых или девяностых годов. Мысленно, я дала себе пять за то, что всё-таки взяла эту одежду, хотя носила только топ и тот на тренировку в зал.

Распахнув дверь, я сделала шаг в коридор, привлекая к своей персоне абсолютно всё внимание, к Сам и Полли успели подключиться Оливер и Алан, которые распахнули гла-

за увидев меня. Лицо Саманты будто загорелось без слов говоря о том, что мой образ идеален, в то время как Бейкер фыркнула и отвернулась.

– Чёрт, Гри, да это просто охрененно! – выдал Алан на одном дыхании.

– Спасибо, – вежливо улыбнулась я, – у меня было пять минут.

– Да я готов оттарабанить тебя за ближайшим углом! – добавил Оли, на что я закатила глаза. Оливер всегда останется пошлым придурком, – зачем нам конфеты, когда среди нас конфетка!?

– У тебя когда-нибудь было с девушкой? – перебила Сам Оливера, – я хочу стать твоей первой.

– Мария присоединится к нам на вечеринке, – махнула я головой в сторону выхода, игнорируя продолжение в виде поигрывания бровями от Оливера, и намёки от Сам, – поэтому вперёд.

Преодолев путь от кампуса к дому братства, где должно пройти сие мероприятие, впрочем, как и все остальные, я вылезла из машины и потянула подол юбки ниже, потому что он успел прилично собраться чуть ли, не оголяя те места, которые показывать я не горела желанием.

Если там будет Диего, то ты покажешь не только это, – подшучивало моё бесячее «я», на выходку которого второе «я», закатило глаза и скрестило руки под грудью.

Она умная девочка и больше не должна позволять вешать

себе лапшу на уши, – фыркнуло в ответ моё любимое «я».

У меня уже не раздвоение личности, а разтроение, и я не знаю, награждать ли благодарностью за это Диего или сказать спасибо той сучке, двинувшей мне с локтя на поле. В любом случае, как утверждают психологи – разговоры с собой иногда полезны.

Ага, для шизофреников, – кивнуло раздражающе «я».

– Ты идёшь? – окрикнули меня друзья, вырывая из препираний самой с собой.

Глаза сфокусировались на кучке людей, которых я уже могу назвать друзьями, кроме, конечно, сучки—Полли, даже Мария присоединилась к ним. И все эти несколько пар глаз смотрели на застывшую посередине дорожки меня, словно я отшибленная идиотка, в которую ткнула своим замораживающим копьём Колдунья из Нарнии. Сориентировавшись в пространстве, я кивнула и прошагала мимо компании, с интересом наблюдающей за мной. Даже Алан смотрел на меня с каким-то непониманием. Да я и сама не совсем понимаю кто я, где я и что со мной, чёрт возьми, происходит. Я потихоньку схожу с ума.

Как всегда, дом был перевёрнут вверх дном: куча напившихся студентов в различных костюмах, начиная букашками, завершая картину различными вампиршами, ведьмами и зомби в разорванной одежде. Хотя, один парень сразу пленил моё сердце своей фантазией, потому что обмотался туалетной бумагой, словно мумия. Очень незамысловато и ту-

по с его стороны, но идея гениальная и малозатратная, разве что он оставил братьев без туалетной бумаги как минимум на неделю, хотя, даже на парочку дней. Только Бог знает, сколько их тут проживает.

Что самое интересное – в доме не было ни одного человека без костюма. Видимо, тут жёсткий дресс-код на сегодняшний вечер. За столешницей руководил осьминог, только успевая пробегаться бутылкой водки по стаканчикам, больше разливая спиртное, чем наполняя им стаканы. Возле него пританцовывал таракан, лапки которого дрожали в танце и смешили двух разукрашенных невест Чаки. Эти девицы явно не утруждали себя на тему трактования слова воображение. Взгляд тут же перешёл на друзей, среди которых был Супермен в виде Алана и Бэтмен в виде Оливера. Рядом свою белую длинную косу парика наматывала Мария в образе Сэйлор Мун, юбка которой едва прикрывала бёдра, по одну руку от Марии, толпу рассматривали Сам и Полли в образах ангела и демона. Второй очень шёл её костюм, прям-таки Сатана выкарабкался из-подземелья. С сегодняшнего дня нарекаю её новыми именами – Аббадон и Нагдиэль. Именно эти демоны олицетворяют разрушение и сеют раздор, что присуще Бейкер, если брать в основу последние проведённые выходные.

В этот вечер, я решила не награждать своё сознание и тело алкоголем. В прошлый раз из этого не вышло ничего хорошего. Развлечь себя можно будучи трезвой.

Но друзья так не думали, рука Оливера успела ухватить мою и вернуть назад, когда я уже сделала шаг самопровозглашенному танцполу.

– Далеко собралась, киска? – прикрикнув, усмехнулся он, – у нас другие планы.

– Фу, больше никогда не употребляй это при мне, поморщилась я.

– Идём, – махнул головой друг в сторону диванчиков, где уже разместились некоторые друзья среди незнакомцев.

– Бутылочка или у кого-то есть другие идеи? – обратился к собравшимся парень с чёрной шевелюрой на голове и серьгой в правой мочке уха.

Среди вариантов: правда или действие, бутылочка, десять вопросов, семь минут в раю, монеткой и пив-понгом, прозвучал громкий голос Полли:

– Я никогда не…

С которым все обоюдно согласились. Очень часто люди забывают про эту тупую игру, где правило не лгать, но никто не сможет поймать тебя на лжи.

– И как в неё играть? – фыркнула какая-то брюнетка, оглядывая толпу поверх краев стакана.

– По очереди каждый, к примеру, говорит: *я никогда не напивался до поросячьего визга и не блевал в такси*, и тот, кто это не делал – пьёт, а тот, кто делал – не пьёт. Понятно? – выгнула бровь Полли, смотря на оппонентку с каким-то вызовом.

– Я никогда не прогуливала лекции, – довольно заулыбалась брюнетка, и все дружно посмотрели в наполненные стаканчики, потому что невозможно не прогулять хотя бы одну лекцию.

В моих руках тоже был стаканчик с алкоголем, который вручил Оли, найдя для нас местечко. Надеюсь, все будут говорить то, что я делала и спиртное не тронет моё нутро.

– Я никогда не занималась сексом с девушкой, – подала голос Саманта, после чего с довольным видом осушила стаканчик.

– Ты, мать вашу, лесбиянка, что за нахрен? – загоготал Оливер, – и какого хрена ты выпила?

– Я просто хотела пить, а вы начали с детской хрени, – закатила глаза подруга с торжественной улыбкой на губах.

– Ладно, я никогда не трахался с двумя сразу, – поднял свой стакан тот парень, который был инициатором игр. Проглотив выпивку, как и остальные, кроме двух девушек, щеки которых загорелись, а сами они начали придумывать оправдания.

Горло зажгло дешёвое поило, как только жидкость поступила на язык. Автоматически лицо сморщилось, но мне известно, что это лишь начальный эффект, потому что со временем я буду вливать по венам его цистернами напрямую через капельницу.

– Да заткнитесь вы, всем срать, с кем вы трахались, хоть пятеро одновременно, – фыркнул сосед кудрявого.

Они что, собираются играть честно? – поморщилась во мне фальшивая Грейс, — *мы ведь не собираемся делать это честно?*

В этом и есть суть игры, – запротестовала совесть, которую легко подавила ложь одним взглядом.

Никто не будет играть честно, если это касается чего-то личного.

– Я никогда не бегала голой по школе, – улыбнулась Мария, поднимаясь стаканчик в воздух, явно специально выдав такое изречение.

Каждый из толпы выпил спиртное с довольным лицом. А моё лицо ещё и приобрело бледный оттенок, когда напротив нашего места, свободный квадрат на диване занял Диего. Красная ёмкость вмиг задрожала в моей ладони, хотя я изо всех сил старалась не терять самообладание.

– Я никогда не трахался в аудитории, – провозгласил Оли, на что я закатила глаза и вновь обожгла горло противной жидкостью, в то время как Оливер был единственным, кто держал стакан в воздухе.

– Господи, как ты смог? – фыркнула какая-то блондинка в костюме Золушки, но в глазах её читался детский восторг.

– Она – твоя в ближайшей аудитории, – прошептала я, на что получила широкую улыбку от друга, а блондинка посыл пошлого намёка в свою сторону.

– Я никогда не любил, – рассек воздух стаканчиком блондин напротив.

Подняв свой дрожащими руками, я вновь сделала глоток новой жидкости, которая обожгла гордо так, будто я глотала чистую щёлочь. Я любила. Но зачем-то осушила стакан, который не должен был лезть в желудок, убивая не только печень, а заодно калечил душу. Глаза моментально обратились к Алану, который держал свой и смотрел на меня с разочарованием. Я лгала и была честна одновременно.

Одно имя – *Арчер*. И я сломана.

За ним следует второе, которому принадлежит диван напротив. Я не могу утверждать, что люблю Диего, потому что не знаю его. Я люблю его таинственность, но что ощущаю к нему самому?

К моему счастью, остальные вопросы были настолько тупые, что мерзкое поило больше не попадало мне в рот. Я осталась абсолютно трезвой, чему определённо радовалась каждой капелькой чистого разума.

Я настолько абстрагировалась и ушла в собственные размышления, периодически смотря в сторону Диего, но лишь на долю секунду, будто это было ненароком. Я уделяла ему ничем не больше невербального внимания, как и всем остальным.

И до тех пор, пока до разума и до ушей не дошло то, что стало ведром ледяной воды, я держалась вполне непринуждённо. Но буквально секунду назад, сучка Бейкер выдала:

– Я никогда не трахалась с тренером.

Проглотив ком в горле, я победно, но лживо улыбнулась

и вальяжно поднесла стаканчик к губам, осушив его до дна, при этом, не сводя глаз и не моргая, я смотрела на сучку, бросившую это дерьмо. Даже Диего померк на её фоне, но краем глаза я заметила, что он не сделал глоток, а, следовательно, в его жизни подобное случалось. Тишина стала оглушительной. Секунду назад, компания веселилась, но все разом заглохли, такое чувство, что тарелка ди—джея съехала и разорвала контакт с колонками.

– Поздравляю, Бейкер, ты снова испортила выходные, – поставила осушенный стаканчик на заляпанный журнальный столик я, – впрочем, ничего необычного. Продолжай в том же духе, у тебя отлично *не получается* влюбить в себя предмет собственных воздыханий. Со временем, твой яд станет ему омерзителен.

Откланявшись от друзей, я внедрилась в толпу и, закрыв глаза, задвигалась в танце под грохочущую по барабанным перепонкам музыку. Состояние расслабления пришло не сразу, но оно взяло своё начало, расслабляя физическую оболочку. Танцы можно считать за спорт. Я ведь двигаюсь, выбрасываю адреналин и эмоции, получая в ответ волну эйфории и облегчения.

Не знаю, сколько я могла шевелиться ещё, если бы не знакомый взгляд, помогающий глазам открыться и взглянуть в сторону, откуда чувствовалось внимание.

Диего.

И в тот момент, когда я отвела глаза, заставило тело пере-

дернуться, потому что на его коленях сидела именно та самая девушка, которую он назвал шлюхой на один раз. И его чёртовы руки, обнимающие меня ночью, сейчас находятся на её ягодицах. Тёмные волосы девушки, были повязаны в парочку хвостиков, которые болтались в разные стороны, а костюм напоминал тот, что на Марии, но открывал её задницу всем присутствующим больше необходимого. Её шевелениях на его коленях, ноги, сжимающие его внешнюю сторону бедра и руки, блуждающие под футболкой. Дыхание у меня сбилось, но я каким-то чудом, я заставила себя отвернуться и продолжить танцевать с кучей битого стекла в горле. До чего же я была отвратительна самой себе.

Но ещё ниже я пала тогда, когда позволила какому-то парню в костюме Рембо положить на свои бёдра ладони. Со временем я поймала себя на мысли, что мне стало даже весело. Передо мной охрененно сексуальный парень в чёрной майке, оголяющей грудь и потрясающие мускулы, который строил смешные рожицы и подпевал песням, отдаваясь музыке и мне целиком.

Наши бурные танцы завершились тем, что его язык проник в мой рот, а живот почувствовал готовое к труду и обороне достоинство. К чему я совершенно не была готова, но позволяла ему обвить свою талию и скользить языком по губам. И целовался он также отпдано, как и выглядел. Я отдалась бы ему легко и просто, если бы не одно *но*, занимающее место на диване с той самой шлюхой, которая касается его

там, где касалась я, целует то, что целовала я. Издав рык, я прикусила губу незнакомца лишь раззадорив его нрав. В эту же секунду он потянул меня за собой из толпы убитых алкоголем или наркотиками.

Всё произошло слишком быстро, но я на всю жизнь запомню тот тяжелый взгляд на своей спине, подаренный мне напоследок.

– Извини, мне нужно в туалет, – быстро выдала я, когда парень начал пробираться сквозь студентов, вероятно, к спальне, где решил оприходовать меня.

– Вторая правая дверь прямо по коридору, – остановился он, посмотрев на меня карими глазами, – жду тебя в паре дверей от неё.

Кивнув, я быстро проскользнула в маленькую комнату, которая уже была заблевана десятками человек. Уверена, этому дому поможет только снос и тотальная зачистка для нового, чтобы вытравить все хламидии. Вытерпев небольшое количество времени, я высунула голову в проём и проверила путь на чистоту. Я не собираюсь трахаться с каким-то идиотом на студенческой тусовке.

Даже если этот идиот чертовски сексуальный? – злобно похихикивало бесячее «я».

Я делаю это не из-за Фуэнтеса, – старалась убедить саму себя я, – *а только из-за того, что никогда не стану шлюхой, которая раздвинет ноги в студенческом братстве.*

Проскользнув вдоль стен братства, я успела зацепить оша-

рашенный взгляд Оли, который был удивлён не тем, что я пытаюсь от кого-то скрыться, а тем, что скорей всего наблюдал картину с тем незнакомцем. Смотря на меня поверх красного стаканчика, он не двигался, словно отслеживал добычу. Поднеся указательный палец ко рту, я показала знак того, чтобы он молчал, взамен получив слабый кивок.

Как только ноги вынесли меня на улицу, а холодный ветер резко бросился в лицо, поднимая холодом всех мурашек по коже, я сжалась в три погибели и зашла за угол дома, где единственным нарушителем тишины были долбящие колонки в доме. Казалось, что кирпичные стены вот-вот начнут разваливаться по одному из-за напора и силы децибел.

Опираясь спиной на леденящие стены, я откинула голову к звездному небу и закрыла глаза. Абсолютно плевать, простыну ли я, холодно ли мне, я чувствую себя дерьмом по двум причинам: я позволила случиться поцелую, но в этом моим вспомогателем стал гнев на Диего, на руках которого танцевала та шлюха, которую он, будь он проклят, драл в туалете; вторая причина была проста – я чуть ли не переспала с каким-то идиотом. Да, секс – это всего лишь секс, я никогда не придавала ему большее значение, чем плоские утехи, но не с человеком, имя которого мне даже неизвестно, как и он сам.

– Довольна? – нарушил уединение голос Диего, который уже привык подбираться ко мне незаметно. По этой причине, я даже не дрогнула и не раскрыла глаза.

– Чем?

– Потрахалась с ним?

– Не суди людей по себе, – горько засмеялась я.

– А для чего тогда было это шоу? Для меня? Я оценил.

Сарказм в одночасье сдавил горло, и я начал набирать обороты, пока по щекам не покатились слёзы от смеха, а я не согнулась пополам. В эту минуту, я напоминала истеричку, но было так плевать, что даже не описать словами. Конечно, он подумал, что я кувыркалась с тем парнем, дабы отомстить ему. Но всё пошло не по его плану.

– Господи, ты серьезно думаешь, что я целовалась с ним из-за тебя? – смеялась я, откашливая слова, – очнись, Фуэнтес, я целовалась с ним, потому что он, мать вашу, чертовски сексуальный, – смех быстро перешёл в твёрдость и серьёзность, – и не придавай себе большое значение в моей жизни. Я не трахалась с ним. Я – не ты, пойми уже. Ты можешь завалить всех шлюх мира, но у меня даже глаз не дёрнется. Мне просто плевать. Ты можешь дальше топить себя в алкоголе, одноразовом сексе или в чём-то подобном.

– Хочешь выставить себя шлюхой, то вперёд, – качнул он головой в сторону дома, на волосах которой играли блики тусклых уличных фонарей.

– Я просто веселюсь и отдыхаю, ничего личного, Фуэнтес.

– Ты ополоумела, – процедил Диего.

– С чего ты решил, что я делаю что-то из-за тебя или ради тебя? Очнись, твою мать. Мы не клялись друг другу в любви

или верности. Запомни: женщина может быть верна только себе.

В эту же секунду его крепкая рука сомкнулась на моей шее, пригвоздив к стене, а глаза направились глубоко к мои.

– Запомни: женщина должна быть верна только одному мужчине – своему мужчине. Потому что она выходит замуж. Она – *за мужем*, – прохрипел он, после чего ослабил хватку. У меня не было и капли страха перед ним, я словно играла с огнём, получая прилив адреналина.

– Если твоя жизнь превратилась в геометрическую регрессию из-за того, что твоя суженая когда-то переспала с кем-то, то это только твои проблемы. Я верна только себе. У меня нет мужчины. И я не замужем. Поэтому прибереги свои нравоучения для кого-то другого.

Рука Диего вновь вернула меня к стене, а вторая обвилась вокруг талии, после которой его губы коснулись моей шеи, а плоть впилась в живот. Но я быстро отреагировала, положив ладони на его грудь и оттолкнув с такой силой, что он рыкнул и чуть ли не вписался в кусты. И Господи, как же я была благодарна своему самообладанию сейчас, которое не оставило шанса затуманиться разуму и позволить телу вновь воспользоваться собой.

– Я не стану твоей шлюхой.

Отстранившись от стены, я смахнула волосы с лица и бросила поверхностный взгляд на Диего, гордо зашагав в другую сторону от братства, словно дерьмо он, а не я. Но на самом

деле в дерьме мы оба.

Глава 16

Как ни странно, но сегодняшнее утро было добрым, вопреки душевному угнетению и мрачным мыслям. Я вовремя встала, пришла в университет и заняла стол, когда аудитория ещё не наполнилась и половиной студентов курса философии.

Я люблю эту совершенно неточную науку, и в последнее время очень часто начала прибегать к её истокам. Термин философии означает «любовь к мудрости», а сам данный лекционный курс направлен на то, чтобы научиться размышлять. Вся философия строится на отсутствии логики и познании жизни со всеми её ценностями. Сократ говорил: «Я знаю, что я ничего не знаю», именно данное крылатое выражение сопутствует моему образу жизни два месяца в Америке. Я, чёрт возьми, ничего знаю. Даже саму себя.

Стул рядом издал пронзительный писк, а довольное выражение лица Оливера могло выжечь всю аудиторию, настолько ослепительна была его улыбка.

– Я это сделал.

– Что? – выгнула я бровь, подставив кулачок под подбородок и повернув к нему лицо.

– Оприходовал ту блондинку в амфитеатре.

– Фу, – поморщилась я, – сейчас только девять утра.

– И что? – откинулся на спинку кресла Оли и скрестил ру-

ки за головой, раскинув локти в разные стороны, – мы случайно встретились у входа.

– *Случайно*, – закатила я глаза.

– И куда ты делась?

– Я тут.

– Ты понимаешь, о чём я говорю, Грейс. Я видел, как из дома вышел Фуэнтес, и тебя не было. Ты была на улице с ним, потому что ползла по стене к двери, будто ты хренов человек—паук.

– Ваш тренер может за раз выкурить пачку сигарет, откуда мне знать, где его носило, я просто сделала ноги.

– Ладно, пусть будет по-твоему.

– Чёрт возьми, – процедила я довольно громко, – почему как только меня и Фуэнтеса видят в одном помещении или мы оба отсутствуем, то обязательно находимся где-то вдвоём!?

– Прости, – через полминуты выдохнул Оливер, смотря на меня с сожалением, – грёбанный язык Полли.

– Я могу сказать, что трахаюсь с ректором, ты тоже в это поверишь? – сверлила я дыру в друге.

– Нет, – отрицательно покрутил головой Оливер.

– Тогда в чём, вашу мать, проблема!? – завопила я, – мне уже осточертели эти абсолютно беспочвенные подозрения. Когда вы поймаете меня за руку, то и окунайте носом в дерьмо, но сейчас просто заткнитесь и больше никогда не вставляйте меня и Фуэнтеса в одно проклятое предложение.

– Хорошо, успокойся уже.

Фыркнув, я с грохотом откинула на стол ручку и мысленно выбила в стене чёрную дыру собственными кулаками и взглядом. Проклятое хорошее настроение моментально испарилось, а гнев и раздражение сковали тело.

– Грейс, – тихо позвал меня Оливер, положив ладонь на плечо, – я не хотел, прости.

Сверкнув в него взглядом, я уставилась в стол.

– Серьёзно, я не думал, что ты отреагируешь на это дерьмо. Не обращай внимания на Полли. Я больше не заикнусь. Клянусь, Грейс, – поглаживал моё плечо большой палец, – и ты так сексуально и надменно на меня посмотрела, что я снова готов, даже могу побыть твоим рабом, моя госпожа.

Фыркнув, я насупилась и посмотрела на друга, улыбка которого вновь стала пошлой.

– Прекрати думать только о сексе.

– Не могу, когда ты сидишь напротив и так тяжело дышишь, я представляю совсем другое, – продолжал Оли, и моя ярость на него начала сходить на нет. И как у него это получается?

– Мы никогда не займёмся сексом, Оли.

– С чего бы это? – усмехнулся он, вновь расслабившись на стуле, смотря на меня с широкой улыбкой на губах.

– Потому что это испортит нашу дружбу, а я хочу с тобой дружить.

– Значит, ты считаешь меня другом? – пошевелил он бро-

вями, и моя злость окончательно прошла.

– Да, но если ты не перестанешь постоянно говорить о сексе, то станешь бывшим другом, – закатила я глаза.

– Если я не лучший, то можешь считать меня бывшим.

– Ладно.

– Что значит *ладно*?

– Ты полу-лучший, – ответила я, когда уголки губ дрогнули в улыбке.

– Да ты, нахрен, шутишь!? Я – лучший. Это же я, – фыркнул Оли, махнув рукой.

– Моим лучшим другом всегда будет Алан.

– Человек, который готов откинуться из-за любви от одного твоего присутствия – не может быть тебе другом. Не бывает дружбы между людьми, один из которых любит, а второй дружит, Грейс. Это игра в одни ворота.

Только что вновь поднятое настроение Оливером, провалилось в канаву с дерьмом.

Мой лучший друг меня любит. Не бывает такой дружбы. Это игра в одни ворота.

Слова Оливера эхом звенели в ушах.

– Эй, – нежно стукнул меня кулаком в плечо Оли, – хватит думать об этом дерьме. Ты вообще хоть раз представляла меня возле гробницы Фараона?

– Безусловно, – поморщилась я, – но в той ситуации, где ты танцуешь на его саркофаге или мастабе.

– Ты только представь, если бы таким был я? – заулыбался

Оливер.

– И что?

– Вам бы пришлось помереть в моём склепе вместе с животными.

– Не пришлось бы.

– Вы – мои подданные и приближённые.

– Ты тронулся умом, Блайт. Такая традиция имела место быть, но она слишком скоро прекратилась. Людей не хоронили заживо. Им придумали замену в виде деревянных кукол, чтобы ты знал. С тобой бы померли брёвна.

– Вот же дерьмо, – усмехнулся друг, – что за придурок передумал так делать?

– Гуманный придурок.

Оливер закатил глаза и скорчил смешную рожицу, из-за чего я просто не смогла ни хихикнуть. Как бы там ни было, ему снова удалось поднять моё настроение такими глупыми разговорами. Я напоминаю волну, которая то вниз, то вверх.

– Как ты вообще собираешься махать кисточкой над косточкой в пару дюймов?

– Ты о чём?

– Как ты сможешь усидеть на одном месте такое количество времени? У тебя же торпеда в заднице.

– Я люблю познавать что-то новенькое, – пошевелил он бровями, дав недвусмысленный намёк.

– Камасутру уже открыли, Оли, второй такой не существует.

– Кто знает, может она покоится в каком-нибудь из склепов, куда я буду пробираться в очередной командировке.

– Тогда тебе придётся зависать над одним предложением по месяцу, чтобы сделать перевод.

– Похрен, если я познаю это первым.

– Чокнутый, – закатила я глаза с улыбкой на губах, когда Оливер подмигнул мне, – твой дружок перестанет работать, когда ты сделаешь полный перевод.

– Он и в гробу будет работать.

Хохотнув, я покачала головой. Но возможно Оли прав. Тестостерона в этом парне больше, чем мозгов.

За своими разговорами, мы пропустили начало лекции, где велись бурные споры между студентами и профессором. Прислушавшись, я поняла, что тема сегодняшних споров – любовь.

Как иронично и символично, судьба.

Некоторые из студентов с пеной у рта доказывали, что любовь – это химия, реакция которая не может длиться вечно, рано или поздно она прекращается, а вечный двигатель ещё не был изобретён; другие же утверждали, что те, кто так говорит, просто-напросто никогда не испытывали этого окрыляющего чувства.

Чушь.

Это чувство окрыляет, но окрыляет только изначально, дальше всё становится не таким уж красочным. Вы приедаетесь, друг к другу, как утверждал Диего. И сейчас я с ним

согласна. Конфетно-букетный период проходит, сменяясь на бытовуху. Мои отношения с Арчером начались внезапной вспышкой, ею же завершились. И виной тому, что они прекратились, косвенно стали родители. Именно им принадлежит взгляд на меня, как на собачье дерьмо рядом с Арчером, будто я его недостойна. На данной почве началась моя ревность, потому что люди, которых я должна называть папа и мама, на моих глазах знакомили моего парня с их знакомыми принцессами, будто подыскивали новую партию получше.

Боль начала разрывать с неимоверной силой, словно в сердце медленно вводили иглу. Слёзы спешно зажгли глаза и заставляли задыхаться. Мои проклятые родители настолько дерьмовы, что невозможно выразить. У меня нет подходящего слова для них.

Им не удалось водить за нос Арчера, он был умнее. Он поддерживал тем, что сразу представлял меня, как свою девушку, потому что родители не соизволили сделать даже этого. Я всей душой ненавижу их, потому что они стали теми, кто поровнял мою самооценку с дном. На этой почве, я стала ревнивой и когда ревность дошла до крайней степени безумия, Арчер вымотался что-либо мне доказывать, решив поставить в отношениях точку. Я до их пор помню и испытываю ту боль, которую он подарил мне словами:

– Нам нужно разойтись, Грейс. Я устал. Больше так продолжаться не может.

Я не была ранена. Я была убита.

Сейчас я так благодарна Алану, который морочился со мной, как с инвалидом, который не хочет даже двигаться. Он в прямом смысле кормил меня с ложечки, чтобы я не превратилась в живого мертвеца. Мой друг. Мой самый лучший друг. На тот момент он уже любил меня, а я была слепа, либо просто не хотела это понимать. Я причинила ему столько боли, когда рассказывала обо всём. Я даже представить не могу, что было бы со мной, если бы Арчер начал рассказывать мне то, какие у него прекрасные отношения, как он влюблён и счастлив с другой в те дни, когда я любила его до потери памяти. Алан всё вытерпел и пережевал, даже глазом не поведя. Теперь моё сердце болезненно сжалось из-за него.

Но Арчер сделал правильно. Никто не должен вечно терпеть чьи-то заскоки и дерьмо, которые этот человек сам себе придумал. А именно такой была я, как жаль, что понимание приходит только сейчас.

– Любовь – это боль, – произнесла я на одном дыханий, и десятки взглядов тут же устремились в мою сторону. В аудитории повисла тишина, было отчётливо слышно, как по трубам гоняются потоки воды.

– Повторите, пожалуйста, мисс Мелтон, – немного улыбнулся профессор Говард.

– Любовь – это боль, – глухо ответила я.

– Объясните своё мнение, – кивнул он, подначивая меня на монолог, которого я не хотела. Искоса я поймала взгляд Оливера, ошарашено смотрящий на меня, словно я ляпнула

то, что это солнце крутится вокруг земли, а не земля вокруг солнца.

– Что бы вы не делали, рано или поздно вы причините друг другу боль. Она может быть физической, выражаясь потасовками, может быть вербальной в виде слов, но ещё может быть душевной. И две последние – самые тяжелые формы. Они словно ВИЧ и СПИД. Сначала вас атакует вирус с аббревиатурой ВИЧ, делает уязвимым и слабым, со временем он приобретает завершающую стадию СПИД: ту, где вы ослаблены и больше не можете сопротивляться. Ваш иммунитет бессилен. Он подвергается всем болезням. Каждое слово станет новой иглой, которую раз за разом втыкают в одну и ту же вену на протяжении длительного количества времени. Даже если вы будете пытаться вылечиться, начнёте принимать лекарства и терапии – ничего не выйдет. Болезнь уже есть. Она сидит внутри и медленно убивает вас с каждым новым днём и с каждым новым словом. Вы чувствуете это, ваша душа болит, мучается и медленно стирается в пыль.

В аудитории повисла тишина. Профессор Говард и вовсе помрачнел. Наверняка каждый ожидал от меня пламенных речей о красивой и сказочной любви, о которой я грезю во снах и наяву. Но все куда печальней. Конечно, многие догадались, что подобное есть за моей спиной, но я скажу больше: это камень, повисший на моей шее.

– Друзья, время обеда, – через силу улыбнулся профессор, таким образом, завершив лекцию.

Меня могут закидать камнями в виде косых взглядов, но я лишь высказала собственное мнение, завуалировав в словах свой горестный опыт. От меня просили мнение – я его высказала. Оно не такое красивое, как хотелось бы, но оно правдивое. Это мой чертовски болезненный опыт.

Собрав вещи в сумку, я выскочила за порог аудитории, со всех ног помчавшись только к одному месту, которое поможет уйти от мрачных мыслей. Шокированный взгляд Оливера чувствовался до тех пор, пока я не скрылась за углом.

Как только ноги добежали до поля и усадили моё тело на мягкую траву, я скинула с рук кисти, краски, полотно и ведёрко. Наушники тут же оказались в ушной раковине, а первые ноты песни Leona Lewis – Bleeding Love донестись до сознания.

Моё главное кредо то, что я гоняю один и тот же трек весь период рисования. Так происходит всегда, и Алана это всегда вводило в ступор, потому что рисовать я могу час, а могу пять часов.

Нанося последний штрих, который придавал картине полноту, законченность и всю суть моих эмоций, меня выдернули из «дзена». Сам Диего Фуэнтес сел ко мне. Подвинув одну ногу к груди и обнимая её, он вытащил один наушник из моих ушей и воткнул себе.

– Что? – скучающе спросила эта наглая морда, когда заметила миллионы оттенок удивления на моём лице.

– Какого хрена ты тут делаешь, Фуэнтес?

– У меня был тяжёлый день, так что заткнись и дай мне послушать музыку, которая, кстати, полное дерьмо. В следующий раз попроси меня скинуть тебе хороший плейлист. Но зато я теперь знаю, почему ты такая злая: музыка – основа отличного настроения.

– Если тебе что-то не нравится, можешь проваливать, – огрызнулась я, собираясь вырвать к чертям этот грёбанный наушник.

Нормальная у меня музыка!

– Если бы что-то не нравилось, я бы ушел, не сомневайся, – с этими словами он закрыл глаза и исчез в своих мыслях.

Почему я сижу и пялюсь на него, как на предмет искусства на витрине музея? Почему каждый раз при виде Фуэнтеса, мозг машет мне на прощание и уходит прочь, собрав все пожитки? Почему я не могу образумиться и понять, что между нами может быть только секс?

Потому что он горячий, чёрт побери, – шепнуло возбуждение.

Потому что он твёрд, уверен и решителен, – дополнило женское нутро.

Потому что ты идиотка, – скрестило руки под грудью разумное «я».

С каждым моим «я», мне пришлось лишь согласиться, потому что они твердят правду. Даже сейчас я сижу и пялюсь на него, позабыв о жестокости и боли, которую он успел при-

чинить за этот короткой срок.

Густые тёмные ресницы Диего, обдувал легкий ноябрьский ветер, солнечные лучи, которые ещё дарили тепло – бликами играли на его идеальном лице. Щетина, которая потихоньку начинала сводить с ума от одного лишь щекотливого касания, и чёрные волосы, трепещущие на сквозняке, заставляли меня желать зарыться в них пальцами, прильнув щеке. Внешняя облицовка Диего может довести до смирительной рубашки. И в особенности улыбка, которую он показал лишь единожды, когда был в кафе с Марией.

Рука сама поднялась, а палец провёл вдоль точно выточенных скул от мочки уха до подбородка. Диего даже не шелохнулся. Я не могла увидеть его эмоции, потому что лицо оставалось таким же непроницаемым, каким было прежде, лишь ресницы дёрнулись, но мне легко могло показаться. Такой интимный жест легко можно было лицезреть со всех сторон, но я совершенно забылась, где была.

Я не остановилась, а только продолжила, полностью растеряв остатки сознания. Положив ладонь на щёку Диего, я коснулась большим пальцем длинных ресниц, после чего погладила щёку костяшками кисти. Я буквально чувствовала свою боль и его боль, о которой неизвестно, но я заочно знаю, что она была. Он сам сказал, что мы оба сломаны, отсюда и делаются выводы.

– Грейс, – выдохнул Диего моё имя, от чего волна мурашек пробежала по коже.

– Я не знаю, что с тобой произошло, но ты делаешь мне больно, – еле слышно прошептала я.

– Прекрати, – процедил Диего, но не отстранился от моей ладони и не открыл глаза.

– Я ничего не начинала.

– Прекрати эти разговоры, которые должны заставить меня говорить или плакаться в твоё плечо. Такому никогда не бывать.

– Ты обещал…

– Я ничего тебе не обещал, – оборвал Диего мои слова.

– Ты обещал не делать мне больно…

– Я и не делаю, Грейс. Ты сама всё придумала и теперь винишь меня в своих разрушенных мечтах.

– Тогда я могу встречаться и спать с другими? – выдавила я, оборвав физическую связь.

– Вполне. Это твоё право так же, как и моё спать с другими.

В то время как Диего завершал свои слова без капли сожаления, мой телефон начал гудеть от звонка. Подавив желание зареветь навзрыд от очередной порции болезненных слов, я взяла в руки мобильник и поднесла к уху экран с незнакомым номером:

– Добрый день, мисс Мелтон, – раздался голос ректора на другой стороне линии, чем привёл в изумление, потому что он решил поздороваться. И, кажется, что я даже услышала некое волнение в его тоне.

– Здравствуйте.

– Мы должны с Вами встретиться у центрально входа галереи в половину седьмого вечера.

– Зачем? – нахмурилась я.

– Я обещал познакомить Вас со своей женой. Выставка даёт своё начало в семь.

– Хорошо.

– До встречи, – коротко ответил он, так и оставаясь на линии, чем ещё больше удивил меня.

– До встречи.

Скинув звонок, я посмотрела в пустой экран, находясь в каком-то трансе. Да что с этим мужчиной не так? Он желает познакомить меня со своей женой, при этом смотрит так, словно я предмет обожания. Это нормально? Я, чёрт возьми, не готова стать любовницей или игрушкой в ролевых играх стариков.

Сгребая все инструменты, я забрала наушник у Диего и молча откланялась в сторону входа.

За небольшой отрезок времени, я успела привести себя в порядок и получить сообщение о том, что Харрис скорей всего опоздает.

В последний раз, когда я была в этом месте, здесь было гораздо меньше людей. Сейчас же их просто до хрена. Весь зал заполнен людьми в вечерних нарядах, демонстрирующих насколько набит кошелёк каждого из присутствующих.

Работая плечами, я бродила между людьми, выискивая

глазами Харриса.

– Грейс! – выкрикнул уже знакомый голос позади меня.

– Антуан, – поприветствовала я мужчину, который уже подошёл ко мне и во всю разглядывал меня с восхищением. Однако приятно иногда потешать свое эго.

Антуан быстро заморгал, взял мою ладонь и покрутил меня, осматривая наряд. Золотое платье в пол, которое подчёркивало каждый мой дюйм, изящно плавало по воздуху.

– Я вижу Вас второй раз, и второй раз Вы выглядите сногсшибательно, Грейс. Я восхищаюсь Вами всё больше и больше, не будет ли странно, если я посвящу свою новую картину Вам, моя муза?

– Приятно слышать, – смущённо кивнула я.

– Это максимально некультурный вопрос, но что Вы здесь делаете? Я думал, что Вы золотая молодежь, привыкшая к клубам.

– Наверное, я больше предпочитаю тренироваться или рисовать.

– Тренироваться? Какой вид спорта Вас интересует?

– Мы же перешли на ты, Антуан.

– Да—да, прости, – извиняюще улыбнулся он.

– Я увлекаюсь футболом.

– Футболом? – ахнул Антуан и чуть тише добавил, – я думал, что этот вид спорта для мужчин.

– Я так не считаю.

– Я, хм, думаю, что это замечательно. Так всё-таки, зачем

ты здесь?

– Мистер Харрис пригласил меня. Здесь будет его жена, и он очень рекомендовал мне познакомиться с ней.

– Скарлет Харрис? Мадонна картин?

– Наверное, я не знаю её имени, простите, – пожала плечами, пока Антуан продолжал ахать. Как легко удивить эту французскую задницу.

– Да—да, это Скарлет Харрис. Боже мой, я именно о ней тебе говорил, когда имел ввиду, что ты и твои картины напоминают мне одну знакомую художницу. Вы так похожи, ох, я просто не могу уложить это в голове.

– Антуан, – прогремел из неоткуда возникнувший Харрис, испепеляя взглядом мою ладонь в ладони мужчины. Антуан плавно отпустил мою руку, предварительно поцеловав, и ушёл.

– Я повсюду искала Вас.

– Простите, пробки, – улыбнулся мне Харрис, – и давно ты здесь, Грейс?

– Это не имеет значения. Я здесь, и я хочу увидеть вашу жену.

Харрис что-то хотел ответить, но захлопнул рот. Огонёк в его глазах потух. На пятках он развернулся, махнул мне, чтобы я последовала за ним, и прошел вдоль стен с картинами, огибая присутствующих.

– Этан, – шикнула женщина, к которой мы подошли.

Золотистые локоны едва доходили до плеч, красное пла-

тье в блестках было закреплено с помощью ремня на тонкой талии. Едва заметные морщины в уголках рта и рядом с бровями говорили о женщине, как об улыбчивом, жизнерадостном человеке. Наверное, ей уже за пятьдесят, но стоит сказать, что она выглядит потрясающе.

– Познакомься, Грейс, это моя супруга – Скарлет, – Харрис закатил глаза на её шиканье и указал взглядом на меня.

Золотистый цвет кожи вмиг сменился бледным. Женщина медленно перевела взгляд на меня и пошатнулась, будто увидела призрака. Сморщившись как от удара, она быстро заморгала. Харрис тут же шепнул ей что-то на ухо.

У них вся семья такая странная?

– Приятно познакомиться с тобой, – промямлила Скарлет и, задержав дыхание, закончила, – Грейс.

– Мне тоже, – неуверенно проблеяла я. Дикий дискомфорт распространился ко всем органам.

Нервно улыбаясь, точнее пытаясь улыбнуться, она схватила Харриса за руку, сильно сжимая, будто нуждаясь в поддержке.

– Ты… ты просто так похожа на… одну мою знакомую.

– Очень хорошую знакомую, – хмуро добавил Харрис, за что получил толчок бедром, – я могу оставить вас, дамы? Мне срочно нужно отойти позвонить, тем более вам о многом нужно поговорить.

– О многом? Этан, нет, – агрессивно замотала головой Скарлет.

Что, чёрт возьми, здесь происходит?

– Не об этом. У вас десять минут, а затем, Грейс, вы можете быть свободны. Время пошло, – с этими словами он оставил нас наедине. Меня и напуганную до одури женщину.

Пытаясь выдавить улыбку, я ждала, пока она хоть что-то скажет. Но женщина всё смотрела вслед своему мужу, отчаянно сдерживая себя, чтобы не зареветь.

– Грейс, – выдавила она, повернувшись ко мне лицом. Испуганные глаза бегали по моему лицу.

– Миссис Харрис.

– Нет, боже, просто Скарлет. Я, хм…рада познакомиться с тобой. Этан многое рассказывал о тебе, наверное…

Смешок вылетел из моего рта прежде, чем я смогла поймать его. Скарлет нахмурилась. Кажется, я ей не особо то и нравлюсь.

– Мне стоит уйти.

– Почему? Нет, нет, Господи, я… Грейс, не пойми меня неправильно. Я не сумасшедшая. Просто… та знакомая…

– Которую я вам напоминаю? – помогла я ей.

Она как-то странно посмотрела на меня, сжав губы в тонкую линию, но всё же закивала.

– Да, которую ты мне напоминаешь. С ней связаны кое-какие воспоминания, которые с трудом даются мне.

– Мне жаль.

– Нет, тебе не за что извиняться. Это ты меня прости. Давай начнем все сначала. Меня зовут Скарлет Харрис и я, вро-

де как, крутая художница.

Улыбнувшись ей тёплой улыбкой, я без раздражения ответила:

– Грейс Милтон и я, вроде как, тоже крутая художница.

– Даже не сомневалась, – рассмеялась Скарлет, – Этан сказал, что у тебя будут ко мне вопросы.

– Да, вы не против?

– Конечно, нет, дорогая. Спрашивай всё, что посчитаешь нужным.

– Хорошо, – в голове попыталась придумать хотя бы парочку вопросов, которые помогли бы мне с сочинением, – почему художницей?

– Лёгкий вопрос, – отмахнулась она, скрепив руки за спиной, – дар с детства, а в старшей школе я поняла, что толком то ничего и не умею, кроме как рисовать. Вот и решила стать художницей. Давай сделаем так: ты задаешь вопрос мне, я тебе, идёт?

– Идёт.

– Почему художницей? – с улыбкой повторила она мой вопрос.

– Лёгкий вопрос. Назло родителям.

Жизнерадостный взгляд зелёных глаз потемнел, брови сошлись на переносице, а руки скрепились в сильный замок на шее.

– Твой вопрос, Грейс.

– Я не могу рисовать без эмоциональных всплесков. И это

единственная причина, по которой я сомневаюсь в своем выборе. Вы думаете, это сильно повлияет?

Несколько секунд подумав, она медленно ответила, продолжая думать на ходу.

– Скорее всего, нет. Ты должна понимать, что никто не будет заставлять тебя. Художники далеко не обычные работники. Мы делаем свою работу только тогда, когда можем. Честно говоря, у меня точно такая же фишка.

– Серьёзно? – запищала я. Не может быть. Я думала, что одна я такая бракованная.

– Да—да, я тоже с тараканами в голове, которые предпочитают быть лентяями большее количество времени. Давай закончим на этом, потому что через пару минут начнётся аукцион.

Разочаровавшись, я понимающе кивнула и подлетела обнять женщину. Запах розы обнял меня в ответ, отчего я будто очутилась в особом мирке, где меня никто не тронет.

– Вы похожи на мою…

Я не успела договорить, потому что Харрис прервал меня.

– Время вышло. Всего доброго, мисс Мелтон.

Грусть все больше овладевала мной. Скарлет казалась мне самым приятным человеком из всех, что я знаю. Даже зная её всего несколько минут, у меня уже сложилось впечатление, будто мы с ней близки больше, чем кто-либо.

– Мистер Харрис, – окликнула я ректора, когда он в обнимку с женой шёл к сцене. Повернувшись ко мне, он при-

поднял одну бровь, – можно мне вернуться к тренировкам? Я чувствую себя гораздо лучше.

– Нет, конечно, нет. Ты ещё больна.

– Этан, – дёрнула его Скарлет и что-то шепнула на ухо.

Он поморщился и тяжело вздохнул, сдаваясь:

– Хорошо. Можете приступать к тренировкам со следующей недели.

– Спасибо. До свидания.

Скарлет улыбнулась мне и игриво подмигнула.

Она помогла мне. Да она за один вечер сделала больше, чем мои родители за восемнадцать лет.

Пока эта парочка уходила, я даже не заметила, что все это время улыбалась, счастливо глядя им вслед.

Глава 17

Отстояв приличную очередь в кофейне, чтобы купить стаканчик бодрости, нас резко решили обрадовать заявлением:

– К сожалению, кофемашина сломалась. Приносим свои извинения.

Гул недовольной толпы в сочетании с кислыми лицами – это место запомнит надолго. И на ком это случилось? Правильно. На мне. Когда очередь дошла до меня, произошло сие печальное событие, оставляя меня с закрывающимися на ходу глазами. Ночь была не просто длинной, она была нескончаемой: я ворочалась с боку на бок после выставки. Поведение Харриса и так желает лучшего, а теперь он решил свалить на мои плечи очередную загадку года. Чувство того, что я приёмная будет полностью оправдано, если со временем это станет правдой.

Такого не может быть, Грейс, просмотри на свою мать и себя – один и тот же человек, но ты с глазами отца, – отчеканило уверенное «я», из-за слов которого поморщилась мнимость. Но с подобной схожестью грех не согласиться. Единственное, что меня различает с мамой – зелёные глаза. Иногда я даже чувствую ту холодность и стервозную натуру матери – внутри себя, которую пытаюсь подавить.

Парень в бежевых штанах и голубой рубашке стал последним счастливчиком, кто получил напиток и теперь может ли-

ковать. Я бы не извергала внутри себя столько проклятий, если бы данная кофейня не была единственной нормальной в округе, срывая Джек пот каждое утро. Ближайшая подобная за несколько ярдов в другую сторону от университета и если ноги понесутся туда, то я заочно опоздала как минимум на десять минут.

– Извиняюсь, – задержала меня чья-то рука, которая заставила обернуться.

Тот самый парень, обладатель последнего стаканчика с кофе, смотрел на меня серыми глазами и приподнятыми уголками губ. Ровно зачёсанные светлые волосы на одну сторону в сочетании с какой-то деловитостью и одновременно небрежностью придавали ему обаятельности и притягательности.

– Держите, – протянув мне стаканчик, улыбался он. *Я что, так плохо выгляжу? Хотя, очень даже вероятно.*

Видимо заметив моё оскорбление и нарастающую злость, парень решил оправдаться:

– Не подумайте, Вы выглядите прекрасно, просто я вижу, как сильно Вы его желали, – улыбнулся он, вставив в мою ладонь напиток, – это, кстати, моккачино, а я – Алек.

– Спасибо, – выдохнула я, отходя от состояния изумления. Губы растянулись в благодарной улыбке, – Грейс. Вы мои спасители, моккачино и Алек.

– Были только рады. Учитесь в Принстонском?

– Да, – кивнула я, направляясь за новым знакомым, – и..

можно на *ты*, сегодняшнее утро я и так чувствую себя старушкой.

– Без проблем, – кивнул Алек, открыв дверь и пропустив меня вперёд.

Не понимаю, что меня так удивляет в подобных мужских жестах, но это безумно приятно, когда перед тобой открывают дверь и отдают последнюю кружку кофе.

У тебя слабоумие или провалы в памяти? – закатило глаза раздражительное «я», – *Алан всегда так делает. У них даже схожие имена.*

– А ты? – обратилась я, игнорируя замечания в голове.

– Тоже, четвёртый курс, – подмигнул он, – можно вопрос?

– Конечно, – пожала я плечами, сделав глоток кофе.

– Парень?

– Нет, – улыбнулась я. Это ведь не считается, когда за плечами влюблённый друг и безразлично относящийся повод для слёз?

– Не против сходить куда-нибудь вечером? – улыбнулся Алек.

– Не против, – заулыбалась ответно я. Мне действительно не помешает кто-то посторонний: тот, кто не относится ко мне, как к ничтожеству, которое периодически появляется желание трахнуть.

И тот, кто все эти года считался лучшим другом, а на самом деле любил тебя, – продолжало посмеиваться «я».

Улыбка Алека стала шире, когда мы остановились у одной

из арок.

– Оставишь свой номер?

– Конечно, – кивнула я.

Получив в руки мобильник, я записала номер и сделала дозвон, получая взамен его.

– Приятно познакомиться, Грейс, – улыбнулся напоследок Алек, – и знай: тебе не нужно кофе, чтобы выглядеть прекрасно.

После своих слов, он зашагал в другую сторону, оставляя меня улыбаться и смотреть ему в спину.

Я слишком давно не слышала комплиментов в свою сторону. Мужское внимание всегда приятно, особенно когда оно исходит от таких парней, как Алек. Конечно, Алан всегда меня ими награждает, но он – мой друг, я не придаю им то значение, какое придала словам Алека. Да и честно признаться, я всегда получаю комплименты, но они не бескорыстные, они направлены на определённые цели: секс, приближение к семье, фальшь и лицемерие. Внимательный жест и приятные разговоры Алека – произвели на меня положительное впечатление, оставляя приятный осадок на покрытой мраком душе. В последнее время, сердце будто находится в лунном затмении. Там темно и проглядываются небольшие просветы, но лишь под микроскопом глаз Алана, который знает меня лучше всех. Настроение вновь стало на несколько планок выше того, что было утром. Проводив взглядом Алека, я развернулась и встретилась лицом к лицу

со своим кошмаром, который стоял в нескольких футах от меня.

Не дай ему повлиять на себя, – зашептало любимое «я», – *он сам сказал, что ты можешь спать и встречаться с кем угодно. Ты должна. И ты можешь.*

Вскинув подбородок, я направилась на лекцию, пройдя мимо Диего и не наделив его взглядом. С меня хватит игр в сексуальную куклу, к которой можно завалиться в комнату и повесить лапшу на уши. Пора открыть чистый лист и начать новую главу, в ином случае я просто сойду с ума и превращусь в лужу под ногами.

Вот такой мелочный жест от Алека вывернул всё нутро и выбил дух.

В кого я превратилась? Грезю о человеке, который не то, чтобы не готов быть со мной, он этого и не желает. *И никогда не желал*. Пора оставить эту страницу в прошлом, как бы больно не было. Когда я научусь любить и ценить себя? Мной пользовались. И я не виню только Диего. Я тоже виновата, ведь сама этого желала. Фуэнтес лишь взял своё. Он умело открыл чёрную дыру, которую я годами пыталась зашить внутри.

Все лекции я провела в состоянии эффекта. Я не слушала и не пыталась услышать. Мысли витали далеко от меня.

И когда я вовремя зашла в раздевалку, где наткнулась на команду, на лицах которой отразилось удивление с моим появлением – тело вновь охватило волнение. Да, Харрис дал

ободрение на продолжение тренировок, но почему это не радует так, должно радовать? Кроме того, я наконец-то пришла вовремя.

– Грейс, – положила Донна ладони на мои плечи, – тебе позволили тренироваться?

– Да, – кивнула я.

– Боже, наконец-то! – завизжала она, кинувшись на меня, следом за ней подобный жест повторили все девочки, конечно, кроме Бейкер. Итого: в женской раздевалке была кучка сиамских близнецов с объятиями. Тёплая встреча команды помогла мне воодушевиться и вывести себя из гадких мыслей.

Быстро сменив одежду на форму, Донна дождалась и отвела меня в сторону двери, вновь вернув ладони на мои плечи. Во взгляде подруги читалась обеспокоенность и тревога.

– Что с тобой происходит?

– Я.. столько всего навалилось разом, я просто обессилила. Харрис запретил тренироваться, Алан… Господи, я даже не хочу это говорить, ещё выставка… – вздохнула я, переводя дух, – я.. кажется, встретила парня, сегодня мы идём на свидание… он… он очень хороший. Донна, чёрт, он отдал мне свой кофе, потому что именно на мне сломалась гребанная кофемашина в кофейне.

– Отдал кофе? – вскинула она брови, – говоришь так, словно кольцо подарил.

– Кроме Алана, так мало кто делает, если, конечно, не же-

лает завалить меня в кровать… он хороший. Я думаю, это то, что мне нужно: глоток свежего воздуха.

– На поле! – раздался резкий хлопок Диего рядом с нами.

Повернув голову в сторону Фуэнтеса с такой резкостью, что хрустнул позвоночник, я сощурила глаза. *Этот козел всё слушал? Как долго он был рядом? Плевать, так даже лучше.* Пусть знает, что я выбрала не его плоское предложение: кончать десятки раз за ночь, но не знать чувств, а что-то настоящее и искреннее. Выкинув все мысли о Диего, я с чистой головой зашагала на поле в одну ногу с Донной, и в это мгновение телефон в руке подал сигнал о новом сообщении.

Алек: *«Жду тебя у кампуса в шесть, поужинаем вместе».*

Ответив согласием, я улыбнулась экрану телефона.

– Чёрт, Грейс, ты должна мне его показать! – воскликнула Донна.

– У меня нет его фотографий, мы же только сегодня познакомились.

– Боже, в каком веке ты живешь? Всё можно увидеть при помощи номера, – затараторила она, вырвав из моих рук телефон.

Производя различные махинации, которые я не удосужилась посмотреть, спустя минуту, подруга округлила глаза.

– Вот же нахрен! Чёрт, Грейс! – завизжала Донна, словно сбрендила, размахивая телефоном в разны стороны и скача на одном месте, – да он же охрененный!

– Кто? – поспешили к нам остальные с любопытством на

лице.

– Да вы только посмотрите на него! – замотала подруга мобильником перед командой, глаза которых, метались по экрану, дабы что-то разглядеть.

– Он красавчик, – обоюдно затворили девочки, рассматривая фотографию, которую ещё не видела я, – и кто это?

– Грейс сегодня идёт с ним на свидание! – продолжала безумно вторить Донна, чем говорить, – у него есть брат близнец? Он охрененный, чёрт возьми!

– Боже, покажите сначала мне, вдруг это не он, – вздохнула я, забрав телефон из рук команды.

На фотографии действительно был Алек. Рубашка цветом морской волны в сочетании с его глазами могли положить к своим ногам целый модельный мир; светлые волосы на этот раз были взъерошены, словно он только вышел из душа или проснулся; один уголок соблазнительных губ приподнялся. Это фото явно сделано где-то во Флориде или подобном солнечном месте, потому что лицо Алека оттенком шоколада. Если бы я познакомилась с ним в Лондоне до прилёта в Америку, то этот парень легко мог скинуть с меня нижнее белье.

– Да, это он, – кивнула я, подтвердив догадки девочек, которые смотрели на меня с ожиданием.

– Твою мать! – одновременно завизжали они, на что я закатила глаза.

– Марш на поле! – гаркнул Диего, оборвав бабский трёп и комплименты в сторону Алека.

На это раз я не буду тешить себя наивностью и не позволю травить душу лживыми терзаниями о том, что Диего в ярости из-за того, что услышал в раздевалке или лицезрел восторженную болтовню девочек об Алеке.

Хватит питать надежды.

Положив телефон на лавочку, где мы обычно их оставляли, я зашагала вслед за всеми, в это время Донна продолжала бубнить о том, какой божественный Алек.

Расставив ноги по ширине плеч, я начала разминаться, тупо кивая всему, что она оживлённо тараторила.

Вести себя непринуждённо и не обращать внимания на Диего оказалось изначально тяжело, ведь я чувствовала его взгляд, но со временем удалось уйти от реальности и позабыть обо всём. Те дни, сколько я не занималась – показались вечностью, потому что лёгкие быстро начали выдыхаться. За это время тело как будто превратилось в бревно, которое нужно рубить топором, что вряд ли получится.

Я настолько была увлечена разминкой, что прослушала весь рассказ Донны, которая принялась тыркать меня за плечо, вынимая из абстракции, устроенной сознанием.

– Ты можешь себе представить? – лепетала она, смотря на меня широко распахнутыми глазами, которые неустанно моргали.

– Что? – нахмурилась я, подняв взгляд и туловище в вертикальное положение.

– Господи, ты вообще меня слушала!? Зик сказал Гарри,

который передал Авану, а тот – мне, что они хотят потусить с нами.

– *С нами*? – выгнула я бровь, – и кто это вообще такие?

– Ты серьёзно!? – воскликнула удивлённо Донна, привлекая внимание не только девочек, но и Диего, стрельнувшего в нас взглядом, – это команда по лакроссу.

– Так бы сразу сказала, и что значит *с нами*?

– Они хотят собрать наши команды и потусить вместе. Ты вообще видела наших парней?

– Видела. Мой лучший друг – капитан команды по лакроссу, если ты помнишь. И ещё там играет Оли.

– Так вот они хотят…

– Питерс, Мелтон, я отрежу вам языки, если буду слушать только вас! – рявкнул Диего, скрестив руки под грудью и бродя вокруг команды.

Не отреагировав на слова Диего внешним видом, я потянулась и вернулась в изначальную позу.

Никаких игр в глядели. Никаких двусмысленных взглядов. Я абсолютно никак не реагировала на его слова, либо внешне старалась оставаться спокойной, потому что хорошо видела, как он помогал Америке тянуться ладонями к траве. В эти минуты я чувствовала, как в горло вливают бетон, но старалась подавлять ярость и ревность. У меня нет никакого права ему что-то предъявлять. Я наконец-то это уяснила и приняла.

Тут же мой взгляд нашёл точку у входа и губы дрогнули

в улыбке. Указав на кучку, покоившуюся на лавочке, Алек поднял руку и прислонил её к уху, приняв из пальцев жест в виде телефона, куда я рванула.

– Мелтон! – рыкнул Диего, когда я сделала пару шагов в сторону и обернулась, пустив пулю в его лоб, – вернись на место, со своим милым поболтаешь на досуге!

Глаз дёрнулся, когда я посмотрела на тренера, после чего обратила взгляд к Алеку и соединила руки в молитвенном жесте, покрыв нижней губой верхнюю в знак того, что не могу ничего сделать. Улыбнувшись, Алек кивнул и скрылся за дверью.

– Тридцать кругов вокруг поля, – заявил Диего, хлопнув в ладони, на что получил нудный протянутый вой, – пятьдесят!

Приняв его задание как должное, я первая ударилась в бег. Плевать, хоть сто или двести, я пробегу эти чертовы пятьдесят кругов ада и вымотанной схожу поужинать с Алеком. Я не знаю, занимал ли Диего такую жесткую позицию в то время, пока меня не было, или же давил на девочек не сильно, но мне плевать. Я тут для того, чтобы победить, а не ныть. Алек – моя новая чистая страница, с которой я открыла этот день. Мне нужен этот глоток, иначе я задыхаюсь.

Последующее время над командой знатно издевались, и в какой-то момент я почувствовала свою вину, хотя винить меня не за что. Диего ставил меня абсолютно во все пары, которые выпускал на поле для обработки тактики. И я гордо

принимала все брошенные вызовы, не показывая слабость в коленях после перерыва. Я не показала её и после тренировки, когда еле как стянула с себя форму и бросила её от бессилия на пол.

Как только ноги вынесли меня и Донну за пределы раздевалки, Диего решил добить меня морально:

– Мелтон, мне нужен тактический план к завтрашнему дню.

– Без проблем, – кивнула я.

– Зайди в мой кабинет, я отдам тебе старый.

Улыбнувшись Донне, я направилась за Фуэнтесом, который твёрдой уверенной походкой скрылся за дверью, ведущей на тот квадрат и в то место, где мы оприходовали стол. От одного воспоминания – внутренности скрутились и тошнота подступила к горлу, но не из-за неприязни, а из-за того, что я помню и желаю повторить.

Я пытаюсь, видит Бог, пытаюсь.

Взяв лист так, что по воздуху разнесся свист бумаги, я уже хотела покинуть кабинет, но была остановлена.

– Ты не собираешься обсудить его со мной? – вскинул бровь Диего, смотря на меня в упор, расслабленно сидя в кресле.

– А это имеет значение? Я сделаю его, принесу завтра, и Вы решите, подходит он или нет.

– *Вы*?

– Я разговариваю со всеми преподавателями на *Вы*.

– Интересно, – усмехнулся Диего, растянув губы в ироничной улыбке, которую я увидела второй раз за всё время.

– Это всё?

– А что, если я скажу – нет? – на тон ниже заговорил он, склонившись над столом, положив ладони на поверхность.

– Что-то ещё? – проглотив ком, процедила я.

– Думаю, нам стоит его обсудить. Ты выслушаешь мои наводки и примешь их во внимание.

– Не проще ли отредактировать то, что я сделаю?

– Нет, зачем делать одну и ту же работу дважды?

– Хорошо. Я могу позвонить?

– Не выходя из кабинета.

– Я должна сказать подруге, чтобы она не ждала меня.

– Питерс! – крикнул Диего, вслед озвученной фамилии, на пороге кабинета появилась Донна, – Мелтон должна составить план.

– Я должна ей помочь? – удивлённо уставилась на него Донна.

– Нет. Ты свободна. Мы обсудим все варианты сами.

Поняв вполне прямой намёк Диего, Донна кивнула и перевела тревожный взгляд на меня, на что я тоже кивнула ей в знак того, что всё в порядке. После чего, подруга покинула кабинета, а внимание Диего переключилось на меня.

– И чего ты ждёшь?

– Что? – сипло переспросила я, пытаясь увлажнить горло. Ничего хорошего не случается, когда мы остаёмся наедине.

Точней, хорошее случается, но я больше не хочу к этому возвращаться и питать новые надежды.

Или хочу.

– Ты хотела позвонить.

Достав телефон, я посмотрела на пару сообщений от Алека, который спрашивал, какую я люблю кухню и где меня лучше встретить. От такой заботы и внимания – защемило под сердцем. Нажав кнопку вызова, я послушно ожидала ответа, который поступил через тройку гудков.

– Грейс, – улыбчиво начал новый знакомый, – ты уже освободилась?

– Я.. мне нужно задержаться в университете. Может, мы перенесём на завтра или на пару часов?.. Прости меня.

– Я встречу тебя, только позвони за минут пятнадцать. И ты ответишь мне?

– Да, – нервно улыбнулась я, потому что Диего слышал каждое слово Алека и моё, – а ты что предпочитаешь?

– Мне без разницы. Я всеяден. Даже если ты приготовишь мне суп из травы, которую нащипала с футбольного поля – я съем, – засмеялся Алек, улыбка которого заразила меня, но я тут же её сняла, потому что тяжелый взгляд всё ещё пронзал каждую клеточку тела.

– Хорошо, тогда заглянем в первое попавшееся место? – предложила я.

– Согласен, позвони мне. И удачи с планом.

– Спасибо, – улыбнулась я, скинув звонок и вернув теле-

фон в сумку.

Несколько минут, Диего молчал, смотря то на меня, то на стену. И такое молчание не на шутку пугало. Обычно он выливает на голову стоечные воды, либо наши тела сплетаются воедино. Волна мурашек прогулялась по телу, из-за чего я нервно повозилась на стуле. Чувствую себя так, словно я – худший студент, которому придумывают наказание или хотят отчислить.

Взяв лист со стола, я достала из сумки цветной маркер, начав менять план на новый, чиркая по листку и закусив колпачок губами. Ему нужен новый план – мне нужно его сделать. Этим я и занимаюсь. Сейчас, кажется, что команда отдувалась именно за меня, и Диего специально создаёт мне новые трудности, лишь бы не отпускать на свидание. Но я уже говорила, что в последнее время живу иллюзией и питаю напрасные надежды. И Диего это говорил. Через пять минут, на столе тренера лежал новый тактический план.

– Готово.

Взяв лист со стола, он также молча прошёл по нему взглядом то хмурясь, то сужая глаза, обдумывая варианты и правильность выполненной работы.

– Ладно, согласен. Перечерти его на новый лист к завтрашнему дню, – спокойно произнёс он, вернув мне лист, – теперь можешь идти.

Кивнув, я подхватила лист и сразу достала телефон из сумки, чтобы набрать номер Алека. Оставив завершающий

на сегодня взгляд на Диего, я покинула кабинет, зашагав к выходу из университета.

– Грейс, – раздался голос Диего за спиной, из-за чего я резко остановилась и обернулась, пока в телефоне раздавались гудки.

Облокотившись на дверной проём, Диего закинул руку за голову и посмотрел на меня из-подо лба. Его взгляд оставался непроницаем, я ничего не могла понять. Пока он молча стоял в дверях, из динамика зазвучал голос Алека:

– Уже всё?

– Да, – улыбнулась я.

– Встретимся у центрального входа.

– Мне стоит принять душ и переодеться, я воняю так, будто перерыла поле в образе валовой лошади.

– Сколько тебе нужно времени?

– Примерно полчаса, – ответила я, на что Диего покрутил головой и махнул рукой в знак того, что я могу идти. Развернувшись, я продолжила движение.

– Хорошо, встретимся у кампуса?

– Через полчаса у кампуса, – улыбнулась я.

– Уже жду, Грейс.

Скинув трубку, я улыбнулась экрану. Алек напоминает чем-то Алана. Они очень схожи темпераментом: спокойны, вежливы и дружелюбны. И это меня беспокоит. Я переживаю, что моя симпатия к Алеку на уровне дружбы, а я хочу заглушить чувства к Диего.

Получив стажировку, Сам начала пропадать чуть ли не на сутки, и в последнее время я привыкаю к тому, что нахожусь и засыпаю в комнате одна. Освежив тело, я сменила одежду и распустила волосы, которые самопроизвольно решили завить кончики, но так мне даже нравилось больше. Легкое осеннее пальто бежевого цвета, легло на плечи поверх чёрного топа на тонких бретелях, которое дополняли классически высокие брюки коричневого цвета и чёрные полусапожки. Я выбрала не слишком вычурный и не слишком простой образ на сегодняшний вечер. Утром на Алеке были брюки и рубашка, поэтому я решила подойти к подбору одежды с его стороны.

– Отлично выглядишь, – улыбнулся Алек, увидев меня, – если устанешь, то я готов понести тебя на руках.

– Спасибо, – взаимно улыбнулась я, поравнявшись с ним.

Белая рубашка облегала сильные руки, бежевые укорочённые брюки открывали лодыжки и коричневые туфли. Губы растянулись в улыбке, потому что частично наш выбор был схожим.

– Красивые брюки, – хихикнула я.

– А мне больше нравятся твои, – засмеялся Алек, – идём?

Кивнув, я зашагала за спутником, который оставался выше меня даже несмотря на каблуки. Заведя легкую непринуждённую беседу, Алек немного рассказал о себе: технический факультет, инженер по строительству, родом с Небраски, родители живут там же, а он выбирает что-то более

масштабней и с наибольшими возможностями. У него есть младшая сестра – Алиса, которой восемь лет. Он очень скучает по ней, поэтому тусовке в братстве предпочитает полёт домой. Тонкий юмор, любовь к семье и делу, вежливость и какая-то нежность привлекали меня, но почему-то в сравнение с Аликом автоматически вставал грубый и резкий Диего, которого я проклинала каждый раз. Я не могу забыться на один гребанный вечер?

Выбрав ближайший к кампусу бар, Алек открыл для меня дверь и пропустил вперёд, вновь заставив улыбнуться.

– Грейс, прекрати смущаться таким мелочам, – радушно улыбнулся он, заглянув в мои глаза.

– Боже, это просто довольно неожиданно, – отвела я глаза и улыбку, которая расцветала на губах. И в эту секунду встретилась взглядом с Диего, сидевшим за баром, глаза которого пригвоздили меня к полу, заставив пошатнуться на месте. Скорей всего он тоже не ожидал такого поворота.

Это невообразимо, чёрт меня подери, во всём проклятом городе это единственный бар?

Он ведь не следит за мной? Я не упоминала место встречи, и только по этой причине могу поставить плюс в колонке против слежки.

– Всё в порядке? – встревожено посмотрел на меня Алек, предварительно положив ладонь на спину.

– Да, – кивнула я и обратила взгляд к парню, пригласившему меня на свидание.

Алек любезно предоставил мне выбрать столик. И я выбрала. Самый дальний, скрытый от Диего, который больше не смотрел в нашу сторону, а продолжил разговаривать с каким-то парнем примерно его возраста. Бар не был таким большим, поэтому сильно спрятаться не удавалось. Нас в любом случае можно было увидеть сидя за баром, да и мне был открыт великолепный обзор на человека, которого я желала выкинуть из памяти.

Вот и выбрала самый дальний столик.

Чему меня научило время, так это быть железной, легко скрывать эмоции, которые готовы вырваться наружу. Только за это я могу благодарить родителей. Мне больно видеть Диего, но внешне я совершенно равнодушно смотрю в его сторону. Мне удалось это утром. Удалось на тренировке. И удастся сейчас.

– Не думал, что ваш тренер любитель выпить, – покосился в сторону бара Алек, где Диего и его собеседник попивали напитки и оживлённо разговаривали.

– Он любит делать сюрпризы, – вздохнула я.

– Задержал вас сегодня?

– Меня, – кивнула я и тут же пожалела о сказанном, потому что брови Алека впервые насупились за весь небольшой срок нашего знакомства.

– Тебя?

– Я – капитан, нужно было разработать новый стратегический план, – пожала я плечами.

– Хорошо, капитан, – тепло улыбнулся Алек, – я уже говорил, как ты прекрасно выглядишь?

– Эм, не припомню, – засмеялась я.

– Тогда хочется повторить: ты прекрасно выглядишь. Что за секрет? Стакан кофе, подаренный незнакомцем в кофейне?

– Да, – рассмеявшись, согласно кивнула я, поймав секундный взгляд Диего, – ещё раз спасибо. Этот стаканчик стал моим спасителем, как и его обладатель.

– Кофеиновая зависимость? – шутя, вскинул брови Алек.

– Нет, но утро было не совсем добрым. Скорей, мне хотелось помереть.

– Тогда мне стоит делать его добрым каждый день новой порцией.

– Не хочу тебя утруждать, – смутилась я, опустив глаза в меню.

– Грейс, ты не утруждаешь меня, выкинь это из головы, мне приятно быть причиной твоей улыбки, которая, кстати, также прекрасна.

– Боже, ты заставляешь меня краснеть, – хмыкнула я, спрятав лицо в ладонях.

– И это мне тоже приятно, – засмеялся Алек, взяв мои руки, отведя их в сторону, – что выбираем?

– Что-нибудь вкусное, – улыбнулась я, прогулявшись по меню глазами.

Обсуждая блюда, мы наткнулись на дополнительную таб-

личку, которая заставила рассмеяться. Импровизированные предложения, подвергнут улыбке любого гостя данного заведения: «что-нибудь» – три доллара, и Алек сразу даровал этот пункт мне; «Я не знаю, чего хочу» – пять долларов; «Что угодно, только не пустую тарелку» – шесть долларов; «Накидайте что-нибудь по-быстрому» – десять долларов. Хохоча, мы всё же сошлись на парочке салатов и горячих мясных блюдах.

– Ты даже не представляешь, какое это счастье, что ты не вегетарианка, – улыбнулся Алек, расслабившись на спинке.

– Я много тренируюсь, мне нужен белок.

– Хорошо, почему футбол и рисование? Это же два несовместимых занятия. Я совершенно не могу представить такую хрупкую девушку на поле.

– Эй, – смеясь, обиженно протянула я, – что за камень в мою сторону?

– Это не камень, просто ты такая маленькая и беззащитная.

– Тогда тебе стоит почаще заглядывать на футбольные матчи. Это заставит тебя передумать на счёт маленькой и беззащитной.

– Те два матча летал домой, нужно было помочь с обустройством, кстати, я могу помочь нарисовать план с инженерной точки зрения. Я, знаешь ли, хорошо черчу.

– Всё будет строго по размерам? – захихикала я.

– Да, по всем государственным указаниям и строгости ре-

гулировки, – улыбаясь, кивнул Алек.

– Давай попробуем.

Достав из сумки сложенные листы, я предоставила Алеку карандаш и фломастер, которыми он тут же овладел, начав перерисовывать на чистый лист мои наброски, уточная все детали и правильность. Пока грифель метался по листу, я искоса подглядывала в сторону Диего, и каждый чёртов раз ловила его взгляд. Сейчас перед ним было пусто, в то время как напротив собеседника поставили новую большую кружку до краев заполненную пивом. Отведя взгляд в сторону, я прогулялась взглядом по обстановке бара: стены цветом глины, по углам расположились светильники, отбрасывающие тёплый свет в разные стороны, практически каждый столик был занят оживлённо беседующими посетителями.

Когда Алек завершил свою работу, на стол поставили несколько тарелок и стаканов с коктейлями. Несмотря на простую обстановку, ничуть не намекающую на роскошь, блюда были отменными. Алеку легко удавалось разбавлять наш ужин разговорами и шутками. И не будь в баре Диего, я бы смогла что-то почувствовать к этому парню. Но слишком близко было моё *но*.

Получив напоследок пустой взгляд от Диего, мы покинули бар, решив подышать свежим воздухом.

Через несколько часов, тренировка дала о себе знать: мышцы на ногах начинали ныть, требуя массаж и отдых в горизонтальном положении, в то время как душа желала про-

должения, потому что я боялась оставаться наедине с самой собой. Но это неизбежно, если Сам не вернулась в комнату. Пригласить Алека значит то, что я девушка не самых высоких моральных принципов, а такой я быть для него не желала, ведь это чистый лист.

– Я вижу, что ты мучаешься, – улыбнулся Алек, подхватив меня на руки.

– Боже, я же тяжелая, что ты делаешь!?

– Ты как пушинка, Грейс Мелтон. И нам осталось всего несколько футов.

– Разве? – удивленно спросила я, оглядывая местность, освещали которую лишь уличные фонари.

– Осталось повернуть и.. вот он.

Действительно, этот путь мне не был известен, либо же я просто не помню его в темноте. Перед глазами отразился кампус, в окнах которого горели тёплые цвета люстр в комнатах студентов. Даже сквозь тьму видна искусность и великолепие постройки, которые не оставались без моего внимания и на день.

Поставив меня на первую ступеньку, Алек улыбнулся.

– Спасибо за ужин, он действительно был самым приятным за последнее время. И я уже сожалею из-за твоих стертых до мозолей ног.

– Тебе спасибо.

– Напиши, как доберёшься до комнаты.

– Хорошо, – кивнула я.

Взяв мою ладонь, Алек оставил поцелуй на тыльной стороне кисти и зашагал во тьму, оставляя меня смотреть ему вслед с улыбкой на губах. С тем, как удалилась и скрывалась его спина, сползала моя улыбка.

Сердце болело, ведь я практически использую кого-то для того, чтобы залечить собственную душу и раны на ней, но я не знаю, как поступить иначе. Это мой единственный вариант. Либо это единственный вариант, который мне известен. Я всеми силами постараюсь влюбиться в Алека, чтобы наконец-то почувствовать себя гораздо больше, чем доступную Грейс. Мою и без того низкую самооценку втоптал в грязь Диего. И я не понимаю, что со мной не так, почему я не достойна любви родителей или человека, к которому появились чувства. Диего умело вьёт из меня ниточки. Я не могу винить его во всех собственных бедах, просто он стал одной из них.

Всю жизнь я была сильной. Чертовой сильной Грейс, которая с прилетом в Америку начала ломаться, словно тонкая спичка под давлением мизинца. Мне больше не помогает спорт, не помогает рисование. Любое новое занятие лишь подталкивает уйти в себя и повянуть в мире дерьма.

Упав на кровать в пустой комнате, стены которой будто стали меньше, я вновь предалась горестным слезам.

Может, ты просто преувеличиваешь из-за смены местожительства? – сожалеюще заговорило внутренне «я», – *новая страна со своими устоями, к которым ты не привыкла.*

Страна тут ни при чём, она просто влюбилась, – исправило его второе «я».

Выплакавшись в подушку, я поднялась с кровати и скинула пальто, которое не удосужилась снять ранее, смыла остатки туши под глазами и расчесала волосы, которые успели спутаться, пока я упиралась лицом в постель, шмыгая носом. В отражении зеркала на меня смотрела вполне обычная девушка, но лишь эта девушка видела дыру в собственном сердце. И лишь эта девушка чувствовала, как она растёт и болит.

Когда в дверь постучали, я моментально выпрямилась и натянула на лицо счастливую улыбку, дабы не показывать внутренних переживаний. С приятным ощущением того, что Сам вернулась, я с воодушевлением проскакала к двери, которую закрыла по приходу на ключ, оставив его в замочной скважине, чтобы услышать её приход и немного поболтать.

Улыбка померкла, когда на пороге глаза обнаружили Диего, на лицо которого падал тусклый свет коридорных ламп. Сегодня он не был таким вальяжным: руки по бокам, но когда я открывала дверь – пятерня гуляла в чёрной копне, которая предстала перед глазами.

– Грейс, – едва слышно прошептал он, заставляя сердце сжаться.

– Ты опять пришёл пьяный, чтобы навесить мне лап… – зашипела я, скрестив руки под грудью, но не успела договорить, потому что его губы накрыли мои, протолкнув в ком-

нату и закрыв капкан в виде двери.

Глава 18

Тело задрожало под напором и близостью Диего, губы которого перешли на мою шею, собрав остатки разума, я со всей силы оттолкнула его, так и оставаясь прибитой к двери с широко распахнутыми глазами.

– Прекрати заваливаться ко мне! Прекрати пользоваться мной! Прекрати, чёрт возьми, вешать мне лапшу на уши и потом делать больно! – зарычала я, – я больше не желаю тебя и того, что ты можешь мне дать. Ты разве не понял?

Лунный свет, освещающий таинственный и сексуальный силуэт Диего в комнате, давал повод усомниться в произнесённых словах, но я настоятельно перегибала палку внутри себя. Его молчание лишь больше сводило с ума. Одновременно мне хотелось двух совершенно разных реакций: чтобы он испарился и остался, прижав к себе.

Я большее не поддамся. Я больше не желаю быть ничтожеством и игрушкой.

– Уходи, Диего. Пожалуйста, просто уходи, – прошептала я, сделав шаг в сторону, освобождая проход.

– Я не могу уйти, Грейс.

– У тебя нет никаких прав тут находиться. В любом случае, мне плевать. Сам вернётся и поможет тебе покинуть комнату. Надеюсь, в это время я буду крепко спать.

Всем видом показав то, что намерения вести дальнейший

диалог – больше нет, я скинула одежду и залезла под одеяло. Мне нечего стесняться перед ним, мы дважды плюнули на целомудрие и какие-то ценности. Спустя минуту, край кровати прогнулся под весом мужчины, который, кажется, совершенно не понимает нормального языка. Закрыв глаза, я подоткнула одеяло выше и зажала рот ладонью, чтобы не издавать никаких звуков, говорящих о моей слабости в эти минуты. Вытащив из-под подушки телефон, который издал звук входящего сообщения, я разблокировала экран.

Алек *«Ты добралась до комнаты или тебя проверить?»*.

Улыбнувшись сквозь слёзы, я мысленно выругалась, ведь абсолютно позабыла написать ему. Быстро набрав сообщение с ответом, я успела нажать кнопку отправления до того, как мобильник выдернули из моих рук. Сдержав порыв крика, я зажмурилась и скрутилась в калачик. Спустя полминуты, в стену впечатался скорей всего мой бывший телефон, но и тут я сдержала порыв. Наверняка он прочитал сообщения от Алека.

– Давай же, Грейс, закричи на меня, скажи, что я козёл, скотина, придурок, идиот, что-нибудь, только не молчи! Я только что разбил твой телефон, сделай, блядь, что-нибудь!

Покрутив головой, я оставила след зубов на кулаке, но не позволила руководить собой. Именно этого он хочет. Именно эти две ошибки дали старт и зелёный свет для его действий.

– Уходи, – выдавила я.

Выдохнув, Диего поднялся с постели, и я разочарованно обрадовалась, потому что он согласился с просьбой: думала я так ровно минуту, потому что постель вновь прогнулась под его весом. На это раз он зашёл дальше и залез под одеяло, просунув руку под подушкой и притянув меня к себе, из-за чего я всхлипнула:

– За что? Почему ты не можешь найти кого-то ещё?

– Потому что я хочу только тебя, Грейс, вот почему.

Коснувшись губами моего плеча, Диего вмиг зажег пожар, на который я уже потратила несколько огнетушителей. Слёзы градом побежали по щекам. Я заранее знаю, что это пустые слова, которые с наступлением утра забудутся их создателем.

Попытка отстраниться осталась безуспешной, взамен вокруг меня лишь крепче сжались руки.

– Давай поговорим, Грейс.

– Зачем ты всё портишь? Я начала новое, но ты облил дерьмом и эту попытку.

– Потому что я не думал, что будет так.

– Как? Я делаю так, как ты хотел: встречаюсь, с кем хочу, сплю, с кем хочу.

Диего вздохнул мне в шею, щекоча кожу горячим дыханием. Плевать, что тело так реагирует на него, я буду сильнее, чем желание оседлать Фуэнтеса.

– Ты не трахалась с ним, – отрезал он, словно во мне жучок и он знает каждый сделанный шаг, – я хочу тебе объяс-

нить, рассказать, но… я не могу. Не сейчас, не сегодня.

Конечно, лучший способ оправдания – это сказать, что сейчас не время. А когда оно у нас будет?

Дёрнув рукой, я кое-как выкрутилась из хватки и повернулась к нему лицом. Я должна видеть эту наглую рожу, когда он снова будет заливать мне в уши грёбаный цемент.

– Если ты не можешь объяснить свое поведение, маниакальный ублюдок, то проваливай, – буквально рычала ему в лицо я.

Но Диего даже не вздрогнул от моей грубости.

– Я не думаю, что…

– Вот и не думай, – с абсолютной резкостью прерываю его, внутренне ликуя. *В этот раз ему будет гораздо сложнее. Сукин сын.*

– Ты ведёшь себя, как стерва.

– Ты ведёшь себя, как мудак, – в ответ бросила я, подначивая его на продолжение нашей битвы.

– Как же с тобой сложно, – взвыл он. Перевернувшись на спину, он посмотрел в потолок, – за что ты меня так наказываешь. Я ведь думал, что никогда больше…а ты послал мне…проблему.

– Ты называешь меня проблемой?

Подскочив на кровати, я двинула ему в бок локтем, но на лице Диего даже мышца не дрогнула.

– А ты разве не являешься проблемой, Грейс!? Ты чертова петля на моей шее. И я идиот, потому что добровольно

позволяю ей затягиваться, хотя имею свободные руки, чтобы скинуть верёвку.

– Вот как ты теперь заговорил, – хмыкнула я, – я серьезно не понимаю тебя. Сейчас ты такой сладкий мальчик, а завтра снова станешь говном, считающим, что я – никто. Я устала, Диего. Я не знаю тебя, но я знаю, что ты грёбаный сукин сын с раздвоением личности. Мне просто, твою мать, каждый день приходится играть в чёртову рулетку, где ты либо поцелуешь меня, либо выльешь на меня все накопившееся. Я ставлю на чёрное, а выпадает на красное. Ставлю на красное, а вылетает чёрное. И так бесконечное количество раз. Чем я всё это заслужила? Я устала. И я прошу оставить меня.

На одном дыхании у меня вырвалось всё, что успело скопиться и давить на сердце громадной ношей.

– Я желаю покинуть это казино с играми, но ты снова завлёк меня новой игрой. Тебе не кажется, что пора прекращать?

– Я не хочу прекращать, Грейс, – шепнул Диего, переведя взгляд с потолка на меня.

С минуту, мы просто смотрели в глаза друг друга в темноте ночи, которую немного осветлял свет луны, и она позволяла мне видеть отблески в тёмных глазах, которые затягивали в своей омут. Я могла без раздумий шагнуть в бездну, если бы напротив стоял Диего и просто смотрел на меня. Как один человек, способен выбить из тебя абсолютно всё? Как одним присутствием, он может влиять на тело, пленять душу

и управлять разумом? Этот человек мне не знаком. И когда я говорю *не знаком* – я имею в виду то, что совершенно не знаю его.

– Я пришёл просто поговорить, Грейс. Но больше не хочу, давай спать.

У меня буквально готова была отвалиться челюсть, когда этот мужчина в наглую обернул руки вокруг моей талии и насильно прижал к себе спиной, таким образом, завершив наш разговор. Одновременно во мне буйствовал ураган яростных эмоций среди тихой умиротворённой гавани, в которую меня погрузили тёплые объятия Диего. Открыв рот, я уже было хотела съязвить в ответ, но наткнулась на размеренное дыхание и легкий трепет густых ресниц. Он не пошутил на счёт сна.

Я, как самая подлинная идиотка, просто повернулась к нему, чтобы поглазеть на безмятежность, которую можно увидеть на лице Диего только во время сна.

Мне уже удавалось засыпать в его объятиях, и знать о том, что сон у Диего крепкий. По этой причине, я подняла руку и положила ладонь на колючую скулу, поглаживая её большим пальцем и наслаждаясь каждой предоставленной секундой. Как бы мне хотелось видеть в нём характер Арчера: заботливый, рассудительный, нежный, но одновременно с этим жесткий и беспрекословный. Это именно то идеальное сочетание, которое даёт разглядеть в парне – мужчину. В Диего я сразу вижу мужчину, у меня и язык не повернётся назвать

его мальчиком. Всё в нём кричит о том, что перечить ему или идти поперёк слова, – ведёт только к сломанному позвоночнику и отрезанному языку, но мне успешно удаётся оставаться целой.

Я позволила себе наглость: аккуратно коснулась губами его подбородка, потому что в распоряжении была лишь шея или подбородок. Лицом я упиралась в широкую грудь, и данное положение не позволяло дотянуться выше. Но мне было достаточно и этого. Оставив несколько поцелуев, я втянула дурманящий аромат и вновь уткнулась в грудь. Если мои губы перейдут на шею, то вряд ли я смогу остановиться. Даже от пары поцелуев в подбородок – завязался крепкий узел внизу живота.

Закрыв глаза, я погрузилась в сладкий сон с надеждой на то, что на этот раз мы проснемся вместе.

Я вновь была наивной, потому что на утро, постель оказалась пустой. Край кровати помнил запах и тепло Диего, в то время как я хотела забыть. Он вновь успешно повесил лапшу на уши наивной идиотке.

К чёрту. Будь ты проклят, Фуэнтес. Это была последняя надежда, которую ты, Блядь, очередной раз растоптал.

Скрепя зубами, я привела себя в порядок и сотый раз пообещала себе не быть наивной и больше не питать сердце лживыми надеждами. К черту всё. С меня хватит.

Нахрен. Нахрен. И ещё раз на—хрен.

Лучше тонуть в собственном дерьме, чем позволять другим выливать на голову ещё их. С меня хватит двойных порций. Обернув тело в серую пижаму, которую Алан называет «время грусти», я подхватила парочку баночек мороженного с киви и покинула комнату, оставив мысли о Диего и разбитый им же телефон в этих проклятых четырёх стенах.

Благо, что комната Алана располагалась ни так далеко, и мне не пришлось награждать убитым видом всех студентов, проживающих в кампусе. Тихо постучав в дверь, я и не надеялась на то, что она откроется. В обеденное время буднего дня, нормальные студенты присутствуют на лекции, а не в пижаме и тапочках, на пороге комнаты лучшего друга. Но дверь открылась, и удивлённое лицо Алана встретилось с моим.

– Что случилось? – тревожно спросил друг, положив ладони поверх моих плеч, потянув в комнату и закрыв дверь ногой.

– Я и не надеялась, что ты тут, но, пожалуйста, не спрашивай, – вздохнула я, – по мороженке?

– Ладно, – спустя полминуты улыбнулся Алан, усадив меня на кровать, с которой предварительно скинул несколько тетрадей и книг.

– Почему ты не в университете?

– Я проспал, – пожал он плечами, в спешке приводя комнату в порядок, по которой заметно проживание двух парней.

– Кто твой сосед?

– Трэвис, потом познакомлю. Славный парень, но грязнуля, – поморщился Алан.

– Господи, да прекрати, – остановила я друга, который засовывал в шкаф кучу одежды, – мне плевать, если тут валяются носки и трусы. Ты никуда не торопишься?

– Эм—м, я вроде как должен помочь Сам.

– Тогда я лучше пойду, – грустно улыбнулась я, поднимаясь с кровати, на которую меня усадил Алан.

– Гри, никуда ты не пойдёшь, – сердито ответил друг, возвращая меня на место, – я должен приехать к четырём, а время только час дня. В нашем распоряжении три часа. Ну, либо два с половиной, что будем делать, если ты не желаешь об этом говорить!?

– Фильм? – предложила я, кивнув на баночки в руках и ноутбук.

– Ладно, что смотрим? – улыбнулся Алан, упав на кровать и подхватив в руки плоский прямоугольник.

– Что-нибудь весёлое, но с нотками романтики, – улыбнулась я, упав на живот и рассеяв ногами воздух, предварительно скрестив их в лодыжках.

Кивнув, Алан заводил пальцами по экрану, а я в это время открыла баночки и одну сунула ему. Брови друга то задумчиво сводились на переносице, то на губах появлялась лёгкая загадочная улыбка, которая заставляла лишний раз выругаться на саму себя, потому что влюбись я в Алана, легко

могла привести собственную жизнь в счастливый конец. Но я мазохистка.

Белая футболка, умело подчеркивала смуглую кожу и придавала блеск глазам Алана. Короткие рукава обрамляли пробивающиеся мышцы, на которых выделялись вены, висевший кулон в виде льва, на чёрной веревочке, который я подарила ему на шестнадцать лет – Алан не снимал с того дня, как открыл коробочку. Либо я хотела так думать, ведь он мог снимать его дома. Но мы видимся каждый день со дня знакомства, и он всегда был на его шее, радуя меня. Это означает только то, что он ценит мои подарки, хотя в них я далеко не ас. Я случайно увидела кулон в ювелирном магазине, по которому мама таскала меня за собой, как собачонку. По знаку зодиака, Алан – лев, поэтому мой подарок был вполне символичен.

– Я выбрал несколько, – улыбнулся Алан, поворачивая ко мне экран.

На экране отразилась тройка постеров с названиями: P.S. Я люблю тебя; Эта дурацкая любовь; Прости за любовь.

После того, как на глазах возник последний предложенный фильм, я втянула воздух. Алан смотрел на меня, а я на него, но наши мысли расходились. Сюжет данного фильма напоминает чем-то мою жизнь: я влюблена в человека, старше меня, в то время как он не принимает мою влюбленность, считая её детской дурностью. Секс и не более. Я тону в мечтаниях о нём, которые лишь помогают чувствам расти, в то

время как Диего не даёт ничего, загоняя себя в клетку. Спустя некоторые время, я поняла, что вовсе не дышала, потому что лёгкие затребовали глоток кислорода для продолжения жизни.

Как чётко ты попал в выбор, Алан.

Карие глаза друга упирались меня в ожидании выбора, в то время как я и конечностью не могла пошевелить, потому что перед глазами заплывала пелена. Мысли вновь вернулись к Диего, бросившего меня этим гребанным утром.

Будь ты проклят, Фуэнтес.

– Последний, – сипло выдавила я, засунув ложку с мороженным в рот, чтобы хоть как-то смочить горло.

Алан кивнул и вновь затыкал по экрану, в то время как я жадно совала ложку за ложкой в рот. Конечно, друг хорошо видит, что со мной что-то не так, но Алан не был бы Аланом, если бы стал настаивать на разговоре. Он просто принял мою печаль и сейчас старается её развеять.

Весь просмотр, я находилась в подавленном состоянии, видя в чём-то схожесть с собственной жизнью на экране ноутбука. Кто, как ни я ощущала ту дыру в сердце главной героини, потому что сама нахожусь в подобном дерьме. Только я не Никки, а Диего не Алекс, к которому я могу заявиться и предложить начать всё с начала.

Я уже задремала, когда почувствовала движение рядом. Чуть приоткрыв глаза, я заметила, как тихо и аккуратно Алан сползает с кровати. Легкая благодарная улыбка нача-

ла расползаться на губах, когда он на носочках проскакал к шкафу и приоткрыл дверь, успешно поймав кучу вещей, которую совершенно недавно сам засунул туда, скрутив в один огромный ком.

– Я не сплю, – хихикнула я, когда ему на ногу приземлился один кроссовок, а лиц выразило смесь боли и ярости.

– Черт, Гри, я готов завыть, – засмеялся он, повернув ко мне лицо, и следом выдав, – ауч, твою мать!

– Я вернусь в свою комнату.

– Хорошо, мы можем продолжить вечером, у него есть вторая часть, – улыбнулся Алан, когда я покинула его кровать.

– Вторая часть? А почему я об этом не знала? – громко ахнула я.

– Откуда мне знать? – смеясь, скинул домашнюю футболку Алан, следом натянув коричневую.

– Зря, – улыбнулась я, открыв дверь.

– Что *зря*? – выгнул бровь друг, повернув ко мне лицо.

– Зря сменил футболку, тебе идёт белый цвет.

Поймав напоследок улыбку Алана, я вышла за дверь и быстро проскользнула в собственную комнату, где завалилась на кровать с ноутбуком в руках, чтобы скорей посмотреть вторую часть. Ненавижу, когда завершение хорошее, но нет продолжения, которое приходится додумывать самой, а я ненавижу додумывать, потому что мысли только о чём-то плохом.

Когда на экране появился маяк и заговорил голос Алекса, раздался грубый стук в дверь, заставивший меня извергнуть семь проклятий. Я желаю посмотреть продолжение этого чертового фильма любой ценой, потому что хочу знать, что у них всё сложилось хорошо.

– Како… – заверещала я от злости того, что была оборвана на начале и нашу дверь чуть ли не выбили стуком кулака.

– Это я хочу спросить: какого чёрта!? – перебил хриплый и грубый голос Диего, толкнувший меня назад в комнату, после чего, он с грохотом закрыл дверь. Чёрные джинсы, водолазка, кожаная куртка и белые кроссовки – куда это он так нарядился. Неужели, это приманка для цыпочек?

– Ты снова явился повесить мне лапшу на уши, а утром свалить, как будто я не достойна, увидеть твоё лицо!? – прошипела я, скрестив руки под грудью, – можешь сразу катиться нахрен, Фуэнтес. И ещё даже не вечер, чтобы являться сюда.

– Скажи мне, ты идиотка? – рыкнул Диего.

– Стоит напомнить тебе, что я проснулась одна. От тебя и след простыл. Так кто из нас идиотка?

– Ты дура? Да что я спрашиваю, ты дура! Ты вообще видела записку?

– Какую записку? – фыркнула я. *Ну уж нет, хватит с меня этого бреда.*

Грузно прошагав в тумбочке рядом с кроватью, он схватил какой-то листок и притянул мне.

– У тебя десять минут.

Со своими словами, Диего практически вышел из комнаты, но остановился, когда дверь почти закрылась.

– Хотя, нет, Блядь, у тебя пять минут.

Следом, дверь захлопнулась, а с потолка посыпались белые крошки, словно какое-то волшебство феи-крёстной помогло ему исчезнуть с моих глаз.

Ошарашенная очередной выходкой, я только спустя минуту смогла опустить взгляд на листок бумаги.

«Не знаю как у тебя, но у меня было по-настоящему доброе утро, хотя ночью ты складывала на меня свои ноги и твой храп слышали даже тараканы в кладовой. Я должен быть на тренировке в девять. Но раз уж мы начали всё сначала, то я приглашаю тебя на свидание. Зайду за тобой в четыре. Не опаздывай, иначе уйду без тебя, не сомневайся».

Улыбка, озарившая моё лицо, могла сразить каждого вблизи мили от кампуса. Он не ушёл. Он чертов тренер, который ведёт тренировки утром. Это я идиотка.

Слепая идиотка, – засмеялись надо мной все существующие внутри «я».

Бегая по комнате как ужаленная, я за долю секунды скинула пижаму и натянула белое нижнее кружевное белье, мало ли как пройдёт вечер. Следом легло молочное платье с открытыми ключицами и руками, облегающее тело до талии так, будто вовсе стало вторым слоем кожи. Юбка— колокольчик, раскинулась чуть выше колен, в эту секунду я не

учла одного *но*: молния на спине требует помощи, а помощь только одна – за дверью. Получив стажировку, Саманта начала пропадать и теперь я – одна в бою с застежкой. Бросив гиблое дело, которое пыталась исправить пару тройку раз, я кинулась к зеркалу, где расправила волосы, подчеркнула губы лёгкой помадой и придала глазам выразительности с помощью туши.

– Грейс, прошло уже пять минут и тринадцать секунд! – выругался Диего, войдя в комнату и застыв на месте. Сейчас он смотрел на меня, как на сумасшедшую в припадке.

Волосы упали на лицо и спутались, глаза метали лучи ярости, а пальцы беспрерывно дёргали бегунок на пояснице: так я предстала перед ним в середине комнаты.

– Ты не могла попросить меня? – выдохнул он, преодолев расстояние между нами, и одним взмахом руки, скрепив две части на спине, предварительно отодвинув в сторону волосы.

– Ты мог посчитать, что я как дурочка намекаю на милости и романическом моменте, от которого должна визжать каждая девочка на планете, – хмыкнула я, расправляя волосы.

– Да какая к чёрту разница, что я подумаю? Это просто помощь.

– Наверно, – кивнула я и присела на корточки, чтобы застегнуть молнию на бежевых замшевых ботфортах, которые всегда идеально подходили к этому платью, открывая небольшое количество тела между платьем и краем сапог.

Подхватив пальто, я закинула его на плечи и повернулась к Диего.

– Всё?

– Да.

– Неужели. Ненавижу ваши женские сборы.

– У меня было пять минут! – возразила я.

– У тебя был весь день, Грейс.

– Если бы ты положил записку на моё лицо или вовсе написал её на моём лбу, то у меня был бы целый день. И вообще, как мы должны выйти из кампуса незамеченными? Там же куча студентов, которые увидят нас! Тебя уволят!

– Мне плевать. И мы выйдем через чёрный выход.

– И где он тут есть?

– Тебе следовало присутствовать на экскурсии по кампусу.

– Ха—ха, Фуэнтес, – закатила я глаза, быстро шагая за ним по пустым коридорам.

Сделав пару поворотов, Диего открыл передо мной дверь и пропустил вперёд, где перед глазами открылся лестничный проём. Я точно ополоумела, потому что чёрный выход есть абсолютно в любом здании, просто я в нём никогда не нуждалась. До сегодняшнего дня, конечно.

Стук собственных каблуков, эхом откликался в пустых стенах темной лестницы, где единственным светом был включённый фонарик на телефоне Диего.

– Ты мог бы мне написать, чтобы я прочитала записку, –

зашептала я.

– Грейс, у тебя высохли мозги? Твой телефон разбит.

– Чёрт! – выругалась я, вспоминая звуки влетевшего в стену стекла сегодняшней ночью, – скажи спасибо, что в гости не нагрянули соседи.

– И что бы они сделали? Собрали осколки?

Поморщившись, я посмотрела на силуэт Диего, который осветили солнечные лучи, когда он открыл очередную металлическую дверь перед моим лицом. Ответа у меня не было, да и Диего его не ждал, судя по тому, что направился вперёд, заставляя меня пялиться на его задницу.

Отпадную задницу, – кивали все «я», – *словно сам Бог спустился на землю, и выковал эту в вишенку под чёрным слоем ткани.*

Белые кроссовки отдалялись, пока наконец-то не остановились и не повернулись ко мне лицевой стороной.

– Может, мы уже пойдём или мне снова повернуться спиной? – усмехнулся Диего, на что я закатила глаза и двинулась в его сторону.

– Зачем поворачиваться спиной?

– Затем, чтобы ты продолжала смаковать мой зад глазами.

– Чего? – возразила я, кивнув в него сердитый взгляд, – издеваешься что ли? Я не *смаковала твой зад глазами*.

– Конечно, нет, – кивнул Диего, продолжая посмеиваться надо мной.

– Издевательство, – фыркнула я, – у тебя критические

дни.

– В каком плане?

– В том, что смена твоего настроения преобладает над скоростью света.

Сексуально подняв один уголок губ, Диего вновь всколыхнул мурашки по коже и завязал сотню петлей у меня в животе, сквозь которые, бабочкам не удавалось вспорхнуть выше, потому что из моего рта, были готовы хлынуть слюни. Он улыбнулся, пускай так, но он, Блядь, улыбнулся.

Он. Улыбнулся. Мне.

Я удачно пошутила или съязвила, из-за чего он наконец-то покинул кокон мрачности на лице. Что нужно сделать ещё раз? Выставить себя дурой для его улыбки?

– Господи, куда можно заявить?

– О чём? – нахмурился Диего, вышагивая в ногу со мной.

– О том, что я заставила улыбнуться принцессу Несмеяну.

– Я умею улыбаться, Грейс, – пожал плечами Диего, – просто поводов для неё мало.

– Значит, я могу считать себя поводом? – с толикой надежды спросила я, смотря на него.

– Не забегай так далеко, – кивнул он.

Не переводя взгляд с его профиля, я наблюдала за губами, в ожидании хоть какого-то намёка на улыбку. И через минуту, я была готова растечься в лужу по асфальту, потому что Диего улыбнулся. Не просто поднял один уголок губ. Он улыбнулся. И я готова кануть в любую яму по пути, потому

что следом услышала его тихий хрипловатый смех. Внутри меня бегали и ликовали абсолютно все «я», как в мультике «Головоломока».

– Прекрати, Грейс.

– Что прекрати, Диего?

– Смотреть на меня. Ты впишешься в ближайший столб лбом, если продолжишь.

– Ты представил, как это произошло и поэтому смеёшься?

– Да, – на тон выше засмеялся он и повернулся лицом, где я наконец-то увидела полную, самую красивую на свете улыбку, готовую вызвать машину с людьми, которые наденут на меня смирительную рубашку из-за безумия, помогающего голове поехать.

– Рада, что таким образом заставила тебя веселиться, – сдержанно улыбнулась я в ответ, хотя хотелось визжать от радости, – куда мы идём?

– Можем сходить в кино, кафе, посетить библиотеку, послушать орган, стухнуть от скуки и покрыться пылью. Этот город настолько скучный, что это все возможные варианты для развлечения. Удивляюсь, нахрена такая как ты, выбрала Принстон.

– Я выбрала университет, а не город. Но я не против послушать орган.

– Ты серьёзно? – ошарашено выдал Диего, всматриваясь в моё лицо в поисках шутки, которую он пытался уловить в эмоциях.

– Вполне, – кивнула я, подтвердив свои слова физически.

Ещё полминуты, Диего ждал, когда я засмеюсь и сообщу, что пошутила, но парадокс в том, что я ни капли не прибегала к юмору. Я никогда не слышала, как играют на органе, и совершенно не против, прочувствовать его звуковые волны. Скорей всего, сейчас со мной двигается аналогичный человек, только вряд ли он изъявляет бешеное желание сходить в органный зал.

Повернув голову, я окинула взглядом Диего, который судя по внешнему виду, должен свернуть куда-нибудь за угол, дабы присоединиться к друзьям на байках, но никак не ступить на порог театра или же высококлассного вычурного ресторана с блюдами, цены которых дают своё начало от тысячи долларов. Но мне не просто нравится его бунтарский стиль, а именно он и зацепил взгляд. Этот мужчина выражает уверенность, наглость, решительность, с ним ты чувствуешь вечный адреналин и опасность, словно являешься девушкой криминального авторитета.

Я желаю узнать его со всех сторон. Хочу разгадать все его тайны и загадки. Хочу познать его душу и предвидеть то, что он подумает и сделает. Диего как мания или наркотик: ты хочешь его попробовать и расчувствовать, по этой причине тебе нужно ещё, потому что одного раза критически мало. И я не одна в подобном интересе. Я вижу каждый взгляд на него. Девочки по команде не являются исключением, от меня не ускользают восторженные взгляды на тренировках. Да-

же Донна смотрит на этого мужчину с воздыханием, потому что он не может ни очаровывать.

Как ни странно, народу в зале было достаточное количество, чтобы занять половину. Некоторые с интересом поглядывали в нашу сторону, и я их понимаю.

– Поверить не могу, что ты притащила меня сюда, – вздохнул он, прогулявшись пятерней по волосам.

– Я не притащила тебя сюда, ты сам предложил, а я согласилась, – улыбнулась я, рассматривая огромный деревянный инструмент впереди, которой напоминает пианино, но возвышается чуть ли не до потолка.

Светлые стены делили арки, соединяющиеся в потолке дугами, образовывали единый центр над головами, старые деревянные кресла, от которых под завершение, наши задницы приобретут квадратный стиль, почему-то приводили меня в восторг. Когда инструмент занял мужчина в костюме, предварительно сделав поклон в знак приветствия, – первые разнесшиеся по стенам ноты, с успехом подняли волосинки на теле, дав понять, настолько величественно звучит орган. Если игру на арфе можно описать женской тонкостью, легкостью и нежностью, то орган завоёвываем своей мужской громоздкостью, силой и звучностью.

Не знаю, оценил ли Диего, но на меня игра на данном инструменте произвела чуть ли не фурор. Мурашки не покидали тело, и настоящим чудом было накинутое пальто на плечи, иначе тело выдало бы меня со всеми потрохами. Это бы-

ла случайная идея, и если бы не сарказм Диего, то я бы никогда не подумала сама выбраться на подобное мероприятие.

Родители часто таскали меня за собой в театр, балет, даже на чертов бал, который должен был быть как в старину, а получился слишком роскошным и броским. Я не желала проводить с ними время, для меня они всегда были чужими людьми, делающими из меня безвольную куклу для выставки, словно я – товар на аукционе, ищущий своего потенциального покупателя. Я до сих пор ощущаю то чувство отвращения ко всем людям, создающим благой вид, но на самом деле желающие вытащить свой кошелёк для того, чтобы похвастаться и помериться его широтой. Низко и мерзко. Каждый раз, сие мероприятия вызывали у меня только ядовитые слова и пренебрежительное отношение, не более того.

– Это было… странно, – начал Диего, когда мы покинули органный зал и его небольшое кирпичное здание.

– А мне понравилось, – честно сказала я.

– Понравилось? – выгнул он бровь, смотря на меня с ужасом на лице.

– Да. Я первый раз слушала орган.

– Я тоже.

– Всё бывает впервые, – пожав плечами, улыбнулась я.

– Теперь я хочу поесть там, где играет нормальная современная музыка, – потерев шею, вздохнул он.

Согласно кивнув, я последовала за мужчиной.

Ты бы пошла за ним, хоть на край света, Грейс, – шеп-

нула влюблённость и оказалась права.

Я не пытаюсь переубедить себя, что чувств нет. К чему это? Всё написано у меня на лбу, я лишь подавляю их в присутствии других. Но не сейчас, ведь сегодня мы наедине. Гнев моментально сменился на милость, как только я получила записку. И в этим минуты, я чувствую приливы счастья, потому что предмет моих мечтаний ведёт меня в кафе.

И у вас свидание, Грейс, – залепетали чувства, позволяя улыбке тронуть уголки губ.

Заняв столик в небольшом уютном кафе, которое первым попалось на пути, я тут же заказала чай, потому что ноябрьские вечера в Принстоне гораздо холодней тех, что в Лондоне. Аппетит напоминал о себе протянутым гулом в животе, которому помогали ароматы, доносившиеся до носа напрямую с кухни. Казалось, что сейчас я могу съесть слона за один приход, а то и двух разом. Вероятней всего, Диего всё отлично понял по моему заказу в виде закуски, горячего и десерта, потому что вовремя перечислении, от глаз не ускользнула едва заметная улыбка на его губах. Кроме всего прочего, нашему официанту не совсем повезло, потому что я уточняла наличие помидоров и горчицы во всех блюдах, которые упоминала, ибо на дух не переношу два этих компонента.

– Если сегодня не конец света, то у меня больше нет других вариантов.

– Вариантов для чего?

– Ты улыбаешься, Фуэнтес. И не смей говорить, что мне показалось, я же не слепая.

– Когда ты пасуешь не тому человеку, мне кажется, что ты слепая, – усмехнулся он, круча зубочистку пальцами.

– Ух ты, так он ещё и шутить умеет! – провозгласила я и сморщила носик, – я никогда не пасуют тому, кто закрыт.

– Пасуешь, Грейс, не спорь со мной.

– Нет, не пасую, и это ты не спорь со мной.

– Грейс, – вздохнул Диего, – давай проведём хотя бы один вечер без споров и препираний. Я тренер, и мне видней.

– Что за чёрт, Фуэнтес!? Не говори ерунды, и не покрывай себя тренерством. Я – капитан не просто так. Я была выбрана им в школе и была выбрана им тут. И мы прекратим спорить, если ты согласишься, что я – лучший игрок.

– Я уже это говорил.

– Нет.

– Говорил, когда упоминал, что ты нужна команде. Это одно и тоже.

– Это не одно и то же.

– Давай не будем говорить об очевидном.

– То есть ты считаешь меня лучшей? – довольно улыбнулась я.

– Лучшим игроком, Грейс. Уточняй свои слова.

– Хорошо.

Поджав губы, я перевела взгляд за спину Диего, рассматривая тонкие линии, свисающие с потолка, на кончике ко-

торых было несколько лампочек. Небольшое количество людей в заведении позволяли слышать друг друга, а не перекрикивать смех и оживленные громкие разговоры за соседними столиками. Стены, обшитые деревом, хранили в себе те чуткие древесные нотки, пробирающиеся в нос среди смешавшихся ароматов парфюмов и еды. Кружившие вокруг столиков официанты в чёрных униформах, перекидывались улыбками и небольшим количеством фраз, после чего исчезали за дверью, и вновь из неё появлялись.

– Ты не хочешь ничего спросить? – подал голос Диего, из-за чего взгляд вновь вернулся к мужчине напротив.

– Что именно?

– Не знаю, думал, что ты завалишь меня вопросами.

– У меня их много, но сомневаюсь, что услышу на них ответы.

– Попробуй, – пожал плечами Диего, прогулявшись глазами по линии платья на моих ключицах.

– Почему ты выбрал работу в Принстонском университете?

Постучав пальцами по столу, Диего поднял на меня взгляд спустя несколько минут раздумий.

– Я не думаю, что ты должна это знать, Грейс.

– Вот я и попробовала.

– Попробуй ещё раз.

– Почему ты не хочешь рассказать мне?

– Потому что это неважно.

– Я попробовала ещё раз.

– Грейс, это не то, есть и другие вопросы, которые должны тебя интересовать.

– Но я выбрала этот, потому что хочу понять тебя и твои интересы. Что такого в данном вопросе? Я просто хочу знать, почему ты выбрал тренерство, а не, к примеру, садоводство.

– Садоводство? – выгнув бровь, усмехнулся Диего.

– Да, садоводство. Почему бы и нет. Нет плохой работы. Я просто хотела узнать тебя в этом плане, и не вижу в этом ничего плохого. Я ведь не могу что-то знать, а что-то не знать и ты…

– Вполне можешь, Грейс, если это то, что тебе знать не стоит, – оборвали меня на полуслове, – я выбрал его, потому что так было решено за меня. Мне предоставили выбор – я его сделал. Теперь я тут. Это принимается за ответ?

– Ладно, – вздохнула я, – а разве тебе не интересно что-то узнать?

– Интересно. Кто был тот парень?

– Ты смеёшься надо мной, Фуэнтес? – фыркнула я, – я спрашиваю тебя, почему ты выбрал тренерство, и ты не желаешь ответить на такой элементарный вопрос, а сейчас ты интересуешься моей личной жизнью, решив, что я должна быть откровенна с тобой. Нет, Диего, такого не бывает. Нельзя играть в одни ворота, ты как никто другой должен это понимать.

– Чего ты хочешь, Грейс? Чтобы я вывалил на тебя всё

своё прошлое дерьмо, после которого мы поплачемся друг другу в плечо и поцелуемся, как во всех мелодрамах?

– Нет, – покрутила я головой, – я просто хочу взаимности, разве это много?

– Это не много, – вздохнул Диего, со словами которого, на стол легли тарелки с закусками, оборвавшими диалог и заставившими замолчать на неловкий промежуток.

Поблагодарив официанта, между нами вновь повисла пауза, растянувшаяся с несколько минут и игру в гляделки хоть куда, но не в глаза друг друга.

– Грейс, не требуй всего и сразу. В моём мире так не бывает.

– Что ты хочешь этим сказать? – поморщилась я, пронзая взглядом входную дверь, холод которой передавался мне, – думаешь, что ты знаешь меня?

– Нет, не знаю. Ты позволяешь мне узнать тебя со стороны суки, Грейс. И я могу сказать, почему.

– Валяй.

– Потому что это защитная реакция. Она у всех разная: кто-то смеётся, кто-то плачет, кто-то становится грубым, а кто-то входит в образ суки и стервы.

– И под последними двумя, ты подразумеваешь нас? – переведя взгляд, я уперлась глазами в карие, что принадлежат Диего.

– Ты не можешь судить меня, Грейс, а я не могу судить тебя. Но твой мир полностью расходится с моим. Мы – небо и

земля. И сейчас спустись с небес на землю, тут живут обычные люди.

– Что ты знаешь о моих небесах? – практически всхлипнула я, подавляя нарастающую ярость и горестные слёзы, – я ненавижу, когда люди судят меня по одежке. Ненавижу всей душой. Всё то, что ты видишь – не моё.

– В каком плане?

– Думаешь, я вывалю на тебя всё дерьмо, и мы поплачемся друг другу в плечо? – ядовито бросила я слова, которые недавно принадлежали ему.

– Нет. Не вывалишь, потому что ты – это я.

– Тогда какого чёрта ты так говоришь? Ты ничего не знаешь обо мне.

– Я хочу узнать тебя. И сейчас ты позволяешь мне узнать тебя.

– Я никому не позволяю узнать себя. Никто не знает меня так, как знаю себя я, даже Алан. Я – человек, и я умею чувствовать, чёрт возьми, я не робот. Не смей рассказывать мне о розовых небесах, которые ты видишь и судишь с обложки, ты ничего не знаешь. Я каждый проклятый день хочу уб…

– Грейс! – рявкнул Диего, заставляя меня вздрогнуть на месте, и повернуться остальных посетителей в нашу сторону.

Только сейчас я почувствовала, как слёзы градом катятся по щекам, полностью выдавая эмоции и боль, которая живёт со мной на протяжении нескольких лет. Или даже с рождения.

Тревожный взгляд карих глаз был обращён ко мне, в то время как одна ладонь Диего сжимала мою. Разве эмоции с такой силой накрыли сознание, что я не почувствовала ни слёз, ни его близости? Быстро смахнув свободной рукой влагу и капли с щёк, я втянула воздух и проглотила ком недосказанности, который мучает меня изо дня в день.

– Я хочу уйти, – едва слышно выдавила я.

– Мы не уйдём.

– Я хочу уйти, – еще раз повторила я, но более уверенно, – этот вечер испорчен.

– Ничего не испорчено, Грейс. Ты можешь кричать, плакать, биться в истерике. Ты имеешь право показывать свои эмоции так, как посчитаешь нужным.

Не знаю почему, но слова Диего повлияли на меня словно бальзам на душу.

– И прекрати бросаться на Бейкер. Ты не просто так со всех ног помчалась на неё с кулаками.

Утерев остатки слёз с лица, я не решалась поднять глаза на Диего. Он, конечно, видел вспышки моего гнева и не единожды, но сегодня она была самой эмоциональной, доведя до слёз, которые я тщательно скрываю от всех. Лишь Алан видел меня в забитом до изнеможения состоянии, но и он не видит и не знает всего, что творится в моей душе, особенно сейчас. Мне некому выговориться. Больше некому. Единственным отвлечением и возможностью стал футбол и рисование, но и они не помогают так, как поддержка близкого

человека.

– Грейс, посмотри на меня.

Послушано подняв глаза, я встретилась взглядом с Диего, который смотрел на меня с каким-то беспокойством.

– Прекрати так смотреть на меня, – поморщилась я.

– Как?

– Так, словно мне отшибли мозги или я упала с припадком эпилепсии.

– Я смотрю на тебя так же, как делал до этого. И если хочешь, то можешь поговорить со мной.

– Прекрати, – прошипела я, на корню обрубая все подобные тонкости, как с душевно больной.

– Что прекратить?

– Прекрати быть таким милым. Завтра ты вновь можешь занять позицию того, кто раскатает меня ногой по траве.

Сжав челюсть с такой силой, от которой вены заиграли на шее, Диего процедил:

– Я думал, что мы уже решили. И не принимай мою доброту за слабость, Грейс. Остановимся на том, что у каждого из нас есть секреты, которыми мы не хотим делиться. Либо же не хотим делиться ими сейчас. Если у кого-то появится желание, то мы обоюдно друг друга выслушаем. Согласна?

– Да.

– Отлично, а теперь приятного аппетита.

Погрузившись в молчание, я тщательно пережевывала пищу, искоса смотря на Диего, лицо которого оставалось вдум-

чивым, словно каждое сказанное слово обрабатывается через сито как минимум сотню раз. Я не успела ляпнуть лишнего, но дала ему хороший повод для размышления.

Он должен понимать, что не каждая семья, у которой на счетах лежат миллионы – счастлива. Обычно именно в таких семьях нет ничего, что напоминает домашний очаг. Уж кому как ни мне, известна подобная обратная сторона. Все выходы, снимки, видео – наигранная показуха идеальности и непорочности. Мне не понять, для чего родители рвут задницу, чтобы поддержать подобную идиллию. Это метафизический парадокс. Уверена, что у каждого из них есть кто-то на стороне, потому что холодность, с которой они смотрят друг на друга, может сравниться с той температурой, которая овладевает Северным полюсом.

Когда-то я считала их брак идеальным. Он казался мне совершенным, без изъянов. Но это было до тех пор, пока я не начала взрослеть и смотреть на родителей реально, а не сквозь призму, закрывающую глаза. Это не отношения двух любящих людей. Это выгодное товарищество, приносимое свои плоды в виде материальных благ. Если родители отца занимают подобное положение, как само собой разумеющееся, а то и хуже, то куда смотрят родители по маминой линии? Неужели они благополучно отдали дочь, и теперь их даже не волнует её сложившаяся судьба? Она ведь их ребёнок, а я их внучка. Но у меня нет ни одного воспоминания об этих людях, словно их никогда не было в моей жизни и одновремен-

но, они в ней присутствовали. Два противоречивых чувства следуют за мной по пятам. Разве в родном человеке невозможно разглядеть грусть даже по фотографиям?

– Что ты ненавидишь? – чтобы нарушить тишину и продолжить свидание, которое перетекло в мрак и молчание, спросила я.

– В каком плане?

– Не знаю, просто.

– Оливки, – пожал плечами Диего, удивив меня ответом.

– Серьёзно? Оливки?

– Ну, да, ты же сама спросила, что я ненавижу. Их я ненавижу больше всего.

– Значит, ты ненавидишь их даже сильней, чем я…

– Помидоры и горчицу, – перебил меня Диего, – да, я запомнил. Бедный парень.

– Какой парень?

– Которого ты мучила допросами о присутствии их в блюде.

– Но я покроюсь волдырями, и меня стошнит на стол, если один из них попадёт мне на язык.

– Ты сейчас макаешь фри в кетчуп, Грейс, что за двойные стандарты? Это тоже помидоры, но перетёртые в кетчуп.

– Это уже не помидоры, – запротестовала я, – это кетчуп.

– Да, кетчуп, сделанный из мякоти помидор, – усмехнулся Диего.

– Фу, – поморщилась я, засовывая очередной ломтик с со-

усом, который поднял уголок губ мужчины напротив, а мои бабочки вновь взметнулись ввысь.

– Действительно настолько *фу*, что ты каждый раз черпаешь ещё больше кетчупа.

Улыбаясь, я подняла глаза и тихо засмеялась. Сейчас у меня и впрямь двойные стандарты, потому что я ненавижу помидоры, но люблю кетчуп.

С лёгкими разговорами на отвлеченные темы, льдины между нами потрескались и канули в океан, оставляя после себя сладкое послевкусие, как после десерта, который я умяла за один приход. Если бы не наша перепалка и мои вспыхнувшие эмоции, всё могло пройти намного лучше, но ничего не изменить. И в какой-то степени я даже рада, что всё прошло именно так, как прошло. У нас тяжёлые характеры, с которыми придётся бороться, и мы оба с трудом отступаем, признавая вину.

С выходом из кафе, волнение окатило разум и тело, потому что я не знала, что будет дальше. Мы можем продолжить у Диего, можем погулять, но подступающие вечерние холода не дадут расхаживать на улице долго. Основным вариантом был кампус, но из-за того, что мой телефон умер, встретившись с бетоном, узнать пришла ли Сам или нет – я не могла. Это создавало помеху и трудности.

– Мы можем поймать такси, – предложила я.

– Если ты хочешь вернуться в кампус, – кивнул Диего.

– У меня нет другого дома, где я должна лечь спать. Если

ты помнишь, то завтра с утра у команды тренировка.

– Мы могли бы приехать на неё вместе.

– Вместе? Смысл заезжать за мной в кампус, который находится в пяти минутах ходьбы от университета.

– Грейс, ты либо прикидываешься, либо действительно не понимаешь.

Нахмурившись, я бросила быстрый взгляд в сторону Диего.

– Ты хочешь, чтобы я осталась у тебя?

– Ты уже оставалась там, Грейс, просто практически без сознания.

– Ладно, – кивнула я, последовав за Диего.

Шагая за ним в тишине, я мысленно накрывала нас одеялом и упиралась щекой в сильную грудь, пока крепки руки обвивали мою талию. Чувство того, что в его объятиях, я словно муха возле слона, блаженно разливается теплом по телу. Кольцо его рук, словно защитный щит, который гораздо больше и сильнее меня. Одновременно я чувствуя себя в безопасности, но не забываю, что именно этот щит может стиснуть меня до лепёшки.

Добредя до квартиры размеренным и спокойным шагом, я вошла на порог первой, следом за спиной закрылась дверь, и щёлкнул выключатель, осветивший небольшой квадрат, где с левой стороны на вешалке покоилось несколько курток, а по длинному коридору открывалось несколько дверей. И мне уже известно, где находится спальня.

– Экскурсию провести, или ты уже её сделала в прошлый раз?

– Знаешь, в моём распоряжении не было большого количество времени, чтобы полистать альбомы с фотографиями и посчитать количество плиток на полу.

– А я думал, что любопытность возьмёт верх.

– Я опоздала, потому что проспала, и ты не удосужился поднять меня.

– От тебя воняло так, что я спал на диване, – улыбнулся Диего, – и я не знал, что ты в команде.

– Спасибо, что напомнил, – хмыкнула я, лишний раз, говоря себе о том, что тот алкоголь был последним.

Скинув сапоги, я повесила рядом с куртками Диего своё пальто и посмотрелась в зеркало. Хочу лично пожать руку создателям данной туши, которая и крошки не оставила под глазами. Скрестив руки, Диего смотрел на меня, а я ответно на него, но через зеркало. Вздохнув, я повернулась к наблюдателю лицом:

– Мне нужна одежда, я не могу спать так.

Молча кивнув, Диего скрылся за углом, оставляя меня стоять на месте.

Осмотрев белую плитку под ногами, я скрепила пальцы в замок и перекатилась на пятках. Данная ситуация заставляет меня хорошенько понервничать, потому что я не понимаю, что должна делать, а что не должна. Обычно между нами тупо случался секс, после которого мы расходились, как в мо-

ре корабли. Сегодня так не получится, и это пугает меня до чёртиков.

– Держи, – протянув чёрную футболку, Диего посмотрел на мои руки и вопросительно поднял бровь, – это что, волнение?

– Издеваешься? – фыркнула я, вскинув подбородок, показывая уверенность.

– Нет, скорей утверждаю.

– Твоё утверждение ложно, – *или мои слова фальшивы*, но какая разница?

– Мне отвернуться или ты уйдёшь в ванну? – продолжал он.

– Очень смешно. Сделаем вид, что ничего не было, и я собиралась в институт благородных девиц, – закатив глаза, я повернулась спиной и убрала в сторону волосы, молча прося о помощи с проклятой молнией, которая изнурила меня ещё днём.

Тихий и быстрый звук пробегающего бегунка по линиям затих. Скинув с плеч бретели, я перешагнула юбку и, сложив платье пополам, положила его на полку под одеждой, следом подставив руку, чтобы получить футболку, которую так и не взяла из рук Диего. Тёмные глаза прошлись по мне сквозь отражение, поднимая волну мурашек. Забрав из рук Диего футболку, я закрыла тело и вытянула локоны из-под ткани.

– Предложишь чай, кофе или что-то с градусом повыше? – вскинув бровь, спросила я у отражения за спиной, пока ла-

донями расправляла края футболки, едва закрывающей бёдра.

– Сегодня я собираюсь спать в своей постели, если хочешь выпить, то я заранее приготовлю место на диване.

– Не преувеличивай, – прыснула я, – всё печально, но не так, как ты говоришь.

– Ты уверена? – усмехнулся Диего, подняв руку и намотав мои локоны на кулак.

– Более чем, – кивнула я и, отстранившись, зашагала вдоль по коридору в направлении спальни, где хотела упасть возле девяти вечера и сомкнуть глаза после морально тяжёлого дня. И такой же ночи.

Пока ноги свисали с края кровати, а тело занимало горизонтальное положение на мягком месте, окутывающем теплом и ароматом его хозяина, я улыбнулась самой себе лёжа лицом в одеяло. Через пару минут в комнату вошёл Диего, наполняя воздух табачным запахом, который я полюбила вместе с ним. Прогнув под собственным весом кровать, из-за чего я скатилась в его ноги, он усмехнулся.

– Тебе нужно на диету, Фуэнтес, это ведь ненормально, что я катаюсь тут как колбаска по тарелке.

– Либо тебе нужно потолстеть.

– Я не умею толстеть, – поморщилась я, убрав волосы с лица и подняв глаза.

– Как можно не уметь толстеть?

– Я всё сбрасываю на тренировке. И буду ли я, нравится

тебе, если не буду умещаться в дверном проёме?

– А с чего ты взяла, что ты мне нравишься?

– Опять шутишь. Я оценила. Дай мне время посмеяться, и продолжим диалог.

Подняв один уголок губ, Диего привстал и скинул водолазку, из-за чего рот наполнился слюной, готовой пустить реки по полу. Хмыкнув, я уткнулась лицом в кровать, после чего, переползла к его ноге, которую обвила руками и уткнулась в бедро. Глаза медленно начинали смыкаться, отключая сознание. Через пару минут, как мне показалось, почувствовались руки Диего, подтянувшие меня за талию выше.

– Диего, – еле слышно выдохнула я имя, которое словно целая вселенная, положив свои ладони поверх кольца из сильных рук вокруг себя.

Глава 19

Харрис вновь вздыхает, будто бедная секретарша виновата в том, что грёбаный кофе закончился. Поправив галстук, он покачал головой и с новой порцией грубости набросится на несчастную:

– Вы хотите сказать, что это профессионализм, Эйвери? Вы секретарша, чёрт возьми, – бедняга дёрнулась от того, с какой силой он стукнул ладонью по столу. Но я даже не дрогнула. Отец делал вещи куда хуже, чем это представление подобия силы, – кофе – это то, что должно быть у вас всегда. Что из всего сказанного вам непонятно?

Быстро заморгав, она начала судорожно глотать воздух, и, если честно, я в самом деле забеспокоилась о том, что она сейчас упадёт, и нам придётся откачивать её. В который раз поправив юбку, будто это её броня, она заикаясь бормочет что-то себе под нос, из чего я разбираю только:

– Да, сэр. Я не знаю, как так вышло. Но этого больше не повторится, обещаю. Я сегодня же, нет, прямо сейчас сбегаю в магазин и куплю новый кофе, – она уже готовилась стартануть, но беспристрастный голос ректора остановил её.

– Зато я знаю, как это вышло. Вчера, когда я возвращался с конференции, вы попивали мой кофе на рабочем месте, вместо того, чтобы работать.

– Но, сэр, у меня был обед…

– Наплевать. Ты усвоила урок? – прервал её Харрис, приподняв густую бровь.

Бедняга энергично закивала, да так, что ещё чуть-чуть, и голова бы попросту отпала.

– Вот и отлично. Надеюсь, на новой работе ты не будешь допускать таких ошибок.

Эйвери задыхается. Прижимая руку к сердцу, она верещит на весь кабинет:

– Вы не можете меня уволить, я не позволю…

– Да что вы? – фальшиво рассмеялся он. Надев прежнюю маску сурового мужика, он спокойно закончил, но это не помешало бывшей секретарше начать плакать. Ненавижу женские слёзы, особенно из-за ублюдков по типу нашего ректора, – я могу делать всё, что считаю нужным, и прямо сейчас я считаю, что вам нужно выметаться. Идите собирать свои вещи, мисс Эванс. Мы с вами закончили.

Она попыталась сказать ещё что-то, но он уже нажал на кнопку, и в кабинет ввалился охранник—шкаф и утащил её с непритворным сочувствием на лице. Кому, как не ей, знать, каким бывает Этан Харрис.

И наконец внимание ректора-сукиного-сына доходит до меня с дуновением ветра из открытого окна.

– Я могу закрыть форточку? Мне холодно, – вместо приветствия говорю я. Не надеясь ни на что, я спокойно выжидаю его действий, но он удивляет меня, когда тут же подскакивает и быстрым шагом идёт к окну.

Окно закрыто, и ректор поворачивается ко мне с широченной улыбкой, будто закрывать окна – это его фетиш. Ну или ещё фетиш доводить секретарш до слёз, раздражать меня и много всего другого. Какой разносторонний человек, однако.

– Рад видеть тебя, Грейс, – он садится на стул и рукой указывает мне, чтобы я сделала то же самое.

Значит, мы снова на ты. Никаких проблем.

– Не могу сказать того же.

Сколько же удовольствия приносит мне сползающая с его лица улыбка.

– Почему же? – искреннее непонимание вызывает у меня раздражение, хотя, нельзя сказать, что до этого я не была раздражена.

Похрустев шеей, я обхватываю ее ладонями, массируя больное место от ночных просмотров сериалов.

После того, как мы последний раз виделись с Диего, а это было утром в его квартире, мы не виделись больше ни разу. Не сказать, что мне обидно… да мне, в принципе, плевать… Кому я, мать твою, пытаюсь врать? Мне до боли в сердце обидно то, что он так просто забыл про меня. Хотя мы и договорились начать всё сначала, но видимо это не имеет никакого веса в его понимании. Что ж, я не настаиваю. Так вот с тех пор я каждую ночь сижу и смотрю «Дневники вампира», поглядывая на дверь в надежде на то, что самый сексуальный мужчина в мире решит зайти. Но увы: моя шея болит,

низ живота ноет, а слёзы уже который день подряд пытаются потушить пожар мирового масштаба.

– Вы были резки с ней, – говорю я спустя, наверное, минуту молчания.

Этан ещё раз улыбается.

– О ком ты? – но тут же взгляд темнеет. – О, ты об Эйвери.

– Именно. Вам не кажется, что это было жестоко? – не скрывая отвращения, спрашиваю я и достаю телефон, чтобы проверить входящие сообщения.

На экране весит непрочитанное сообщение от Алана. Улыбнувшись в никуда, я кликаю на него, переставая слушать Этана.

«Привет всем тем, кто смотрит ДВ в три часа ночи».

Ахнув, я быстро печатаю сообщение.

«Не может быть, откуда ты блин знаешь? Признавайся, какого говнюка ты заставил подглядывать за мной через окно».

И ответ не заставил себя ждать:

«Ты живешь не на первом этаже, а так бы с радостью, но я просто увидел добавленный на твоём аккаунте сериал. И угадай что это за сериал? Два самца и одна тёлочка. Не знал, что ты увлекаешься мжм LOL».

«Ты знаешь, кто из нас смотрит порно с четырнадцати лет lmao».

В голове все мои личности дают друг другу пять за этот подкол пятилетней давности.

«Нужно было стучать перед тем, как войти, Гри. Иисус, я сижу на лекции Цербера, а ты заставляешь меня краснеть от этой хрени. Если он сейчас заметит это, то подумает, что он мне нравится. А мне этого, Блядь, очень не надо».

«Почему он должен так подумать? Он взрослый мужик и решит, что ты просто смотришь порнушку под партой».

«Если бы. Он подкатывает ко мне!»

«Что???»

«Я серьёзно, этот мужик пялится на мою задницу каждый раз, когда вызывает к доске»

«Малыш Иисус, ахахаха. Я хочу посмотреть на это»

«Ты издеваешься? Я надеялся на то, что ты поговоришь с ним:(»

«Заставишь меня кинуть ему перчатку в лицо?».

Гогот вырывается из меня прежде, чем я закрываю рот рукой.

Харрис цокает.

– Всё в порядке?

Поднимаю глаза на него, пытаясь не рассмеяться ещё сильнее. Боже мой, к моему другу пристает пятидесятилетний старик с недотрахом и сумасшедшей любовью к мужским попкам. От осознания этого я всё-таки расхохоталась, избивая рукой рабочий стол ректора.

«Ненавижу тебя»

«Я заберу тебя сразу после того, как покину преиспод-

нюю. Жди меня там и никуда не уходи! Я хочу посмотреть на это зрелище. Слава богу, он не ведёт у меня лекции, и я могу позволить себе поугарать над ним»

«Ты серьёзно заставляешь меня остаться наедине с ним, пока ты будешь со скоростью престарелой улитки идти сюда?»

«Что он может сделать здоровому парню?»

«Откуда я могу знать, что у этого извращенца на уме»

«Ладно, Классная попка, я постараюсь успеть до окончания лекции»

«Если что-то пойдёт не так, знай, что тогда я смотрел не порнохаб»

«Не жди меня, ублюдок»

«<3»

– Грейс, – рявкает Этан. Покрасневший ректор хватается за горло и медленно спускается на кресло.

– С вами всё хорошо? – стеклянные глаза мужчины заставляют меня в этом усомниться.

Он закатывает глаза и начинает бубнить:

– Я спросил тебя то же самое, но ты предпочла с кем-то переписываться. Кто он?

– Не думаю, что моя личная жизнь – ваше дело, – прищурив глаза, я смотрю на Этана, пока он ослабляет галстук.

Хмыкнув, он что-то говорит себе под нос и резко вздохнув, приподнимает один уголок губ:

– С тобой сложно.

– С вами не легче, – непроизвольно подмигиваю ему, отчего хочется стукнуть себя по лбу. Не удивлюсь, если он прямо сейчас достанет бумаги и распишется в углу, чтобы меня выкинули обратно в Лондон первым же мусоровозом.

Но Харрис улыбается, что не придаёт мне спокойствия. Он улыбался и бедной Эйвери, когда увольнял её. Я уверена, что он будет улыбаться и тогда, когда спустит курок и выстрелит мне в голову.

– С этим разобрались. Могу поинтересоваться, что Вас ко мне привело?

– Можете.

Жизнь меня ничему не учит.

– Интересуюсь, – ещё шире улыбается Этан, игриво дергая бровями.

– Мне нужно дописать сочинение, потому что перед рождественскими каникулами его надо будет сдать. И так вышло, что Вы – мой наставник, если Вы не забыли.

– Не забыл.

– Значит мы можем начать работать над этой писаниной, чтобы мы закончили и не виделись больше никогда в свободное время? – удивительно, но от сказанных слов у меня что-то кольнуло в сердце. В таких случаях отец говорит, что это моя совесть пытается достучаться до меня, но в чём я сейчас неправа?

Лицо Харриса кривится, будто от боли, и мужчина медленно расстилается на кресле.

– Вы хотите, чтобы я оставил Вас в покое? – с трудом шепчет он.

– Да, – и новая иголка впивается в грудь. *Что это нахрен такое-то?!*

– Как скажешь, не могу же я заставить тебя находиться со мной всё время, тем более у тебя на носу важный матч, который ты вновь должна выиграть, – он пытается говорить непринужденно, но хрипота выдаёт его, как и застывшие слёзы.

Неужели я обидела самого Сатану?

– Что за матч? – хмурюсь я.

В прошлый раз меня предупредили об игре за короткий срок до её начала, так что сейчас я засуну палку в жопу и ему, и Диего, если они вновь решили подставить меня тем же образом, что и тогда.

– Брайант, – с отвращением выплевывает он и нагибается к шкафчику в его столе и передаёт мне какую-то бумажку, – это список команды, которая будет играть против вас. Знаешь кого-нибудь из них?

Внимательно вчитываюсь, замечая все больше новых фамилий с каждой строчкой.

– Вивьен Макмайклз, – говорю я ему, отрывая глаза от бумаги.

– Расскажи мне, что ты знаешь о каждой знакомой тебе девушке в этом списке, – просит он железным тоном, не терпящим возражений.

Брожу в голове среди полок с информацией, пытаясь найти нужную.

– Команда зовёт её Вив. Насколько я знаю, она их капитан, если её еще не сняли.

– Её не сняли. Ты знаешь о ней ещё что-нибудь? – нетерпеливо спрашивает Этан.

Напрягаюсь.

– Несмотря на то, что она крутой командир, она ведёт грязную игру и учит этому своих марионеток. Каждая на поле не делает ни шагу без неё; всё, что они делают, это чётко выполняют её приказ, – в школьное время мне доводилось всего раз съездить в спортивный лагерь, но этого хватила мне на всю жизнь, чтобы знать всех своих нынешних соперников и знать все их недостатки. И Вив одна из тех, с кем я познакомилась в том лагере. Она никогда не ходила одна, всегда была со своей шестёркой – Ташей, которой умела манипулировать. Да она в общем то умела манипулировать каждым, но точно не мной.

– Дальше.

Я снова утыкаюсь в текст в поиске следующей знакомой фамилии.

– Авани Кэмпбелл. В прошлом году её хотели выкинуть из команды из-за того, что заметили в её моче наркоту. Она ещё та сука. Если Вив играет грязно, то Авани говорит всякую дрянь, выводит тебя из себя, провоцируя, а потом ты не замечаешь, как клюёшь на эту удочку, и тебя дисквалифи-

цируют.

Харрис хрустит пальцами.

– Она хуже, чем просто сука. Ты знаешь за что уволили их прошлого тренера?

– Я не знаю всех деталей, но, по-моему, она наврала, что он лапал её, а её родители помогли продвинуться делу с его увольнением. Это всё, что я знаю, – я пожимаю плечами, и Этан кивает мне, чтобы я продолжала.

– Тори Блек. Она самая большая девочка в команде, к тому же со скоростью гепарда. Она любит насилие.

– На это её подбивают другие девушки из её команды, – мрачно ворчит Этан. Конечно, он не лучший человек, но он не одобряет игру Брайантовских шлюх, – думаю, на этом достаточно, чтобы сделать вывод: игра будет непростой.

– Да уж.

– Да уж? Это всё, что ты хочешь сказать?

В растерянности я снова пожимаю плечами и этим раздражаю его так, что он срывается на крик.

– Грейс, Принстону нужна победа!

– А мне нужна учёба, но изнурительные тренировки каждый день ради победы вашего Принстона, мне не нужны, – сжимая челюсть до хруста зубов, я вдавливаю ногти себе в бёдра.

Этан шумно выдыхает. Вздёрнув подбородок ввысь, он отчеканил:

– Я, кажется, понял, к чему ты клонишь, – *интересно, к*

чему же? – Я освобождаю тебя от сочинения, если ты обещаешь мне выиграть.

– А что если я проиграю?

Этан готов наброситься на меня в любую секунду:

– Тогда ты вылетишь отсюда с такой характеристикой, что тебе и не снилось. Можешь идти, мы закончили.

Это уже не кажется мне забавным: он снова выкинул меня из своего кабинета, хлопнув дверью перед самым носом. Слава богу он у меня маленький, иначе, честное слово, он бы прищемил его. *Ладно, Харрис, не жди меня на свои похороны.* Надувшись то ли от обиды, то ли от странности всей этой ситуация, я с круглым лицом зашагала в сторону кабинета, где сидит Алан и профессор люблю—мужские—попки.

На часах ещё десять минут до конца лекции, а значит мне нет смысла торчать под дверью кабинета, как верная собака, поэтому я решаюсь бессмысленно побродить по коридорам.

Стоит ли мне говорить про моё везение, если на первом же углу я встретила Диего? Думаю, я просто промолчу.

– Ты шла из кабинета Харриса, – ни здравствуйте, ни до свидания. Вечно злющее лицо Диего снова является таковым. У него точно не раздвоение личности?

– Ага. Раз уж мы решили обмениваться фактами, то ты пригласил меня на свидание, а затем забыл про моё существование на неделю, – фыркнула я.

По идее он должен был закатить глаза, ворчать, а затем сказать что-то язвительное в ответ. Но ничего из этого не

последовало. Теперь я всерьёз беспокоюсь за его здоровье.

– Что. Ты. Делала. В кабинете. Ректора? – отчеканивая каждое слово леденящим тоном, громко зарычал он.

Все мои «я» тут же струхнули.

– Разговаривали.

– О чём?

– Ага, сейчас. Так я тебе и сказала. Не кажется ли тебе, что это не твоё дело?

– Не выводи меня из себя.

– Если я так раздражаю тебя, то отойди с дороги, и я уйду.

Диего застонал, принимая поражение.

– Разве в отношениях не должно быть доверие или что-то типа того?

– Должно быть, кто спорит. Но мы-то тут причём? – да, господи, как же я хочу, чтобы он признал, что мы вместе. Это точно будет пищей для парочки моих внутренних дьяволят: угрюмый, чертовски горячий и недосягаемый Диего по уши влюблён в меня.

Он чуть не захлебнулся собственными слюнями.

– Как это причём? То есть я просто так пригласил тебя на свидание?

– Тебя надо спросить, ты же у нас тёмная лошадка, – пожала плечами я.

– Мне нравится сравнение с конем, – подмигнул Диего, – но ещё больше мне бы понравилось, если бы ты понимала, что теперь ты моя девушка.

Сердце, где ты? Почему ты не стучишь?

– Ты не предлагал мне встречаться, с каких это пор я стала тогда твоей девушкой? – задержав дыхание, я просто продолжала делать то, что умею – выводить его из себя, чтобы не показать, что все мои органы резко сказали стоп слово и отключились.

– Да ладно! Мы же взрослые люди. Ну или хотя бы один из нас, – проворчал он, – ладно, будет по-твоему. Грейс, будешь ли ты моей девушкой?

– Я подумаю, – как только это вылетело из меня, губы Диего нашли мои.

Похоже, ему абсолютно плевать на то, где мы стоим, потому что захватив одну из моих ягодиц рукой, а другую руку прижимая к моей талии, он терзал губы в чувственном поцелуе. И как только он дал мне вздохнуть, я смогла прошептать:

– Согласна. Я согласна.

С ухмылкой он отпрянул от меня.

– Кто бы сомневался. И что бы ты знала, меня чуть не вырвало от всей этой романтики, когда я просто тебя стать моей девушкой.

– Это было далеко не романтично.

– Насрать. Это все равно тяжело для меня, знай это. Так о чём ты говорила с Харрисом?

– О матче с Брайантом. Он думает, что будет сложно.

– Будет сложно, – подтверждает Диего.

– Но Грейс как всегда всех спасёт.

– А не Грейс ли упала носом в землю на прошлой игре? – рассмеялся Диего, пока я краснела с каждой секундой все больше и больше.

– Я не виновата!

– О да, ты не виновата в том, что стала её врагом номер один, когда шлёпнула её по заднице.

– Эй, я думала это Донна, – обиженно дуюсь я. Я в самом деле перепутала подругу с тем танком, – на твоём месте я бы рассказала мне причину твоего отсутствия в моей жизни целую неделю.

– Не неделю, а четыре дня.

– О да, разница такая большая.

– У меня были семейные проблемы, – даже намёка на былую радость не осталось в его карих глазах.

– Что-то серьёзное?

– Это связано со здоровьем близкого мне человека, я расскажу тебе об этом позже, сейчас я не готов. А сейчас кончится лекция и толпы студентов увидят обнимающихся нас в коридоре. Так что до встречи на матче, – отсалютовав мне, он сексуально играя задницей пошёл в сторону тренерской.

И я честно пыталась не смотреть на его зад, но он специально шлёпнул по ягоднице, повернув голову и подмигнув мне.

Стоя перед кабинетом, где должен сидеть мой несчастный друг, я печатаю ему сообщение, поглядывая на дверь в ожи-

дании того, что её наконец откроют и он в числе первых вывалится оттуда мне в объятия. Со временем мне становится плевать, что он испытывает что-то ко мне. Алан – мой лучший друг, и я не смогу обойтись без него никогда в жизни. Так что я просто приняла его чувства, и продолжила вести себя, как прежде.

И вот наконец дверь распахивается и гул студентов заполняет коридор. Соседняя дверь также открывается, и это место начинает напоминать консервную банку, где я та самая рыба внизу, до которой не добраться. Пока я бегаю глазами по толпе, вертясь вокруг своей оси, меня хватают за плечи женские руки. По правде говоря, я не хотела бить её с локтя, но против природы и рефлекса не пойдёшь, верно?

Глухой стон вырвался изо рта моей жертвы, из-за чего я посчитала нужным обернуться и запечатлеть этот момент: вот оно – моё первое убийство.

– Какого хрена? – пищит Саманта, нервно глотая воздух. Подруга держится за живот, согнувшись вдвое у самой земли.

– Рефлекс.

– Рефлекс? – заверещала она изо всех сил, повторяя мои слова, – ты машина для убийств, а не Барби, Грейс!

– Кто сказал, что я – Барби? – *кроме Полли, конечно.*

Саманта старается выпрямиться и у неё это кое-как получается. Выразительно посмотрев на меня, она снова шумно

выдыхает, ощупывая себя. *Что за драма?!*

– Я так сказала, и за это ты мне уже отплатила. Боже, я бы не подумала, что книгу всерьёз нельзя судить по обложке, пока эта книга не выбила из меня воздух, – заворчала Саманта.

– Кто вообще подходит со спины? Ты знала на что шла.

Огромные глаза Сам были готовы выпасть и затоптать меня.

– Я кричала тебе через весь коридор, но ты как истукан стояла на одном месте. Вот я и решила подойти. Кто же знал, что у тебя было тяжёлое детство.

– Ладно, прости, – сдаюсь я раньше, чем она начнёт вновь свою разгневанную тираду о жестокости мира, – кстати, давно не виделись.

– Хочешь сказать, это моя вина? – аккуратные брови сходятся у переносицы, – это ты вечно где-то пропадаешь. Где-то с Диего.

Смех вылетает из меня, но, с осознанием смысла сказанных ею слов, смех становится нервным.

Что?

– Что ты только что сказала?

– Шутка, шутка, – Саманта подняла обе руки вверх, махая ладонями, – просто пошутила. Ты чего такая нервная? Опять ректор головного мозга?

– Ага, – отстранённо говорю я, замечая на горизонте Алана.

Увидев меня во всей этой толпе, он быстро подбегает, расталкивая всех, поднимает меня на руки и кружит в воздухе, прижимая так сильно, что я почувствовала биение его сердца где-то в пятках.

– Я не могу дышать, – через кряхтение говорю я, похлопывая его рукой по спине, чтобы он ослабил свою железную хватку.

Чувствую, как он метает годовой.

– Терпи, за мной выбежал Цербер, и я надеюсь, что он не свернул обратно в кабинет до того, как я начал обнимать тебя.

– Надеешься, он отстанет от тебя, узнав, что ты натурал? – хихикаю ему в плечо, и легкий шлёпок по заднице заставляет смеяться ещё больше.

– Ну спасибо…

– Эй, сладкая парочка, – неподалёку фыркает Саманта на сцену, развернувшуюся у неё на глазах, – Алан, я, конечно, всё понимаю, но не мог бы ты отпустить Грейс?

– Ни за что, – отрицательно качает головой он, начиная покачивать нас из стороны в сторону.

– Тогда тебе придётся податься в некрофилы, потому что она вот-вот откинется.

И меня тут же отпускают на землю.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, я с благодарностью смотрю на Саманту, когда та подмигивает мне.

– Какие планы на сегодняшний день? – спрашивает у нас

Алан, по-хозяйски закинув свою руку мне на плечо.

– Хочу собрать все свои вещи, чтобы завтра утром отвезти их в новую квартиру, а потом мы с Полли собираемся на матч. Оливер в пять утра обзвонил нас, крича в трубку угрозы в случае, если мы не придём. Так что тут без вариантов.

– Значит я правильно сделала, что сбросила?

– О да, Грейс, но теперь тебе не избежать страданий, – она наиграно вздыхает и проводит большим пальцем по шее.

Алан громким хлопком шлёпает себя по лбу.

– Я совсем забыл о матче, – стонет он.

– Он начнётся через два часа, у тебя ещё есть время оказаться на тренировке.

– Если бы все было так просто, Гри. Фуэнтес гоняет меня по полю, как сучку во время течки. Серьёзно, что я сделал этой испанской роже? – Алан дуется, брызгая слюной от возмущения.

Рядом с тобой стоит причина всех твоих бед, красавчик, – говорит во мне циник, хлопая в ладоши для привлечения внимания.

– Ладно тебе. Сомневаюсь, что все так плохо, – смеётся Саманта, поглядывая на меня с неприкрытым озорством.

– Все хуже, чем вы думаете. Я побежал, иначе он живьём сожрет меня. Был рад увидеться, Саманта, и спасибо тебе, Грейс, за то, что выручила меня, – он быстро чмокает меня в щеку и убегает, оставляя нас в полном людей коридоре.

Я провожаю его спину взглядом, пока она не скрывается

из виду.

– Забавная ситуация выходит, не находишь? – говорит Саманта, чем привлекает моё внимание. С непониманием смотрю на неё, пытаясь понять о чем она, на что она дёргает одну бровь, насмехаясь, – я знаю причину гонений на Алана. Их знаешь и ты.

– К чему ты клонишь?

– Я не говорю ему об этом, если ты сделаешь всё, чтобы Алан как можно больше времени проводил с Полли, – она протягивает мне ладонь вперёд, но я не тороплюсь пожимать её.

– Зачем тебе это?

Она копирует моё хмурое выражение лица.

– В её голове не будет места никому другому, пока он будет вечно рядом.

– Думаю, это их личное дело.

– Я хочу помочь ей, разве это плохо? – рявкает Саманта, хрустя пальцами, будто готовится ударить меня хуком справа.

Милая Саманта пропала в небытие, а на замену ей пришла новая, цели которой я пока не понимаю в полной мере.

– Только ты не забывай, что при отказе я побегу к Алану и расскажу ему всё.

– Скажи мне хоть часть правды, – я уже знаю, что соглашусь, потому что выбора у меня нет, но я также знаю, что дело тут нечисто.

Она прищуривается, сморщив при этом напудренный носик.

– Она …дорога мне.

– Понятное дело.

– И я хочу, чтобы она впустила в свою жизнь других людей. Ты что торгуешься со мной или как? – она трясёт ладонью, и я со вздохом выкладываю свою.

Следующий час мы провели разгребая завалы её вещей. Перед тем как начать, подруга осведомила меня, что большая часть вещей уже давно в квартире и осталось совсем чуть-чуть. Так вот это чуть-чуть обошлось нам в три сумки с пол меня и парочку пакетов. Но Саманта только пожимала плечи, словно она тут не при делах. В знак благодарности, ну или из жалости, она предложила подвести меня, и я была вполне не против. Пока не узнала, что тачка принадлежит Полли, а на заднем сидении со мной будет сидеть Оливер.

Десять минут мы боролись за место посередине, следующие десять за выбор музыки, а следующие пять мы просто спорили с ним.

– Скажи это судейству, идиот.

– Причём здесь судья? – практически кричал Оливер, – тут вина тренера, который не смог отмазать их от удаления.

– Что? Гарвардским должны были впаять удаление за шайбу, которая летела за зону и прилетела в камеру. Тогда наши играли бы три в пять.

Оливер ахнул.

– Ты назвала Йель нашими?

– Не утрируй.

– Это я ещё утрирую? Ты видела третий период, Грейс?

– Ребят, может, хватит? – застонала впереди Саманта, но мы удачно проигнорировали её.

– Я как раз таки видела, как чертов Хэми прижимал Луиса.

– Это хоккей. Конечно, он его прижимал.

– Он спал с его девушкой!

– Кто?

– Хэми!

Наши крики прервала Полли своим:

– Заткнулись оба, живо. Это богохульство.

– Но мы же ещё не приехали? – взвыл Оливер.

– Вообще-то, приехали, просто вы своими воплями не слышали ни одну из нас. Так что поднимайте свои жирные задницы и пойдёмте.

Словно маленькие дети, которые жутко нашкодили, мы шли за Самантой и Полли, кидая друг в друга злобные взгляды, хотя все началось неплохо; мы с Аланом перекидывались сообщения, обсуждая вчерашнюю игру Гарварда и Йельского университета. Вчера мы с ним смотрели по видеосвязи трансляцию матча и были очень, чертовски очень, злы на Гарвард, а точнее на парочку парней, когда они нарушали правила, а судья закрывал глаза на это, и, как оказалось Оливер поклонник Гарвардский парней.

Поднимаясь по лестнице на свой ряд трибуны, Оливер проворчал:

– И причём здесь вообще богохульство? Я самый настоящий атеист.

Полли обернулась и метнула в него миллион ножей одним лишь взглядом.

Саманта быстро поняла что к чему и перебила его, пока Полли не выстрелила хедшот.

– Она имеет в виду, что говорить о хоккее во время матча Лакросса – богохульство. Вы не можете говорить сейчас об этом.

– Можем, – одновременно крикнули мы.

– Нет, не можете.

Мрачным голос Полли в конце концов заставляет нас заткнуться.

– Думаю, что меня уже ищут, – Оливер чешет затылок, поглядывая в сторону дверей, где скрываются раздевалки игроков.

– Зачем ты тогда поехал с нами, а не со всеми парнями?

– Фуэнтес освободил меня, – его щеки начнись краснеть, и я начинаю сомневаться в правдивости сказанных им слов.

– Серьёзно?

– Хм—м, думаю, так всё и было, – он ещё больше краснеет, в то время Саманта начинает хихикать впереди нас.

– Ну и за какие заслуги?

– Я хороший игрок, ты же знаешь это. И он знает это. Ну, типа того…

– Не верь этому идиоту. Фуэнтес просто вышвырнул его с тренировки, – фыркает Полли.

– Сучка. Да ладно вам, я же просто шутил о цыпочках, а он выгнал меня. Разве это справедливо? Я – второкурсник, мать вашу, о чём мне ещё говорить, кроме как о цыпочках?

– О чём-нибудь умном, развивающем, – говорит Саманта, сдерживая гогот.

– Оливер и что-то умное? Это же что-то нереальное, – Оливер пихает меня в плечо.

– Вы злые сучки, девчонки. Когда я стану суперзвездой лакросса, ни одна из вас не получит мой автограф, – надувшись, будто рыба фугу, он спускается с лестницы и бежит в раздевалку.

В этом момент кто-то сзади окрикивает меня.

– Грейс! – блестящие волосы Алека развиваются холодным зимним ветром. Расстегнутая куртка сидит на нем достаточно облегающе, отчего мышцы рук кажутся ещё больше, чем прежде. Синие джинсы, чёрные ботинки – он хорош как и в прошлый раз.

И в этот же момент возле меня, словно скала, нависает Алан.

Блядь. Блядь. И ещё раз чертов третий раз блядский Блядь!

– Я уже думал, что не найду тебя, – улыбается Алек, при-

влекая меня в объятия, пока Алан пялиться на нас, словно у меня нашли рак. И не только Алан, Полли и Сам смотрят точно также.

– Ты решил прийти на матч? – нервно улыбаюсь я, искоса бросая взгляды на Алан, который застыл с открытым ртом.

Да, лучший друг, ты точно не знаешь Грейс, которая по прилёту в Америку, поцеловалась и чуть ли не переспала с парнем из братства на вечеринке; сходила на свидание с другим, лишь бы отвлечься от назойливых мыслей о тренере, с которым уже дважды переспала, при чём на первом же свидании с тобой; кроме того, в принципе готова целовать землю под ногами Фуэнтеса. Привет, я – Грейс, и я – дрянь.

– Да, ты же говорила, что я должен посетить хотя бы один матч, извини, что не с тобой, но надеюсь следующий будет твоим, – тепло улыбается Алек, смотря на меня бездонными голубыми глазами, в то время как Алан скорей всего даже не дышит, ибо ладонь Алека нежно касается моей поясницы.

Пожалуйста, пусть я буду заказным убийством, которое должны произвести прямо сейчас.

– Гри? – хрипло заговорил Алан, ошарашено метая взгляд между мной, Алеком и его рукой.

– Боже мой, – вздохнула я, – простите, парни… я… Господи, я – идиотка.

– Всё в порядке, Грейс, – улыбается Алек.

– Алан, это Алек, – собравшись с силами, улыбнулась я, – он мой… эм…

– Хороший друг, – ответил за меня Алек, на что я удивлённо посмотрела на парня.

– Хороший друг? – вслед на Алеком, повторил Алан, переглядываясь между Алеком и мной.

– Мы действительно хорошие друзья, не подумай, – дополнил Алек, и я всё поняла. Мы молча расставили приоритеты и утончили отношения, которые не перетекут во что-то большее. И я рада, что всё произошло вот так легко и непринуждённо.

– Приятно познакомиться, – наконец-то улыбнулся мой лучший друг, пожав ладонь Алека, который ответил ему взаимностью.

С души словно сняли огромный груз, который вёл меня к верной смерти. Если сейчас подойдёт Диего и всё пройдёт также гладко, я рассеку головой первую попавшуюся стену от радости. Хотя, на что я надеюсь? Чтобы он подошёл и сказал: *«Привет, парни, я – Диего, и я тот, кто трахает вашу хорошую подругу, и по стечению обстоятельств ещё тренирую её. Приятно познакомиться»?* Просто чудесно. Это будет фиаско в виде комбо.

– А это Саманта, – указывая на подругу, говорю я, желая добавить, что рядом сучка—Бейкер, но представляю её лишь именем, – Полли.

Обе машут руками в знак приветствия. В это время Алан наконец-то выходит из транса, а Полли не перестаёт фыркать из-за его реакции.

– Когда вы успели познакомиться? – не сдерживая порыв допросов, смотрит на меня лучший друг, и солгать на этот раз точно не получится, потому что сейчас он видит меня насквозь.

– В кофейне, – с улыбкой, отвечает за меня Алек.

– Алек, – вздыхаю я, – прости, что вышло всё так по-дурацки. Это мой лучший друг, Алан.

– А ты неплохо устроилась, – засмеялся Алек, разбавляя ледяную атмосферу своим теплом и простотой, – хороший друг и лучший друг.

– Ты прав, двойное везение, – кивнула я, не сдерживая улыбку.

Алан, кажется, расслабился и наконец-то показал свою лучезарную улыбку, которую я так желала сейчас увидеть. Это значит, что всё хорошо, я буду жить без потерь.

Но это пока, – заскрипело внутренне «я», – *рано или поздно придётся открыть свои отношения.*

Сейчас я выбираю поздно, потому что сама не понимаю, какие отношения между нами. Если учитывать события последних часов, то в эту минуту я уже являюсь девушкой Диего, о которой знает только я и он. Плевать, даже если это так, я услышала желаемый вопрос и получила такую же желаемую должность в его жизни.

Для более непринуждённой атмосферы, я подхватила парочку парней под руки и потащила за собой на поле.

– Мы пришли на матч моего лучшего друга, если вы за-

были, поэтому хороший друг идёт занимать со мной место на трибуне, а лучший друг идёт на поле рвать задницы каких-то задротов.

– Рвать задницы? – засмеялся Алан, смотрятся меня с блеском в глазах.

– Именно рвать, потому что с целыми им отсюда не выйти. По крайней мере, у них ещё есть время сбегать за смазкой.

Парни в один голос рассмеялись, а я широко улыбнулась. Хоть что-то у меня получилось хорошо.

Я, Саманта и Полли ждали, пока начнётся игра, сидя на своих местах в окружении множества болельщиков. И я даже и подумать не могла, что на игру лакросса придут столько людей. Алек же отлучился от нас со своей компанией, которую встретил по пути.

– Я с трудом нашла вас, – выдохнула Мария упав на место рядом со мной, – привет всем.

Полли перевела взгляд с Алана, стоящего на поле, на Марию и тут же вернула обратно. Саманта даже не потрудилась сделать это, потому что с самым грустным лицом наблюдала за ней, готовясь зарыдать.

– У них депрессия? – шепнула мне Мария, завязывая шарф потуже.

– Как иначе, когда столько объектов лишения девственности стоят рядом, но всё равно в зоне недосягаемости, – ответила я, продолжая наблюдать за Сам и Полли. Что-то тут нечисто.

– А у тебя, я так понимаю, неразделенная любовь?

– С чего бы это? – *Диего что-то сказал ей о наших отношениях? И если да, то почему неразделённая?*

Мария тихо хихикнула.

– Ты смотришь на Саманту, как голодная львица на лань. О, прости, – в кармане её куртки зазвонил телефон, из-за чего она подскочила, – это Ром. Я сейчас.

Пока Мария отошла, чтобы ответить на звонок, я попыталась составить в голове картину происходящего с Самантой и Полли.

Саманта и Полли. Лучшие подруги, которые проводят друг с другом вместе каждый божий день. Насколько я знаю, они познакомились в Принстоне и теперь их дружба крепче кремня. Одна из них лесбиянка, которая ни разу не была замечена с девушками, а с мальчиками тем более. А другая влюблена в Алана, который не отвечает ей взаимностью. Я часто стала замечать взгляды Саманты, посланные Полли, но она, конечно, ничего не замечает.

Что за турецкий сериал, нахрен?

– Саманта, можно тебя на секундочку, – я наклоняюсь к её уху и шепчу так тихо, чтобы Цербер—Полли не услышала, иначе моему плану конец, ведь она не отпустит Сам со мной никуда.

Она с неохотой смотрит на меня, отрывая взгляд от Полли я вижу, что она ждёт хоть какой-то реакции от неё, но та не обращает внимание ни на кого, короче объекта своего воз-

дыхания. Вот и складывается дважды два.

Саманта всё-таки встаёт и отходит со мной в зону закусок.

– Ты что-то хотела? – без интереса спрашивает она, поглядывая в сторону кресла, на котором сидит Полли. Та даже не заметила нашего ухода.

– Не хочешь рассказать мне сама?

Сам хмурится.

– Не понимаю, о чём ты.

– Ложь. Ты всё понимаешь.

– Скажи прямо, или я ухожу, Грейс.

Была не была.

– Переживаешь за подругу, говоришь?

– Переживаю, – сквозь зубы шипит Саманта, понимая к чему я веду.

– Впустить другого человека в свою жизнь, значит? А не ты ли этот человек?

Саманта шумно выдыхает и закрывает на секунду глаза.

– Это так видно? – хнычет она, прикладывая ладонь ко лбу.

– Если честно, то я вообще не замечала этого, пока ты сама не навела меня на эту мысль.

– Грейс, ты не можешь сказать ей это. Я знаю, что я поступила неправильно, начав угрожать тебе, но… знала бы ты, как тяжело смотреть на любимого человека, пока он страдает из-за другого.

– Я не скажу ей ни о чём. Твой секрет взамен на мой.

– Договорились, – Сам улыбается, довольная итогом разговора.

– И давно ты испытываешь к ней …особые чувства?

– С самого начала. Я верю в любовь с первого взгляда, потому что это было именно оно.

– А, ну, ты уверена в том, что…

Её взгляд потупляется и устремляется в пол.

– Нет, я не уверена в том, что она сможет принять мои чувства и ответить взаимностью. Но я поддержу любой её выбор, кроме Алана. Не пойми неправильно, он классный друг, но он не её человек.

Ещё минут десять я спрашиваю её – она отвечает. Не знаю с чем связано то, что она предпочла не задавать вопросы мне, касающиеся Диего, но я даже рада.

Теперь все действия Саманты приобрели для меня новый смысл: она всегда выгораживала Полли, говорила мне о том, что она неплохая; она всегда была рядом с ней, когда она вела себя, как сучка; она рассказывала мне о ней только хорошее и с самой лучезарной улыбкой на лице.

Для меня странно всё это, в новинку, но я не испытываю ни малейшего отвращения. Это её жизнь и её выбор.

Весь матч мы сидели в напряжении, потому что самые настоящие амбалы вышли на поле играть против наших парней. Сказать честно, я не на шутку испугалась за Алана, но всё было не так плохо, как я думала, пока в последние пять минут, которые стали решающими, самый большой против-

ник не решил зажать Оливера. Но наш шут просто так не сдался и старался выбежать из этой ловушки.

– Что он делает? – нервно бормочет себе под нос Мария, дёргая за кончик шарфа.

– Кого конкретно ты имеешь в виду? Тот пацан в теле здорового мужика пытается надрать Оли задницу, а Оливер пытается спасти свою задницу.

– Не смешно. Он же больше его в два раза, если не в три.

– Точно такой же танк только без члена сшиб меня с ног во время моего матча, помнишь?

Мария быстро моргает. У меня появляется ощущение, что она начинает задыхаться, когда Оливера в прямом смысле прижали.

– Он же убьёт его! – визжит она, подскакивая.

– Ему будет полезно, все равно мозгов нет, – говорит Полли.

– Закрой. Свой. Гнилой. Рот.

В эту же секунду тот парень, что прижимал Оливера, толкает его так сильно, что Оливер ударяется об столб со счетом игры и топориком падает на землю. Мария вскакивает и бежит на поле, а я, понятия не имею почему, бегу следом за ней. Большой парень оборачивается в её сторону, пока судьи ещё бегут, а она уже стоит перед его носом. Мерзкая ухмылка расцветает на его лице, но кулак Марии тут же стирает её, впечатываясь ему в челюсть.

– Грейс, Мария, что вы на хрен творите!? – орет на нас

Алан, который только что подбежал к нам вместе с другими парнями. Мария вновь замахивается, но её удерживают другие парни из команды противника, в то время её оппонента держат также.

– Я разберусь с этим, помоги Оливеру.

– Знай, я убью тебя. Сегодня же! – снова вопит он, но закидывает Оливера на плечо и кое-как несёт к появившимся носилкам врачей.

Десятки людей выбежали на поле так же, как и мы. Полный хаос, творящийся здесь, наводил меня на мысль о том, что нас здесь затопчут. Но Марии было плевать на всё; её держали парни из нашей команды, пока она свирепо смотрела на большого парня, придумывая тысячу идей того, как она убьёт его. Появившийся только что Диего приказал парням покинуть стадион, что они и сделали под пристальным взглядом Марии. Я видела, как она дернулась, как только её отпустили; она хотела вновь врезать тому парню, что опрокинул Оливера, но Диего резко схватил её за руку, притягивая к себе, чтобы она посмотрела на него. Кажется, на меня никто не обращал никакого внимания.

– Какого хрена ты вылетела на поле? – заорал на неё Диего. На её месте я бы вжалась в землю, но она с вызовом вздернула подбородок, оскалив зубы.

– Тот парень не имел права бить его.

– Тот парень игрок, как и Оливер, Мария. Ты, Блядь, рехнулась?

Терпение обоих было на исходе, но, похоже, никто не собирался сдаваться.

– О, я рехнулась? Это я ещё и рехнулась? Парень из твоей команды пострадал, а ты в это время трахал какую-то шлюху!

От её слов я непроизвольно дернулась. *Он ведь не мог, верно?*

Глаза Диего метнулись в мою сторону. Жалость – всё, что я увидела в них. Но эта жалость не обращена ко мне, что особенно странно.

– Пожалуйста, успокойся. Я понятия не имею, о чём ты говоришь. Я сидел всё это время с другим тренером и ректором в вип-зоне. Мы обсуждали организационный момент, ни будь сумасшедшей.

– Какое верно подобранное слово – сумасшедшая! – она хотела сказать что-то ещё, но Диего резко закрыл её рот ладонью.

– Грейс, ты можешь оставить нас одних? – взмолил Диего.

Ошарашенная всем, что здесь происходит, я еле кивнула и сделала шаг назад.

В этот же момент Мария вырвалась из рук Диего.

– Выгоняешь её? Как глупо! Не хочешь, чтобы она знала то, что знаю я? Или ты не хочешь стыдиться меня, если она узнаёт и другую правду? – улыбка на её лице была сравнима с улыбкой Джокера. Нервный смех, растрёпанные волосы, потекшая тушь.

Диего в растерянности посмотрел на меня, и, клянусь, я впервые видела такое отчаяние в его глазах.

– Mary, cállate. Por favor vamos a casa.

Ее сумасшедший смех отдавался по всему стадиону.

– No quieres que ella sepa tus secretos de tu hermana enferma, querido hermano.

Диего подбежал к ней и рывком закинул её себе на спину, но в это раз она не пыталась вырваться. Она просто смеялась… или плакала.

– Мне жаль, – одними губами сказал Диего и выбежал со стадиона вместе с Марией на его спине.

Со жгучим непониманием я смотрела в одну точку, где ещё недавно стояла эта странная парочка. Впервые они заговорили при мне на испанском, но от этого только хуже, потому что они использовали незнакомый мне язык, чтобы поговорить. О чём-то сверхличном. И вроде бы ладно, но мне становится с каждой секундой все неприятнее, а в груди скребут кошки. Что-то подсказывает, что их разговор был скрыт от меня с той целью, чтобы я никогда не узнала об этом. А это значит что? А это значит, что у Диего тайны гораздо страшнее моих.

Я и не заметила, как рядом со мной возник Харрис и не один, а со Скарлет. Женщина тут же улыбнулась мне, когда я наконец обратила на них внимание. Она протянула мне свою ладонь и потянулась за моей, но я сделала это раньше, скрепив руки рукопожатием. Нежная кожа не давала ни единого

намёка на то, что женщине за пятьдесят.

– Рада видеть тебя здесь, Грейс. Если честно, то я думала, что вообще не увижу тебя.

– Почему нет?

– Ты выглядишь такой женственной, блестящей, что при виде тебя складывается ощущение свечения. Поэтому я решила, что ты увлекаешься лишь рисованием и иногда обходишься футболом. Прости меня, если это задело тебя.

Я отмахнулась. Я никогда не стану обижаться на эту женщину, даже если она скажет, что американский футбол – это самое настоящее дерьмо. Это её мнение, и пусть оно будет.

– Я уже рассказал Скарлет про твои успехи в спорте, – гордо сказал Этан, поглаживаю спину своей жены.

– Да—да, и я по-настоящему горжусь тобой! Совмещать творчество, спорт, друзей и.. у тебя же есть личная жизнь? Парень, например.

– Или девушка?

В шоке уставившись на эту парочку, я не понимала, какое это имеет значение.

– Я влюблена. В парня, – последнее я говорю именно Этану, и он облегченно вздыхает.

– Это потрясающе! Чувства в таком молодом возрасте самые горячие, вот у нас с Этаном…

– Скарлет, не стоит.

– Почему нет? – удивленно смотрит она на Этана, когда тот покрывается румянцем.

– Это лишняя информация. Тем более ты хотела пригласить Грейс кое-куда.

– Да, и куда же? – встреваю я.

Скарлет лучезарно улыбается.

– Мы хотим пригласить тебя на ужин сегодня вечером в наш дом.

– Боюсь, это невозможно. Мой лучший друг участвовал в матче, и его команда проиграла. Думаю, я должна поддержать его и провести сегодняшний вечер с ним.

– Алан? Этот друг – Алан, верно? – спрашивает Харрис. Я киваю.

– Это не проблема. Приглашаю вас двоих. Мы как раз можем поехать вместе, ты же не против?

– Я-то нет, но мне нужно спросить у него. Секундочку.

– Конечно, спрашивай.

Я отхожу от них на приличное расстояние и звоню Алану, но он сбрасывает и просит написать сообщение.

«Ты сейчас очень занят?»

«Нет, но трубку взять не смогу. Мы сидим и ждём врача, пока он скажет нам вердикт»

«Как там Оливер?»

«Вроде обошлись без сотрясения, но ногу он точно сломал»

«Что? Как?»

«Говорит, когда падал, сделал резкое движение и рухнул на ногу»

«Бедняга. Передавай меня мои соболезнования»

«У тебя что-то случилось? Ты звонила»

«Да. Ректор и его жена приглашают меня на ужин вместе с тобой. Ты за или против?»

«Жена Харриса? Эта та Скарлет?»

«Да, ну так что?»

«Сейчас спрошу у Оли, согласен ли он опустить меня»

«Зачем спрашивать у него?»

«Кто же знал, что он не любит больницы. Он заставляет сидеть меня с ним до самого конца»

«Там же есть ещё парни из команды кроме тебя»

«Он хочет, чтобы нас было много. Он клеится к какой-то медсестричке, рассказывая ей о том, что он звезда лакросса, а мы его фанаты. Так он вроде забывает о страхе больниц»

«Боже. Это же Оливер, как я могла не догадаться»

«Он дал добро, и я уже бегу к тебе. Напиши марку и номер машины. Я найду вас на парковке»

«Откуда ты знаешь, что они отвезут нас?»

«Это не Лондон. Здесь так принято подвозить всех. Так как с автобусами проблемы, а машины есть у всех»

Вернувшись к Скарлет и Этану я объявляю наше решение и смотрю, как радость настигает обоих.

Алан чуть улыбается, когда смотрит на меня и замечает встревоженное лицо. На самом деле, мне не так страшно, насколько волнующе. В первый раз, когда мне довелось уви-

деть семью Харриса в полном составе, ну или не в полном, потому что я не видела их ребёнка, они вели себя до ужаса странно. Так что мне просто нужно, чтобы Алан подтвердил это, и я не считала себя жгучей шизофреничкой. В конце концов я никогда не была замечена за этим.

– Расслабься, это же просто ужин, – шепчет Алан, наклонившись ко мне. Он поглаживает мою руку и роняет голову мне на макушку. Его поддержка помогает мне, как и всегда, и я расслабляют плечи, впитывая в себя родной запах Алана.

– Я знаю, что это просто ужин, но меня все же что-то тревожит, – ещё тише, чем он, шепчу я и надеюсь на то, что нас с ним не слышно из-за музыки Харриса. Кстати, никогда мы не подумала, что Харрис слушает Ариану, хотя, я все ещё в сомнении, и предполагаю, что его заставила Скарлет.

Алан тихо смеётся, и вибрации отдают в мою голову, из-за чего я дёргаюсь.

– Прости, – извиняюще стонет он, – ты подалась в гадалки? Или это просто плохое предчувствие?

– Очень смешно, – обиженно бурчу, ударив его по коленке, – я не думаю, что это плохое предчувствие. Скорее, мне кажется, что что-то произойдёт.

– И что это? Типа… ты узнаешь что-то важное?

Я пожимаю плечами, не в силах найти ответа.

– Не знаю, может и так. У тебя бывает такое?

– Перед игрой мне всегда кажется, что пойдёт что-то не так. Это считается?

– Наверное, да. Вот у меня сейчас такое же предчувствие. Так что если что, я подам тебе сигнал, и ты должен любой ценой вытащить нас из логова Сатаны.

Он снова хохочет, но в этот раз приподымает голову.

– Логово Сатаны? Послушай, королева драмы, значит Харрис, по твоему мнению, сам Сатана?

– Да, – с чувством отвечаю я, вспоминая сегодняшнее утро, – с утра он уволил несчётную Эйвери за то, что закончился дурацкий кофе.

– Кто такая Эйвери?

– Секретарша Харриса. Ты бы слышал, как он орал на неё.

– Брось, может у него было плохое утро? – предполагает он, но в свою защиту и защиту Эйвери я практически кричу.

– Неправда, если рассуждать, у него всегда плохое настроение, как у блядской Полли.

Музыка выключается, и три пары глаз устремляются в мою сторону.

О-ф-и-г-е-н-н-о.

Скарлет хлопает глазами, и я не сомневаюсь в том, что она знает о ком я говорила. Алан с укором смотрит на меня, прищурив глаза. Если он сейчас начнёт защищать Полли, я сломаю ему руку, клянусь. А Харрис… он просто улыбается. Больной придурок.

– Вот мы и приехали, – довольно растягивает он и вылезает из машины.

Скарлет не спешит за мужем, продолжая в открытую пя-

литься на меня.

– Он не такой угрюмый, как ты думаешь.

– Извините, – одновременно говорим мы.

Глаза Алана лезут на лоб, и я слышу, как его неровное дыхание с каждой секундой становится более неровным.

– Пойдёмте, – Скарлет вылезает из машины, и в этот момент Алан начинает верещать.

– Ты, Блядь, просто охренеешь!

– Эй, я поступила некрасиво, назвав её блядской Полли, но это не повод кричать на меня, – недовольно бурчу я.

Он отмахивается.

– Да я не об этом, глупая. Я просто… невозможно.

– О чём ты? – недоумеваю я.

– Я только сейчас заметил, насколько вы похожи. Вы как две капли воды, Грейс.

– Мы не похожи, – возражаю я. Что за бред он надумал?

Алан вздыхает.

– Ты говорила, что она художница? – киваю, – Вот! Первый показатель.

– В мире пиздец как много художников, и что, каждый теперь мой родственник?

– Не будь букой, вы даже выглядите одинаково.

– Ты говорил, что я похожа на маму, – насмехаюсь я, склонив голову набок, – в следующем месяце я буду похожа на Обаму?

Но Алан продолжает, игнорируя меня.

– Ты, Джорджия и Скарлет – будто сёстры. Только у них одинаковый цвет глаз. Это просто охренеть. Ты уверена, что у тебя нет ещё одной сёстры? – когда он продолжает вопить, я открываю машину и выбегаю. Ну нахрен этого умалишенного, а особенно, когда он вспомнил человека, которого я всеми силами стараюсь забыть – свою старшую сестру.

– Не говори ни слова, – рычу на него я, когда он равняется со мной и заходит в дом.

– Молчу—молчу, но ты просто приглядись.

Я давно заметила сходство между мной и Скарлет внешне, и между мной и Харрисом в характере. Но это все кажется мне нелепой случайностью, поэтому мы просто идём проводить время за столом, разговаривая обо всём на свете в этой уютной обстановке.

Скарлет накрывала стол на кухне, пока мы втроём сидели на диване в гостиной.

– Как давно вы знаете друг друга? – вдруг спросил Харрис.

Алан улыбнулся мне, перенимая обязанность рассказчика.

– Всю жизнь. Наши мамы познакомились на занятиях дородовой йоги. Их связывали также жуткие боли, поэтому во время занятий они часто сидели, пока остальные занимались. Это их и подействовало на их сплочённость. В общем, они решили, что их дети станут лучшими друзьями, но до четырёх лет Грейс жила у бабушки с дедушкой, потому что родителям было… хм, можно говорить это? – спросил он у

меня разрешение. Я кивнула, – им было не до неё.

– Бабушке и дедушке было не до меня также, но они не могли меня вернуть обратно, потому что отец платил им за то, чтобы они нянчились со мной.

– Платил? Что за хрень! Твой отец ублюдок, я всегда знал. А его родители то ещё дерьмо, – Этан мгновенно озверел, краснее от злости больше и больше.

В то время как я уставилась на него с большими глазами.

– Вы знаете моего отца?

– Эм, – он нервно улыбнулся, – ну, да. Не лично, конечно, откуда я могу знать его лично, но… в общем да.

Ничего не понятно, но очень интересно.

– Так значит вы, ребята, лучшие друзья? В школе вы учились вместе?

– Первое время, пока отец Грейс не перевёл ее на домашнее обучение, мы учились вместе.

– Твой отец настоящий мерзавец, Грейс. Извини меня за это, но это самая настоящая правда.

– О, я знаю это. Вы не удивили меня.

– А как поживает твоя сестра, Грейс? – спросила появившаяся Скарлет.

Сегодня все решили вспомнить эту суку? Что за нахрен.

– Не смотри так на меня, это не я рассказал. Я вообще впервые вижу Скарлет, – Алан поднял обе руки вверх.

– Это я рассказал ей, – сказал Этан.

– Только не сердись на него, – мягко попросила Скарлет, –

это я попросила рассказать его о тебе.

– Откуда вы вообще знаете, что у меня есть сестра?

– Я читал твоё досье, – без стеснения признался Харрис. *Ну конечно, любопытный извращенец.*

– Так как она поживает? – вновь спросила Скарлет.

Алан рядом замешкался.

– Для Грейс это больная тема.

– Спасибо, Алан, – я с благодарностью прошлась взглядом по лицу друга, заслужив застенчивую улыбку.

– Я отвечу. Я не знаю то, как она поживает, но надеюсь, что плохо.

– Почему?

Искреннее непонимание Этана и Скарлет терзало меня.

– Потому что… мы не общаемся. И я не хочу даже знать её.

Они хотели спросить ещё что-то, но всё-таки оставили эту тему закрытой.

Ужин прошёл весьма странно, но мне почему-то понравилось, даже некоторые нелепые ситуации, которые до сих пор приводят в смятение, я мысленно сглаживаю. В какой-то степени я даже почувствовала себя в кругу семьи, что довольно дико, учитывая то, что я на дух не переношу ректора, его излишнюю заботу и попечение надо собой. Возможно, что я вру себе, таким образом, пытаясь зашить дыру в собственном сердце из-за того, что сама не имею нормальной семьи. Презрение и отвращение к ректору, помогает сбавить толь-

ко Скарлет. Наверно, он должен быть ей благодарен, потому что я давно могла запустить нож в его лоб из-за излишнего любопытства к собственной жизни. К счастью или сожалению, этот вечер наконец-то завершён, и я благодарна Алану, как в принципе и всегда, потому что именно он помог мне держать раздражение в себе.

Шагая вдоль протянутого коридора, заполненного рамками с фотографиями, которые я хотела рассмотреть ещё по приходу в этот дом, но Скарлет вежливо и быстро протащила нас внутрь, не дав взглянуть и глазом. Сейчас я наконец-то могла идти спокойны шагом, позволяя взгляду зацепить хоть какие-то отрывки: молодые Скарлет и Этан; различные детские снимки с маленькой девочкой, которая постепенно росла;; молодая девушка с белокурыми локонами с шапочкой выпускника, следующая точно такая же, но уже с присутствием мистера Харриса и Скарлет; та самая фотография, как и та, что в кабинете ректора; и последняя, та, что заставила ноги прирасти к полу и застыть, задержав дыхание. Сейчас я сложила дважды два, переведя взгляд на Скарлет, которая была ещё мрачнее меня, хлопая хрустальными глазами, из которых вот-вот могли хлынуть слёзы.

Глава 20

Зла ли я? Я не просто зла, я хочу стереть с лица Земли всё живое вместе с этой планетой в целом. Я ненавижу свою жизнь, которая полна тайн, лжи, лицемерия и фальши. Я не собиралась бросаться в объятия своих, как оказалось, бабушки и дедушки, потому что на той проклятой фотографии были мои родители вместе с четой Харриса. Я не настолько тупая, чтобы не понять элементарного, у меня лишь один вопрос: кого держат Скарлет и Харрис на фотографии, которая есть в их доме и кабинете ректора. Уверена, это не их ребёнок, это я или Иви, будь она тоже проклята, потому что никогда не рассказывала мне про них. Я ненавижу сейчас абсолютно всех, по этой причине вылетела из дома Харриса, как молния среди пушистых облаков. Окрикивание Скарлет и ректора помогали моим ногам лишь ускоряться, а бегаю я очень быстро, но есть один человек, который является мне ровней или даже лучше – Алан, рука которого ухватила моё плечо и остановила настолько резко, что я повалилась на асфальт, содрав колготки, а вместе с этим и кожу на голени, из-за чего поток слёз хлынул на волю водопадом.

– Чёрт, Гри, я не хотел, – глубоко дышал Алан, включив фонарик на телефоне, который показывал содранную область, смешавшуюся с кровью, – сильно больно?

– Мне плевать на эту царапину, – резко гаркнула я, Алан

вскинул голову, посмотрев мне в глаза, из-за чего ярость смешалась со стыдом, – Алан… про…

– Не извиняйся, Грейс, – оборвал меня лучший друг, – я не обижаюсь, я тоже зол. Твои родители самые настоящие уроды.

– Они хуже, – завопила я, обливаясь слезами.

Алан не растерялся, он быстро вызвал такси, которое подъехало уже через пять минут, куда меня усадили, словно раненого лебедя, каким я не являюсь и доставили до кампуса. Лучший друг всегда был излишне заботливым, поэтому уже в комнате он обработал рану всеми возможными дезинфицирующими растворами, которые нашёл в комнате, чем даже удивил. Алан словно живая аптека, ибо в его мини сундуке оказалась целая Нарния с лекарствами. Аккуратно касаясь места жгущей кожу ватой, он дополнительно дул на рану, чтобы смягчить боль. Стыд внутри лишь укрепил собственные силы, потому что я хотела заботы только одного человека – Диего, которого сейчас не было рядом. Я буквально сходила с ума из-за ярости и раздражения внутри, которые уже были не из-за новоиспеченных родственников, а из-за того, что я желала укрыться в объятиях Диего.

С каждым часом удерживать эту ярость было тяжелее и тяжелее, потому что Алан не отходил от меня и на дюйм, словно я младенец, которого оставлять одного означает только то, что он свернёт себе шею при первом шаге. До тех пор, пока я не притворилась спящей и не получила слабый по-

целуй в висок, Алан не ушёл. Знаю, мои поступки как у самой настоящей суки, но сердцем я желаю быть рядом с мужчиной, который заставляет задыхаться при каждом удобном случае.

Мне было плевать, что я бежала совершенно одна среди ночной тьмы к желанной цели. Меня уже ничего не пугает, даже если из-за угла вылетит фура и переедет мои кости. Желание оказаться рядом с Диего намного сильней страха перед безлюдностью на улицу.

Усиленно застучав кулаками по входной двери, я могла поднять на уши весь дом, даже мертвых, но и на это мне было совершенно плевать. Я хочу к своему мужчине, и меня никто не способен остановить. И когда объект моего желания появился на пороге с голым торсом и серых шортах, я ринулась в его объятия, заключив талию в кольцо из своих рук.

– Какого чёрта!? – хрипло выругался Диего, опешив от моих действий.

Слёзы вновь рекой начали заливать щёки, пока я крутила головой у его груди.

– Грейс, я спрашиваю какого чёрта ты прибежала сюда по ночи? – рявкнул Диего.

– Я не прибежала, – хмыкнула я.

– Твоя дыхалка и сердце сейчас слышно за милю, не говори мне, что ты приехала на такси.

Не став оспаривать его слова, я молча кивнула, подняв голову и заглянув в темно-карие глаза, которые метали искры

ярости, а лицо всем видом показывало недовольство и раздражение, которое лишь помогло моему гневу выйти наружу.

– Ты должен радоваться, что я прибежала именно к тебе! – фыркнула я, отпрянув от его тёплого и манящего тела.

– Что? – сведя брови, Диего был готов поджарить меня на том самом месте, где я сейчас стояла, смотря на него с лютой злостью, – повтори.

– Да пожалуйста! Ты должен радоваться, что я прибежала именно к тебе! – отчеканила я пожалев о своих словах.

В эту же секунду входная дверь резко захлопнулась за моей спиной с сильным грохотом не без помощи Диего, который схватив меня за руку как нашкодившего ребёнка, потащил вдоль коридора к спальне. *Не трудно догадаться для чего.* В следующую секунду моя задница приземлилась на кровать, а его руки опёрлись по обе стороны бёдер. Приблизившись, горячее дыхание Диего ударило в лицо, из-за чего я не удержала порыв, заключив его лицо в свои ладони, притянув в поцелуе.

Я ошибалась.

Диего тут же скинул мои руки и отодвинулся, но всё ещё продолжал держать меня в капкане.

– Какого. Хрена. Ты. Несёшь.

– Что слышал! – фыркнула я.

– Что случилось, Грейс? – выдохнул он, приходя в уравновешенное состояние, определённо удивляя тем, что решил поговорить, а не заняться сексом при таком накале страстей.

Молча смотря на мужчину перед собой, я пыталась выдавить рвущиеся наружу слова, но они будто застревали по пути. Круча головой в разные стороны, словно в сумасшедшем припадке, я вновь начинала заливаться слезами. Вздохнув, Диего снял с меня одежду и потянул за собой в кровать, где укрыл одеялом и обнял со спины, предварительно щёлкнув выключателем, погрузив комнату в темноту. В эту же секунду из меня вырвался поток слов:

– Я никогда не знала бабушку и дедушку по маминой линии, их никогда не было рядом, но в тот же момент я словно чувствовала их какое-то незримое присутствие. Сегодня я была на ужине у ректора Харриса и его жены Скарлет вместе с Аланом…

– С Аланом? – захрипел Диего, сжав моё бедро.

– Да, с Аланом, он – мой лучший друг! И там я увидела… увидела… – задыхалась я.

– Что ты там увидела, Грейс?

– Фотографию, где мои родители стоят рядом со Скарлет и Харрисом. В руках у Скарлет свёрток с ребёнком. Это мои бабушка и дедушка…

– Ректор? – нахмурился Диего, на что я кивнула, – ты уверена?

– Да! Скарлет, мама и я – это один и тот же человек, у нас одинаковое практически всё! Она художница… Харрис уже познакомил нас на выставке. Тогда всё было очень странно, потому что она отреагировала на меня так, словно я какое-то

приведение, а она просто оказалась моей бабушкой! Я ненавижу его, он молчал почти полгода! Я считала его старым извращенцем!

– Грейс, – вздохнул Диего, – прекрати злиться на него, у него могли быть свои причины для молчания.

– Ты не понимаешь! – завопила от ярости я, – у тебя есть Ром и Мария, а у меня был и есть только Алан! Он – моя семья и друзья! Он заменяет всех! У меня могли быть бабушка и дедушка, которые в отличие от родителей могли интересоваться мной не только на ничтожных мероприятиях, где нужно строить идеальность, а потому что я их внучка!

– И на что ты злишься тогда? Они появились сейчас, ты решила оттолкнуть их?

– Я.. ты… они… Я разозлилась на них, потому что они молчали!

– Грейс, мы не всегда получаем то, что хотим. Если их не было рядом, то это либо их выбор, либо для этого были причины. Для того, чтобы узнать, нужно взять и поговорить, а ты, я так понимаю, послала их нахрен и убежала среди ночи в свойственной тебе манере.

– Это было в девять часов вечера!

– Где ты была последующие шесть часов? И что с твоей ногой?

– Алана не уходил от меня. Я упала, когда бежала.

– У тебя есть самая тупая черта, которая бесит меня больше всего: ты делаешь поспешные выводы, которые приводят

к ошибке, о которой ты сожалеешь, потому что всё придумала себе сама, а на деле оказалось по-другому.

– Я ничего не придумала! – возразила я, – они тоже бросили меня!

– Кто ещё тебя бросил?

Иви. Арчер. Саванна. Энтони. Вильям. Кортни, – тут же начался бесконечный список имён внутренней боли, к которым добавились новые: *Этан и Скарлет.*

– Я не хочу об этом говорить.

Диего наверняка закатил глаза, судя по протяжному выдоху.

– Просто не делай преждевременных выводов, Грейс.

– И всё? – фыркнула я, поворачиваясь к нему лицом.

– А что ещё я должен сказать?

– Хм—м, – в театральном жесте и угасающей ярости, протянула я, – секс?

– Я хочу спать, и ты не в том настроении.

– Диего! – возмущённо процедила я.

– Я сплю, – усмехнулся Диего, закрыв глаза.

– Ну и спи, поразвлекаюсь в ванной!

– Ты никуда не пойдёшь, ложись спать, Грейс, – засмеялся Диего.

– Ты не можешь говорить, ты же спишь!

– В таком случае, я разговариваю во сне.

– Очень смешно, Фуэнтес. Ха—ха. Сейчас намочу кровать.

– Ради Бога, тебе же спать на этой стороне.

– Фуэнтес!

– Его нет, он спит, – пропищал Диего детским голосом, из-за чего я всё же прыснула от смеха и крепко обняв его талию, уткнулась в грудь, закрыв глаза.

Я благодарна эмоциональности, которая помогла доверить что-то Диего, надеюсь, что он тоже сделает взаимный шаг, впустив меня в свою голову.

Проснуться в субботу без запаха перегара, без головных болей и без недосыпа, – что может быть лучше? То, что я проснулась в объятиях Диего. Наши ноги и руки успели сплестись, и теперь я должна распутать узлы, дабы приготовить завтрак, который обычно делал он. Не то, чтобы с моей стороны была лень или не умение готовить, я умею, но Диего встаёт раньше, даже если ляжет позже, поэтому, когда я покидала спальню, то сразу встречалась с божественными ароматами.

Скажите мне, что может быть сексуальные голого Диего? Слишком легко: Диего в домашних серых шортах у плиты. Это как огонь и вода, на которые можно смотреть вечно.

Выбравшись из сладких объятий, я натянула футболку и проскакала к двери, за которую выплыла тише мыши. Сегодня нашим поваром хочу быть я, даже несмотря на то, что мне пришлось поставить будильник, дабы встать в семь утра субботы.

Продукты быстро заполнили столешницу, а на сковородке

заскворчал бекон, как и овощи на гриле. Через пятнадцать минут, на столе расположилась парочка тарелок, которые наполнились завтраком. Внутри меня ликовали все чувства, потому что я смогла сделать приятное для Диего не только в кровати, а вот такую мелочь. Пока за спиной тихо бубнил телевизор, я наполнила кружки ароматным кофе и развернулась, чтобы поставить своё последнее произведение к завтраку, но наткнулась на мужчину в дверном проёме, который наблюдал за мной с лёгкой улыбкой на губах, закинув руку за голову и опираясь на неё же в дверном косяке.

– Сегодня красный день календаря? – засмеялся Диего, в несколько шагов минуя расстояние между нами и заключив в руки мою талию.

– Нет, – поставив кружки на стол, я положила ладони на идеальную грудь и улыбнулась, – но я давно хотела это сделать.

– Завтрак? – выгнув бровь, продолжал посмеиваться Диего.

– Да, обычно ты не оставляешь мне даже одного шанса, – в притворной обиде, надула губы я.

– Не правда, Грейс, я ещё пять или десять минут лежу в кровати, притворяясь спящим, пока ты досматриваешь сотый сон.

– Значит, ты должен притворяться подольше, иначе мне приходится ставить будильник.

– Ты поставила будильник, чтобы встать раньше меня? –

вновь рассмеялся Диего, откинув голову назад.

– Очень смешно, Фуэнтес. Это был первый и последний раз.

– Посмотрим. Если этот завтрак вкусней моего, то я готов притворяться хоть до обеда.

Приняв позицию Диего, я оставила быстрый поцелуй на предплечье восхитительного мужчины, и прыгнула на стул, подхватив вилку, зубцы которой тут же скрылись в тарелке с клубничным джемом. Блинчиков сегодня не было, но я могла уплетать приготовленный миссис Фуэнтес джем без всего. Просто дайте мне самую большую ложку, и я очищу баночку за несколько минут. Моя мама никогда не делала что-то сама, для этого у неё есть целая армия: повара, официанты, дворецкие, горничные, словно я проживала в отеле, а не в доме. Только благодаря миссис Фуэнтес я поняла, насколько домашние заготовки вкусней тех, что занимают полки магазинов.

Как только глаза нашли Диего, который занимал стул напротив, губы растянулись в улыбке, потому что ел он довольно быстро и с неподдельным аппетитом.

– Спасибо за похвалу, – хихикнула я.

– Я ещё не хвалил тебя, Грейси, – ответно усмехнулся Диего.

От упоминания подобного ласкательного, моё лицо вмиг помрачнело, но я тут же встряхнула головой, чтобы вправить собственные мозги.

Это же Диего, Грейс, успокойся, этот мужчина твой и не лги себе, что тебе не нравится то, что он называет тебя ласково, даже если так, – забубнила ненависть.

– А я и не требую слов, мне достаточно видеть.

– И что ты видишь? – тихо рассмеялся Диего, вытирая уголки губ салфеткой.

– Вижу, что за пару минут ты успел взять добавку и справиться с двумя тарелками в один приход.

– Не припомню, – покачав головой, продолжал посмеиваться он.

Закатив глаза, я подхватила грязные тарелки и поставила их в раковину, где начала смывать остатки пищи. С одной стороны, обидно, что Диего не хочет признавать моё превосходство, а с другой – смешно. Этот взрослый мужчина, словно мальчик не желает поддаваться или давать слабину. Я и сама в шоке от того, что всё получилось вкусно.

Я не посещала кулинарные курсы, не готовила сама и мама никогда не рассказывала секреты кулинарии. Единственным, кто дал мне знания – Эмилия. Это женщина, которая управляла кухней в родительском доме. Ещё в детстве, я тайно прибегала к ней, чтобы занять место на столешнице и просто наблюдать за совершаемыми действиями. Эмилия позволяла приходить, хотя периодически меня ловили родители и тогда мы получали обе, но она никогда не выставляла меня за дверь и никогда не обижалась. Эмилия – это второй человек в доме, который относился ко мне с теплом и забо-

той. Первым, конечно, всегда будет Джошуа, от которого в последнее время ни слуху, ни духу, из-за чего я начинаю беспокоиться. Его не могут уволить, но мои родители настолько омерзительны, что от них вполне ожидаема подобная дрянная выходка.

– Чем будем заниматься? – шепнул Диего у моего уха, заключив талию в замок ладоней.

– В моих планах обижаться, – сообщила я.

– Грейс, я пошутил. Завтрак был очень вкусным. Спасибо.

– Я подумаю.

– Над чем? – тихо засмеялся Диего, щекоча щетиной моё плечо и шею, из-за чего я выкручивалась и не сдерживала глупые хихиканья.

– Над твоим прощением.

– Ты уже простила меня, Грейси, – шепнул он, оставляя несколько поцелуев на шее.

Как странно. В этот раз тело не передернуло от отвращения. Наоборот. Такое ласкательное звучало приятно и убаюкивающе, помогая телу и сознанию расслабиться и поддаться власти Диего, поцелуи которого начинали сводить с ума и переминаться с ноги на ногу. Окончательно я выдала себя тогда, когда закрыла глаза и откинула голову к потолку, еле удерживая тарелку под струёй воды.

Обида? Разве я на него злилась или обижалась? Сейчас я этого совсем не припомню. Я вообще не могу мыслить трезво в его присутствии, а говорить о здравом рассудке, пока

по шее и плечам ползут поцелуи – вовсе не стоит. Диего легко всё понял, когда тарелка с грохотом вывалилась из рук. Шум воды резко прекратился, а моя пятая точка оказалась на столешнице.

– На обед будут булочки, – хмыкнула я.

– Какие к чёрту булочки и обед? – шепнул Диего у шеи, пока его ладони скользили под футболкой.

– Мои. Ты посадил меня на муку.

– Тогда я требую обед прямо сейчас, – рыкнул он, стащив меня со столешницы, развернув к себе спиной.

Никакого томительного ожидания или предварительных ласк – я не ожидала, ладонь Диего быстро прогулялась по внутренней стороне бедра, поджигая за собой дорожку пожара. Как только пальцы Диего нашли центр, я вовсе потеряла рассудок, громко впитав в лёгкие воздух и выгнув спину.

– Чёрт, Грейс, ты даже не представляешь, насколько в тебе хорошо даже пальцами, – прохрипел Диего, выводя узоры.

Сочетание грязных словечек и его рук, заставляют тело покрываться мурашками и танцевать под дудку Диего, словно я – змея, выпалывающая из мешка. Горячие губы, коснувшиеся шеи, помогли полному краху рассудка. Долгие прелюдия? Зачем? Ни я, ни Диего вообще не знаем подобного подхода. Страсть и желание делают своё дело за все предварительные ласки.

Когда тёплая рука подобралась под футболку, сжав грудь, а я внутренности наполнились Диего в прямом смысле этого

слова, я прикусила губу и закрыла глаза, получая заслуженное удовольствие. Ладони крепко вцепились в столешницу, когда локоны волос были накручены на кулак, а губы сплелись в поцелуе с мужчиной позади.

– Грейс, – зарычал Диего у моего уха, двигаясь с неутолимой скоростью, – если ты продолжишь издавать такие звуки, то я затрахаю тебя до смерти.

Губы растянулись в улыбке, а стоны и вздохи лишь увеличились в громкости и периодичности, из-за чего Диего издал рык, сжав мою талию мёртвой хваткой, которую вряд ли способен кто-то расцепить. Конечно, я сделала так специально, потому что с этим мужчиной – мне категорически мало всего. С какой бы силой и скоростью мы не упивались друг другом, мне всегда будет мало, как поехавшей нимфоманке.

С оставленным укусом на шее и плече, я вздрогнула и растворилась в полученном оргазме, через несколько минут ко мне присоединился Диего. Положив лоб на место укуса, и оставив легкий поцелуй на лопатке, пока тишина вокруг наполнялась нашим дыханием, постепенно приходящим в норму.

Смыв под тёплым душем муку и пот, я натянула на тело одежду и покрутилась перед зеркалом. Погода на улице уже давно намекает о приближении Рождества снежными хлопьями, кружившими по лёгкому ветру.

На смену платьям и туфлям, пришли джинсы, сапоги, тёплые куртки и шапки, которые скрывают тело, словно тебя хо-

тят отправить напрямую в космос, а не на улице в направлении супермаркета.

– Ты решила бросить меня после секса?

– Нам нужны продукты, – уведомила я мужчину, который выплыл из-застенки с полотенцем на бёдрах, уставившись на меня с непониманием.

– Обязательно это делать сейчас? – вздохнул Диего, смахивая остатки влаги с копны волос.

– Да, иначе я могу совершенно случайно скинуть с тебя полотенце и мы продолжим, – улыбнулась я, закусив нижнюю губу, потому что мысленно уже это сделала.

– И что тебе мешает?

– Мы останемся голодными, ты начнёшь выдыхаться, а подкрепиться будет нечем, в итоге всё придёт к тому, что ты станешь скорострелом или вообще пассивным.

– За что дерьмо, Грейс? Этой ночью ты успела как минимум пять раз прокричать моё имя.

– А говоришь так, будто пятьдесят, – хмыкнула я, тихо посмеиваясь над собственным разработанным планом вывести Диего из себя.

– Дай мне пять минут, – шепнул Диего, оставив укус на моей шее, – и зайди в аптеку, тебе понадобится какой-нибудь крем.

– Какой к чёрту крем?

– Для твоей задницы, и тот, что поможет зажить мозолям.

– Даже не думай об этом, Фуэнтес, я против таких извра-

щений.

– Попробуешь и живой с меня не слезешь, – усмехнулся он, выйдя из спальни.

– Вряд ли, – фыркнула я.

Я, конечно, вовсе не против экспериментов, чего-то погорячее и даже сделать это в общественном месте, но не дам в обиду собственную задницу.

Ты уже сделала это в общественном месте, – веселилось одно из скопленных внутри «я».

Дважды, – добавило ещё одно.

У меня никогда не было чего-то подобного. С Арчером всё ограничивалось кроватью, с некоторыми другими – тоже. И мне до безумия не хватало этой самой острой перчинки в виде подобного опыта. Диего стал первым мужчиной, который нагло взял меня за углом кафе и на столе в тренерской, что я с удовольствием поворотила бы снова, разбавив новыми местами. И это могло произойти на вечеринке за домом, но тогда я смогла взять желания под контроль. Сейчас улица – табу, потому что снимая перчатку, я хочу надеть её назад, добавив ещё парочку сверху.

– Ты идёшь? – заглянув в комнату, Диего застал меня на том же месте, где оставил несколько минут назад.

– Да.

Проследовав за самым сексуальным мужчиной, тело которого скрывала от меня куча одежды, я непроизвольно фыркнула. Причём сделала это на улице и в супермаркете, бро-

дя мимо холодильников с продуктами. Рядом с Диего, я становлюсь нимфоманкой, которая рада каждой открытой части его тела. Это же нормально? Я случайно не больна и это не симптомы зависимости?

Мысли и желания смешались в единую горстку, которая капает на мозги. Окинув взглядом мужчину перед собой, тело которого скрывала чёрная куртка и горнолыжные штаны, я снова фыркнула. Хренова ткань скрывает даже его задницу, разве нельзя было купить куртку покороче? Кто придумал укрывать такую ягодку от глаз?

Диего положил в корзину несколько банок, на которые я не соизволила обратить внимание, потому что перед глазами застыл образ этого мужчины нагишом, за что получила выгнутую под шапкой бровь на свои недовольные фырканья и хныканье. Идея остаться дома и стереть всё до мозолей, сейчас мне приходилась очень по душе.

– И что будет на обед? – начал Диего, пока я уже мысленно уселась задницей на какой-нибудь прилавок, а он расположился между моих ног.

Моя задница, я согласна на заднищу.

– Не знаю, – хмыкнула я, оставляя извращённые идеи в фантазиях.

– Ты шла в магазин, не зная для чего?

– Да. Дурацкая идея. По мороженке?

– Шутишь? – нахмурился Диего, и, кажется, что сейчас мой план выбесить его, успешно начал работать.

– Ладно. Зайди пока в аптеку, я быстро.

– Зачем?

– Затем, что пачка опустела сегодня утром.

– Ладно, – кивнул он, оставив мне тележку и зашагав в параллельную сторону.

Ещё раз пробубнив проклятия за то, что куртка такая длинная, я поплыла мимо витрин, неразборчиво скидывая продукты. В любом случае, из моего непонятного сбора, можно что-то приготовить.

В ту секунду как я скинула несколько приправ поверх горки продуктов, на горизонте замелькала Америка, гуляющая мимо витрин с корзинкой в руке. Потеряв дар речи, я словно в форсаже, резко завернула тележку в направлении высоких стеллажей. Сердце бешено тарабанило в грудной клетке, выбивая чёртову дыру в костях. Руки крепко вцепились в рукоятку, показывая белизну в костяшках, а дыхание сбилось и стало неравномерным. Жадно глотая воздух, я натянула капюшон и выглянула на дорожку, где только что чуть ли не уничтожила себя в глазах команды. Я благодарила грёбанную пачку презервативов за то, что они закончились.

– Ты уже купила всего по одному, – раздался за спиной голос Диего, на что я тут же шикнула.

– Тут Америка.

– Она только что вышла на улицу, я с ней столкнулся на выходе.

– Господи, – вздохнула я, закрывая лицо ладонями, – я

чуть ли в штаны не наделала.

– Кого это волнует!?

– Меня, чёрт возьми! Я занимаюсь сексом с тренером! Да я, нахрен, ночую у него практически каждую ночь!

– И что?

– Ты не понимаешь?

– Что именно я не понимаю, Грейс? – сухо выдал Диего.

– Меня исключат. Тебя уволят. Команда возненавидит меня.

– С чего им тебя ненавидеть? И почему меня должно волновать увольнение?

– Я вру, смотря в их глаза. Нарушаю всякие нормы и правила. Тебе нужна эта работа?

– Нет.

– Что? – поморщилась я, окинув его ошарашенным взглядом, – зачем тогда ты там работаешь?

– Закрыли эту тему, Грейс.

– Да ты шутишь!?

Зачем я задала последний вопрос? Диего всё равно забрал тележку и покатил в направлении касс, оставляя меня смотреть ему вслед с кривой миной на лице и широко распахнутыми глазами.

– Фуэнтес! – взревела я, догоняя мужчину.

– Не устраивай сцен, – процедил Диего.

– Ты не отвечаешь ни на один мой вопрос, почему я не могу это делать?

– Потому что мы в грёбанном супермаркете, Грейс! – грубо и громко рявкнул он, из-за чего в нашу сторону повернулись абсолютно все. Каждый датчик штрих-кода затих, наполняя стены тишиной и тихой музыкой, которая играла на заднем фоне, – ты создаёшь проблему на пустом месте.

Хмуро фыркнув, я поморщила лицо и вздохнула:

– Я – идиотка.

– Не могу не согласиться, – съязвил Диего, продолжив движение.

– Почему ты не хочешь поговорить со мной?

– Чёрт возьми, Грейс, ты издеваешься? – гаркнул он, выкидывая продукты на движущуюся ленту, – я не понятно изъясняюсь? Я сказал, закрыли тему, значит мы закрыли эту тему. Я услышан?

Карие глаза сверкнули в мою сторону яростью, которая неосознанно заставила голову согласно кивнуть. Удержав на мне взгляд ещё секунду, Диего продолжил выкладывать продукты, пока я тупо наблюдала за его действиями.

Пик. Пик. Пик. Пик. Десятки раз пик. Карта. Чек. Пакеты.

– Ты остаёшься тут или идёшь? – на этот раз спокойно обратился ко мне Диего.

– Иду, – выдала я.

– Извиняюсь. Просто моя девушка является геморроем на заднице. Ей нужно объяснять как минимум трижды, – выдал он девушке за кассой, получив кивок и улыбку.

Если бы не гнев на Диего, бушевавший в душе, я могла бы кинуться на эту сучку с кулаками, выдирая каждый волосок на её теле по одному. Мне не нравится её улыбка для него, и я, чёрт возьми, в бешенстве. Самое смешное в этой ситуации, что Диего даже не ответил ей взаимностью, а во мне уже кипела ярость и ревность.

Ты можешь упасть на те же грабли, Грейс, – настойчиво заголосило внутри разумное «я», останавливая поток дерьма, которое желало вывалиться на Диего, – *вспомни Арчера, ты хочешь того же?*

– Что, нет?

– О чём ты? – нахмурилась я, посмотрев на мужчину, который вышагивал рядом с кучей пакетов в руках.

– Ты покрутила головой.

– Смахивала снег, – соврала я.

Что, Блядь, со мной не так? Я веду диалоги сама с собой. Теперь моя шизофрения дошла до того, что я выдаю себя в физиологическом плане. Я что, действительно покрутила головой на собственный вопрос? Я в непонятном дерьме. И разумное «я», остаётся правым: если я продолжу, то встану на ту же дорожку, что и с Арчером, а это ведёт только к одному – я потеряю Диего из-за собственной необузданной ревности и дурости. Заверив саму себя держать язык за зубами, я попыталась улыбнуться, чтобы сгладить дерьмовую атмосферу, которую успела натворить за какой-то час. Утро началось так прекрасно, и за небольшой временной проме-

жуток, я удосужилась обвалять наши только что начавшиеся отношения в сточных водах.

– Прости меня, – тихо начала я, когда Диего стоя ко мне спиной, разбирал пакеты, убирая покупки по местам.

Минутное молчание лишь помогало желанию стукнуться виском о дверной косяк. Переминаясь с ноги на ногу в проёме на кухню, я закусила нижнюю губу и опустила глаза из-за стыда, злилась я теперь уже на саму себя. Что за манера портить что-то хорошее? Неужели я подцепила подобную повадку у родителей?

– Диего, пожалуйста… – тяжело выдохнула я, – я не понимаю, что на меня нашло.

Остановив свои действия, он упёрся ладонями в столешницу на кухонном острове и вздохнул, покачав головой, смотря перед собой.

– Грейс, ты ведёшь себя как пятилетний ребёнок.

– Я знаю, – согласилась я, потому что это действительно именно так, – мне тяжело. Мы скрываем свои отношения. Я не могу ни с кем поговорить, коплю всё в себе.

– Чего ты хочешь, Грейс? – обратив ко мне взгляд тёмных глаз, Диего выгнул бровь в ожидании ответа, пока я прокручивала в голове все желания. Но останавливалась только на одном: я хочу кричать на весь мир, что этот мужчина мой, что между нами не только секс, который рано или поздно надоест.

– Я хочу тебя.

– В чём тогда проблема?

– Я хочу, чтобы все знали, что мы вместе.

– Ты знаешь, что это невозможно.

– Почему у тебя такое двуличное мнение? – взревела я, – полчаса назад, ты плевал на присутствие Америки!

– Что мне сделает восемнадцатилетняя девчонка, Грейс? Пожалуется папе и маме? Ректору? Полиции? Ты совершеннолетняя.

– Я просто хочу, чтобы кто-то знал… хотя бы Мария.

– Нет, – напрочь отрезал Диего.

Подавив желание зареветь, я проглотила ком и закусила внутреннюю сторону щеки, лишь бы не выдать боли, которая раздирала на части, словно стая кошек скребла сердце и горло острыми когтями. Приняв позицию Диего, я развернулась и зашагала в направлении спальни, хотя лучше было бы и вовсе уйти. Единственным спасителем может стать только душ, который поможет скрыть следы слёз и опустошить голову.

Встав под горячую воду, я предалась горестным слезам.

Всю жизнь я терплю дерьмовое отношение родителей, которые оттачивают во мне все изъяны, чтобы сотворить идеальную марионетку. Даже друзья занимались подобным занятием. Хотя, какие там друзья: временная иллюзия дружбы ради своей выгоды. Моим другом всегда был и будет только Алан, даже несмотря на любовь, которую он сам себе выдумал.

Да, я всё ещё отрицаю всякую любовь к себе. Мне внушили, что я не достойна любви, что меня невозможно любить просто так, и я не верю в слова любви, которые мне говорят. Когда любят – не оставляют, а Арчер меня оставил, значит, эта любовь тоже была выдуманной. Итого: два человека, которые придумали чувства ко мне. Есть ещё третий, но я знаю, что Диего тоже не испытывает любовь ко мне, это ясней солнечного света. Я вообще не понимаю, что он ко мне чувствует, скорей товарищество в сломленности. Он нашёл человека подобного самому себе, и от этого ещё больней. Самое страшное, что я принимаю всё это. Я верю, что меня не то, чтобы нельзя любить, это в принципе невозможно.

– Прекрати обижаться на меня, Грейс, – обрушился голос Диего, как гром среди ясного неба.

– Я не обижаюсь, – выдала я, подавив дрожь в голосе и спешно смахивая соленые капли с лица. Глупое занятие, ведь я под водой, но это было сделано автоматически.

– Если ты продолжишь дуться, то будет только хуже.

Куда уж хуже?

Диего больше не пытался разговорить меня, и на миг показалось, что дверь закрылась. Я ошибалась. Он залез ко мне, притянув к груди спину, которая тут же почувствовала готовность к занятию, которое, как я надеюсь, никогда нам не надоест. Медленно выпустив воздух из лёгких, я опёрлась на мужчину, который помогает крыше поехать.

Моё удивление было невообразимо, когда губы Диего

нежно коснулись шеи, прогулявшись дорожкой по плечу, пока большие пальцы поглаживали талию. От подобной нежности я была готова расплавиться и сбежать в канализационные трубы вместе с водой. Откинув голову назад, я позволила пойти дальше, но Диего явно не планировал чего-то больше поцелуев. Не знаю, таять ли мне, словно шоколад под солнцем, или же насторожиться. Сейчас моё тело и сознание выбирали первое. Я уже напрочь позабыла всё то, что было несколько минут назад.

Из-под душа я вышла уже другой Грейс, как будто ничего не было.

Диего легко воодушевил и поднял настроение, по этой причине различные рецепты снова начали поступать в голову, и я решила не оставлять его глазеть в телевизор, а забрать с собой. Готовить в компании всегда веселей, хотя, откуда мне знать? Я и не занималась подобной работой в Лондоне, лишь со стороны глазела за подобным делом. Да и как смотрела, в детстве – смотрела, при подростковом возрасте – пряталась и следила.

– Почистишь картошку? – надув щёки и выпучив нижнюю губу, я захлопала глазами, смотря на Диего, внимание которого было устремлено в экран телевизора.

– Хорошо, – кивнул он, чем поверг в шок.

С первой попытки? Я не ослышалась? Он согласился или послал меня ко всем чертям? Похлопав глазами, я медленно кивнула и сползла с дивана и груди Диего без особого рве-

ния. На самом деле, прижиматься к сильной грудной клетке – намного приятней, чем возиться на кухне. Но я сама предложила, да и желудок начинает напоминать о том, что утренняя пища была переработана, дальше требуется следующая порция.

– Надеюсь, ты не против, – заулыбалась я, подключаясь к аудиоколонке, занимающей место на полочке в углу кухни.

– Боже, только не твоя хрень, – фыркнул Диего, – у меня хлынет кровь, если ты ещё раз включишь то сопливое дерьмо.

– Сам сопливое дерьмо! – поморщилась я, сразу откладывая музыкальный список, который обычно слушала.

Если ему не нравится моё, то я включу его. Вообще-то, я особо никогда не слушала испанских исполнителей, лишь краем уха по телевизору или где-то ещё. Не зная ничего лучше, чем включить Энрике, я выбрала первую попавшуюся песню Enrique Iglesias feat. Sean Paul – Bailando, которая автоматически заставила бедра двигаться волной, пока Диего выгнув бровь, засмеялся над моим выбором.

– Ты не хотел моего, значит я буду коверкать твоё, – показав язык, я потянула руки к потолку и закружилась в танцах, прибавив громкость на полную мощность.

К моему счастью или несчастью, версия оказалась английской, поэтому Диего не пришлось слушать мои издевательства и самовыдуманные наборы букв в виде подражания словам. В любом случае, из припева я знала только название,

его и голосила каждый удобный случай. Уже после нескольких секунд, я почувствовала себя самой настоящей девушкой с испанской кровью. На губах играла улыбка, потому что от танцев я всегда получала удовольствие, какими бы они не были. И мне абсолютно плевать, что вскидывая руки, я помогаю подняться краям футболки, позволяя оголить задницу, которую Диего уже лицезрел утром.

Плавно водя бёдрами и корпусом в такт песне, я чувствовала уже знакомый желанный взгляд, который заставлял двигаться ещё лучше. Открыв глаза, я встретилась с тёмным, пылающим пожаром, взглядом Диего, который наблюдал за мной в проёме, скрестив руки под грудью и опираясь на один бок к деревяшке арки. Поманив его пальцем к себе, я получила усмешку и отрицательное покачивание головой, но у меня есть оружие в виде собственного тела. Повернувшись спиной, я закрутила задницей, плавно ведя края футболки выше, искоса наблюдая за реакцией Диего, который расцепил руки и одну закинул за голову. От меня уже не скрыть желание и обдумывание всех вариантов наступления, поэтому я довольно улыбнулась своей победе и, отпустив ткань, томительно начала поднимать руки к потолку, продолжая рисовать бёдрами восьмёрку.

– Чёрт, Грейс! – хрипло рыкнул Диего, расставив руки на моей талии, пока я продолжала крутить бёдрами, но уже по выпуклому месту в шортах мужчины, занимающего позицию позади, – я не сделал это утром, но хочу сделать прямо сей-

час.

Победно улыбаясь, я глупо хихикнула и повернулась к нему лицом, в эту минуту песня как раз сменилась на новую CNCO & Manuel Turizo – Pegao, заставляющую меня продолжать двигаться в танце.

– Если ты потанцуешь со мной, то я сделаю всё, что ты захочешь, – хитро заулыбалась я, пытаясь воспользоваться любой попыткой, чтобы заставить его танцевать.

– Абсолютно всё? – выгнул бровь Диего, смотрятся меня с ухмылкой.

– Всё, – кивнула я, ведя указательным пальцем по его груди к полоске от шорт.

– Если ты думаешь, что я выберу минет, то ты ошибаешься, Грейс, – засмеялся Диего, взяв мою кисть в свою ладонь.

– Я выполню всё, что ты захочешь, Фуэнтес, без каких-либо ограничений.

– Помни, что ты сама это предложила.

– Если ты разочаруешь меня, то извини, я всё отменяю.

– В каком плане разочарую?

– Всем известно, что испанские мужчины двигаются сногсшибательно, и если ты не один из них, то я отменяю нашу договорённость.

– Ты не разочаруешься, Грейс, потому что уже знаешь, как я двигаюсь, – томно шепнул Диего, склонившись к моему уху, поднимая все мурашки по телу.

Он прав. Я заранее проиграла.

С самой обворожительной и сексуальный улыбкой, Диего сделал несколько шагов назад, двигаясь в танце. И отдаю должное горячей испанской крови, блуждающей по его телу, потому что двигался Диего действительно восхитительно: плавно и эротично, даже под такую танцевальную песню. Протянув мне ладонь, которую я приняла с широкой улыбкой, он закружил меня в танце. Смеясь, я слилась в единый ритм с его бёдрами, которым Диего изначально прижимал меня передом, держа одну мою ладонь в воздухе, пока моя покоилась на его груди, а его – на моей талии. Сделав разворот под рукой над собственной головой, теперь я была прижата спиной, вырисовывая бёдрами волны в танце и заливаясь самым счастливым смехом, который дарил мне этот мужчина такой простой мелочью.

В эту самую секунду я почувствовала себя целой. Я не ощущала сломленности. Я была абсолютно целой без шрамов, рубцов и трещин на душе и сердце. На губах Диего играла такая же счастливая улыбка, как и на моих. Не знаю, из-за победы, которую он только что вырвал самым простым способом, или же из-за наших танцев, но мне было настолько плевать, насколько это вообще возможно. Тёплая и нежная атмосфера сменила ту, что я сотворила. Когда я вижу его широкую улыбку – мне отключает мозги. Я уже не могу мыслить трезво. Я полностью пьяна, потому что эта улыбка обращена ко мне и из-за меня. Диего хоть и отрезал все мои попытки что-то узнать, но я отдаю ему должное: он мудрее,

а это то, что мне необходимо.

Глава 21

Сообщение от Марии с приглашением на ужин с её семьей, стало такой же неожиданностью как и вчерашний град на улице: событие интересное, но может отбить голову. И мои мозги в опасности из-за Диего, но Мария заверила, что он не часто приезжает домой, поэтому, сегодня в девяносто девять процентов Диего можно не ждать. Но этот чёртов один процент заставляет мою задницу гореть. Да, Мария всё ещё ни о чем не догадывается, но что-то мне подсказывает, что нас двоих дурят, и младшая сестрёнка Диего намного прозорливей, чем кажется.

О наших отношениях вообще никто не догадывается, кроме, конечно, Сам, которой я уже что-то поведала, при чём в первые же дни своего угнетения и недержания в жопе воды. Но я доверяю ей, да и камень на моей шее стремительно топил меня, пока я всё держала в себе. Он и сейчас топит, но пока я засыпаю в руках Диего – забываю обо всём, кроме нас двоих. Кроме всего прочего, мы храним обоюдные секреты, поэтому я точно уверена в Сам. Это пакт закреплён прочными обещаниями в виде тёмных тайн. Мария делает частые намёки на наши отношения, но ни я, ни Диего не поддаёмся на её провокации. На самом деле, это мучает меня изо дня в день, и смотреть в глаза Марии становится с каждым днём трудней и трудней. Какая-то часть меня внутри молит Ди-

его приехать на ужин и наконец-то открыть наши отношения хоть для кого-то, потому что мне становится беспокойно.

Сделав как минимум сотый круг вокруг собственной оси напротив зеркала, я хмыкнула или хрюкнула, потому что сегодняшний выбор мне казался странным: красные сапоги на каблуке; чёрное, будто отшитое на мне, платье с открытыми руками и коленями, сумка на плече и лёгкие локоны. Всё это кажется вычурным и высокомерным, но Сам настаивала на данном образе.

– Нет, нет, и ещё раз нет. Это не свидание, – вздохнула я, сделав очередной круговорот.

– Грейс, это же ужин! – завопила подруга, лёжа на животе и подпирая подбородок кулачками.

– Я не в ресторан иду, а на домашний ужин.

– И что? Ты должна блистать в любой непонятной ситуации!

– И эта ситуация: ужин в доме Фуэнтесов!? Сам, они обычные люди, без золотых вилок и ложек. Туда не нужно шагать по красной ковровой дорожке, приподнимая подол платья, чтобы не испортить мрамор кровью.

– Это ничего не меняет, Грейс. Оно идеально выглядит на тебе, и засранец Фуэнтес должен понимать, что он может просрать такой сексуальный вариант на счастье, – подскочив с кровати, продолжила она свою триаду уговоров.

А может и не просрал, судя по тому, что я пренебрегаю кампусом в пользу ночей с Диего.

– Если ты забыла, то он уже давно отхватил свой кусочек, – выгнув бровь, напомнила я.

– И что? Он должен помнить это вечно.

– Его не будет на ужине. Он редко их посещает, Мария уверена, что и сегодня мы не увидим.

– А вдруг будет? – не успокаивалась Сам. И мне в сердцах тоже хотелось того же. Но я лишь закатила глаза, таким образом, дав ответ.

Подхватив куртку и сунув ноги в сапоги, подруга натянула на глаза шапку и показав мне язык, покинула комнату, ведь в кампусе её не застать, как и многих вещей. Некоторая одежда всё ещё хранится в комнате, напоминая о том, что я ещё не одна, хотя формально уже одна.

Повторно осмотрев себя в зеркале, я буквально сорвала платье с тела и облачилась в джинсы и коричневый свитер, свисающий с одного плеча, который неустанно ношу второй год. Лёгкие волны упали на одно плечо, открывая золотистую подвеску, следом на ногах возникли сапоги, а на плечах – куртка. Теперь выбор верный. Я, конечно, желаю понравиться родителям Диего и Марии, но не в образе голубых кровей, а в образе обычной Грейс.

Круживший снегопад ложился на макушку, а легкий ветер играл с локонами, пока я ловила такси и быстро растаял, пока я находилась под тёплым обдувом кондиционера. За небольшой промежуток времени, я успела зацепить непринуждённую болтовню таксиста, который лепетал про бело-

снежную красоту в городе, но и зрительно размывающуюся дорогу.

Я и сама радовалась каждой снежинке, кружившей над головой. Белые окутанные крыши домов и машин, дарили тепло несмотря на прохладную погоду. Зима для меня всегда ассоциировалась с чудесами: рождество, каникулы, коньки, игры в снежки и другие развлечения, хотя в моей семье в принципе трудно чему-то радоваться. Я ужасно скучаю по сноуборду, на котором рассекала горные покровы, пока за спиной на лыжах меня нагонял Алан. Но в этом году мы пренебрежём традицией, ведь на Рождество он улетит в Лондон, а я не желаю видеть родителей. За все восемнадцать лет, они стали мне настолько тошны, что я буквально ликую от того, что проведу все праздники в одиночестве, либо с Диего. Если он, конечно, пожелает провести со мной выходные дни.

Тихий и спокойный район, вдоль улиц которого горели уличные фонари – был пуст, словно я приехала в Сайлент Хилл. Где-то меня явно ожидает Фредди Крюгер, поэтому ноги ускорились и понеслись к двери довольно быстро. В семь часов вечера на улице можно двинуть кому-нибудь по голове и остаться совершенно незамеченным из-за темноты, на помощь тебе сможет прийти только чудо.

Дверь моментально отварилась, а на шее повисла парочка знакомых рук Марии, когда глаза нашли мустанга на подъездной дорожке.

– Гри, – визжала она мне в правое ухо, – я так рада, что

пришла!

– Гри? – шутя, поморщилась я.

– Алану можно, а мне – нет? – обиженно хмыкнула Мария, в глазах которой читалось дружелюбие и детское озорство.

– Можно, но так я чувствую себя собакой.

– Красивой собакой, – закивала она, подгоняя меня в дом.

Красивая собака? Это что-то из лика породистых? Не став ворошить слова подруги, я вручила в протянутые руки куртку и сняла сапоги, поставив их в уголок. В нос моментально ударили различные ароматы, которые заставили слюни бежать по подбородку, а желудок запеть урчащие симфонии.

Взглянув на широкую улыбку Марии, которая чуть ли не подскакивала на месте от радости, я не сдержала улыбку. Она несколько раз звала меня к ним на ужин, но я отказывалась ссылаясь на огромное количество несуществующих работ по учебе. И в один момент, Мария выдала:

– Грейс, Диего редко приходит. В этот раз его появление тоже маловероятно.

И я повелась на это *слабо*, дабы не показывать страх из-за Диего. Наверно, каждый человек на планете знает, что мы на дух не переносим друг друга, но на самом деле всё намного иначе: я таю в руках этого грубого мужчины практически каждую ночь, словно шоколад. У нас успешно получается держать образ ненависти или же нейтрального отноше-

ния. В первом варианте, – я получаю отличный секс, во втором тоже, что даже смешно. Каждая ночь с ним, как пребывание в раю. Но знать об этом семье Диего не обязательно.

– Пошли скорей, – проверещала Мария, ухватив моё запястье и потащив по небольшому коридору, украшенному рамками из фотоплёнки, из-за которых мне хотелось остановиться, но в планах младшей сестры Диего, этого не было.

Как только меня вывели в свет тёплых ламп, освещающих квадрат с деревянным кухонным гарнитуром и большим столом по середине, чего нет в моей семье, ведь кухня и обеденная зона в доме строго разделены на разные части, словно огонь и вода. Родители никогда не позволяли мирно посидеть за кухонным островом с кружкой чая даже ночью, обуславливая это так: *«Где твоё воспитание, Грейси?»*.

– Это моя подруга, Грейс, – представила меня Мария для присутствующих.

Волнительно улыбнувшись, я обвила глазами каждого: женщину с тёмно-карие глазами, в руках которой покоилась деревянная лопатка, а губы растянулись в одной из самых добродушных улыбок, которые мне доводилось видеть за всю жизнь. Волосы, цветом молочного шоколада обрамляли идеальные скулы в сочетании с пухлыми губами, едва достигая лопаток, а под фартуком скрывалась исключительно прекрасная фигура. Рядом с ней с глубоким противнем в руках, застыл мужчина, медового цвета глаза обратились ко мне, пока вокруг отчетливо выделялись морщины, но они

были приятны, потому что дарили тепло, словно солнечные лучи. Среди смуглой испанской семьи – именно он казался коренным американцем, но я могла ошибаться. Я сразу отметила, что губы – Диего получил от отца, а глаза от мамы. Оставив в одной руке блюдо, мужчина с улыбкой смахнул с фартука женщины муку и приветливо улыбнулся мне. Следом мой взгляд остановился на девушке со светло—русыми волосами и янтарными глазами, на спинке стула которой повисла рука уже знакомого мне Рома – брата Диего.

– Здравствуйте, – вежливо улыбнулась я, получая ответные улыбки.

– Это и есть твоя подруга? – начала женщина, наполняя кухню приятным голосом.

– Нет, мам, я просто поймала случайную девушку в нашем захолустье, и решила познакомить с вами, – шутя, закивала Мария. Повернувшись ко мне, она по очереди начала тыкать в каждого, – моя мама – Кармелла, папа – Мартин, брат – Ром, и его жена – Лита. Ещё у меня есть второй брат – Диего, но его как всегда нет.

В глазах родителей, я сразу заметила потухший огонёк. Им явно очень хочется видеть сына на семейном ужине, и сейчас я желаю прикончить Диего сразу, как только мне выпадет шанс.

Как можно не приходить в дом, где тебя ждут с горячим ужином и любовью? Я могла бы отдать многое, если даже не всё, чтобы почувствовать душевную семейную атмосферу и

заботу. Единственное, что беспокоит моих родителей – исковеркать мою жизнь или поправить платье там, где оно село не равномерно, ибо фотография получится не такой ослепительно роскошной. В материальном богатстве ты понимаешь, насколько ты морально бедный на самом деле. И я бедна.

– Очень приятно познакомиться, Грейс, – ещё шире заулыбалась приятная пара, привлекая меня в свои двойные объятия. И я с радостью их приняла, привыкшая к такой встрече с каждым из друзей.

– Мне тоже очень приятно, – заулыбался Ром, потянув руки сидя за столом, – а мне достанутся обнимашки?

– Уже достались, – прыснула я, удивив семью Фуэнтесов.

– Что? – выпалила Лита, переводя ошарашено выпученные глаза с меня на Рома и обратно.

– В университете познакомились, когда я решил вспомнить внешность брата, – кивнул Ром, возвращая руку на спинку стула жены.

– Вспомнить внешность? – поморщилась Мария, упав на стул и потащив за собой меня.

– Он появляется дома слишком редко, и я начинаю забывать как он выглядит. Приходится пересматривать фотографии или насильно заваливаться к нему куда-нибудь.

– Он снова сказал, что сегодня занят? – грустно обратилась миссис Фуэнтес к сыну.

– Да, – тихо ответила Мария, подтвердив кивком.

От меня не ускользнула ни одна эмоция печали и тоски на лице каждого домочадца. И за это, желание закопать Диего на футбольном поле – выросло как минимум впятеро. Я чертовски зла на него, хотя держу легкую непринуждённую улыбку на лице. Совсем скоро эта улыбка превратится в зловещую, предрекающую расчленение каждой клетки нервной системы в голове Диего. Он не пускал меня в свою жизнь, но сегодня ему придётся это сделать. Я ужасно зла.

Нет. Я не зла. Я, чёрт возьми, в гневе. Или даже в агонии ярости.

– Хорошо, поужинаем без него, – с печальной улыбкой сообщил мистер Фуэнтес, поставив коронное блюдо на стол и заняв стул рядом с Литой, после чего, место за столом заняла его супруга.

Итого: с одной стороны – Мария, с другой – миссис Фуэнтес, напротив мистер Фуэнтес, Лита и Ром. И пустой стул возле последнего. Скорей всего, именно данным предметом с красивым деревянным узором на изголовье, я готова заехать по голове Диего.

– Откуда ты вообще знаешь Грейс!? – начала Мария, обращаясь к Рому, когда тарелки наполнилось ароматной и невероятной домашней едой.

– А тебе какое дело, мелкая? – пробубнил он с набитым ртом, склонившись над столом и посмотрев на сестрёнку с шутливым вызовом.

– Ром, – пихнув в бок мужа, пискнула Лита.

– К твоему сведению, мне уже есть восемнадцать! – воскликнула Мария, пока они оба успешно игнорировали Литу.

– Ты всегда останешься нашей малышкой Мари, – с тёплой улыбкой, посмотрел на неё отец, от чего защемило в груди. Мои родители на меня никогда так не смотрели.

Потому что они чёртовы ублюдки, Грейс, прими это как должное, – заявила о себе гордость, которая постоянно вступала в полемику с совестью и какими-то непонятными семейными чувствами.

– Она всегда останется мелкой какашкой, – засмеялся Ром, вслед чему получил кинутую в лицо лепёшку.

– Прекратите кидаться едой! – возмутилась миссис Фуэнтес, получив два сожалеющих взгляда аля «Кот в сапогах» из Шрека, – у нас же гости! Грейс, ты знакома с Диего?

– Эм… – замаялась я, круча вилку пальцами.

– Мам, Грейс – капитан команды по футболу, конечно она знакома с нашим тупоголовым братом, – захихикала Мария.

– Капитан команды по футболу? – удивлённо воскликнула миссис Фуэнтес, переведя взгляд с дочери на меня, – Грейс, ты увлекаешься спортом?

– Да, – согласно кивнула я, – точней, я увлекаюсь американским футболом.

– Ты такая хрупкая девушка! Это же невероятно!

– Невероятно то, что она может надрать задницу Диего, и у неё даже не дрогнет глаз, – вновь энергично закивала Мария, – она лучшая на поле!

– Диего тоже когда-то увлекался футболом, но после… – резко замолчав, миссис Фуэнтес окинула взглядом семью и нервно улыбнулась, в эту секунду, каждый член семьи тоже изменился в лице, она явно сказала не подумав, – в общем, он тоже увлекался футболом. А чем ты ещё занимаешься, Грейс? И вообще, как вы познакомились с Марией?

– Я рисую, – пожала я плечами, – это моё второе любимое занятие. Я выбрала изобразительное искусство. И я, кажется, уже не помню, как мы познакомились.

– Боже, что ты ещё делаешь? Увлекаешься кулинарией? – весело залепетала миссис Фуэнтес, – рыболовство? Садоводство? Хозяйство?

– Мам, Грейс прилетела из Лондона. Она ведь не похожа на доярку с фермы, – улыбнулась Мария, – и на последней выставке, куда я ходила с Диего, картины Грейс были раскуплены сразу. Это была благотворительная выставка.

– Диего ходил на выставку? – перебил Марию, Ром и мистер Фуэнтес практически одновременно.

– Да, – закивала она, смотря на меня с долей интереса.

– Во весёлый у меня братец. В бар *не пойду*, а на скучную выставку *пойду*. Не в обиду, Грейс, – кивнул Ром, на что я только улыбнулась. Кроме просмотра картин, там действительно скучно.

– Грейс, а можешь показать свои картины? – положив ладонь на моё плечо, спросила миссис Фуэнтес.

– Конечно могу, – улыбнулась я, – но мой телефон остался

в куртке, только если я за ним схожу.

– Я приех… – ударил порывом молнии знакомый голос с порога столовой, из-за которого я чуть ли не разбила тарелку вилкой, готовой вылететь из рук. А стул и вовсе был готов развалиться подо мной.

Глаза Диего метались между каждым членом семьи за столом, но остановились на мне, пригвоздив задницу назад к столу.

– Здравствуй, сынок, – улыбнулась миссис Фуэнтес, спеша к сыну, на щеке которого оставила поцелуй, пока он даже не моргал, смотря на меня, – мы уже сели ужинать, думали, что ты опять пропустишь.

– Не пропущу, – поцедил Диего, пройдясь к столу и со скрипом отодвинув стул.

– Я забыла тебе сказать, что сегодня у нас в гостях моя подруга, – весело протараторила Мария, подначивая и без того рвущуюся наружу ярость брата.

– Почему только твоя? – воскликнул Ром, – она помогла мне найти Диего, я помог ей припарковать машину. Можно считать, что она и моя подруга.

– Грейс – друг семьи, – улыбнулся мистер Фуэнтес, окинув тёплым взглядом детей.

Да, отличный друг семьи, который без памяти влюблён в вашего среднего сына, но при этом является его студенткой. И да, ещё этот друг спит с тренером или же одним из членов семьи. Туда же может отправиться то, что всё

это держится в тайне. Меня всё ещё можно считать другом семьи?

– Крошка Грейс, – добавил Ром, пощекотав кончик носа Литы.

– Друг семьи? – переспросил Диего, всё ещё испепеляя меня взглядом.

– Что-то не так, сынок? – с тревогой обратилась к нему миссис Фуэнтес.

– Всё в полном порядке, – кинув улыбку в сторону матери, Диего поднялся с места и, подхватив мою руку, потащил из-за стола, пока удивлённая компания смотрела нам вслед с беспокойством. *Все, кроме Марии.* Сейчас я готова убить ещё и её. В живых останется только старший сын.

Утащив меня по узкому коридору назад к входной двери, Диего рывком остановился и резко повернулся ко мне, пронзая жёстким взглядом. Мурашки тут же побежали по коже, но одновременно они были и от страха и от возбуждения. Я и сама не понимала, какая из эмоций и чувств держит преимущество.

Смотря на Диего перед собой, я всегда думаю об одном: о нём сверху меня. Или меня поверх его. Тут без разницы. Мысли уносятся в водоворот страстей и блаженства, хотя в эти минуты я должна биться в ужасе и панике.

– Какого чёрта ты не берёшь трубку и какого чёрта ты забыла с моей семьей? – прорычал он.

– Начнём с того, что меня пригласила на ужин подруга, –

яростно прошептала я, хотя от последних слов ещё хотелось зареветь навзрыд, потому что поддаваясь данным словам, я думаю только о том, что Диего и не планировал представлять меня семье, а, следовательно, никакой серьезности наших отношений.

– Грейс, какого чёрта ты делаешь с моей семьей?

– Я могу повторить, – фыркнула я, отвернув лицо в сторону.

– Не играй со мной. О наших отношениях никто не должен знать.

– Если ты будешь продолжать себя так странно вести, то многие будут думать иначе, – выдавила я болезненные слова, – и я не охочусь за тобой, как сумасшедшая.

– Диего? – раздался негромкий, но беспокойный голос миссис Фуэнтес, из-за которого он резко скинул руку с моего локтя, боясь, что его мама наблюдала за нами, и я надеюсь, что она ничего не успела услышать.

Или надеюсь, – захихикало самолюбие.

– Всё в порядке? – продолжала миссис Фуэнтес, сделав ещё один шаг в нашу сторону.

– Да, мы уже идём. Грейс пропустила сегодняшнюю тренировку, а я это терпеть не могу, – кивнул Диего, пронзая меня яростным взглядом.

– Хорошо, это ведь не так страшно. Может, мы поужинаем? – немного улыбнулась она, при этом явно не доверяя сыну.

– Конечно, мам, я для этого и приехал, – после своих слов, Диего направился за стол, оставляя меня на том самом месте, куда привёл.

Смотря вслед мужчине, который сводит меня с ума, одновременно воскрешая и убивая, я хотела завыть, но сдержалась и улыбнулась, потому что тёмно-карие глаза его матери смотрели на меня.

– Ты покажешь картины, Грейс? – напомнила она.

– Конечно, – кивнула я, подскочив к куртке и начав рыться по карманам дрожащими руками.

– Грейс.. – тихо позвала меня миссис Фуэнтес, на что резко обернулась, застыв с рукой чуть ли не по самый локоть в кармане, – ты не сердись на него, он добрый и чуткий, просто… просто для его поведения и агрессивности есть свои мотивы.

– Я уже привыкла, – улыбнулась я, говоря правду, – слава Богу, Вы не присутствуете на поле.

– Я тоже так думаю, – засмеялась она, пока я помахала телефоном и сделала несколько шагов в её сторону.

Вернувшись за стол, я показывала собственные картины, семье Фуэнтесов, чувствуя тяжёлый и проницательный взгляд Диего. Я получила сотню различных вопросов на тему искусства и столько же отзывов, и даже успела немного поспорить с мистером Фуэнтесом, который утверждал, что тоже может так рисовать, и его всегда смешила картина Малевича и цена за сие искусство. Но стоило мне высказать свою

точку зрения, и он подумал иначе. Я действительно считаю и знаю, что у каждого мазка, у каждого цвета и каждой картины – есть свои переносимые немые слова: призывы о помощи; душевной боли; ярких запоминающихся событий и тому подобное. Каждый холст имеет свою историю. И по варианту Малевича – их сразу несколько. Но я считаю, что данная картина просто не получилась. Все цвета смешались в один, таким образом, получился чёрный. Я ценю каждую точку зрения, не пытаюсь её оспорить и выгородить, мне было приятно побеседовать с отцом Диего, хотя я сразу заметила, насколько они разные.

Насколько удивительные и абсолютно непохожи друг на друга люди, с которыми я сейчас за одним, это просто поразительно. Но самое приятное то, что несмотря на разницу, они делят один стол и смотрят друг на друга с любовью. Их строгость и смирительные взгляды на деле заботливые и тёплые. Смотря на них, я лишний раз убеждалась насколько сильно бедна моя собственная жизнь. Я богата только одним – Аланом. Наверно, мой лучший друг – моё единственное богатство. Насколько это больно понимать от нуля до ста процентов? Я бы сказала на всю тысячу. Я никогда не знала любви и родительской заботы. Разве что доброту и теплоту отношения родителей Алана. Семья Джонас для меня является семьей больше, чем кровные родители. Этот ком словно получает новые слои, разбухая в горле.

– Грейс, а у тебя есть молодой человек? – скромно улыб-

нулась миссис Фуэнтес, вырывая меня из поганых мыслей и жжения в глазах.

– Мам, я уже женат, мне поздно, – засмеялся Ром, получив подзатыльник от хохочущей Литы.

– Так всё-таки? – продолжала миссис Фуэнтес, к её любопытству присоединилась Мария.

– Нет, – покрутила я головой.

– Грейс, ты врешь! – запротестовала Мария, от чего паника подступила к горлу, а Диего застыл с вилкой у рта, сверля меня взглядом.

– Я не вру, – улыбнулась я.

– Тогда о каком красавчике трещат девочки в команде?

– О каком? И как ты вообще их услышала?

– Мне Донна рассказала, – показав язык, заулыбалась Мария, – и даже показала. Мама, ты даже не представляешь, какой он идеальный! Грейс ходила с ним на свидание!

– Боже, о ком ты? – хмыкнула я, чувствуя то, как зрительно меня вгоняют в землю глаза Диего. Но я боялась посмотреть в его сторону.

– Тот красавчик блондин, он просто отпадный! Грейс и он – идеально смотрятся вместе!

– Покажи его нам, – тепло улыбнулась миссис Фуэнтес.

– Прекрати, Мария! – рявкнул Диего, из-за чего шесть пар глаз с удивлением посмотрели на него.

– Что? – поморщилась она, посмотрев на брата, – он идеально подходит Грейс, и я хочу, чтобы мама подтвердила мои

слова!

Мои глаза и сердце было готово вывалиться на стол от ужаса и бешеного ритма в груди. Я уже не понимала, специально ли Мария пытается вывести брата из себя, или же она действительно так думает. Конечно, сейчас до меня дошло, что речь идёт об Алике, ведь у него светлые волосы и именно о нём продолжают верещать девочки из команды, даже спустя несколько недель.

– Потому что она, нахрен, с ним не встречается! – рыкнул Диего, ещё больше шокируя остальных.

– А я и не говорила, что они встречаются. Я сказала, что они идеально смотрятся вместе.

– Сынок… – начала миссис Фуэнтес, когда Ром положил ладонь на плечо Диего, – у тебя выдался неудачный день?

– Да, чёрт возьми, моя девушка пошла знакомиться с моими родителями без моего ведома! – гаркнул Диего, от чего мне и вовсе хотелось кануть в бездну, потому что сейчас все уставились на меня.

– Господи, ну наконец-то, я уже устала пытать тебя! – засмеялась Мария, из-за чего лица остальных вытянулись, а Диего задышал слишком громко, словно быку махнули красной тряпкой, но тут же её убрали и больше не показывают.

– Что за чёрт!? – воскликнул Ром, переводя взгляд с меня на Диего и обратно, – Грейс? Грейс – твоя девушка? Ты что-то принимаешься?

– Да, вашу мать, и я готов убить её! – заскрипел зубами

Диего, после чего, кинув грозный взгляд в сторону брата, он продолжил, – и ничего я не принимаю, что за чушь ты несёшь!?

– Боже, наконец-то, – продолжала верещать Мария, упав на моё плечо исторично хохоча, пока родители смотрели на нас, словно мы заявили о том, что побывали на летающей тарелке.

– Диего… – еле выдавила миссис Фуэнтес, смотря на меня, – это правда?

– Да, мама, это правда. И не начинай.

– Я… Боже мой, я и не хотела, – улыбаясь сквозь слёзы, она обняла меня с такой силой, что я начала задыхаться, – Грейс… так вы вместе?

– Мама, прекрати, – вздохнул Диего.

– Но тебя же могут… кхм, уволить, – начал мистер Фуэнтес, смотря на сына с тревогой.

– Я сам решу.

– Я так и знала! – почти прыгала на стуле Мария, сверкая широкой улыбкой и блестящими глазами.

– Нихрена ты не знала, – заявил Диего с непроницаемой маской на лице, пока я и слова не могла вымолвить, сидя с открытым ртом.

Не больше часа назад он говорил о том, что наши отношения должны остаться в тайне, но только что сам их раскрыл. У меня один вопрос: для чего? Это успешный план Марии вывести его и получить правду, или Диего сам решился на

подобное заявление? Но самое удивительное, что его семья приняла отношения студентки и преподавателя вполне положительно, судя по объятиям миссис Фуэнтес и лёгкой улыбке мистера Фуэнтеса. О довольной реакции и говорить не стоит, да и Ром с Литой посматривали на меня с улыбкой, пока старший брат что-то тихо рассказывал Диего, а второй закидывал вилку за вилкой в рот.

Пока парочка женских рук четы Фуэнтесов висели на моих плечах, я продолжала пребывать в шоке. Такое чувство, что я сообщила о желанной беременности, но тут всего лишь раскрытие наших отношений и не более.

– Я очень рада за вас, Грейс, – тихо заговорила миссис Фуэнтес.

– И Вы… даже не против того, что я его студентка? – прошептала я, всматриваясь в тёмные глаза.

– Нет, конечно же нет, Грейс. Люди не виноваты, что возникли чувства. Никто не вправе осуждать вас. Да, это запрещено какой-то мнимой моралью, но я не принадлежу к данной половине, считающей это мнение правильным и единственной истиной. Если люди счастливы рядом друг с другом, если между ними есть любовь, то никто не вправе разделять их. Это человеческий фактор или жизненные обстоятельства. Конечно, вам лучше не показываться на виду, потому что будет скандал, но я всё равно счастлива за вас, – улыбнулась она, переводя взгляд на Диего, – я рада за тебя, сынок. Тебе это нужно.

– Мама, мы не будем обсуждать это, – сухо ответил Диего, но увидев насупленные взгляды семьи, немного смягчился, – я не желаю обсуждать прошлое. Ничего не изменить. Спасибо, что поддержали.

– Мария, поменяйся местами с Грейс, – заулыбалась миссис Фуэнтес.

– Нет, это моя подруга, и это я её пригласила, значит, она сидит рядом со мной! – быстро закрутила головой смешная семейная язва в виде дочери.

– Она и так будет сидеть рядом, просто между тобой и Диего, – с улыбкой, вступила Лита.

– Ну уж нет, сегодня она будет только со мной, – показы язык, Мария переплела наши руки и положила голову на моё плечо, – ну, ещё с мамой. Кто первый встал, того и тапки.

Смеясь, я положила голову поверх макушки Марии и улыбнулась, смотря на Диего, который поджал губы, сдерживая улыбку, которую я так желала увидеть в сегодняшний вечер. Мы же в кругу его семьи, которая приняла меня и наши отношения. Общество вряд ли отреагирует на них положительно, но разве они должны меня интересовать? Нет. Я переживаю только за мнение своих близких людей. И в число таких людей не входят даже собственные родители.

Семейные разговоры и вкусная еда – сделали сегодняшний вечер невероятным. Я никогда не чувствовала себя в собственном доме, как дома. Для меня родительский дом в Лондоне был и будет чем-то лживым, леденящим и абсолют-

но не семейным. По своей отстранённости он напоминает Плутон: самую далекую от солнца планету. На ней холодно, темно и безжизненно. Я всеми силами пытаюсь удалиться от этой планеты, но знаю, рано или поздно она сама настигнет меня. Это лишь временный эффект.

– Ты не хотела бы провести Рождество с нами? – тихо обратились ко мне Мария, пока семья оживлённо обсуждала предстоящие каникулы.

– Я не могу ничего обещать, – вздохнула я, – я хотела бы. Каждый год у меня и Алана была небольшая традиция: мы уезжали куда-нибудь вдвоём, и катались на лыжах и сноуборде.

– Ты уедешь? – хмуро и грустно пролепетала подруга.

– Нет. Алан улетает в Лондон к родителям, а я не хочу.

– Тогда ты обязана провести каникулы с нами, Грейс!

– Посмотрим, до них ещё далеко.

– До рождества и каникул осталось несколько недель. Решено, ты будешь с нами.

Не став оспаривать решение Марии, я просто улыбнулась и легонько дёрнула её локоны, упавшие на мою грудь.

За эти несколько недель, всё может повернуться с ног на голову, поэтому я ничего не могу обещать. Америка в принципе изменила мою жизнь, поставив с ног на голову. Иногда кажется, что я не являюсь собой, а иногда то, что я наоборот начинаю открываться и становиться настоящей Грейс, а не Грейси – принцессой ледового дворца.

Вилка в руке – выдавала волнение. Диего ясно давал понять, что не желает раскрывать перед кем-то наши отношения, а сейчас ошарашивает семью подобной новостью, и меня в том числе. Пал ли камень с моей души? Да. Он упал в тот самый момент, когда парочка рук женской половины семьи Фуэнтес, чуть ли не задушили меня в объятиях, даря улыбки и положительную реакцию на наши отношения. Так тепло на меня не реагировали собственные родители. Если мама или отец решать обнять меня, то только для того, чтобы задушить раз и навсегда.

Глава 22

В последнее время утро выдаётся очень добрым, даже несмотря на то, что два дня подряд я ночевала в кампусе, потому что Алан начал косо смотреть в мою сторону. Мне совсем не хочется терять лучшего друга, и я до последнего верю, что этого никогда не произойдёт. Даже если Алан узнает о моих отношениях с Диего, я насильно оставлю его своим другом, у него нет других вариантов. Диего и Алан два человека, которых я ценю и как ни странно – люблю. Я не понимаю, какую любовь испытываю к Диего, но я точно знаю, что боюсь его потерять. Сейчас это равносильно потере любви всей своей жизни. Я просто понимаю, что испытываю два разных чувства к ним, и эти чувства нельзя сравнить, они абсолютно разные.

Сегодня тот самый день дежавю, когда Алан ждал меня под той самой аркой, как в первый учебный день, разница лишь в том, что сейчас декабрь. Белая куртка лучшего друга, как всегда пугала меня до чёртиков, потому что я всегда боялась коснуться её и замарать, чёрные джинсы и тимберленды, в дополнение к которым шла чёрная шапка. Не знаю, как ему удаётся оставаться таким брутальным и одновременно милым.

– Ты похожа на ниндзя, – засмеялся друг, когда я подошла ближе, – или на пингвина.

– Сегодня ужасно холодно, – хмыкнула я.

– Тогда теперь ты пингвинёнок Гри, – улыбнулся Алан, закинув руку на моё плечо, кисть которой была без перчатки.

– Господи, да ты с ума сошёл! – визгнула я, смотря на голую часть тела, где куртка поднялась выше благодаря поднятой руке.

– Что? – удивлённо вскинул брови под шапкой Алан.

– У тебя отмерзнет рука и придётся делать ампутацию.

– Успокойся, пингвинёнок Гри, не придётся, мы же не на Северном полюсе, – засмеялся друг.

– Тут ужасно холодно, если бы меня сейчас отправили в Лондон, то там я могла ходить в купальнике.

– Хочу посмотреть на это. И кстати, что на счёт Рождественских каникул?

Нахмурив брови, я изменилась в лице и в настроении.

– Я не собираюсь лететь к родителям.

– Но как же наша традиция? – возмутился Алан, открывая передо мной дверь.

– В этом году придётся ей пренебречь. Я лично вызову крушение самолёта, если меня заставят туда лететь, так что не выбирай мой рейс.

– Гри! – нахмурился Алан, – я предлагаю тебе провести каникулы с моей семьёй, почему ты отказываешься?

– Ты прекрасно знаешь, что родители не позволят мне остаться у вас, они любым способом вытянут меня в свой ледяной дворец.

– Мы могли бы не говорить им о твоём прилете.

– Прости, Алан, – вздохнула я, – в этом году я хочу побыть одна, мне необходимо это одиночество.

– Хорошо. Ты ведь знаешь, что я не могу давить на тебя, поэтому придётся принять твою позицию, но ты должна понимать, что я расстроен.

– Я знаю, – вздохнула я, принимая тёплые объятия Алана, когда куртки были отданы в гардероб, – мы обязательно наверстаем упущенное.

– Конечно, – улыбнулся Алан, чмокнув меня в макушку.

Остановившись у аудитории, Алан подмигнул мне на прощанье, на что послышались вздохи со всех сторон. Друг определённо цепляет других девушек, чего не скажешь о нём самом. Как бы мне хотелось, чтобы он проявлял интерес хоть к ком-нибудь, даже к Полли. Я знаю, что он никогда не будет счастлив со мной хотя бы потому, что я не испытываю к нему взаимных чувств.

Улыбка Оливера стала шире, когда я заняла соседнее кресло.

– Знаешь, что я сейчас представил? – пошевелил бровями друг.

– Удиви меня, – кивнула я, бросив на него быстрый взгляд.

– Твоя юбочка взлетает вверх, как у Мерлин Монро.

– Чего я ожидала? Теорий Стивена Хокинга? – вздохнула я, закатывая глаза, задавая при этом риторический вопрос.

– Это ещё не всё, – продолжал играть бровями Оли, – мы – пара.

Подавившись собственной слюной и воздухом, я отрицательно закрутила головой, избивая лицо волосами. Нет. Десятки раз нет. Сотни раз нет. Мы никогда не будем парой. Только через мой труп или когда мне отшибут мозги, но даже в таком случае я отказываюсь подписываться на подобную авантюру.

– Если ты изобьешь себя, то я не буду с тобой в паре, Грейс. Мне слишком важна твоя красота. Нам сказали найти себе пару для этой лекции, так что ты – моя пара.

– Господи, с этого нужно было начинать. И если ты решил, что я сделаю всю работу, то можешь подтянуть трусики, Оли, я этого делать не буду.

– Вот чёрт, – шутя, фыркнул друг, – но похрен. Я уже тебя застолбил.

– Застолбил? – вскинула я брови.

– Ага. Ты моя на ближайшую лекцию.

– И что мы должны сделать?

– Я выбрал тему секса.

– Очередная попытка удивить меня, стала провалом. И что мы должны сделать?

– Описать, почему кого-то мы рассматриваем, как объект для секса, а кого-то нет. Но знай, я сразу сказал, что готов кувыркаться с тобой у всех на глазах прямо на рабочем столе профессора.

– Я уже говорила, что готова перелизать весь асфальт штата, потому что этому никогда не бывать.

– Не зарекайся, вдруг я останусь последним парнем на планете, – сверкнул довольной улыбкой Оливер.

– Тогда придётся прибегнуть к онанизму.

Оливер пропищал мои слова, смешно кривя лицом, из-за чего я прыснула. Но я не шучу. Между нами никогда не будет секса, хотя бы потому что я не могу им заниматься смеясь, а с Оливером я даже не смеюсь, а хохочу в историческом припадке. Кроме того, я просто не представляю его в этой роли. И скорей всего, он выбрал для нас очень правильную тему, потому что Оли вечно трещит про секс со мной, а я абсолютно не имею той тяги к нему как к сексуальному объекту.

– И что именно мы должны сделать? – вздохнула я, взглянув в сторону друга.

– Раскрыть причины сексуальной тяги и наоборот.

– Ладно, твоё мнение на этот счёт?

– Если девочка стройная и красивая, то я готов снять штаны.

– Всё?

– Да, а что ещё нужно?

– Господи, за что? – провыла я, смотря в потолок.

– За что я такой сексуальный? – усмехнулся Оливер.

– Да, действительно, за что ты такой сексуальный, – хмыкнула я, покачав головой.

Смеясь, Оливер плюнул слюну на ладонь, проведя вдоль

тёмной шевелюры, словно голливудская звезда, из-за чего я снова издала протяжный вопль. Я не знаю, может ли этот парень вообще быть серьёзным, или у него просто отсутствует данный ген. Не обсуждая никаких дальнейших действий, я надеялась на чудо, которое поможет времени ускориться и не дать профессору пригласить нас или дать слово нашей паре.

Слушая мнения других студентов, я собирала информацию в единую кучу, чтобы хоть что-то выразить самой, но каждое мнение настолько разнилось, что я просто ушла в библиотеку и опыт в виде собственной жизни.

Почему к кому-то нас влечёт на физическом уровне, а к кому-то нет?

Наверно, стоит обратиться к Фрейду, которого я никогда не читала, но слышала его многие изречения на тему секса, к примеру, он говорил: «Человек говорит о том, что ему не хватает», и тут он оказывается прав. Это выражение автоматически находит ответы на вопросы, которые я задаю самой себе. Я часто говорю о любви, потому что это именно то, чего мне не хватает. Любовь в принципе отсутствует в моей жизни, а изречения Оливера на девяносто процентов состоят из пошлых тем. В данном случае я не могу подобрать никакого другого обозначения для его либидо, кроме сатириазиса. У Оливера чётко выражено постоянное желание секса: он говорит о нём, намекает пошлой улыбкой и я уверена, ежесекундно думает о нём. Но я не могу сказать, что ему не хватает секса, если он постоянно им занимается, хотя сатири-

азис и есть бесконечное возбужденное состояние. Если, конечно, друг не приписывает себе заслуги других, типа Златоуста Локонса.

– Мисс Мелтон и мистер Блайт, – обратилась вежливая улыбка профессора Римвера, – хотелось бы послушать ваши рассуждения, если мне не изменяет память, ваш вопрос о том, почему к одним у нас возникает сексуальное влечение, а к другим – нет.

– Профессор, мой член и глаза не думают, кого хотеть, а кого нет, – с довольной ухмылкой начал Оливер, – например: девочка красивая, стройная, по хорошему стечению обстоятельств ещё и весёлая, тут всё за себя делает природа.

– То есть, Вы утверждаете, что в Вас играет лишь зрительная возбудимость? Вам не нужно знакомиться, узнавать человека глубже?

– Нет. Это лишняя трата времени, профессор. Если за вас думают гормоны и кипит страсть, вам просто некогда узнавать друг друга, вы оба будете слишком заняты сексуальными утехами.

– Думаю, что сейчас за Вас таки говорят подростковые гормоны. Через некоторое количество времени Вы уже не будете так думать. Хотя, с чем чёрт не шутит, всякое бывает. Но расскажите мне: Вы говорили, что, кхм… простите, готовы кувыркаться с мисс Мелтон прямо на моём рабочем столе, чем Вас привлекает Ваша подруга?

Взглянув на меня, Оливер развалился на месте, раски-

нув руки по спинкам кресел, словно является золотом среди бронзы, его улыбка говорила лишь о том, что сейчас он выдаст очередную пошлость. И я оказалась права.

– Профессор, Вы ведь тоже мужчина, и первое, что Вы делаете – оцениваете глазами. Для того, чтобы возбудиться, нам нужно увидеть желанный объект. Посмотрите на мою подругу, – махнул головой в мою сторону Оливер, – разве она не вызывает желание выпроводить всех из аудитории и оприходовать стол?

Окинув взглядом студентов, где некоторые одобрительно присвистнули, губы Оливера расплылись в ещё большей улыбке, потому что его плоское мужское мышление глаголало истину и нашло союзников.

– Вот видите, некоторые со мной согласны, – кивнул друг, – Грейс сексуальна. При ней отпадная фигура, и это очень важный аспект при влечении парня к девушке, потому что мы любим глазами. Она остра и дерзка на язык, а это бросает вызов, потому что появляется желание укротить и подчинить её себе любым способом, даже в сексе.

– И это всё? – удивлённо произнёс профессор.

– Для того, чтобы захотеть девушку – да, – кивнул Оливер, – мы же говорим о сексе, а не будущих внуках, которых нам подарят общие дети.

– Для Вас не играет роли внутренний стержень?

– Забыл упомянуть об этом. Да, играет. Есть девушки, при которых все необходимые внешние данные, но иногда этого

мало. И в таком случае это уже просто галочка в списке, она не несёт за собой ничего, кроме своего присутствия. Грейс смешная, дерзкая и хитрая. В ней есть та самая женская притягательность, которая манит к себе. Будь Вы на моём месте или в моём возрасте, Вы бы согласились со мной.

– А я разве говорил, что не согласен с Вами? – улыбнулся профессор, ошарашивая студентов и меня в целом, – все мы были молоды, и все мы проходили данный этап. Теперь мне бы хотелось послушать мисс Мелтон, которая утверждает, что Вы не привлекаете её в сексуальном плане.

– Всё просто, профессор, – вздохнула я, – я предпочитаю мужчин, а не парней, которые любят трепать языком. Не в обиду Оливеру.

– Ты знаешь, что я не могу обижаться на тебя, крошка, – пошевелил бровями Оли, смотря на меня.

– Да, внешность играет свою роль, но первое, что должно быть в мужчине – харизма. Он может быть самым красивым парнем с обложки GQ, но если у него нет той мужской обаятельности, то меня, по крайней мере, это совершенно не зацепит. Я не могу говорить за всех, это сугубо моё мнение. Моё нежелание Оливера в том, что я вижу его только другом, а с друзьями не занимаются сексом. Либо я придерживаюсь данной позиции. Секс не стоит нашей дружбы, поэтому всё достаточно просто.

– Тогда позвольте узнать, есть ли в нашей аудитории парни, которые привлекают Ваши красивые глаза? – улыбнулся

профессор.

– Нет.

– Вы ведь даже не посмотрели.

– Потому что я бы сделала это давно, но я не рассматриваю в данном контексте никого из присутствующих.

– Хорошо, наверно, в Вашей жизни уже присутствует такой человек, по этой причине Вы не рассматриваете другую кандидатуру.

Пожав плечами, я не стала отвечать на вопрос или утверждение профессора, потому что о моих отношениях с Диего не должны знать ни студенты, ни профессора. За соседним креслом сидит Оливер, который легко может взболтнуть лишнего в компании Алана, а я в этом плане слишком эгоистична, потому что не хочу потерять лучшего друга. Я предпочитаю держать его в неведении хотя бы сейчас.

Оливер шёл впереди меня, когда профессор отпустил нас. Мы собирались сходить в кафе, чтобы отсидеть там следующую лекцию миссис Стэнфли. Женщина самая настоящая супруга Сатаны; у неё невозможно списать, а без этого никак не сдать её предмет.

– Я знаю твою тайну, принцесса, – протянул Оливер. Слава богу, что он шёл ко мне спиной, поэтому никак не мог увидеть то, как исказилось мое лицо. *Да что может знать этот придурок? Только как использовать пластиковый пакет в виде презерватива.*

Мне срочно нужно рассказать всем, кроме Алана, конеч-

но, о том, что мы с Диего вместе, иначе я готова прятать голову в песок с каждым разом, когда кто-то из моих друзей решает «пошутить».

– Поведай мне мой секрет.

Он покрутился на месте, ехидно улыбнувшись. *Вот же чёрт!*

– Я знаю, что ты хочешь меня. Я понял это давно, но думал, что если буду переводить всё в шутку, тебе станет легче признать эту правду. Но ты упорная, Грейс.

Капелька пота стёкла по моей спине и с громким звуком рухнула на пол.

– Как ты узнал, Оливер? О, Боже мой, не может быть. Я же хранила этот секрет, как собственную девственность!

– Когда ты лишилась девственности?

– Хей, неприлично спрашивать такое. Вообще, говорят, что девственности не существует, но…

– Тебе сложно ответить? – не дослушав, рявкнул Оливер.

– Не твоё дело, красавчик.

– Теперь ты не моя принцесса, – пробурчал он и грузно зашагал следом за мной, когда я уже подходила к дверям кафе.

– Ого, и что же я сделала такое, что сам Бог наслал на меня такую карму?

– Принцесса Оливера должна хранить свою киску для него.

– Мужик, ты трахаешься, как кролик, но твоя девчонка должна быть монашкой? – хохочу я.

С невозмутимым видом он посмотрел на меня так, словно не понял смысл моего вопроса, ведь так оно и есть.

– Конечно. Это как с банкой оливок. Ты открыл её и наслаждаешься тем, что она свежая, новая и только твоя, ведь до этого её никто не открывал. Ты можешь отдать её другому, но это уже другой разговор. Но есть и другая ситуация, когда тебе достаётся банка, которую пускала по кругу дюжина парней. Это же мерзость!

– Мерзость то, что у тебя двойные стандарты. Девушка должна быть закрытой банкой, а парень нет.

– Брось, это не двойные стандарты. Я никогда не спал с девушкой, которая была девственницей. Только открытые банки.

– Это твой девиз?

– Наверное, так оно и есть.

– А я-то думала, что твой девиз трахать всё, что движется и нет, – Оливер толкнул меня в бок и открыл перед нами дверь, впуская меня первой.

– Официально заявляю: отныне я не трахаюсь.

– Что? Могучий член Оливера будет жить в железных боксерах без ключа от замка? Не смеши народ, – и он снова пихнул меня.

– Ну ладно, переборщил. Официально заявляю: я буду трахаться меньше.

Как только я хотела расхохотаться, любимый голос раздался позади нас, перемещая всё наше внимание на себя.

– И вы снова говорите о сексе. Ну ладно Оливер, но в чём твоя проблема, Гри? – Алан потянулся ко мне и чмокнул в лоб. Хлопнув Оливера по плечу, он обнял меня, и мы втроём пошли к столику, где нас уже ждали.

– Секс – это табу? – ёрничал Оливер. Я знаю, что он хочет сказать дальше, но я хочу сделать это раньше этого сукиного сына.

– Для того, кто давно забыл, что такое секс – определённо.

Оливер протянул мне ладонь, и я стукнула по ней своей. Алан раздраженно фыркнул рядом и неожиданно дал нам подзатыльники.

– На правду не обижаются, – проворковал Оливер и побежал вперёд, чтобы нога Алана, которая уже летела к его заднице, не успела попасть в нужную точку.

– Ты меня бесишь, идиот.

– Не ворчи, красотка, просто признай, что тёлочки не дают тебе из-за того, что ты слишком умный.

– Это разве проблема? – спросила я у Оливера.

– У него все проблемы из-за мозга. А проблем у него нет, соответственно и мозга тоже, – проворчал Алан рядом со мной и обнял меня за талию. Тёплая ладонь нежно ласкала спину, пробираясь к пояснице, отчего я заёрзала, чтобы сдвинуть её выше.

– Мужик, у меня одна проблема – лучший друг-цыпочка.

Алан стартанул в его сторону, и эти идиоты, помчались через всю столовую, сбивая с ног людей и профессоров, да,

профессора не люди.

Пока они где-то кружили в кафе, я села за столик, где уже были Полли, Сам и Мария. Первая улыбнулась мне, когда я подсела к ним, но тут же, будто осознав, что она сделала, сделала лицо отвращения, скорчив гримасу. Сучка. Саманта с кем-то чатилась, а Мария смотрела в одну точку, не моргая и, кажется, не дыша. После того дня, когда я видела её не в том расположении духа, я пытаюсь уличить её в этом снова, чтобы хоть как-то постараться объяснить это поведение. Но ничего такого не происходит. Кроме, конечно, избегающего её Оливера, который обходит даже её взглядов. И её это несомненно задевает.

– Привет, Грейс, – ноль эмоций на лице Марии. Она говорила со мной по шаблонам, без интереса или каких-нибудь других чувств.

Полли шумно выдохнула. Сегодня она выглядела куда более уставшей, чем раньше.

– У неё хандра из-за паршивой задницы Оливера, – объяснила она.

Мария задвигалась на стуле, нервно перебирая в руках салфетку.

– Не верь ей. Это все ложь. Со мной все в порядке. Видишь? – она указала указательными пальцами обоих рук на с трудом растягивающуюся улыбку на её лице. Вышло страшное зрелище, если честно. Она поняла это, – ну, ладно, да, она попала в точку. Вообще, я не понимаю, что я сделала не

так? Почему он игнорирует меня?

– Ты писала ему? – ужаснулись мы с Полли одновременно.

Мария быстро заморгала.

– Ну, я.. как бы.

– Боже, Мари, ты писала парню, после того, как заступилась за него, а он сделал вид, что тебя не существует?

Она опустила глаза или от стыда, или для того, чтобы не показать нам непролитые слёзы, застывшие в её глазах.

– Писала…

– Он ответил тебе?

– Полли, ну, конечно, он ей не ответил, иначе она бы не ныла сейчас, так ведь? – рявкнула я.

– Какая ты умная. Может, тебе стоит пойти в университет для людей с таким же уровнем ума, как и у тебя? Заодно избавишь меня от лицезрения тебя каждый день.

– Ещё одно слово и я сломаю твою руку, которой ты мастурбируешь.

– Попробуй, сучка, – мы одновременно встали и прижались друг к другу лбами.

Я убью её. Клянусь.

– Ладно, ладно, ладно. Хватит, стервочки, я уже поняла, что мои проблемы – ничто, по сравнению с вашими проблемами. Когда вы уже начнёте вести себя нормально при виде друг друга? – Мария тут же оказалась между нами, отодвигая нас друг от друга.

Но наше рычание прервали парни. Оливер держался за

живот, пока Алан тащил его за воротник. Они казались веселее, чем были тогда, когда убежали от меня.

– Вы снова собачитесь, девчонки? – спросил Оливер.

Мария, стоящая посередине нас с Полли, задержала дыхание. Мы с Полли перевели на неё свои взгляды, задавая немой вопрос. Она просто уткнулась глазами в Оливера, который смотрел на всех, кроме неё. Но в последний момент его бравада пала, и он всё-таки взглянул на неё. Тысяча вопросов и ответов промелькнули на его лице, но ни одного из тех, что были так нужны Марии. *Безответные чувства – страшнее всего. Особенно, если дело касается любви.*

– У нас в компании происходят явные проблемы, – хмуро растянул Алан, смотря на всех разом.

Саманта, наконец, встала со стула, оторвавшись от телефона.

– Нам просто нужно вновь сплотиться. Помните, после похода мы были дружными как никогда?

– Ага, теперь вспомни, как охраняла палатку с Полли и Грейс, чтобы они не схавали друг друга, – рассмеялся Оливер.

– Закрой. Свой. Рот.

Тишина в многолюдном кафе раздалась также неожиданно, как и шипящий голос Марии, которая ещё недавно дрожала при виде Оли, а сейчас готова прыгнуть на него и свернуть ему шею.

– Вау, – ахнула Полли.

Она единственная нашла в себе силы сказать хоть что-то, пока мы все уставились на Марию.

Да это, блядь, не просто вау.

Я хочу отдернуть её и увести подальше от этого места, чтобы выяснить в чём дело, но это кажется мне плохой идеей, когда она дерзко дёргает бровью, бросая Оливеру вызов.

– Ладно, кажется, все гораздо хуже, чем я думала, – прошептала Саманта, но из всех её услышала одна лишь я, – значит, моя идея должна показаться вам как никогда хорошей.

– Я бы не говорил, что ты генератор хороших идей, – извиняюще улыбнулся Алан.

Никто не отрывал глаз от Марии. Мы говорили, но продолжали упорно смотреть на неё, будто хотели что-то увидеть, заметить, понять.

– Сейчас я единственная, кто может решить нашу проблему.

Мария резко дёрнулась в направлении Саманты.

– У меня нет никаких проблем. Тебе это ясно?

Ошарашенная Сам хлопала ртом, сдвинув брови к переносице.

Это переходит абсолютно все границы.

– Мария, – зову я её, и она, словно делая мне одолжение, лениво поворачивает голову в мою сторону, – ты не можешь говорить так с ней. Это чертовски дерьмово, тебе не кажется?

– Мне кажется, дорогая Грейс, что это не твоё дело. Она

сказала, что у меня есть проблемы, а у меня их нет. Нельзя лгать людям, не так ли? – в конце она театрально хмыкает, скривив губы в подобие улыбки, но вышел зверский оскал.

Я всерьёз не понимаю её, но я знаю точно, что в таком состоянии она с лёгкостью расскажет всем о нас с Диего.

И я должна это предотвратить.

– Тебе лучше уйти, – с нажимом произношу я, надеясь, что мой голос не дрожит от страха.

Я никогда не боялась отца, мать, тренера или противников по футболу. Но я боюсь Марию. Потому что я не знаю, что можно от неё ждать. Я не узнаю её. В одно время она поворачивается ко мне лицом, а в другое спиной. А иногда лучше не первое, а второе, потому что её сумасшедший взгляд, возникающий из неоткуда, пугает меня куда больше.

– Так ты избавляешься от проблем? – её смех заставляет застыть кровь в жилах.

– Мария, – Алан осторожно берет её за руку, но она отдергивает её и от той силы, которую приложила, отшатывается.

Мария прыгает вперёд, возникая прямо передо мной. Её взгляд – это всё, что нужно мне, чтобы понять её намерения.

– Пошла ты, Грейс. Пошла ты и мой гребаный братец. Вы друг друга стоите, лживые говнюки. Горите в аду, слышишь? Ненавижу, – она со свистом вылетает из кафе, оставляя нас в глубоком, как Марианский жёлоб, шоке.

Я хочу последовать за ней, остановить её, поговорить, помочь ей справиться с тем, что гложет её, ведь не секрет, что

есть какая-то проблема, мешающая ей жить. Как ни странно, мне безумно сильно хочется разделись с ней это. Но я не могу. Трусость, которая давит меня, как давит каблук паука, не даёт мне приблизиться к ней; она может рассказать Алану обо всём. Именно поэтому я предпочла вслушаться в разговор друзей, а не бежать за ней.

– И что? – фыркнула Саманта, отбросив распущенные полосы на спину.

Оливер закатил глаза, причмокивая.

– Это ещё одна из причин. Другая: у нас лекции.

– Мы можем прогулять.

– Разве тебя вообще когда-нибудь волновала учёба? – спросил у него Алан.

– Конечно, волновала. Когда ректор угрожал отчислить меня за пропуски.

– Не удивительно, – хмыкнула Полли. Оливер показал ей средний палец, на что она ответила ему тем же.

– Вы о чём сейчас?

Саманта повернулась ко мне.

– Я предложила ребятам сходить в кино, чтобы сплотить нашу компанию. Последнее время у нас одни ссоры, – объяснила она.

– А что? Хорошая идея. Я за! Давно не была в кино.

– Ты ненавидишь кино, Гри.

– Когда это было? Может, все изменилось. Я всё-таки взрослею.

– Это было в прошлом году. Ты ненавидишь походы в кинотеатр, потому что не можешь там обсуждать фильм.

– Почему не может? – недоумевающе спросил Оливер.

Алан подмигнул мне.

– Это наша тайна.

– Ой, какие у вас могут быть тайны, сладкая парочка?

– Скорее приторная, – пробурчала Полли.

– Мы лучшие друзья. Конечно, у нас до хрена тайн.

– Так, всё, – остановила Алана Саманта, подняв руку вверх, требуя внимания на себя, – мы все вместе прогуливаем лекцию, тем более она последняя, и идём в кино.

– И что за фильм ты предлагаешь?

– Не знаю, я хотела спросить вас. Не одна же я должна работать мозгами.

– Предлагаю пойти на Венома, – предложил Алан, и никто не стал возражать.

Кинотеатр оказался не так далеко от Принстона, как я предполагала, что только сыграло нам на руку. Купив еду в магазинчике рядом, мы зашли в зал, пройдясь к последнему ряду, и начали просмотр.

Неожиданная вибрация моей сумки и писк, потревожила меня.

– Оли, – шепнула я парню, когда он кидал очередную горстку чипсов в рот.

– Не мешай, Грейс. Я смотрю.

– Оливер, – более настойчиво позвала я.

– Ну чего тебе?

– Заткнитесь, – проворчала Саманта, сидящая через три сиденья от меня.

– Подай сумку.

Оливер кивнул и не глядя кинул мне сумку.

– Это не моя. Моя чёрная.

– Какая разница? Ты же не сказала, какую тебе нужно сумку.

– Оливер. Дай. Мне. Чёрную. Сумку.

– Ну, знаешь ли, без света все кажется чёрным.

– Оливер.

Он раздраженно фыркнул и что-то пробормотал, но всё-таки дал мне нужную вещь.

На экране телефона высветилось непрочитанное сообщение от Диего.

«Где ты?»

«Там, где нет тебя»

«Остроумно. Где ты, блядь? Тебя нет в университете»

«Потому что я в кино»

«Кто он?»

«Не поняла»

«Кто тот, с кем ты пошла в кино?»

«О. У него много имён: Оливер, Алан, Сам и Полли»

«Я сейчас подъеду. Ты сможешь выйти?»

Поднимаю глаза и обводу нашу компанию. Все смотрят фильм, и никто не заметит моей пропажи.

«Через сколько ты будешь?»

«Пять минут, и я буду на месте»

Аккуратно, чтобы ни один меня не заметил, я проползла к выходу и вышла, направляясь к диванчикам в зале ожидания, где увидела Диего. И он был не один. Парень ростом с Диего, стоял ко мне спиной, демонстрируя сильную спину, широкие плечи, но несмотря на это у него узкие бёдра и мощные ноги, мышцы которых я вижу даже под чёрными джинсами. Диего заметил меня и махнул рукой, из-за чего этот парень повернулся ко мне лицом, и в нём я смогла узнать того самого мужчину, что сидел с Диего и пил пиво, пока я была на свидании. Темно-коричневые волосы небрежно разбросаны на голове, но это не придавало ему какую-то неаккуратность в образе. Точно такая же кожанка, что и у Диего, будто они купили куртки в одном магазине по акции два по цене одной. И, господи, его светло-карие глаза, которые смотрят в самую душу, обрамлённые густыми ресницами, глядят прямо на меня. Полные губы, аккуратная борода. Он – настоящий Аполлон, не побоюсь этого слова.

– Ну, здравствуй, – с хрипотцой растягивает Диего, когда я подхожу к ним, и заключает меня в кольцо своих рук.

Поцеловав его в щеку, я услышала голодный рык, но предпочла уделить внимание нашему зрителю.

– Диего, – надеюсь, он понял мой намёк.

И да, он понял.

– Грейс, это Даниэль – мой лучший друг с самого детства.

Даниэль, это Грейс – моя… хм, девушка, – представил он нас.

Пытаясь не акцентировать внимание на том, что он долго подбирал слова, чтобы представить меня, но бровь сама по себе вопросительно выгибается, когда я бросаю взгляд на Диего.

Густые идеальные брови Даниэля взлетают вверх, и я уже жду негативной реакции, как вдруг он коротко улыбается.

– Приятно познакомиться, Грейс, – низкий баритон мужчины вынуждается меня отрыть рот от восторга. Он буквально идеален во всём. Как земля может носить таких красавцев, как Диего и Даниэль?

– Мне тоже, – киваю я ему и поворачиваюсь к Диего, продолжая находиться в его объятиях, – ты просто соскучился по мне, или что-то случилось?

– Да и нет, ничего не случилось, но я также не особо то и скучал по твоей хитрой заднице. Я просто хотел быть уверен, что ты все ещё жива, а не опять в чём-нибудь накосячила.

– Какое резкое заявления, Фуэнтес. Не боишься, что я приму меры борьбы с твоим грязным язычком?

– О, я совсем не против таких мер, – опасно блеснув глазами, он хотел кинуться на меня, но смех Даниэля остановил его.

– Брейк, брат. Ты можешь хоть трахать свою девочку здесь, но только не на моих глазах. Раз уж ты так изголодался, то я пожалуй пойду.

– Рад, что мы понимаем друг друга, – улыбнулся ему Диего и протянул руку, чтобы пожать его ладонь в прощании.

– Кстати, Грейс, Мария с тобой?

При упоминании его сёстры в жилах застыла кровь. И не у одной меня. Взгляд карих глаз Даниэля приобрёл более темный оттенок, а губы сжались в одну тонкую линию.

– Нет, произошёл инцидент. Она накричала на нас и ушла, а куда – не знаю.

Даниэль выдернул руку.

– Она пьёт таблетки? – резко и довольно сухо спросил он у Диего.

– Последнее время нет. Я пытался бороться с этим, но ей, блядь, наплевать на меня.

– Я поговорю с ней, – он удостоил меня коротким взглядом, махнул Диего и исчез в сторону выхода, оставляя нас одних, пока моё время не закончилось.

Попрощавшись с Диего, я зашла в зал и через пару минут вместе со всеми направилась обратно в кампус, когда на улице было уже довольно темно и ещё холодней. Серьёзно, погода тут меняется со скоростью взмаха ресниц: я закрываю глаза ещё тогда, когда деревья украшает зелень, а открывая, натыкаюсь на заснеженные дорожки и слякоть.

Сменив одежду на другую, я было хотела выскочить за дверь, чтобы убежать к Диего, но чуть ли не сбила с ног Алана, который как раз поднял руку, чтобы постучать. И да, я въехала лбом в его кулак. Спасибо, что не глазом. Как можно

объяснить поставленный самой себе фингал?

– Ты куда? – нахмурился друг, пройдясь по мне взглядом.

– В магазин, – на одном дыхании протараторила я, застыв на месте.

Молодец, теперь он точно тебе не поверит, – захныкали внутренние «я», которых уже давно не было слышно, – *ты не можешь вести себя естественней?*

– Господи, ты чуть ли не лишил меня глаза, – вздохнула я, потирая место удара на лбу и заодно переводя тему.

– Гри, ты совсем бесстрашная или у тебя просто отсутствует статмин? – рассматривая ушиб, Алан поглаживал меня по макушке, – прости, я не думал, что ты вылетишь так резко.

– Какой к черту статмин? – поморщилась я.

– Ген, отвечающий за страх.

– Скорей всего от него остался небольшой процент. Ты же знаешь моих родителей, единственное, чего я боюсь – стать ими.

– Тут ты права. Сходить с тобой?

– Ты что-то хотел?

– Хотел предложить что-нибудь посмотреть. Ты уже посмотрела вторую часть?

– Чего?

– Прости, хочу на тебе жениться.

– Что? – опешила я, вылупив глаза.

– Господи, удар был сильным, – засмеялся Алан, притянув

меня в объятия, – фильм, Гри.

– Вот же нахрен! – на весь коридор воскликнула я, – я совсем про него забыла!

– Значит, в магазин за всякой ерундой и смотреть?

– Да, – закивала я.

– Подожди, я переобуюсь и возьму куртку, – проголосил Алана, убегая в сторону собственной комнаты.

Что ж, Диего, сегодня мы ночуем по раздельности.

Скупив часть витрины со сладостями, и протащив на себе кучу пакетов до кампуса, я рухнула на пол от бессилия пройденного пути. Ещё один повод ненавидеть зиму: гора одежды на тебе и пакеты в зубах. Я хочу жить в Африке, чтобы носить коксы на груди и юбку из листов от пальмы: натурализм, что может быть лучше?

Пока Алан раскладывал покупки по глубоким чашам, я в быстром поиске тыкала по всевозможным ссылкам, чтобы выбрать ту, где фильм загрузится как можно скорее. Я совершенно позабыла о второй части, которую так яро хотела посмотреть, но Диего умело помог забыть о ней и отложить в дальний ящик, за это я с удовольствием включу данный фильм при нём, чтобы отомстить. Он, конечно, не знает о моей мести, да и нужно ли. За этот небольшой промежуток я поняла, что он предпочитает трейлеры, обязательно устрою ему киновечер в романтическом стиле. Не думаю, что он поклонник подобных сценариев, это сделает мою месть ещё слаще.

– Ну, конечно, она ответила да, – хмыкнул Алан в конце истории.

– Но это же мелодрама, она не могла отказаться.

– Слишком банально, в жизни так не бывает.

– Да, к примеру, моя жизнь полна дерьма различных оттенков.

– Грейс, сейчас твоя жизнь намного лучше.

Коротко улыбнувшись, я захлопнула ноутбук. Алан отказывается видеть во мне ту Грейс, которая лжёт, смотря в глаза, скрывает отношения, занимается сексом с тренером за углом кафе на свидании, в то время как пришла с другим. Он всегда видит во мне только хорошее, в то время как плохого, намного больше. Наверно, благодаря Алану я всё ещё держусь и не становлюсь холоднокровной сукой. Он – мой свет, надежда и вера в то, что я могу быть лучше своих родителей.

В жизни слишком важна поддержка. Без неё мы загибаемся. Не важно, кто помогает преодолеть трудности: семья, друзья, любимый человек, важно лишь то, что при падении, кто-то поймает твою руку и поможет подняться с колен. Эта помощь может быть материальной, моральной, словесной, а может быть духовной. И для меня важна именно последняя, когда в душе горит небольшой, но огонёк надежды. Именно он согревает тебя изнутри. Именно благодаря ему ты, скрипя зубами, веришь в то, что возможно всё. Алан и есть мой огонёк, который помогает верить в хорошую Грейс.

– Чем объяснил мистер Харрис своё скрытие? – развеял

тишину лучший друг.

– Ничем. Я ещё не разговаривала с ними.

– Грейс, ты серьёзно? – нахмурился он, поднявшись на локти и взглянув на моё лицо.

– Да.

– Так нельзя. Ты должна поговорить с ними.

– А они должны были рассказать мне, а не скрываться.

– Ты не можешь бегать вечно, когда-нибудь это придётся сделать, он ведь наш ректор. И ещё ты пишешь с ним сочинение, тебе в любом случае придётся с ним видеться.

– Знаю, – довольно резко ответила я, за что сразу почувствовала укол вины, – прости… я просто ещё не готова. Мне нужно время.

– Ты хочешь, чтобы они присутствовали в твоей жизни?

– Не знаю. Они ведь даже не пытались найти связи со мной, а спустя восемнадцать лет решили заявить о себе.

– Они не заявляли о себе, Гри, это вышло случайно. Думаю, что они не хотели, чтобы ты увидела это фото.

– Если бы не хотели, не приглашали бы к себе или могли вовсе убрать его. Ты понимаешь, что в моих глазах он зарекомендовал себя, как больной ублюдок и извращенец?

– Почему?

– Потому что его нездоровый интерес мне совершенно не приходился по вкусу.

– Но сейчас всё изменилось, и ты понимаешь, что он просто хотел узнать тебя. Дай ему шанс. Почему ты сразу ищешь

подвох?

– Потому что именно из подвохов состоит моя жизнь. Ты как никто другой это знаешь.

– Знаю, но не стоит грести всех в одну кучу.

– Может быть ты прав, но я просто не умею по-другому. Как только кто-то появляется рядом, он ищет своей выгоды, словно я игрушка, которой можно наиграться и бросить. Я чувствую себя чертовой куклой, которую каждый раз берут, пользуются, определённое количество времени, и когда она уже не такая красивая, как прежде, её выбрасывают, найдя новую. Как тут можно не искать подвох? – всхлипнула я, позволяя слезам покатиться по щекам, – так было всегда. Я перестаю чувствовать себя человеком, потому что со мной обращаются, словно я не живая, словно я не могу ничего чувствовать. Я ощущаю себя бездарностью. Господи, иногда я просто хочу исчезнуть с лица земли, лишь бы ничего не чувствовать.

– Гри, остановись, – вздохнул Алан, переплетая наши пальцы, – ты знаешь, что я всегда буду рядом.

– Не говори так, ты не знаешь, что будешь дальше.

– Ты права: я не знаю, что будет завтра, послезавтра или через неделю, чёрт, да я даже не могу с уверенностью заявить, что мы будем жить через пять минут, потому что сейчас кто-то может закладывать бомбу в кампус. Я просто знаю, что там или тут, я всегда буду с тобой.

Проглотив ком в горле, я сквозь слёзы послала искреннюю

улыбку лучшему другу. Я не могу сомневаться в нём. Так не честно и так неправильно. Именно Алан был со мной. Он каждый гребаный раз был со мной и держал мою руку, будь это скандал в доме, первая игра, как и последующие игры, выполнение домашки, тренировки, после которых он разминал мою спину. Боже мой, он был рядом всегда: в любой хорошей и плохой ситуации, ему не важно, в каком дерьме я тонула, потому что он без всякого отвращения и страха, засовывал руку в это дерьмо и вытаскивал меня. Алан тот, кто доказал свою дружбу не только словом, но и делом.

Повернувшись на бок, я уткнулась носом в родную грудь, получая убаюкивающие объятия и поглаживания по макушке. Ну, почему я не могу взаимно любить его? Почему жизнь слишком сложна и изворотлива?

Глава 23

Холода подкрались нежданно, и местом для рисования стала библиотека. Это вторая точка после поля, где я чувствую себя в тепле и уюте. Теперь, на радушную встречу с книжными стеллажами, я прихватывала с собой термосткан с горячим чаем. Смотря за окно, где при свете фонарей освещающих тропинки виднелись кружившие белые снежные хлопья, которые покрывали асфальт, я находила своей покой почти такой же, как в объятиях Диего. Странно, что меня согревают холода, потому что я никогда их не любила, наверно, всё дело во влюблённости, которая греет сердце, а оно превращает кровь в кипящую лаву. У меня нет другого объяснения подобному тёплому чувству внутри.

Отойдя от окна, я вернулась на излюбленное место, заполнив ушные раковины капельками в виде наушников. Песня Switchfoot – Your Love Is a Song помогла полностью абстрагироваться от реальной жизни, позволяя уйти в мир мечтаний, грёз и желаний. Там, где есть я и он.

Синие мазки, ассоциирующие с зимой, дополняли розовые и красные, которые в основном говорят о любви, а именно сейчас моя голова заполнена ею. Кто бы мог подумать, что стерва Грейс, как о ней думают с первого взгляда другие, будет взмахивать кистью с розовой краской на кончике, думая о мужчине, который подчинил себе её разум, тело и чув-

ства. Я не могу кричать о переживаемых эмоциях так, чтобы это слышали другие, поэтому остаётся переносить каждый всплеск на холст. Но те, кто разбирается в искусстве даже с закрытыми глазами скажут, что эту картину рисовали под впечатлением от влюблённости. Моих помощником была та самая зарисовка образа Диего, который я нарисовала на этом самом месте первый раз не задумываясь. Я бережно храню именно этот портрет, ни один другой не дорог как тот, чьё лицо отражено чёрным грифелем на белом небольшом листе. Искоса поглядывая на квадратик у левого бедра, который скрывался от посторонних глаз, я ловила себя на мечтательной улыбке и подпевании словам из песни, которая вот уже три или четыре раза проиграла в наушниках.

Лишь до боли знакомый чуткий взгляд тёмных глаз заставил отвлечься от холста. Прислонившись бедром и головой к книжному стеллажу, Диего скрестил руки под грудью, смотря на меня с едва уловимой улыбкой на губах.

– И как давно ты тут стоишь? – улыбнулась я, вытащив одну капельку наушника.

– Достаточно, – усмехнулся он, пройдясь ко мне, из чего я автоматически придвинулась в левую сторону, чтобы скрыть листочек с мужчиной, который сейчас стоит передо мной.

– Что-то случилось?

– Нет. Хотя, сегодня ко мне придут гости, – взъерошив копну, он, кажется, вдумчиво и смущённо улыбнулся.

– Хорошо, останусь сегодня в кампусе, – кивнула я.

– Вообще-то, я хотел, чтобы ты тоже присутствовала с нами. Ты всех знаешь.

– Родители?

– Да. Мария, Ром и Лита тоже будут. И Даниэль, если успеет.

– Хорошо, мы готовим сегодняшний ужин?

– Если ты вдруг начала разбираться в испанской кухне, то да, я доверю тебе открыть паприку.

– Очень смешно, Фуэнтес. Если ты запамятовал, то я готова тебе напомнить: это я готовила нам завтрак и обед, при этом ничего не сожгла.

– С Божьей помощью, – засмеялся Диего.

– Тебе не кажется, что так ты можешь лишиться кое-чего важного? – выгнув бровь, я посмотрела на мужчину перед собой с вызовом.

– Если ты сейчас о сексе, то тогда ты лишишься его тоже, – выгнув бровь в ответ, он посмотрел на меня с принятием вызова.

– Я сейчас о двух важных мужских гениталиях. Не могу обещать, что будет приятно и без боли.

Улыбаясь, Диего приблизился к моему уху, томно шепнув:

– Тогда ты лишишься хорошего секса надолго, если даже не навсегда.

Натянув взаимную улыбку, я положила ладонь на его плечо, отведя ослепительно сексуальное тело и дурманящий

аромат предмета своих грёз в сторону.

– Давай говорить честно, в последнее время ты начал выдыхаться. Два раза за ночь, Фуэнтес. Ты стареешь.

Закинув голову назад, Диего хрипловато засмеялся, пробуждая волну мурашек по телу. Как ему удаётся одним смехом отключать мой разум?

– Ты уже купила крем? – сквозь смех, он вскинул подбородок, сверкнув обворожительной улыбкой.

– Да, но он мне не пригодится, – скучающе, я театрально пожала плечами и зевнула.

– Утром ты заговоришь по-другому. И ты не собираешься на тренировку?

Взглянув на часы, я улыбнулась.

– Нет, ещё полчаса.

– Капитан всегда должен приходить заранее, вдруг тренер захочет обсудить с ним какие-то важные детали, на носу матч.

– Думаю, что наш тренер говорит о других важных деталях.

– Грейс, я серьёзно, на носу матч. Если хотите уехать с поля без целых костей, то можем не тренироваться вовсе.

– Я помню, – вздохнула я.

– Харрис сказал, что ты знаешь некоторых членов команды, это поможет нам правильно выстроить план действий. Кто-то должен надрать им задницы.

– С радостью приму такую честь, – улыбнулась я, не ре-

шаясь сползти с места, чтобы не дать обнаружить заветный листочек.

– Тогда пошли, – махнув головой в сторону, Диего уже сделал шаг, когда я нерешительно спрыгнула с места, быстро подхватив рисунок.

Было поздно, мой жест не остался незамеченным. Бровь Диего вопросительно поползла вверх, в то время как я сумбурно пыталась сложить и засунуть рисунок в задний карман джинс. Именно сейчас я не отличалась ловкостью и скоростью, за что мысленно наложила на себя все проклятия.

– Что там? – протянув ладонь, Диего выглянул за мою спину.

– Ничего, – покрутив головой, мне наконец-то удалось засунуть свой секрет в карман.

– Грейс, – вздохнул он, пошевелив пальцами в знак того, чтобы я вложила своё сокровище в его ладонь, – покажи мне, не делай так, чтобы я забрал силой. Если там травка или наркотики, пеняй сама на себя.

– Фуэнтес, ты с ума сошёл? – обиженно фыркнула я, – я, конечно, пробовала, но не вошла во вкус.

– Тогда я жду.

– Я не отдам его тебе. У меня тоже есть свои тайны.

– Уже поздно, теперь это не тайна.

– Я не отдам.

– Я заберу силой, и это увидят многие. Хочешь скандала?

Фыркнув, я аккуратно вынула листочек из кармана, пото-

му что некоторые характерные звуки рвущиеся бумаги мне совсем не понравилось. Без всякого желания, я нерешительно выложила своё творение в ладонь Диего, который развернул комочек. Кажется, что на секунду я вовсе перестала слышать его дыхание, подняв на меня глаза, которые сейчас искрились теплотой, он поджал губы.

– Можешь смеяться, не обязательно сдерживаться, – поморщилась я, начав психованно и спешно собирать принадлежности для рисования.

– Грейс, – хрипло и тихо начал Диего, положив ладонь на мою поясницу.

– Что? – отчеканила я, не переставая раздраженно фыркать.

– Давно ты его нарисовала?

– Достаточное количество времени.

– Мне нравится. Не обижайся.

– Это вмешательство в частную жизнь, Фуэнтес!

– Ты – моя девушка, я имею полное право знать то, что у тебя в кармане. И при надобности, я залезу в твою сумку, в твою одежду, в твою голову, чтобы вытащить необходимое.

Закатив глаза, я очередной раз фыркнула. Закинув ремешок сумки на плечо и подхватив холст с кистями, я гордо вскинула подбородок.

– Грейс, – тихо вздохнул Диего, поглаживая моё бедро большим пальцем, – давай не будем начинать ссору? Мы можем хотя бы один день прожить нормально?

– Ты в своём уме, Фуэнтес? Спокойствие никогда не будет ассоциироваться с нами.

Смеясь, Диего оставил короткий поцелуй на моём виске, вернув лист с рисунком в карман, куда совсем недавно я пыталась его запихнуть. После чего этот мужчина подхватил палитру и стакан с кистями и водой, зашагав к выходу. Смотря ему вслед, я вновь остановила взгляд на заднице, которая под синими джинсами казалась не меньше даров Бога. Странно, что Диего не посчитал меня сумасшедшей или в бреду из-за рисунка, который я всюду таскаю с собой. Наоборот, он сказал, что ему нравится и вернул назад, не разорвав его на мелкие клочки. Конечно, я могу нарисовать ещё тысячу подобных, но суть в том, что именно этот я нарисовала абсолютно не думая, и это первый портрет в моей жизни.

– Грейс, мы опоздаем на тренировку, – не глядя, оповестил меня мужчина, от задницы которого я не могла отвести взгляд. Уверена, он мог добавить что-нибудь ещё, если бы не небольшое количество студентов нависающих над книгами в читальном зале.

– Я задумалась, – в своё оправдание пролепетала я.

– Я уже понял, – с усмешкой выдал Диего, заставляя меня закатить глаза.

Да, я вновь пялилась на его задницу, но это ведь не запрещено законом? Фыркнув, я зашагала за Диего, который уже открыл дверь в ожидании меня.

Тренировка растянулась в вечность. Диего не щадил ни-

кого и меня в том числе. Этот мужчина вообще не знает пощады на поле и в какой-то степени такой подход мне нравится. Я не хочу, чтобы меня выделяли из всех. Я такой же член команды как и остальные. У меня нет необходимости в помиловании, я желаю выиграть, а не тешить своё самолюбие тем, что меня выделяет само печатание в образе тренера. Для меня существует только победа, выбирая между милованием с парнем и радостным гулом толпы, я, не думая, выбираю второе.

Морозы на улице лишь закаляли наши тела, готовые рвать и метать всё на своём пути. Мне нравится моральная готовность нашей команды, но физическая подготовка на данном уровне должна быть выше всяких похвал. И единственное, на что я сейчас надеюсь, что никто из девочек не сляжет после подобной тренировки с гриппом в царство белых халатов и больничных ароматов.

Два часа Диего неустанно гонял нас по полю, из-за чего ноги начинали дрожать и подводить всех девочек, и меня в том числе. Загнувшись в три погибели, Донна практически откашливала слова:

– Ещё один час, и я просто не доживу до матча.

– Нет времени сопли на кулак мотать, – кивнула я, хотя жутко желала поддержать подругу. Капитан не может дать слабину, на него смотрят и полагаются остальные товарищи по команде.

– Грейс, ты – убийца.

– Обещаю, как только мы понизим самооценку этих сучек, я лично устрою для вас такую тусовку, из-за которой вы будет приходить в нормальное состояние ещё неделю.

– Тогда я должна выжить только ради такого дела, – устало кивнула подруга.

Резкий хлопок заставил замолчать всех девочек на поле, и завернуть лица в сторону Диего, награждающего каждую свирепым взглядом.

– Совсем немного осталось до последнего матча в этом году, и нам стоит собраться и сплотиться, чтобы вырвать эту победу. Лениво волочить свою задницу по полю в этот раз не получится. Либо мы их, либо нас. Я предпочитаю оставить свою задницу девственно чистой. И вы если, конечно, не экспериментировали, тоже.

Не удержав смешок, вырвавшийся изо рта, я попыталась скрыть его за кашлем, но получила вопросительно выгнутую бровь Диего, который как раз напоминает мне о заднице в любой непонятной ситуации. Получив ядовитую улыбку сучки—Бейкер, которая каждый раз язвит по поводу и без в мою сторону, я нахмурила брови, а моя лучшая подруга и поклонница Алан выдала:

– Грейс уже в восторге от задницы.

– Бейкер, ещё слово и ты будешь первой в истории, кто лишится девственности через задний проход, – процедила я.

Фыркнув, Полли отвернулась, а я довольно улыбнулась, нажав на больное. При разговоре с ней, я абсолютно не вла-

дею языком и потоком рвущихся наружу изречений. Мне плевать, будет ли ей обидно, потому что она делает то же самое. Эта взаимная ненависть, основанная на её чувствах к Алану, и на моих отрицаниях его чувств ко мне – плотно выстраивает кирпич на кирпиче. И мы скорей доберёмся вплоть до места, где уже не будет земного притяжения, чем остановим поток бранных слов и язвительных замечаний в сторону друг друга.

– Если вы обе не успокоитесь и не перестанете плеваться ядом, то я исключу из команды сразу обеих, раз и навсегда! – жёстким тоном отчеканил Диего, перемещая взгляд тёмных глаз с меня на Бейкер и обратно.

– Если она не будет открывать свой рот там, где не требуется, я согласна стать с ней лучшими подружками и меняться трусиками, – поморщилась я.

– Если ты не будешь раздвигать ноги там, где не требуется, то я согласна скрепить наше перемирие на крови, – выдала Бейкер, и только мне стало понятно, на кого намекает её гнилой язык, в то время как брови Диего съехались на переносице.

– Бейкер! Мелтон! – рявкнул Диего с такой резкостью, от которой каждая девочка вытянулась по струнке ровно, подскочив на месте, – ещё слово и обе покатитесь нахрен с поля! Я ясно изъясняюсь?

Автоматически закивала каждая голова на поле, и я уверена, что в пределах мили это сделали абсолютно все под

строгим и жёстким тоном тренера.

– Это касается всех, я быстро найду замену каждой, – прохрипел он, окидывая взглядом команду, – а теперь живо в раздевалку!

Получая несколько ненавистных взглядов от сучки—Полли, и хихиканья Донны, которая повторяла наш диалог на поле раз за разом, я растирала тело ладонями, чтобы согреться. Постепенно раздевалку покинули все девочки, за исключением меня, Донны, Симоны и Бейкер. Последняя растягивала свои переодевания, словно улитка, непонятно по какой причине, а Симона лениво выползла из-под горячего душа, устроив самую настоящую паровую баню, судя по вывалившему пару вместе с ней. На несколько секунд показалось, что я на концерте рок—звезды, которая появляется из неоткуда. Стук в дверь заставил каждую встрепенуться и накинуть на себя полотенце, вслед чему на пороге появился Диего.

– Грейс, нам нужно обсудить план на игру.

– Хорошо, через минуту зайду, – кивнула я, после чего Диего удалился, вновь закрыв дверь.

Оставляя Симону и Полли в раздевалке, я и Донна покинули её, распрощавшись возле кабинета Диего. Застав самого обворожительного мужчину за эротичным покусыванием кончика карандаша в задумчивом состоянии, я еле удержала порыв кинуться на него, чтобы повторить родео на столе.

– Садись, – лениво махнул Диего в сторону стула, напротив которого расположился тактический план на предыду-

щие игры.

Скинув сумку на пол, я уперлась глазами в Диего, который продолжал грызть карандаш, от чего внутренности начали дрожать, и думала я уже далеко не об игре, а о столе.

– Если ты продолжишь, то я не смогу мыслить рационально, – вздохнула я.

– Ты о чём? – поднял глаза от плана Диего.

Забрав карандаш из его рук, я с грохотом положила его на стол, а губы Диего растянулись в ухмылке.

– Вот об этом.

– Ладно, есть идеи? – кивнув головой, он посмотрел на меня.

– Не знаю, если бы сейчас перед моим лицом расстелили их план, то я могла автоматически расставить всех по позициям, поэтому, я думаю, что нам придётся действовать по ситуации. Но и эта плохая идея.

– Почему?

– Потому что Харрис сказал, что выкинет мою задницу из Принстона с самой красочной характеристикой, из-за которой ни один университет не свяжется со мной.

– Он – твой дедушка, и это словесная угроза, не более того.

– Знаешь, когда я слушала эти слова, мне было совсем не до шуток. Я не хочу возвращаться в Лондон. Я скорей поступлю на второе высшее, чем вернусь туда.

– Твои родители настолько дерьмовые или ты бежишь от

кого-то? – нахмурился Диего.

– Мы перешли с темы плана на личную жизнь, – выгнув бровь, парировала я.

– Одно другому не мешает, Грейс.

– Мне мешает. Я живу другой жизнью. Или стараюсь ей жить. Перейдём к плану, иначе я заочно пакую чемоданы.

Сузив глаза, Диего наградил меня презренным взглядом, после чего склонился над поверхностью стола, блуждая глазами по полю, где в виде разноцветных вытянутых фигурок были выстроены девочки. Перемещая и расставляя по импровизированному полю каждую пешку, Диего задумывался и вновь менял их местами.

– Ты хочешь поставить Донну и Викторию на позицию тэйлбека? Они же в защите!

– Возможно, что в этой игре мы сменим расстановку полностью.

– Но Диего! Я, конечно, рада избавиться от Бейкер на своём пути, но мы хорошо пасуем друг другу, – возмутилась я.

– Если в этот раз ваши языки снова не удержатся за зубами, нас сделают в первом тайме, и тогда ты вылетишь из университета, меня лишат девственности, а остальные уедут напрямую в реанимацию.

– Нас раскатают, если зашита будет в нападении, а нападение в защите!

– Грейс, ты разве не понимаешь? Думаешь, они не видели наши игры и не выучили все схемы и планы на матч? Они у

каждого отскакивают на зубок, даже если разбудить ночью, каждая на автомате скажет нашу расстановку. Поверь, они выучили каждый изъян: все ваши силы и слабости.

Хмыкнув, я всё же приняла позицию Диего, потому что он может оказаться прав, или уже прав, потому что перед игрой каждая команда изучает своих противников: их слабые места и сильные. Как только я открыла рот, чтобы высказать своё согласие, стук в дверь с последующим резким открытием, полностью завоевал наше внимание. Как по волшебству, на пороге возникла моя любимая Бейкер.

– Тебя не учили дожидаться ответа? – прохрипел Диего, награждая её раздражённым взглядом.

Открыв рот, она застыла в пороге, словно ожидала увидеть нас голыми на столе, полу, диванчике или стуле. Уверена, с той резкостью, с которой Полли завалилась в тренерскую был основан не на предложении выпить чашечку чая или светской беседе, а чтобы нарыть компромат. Растянув губы в довольной улыбке, я посмотрела на любимого товарища по команде с непритворной радостью. Какое счастье, что идею с повторением секса на столе, я отложила в сторону, сосредоточившись на игре.

– Может быть, это даже к лучшему, – сухо продолжил Диего, – бери стул и садись.

– Зачем? – фыркнула Полли.

– А зачем ты ввалилась сюда, как к себе домой? – практически в один голос с ней, заговорил Диего.

Открыв рот и вновь закрыв, Бейкер нахмурилась и пробубнила себе под нос что-то напоминающее: *«Алан искал Грейс»,* и от меня не ушло подобное лживое лепетание.

– Если бы он искал меня, то мог написать на телефон, – съязвила я, из-за чего получила ядовитый блеск зелёных глаз.

Я не идиотка, чтобы не сложит дважды два и не понять, для чего именно она с такой резкостью ввалилась сюда. Её попытка потерпела провал, а я лишний раз вычеркнула желанное повторение на столе.

– Как ты играешь в защите? – начал Диего, бросив в неё быстрый взгляд, который вернул к плану.

– А что?

– Не отвечай вопросом на вопрос. Как ты играешь в защите?

– Я не пробовала.

– Тогда придётся попробовать на следующей тренировке, – отчеканил Диего.

– Зачем?

– Затем, что так нужно. Я сказал, что ты попробуешь, значит так нужно, ещё есть вопросы?

– Нет, – раздраженно фыркнула Полли, и, казалось, что её слюни могли одной каплей ядовитости убить меня и Диего.

– Ты знаешь кого-нибудь из команды Брайанта? – продолжал свой допрос Диего.

– Да, и что?

– Ещё один подобный вопрос и можешь собирать свои манатки из шкафчика. Мне плевать, что происходит между вами двумя, я не собираюсь делить с вами одну помаду. Я задаю вопрос – ты отвечаешь, понятно?

– Да, – осевшим голосом хмыкнула Бейкер, вжимаясь в спинку стула, из-за чего я хотела рассмеяться, но на этот раз успешно удержала подобный порыв.

– Я весь во внимании.

– Моника Эльвуд. Она в защите. Быстрей сломает чью-то руку или ногу, чем пропустит на их территорию.

– Кто-то ещё?

– Нона Рактис. Но она вроде больше не играет.

– По какой причине?

– Не приняла такие животные правила. Наверно, она была единственной адекватной в этой сборной танков.

– Ладно.

Сведя брови на переносице, Диего вновь занялся перемещением фигурок на листе, расставляя их по новым местам, с минуту обдумывая вариант, он снова принимался за перемещения. К его манёврам периодически присоединялась я, меняя девочек местами.

– Я ещё нужна тут? – через небольшой промежуток времени заговорила Полли.

– Ты хотела быть капитаном в начале года, или эта идея уже не доставляет тебе такой радости? – не поднимая глаз, без какой-либо эмоции бросил Диего.

– Хотела и перехотела.

– Вот поэтому ты не капитан, Бейкер. Можешь идти.

Насупив брови, Полли поднялась со стула и, бросив в меня полный ненависти и раздражения взгляд, зашагала к двери, которую резко распахнула и с такой же резкостью закрыла.

– Бейкер! – повысил гневный тон Диего, на что голова моей любимицы просунулась в дверной проём, – я вырву тебе руки, и ты будешь играть зубами, если ещё раз хлопнешь дверью!

Как только дверь аккуратно закрылась, на это раз я не сдержала порыв смеха, которым давилась с момента появления Полли на пороге тренерской.

– Грейс, – вздохнул Диего, – прекрати выводить её.

– Ты сейчас защищаешь её? – выгнув бровь, я окинула Диего прищуренным взглядом.

– Нет, вы обе хороши. Я не знаю, что вы делите, но оставьте это за пределами поля и моего кабинета. Я не собираюсь принимать участие в делении помады. И не думай, что по личным причинам я буду сбрасывать со счетов твои провокации.

– Мы делим моего лучшего друга, точней, Бейкер его делит. Я отношусь к этому нейтрально.

– Ты задеваешь её, Грейс, ты разве не видишь? Прекрати включать в себе суку вперемешку со стервой.

– С каких пор ты стал таким неженкой, Фуэнтес?

– Грейс, где твоя женская мудрость? Если она не может удержать язык за зубами, то будь умней, сделай это за неё. Кто-то из двух должен быть мудрей.

– Я не могу.

– Что именно?

– Это вырывается автоматически, что-то напоминающее летящий в твоё лицо мяч, который ты подхватываешь или от которого отскакиваешь в сторону.

– Не лови этот мяч, Грейс, потому что он полон дерьма. До тех пор, пока ты не коснулась его руками – он до тебя не долетел.

– Кто-то из двух должен быть мудрее, и вероятно, у нас это ты.

– Вполне вероятно, – кивнул Диего.

– Мы успеем приготовить ужин?

– Да, потому что сейчас поднимаем свои задницы и несём их домой.

– Домой? – вскинув брови, я посмотрела на выпрямившегося Диего, который выполнял упражнение *повороты корпусом* после долгого пребывания в одном положении.

– А куда ещё?

– К тебе домой.

– Какая разница? Ты тоже периодически там живёшь, у меня даже есть часть твоей одежды и зубная щётка, а это уже что-то.

Уголки губ поползли вверх, когда я поднялась на ноги и

упаковала тело в зимнюю одежду, которая становится спасением от морозов. Меня действительно периодически одолевает ощущение того, что мы живём вместе. И честно сказать, мне нравится это как минимум из-за того, что я встаю на готовый завтрак, получая порция еды не только на тарелке, но и порцию поцелуев самого восхитительно на свете мужчины, который является моим, даже если в тайне. О нас знает его семья, и это уже даёт надежду на серьёзные отношения, а не бессмысленный секс, который, кстати, тоже великолепный. Все мои колкости и подначивания Диего для того, чтобы придать огонька и остроты в наши отношения. Мне не так важно количество как качество, а качество в постели с Диего не может быть плохим. Смотря на этого мужчину, ты заочно отдаёшься в его руки, соглашаясь на всё, что он готов дать или предложить. С ним в априори не может быть плохо: плохо и Диего – это антонимы. Диего хорош в преподавании, отношениях и сексе. Может, я думаю наперёд, но за этот небольшой период именно такое впечатление сложилось о мужчине передо мной.

До тех пор, пока стены университета не были нами покинуты, я оглядывалась каждую секунду, боясь наткнуться на Харриса. После того ужина мы так и не виделись. Честно говоря, я думала, что он явится в кампус, либо вызовет к себе на ковёр, но ни того, ни другого не произошло. Пока я не готова встретиться лицом к лицу со своими бабушкой и дедушкой, которые тоже бросили меня. Я вообще не пони-

маю, как ребёнка можно оставить с моими родителями: с ними скорей вырастит моральный урод, чем человек, хотя мне и Иви повезло. Только моя старшая сестра поддалась чувствам, я же выбрала точку на земном шаре подальше от глаз моих благочестивых преследователей. Надеюсь, что расставание с ними будет долговременным.

Последующее время, слушая и выполняя указы Диего в готовке, я крутила восьмёрку бёдрами под испанскую музыку, которая теперь часто наполняет стены квартиры Диего благодаря мне. Единственное, что меня смущало: футболка на Диего, на которую я укоризненно смотрела и обдумывала план действий, который поможет её снять, ведь я рассекаю по квартире только в его одежде. Когда он достал муку, чтобы сделать соус немного гуще, мой план автоматически нарисовался в голове. Сунув руки в банку с белой пылью, я подошла к Диего, который крутился у плиты, и заключила его тело в кольцо своих рук, положив ладони на грудь, тем самым активировав хитрый план.

– Я перепутала, – хмыкнула я.

– Перепутала муку с нарезкой помидора? – усмехнулся Диего.

– Да, минутное ослепление, – хихикнула я.

– Стирать будешь сама, – засмеялся Диего, когда я подхватила края и повела их вверх, чтобы снять с его тела разделяющую ткань.

– Хорошо, – кивнула я, сбросив одежду на пол, и вновь

заключив его тело в кольцо своих рук, прижавшись щекой к спине.

Закрыв глаза, я погрузилась в мелодию Luis Fonsi – Sola. Лепеча невнятные придуманные слова и пританцовывая, я обнимала Диего, который посмеивался над моим придуманным языком. Мужчине рядом легко удаётся быть колыбелью для моего успокоения. Ещё это удаётся Алану, но это два разных чувства. Если с Аланом я чувствую дружескую поддержку, словно под защитой брата, то с Диего ощущаю совсем иное: мужскую силу, которой хочется подчиниться.

– Через три минуты мне понадобится помидор, и не в целом состоянии, – уведомили меня.

Хмыкнув, я без желания оторвалась от его спины и вернулась к нарезке. Сейчас моя скорость была сравнима с той, с которой готовят шеф—повара. В последнее время я начала понимать, что для всего нужно лишь желание: хочешь победить – усиленно тренируйся; хочешь хорошо готовить – постоянно наполняй свою голову новыми рецептами и знаниями; хочешь обнять Диего – берёшь и обнимаешь, даже если для этого нужно окунуть руки в муку, чтобы обманным путём снять с него футболку.

Когда на столе появилось несколько тарелок, а в духовке продолжали запекаться куриные крылья с овощами, я шмыгнула в джинсы и топ, Диего тоже натянул на себя новую футболку, в эту самую минуту раздался дверной звонок. Пока Диего пошёл встречать семью, я окинула взглядом напол-

ненный стол и кухню, которая сверкала чистотой. Встреча с Марией меня немного пугала, потому что последний раз она послала меня к чёрту, назвав лживыми ублюдками Диего и меня. Её слова всё ещё эхом откликаются в моей голове. Я никогда не предавала значения чьим-то оскорблениям, но именно её цепляют меня до глубины души. Я не рассказывала Диего ситуацию в кафе полностью, да и стоит ли? Я не хочу портить его настроение и ужин в целом. Мария была права, потому что мы действительно лгали.

– Грейс! – воскликнул младший член семьи, сверкнув лучезарной улыбкой, застав меня на кухне.

Подскочив ко мне, Мария заключила в свои крепкие объятия, покачавшись с ноги на ногу, словно мы давно не виделись, и она рада меня видеть. Опешив, я всё же обвила её талию своими руками. Она простила нас, но меня всё равно беспокоит её нестабильность в перепадах настроения. Наверно, эту эмоциональность можно ссылать на Оливера, который игнорирует свою ярую защитницу. И Оливеру лучше определиться и поговорить с ней, иначе я лично двину ему в челюсть.

– Как твои дела? – улыбнулась я, убирая локон с её лица за ухо.

– Хорошо. Я так рада, что ты тут, что ты с Диего, – лепетала она, когда на кухню вошли остальные члены семьи, послав нам тёплые улыбки и приветствие.

Оставив на макушке Марии быстрый поцелуй, Диего

сдвинул нас в сторону со словами:

– Садитесь за стол, иначе будете есть горелую курицу.

– Он всегда такой ворчливый или именно сегодня? – захихикала Мария, переводя взгляд с брата на меня.

– В основном, – смеясь, кивнула я, – но это ещё ничего, обычно он орёт в дополнение с рычанием. И это я должна задавать тебе такие вопросы, а не ты мне.

– Он не живёт с нами как минимум пять лет, а за это время многое поменялось. Когда он ещё встр…

– Мария! – рявкнул Диего, но получив насупленные брови семьи, он вновь смягчился, – давай не будем жить прошлым.

– Но она мне даже не нравилась! – возмутилась младшая сестрёнка, от чего Диего зажмурился, вероятно, пытаясь совладать с эмоциями, – я всегда говорила, что она по…

– Прекрати! – процедил Диего.

Решив успокоить начинающуюся бурю, я улыбнулась, положив ладонь на предплечье Диего, оставаясь в объятиях Марии.

– Это неважно, мы живём настоящим, – с поддержкой улыбнулась я, хотя жутко хотела дослушать Марию, – ведь так?

Глаза Диего открылись, и в самом центре черноты я заметила огонёк благодарности, как и приподнятые уголки его губ. Это ведь намного лучше правды? Думаю, что да, хотя любопытство внутри прожигает кровь. Диего прав, где-то нужно быть мудрей, и я попробую, либо постараюсь.

Заняв свободные стулья, я вновь оказалась между Марией и миссис Фуэнтес, которая с загадочной улыбкой подглядывала в мою сторону так же, как и на Диего. Руки маленькой занозы вновь наши мои, обвив одну, словно лианы, а голова легла на моё плечо, переплетая наши пальцы, я улыбнулась и прижалась щекой к макушке Марии. В эту же секунду дверной звонок вновь объявил о себе.

– Кто-то должен прийти ещё? – нахмурилась Мария.

– Да, – коротко ответил Диего, покинув кухню.

Положив ладонь на мою спину, миссис Фуэнтес тепло улыбнулась мне:

– Как твои дела, Грейс?

– Всё хорошо, спасибо, – ответно улыбнулась я.

– Диего говорил, что у вас скоро важная игра.

– Да, надеюсь, что мы сделаем невозможное, – вздохнула я.

– Та команда настолько сильная?

– Мама, там играют не девушки, а трансгендеры, – фыркнула Мария, над чем я хихикнула, потому что сейчас она точна как никогда ранее, – но Грейс всё равно их сделает.

– Да, – улыбнулась я. *Или мои чемоданы могут прямо сейчас выезжать в багажный отсек.*

На пороге появился Даниэль, вслед за которым прошёл Диего, в эту же секунду глаза Марии стали стеклянными, а лицо вмиг побледнело, приобретая зелёный оттенок. Улыбка больше не озаряла её лицо, из-за чего я нахмурилась. Меня

пугает такая быстрая смена её настроений. Уверена, сейчас может повториться тот скандал в кафе, и дабы избежать подобного исхода, я готова на многое. Сжав её ладонь в знак поддержки, я ободрительно улыбнулась подруге, взгляд которой метался между Диего, Даниэлем, мной и в целом семьей. Я не понимаю, что её пугает и гложет, но она должна почувствовать, что сейчас не одна.

– Я скучала по тебе, – шепнула я, чтобы переключить всё её внимание на себя. Но Мария, будто не слышала меня, – эй, всё в порядке?

Даже не моргая, она продолжала смотреть на Даниэля, а я задумалась, не делал ли он ей больно. На своём пути я встретила множество красивых яблок с червивым нутром. Посмотрев на Диего, который с улыбкой на губах занял стул возле Рома, который о чём-то тихо болтал с Литой, мой мужчина перевёл взгляд на Даниэля.

– Я так рада, что ты присоединился к нам, как твои дела? – улыбнулась миссис Фуэнтес, словно вовсе не замечала онемевшую дочь.

– Всё хорошо, только дел по горло навалилось, – улыбнулся Даниэль, пока мистер Фуэнтес протянул ему ладонь в знак приветствия.

– Дел по горло навалилось, – эхом повторила Мария, заставляя каждого завернуть голову в её сторону. В эту же секунду, она резко поднялась на ноги и, выскочив из-за стола, словно обожглась, выбежала из кухни.

Открыв рот, я не знала, что сказать. Минуту назад она обнимала меня, ослепительно улыбалась и выражала поддержку перед будущим матчем, а сейчас с мрачным лицом покидает кухню, словно получила ожог.

– Я сам, – кивнул Диего, покинув свой стул и удаляясь следом за младшей сестрой.

Тишина за столом позволяла услышать треск курицы в духовке, которую Диего вернул назад. Из-за подобной неловкой ситуации, мне тоже стало не по себе, сейчас я чувствовала себя лишней, потому что увидела это самое лишнее. Натянув на лицо улыбку, я поднялась из-за стола, чтобы достать противень, иначе мы действительно будем есть угольки, в эту же секунду мистер Фуэнтес завёл беседу с Даниэлем и Ромом, которые вновь улыбнулись, словно ничего не произошло, к ним присоединилась и Лита. Неуверенно вытащив из духовки горячее блюдо, я поставила противень на плиту, разглядывая курицу на полную готовность. Да, без Диего я могу только работать с яичницей и овощами. Мне определённо повезло с мужчиной.

– Мне очень жаль, Грейс, – тихо вздохнула миссис Фуэнтес, положив ладонь на моё плечо. Темно-карие глаза выражали то ли обеспокоенность, то ли сочувствие из-за смены настроения за столом.

– За что? – немного улыбнулась я, чтобы поддержать её.

– Мария… она особенная, понимаешь?

– Эм, не совсем.

– Грейс, у Марии не просто так происходят резкие перепады, в обычной психологии это называется биполярное расстройство. Она рассказала мне о случившемся в кафе, мне очень жаль, что такое произошло. Я не хочу, чтобы ты подумала, будто мы её стесняемся. Вовсе нет. Мария – это душа нашей семьи.

– Этого не может быть, – закрутила головой я, отказываясь принимать новую информацию, – она… у неё просто подростковый период, переходный возраст, чёрт, это можно трактовать по-разному!

– Таков диагноз, – немного улыбнулась миссис Фуэнтес, от чего мне захотелось выть. Она ведь не может так спокойно об этом говорить. Это не нормально. Это противоестественно.

– Сейчас двадцать первый век. Можно сделать что угодно: от полёта в космос до пересадки сердца. Почему вы не ищите такую клинику, где ей помогут перебороть заболевание? Почему вы не хотите вылечить её? – не унималась я, наседая на женщину.

Миссис Фуэнтес коротко улыбнулась:

– Потому что мы любим её любой. Она – часть нашей семьи, и её болезнь, слава Богу, не смертельна, чтобы мы скорее лечили её. Для нас она просто кексик с изюминкой. Понимаешь, Грейс, мы все ищем какие-то идеалы, совершенства, но находим или получаем иное. И в этом кексе с изюминкой, мы находим своё счастье. Любая любовь ослепляет.

Благодаря ей, мы переводим все недостатки в достатки.

Из-за её слов, мне захотелось упасть на пол и разрыдаться, потому что собственные родители скорей могли таскать меня по лучшим клиникам в разных странах, чтобы слепить из теста свой идеальный кекс. Вероятно, увидев боль в моих глазах, миссис Фуэнтес заключила меня в объятия, и впервые я почувствовала самую настоящую поддержку, словно она является моей матерью. Терпкий, сладкий запах жасмина, окружил сознание своей теплотой и радушностью, позволяя почувствовать себя в кругу настоящей семьи, а не её подобии. Каждый проклятый раз я хочу завыть от разрывающих внутри чувств, но не могу дать слабину, потому что не привыкла быть слабой. В моей семье, как только ты покажешь свою слабость – тебя обглодают вплоть до костей, а то и вместе с ними. С самого детства я знала, что нужно быть сильной и улыбаться там, где нужно плакать. Так выработалась моя защитная реакция на трудности. Теперь я просто не знаю, как жить по-другому, не знаю, какого это – заплакать и опустить руки. Я не то, чтобы не могу быть слабой, я просто не умею. Лишь Алан видел мои слабости.

Шепча приятные слова, миссис Фуэнтес нежно поглаживала мою спину, пока я позволила себе такую маленькую слабость побыть беззащитным ребёнком, окружённым любовью. Она любит Марию со всеми её изъянами, вспышками и переменчивостью, как и все остальные члены семьи, в то время как я должна быть лучше, чем идеальной, но этого

всё равно мало, чтобы заслужить хоть какую-то похвалу или горошину любви родителей.

– У вас всё в порядке? – раздался голос Диего над нашими головами.

– Думаю, что да, – кивнула миссис Фуэнтес, послав мне добродушную улыбку.

Улыбнувшись в ответ, я перевела взгляд на Диего, который наблюдал за нами со стороны, стоя в нескольких дюймах. Мария уже сидела за столом, на губах её играла та же лучезарная улыбка, направленная в сторону отца. Я вновь поймала себя на мысли, насколько разные люди за столом. И настолько, насколько они разные, они любят друг друга. Помогая Диего перекладывать курицу и овощи в глубокое блюдо, я радовалась каждой секунде, потому что сейчас мне не приходится что-то скрывать, я являюсь собой рядом с людьми, которые приняли меня.

Вечер в семье Фуэнтесов вновь оказался самым что ни на есть тёплым и веселым, а приготовленный ужин Диего являлся его украшением, получив сотню комплиментов от семьи. Ладонь Марии периодически находила мою и переплетала наши пальцы. Меня абсолютно не беспокоит её заболевание, сейчас я лишь начала понимать резкие перепады в её настроении, напоминающем кардиограмму. Положив голову на плечо подруги, я улыбнулась, посмотрев на Диего, который о чём-то тихо разговаривал с Даниэлем и посмеивался. Каждый раз, смотря на него в такой семейной атмосфере,

где он – любимый сын, я отдаю должное его родителям. Тот Диего, которого каждый наблюдает в университете, в корне отличается от того безмятежного, что передо мной сейчас.

– Мне нравится, когда ты улыбаешься, – шепнула я Марии.

Переведя взгляд с Рома на меня, которому перед этим был показан язык, Мария изобразила смешную гримасу: сморщив лицо, она растянула губы в улыбке. Наверно, такая особенность даже красит её. Она остаётся самой собой благодаря семье, которая любит её в любом обличии.

– Грейс, ты не будешь против, если мы посетим матч? – обратилась ко мне миссис Фуэнтес.

– Мне бы тоже хотелось посмотреть, какой тренер из моего братца, – усмехнулся Ром, бросив с Диего насмешливый взгляд, – или он может только поварить на кухне.

– Заткнулся бы, – рассеявшись, фыркнул Диего, толкнув плечо брата, – ты даже яичницу сделать не можешь, Лита тебе почти слюнки подтирает.

– Ой, это же наш малыш Ди, – запищал Ром, – мама, мама, сейчас он будет жаловаться тебе, что его обижают.

Дав подзатыльник Рому, Диего усмехнулся:

– Я никогда не жаловался, в отличие от тебя. Маме пришлось выбросить тот фартук, потому что его невозможно было отстирать от твоих слюней и соплей.

– Такого не было, – закатив глаза, поморщился Ром.

– А кто тогда ныл?

– Я не ныл, мама просто пожалела меня, потому что ты сломал мой самолёт, идиот.

– Вообще=то, его сломала я, – вступилась Мария без доли страха и сомнения, на что получила удивлённые взгляды братьев.

– Мари, если ты решила его выгородить, то это хреновая идея. Я уже надрал его зад, – заулыбался Ром.

– Кому ты надрал зад? Я уделал тебя ещё до того, как ты вытер слюни и побежал искать меня, – рассеялся Диего, откинув голову назад, – кстати, мама, он перестал носить ту футболку, потому что она побывала в собачьих экскрементах.

– Это вышло случайно, – фыркнул Ром.

– Да, я просто надрал тебе задницу, и ты прогулялся спиной по дерьму, – продолжал гоготать Диего, из-за чего я не удержалась сама, как и Даниэль, укрывающий смех за кашлем, пока родители с тёплой улыбкой слушали препирания между детьми.

– Всё равно. Ты завидовал, поэтому сломал его, – продолжал настаивать Ром.

– Но это я сломала его, Ром, – хмыкнула Мария, – я играла с Карлой, мы не справились с управлением! Он влетел в дерево и запутался в ветках!

– Ты всегда защищаешь его, – вздохнул Ром.

– Не правда! – воскликнула Мария.

– Не правда, – пропищал Ром детским голосом.

Показав брату язык, она обвила мою руку и вернула голову на плечо, как делала это всегда. Я с упоением слушала их споры и какие-то детские воспоминания, которые позволяли выстроить в голове образ Диего в юности. Я жадно хватаюсь за каждую каплю информации, которую получаю, чтобы хоть как-то разгадать его, но все тёмные тайны и тяжёлое прошлое, никто из членов семьи не упоминал, кроме заикнувшейся по приходу Марии, которую тут же оборвал Диего.

Завалившись в кровать с блаженной улыбкой на губах, я перекатилась на ту часть подушки, которая граничила с подушкой Диего. От такого эмоционального дня, глаза постепенно начинали смыкаться, хотя я отчаянно боролась со сном. И только тёплая ладонь, заскользившая от бедра вдоль талии, помогла полностью пробудиться. Чуть приоткрыв глаза, я улыбнулась мужчине, голова которого покоилась на соседней части.

– Кто-то недавно заявлял, что я старею, – усмехнулся Диего.

– Я пошутила, давай поспим? – хихикнула я, прижавшись к его груди щекой.

– Надеюсь, ты прихватила крем.

– Тебе нравится заниматься сексом с трупом? – хмыкнула я.

– Не пробовал, и не горю желанием.

– Я устала и не смогу двигаться.

– А ты как будто двигалась, – засмеялся Диего, за что я

укусила его шею и шлёпнула руку.

Ударившие в нос ароматы тела Диего, помогли полностью забыть про сон и всякое отрицание удовольствия. Проведя ладонью по его груди, я уткнулась носом в шею любимого мужчины, оставляя дорожку поцелуев и укусов.

– Ты спать хотела, я тоже устал, – усмехнулся Диего, притянув меня ближе, и закинув ногу на своё бедро.

– Ты сам виноват, Фуэнтес, пора поработать. У тебя уже начинают нарастать жировые прослойки.

Резко развернув меня так, что теперь я оказалась сверху, Диего довольно усмехнулся:

– Твоя очередь растрясать ужин, Грейс.

Склонившись над его ухом, я прикусила мочку и провела языком вдоль шеи.

– Боюсь, что после меня у тебя будет нервный срыв и понизится самооценка.

– Докажи, – вскинув бровь, Диего открыто бросил мне вызов.

Пора взять ситуацию в свои руки. И мне доставляет огромное удовольствие, что сейчас он полностью в моей власти и под моим контролем. Самые бурные фантазии и картинки, одна за другой начали вспыхивать в голове. Проведя вдоль груди Диего, я оставляла томительные поцелуи и укусы, которыми желала свести его с ума на какой-то промежуток времени. Опускаясь ниже к линии боксеров, я получила желаемую готовность. Я помню, что в алкогольном опьяне-

ний он едва ворочал языком о том, что его член танцует при виде меня, спустя несколько месяцев, он не растерял танцевальных навыков и это, безусловно, льстит. Вместе с поцелуями, я медленно начала спускать боксеры, которые в одночасье упали на пол, позволяя мне оголить ту самую улыбку дьяволицы, которую я когда-то даровала ему за стенами кафе. Оставив ещё один поцелуй, где была линия боксеров, я подняла глаза.

– Грейс, не смотри так на меня, – прохрипел Диего, из-за чего моя улыбка стала шире.

Этот. Мужчина. Полностью. Мой. В. Моей. Власти.

– Если сейчас ты не возьмёшь меня, то я сворачиваю лавочку, – застонал Диего, когда моя ладонь заскользила по его длине.

– Тут я решаю, Фуэнтес, – твёрдо заявила я, из-за чего Диего протяжно выдохнул и откинулся на подушку.

Вновь растянувшись в улыбке, я приступила к тому, что может довести до безумия любого мужчину. Я совсем не против минета, но не каждому парню, перед которым когда-то оголяла тело. У меня есть опыт, но он был только с Арчером. Я любила или до сих пор люблю, но какая сейчас разница? Ведь в настоящее время совершенно другой мужчина сводит меня с ума, а ради любимого человек мы готовы на многое, если не на всё. Слушая вздохи и едва слышные рыки Диего, я получала неимоверное удовольствие. И этим занятием я могла увлекаться довольно долгое время, ведь передо

мной извивается сам тренер. Можно считать, что я мщу за команду такими современными и одновременно старинными пытками, которые когда-то использовали в средние века. Когда мои поцелуи вновь заскользили по телу Диего, я буквально услышала вздох отчаянья и облечения.

– Спокойно ночи, Фуэнтес, – сквозь улыбку, прошептала я, подобравшись к его шее.

– Возвращайся назад, Грейс, иначе тебе несдобровать, – прохрипел Диего, возвращая меня наверх, когда я уже упала на свою сторону кровати.

Смеясь, я позволила Диего перекатить меня к нему на грудь как колбаску. Заняв позицию сверху, я заключила его бедра в клетку своих ног, и издала стон вместе с выдохом, наполняя себя мужчиной, без которого уже не могу представить собственную жизнь. Я становлюсь абсолютно зависимой. Руки Диего переходили с моей талии на грудь, пока я двигалась на нём подобно змее. Впившись в его губы, я получила рык, и быструю смену позиции не разрывая телесного контакта: теперь снизу была я.

– Грейс, – прохрипел Диего у моей шеи, прикусив кожу зубами, от места которого поползли мурашки.

Как только ритм движений Диего нарос и ускорился, я закрыла глаза и выгнулась радугой, прокричав его имя в темноту, заполненную нашими стонами и вздохами. Через несколько минут пал Диего. Оставив поцелуй на моём подбородке, он перекатился на свою сторону, растянувшись в

форме звезды. С размеренным дыханием, я положила голову на его грудь, в ответ Диего подхватил локон моих волос, начав накручивать его на палец.

– Я думаю, что завтра поговорю с ними, – тихо сообщила я, вырисовывая узоры на восхитительной груди указательным пальцем.

– С кем?

– С бабушкой и дедушкой.

– Ты так и не виделась с ними?

– Нет.

– Наверно, они просто дали тебе время свыкнуться с этой мыслью.

– Это ничего не меняет. Они бросили меня.

– Я уже говорил тебе, Грейс: для начала выслушай, и только потом делай выводы. Ты не знаешь, что было и по какой причине так произошло. Ты можешь выстроить в своей голове сотню вариантов, но ни один из них не обязан соответствовать той правде, которую ты себе придумала.

Как бы я хотела рассказать ему всё, но я не могу довериться человеку, который не может довериться мне. Диего не позволяет мне полностью войти в его жизнь: узнать прошлое, узнать настоящее и будущее. Я хочу знать, что там есть я, что там есть мы, потому что в моей голове уже нет ни единого дня, где он не присутствует. Наверно, это просто присуще каждой девушке, которая заранее выстроила будущий быт с мужчиной, который кружит её голову. Нехотя, созна-

ние автоматически проводит параллели между Диего и Арчером. Они словно инь-янь не только внешне, но и внутренне. Если Арчер всегда уважал, буквально холил и лелеял, не позволяя ни себе, ни другим повысить на меня голос, то Диего одним взглядом способен завязать узел на моём языке так, чтобы я не смогла говорить ещё как минимум несколько суток. И, вероятно, второй вариант мне подходит больше. Я не хочу, чтобы мужчина насильно подчинял меня своей воле, я желаю сдаться добровольно, а с Диего я получаю именно такое: я волей-неволей поддаюсь ему, потому что разум, тело и душа не могут иначе в его присутствии.

Глава 24

Не знаю, где я нашла силы духа, но я тут, стою под дверью своих новоиспеченных бабушки и дедушки не решаясь нажать на кнопку звонка или поднять руку, чтобы постучать в дверь. Прошло несколько дней с тех пор, как я выбежала из этого дома с ужасом в глазах и камнем на душе. Сейчас я снова тут, но уже для того, чтобы расставить все точки над i.

Я бы с удовольствием привела с собой Диего или Алана, но боюсь, что в первом случае они не поймут и непонятно как отреагируют, мы ведь совершенно друг друга не знаем, а во втором, я и без того взваливаю на плечи друга слишком много собственного дерьма. Он не может следовать за мной и поддерживать везде. Я взрослый человек, а не семилетняя девочка, которой нужен вечный спутник, хотя он и в семь лет мне не был нужен. Я всегда знала, как постоять за себя. Алан должен освободиться от оков, которые по доброй воле надел на своё запястье, соединив с моим. Он должен стать свободным, потому что слишком долго держал за спиной меня, укрывая от всех бед.

Посмотрев в разные стороны, я выдохнула и наконец, постучала в дверь, сразу отскочив в сторону. Бродя по порогу взад-вперёд, я уже не чувствовала холода, потому что все внутренние «я», бегали в панике, ибо карточный городок рушится, а они не знают, что делать. С минуту дверь остава-

лась закрытой и, посчитав это знаком, я перескочила пару степеней, направляясь назад, но дверь за спиной открылась, а я обернулась.

– Грейс?.. – словно перед ней приведение или иллюзия, зашептала Скарлет, – Боже мой, Грейс!

Спеша ко мне в домашних открытых тапочках, она задрожала, а в глазах застыли слёзы. Я же застыла на месте в образе дерева, позволяя вьюге трепать волосы.

– Пошли скорее в дом, – нежно взяв мою руку, Скарлет поспешила к порогу. Дверь за спиной закрылась, а я растеряла всякие силы для разговора, которые ещё несколько минут назад приливали к горлу.

Смотря вглубь коридора, где висят те самые фото, я не могла сдвинуться с того самого места, куда меня поставили.

– Грейс… – еле слышно прошептала Скарлет, из-за чего я резко перевела взгляд на человека, чья внешность и душа, словно моё отражение, – я могу всё объяснить…

– Милая, кто там? – в голос с ней раздался голос Этана.

Увидев меня, он потёр глаза, словно не совсем доверял увиденному, после чего сделал несколько мнительных шагов в нашу сторону. Найдя в себе силы и уверенности, которые с утра мне придавал Диего, я начала первой.

– Я хочу поговорить.

– Грейс, конечно! – тут же воскликнула Скарлет, из-за чего приложила ладонь к сердцу, словно сама не ожидала такого быстрого ответа, в то время как Этан нервно и коротко

улыбнулся, – я сейчас поставлю чайник.

Поспешив на кухню, пока я дрожащими пальцами расстегивала молнию на куртке, Скарлет сумбурно начала греметь посудой, словно в поисках той самой иглы в стоке сена. Через минуту я заняла место на диване и посмотрела на людей перед собой. Сейчас мир будто перевернулся с ног на голову. Всё кажется иным: незнакомым, чужим, покрытым тайнами. Хотя, что я говорю, это ведь жизнь Грейс Мелтон, и для неё жить в мире лжи и тайн вполне естественное явление. Смотря на пар, который развеивался в воздухе из кружки с чаем, я пыталась подобрать слова или какой-то вопрос, но ничего не приходило в голову. Я боюсь открыть рот и вывалить потоки сарказма, как обычно это делаю и за которым обычно скрываю саму себя. Идея присутствия Алана или Диего рядом отнюдь не кажется такой бредовой, как за дверью.

– Грейс, – тихо вздохнула Скарлет… *или бабушка*, я ещё не определилась, как называть этих людей, – это не наше решение.

– Какое решение? – нахмурилась я.

– Быть вдали… не видеть тебя или Иви. Когда ты только родилась… Твой отец…

– Мой отец чёртов ублюдок, – вырвалось у меня, из-за чего Этан и Скарлет тут же свели брови на переносице, задержав дыхание, словно я сказала что-то новое или невообразимое, – да, мой отец предводитель ублюдков. Хотите доказать обратное?

Смотря на меня, новоиспеченные родственники не стали отрицать, а я быстро улыбнулась без малейшего намёка на радость.

– Я не буду расхваливать его или мать. Они способны вырастить выродка, но не человека. Можете ненавидеть меня, но я лишь констатирую факты и говорю правду. Вы не знаете, как я жила, с кем я жила, и как меня растили.

– Грейс, мы ведь смотрели твои фото, – тихо выдохнула Скарлет, – и ты очень…

– *Очень* какая? Искусственная? Идеальная? Неземная?

– Счастливая, – нелепо пожав тонкими плечами, она коротко и криво улыбнулась, пока Этан не решался вступить в диалог, смотря на меня, как на чокнутую.

– Счастливая? – повысив тон, я ошарашено посмотрела на парочку перед собой и сделала нервный глоток чая, чтобы обжечь язык из-за рвущейся брани, – посмотрите на меня и скажите, насколько я счастлива?

Обе пары глаз заскользили по мне в поисках ответов, которых просто-напросто нет, и никогда не было. Что ж, я могу податься в Голливуд, если собственные бабушка и дедушка не видят во мне настоящего. Подскочив с дивана, я приложила ладонь ко лбу, бродя взад-вперёд. Я оказалась совершенно не подготовленной к диалогу с ними, и в какой-то момент мне жутко захотелось уйти, но уже поздно, я тут и попытка номер два будет точно такой же, я в этом уверена.

– Грейс, ты должна понимать, что твою маму никто не дер-

жал, она сама хотела такую жизнь. Ей нравилась роскошь, стиль, светские мероприятия, известность, – аккуратно начала Скарлет, – мы не способны удержать её. Твой отец и твоя мать, они… прости, но они подходят друг другу. Как бы больно не было, и мы не желали это признавать, она выбрала иной путь. Тот, что связывает с образом жизни твоего отца, тот, что нравится ей.

– А Вы, – шипя, я указала на Этана, который продолжал молча слушать нас, словно ему наплевать, – я считала Вас старым больным извращенцем!

– Это было необходимо, – словно отточив данную фразу, без всякой эмоциональности, заявил Этан, в то время как я ожидала крик или ярость. Я же буквально ввалилась в их дом без приглашения и предупреждения. Неужели при Скарлет он будет играть милого супруга, ни разу, не повысившего голос на другого. Под *другим*, сейчас я имею в виду недавно уволенную секретаршу.

Где твои манеры, Грейси? – злобно смеялась капля характера, доставшаяся от отца.

– Всё? – сухо обратившись к Этану, я испепеляла его взглядом. То же самое делала Скарлет, явно не совсем понимая супруга в его холодности сейчас. Но мне жаль ей говорить, ведь он на самом деле черствый и холодный.

– Да.

– Вы похожи на моего отца. Я хочу уйти отсюда.

Вложив в слова всё отвращение, я выпрямилась, и уже бы-

ло сделала шаг, как Этан вскочил за мной и сипло зарычал:

– Не смей меня сравнивать с твоим отцом!

– Или что? – фыркнула я, окинув его насмешливым взглядом, – пожалуйтесь моему папочке? Меня отчислят? Вышлют прямым рейсом в Лондон? Господи, я в этом дерьме выживаю восемнадцать лет, думаете, что не выживу ещё?

На самом деле, я отчаянно врала. Я с содроганием думаю о возвращении. Разряды тока парализуют тело, пока по венам с кровью распознается ядовитый ужас, поднимающий каждый волосок на теле. Я знаю, что при желании отец найдёт меня и под землёй, но он ошибается, если думает, что я предпочту его общество на сутки. Я лучше буду скитаться по баракам со шлюхами, чем проживу с ним.

Этан смотрел на меня, кажется, ещё немного, и капилляры в его глазах лопнут, ударив волной крови в разные стороны. Жизнь научила меня тому, что показывать трусость и слабость в подобные минуты нельзя, поэтому, вздёрнув подбородок, я ещё раз окинула его взглядом. В эту секунду мы бросали друг другу вызов, и я решила продолжить первой.

– Думаете, мне есть какое-то дело до победы Принстона? Думаете, ставить условия разумней, чем поговорить? Я не буду овощем, который Вы так желаете во мне увидеть, – прошипела я, ткнув пальцем прямо в его грудь, – я плевала на каждого, потому что каждый плевал на меня!

– Грейс, – еле слышно прохрипел Этан, как я изначально подумала, принимая поражение, но в глазах его отразились

искры боли и печали, заставив меня усомниться в предположениях, – кого он сделал из тебя?

Из глаз Скарлет сбегали слёзы, пока она смотрела на нас снизу-вверх, сидя на диване. Нижняя губа женщины дрожала, показывая весь страх и ужас, который бушует внутри неё.

– Мне представиться ещё раз? – проглотив ком в горле, я оскалилась, – Грейс Мелтон, дочь великого и всеми любимого Вильяма Мелтон.

Пара глаза в лице моих бабушки и дедушки, смотрели на меня с непритворным ужасом, который с каждым новым словом и минутой становился ещё хуже. Лишь звонок телефона позволил мне уйти от игры в гляделки и молчанки. Вытянув из кармана телефон, я, не глядя, приняла вызов, продолжая сверлить дыру в Этане.

– Да, – рявкнула я, не вникая и не гадая, кто мог позвонить в эту секунду. Гнев залил пелену в глаза. Сейчас я готова грубо отвечать абсолютно каждому человеку, который встанет на пути.

– Что за тон, Мелтон? – раздался хмурый голос Диего, который явно обескуражен моим принятием вызова с подобным ответом. Что ж, спасибо, ярость медленно начала сходить на нет, как только его голос успешно дошёл до сознания.

– Прости, я не хотела, – тут же затараторила я в своё оправдание, пока ужас на лице новоиспеченных родственников плавно менялся на удивление, – ты что-то хотел?

– Я готовлю ужин, у тебя нет аллергии на морепродукты?

– Вроде нет. По крайней мере, я не упаду в припадке эпилепсии и не отеку из-за креветок, моллюсков или рыбы.

– Ладно, но если что, можешь заранее заказывать скорую, – усмехнулся Диего, простив мою грубость.

– Хочешь сказать, что ты никогда не оказывал первую медицинскую помощь? Тогда я буду у тебя первой.

– Где ты и как скоро придёшь?

– Я скоро буду. Можешь ставить чайник, потому что я предпочитаю чай тёплым, а не крутым кипятком или заледеневшим.

Перед тем, как сбросив вызов, я уже было чуть ли не закинулась о *люблю, целую*, которые вовремя застряли в горле. Я что, рехнулась? Спасибо, Господи, что вовремя отсушил мне язык. Ненароком послав улыбку экрану, я вернула телефон в карман и подняла глаза на Этана, лицо которого приобрело цвет сочного красного помидора.

Вот же дерьмо. Он слышал. Теперь я уже в другом дерьме.

– Это был Фуэнтес? – хрипло процедил Этан.

– Кто такой Фуэнтес? – тут же подала обеспокоенный голос Скарлет, переводя взгляд с супруга на меня и обратно.

– Бывший тренер их команды, – грозно заявил Этан.

Подавив всхлип и желание упасть в ноги, чтобы он не испортил мою жизнь, я нашла остатки сил для противостояния. Я не могу быть слабой. Я не могу потерять его. Только не сейчас. Только не Диего.

– Бывший тренер команды встречается с бывшей внучкой

ректора и бывшим капитаном сборной, – твёрдо сообщила я, отчаянно пытаясь добиться победы в словесной войне.

С минуту, мы не спускали друг с друга глаза. И я нарушила эту игру первой, бросив быстрый взгляд в сторону Скарлет, которая была готова упасть в пол и разрыдаться. Зашагав к двери, я сжимала кулаки, потому что теперь предстоит разговор с Диего, на которого необходимо вывалить эту информацию. Ужин определённо будет весёлый, я лишь успокаиваю себя тем, что он не особо держится за эту работу.

– Грейс… Грейс… пожалуйста, – ухватила моё запястье Скарлет, нагнав меня в коридоре.

– Я не позволю разрушить свои отношения ни одному человеку, который ходит по этой земле. Мне плевать. Он уйдёт, но я уйду за ним. Если вы не поняли, то меня ничего не держит.

– А я.. а мы… – всхлипывала Скарлет, продолжая держать мою руку в нежной хватке, которую я легко могла скинуть, но почему-то этого не делала.

– Он не имеет никакого пра… – хотел было начать Этан, но резкий взгляд супруги в его сторону, заставил замолчать мужчину на полуслове. *Вот тебе на.*

– Не смей рушить отношения своей внучки! – рассвирепела Скарлет, – ты не имеешь права решать за неё. Он плохой человек?

– Я… Скар, ты пропагандируешь и поддерживаешь отношения между преподавателем и студенткой? – замямлил он,

ошарашивая своей робостью и нерешительностью, которые минуту назад даже не маячили на горизонте.

– Он плохой человек? – не терпя возражений и отступлений, вновь спросила Скарлет, пронзая взглядом Этана.

Потерев шею и покачавшись на пятках, словно маленький мальчик, которого отчитывают родители, Этан скрепил руки за спиной и посмотрел на нас из-подо лба.

– Нет. Я не могу утверждать.

– Тогда в чём причина твоего негативного отношения? – продолжила свой допрос Скарлет, удивляя мужа и меня. Никогда бы не подумала, что эта с виду хрупкая и утончённая женщина, может быть такой беспрекословной и волевой. Обратив взгляд ко мне, она смахнула слёзы с лица, и немного улыбнулась, – ты счастлива с ним, Грейс?

– Да, – без доли сомнения, ответила я.

– Ты слышал, Этан? – вновь вернув внимание к супругу, она посмотрела на него без улыбки, которую только что послала мне.

– Слышал, – коротко кивнул он.

– Тогда ты не имеешь право вмешиваться в её личную жизнь. Она счастлива, а это самое главное.

Минутное молчание между нами тремя, заставляло изрядно понервничать, потому что я не понимала, как правильно поступить. Я могу уйти, но уходить почему-то не хочется. Могу остаться, но что говорить? В эту минуту, кажется, что мы уже многое сказали, наверно осталось только одно –

правда, за которой я пришла.

– Грейс, – вздохнул Этан, смягчив тон и сделав пару шагов в нашу сторону, но оставаясь на расстоянии нескольких вытянутых рук, – я прошу прощения.

– Я хочу знать правду.

– Какая правда нужна тебе, милая? – поглаживая мою кисть, тихо спросила Скарлет.

– Та, которая является кристально чистой. Я живу в иллюзорном мире, который мне дают увидеть сквозь призму тайн и лжи. Почему вы оставили меня?

– Мы никогда не оставляли тебя, Грейс, – прошептала Скарлет.

– Я не помню Рождественских сборов и вашего присутствия.

– Потому что ты была слишком маленькой.

Сделав шаг, Скарлет повела меня за собой назад, где усадила на диван и села теперь уже рядом, продолжая держать мою руку, словно если её отпустить, я тут же сбегу. Следом своё прежнее место занял Этан.

– Грейс, твой отец согласился на твоё обучение тут, если я буду докладывать ему о твоей жизни. У меня не было выбора. Я хотел познакомиться с тобой не меньше, чем Скарлет.

Сдерживая позывы проехать кулаком по его лицу, я сжала зубы. Почему душа находит оправдание его поступку? Может, он говорит правду. Они хотели познакомиться со мной. В эту же секунду изо рта вырвался вопрос:

– Если бы вы действительно хотели познакомиться со мной, то могли прилететь в Лондон. Не так ли?

– Да, если бы это позволил твой отец, – тут же ответил Этан.

– Милая… Двери в дом твоих родителей для нас закрыты, – горестно прошептала Скарлет, опустив голову.

– По какой причине?

– Когда ты родилась, мы предложили твоим родителям забрать тебя и вырастить тут, как родную дочь. Ведь ты и правда стала для нас дочерью. Они посчитали это оскорблением, после которого наше общение прекратилось на семнадцать лет, – вздохнула Скарлет.

– И прервалось оно год назад?

– Да, – кивнул Этан, сделав глоток чая, – твой отец позвонил с просьбой, но эта просьба была с условием. И скорей, это был указ. Я не мог не согласиться, пойми нас.

– Грейс, прости нас… – вновь всхлипнула Скарлет, сжав мою руку, – мы думали только о себе, только о том, чтобы увидеть и познакомиться с тобой…

Втянув воздух в лёгкие, я буквально задрожала от гнева, но не на людей, которые находятся напротив, а на человека, с которым меня разделяет тысяча миль. Я ненавижу его. Всей душой ненавижу. Будь он проклят. Будь они вместе прокляты, потому что мама наверняка согласилась с подобными договорённостями. Они держали меня на поводке не только с помощью Джошуа, но и с помощью родителей.

Смотря в раскаяные глаза Скарлет и Этана, я не знала, что делать, потому что могла только злиться и бросать всё на полпути. Я всегда так делала. Но не сейчас и не в этой ситуации. Гнев во мне бушует, но только на родителей. В моих глазах они и так колебались на уровне плинтуса, куда можно пасть ниже? В бездну. Пропасть. Чёрную дыру. Они забрали у меня многое, и самое главное – возможность на счастливую жизнь с людьми, которые могли по-настоящему любить меня.

Жгучий ком резал горло, когда я посмотрела на тревожную пару перед собой, где Скарлет всхлипывала рядом, а Этан отвёл взгляд в сторону, смотря в никуда. Я ведь не могу злиться на них или могу? Они выполняли условия отца, а зная его восемнадцать лет, я точно могу быть уверена, что это лишь верхушка айсберга. Он мог придумать и того похуже, чем какой-то разрыв всяких связей с бабушкой и дедушкой. Кстати, чего не сказать о его родителях, к которым он с удовольствием отправил бы меня в эту же секунду, дабы научиться *манерам*. Манеры в его понимании означают лицемерие, ложь и холодность. Ты должна стать безэмоционально куклой, чтобы влиться в их круг. Для меня это и есть ад на земле, хотя, я и так в аду, потому что моими родителями являются Сатана и его верная приспешница супруга.

Сейчас я полностью понимаю всю свою настоятельность и зависимость. Почему я думала, что могу распоряжаться своей жизнью сама, делая решения и двигаясь по какому-то пу-

ти? Ниточками души, я ищу поддержку Диего или Алана, но ни одного сейчас нет рядом, чтобы подумать за меня или направить на верную дорогу. Я должна сама решить, нужно ли впускать в свою жизнь людей, которые когда-то оставили меня. Но оставили по определённым обстоятельствам. Я не хочу искать оправданий, ведь они могли пойти наперекор. Хотя я не имею права судить, ведь не была на их месте, и сейчас не представляю, как могла сама отреагировать на подобные условия.

– Мне нужно подумать, – нарушив тишину, я поднялась с дивана.

– Конечно, – закивала Скарлет.

Проводив меня до порога, где я надела куртку и сапоги, пока Этан положил ладони на плечи супруги, встав за её спиной. Две пары глаз смотрели на меня с болью, тревогой и отчаянием. Но я ничего не могла им дать сейчас, когда сама запуталась в собственных чувствах и желаниях.

– Сейчас мне нужно лишь одно, – открыв дверь, я посмотрела на человека, который является моим дедушкой и ректором в одном лице.

– Что? – отозвался он, понимая, к кому я обращаюсь.

– Вы не тронете Диего.

– Я ничего с ним не сделаю до тех пор, пока он не сделал тебе больно, – коротко кивнул Этан.

Довольная таким ответом больше положенного, я подняла уголки губ и вышла на улицу, закрыв за спиной дверь, таким

образом, окончательно завершив разговор.

Ноги быстро добрели до кампуса, где я хотела сменить одежду и направиться на ужин к Диего. Что ж, Алан так не думал, потому что на входе закинул руку на моё плечо, заставив встрепенуться и проявить реакцию, которую друг успел предотвратить.

– Я слишком хорошо тебя знаю, Гри, – заулыбался он, притянув меня ближе положенного, из-за чего я тут же отстранилась, создав расстояние между нашими телами.

– Придётся выучить что-то новенькое, – ответно улыбнулась я, пожав плечами.

– У тебя есть планы?

– Эмм…

– Отлично, потому что мне срочно нужна твоя помощь.

– И какая?

– Я заказал несколько пицц, но боюсь не справиться один. Опустошай желудок, я скоро буду.

Оставив поцелуй на моём лбу, лучший друг зашагал в направлении своей комнаты, а я прокляла себя за то, что не забежала в магазин, как планировала. Так мы могли разминуться, и сейчас я могла быть свободной. Вряд ли Алан войдёт в положение и добровольно проводит меня до квартиры Диего. Он уже говорил, что Диего цепляет его без всякого на то повода. Что, говоря о втором, я планирую рассказать ему правду.

Закрыв дверь, я тут же достала телефон и набрала номер

Диего, который решил ответить через несколько протянутых гудков и то, в тот самый момент, когда я бубнила под нос:

– Фуэнтес, если ты занят какой-то студенткой, то я сделаю чик-чик.

– Слишком смело с твоей стороны, – засмеялся он, – я же вовремя принял звонок?

– Несколькими секундами ранее было бы намного лучше.

– Долго тебя ждать?

– Алан поймал меня и, кажется, что сегодня моим ужином станет пицца, а не паста, – вздохнула я.

– Хорошо, мне больше достанется. Или ты решила просто кинуть меня? – усмехнулся он.

– Только через бедро, Фуэнтес, – улыбнулась я.

– Я проверю, кого ты кинешь через бедро. Харрис уже сказал тебе?

– О чём?

– Утром он сообщил, что матч с Брайтоном переносится.

– И на какое время?

– Пока неизвестно.

– Это можно считать хорошей новостью?

– Да, потому что у нас все возможности узнать их лучше.

– Хорошо. Оставишь для меня пасты?

– Вряд ли, я рос в большой семье, а в ней не щёлкают, – засмеялся Диего.

– В таком случае, тебе придётся приготовить ещё. Я больше не могу говорить, Алан может прийти в любой момент.

– Грейс, если он будет в твоей кровати, я вышибу е… – рассвирепел Диего, но я успела скинуть звонок.

Смеясь, я отбросила мобильник на кровать и быстро переоделась в домашнюю одежду, которая уже несколько дней покоилась на полке в шкафу. Приятное тепло заливало сердце от понимания того, что он ревнует меня, даже если к Алану. Одновременно, я чувствую себя и виноватой перед другом, и счастливой девушкой, парень которой ревнует её. Это льстит женскому самолюбию. И я не могу отрицать этих элементарных вещей.

Алан ввалился в мою комнату с тремя большими коробами, которые скорей даже огромные. Он точно знал, что этот вечер проведёт со мной, потому что ни в одной из пицц я не обнаружила помидоры. Друг знает о моей ненависти к ним как никто другой, и совпадением это считать глупо и наивно. Вообще-то, я действительно успела соскучиться по его компании. Включив фильм, мы дружно уминали пиццу. Плевать, если он пошёл на это специально, мы ведь друзья. Я могу оправдать его тем, что он скучал, и я скучаю тоже.

– Знаешь, я соглашаюсь на эту мерзость только ради тебя, – хмыкнула я где-то в середине фильма.

– Тебе тоже нравятся ужасы. Это же пила. Классика жанра.

– Если не учитывать то, что мы ввалили себя по несколько фут пиццы, то да, нравятся, но сейчас я должна смотреть, как какой-то ублюдок мешает кишки какого-то идиота. Хуже

этого может быть человеческая многоножка. В следующий раз я занимаюсь выбором фильма, а ты пиццей.

– Ты только открыла коробки! – смеясь, возразил Алан.

– А лучше бы выбрала фильм.

Покачав головой, друг с довольной улыбкой откусил большой кусочек и вновь уставился в экран. Это же нормально, когда ты смотришь подобное, и у тебя не пропадает аппетит? Потому что у Алана он, кажется, только растёт.

Ближе к ночи, когда мне уже началось чудиться присутствие чужого, по экрану, наконец-то, поползли титры, а я облегчённо выдохнула. Слава, Господи, сегодня никто не решил поиграть со мной в игру в виде мерзкого человечка с разукрашенным лицом, который то и дело мог заявлять о себе в любой момент. Я останусь с целым телом и органами. Кроме всего прочего, буду видеть белый свет не только в аду, где для меня уже всё заказано.

Алан ушёл из комнаты ровно тогда, когда я упала на подушку, сомкнув веки под действием обжорства, которое лучше снотворного. Сон был сладким, потому что я ела не пиццу, а пасту, которой, кстати, Диего кормил меня с рук. И на нём не было футболки. В общем, всё как я люблю. Лишь мерзкий звонок разбудил меня в два часа ночи. Я уже знал, от кого поступает вызов. Мама. На отца и на неё я поставила определённые мелодии. Те, которые говорят о том, что бежать в сторону мобильника не обязательно.

– Да, – рявкнула я, приняв вызов. Вряд ли мама могла

запутаться в часовых поясах. Она тут жила.

– Не обязательно показывать отсутствие воспитания и манер сразу, – с язвительностью отчеканила она.

– Какой воспитали, – в ответ, саркастически прошипела я.

– Грейс! – тут же переняв суровый тон, который говорил о том, что я задела за живое, она следом хмыкнула, чем изрядно удивила. *Моя мать и хмыканье? Нет, увольте,* – твой рейс в четыре утра. Советую поторопиться.

– Какого чёрта ты несёшь? – фыркнула я.

– У твоего отца случился сердечный приступ. На твоём месте я бы захотела увидеть его перед тем, как крышка гроба накроет его бездыханное тело.

С последними словами, она сбросила звонок, а я подскочила с кровати, трясущимися руками натягивая джинсы. Мне придётся упасть с небес прямо в адское пекло под названием дом.

Глава 25

Отец. Почему я никогда не называла его папочкой? Папулей? Папой, в конце концов. Он не был тем, кого называют ласково, вкладывая в обычное слово море любви.

Мы привыкли, что при полной семье, где есть и мама, и папа, воспитанием занимается женщина. В моей семье всё было не так, как заложено в наших головах. С самого рождения я была с ошейником на шее, который в любую секунду мог ударить меня током; и на ошейнике было выцарапано его имя – Вильям. Он учил меня ходить: ставил по середине огромной пустой комнаты и грозился не выпускать, пока я не смогу дойти до него; он учил меня плавать: привязал ко мне верёвку, чтобы я не боялась, кинул в море и неожиданно отпустил её; он учил меня, как получать то, что хочешь. Он был моим учителем. А ещё четвёртым всадником моего ада.

Но, несмотря ни на что, я никогда не представляла в голове то, что когда-нибудь мне придётся похоронить его. Это не укладывалось в моей голове. Когда позвонила мама и сказала, что у него случился инсульт – я бежала. Бежала на рейс в Лондон, потому что я люблю его. Странной любовью, не той, что любят своих родителей другие. Но я любила его, поэтому я наплевала на всех, собрала вещи, села на самолёт и вот – я уже в Лондоне. И как бы это ни было иронично, но завтра уже Рождество. Я клялась, что не под каким предлогом не

явлюсь сюда на праздники, но я здесь. Судьба – злая штука, знаете ли.

Минуту назад мне выдали багаж, и я уже бегу из аэропорта, на ходу набирая номер, который поможет добраться мне в резиденцию. Слава богу, что я помню его номер, и телефон мне одолжил один из пассажиров моего рейса, потому что свой я благополучно забыла дома. *Я не смогу связаться с Диего, ведь я не помню его номера телефона.* От осознания этого мне хотелось разрыдаться. Надеюсь, что по моему возвращению я расскажу ему обо всём, и он всё поймёт. Он всегда понимает меня.

– Алло.

– Джошуа! Как же я рада тебя слышать, – воплю я в трубку и замечаю, как владелица телефона мило улыбается мне. Кажется, она собирается выкинуть этот телефон позже, чтобы не заразиться сумасшествием от меня.

– Мисс Мелтон, – это было больше похоже на вопрос, чем на приветствие.

– Здравствуй, Джошуа. Мне срочно нужно, чтобы ты забрал меня. Я в аэропорту.

Молчание. Лёгкое покашливание. Кажется, мама не думала о том, что я прилечу, когда звонила мне, поэтому наш шофёр обескуражен.

– Вы в Лондоне, мисс? Если нет, то боюсь, что не смогу отвезти вас туда, куда вам надо, – отшутился он.

– Да, я в Лондоне. И, пожалуйста, поскорее. На улице

сильная вьюга, практически ночь, и я очень хочу спать.

Тяжелый вздох по ту сторону телефона. Не оторвала ли я его от неприличных занятий? Насколько я знаю, он одинокий мужчина, но может все изменилось.

– Вы можете скинуть мне ваше местоположение?

– Ты забыл, где находится аэропорт?

– Нет, не забыл. Просто я боюсь, что вы шутите надо мной, мисс Мелтон.

– Джошуа, поверь мне, я тоже хотела бы, чтобы это была шутка. Но, увы. Я жду тебя, – и сбрасываю трубку.

Красная машина Джошуа приехала за мной спустя полчаса, и за это время я успела прикинуть все возможные варианты развития событий: мой отец может быть мёртв, при смерти, инвалид и ещё много всего, отчего кровь стынет в жилах.

Джошуа редко поглядывает на меня через водительское стекло в салоне, но я не придаю этому значения.

– Вы решили навсегда вернуться, мисс?

– Нет, Джошуа. Я вернулась на время, чтобы проведать отца.

– А что с мистером Мелтоном? Что-то серьёзное? – нахмурился мужчина. Как можно волноваться за него, когда он периодически кричит на тебя и занижает зарплату?

– А ты не знаешь? У него случился инсульт сегодня рано утром.

– Что? Боже, мисс Мелтон, какой ужас. Я серьёзно не знал

об этом. Я только вчера довозил его до работы, а сегодня уже инсульт. Как же жизнь бывает жестока!

Если ещё вчера я могла отгрызнуться и сказать, что он заслужил этого. Но сейчас…

– Ты не против, если я закрою перегородку? Я очень хочу спать, и собираюсь вздремнуть, пока мы не приехали, – подавляя зевок, спрашиваю у него, и мужчина энергично кивает.

– Конечно, мисс, Вы, наверное, ужасно устали. Я оповещу Вас, когда мы будем подъезжать к резиденции вашей семьи.

– Благодарю тебя, Джошуа.

Он опускает преграду между его зоной и моей, и я погружаюсь в сон.

Лёгкие, заботливые и едва ощутимые толчки в плечо разбудили меня. Сонно потирая глаза, я разлепила их и наткнулась на Фелицию – нашу домоуправляющую. Ее темные волосы как обычно подстрижены под мальчика, глаза обведены чёрной подводкой, бледная кожа не держит на себе ни грамма тональной основы или пудры, а на губах всё та же красная помада цвета свежей крови.

Когда папа был на работе, а мама пропадала со своими подругами, что, кстати, было практически всегда, со мной сидела прислуга и во главе была Фелиция. Она достаточно требовательна и сурова к работникам, но её отношение ко мне было иным. Она воспитывала меня как собственную дочь, из-за чего я теперь отчасти несу в себе её образ. Такая же

резкая и своевольная.

– Когда Джошуа позвонил мне и сказал приготовить тебе комнату, я решила, что он напился и смеётся надо мной, – растянула в улыбке Фелиция, и пригладила мои выпавшие из пучка пряди.

– Когда ты вообще видела меня пьяным?

Она закатила глаза и бросила ему резкий взгляд, несущий простой смысл – заткнись и сделай вид, что тебя нет.

– Я не запоминаю такие «грандиозные» даты.

Метаясь глазами между ними двумя, я заливаюсь хриплым, почти сонным, смехом.

– А вы не изменились, ребята. Все также ворчите друг на друга всё свободное время. Чем-то напоминаете меня и отца.

Фелиция усмехается и притягивает меня в свои объятия. Она достаточно стройная женщина, но выше и шире меня, что позволяет ей накрыть меня своим телом от глаз Джошуа. Тот умиляется нашим нежностям, хватает мой багаж и несёт в дом.

Дом.

Я дома. У моего отца случился инсульт.

Я отталкиваю через неохоту Фелицию с жалким выражением лица.

– В чем дело, Грейс? Ты совсем не соскучилась по тётке Фелиции? – отражение боли на ее лице причиняет мне дискомфорт. Не хочу становиться причиной её недовольства.

– Нет, что Вы. Простите меня, но мне пора бежать. Я при-

ехала сюда с целью навестить отца и убедиться, что он жив и здоров. Но обещаю, что у нас будет ещё время поговорить за чашкой горячего шоколада, ведь я не уеду отсюда до конца этого следующего дня точно.

Фелиция с ярым непониманием моргает, уставившись на меня.

– Подожди секундочку. Почему твой отец должен быть не жив и не здоров?

– Как это почему? У него же инсульт.

– Что?! – она ахает и хватается за сердце. – Какой инсульт, Грейс? Когда? Как же так? Я же только минуту назад…

– Успокойтесь, – прерываю её и хватаю за руку, поглаживая, – мама позвонила мне. И я здесь. Все будет в порядке. Вы же знаете, что он живучий, как таракан.

– Я просто не могу понять, как так вышло…

Она выглядит максимально растеряно. Неужели она не была дома, когда отца встретил недуг? Или это случилось на его работе?

– Мы обо всем поговорим позже, хорошо? Я тоже в таком же шоке, но сейчас я нужна ему и матери.

Она успокаивается и отпускает меня к двери.

– Конечно, Грейс. Беги. Ты нужна ему.

Немедля, я с благодарностью улыбаюсь женщине и бегу к большой парадной двери в этот замок, который по праву можно назвать моим личным адом. Дёргаю за ручку, но дверь оказывается заперта. Громко, вкладывая достаточное

количество силы, я стучу в неё и отхожу, ожидая, когда она распахнется, и я смогу рвануть к отцу. Пусть я и ненавижу его, но он всё-таки мой отец.

– Слишком медленно, Грейс. Я-то уже думал, что ты не приедешь. Джорджия, с тебя сто баксов, потому что наша дочь всё-таки заявилась.

Моё сердце рухнуло в пятки. Ладони болезненно сжались в кулаки, а внутри меня напоминала целая буря эмоций, начиная от гнева и заканчивая отчаянием. Грёбаный сукин сын стоит передо мной цел и невредим, а я настоящая дура, думающая, что у него случился инсульт.

Идеально уложенные светлые волосы, на которых ни намёка на седину. Аккуратно выглаженный костюм от дорогого бренда. Лакированные туфли. Дизайнерские очки. Если посмотреть на этого мужчину, то никогда не скажешь, что ему больше сорока. Он как всегда идеален, но только снаружи.

– Какого. Блядь. Хрена.

Мерзкая улыбка спадает с лица, звонко рухнув на пол.

– Зайди в дом.

– Нет.

– Что значит, нет? – обманчиво спокойно говорит он, но его глаза говорят сами за него.

– То и значит. Если ты сейчас же не объяснишь мне, какого хрена ты солгал мне, я улечу обратно, и ты меня больше не увидишь.

– Послушай сюда, девчонка. Ты сейчас же заходишь в дом,

проходишь со мной в мой кабинета, садишь свою задницу на стул и слушаешь меня внимательно, а иначе я звоню Робу и тебя не выпустят из страны, пока я этого не захочу, а я, поверь мне, не захочу этого очень долго. Так что выбирай, чем всё закончится.

Скрепив руки за спиной, он уходит в дом и исчезает в коридорах.

Что тут сказать? У меня не остаётся выбора и, скрепя зубами, я следую за ним.

Ничего в доме не изменилось. Все те же мраморные полы, стены из Белого камня, на верхушках которых узоры из настоящего золота, белая мебель, стеклянная огромная люстра. Это все тот же красивый замок с гнилью в стенах. Я шумно шагаю к кабинету и распахиваю дверь из настоящего дерева. Здесь также ничего не изменилось. Несмотря ни на то, что я часто бывала в кабинете отца. Здесь он каждый день по вечерам и утрам давал мне указания, как я должна себя вести. И это были самые ненавистные часы в этом доме.

Отец уже сидит за своим кожаным креслом и нахально смотрит на меня. Окинув меня пренебрежительным взглядом, он указывает рукой со стаканом виски на кресло рядом. Я сажусь на него, и он, наконец, заговаривает, хотя лучше бы молчал.

– Выглядишь отвратительно. Надеюсь, тебя никто не видел, – с отвращением произносит он и опрокидывает в себя стакан, а затем наливает ещё, – будешь?

– Ни за что.

Он скучающе закатывает глаза и отпивает виски.

– Ну конечно, давай, солги мне, что ты не пьёшь. Я знаю, чем занимаются девушки твоего возраста.

– Ну и чем же? – неужели этот ублюдок будет говорить мне сейчас все это дерьмо.

– Спят с мужиками, сосут члены, бухают, рожают, делают аборт, выкидывают детей в детдом.

– Хватит. Это бред. Я не занимаюсь ничем таким.

– Ну да. Так я и думал. Мерзкая лгунья – Грейс Мелтон. Позоришь фамилию, девочка, – он зевает и ставит пустой стакан на стеклянный стол, – теперь поговорим о твоей учёбе.

– Нет, – перебиваю его, – мы поговорим о том, что ты не хуже лжец, чем я.

– Да ты что? – наигранно вздыхает он.

– Отец, зачем весь этот цирк?

Нет смысла во всём, что я говорю, ведь он не воспринимает буквально ничего.

– Затем, что завтра Рождество, и я хотел видеть свою дочь. Это же всё-таки праздник. Фу, блядь, я говорю, как один из тех бедных, с которыми ты возишься. Мерзко-то как, – хохочет он и расстегивает рубашку, чтобы вздохнуть полной грудью. Должна сказать, что его тело всегда было на высшем уровне. Он был тем самым отцом, за которыми бегают сотни девушек и крадут из семей.

– Тебя никогда не волновало то, что это праздник. Когда мы вообще отмечали Рождество?

Его глаза смеются.

– Моя дочь. Ты и в самом деле моя дочь.

– А ты сомневался?

– Не огрызайся.

– Конечно, – закатываю глаза и расстилаюсь на кресле. Сон уже стучит в моё сознание.

Но внезапная серьёзность отца будит меня.

– Это Рождество станет другим. Следующий год станет годом семьи Мелтон. И в главной роли – ты, дорогая.

– О чем ты? – хмурюсь я. Что он задумал?

– Ты всё обо всём узнаёшь, но завтра. А сейчас иди в свою комнату.

– Моя комната в квартире Диего, – недовольно бурчу я.

– Что? – лениво спрашивает отец. Ему наплевать. Это просто шаблонный вопрос.

– Ничего. Я зайду к матери проверить её.

– Она спит. Увидитесь завтра. А теперь иди, я хочу провести время наедине с собой и своими гениальными мыслями.

Так я и делаю. Оставляю его наедине с самим с собой, а сама поднимаюсь в свою бывшую комнату. Но как только открываю злосчастную дверь, то роняю сумку.

Это должно быть шутка. Она не может быть здесь. Я щиплю себя, но эта боль гораздо лучше той, что доставило мне её появление. Она реальна. Её светлые волосы все так же не

вьются, в отличие от моих, которые переняли черты отца. Зелёные глаза, словно мои, смотрят на меня с тоской. Она кусает нижнюю губу, как делала всегда, когда нервничала. Она встаёт и медленно приближается ко мне, и я замечаю, насколько она выросла. Она уже не та девушка, которую я видела пять лет назад. Пять лет назад я видела ее последний раз. А сейчас она идёт ко мне.

– Отошла, – шиплю я не своим голосом. Никаких слёз, одна ненависть.

Она дёргается и, слава Богу, останавливается. Я вижу, как пульсирует её артерия, как она дрожит, но ни капли жалости не испытываю к ней. Она не заслуживает этого.

Иви заправляет прядь за ухо, будто пытаясь хоть чём-нибудь занять свои руки. Пусть лучше займёт свои ноги и уйдёт нахрен отсюда.

– Привет, Грейс, – в тон мне хрипит она. Даже её голос дрожит. Но он всё также ласкает мне уши, за что я даю себе мысленно пощечину. Никаких соплей. Никаких. Не из-за этой суки. Не сейчас. Не сегодня. Никогда.

Я игнорирую её.

– Ты должна поговорить со мной. Мы должны, – уговаривает она. Она тянется ко мне рукой, чтобы коснуться, но я бью ее по руке.

– Не трогай, блядь, меня. Никогда не смей трогать меня, – рычу я ей в лицо, когда она становится ещё ближе.

– В чём твоя проблема? Мы не виделись пять лет. Да, я

оставила тебя здесь. Но ты ничего не знаешь. Ты не знаешь ничего из того, что мне пришлось пережить. Ты не знаешь причину моего ухода и последствия. Так что прекрати строить из себя обиженную маленькую девчонку.

Ярость распирает меня. Это было последней каплей моей сдержанности.

– Заткнись, ты блядь либо заткнешься, либо я сломаю твою шею, Иви. Это ты ничего не знаешь. А я-то как раз все знаю. Знаю, что ты кинула меня в этом аквариуме с пиранья-ми, а сама смылась с этим ублюдком.

– Не называй его так, – предостерегает она.

Плевать. Я буду называть его так, как хочу.

– Это моя комната и здесь я устанавливаю правила. Так что выметайся. Наш разговор окончен.

– Нет, не окончен.

– Нет, окончен. Блядь, выйди, я сказала.

– Грейс, я не выйду, пока мы не поговорим. Я ошиблась с тем, что не рассказала тебе. Но тебе было всего тринадцать.

– А через два года мне стукнуло шестнадцать. Ровно столько же, сколько было и тебе, когда ты сбежала. Но даже в шестнадцать ты не рассказала мне ни о чём. Ты пропала.

Она вновь дёргается, а на глазах застывают непролитые слёзы. Но я не хочу предотвращать её рыдания.

– Пожалуйста, позволь мне объяснить. У меня не было выбора…

– Выбор у тебя был, Иви. Маленький, но был. Остаться с

сестрой или сбежать с этим хреном. Ты выбрала не меня. А значит, теперь я выбираю не тебя. Катись отсюда, сука.

– Выбирай выражения, Мелтон.

Что? Что, простите?

– А ты значит теперь не Мелтон? – спрашиваю я, боясь услышать ответ. Если она не Мелтон, то я ещё в большей заднице.

И она это понимает, поэтому отпускает глаза в пол от стыда.

– Да… Ноа сделал мне предложение сразу же. Прости, мне так жаль…

– Ну конечно, тебе жаль, – в агонии кричу я. Ещё чуть-чуть и нас придут разнимать, – да пошла ты на хрен, слышишь? Лучше бы тебя вообще не было.

Я жалею о сказанном. Правда. Но она заслужила это.

– Грейс, ты грёбаная эгоистка! Ты не можешь порадоваться за сестру?

– Я эгоистка? Я? Да ты, сука, именно ты настоящая эгоистка. Ты оставила меня с ними. Ты подписала своим уходом мне смертный приговор. Знаешь, что здесь творилось? А я расскажу тебе. Мать начала принимать наркотики, а папе было плевать, он был занят тем, что оформлял кучу документов, чтобы я стала наследницей всего. А потом у матери случилась передозировка, и тогда он отвёз ее в клинику. Пока она была там, этот ублюдок водил сюда разных шлюх и рассказывал им про то, какие его дочери тупые мрази. А зна-

ешь, что было дальше? А дальше он начал меня бить, блядь. И только потом, когда маму выписали, мы сходили к семейному психологу, и отец понял, что он хочет. Он начал делать из меня свою личную куклу. Я жила в клетке, пока ты была свободна. Свободна от всего. И ты даже не позвонила. Ни разу, Иви. Ни единого раза. Скажи мне, кто из нас эгоистка?

Не замечаю, как слёзы стекают по моим щекам. Иви падает на колени, утыкаясь лицом мне в живот, и обнимает меня руками. Я стаю статуей, не испытывая ничего. Потому что я, наконец, сказала всё то, что накопилось во мне.

– Прости меня. Боже, прости меня. Грейс, если бы я только знала…

– Ты не знала, – без чувств чеканю я и отдергиваю её от себя, – а теперь забирай всё своё дерьмо и проваливай.

– Грейс, пожалуйста…

Она тянется ко мне ещё раз, но я грубо толкаю её.

– Я прямо сейчас вызову охрану, если ты не выкатишься отсюда. Считаю до трёх. Один.

– Они не вышвырнут меня, – с сомнением шепчет она.

– Ну да, конечно. Тебе пора понять, что после твоего ухода многое изменилось. И, как ты думаешь, они послушают наследницу или бывшую наследницу?

– Ты не сделаешь этого. Мы ещё не поговорили. Мне так много нужно сказать тебе.

– Пошла. Вон.

– Грейс, не делай этого. Не разрушай последнее, – просит

она.

Но моё сердце даже не дрогнуло.

– Уходи. Живо.

Она встаёт, но не делает и шага к двери.

– Я обещаю, мы ещё поговорим об этом. Не одна ты страдала, сестра.

– Никогда, слышишь, никогда не называй меня так. Ты потеряла это право давно. А теперь проваливай, я достаточно сказала.

Иви всё-таки идёт к двери, но напоследок задерживает на мне свой взгляд.

Она уже не та Иви, что была когда-то, а я уже не та малышка Грейс. Мы изменились. И все благодаря ей.

– Ты стала похожей на него, – в отчаяние шепчет она, потирая щеки в слезах.

– И ты виновата в этом.

– Я не могла иначе, ты должна понимать…

Но я больше не могу слышать её. Ещё чуть-чуть и я, в самом деле умру.

– Пошла. Вон. Сейчас же.

Дверь захлопывается, и я падаю на пол, утопая в океане боли. Меня режут изнутри, но я терплю, ведь я всегда терпела. Я чертовски скучала по ней. Каждую секунду моей жизни в этой темнице, я жила в мыслях рядом с ней. Она была моим примером даже тогда, когда сбежала. И я ждала её. Ждала, когда она вернётся и заберёт меня с собой. И только

спустя полтора года я поняла, что этого не произойдёт. Я ей не нужна.

Истошные рыдания вырываются из меня, и я погружаюсь в темноту.

Глава 26

Что может быть хуже, чем проснуться в месте, из которого я бежала? Ничего. Я тут, смотрю в идеально белый потолок, на котором нет ни одного изъяна, как и во всём другом, чем наполнен этот дом, кроме, конечно, его жителей. Прекрасное с виду яблоко, переполнено гнильём и червями. В ту же секунду, как я повернулась на бок к окну, свернув шёлковое нежно—розовое постельное белье, дверь за спиной открылась, а на порог ввалилась в прямом смысле этого слова Фелиция – семейный стилист. Если бы не темные волосы, уложенные в идеальные локоны, красная помада, обрамляющая губы и макияж, я бы подумала, что это моя мать в ином обличие, ибо эти двое одинаковые внутри, но разные снаружи. Отточенной походкой и выпрямленной спиной, она прошагала к окну, где распахнула шторы, впустив солнечные лучи и заставив меня зажмуриться от яркого света.

– Доброе утро, Грейс, я уже сотню раз говорила тебе не морщиться, потому что так развиваются преждевременные морщины, – улыбнулась она, но скорей оскалилась, как сторожевая собака.

Игнорируя её обычное приветствие, где как всегда упоминается что-нибудь подобное: *«Доброе утро, Грейс, что у тебя с кончиками волос? Ты их опаливала огнём?», «Доброе утро, Грейс, что у тебя на руках? Живо в салон»* и прочая

колкость. Я сделала то, что делала всегда – закатила глаза, не наделив её никаким вниманием. Мысленно я делила кровать с Диего, который обнимает или готовит завтрак, на который не нужно надевать платье за тысячу фунтов, а достаточно сигануть в футболку.

– Вставай, Грейс, через час в доме завтрак, – вновь напомнила о себе Фелиция, – или ты собираешься присутствовать на нём в образе Золушки?

Нехотя оторвав себя с кровати, я без всякого приветствия и улыбки проследовала в ванную комнату под пристальным взглядом холодных голубых глаз, от которых удалось избавиться только за закрытой дверью. В этом доме я рада только нескольким людям, но даже их я бы с большим удовольствием увидела где-нибудь на улице, и желательно в Америке.

Фелиции вновь удалось сделать из меня фарфоровую куклу, которая в около десяти утра под толстым слоем макияжа и идеально уложенными волосами. Фиолетовое коктейльное платье с открытыми руками обрамляло талию, а на ногах сверкали серебряные босоножки. Вот она, британская Грейс Мелтон.

– Спускайся к завтраку, твои родители и сестра уже ожидают тебя. Ты как всегда придёшь последней, – отчеканила Фелиция, закрыв за собой дверь.

Смотря на собственное отражение, я хотела отодрать кожу, разорвать платье и испортить эти проклятые идеальные локоны. Но сделав подобный шаг, я дам старт концу света.

Тут у меня просто нет выбора. В моих интересах и желаниях заказать первый билет на рейс, чтобы избавиться от *семьи*.

Отец уже занимал место во главе протянутого в длину стола, по его правую руку, сидела мама, а рядом с ней Иви. Я осталась одна на проклятой левой стороне без поддержки. Каждый из них ничем не отличался от меня: превосходно отшитый смокинг на отце, бледно—розовое деловое платье на маме, бежевое, похожее на моё – на Иви. Войдя в столовую, я получила каменный взгляд отца и матери, улыбку Иви, которая тут же сошла на нет, когда я одним взглядом испепелила под ней стул. Отполированное серебро, расположилось на белой скатерти по всем правилам этикета, заставляя меня поморщиться и вспомнить тёплые вечера в кругу семьи Диего. Как же мне хотелось закрыть глаза и вновь открыть, чтобы наткнуться на людей, улыбки которых счастливые и добродушные. Но, боюсь, что волшебства не существует.

– Доброе утро, Грейси, – улыбнулась мама, не заполучив мою ответную.

– В этом доме оно никогда не доброе, – буркнула я себе под нос, занимая место за столом.

– Что?

– Ничего. Здравствуй, мама, – небрежно бросила я. Это она была инициатором моего прилёта, потому что звонок исходил от неё, хотя муж и жена – одна Сатана. Я ненавижу каждого за этим столом.

Обслуживающий персонал запестрил и оживлённо забе-

гал вокруг нас, наполняя стол тарелками с круассанами, фруктами и овощами, графин со свежевыжатым соком и глазуньей, которая как всегда отличалась своей восхитительностью вида и ароматов. Несмотря на то, что последними в моём желудке были пиццы, притрагиваться к еде – я не стремилась. Очередной стол, сошедший с картинки кулинарных вырезок из журнала.

– Сегодня нам предстоит обсудить все бумаги, – важно начал отец, словно мы не завтракаем, а собрались на заседание семейного совета.

– Ты говорил о Рождестве, – процедила я, царапая вилкой и ножом белую тарелку.

– Это для бедных, – лениво проворковал он, вкладывая в данную фразу всю небрежность и неприязнь, – пусть хоть где-то порадуются.

– Омерзительно, – прошипела я, но ни отец, ни мать, не услышали меня, в то время как Иви подняла глаза, посмотрев на меня из-подо лба. Бросив в её сторону новый испепеляющий взгляд, я посмотрела на родителей.

Желание запустить тарелкой в лицо каждого, сжигало меня изнутри, но я, скрипя зубами, откладывала эту идею в сторону. Хочется послушать, по какой причине изгой и разочарование семьи сейчас сидит напротив. Посмотрев за окно, я проглотила ком в горле, пока сердце сжималось в груди. Этот праздник должен был стать одним из лучших дней, потому что я могла провести его в компании Диего и его семьи, но я

тут, сижу в Лондоне с самыми отвратительными людьми на свете. Более того, Диего даже не знает где я, и это разрывает меня изнутри. Всхлипывания рвались наружу, но мне удавалось подавлять их, сжимая челюсть и столовые приборы.

– Я могу идти? – выдавила я, не поднимая глаз.

– А как же провести время с семьёй? Ты разве не скучала? – раздался злорадный смех отца, который осушил стакан виски. И когда он успел появиться в его руке?

Игнорируя его язвительные выбросы, я поднялась из-за стола, скинув полотенце с ног на тарелку с почти нетронутым завтраком. И это было зря, потому что лицо отца вмиг залилось краской, а глаза ядовитой пеленой.

– Сядь! – резко рявкнул он.

– С какого чёрта я должна делать это? – прошипел я в ответ, твердо, стоя на ногах, – сейчас я должна быть в университете.

– Ещё одно слово, и ты больше никогда там не появишься! – заявила мама, поддерживая отца.

Сверкнув глазами в её сторону, я прикусила язык, чтобы не послать их нахрен и не выбежать из дома в очередном бегстве. Я не знаю, что может меня спасти и вытянуть отсюда. Это проклятое место пожирает изнутри. Едва не плюясь едой, я пережёвывала завтрак без всякого интереса и аппетита, хотя голод в желудке всё же был. Но сейчас я бы предпочла дешёвый хот дог из фургончика возле университета, чем то, что стоит на столе. С каждой новой секундой я понимаю,

какая пропасть между мной и этими людьми. Да, иногда я нахожу в себе те отвратительные отголоски воспитания, но стараюсь подавить и уничтожить их ещё на ранней стадии открытия.

Этот завтрак оказался самым длинным и долгим. Родители никогда не торопились, растягивая любую трапезу, чем периодически напрягали других. Меня же они выводят ровно с тех самых пор, как я перестала облизывать розетки. Я не понимаю, как перенести эти дни, потому что готова прямо сейчас заказать билет в один конец.

– Я позавтракала. Я могу идти? – образумив гнев, я постаралась спросить вполне спокойно.

– Иви уже рассказала тебе новости? – окинув меня пустым взглядом, отец впился глазами в старшую дочь.

– Нет.

– Тогда тебе стоит порадовать сестрёнку, – оскалился отец.

– Я.. – медлила Иви, неприятно скребя вилкой по тарелке, получая холодный взгляд отца и матери.

– Ну что ты, Иви, разве ты не горда? Разве не для этого раздвигала ноги? – продолжал давить отец, – обрадуй Грейси своей новостью. Думаешь, я не в курсе, что он трахал тебя на кровати в комнате? Это настолько оскорбительно и мерзко, я не понимаю, как у него встал на тебя или ты раздви…

– Замолчи! – закричала Иви, не выдержав давления и насмешек. В глазах её стояли слёзы, и мне в какой-то момент

стало даже жаль, но я быстро одумалась. Никто не помогал мне, когда страда я. Её не было рядом. Никого не было рядом.

Закрыв глаза, я на пару секунд вернулась в те дни, чтобы окончательно подавить в себе всякое желание помочь и поддержать её.

– Твоя грязная шлюха—сестра, повесила на тебя ответственность. Ты всё ещё любишь её? – орал отец, заливая красным цветом, который постепенно становился ненавистен мне, – хочешь стать такой же дешёвкой, Грейси? Хочешь опозорить семью, спутавшись с нищим?

– Я не хочу, отец, прекрати, – всхлипывала я, заливаясь слезами и пятясь от него.

– Только попробуй опозорить нас, – хрипел он, осушив стакан чистого виски, который тут же раскололся на тысячи осколков, ударившись о мрамор.

Рука отца быстро достигла моей шеи и обвилась в крепкой хватке, прижав меня к стене.

– Только попробуй, Грейс, – шипел он, награждая меня зловонием выпитого алкоголя. Поглаживая большим пальцем мою кожу, его капилляры заливались кровью, – я сверну твою хрупкую шейку одним движением пальца. Ты не посмеешь разочаровать меня, иначе я превращу твою жизнь в ад и тех, кто будет окружать тебя. Каждого, кого только увижу возле тебя. Запомни, девочка, чужие жизни в твоих руках.

Резко сжав моё горло, он приблизился ещё ближе, в то время как я застыла и не могла и пальцем пошевелить. Животный страх, который я испытывала несравним ни с чем. Я думала только об Алане. Только о нём. Только о том, чтобы он был в безопасности, потому что из всех остался только он. Отец, явно довольный моей реакцией, оскалился.

– Да, ты правильно мыслишь, Грейси, – рассмеялся он, – я испорчу его жизнь, только дай мне повод.

Пыхтя, отец бросил быстрый взгляд за спину. Я знала, что в доме была женщина, точней, даже девушка, готовая лечь под него за деньги, пока мать втягивает дорожку кокаина где-то в одном из высококлассных баров Лондона. И он знал, что я знаю.

Разжав хватку на горле, отец пихнул меня, из-за чего затылок влетел в стену с такой силой, что алая струйка крови хлынула по волосам, а я не смогла издать и звука, прикоснувшись трясущимися пальцами к голове. Комната перед глазами кружилась и расплывалась. Я вновь осталась одна, потому что отец ушёл, эхом отражая стук каблуков в стенах дома.

Это был самый первый раз, когда он коснулся меня. Остальное я пытаюсь забыть и стереть из памяти, потому что дальше было только хуже. На второй раз он сломал мне руку. Может быть, это было случайно, потому что я пожелала бежать, а он успел ухватить запястье и рывком остановить меня.

– Грейси, милая, – слишком приторно улыбалась мама, вырывая меня из воспоминаний.

– Сейчас мы подпишем все бумаги, – беспринципно выдал отец, – и у меня остаётся только одна дочь, которая становится наследницей.

Переведя взгляд на Иви, лицо которой было непроницаемым, я проглотила ком. Он лишает её всего. От семьи у неё остаётся только внешность, передавшаяся по материнской линии. Отец щёлкнул пальцами, и вокруг стола забегал обслуживающий персонал. Спустя минуту, на столе было абсолютно пусто, а перед лицом отца легли несколько белоснежных листов, которые сейчас камнем повиснут на моей шее.

– Ты добровольно отказываешься от всего в пользу Грейс. После подписания, ты больше не являешься частью семьи Мелтон, а Грейс перестает быть твоей сестрой, – чёрство заявил отец.

– Она не может перестать быть мне сестрой! – воскликнула Иви, но её нижняя губа предательски задрожала.

– Ты меня слышала? Если я увижу тебя или узнаю, что ты пытаешься с ней связаться, я помогу твоему дружку и вашему выродку остаться без фунта в кармане, – вновь оскалился он, – ты поняла?

По щекам Иви сбегали капли слёз, я же задержала дыхание, смотря на неё как на приведение. *Выродку?* Ребёнку? Она родила от Ноа ребёнка? Воздуха в помещении вдруг ста-

ло категорически мало, потому что тело кинуло в жар. Смотря на неё, я не могла и моргнуть. Он лишает её всего, потому что она вышла за него замуж и родила ребёнка? Сердце болезненно сжималось в груди. Кто бы там ни был: сын или дочь, они не виноваты, что родители по материнской линии моральные уроды.

– Ставь свои подписи, Иви, после чего выметайся из этого дома. С сегодняшнего дня ты – одна из них. Никогда не смей где-то произносить нашу фамилию, я найду тебя везде.

Смотря на меня, Иви трясущейся рукой взяла со стола ручку, не решаясь поставить на бумаге свою отметку. Не знаю, что ей руководит: страх за семью или страх за меня, но смотря на бумагу, она не могла поднести стержень к линии. Я и сама не знаю, что бы выбрала в подобной ситуации: семью или сестру. Сейчас у неё есть не только Ноа, она защищает не только его, но и их маленькое продолжение. Выбрала бы я Диего или её? От одной мысли, что меня поставят перед выбором, я хочу поднести дуло пистолета к виску. Она лишит меня – себя, и лишит того, кто может стать ещё одним лучиком света в моей жизни. В следующую секунду подпись Иви образовалась на листе, а я окончательно потеряла нашу связь. Она выбрала семью, а не меня.

– Гордон, – воскликнул отец, как на пороге в столовую возник дворецкий, – выпроводи эту девушку из нашего дома. И проследи, чтобы она тут не появлялась.

Кивнув, мужчина посмотрел на Иви, взгляд который за-

стыл на мне.

– Ты меня слышала? Покинь этот дом, иначе я помогу тебе лично, – поморщился отец, будто одно присутствие его родной дочери приносит ему чувство отвращения и омерзения, – я дал тебе сутки, ты сделал неверный выбор. Выметайся!

Иви даже не пошатнулась, она продолжала смотреть в мои глаза. Спустя несколько секунд ладонь Гордона легла на её предплечье, потянув за собой уже с силой.

– Грейс! – чуть ли не визжала Иви, позволяя щекам заплывать слезами, пока наш дворецкий волок её к выходу, – Грейс, я не хотела!.. Ты всегда будешь моей сестрой! Ты стала тётей… Я люблю тебя, Грейс…

Последние слова были едва слышны, а спустя ещё несколько секунд, входная дверь хлопнула, а мои внутренности с жутким и неприятным грохотом оглушили сознание тем, что рухнули в ноги.

– Я могу идти? – сипло выдавила я.

– А как же отпраздновать, Грейси? – улыбалась мама.

– Я могу уйти к себе в комнату? – вновь спросила я.

– Да, – сухо бросил отец, словно я – пустое место, ставшее его марионеткой, после чего он обратился куда-то в сторону двери, ведущей в коридор, через который появляется обслуживающий персонал, – Джорджина, принеси нам бутылку лучшего шампанского, сегодня в нашей семье праздник!

Подскочив из-за стола, я прошагала на второй этаж под за-

бвением, пытаясь показать спокойствие и безразличие, пока внутри умирали последние капли надежды. Как только дверь комнаты закрылась, я сползла по ней спиной с протяжным воем из-за бессилия.

Я прижимаю ноги к груди, обнимая их руками, и утыкаюсь лицом в колени. Чем сейчас занимается Диего? Ищет ли он меня. Или может он уже забыл даже о том, что я вообще существую. Глупо было прилететь сюда, а ещё глупее было не взять телефон. Я не знаю ни номер Диего, ни его соцсети. Мои раздумья прерывает конверт, который летит ко мне через щёлочку между полом и дверью. Хватаю листок и наспех читаю.

«Отель Grand Bon di Lorens. Комната 239. Я буду ждать тебя.

Все ещё твоя сестра, Иви».

В гневе я швыряю эту записку в мусорное ведро, но тут же лечу следом, вытаскиваю её и рву на мелкие части, сдерживая крик в себе. Я кусаю губы, слёзы текут нескончаемым потоком по щекам, голова начинает болеть, а в глазах темнеет. Она смеётся надо мной, когда пишет, что все ещё моя сестра? Неужели она не понимает, что уже давно не была ею, а этот документ простая формальность. Не в силах больше терпеть эту боль, я валюсь на кровать и пропадаю.

Толчок.

Ещё один.

И ещё.

Я оторву кое-кому руки. Можно же поаккуратнее будить.

– Вставай, – отдалено слышу голос, но не могу понять, кому он принадлежит, – Грейс, ты спишь, как… не знаю, ещё не придумал. В общем, вставай давай, иначе твой отец засунет все мои конечности мне в уши и отправит на Аляску.

Что? Алан. Я не ослышалась, это и правда Алан?

Я распахиваю глаза и тут же зажмуриваю из-за яркого света люстры. Но успеваю заметить друга, который сидит на моей кровати в смокинге. Что за чёрт?

– Кто-то умер? Пожалуйста, скажи, что это мой папаша, – я прилетела испуганная известием о его скорой кончине, а теперь желаю ему смерти – логика это кто или что?

Алан вздыхает и садится подальше.

– К сожалению, этой старый пердун жив и сейчас развлекает гостей на первом этаже.

– Если скажешь при отце, что он страрпёр, он точно убьёт тебя. И что за гости вообще?

Он хмурится.

– Ты не знаешь? Тебя всерьёз не предупредили? – отрицательно мотаю головой, и он ещё больше сердится, – вот сукин сын! Он собрал все сливки общества Лондона, чтобы представить свою дочь – наследницу семьи Мелтон, и собирается оповестить всех о какой-то новости, но я, если честно, понятия не имею что за новость. И ты ни о чём не знаешь?

– Нет, да и плевать. Не велика потеря, знаешь ли, – хмы-

каю я, но внутри меня спичечный коробок уже открывается и одна из спичек вываливается наружу, – что ты вообще здесь делаешь?

– Ты ранила моё сердце, – вздрагивает он, – вообще-то я звонил тебе, когда прилетел на Рождество в Лондон, но твой телефон вне зоне доступа сети.

– И поэтому ты решил, что я могу быть здесь?

– Нет, не поэтому. Мне позвонил твой отец и попросил вытащить тебя из комнаты, а потом убираться из дома, потому что у вас важное мероприятие. Собственно говоря, я тут, и если ты хочешь сбежать, то я только за.

Какая бы это ни была неплохая идея, я все же отказываюсь. Лишние проблемы с демонами отца мне не нужны. Поэтому Алан с горем пополам покидает мою комнату, и я начинаю заниматься внешним видом. Право выбора у меня не было, потому что на кресле уже висело золотое платье, а ниже лежали каблуки такого же цвета. Я уже успела подумать о том, что отец позаботился о моем комфорте, но когда надела это платье, тут же развеяла подобную мысль: вырез, следовавший глубоко по груди, вынуждал снять бельё, а декольте сзади кричало, что один ветер – и с меня слетит грёбаное платье ко всем чертям.

Но выхода не было, я ведь Мелтон.

Спускаясь по лестнице, я слышу классическую музыку, шум разговоров, звон бокалов. Медленно дохожу до конца лестницы и наблюдаю за тем, как все взгляды направляются

на меня. Я вижу знакомые лица: партнёры отца, их жены и дети, другие приближенные и влиятельные люди Лондона. С боку меня за руку притягивает отец к себе:

– Станцуй со мной, – приказывает он и начинает кружить меня без моей воли, – ну, что ты как бревно. Ни задницы, ни груди, да ещё и двигаться не можешь. Не понимаю, как Арчер трахал тебя.

Пальцы ног в каблуках скручиваются, а руки впиваются в пиджак отца.

– Я даже не буду комментировать это. Зачем ты вообще устроил весь этот цирк?

Он раздраженно фыркает.

– Все ради тебя, дочурка, – в следующую секунду я «случайно» давлю ему ногу каблуков и наслаждаюсь покраснев-шим от боли лицом, – стерва. Вся в мать.

– Говори. Зачем это всё и зачем здесь я?

– Потому что это твой праздник, – сквозь зубы отвечает он.

– Тогда зачем же ты запретил Алану находиться здесь, если это мой праздник?

Его глаза широко раскрываются и в них начинают плясать бесята. Он что-то задумал. Я уверена.

– О, он будет мешать нам.

– Да? И чем же?

– Своим присутствием, естественно. Думаешь, я не знаю, что этот сопляк влюблён в тебя с самого детства? – он не да-

ёт мне огрызнуться, притягивая меня к себе за руку. Отец ведёт меня куда-то к столикам, попутно тараторя, – Грейс, ты должна понимать, что он – твой шанс на самое счастливое будущее. Так что будь добра, прими мой сюрприз, как должное.

Сначала я не понимаю смысл его слов. О ком он, кто там моё счастье и что за сюрприз, пока не вижу *его.*

Длинные золотистые, словно настоящее золото, волосы зачёсаны назад и выглядят так, словно это их постоянное положение, хотя так оно и было, когда я последний раз видела *его.* Чёрные брюки от Армани и такого же цвета пиджак и лакированные туфли. *Его* рубашка в цвет моего платья – такая же золотистая, и я не сомневаюсь, что так решил отец. Голубые глаза смотрят мне в самую душу, а та отзывается мягким тёплом и трепетом спустя долгое время разлуки с объектом своего обожания. В ту же секунду, когда отец отпускает меня, я отшатываюсь, смотрю за спину, пытаясь найти ближайший выход, чтобы сбежать, и замечаю, как *он* хмурится. Этот маленький жест навевает на меня воспоминания и возвращает в прошлое.

– Отец сломает тебе руки, если ты ещё раз залезешь мне под юбку, – шепчу я, когда он в очередной раз приближается пальцами к пылающему месту и, дразня, отводит назад.

Он сексуально—горячо хмурится, оглядывает обеденный стол и замечает, что ни один из членов моей и его семьи не смотрит на нас. Поэтому он снова пробирается мне под

юбку, но на этот раз забирается в трусики. Я скрепляю коленки, но это только усугубляет ситуацию, потому что он прикусывает губы, понимая какой эффект возымели его действия, и крадётся к клитору, пока я вздрагиваю и не дышу. Совсем не дышу.

– Ну, а чем вы сами хотите заняться? – спрашивает его мама, сложив руки к подбородку. Она заботливо улыбается, показывая различия между ней и моей матерью.

В это время он дёргает меня за набухший клитор, и я сдерживаюсь, чтобы не взвизгнуть. Он закусывает губу, чтобы не рассмеяться, и отвечает:

– Думаю, что мы с Грейс хотим провести время вдвоём где-нибудь подальше от Лондона, – я тут же хочу начать спорить, потому что никуда не хочу уезжать, но поздно.

Один из его прохладных длинных пальцев погружается в меня, а другой порхает на клиторе. Я сильнее сжимаю ноги, и он ещё дальше запускает палец. Чертов манипулятор.

– Да? – хмуро откликается отец, – я думал, что ты хочешь провести каникулы дома.

Я сглатываю, когда он ускоряет движение во мне, энергично засовывая и высовывая палец. Я чувствую, как влага стекает по моим ногам, но он ловит свободным пальцем капли, проводя по внутренней стороне бедра, возбуждая меня ещё сильнее.

– Я тоже так думала. Но он уговорил меня, провести последнее лето в школе где-нибудь, где есть океан.

Он ухмыляется, радуясь, что я всё-таки приняла его решение, и начинает ласкать меня нежнее, продолжая стимулировать клитор.

– Это неплохая идея! Наши дети проведут отдых только вдвоём. Как же это романтично, да, Джордж? – воодушевлённо спрашивает его мама у своего мужа, пока мой отец тихо передразнивает её «да, Джордж».

– Конечно, дорогая. Это потрясающая возможность побыть вдвоём и укрепить свои отношения перед браком.

Слюни, которые накопились во рту от жгучего возбуждения, попадают не в то горло.

– Что, простите? Брак?

– Отец, – сухо бубнит он и вынимает из меня свой палец, а затем покидает мои трусики и юбку. Я подавляю разочарованный вздох.

– Что? Ты ещё не говорил Грейс о своих намерениях?

– Об этом пока рано говорить.

– Дети сами разберутся с этим, не так ли? – приторно спрашивает мать, и его родители согласно кивают, – может, нам пройти в сад и насладиться весной там?

Затем они удаляются, оставляя нас вдвоём. Я собираюсь спросить всё, что мог иметь ввиду его отец, но не успеваю даже сказать и слово, потому что меня тут же поднимают и сажают на стол. Он разводит мне ноги и встаёт между ними, поглаживая меня через трусики.

– Мы всё решим потом, детка. Ты же не против, что сей-

час я хочу заняться делами по важнее?

– Нет, конечно, нет. Займись со мной любовью, пожалуйста, – молю я его, когда он отодвигает мои трусики и начинает расстегивать свой ремень.

Игривый и пошлый взгляд голубых глаз устремляется на меня, и я готова задохнуться.

– Раз уж ты просишь.

Он притягивает меня к себе и обрушается на мои губы жадным, страстным поцелуем, а следом вонзает в меня свой член, ускоряя темп с каждой миллисекундой во мне.

От этих мыслей я густо покраснела, и я не сомневаюсь, что он понял, о чём я думаю. Это был наш первый раз за пределами пресной кровати, и мне понравилась такая дерзость. Он всё так же красив, горяч, от него несёт чём-то дорогим и сексуальным, а сам он вызывает одно чувство: мокрые трусики и только. Я чувствую, как моё сердце ускоряется и ускоряется рядом с ним, но не могу сделать и шагу назад. Отца уже давно нет рядом, но мы все ещё смотрим друг на друга. Он скользит все теми же любимыми мною когда-то, голубыми глазами по моему телу, и кожа вмиг покрывается мурашками. *Как же я скучала.*

– Привет, детка, – томно шепчет он, и я готова скрутиться в узелок. Его голос стал только мужественнее, добавляя ему несколько баллов сексуальности. Но ничего странного в том, что я скучала по нему. Прошёл всего год. Пусть мне и больно видеть его, но я все же рада встретиться снова.

Я облизываю пересохшие губы, и он рычит. И даже звериный рык чертовски сексуальный.

– Привет, Арчер.

– Ты стала только красивее. Твоя кожа всё так же светится, глаза кричат о твоей дерзости, а эта улыбка… ты заставляешь меня кончить в боксеры прямо сейчас.

Я зажмуриваю глаза и привожу дыхание в норму. *У меня есть Диего. С Арчером мы расстались.*

– Мне пора, – хриплю я и собираюсь уйти, но он успевает схватить меня за запястье и обвить руки вокруг моей талии.

Он дышит рядом с моим ухом, и я чувствую его дыхание прямо на открытом участке на коже, и если раньше это бы произвело на меня впечатляющий эффект, то сейчас моё сердце даже не подпрыгнуло. *Это неправильно. Арчер – это неправильно.*

– Один танец, прошу тебя.

– Всего один танец, и я больше никогда не увижу тебя?

Он тихо смеётся и медленно кружит нас.

– Надеешься, что сможешь отвязаться от меня?

– Мечтаю.

– Как кстати Алан поживает? Все ещё бегает за тобой?

– Он твой лучший друг, как ты можешь так говорить о нём, Арчер.

– Бывший лучший друг. И то я сомневаюсь, что он был им для меня. Разве друг пытается забрать твою девушку при любой возможности?

– Он не пытался забрать меня! И я тебе не вещь, идиот.

– Ладно, забудь, что я сказал.

– Я с радостью забуду и тебя.

– Я скучал по тебе.

Хочется скулить из-за несправедливости. То ни одного парня, то сразу два. А то и три.

– А я – нет.

Он хрипло смеётся и заправляет локон мне за ухо, специально подольше касаясь моей кожи. А затем наклоняется к уху и шепчет:

– Не ври себе, Грейс.

Я с трудом сглатываю.

– Отпусти меня, Арчер. Мне нужно уйти.

Но он все также держит меня.

– Я хочу поговорить с тобой, а ты разве нет? Целый год мы не виделись и тебе нечего рассказать мне?

– Мне есть, что рассказать тебе, Арчер, – вырывается из меня, и я не могу оставить поток слов, пропитанных гневом на него, – я влюбилась, по-настоящему влюбилась. Он старше меня, но это лишь плюс. Ты бы знал, насколько он красив. А как он трахает меня…

Я добиваюсь того, что хочу, и Арчер отстраняется от меня. В его глазах застывает та же боль, что и у меня, когда он бросил меня. Не оборачиваясь, бегу в комнату. Снова падаю лицом в кровать. Снова плачу. Снова в чёртовом Лондоне. Снова в этом проклятом доме. Может, на мне есть ка-

кая-то порча, и она активируется только тогда, когда я достигаю воздуха Лондона? Что-то мне подсказывает, что всё именно так.

Арчер все так же красив. За год он возмужал до невозможного, привлекая к себе внимания ещё больше. Тогда я бы с радостью прошлась с ним в любую свободную комнату и показала ему, что он принадлежит мне. Но сейчас единственное, что я хочу – это оказаться рядом с моим сварливым Диего.

Как он там без меня?

У меня такое ощущение, что я оставила кота в квартире, а сама сбежала в другой город на недельку—две, и он бедненький умрёт от голода. Но Диего не кот, что, конечно, круто, иначе меня обвинили бы в зоофилии.

Пока я шучу сама с собой в голове, чтобы перестать терзать себя воспоминаниями, вспоминаю записку, что подсунула мне Иви. Ещё утром я бы ни за что не подумала, что пойду к ней за помощью, но, в общем-то, я и не за помощью иду. Мне просто нужно поговорить с ней, узнать правду, ну и просто выпить. Последнее обязательно. По правде за последним я и иду к ней, потому что выпить хочется, а никого рядом нет. Хотя, есть Алан, но этот говнюк не пьянеет совсем, и сомневаюсь, что ему будет нормально в компании бухой Грейс.

Стучу в дверь, номер которой вспоминала так долго, что наступил уже следующий день. Перевалило за час ночи, и

наконец-то Рождество, которое я итак не любила, а теперь тем более, закончилось.

– Грейс? – дверь распахивается и передо мной возникает Ноа. Самый настоящий ублюдок. Не нужно обвинять меня в том, что я сразу же дала ему звонкую пощечину. Он заслужил как никто другой.

– Не к тебе пришла. Где Иви? – бурчу я и прохожу в номер, специально пихая его в плечо, – сестричка, не заставляй меня пожалеть, что я пришла.

– Говори тише, – потирая щеку, ворчит Ноа, – она укладывает Остина.

Остина? Это собака что ли?

– Уже не укладываю. Он отказался спать, пока не познакомится с нашей гостьей. Кстати, рада видеть тебя, Грейс. Думала, ты не придёшь.

Позади меня распахивается дверь в спальню и к нам выходит Иви в сорочке. И не одна. Её за руку держит маленький кучерявый светловолосый мальчишка лет пяти. *Если ему пять лет и он ее сын, то…*

– Блядь…

– Грейс! – визжит Иви и закрывает уши сыну, – не выражайся при своём племяннике.

– Вот это пиздец. А я-то думала, почему у тебя так сиськи выросли.

Она закатывает глаза, а Ноа смеётся рядом.

– Я оставлю вас. Сумасшедшие сёстры Мелтон, – сквозь

смех предупреждает он и уходит в комнату, откуда недавно вышла Иви и мальчик.

Я со сощурившими глазами провожаю его.

– Хочешь, чтобы я ещё раз приложила тебя? Без проблем.

– Что? Ты ударила Ноа? Грейс, что за детский сад?

– Успокойся, малышка. Мне даже было больно, – дерзко усмехается Ноа.

– Я сейчас это исправлю.

Мчусь к нему, но меня отдергивает внезапно схвативший за мою ногу человечек.

Задерживаю дыхание и опускаю взгляд на это чудо. Как же он похож на них.

– Ты Грейс, да? Мне мама про тебя рассказывала. Ты её сестра, я знаю.

Иви чуть улыбается.

– Он очень интересовался тобой. Я показывала ему наши фотографии.

В сердце теплеет.

– Так значит, ты…

– Да, я сбежала из-за этого. Отец требовал меня сделать аборт, но я не могла. Поэтому мы с Ноа сбежали. И вот – Остин, наше чудо.

– Чудо – девчачье прозвище. Я – викинг! – он выпускает мою ногу и ударяет себя кулачком в грудь. Мамочки, какой же он милашка.

– Да—да, дорогой, ты самый настоящий викинг, а теперь

иди к папе, он уложит тебя спать.

– Но, мам, ещё рано, – скулит Остин и в надежде на поддержку смотрит на меня. Карие глаза поблескивают чем-то родным, и лёд в моем сердце дает такую трещину, что ещё чуть-чуть, и я сама сломаюсь.

Нагибаюсь к нему и кладу ладони на его маленькие розовые щёчки.

– Тебе нужно поспать, приятель. Ты же викинг, а викинги ценят сон. Да ведь, Иви? – та кивает, – вот видишь, мама согласна со мной. Так что беги спать, а завтра мы проведём целый день вместе. Ты и я, идёт?

Он прищуривается, пытаясь понять, вру я или нет.

– Клятва на мизинчиках? – с сомнением спрашиваю я и протягиваю палец.

Остин тут же обхватывает мой.

– Я сделаю тебе предложение, когда вырасту. А пока викингу нужен сон, малышка.

Остин посылает мне воздушный поцелуй и исчезает за дверью.

– Дамский угодник. Это все гены Ноа! – вздыхает Иви.

Я улыбаюсь. По-настоящему улыбаюсь ей, после долгого времени. Она не просто оставила меня. Она спасала жизнь своему сыну, моему маленькому племяннику, с которым мне обязательно нужно наверстать упущенное. И я в нетерпении сделать это.

Глава 27

Как только шасси моего самолета коснулись земли Нью-арка, я пулей устремилась к выходу, но резко возникшая передо мной рука остановила меня. Мама, которая согласилась отправить меня в Америку только с условием, что проконтролирует то, как я доберусь, а затем улетит обратно. Впрочем, я не против. Весь полёт она не издавала ни звука, только и дело, нахваливая личный самолёт отца и то, как её муж трудолюбив, раз смог добиться таких высот. Она, естественно, прекрасно понимает, как он добился всего этого, но все же хвастается перед стюардессами, которым также как и мне наплевать. Они просто изредка кивают и соглашаются с ней – не хотят проблем с их хозяйкой.

– Не торопись, Грейси, – настойчиво попросила а-ля приказала она и коротко улыбнулась. Но было, похоже, что у неё нервный тик, – я отправилась с тобой не просто так.

– Да? А я уже подумала, что так оно и есть. Весь полёт ты не трогала меня, может, и сейчас оставишь затею?

Её миндалевидные глаза прищуриваются, а ногти впиваются мне в кожу.

– Послушай, я знаю, что у тебя кто-то появился…

– Да? Ну, надо же. А откуда, интересно спросить? – театрально ахаю я, доводя её до точки кипения. Вся атмосфера рядом с ней начала пылать, а я все ещё продолжаю испыты-

вать судьбу.

– Грейс, – с нажимом нарочито спокойно шипит она, – я всё вижу. Я же твоя мать.

– Неужели?

– Не выводи меня. Один звонок твоему отцу, и ты будешь вылизывать стены своей комнаты в Лондоне, потому что он запрёт тебя там по моей же просьбе.

Меня передергивает от её слов.

– Он никогда не слушал тебя. Всегда делал то, что считает нужным. Так что не пытайся угрожать мне, а тем более у нас с ним сделка.

– Я знаю о сделке, – ухмыляется та, пока я в шоке пялюсь на неё, – конечно, а ты как думала? Это была, вообще-то, моя идея.

– Так я и думала, – рычу на неё. Мать закатывает глаза и цокает.

– Позволь мне закончить. Я знаю, что ты влюблена, но можешь даже не пытаться. Твоя судьба – Арчер. И на этом конец. Так что сделай для себя правильные выводы, если не хочешь лишиться всего. Ты ведь умная девочка?

Она протягивает мне руку, как будто я собака и позволю почесать себе за ушком. Но не сегодня. И не в этой жизни.

– Можешь смело идти нахрен, потому что мне плевать. Отцу так и передай. Прощайте, мама, – я небрежно вскидываю руку и выбегаю из самолёта, пока она тянется ко мне, чтобы снова схватить. Её щеки пылают от гнева, глаза тем-

неют, а дыхание неровное. Но это меня не волнует. Главное – меня ждёт Диего, после долгой разлуки. И я должна быть с ним. Однозначно Новый год я встречу с ним, потому что ещё пару дней в компании родителей я не выдержу.

Я уже бегу по трапу, когда слышу её крик:

– Ты пожалеешь! Ты очень пожалеешь, когда останешься совсем одна, потому что все отвернуться от такой скотины, как ты! – я оборачиваюсь, чтобы посмотреть ей в глаза и убедиться, что она в своём уме.

– Я итак одна. Благодаря тебе и отцу, – *ложь, у меня есть Диего,* – так что засунь своего Арчера себе в задницу и уматывай.

– Как ты говоришь с матерью, мерзкая девчонка? Я воспитывала тебя, – рассерженно пыхтит она.

– Кому ты сейчас врёшь? Ты никогда не была со мной близка, как мать и дочь. Ты кинула меня в руки отца, и сама впрочем, не лучше него.

– Да как ты смеешь!

– Успокойся, мама. У меня нет желания ссориться с тобой, так что просто попрощайся и лети обратно в Лондон. Так будет правильнее.

Несколько секунд она смотрит на меня злым взглядом, а затем вздергивает подбородок и цокая каблуками заходит обратно в самолёт, а затем стюардесса закрывает дверь. Я знаю, что моя мать не всегда была такой сукой. Она просто очередная марионетка отца, не более.

Через час я уже мчусь к Марии. Я позвонила ей сразу же, как только нарыла телефон в комнате. Диего не было в квартире, а на мобильный он не отвечает, поэтому мне пришлось звонить Марии и умолять её сказать, где он. И это было не так легко.

Как только я дохожу до её машины и сажусь в салон, она впивается в меня злым взглядом. Похоже, что теперь она ненавидит меня. В прочем, я и сама ненавижу себя за глупую опрометчивость.

– Ты – самая настоящая идиотка. Да ты… Господи, я даже не могу подобрать слов, как тебя назвать. Сука!

– Спокойно, я всё объясню. Только позволь мне увидеть его, – я едва касаюсь её руки, но Мария тут же отдергивает её.

С любой другой я бы развернулась и ушла – не хочешь, не надо. Но не с Марией. Она болеет, и я не могу вести себя с ней жестоко. Но тут же всю жалость съедает воспоминание.

– Засунь в заднищу свою жалость, Грейс! – кричит Мария, сверля меня взглядом. Кажется, ещё секунда, и она стукнет меня виском о ближайший острый угол.

– Я.. я не…

– Что ты? Что ты, Грейс? Считаешь меня сумасшедшей? Больной? Не здоровой? Не такой, как все? Психопаткой?

– Я не жалею тебя!

– Хочешь сказать, что ты не можешь разорвать со мной

дружбу, из-за болезни, потому что не знаешь, как это сделать? Потому что думаешь, что я вдруг стану сумасшедшей и убью тебя?

От её слов, тело парализовало, но через секунду я вырвала себя из дерьма. Она – моя подруга, самая настоящая, не ищущая своей выгоды, не пытающая поцеловать мой зад при каждом удобном случае, и, кажется, она заочно ненавидит мою семью больше меня, хотя ничего не знает.

– Что ты несёшь, Мари? – не выдержав, закричала я, сделав шаг в её сторону и ткнув пальцем в её грудь, – мне плевать, что у тебя там: биполярное расстройство, раздвоение личности, шизофрения, сдвиг по фазе или чего похуже! Плевать, блядь! Это не меняет ничего! Ты останешься моей подругой! Да я скорей сама приобрету твоё биполярное расстройство, чем откажусь от тебя! Не смей говорить, что мне жаль, потому что мне не жаль!

Мария замерла, хлопая глазами, она открыла рот, словно я сказала что-то из ряда вон выходящее.

– Я люблю тебя со всеми твоими задвигами, потому что я сама сумасшедшая! – выдохнула я, но уже без крика, сварливости или ярости. Я говорила то, что чувствовала, а чувствовала я то, что мне плевать на всё, потому что рядом со мной настоящая подруга, а не сука.

В следующую секунду, руки Марии обвились вокруг моей шеи, но я и не думала, что она хочет задушить меня. Обняв её в ответ, я улыбнулась и облегчённо выдохнула. Хоть что-

то я сделала правильно.

Возвращаясь из минутного помутнения, я, проморгав глазами, смотрю на подругу перед собой.

– Уж потрудись объясниться, – зло пыхтит она, и следующие десять минут я рассказываю ей обо всём, что со мной приключилось за неделю моего отсутствия.

Рассказываю и про первый день в Лондоне, умалчивая причину моего гнева на Иви, затем рассказываю про Рождество, Арчера, моего отца и несколько дней в компании Остина, Иви и Ноа. Все это время она молча слушает меня, а в конце ахает.

– Офигеть! Ты просто обязана рассказать всё Диего. Он не находил себе место все это время, Грейс.

– Что? Правда? – смущённо спрашиваю я.

Пусть это будет так. Пусть ему будет не хватать меня так же, как и мне его. Сердце затрепетало и медленно начало плавиться, но я быстро собрала эти подтёки воедино, потому что впереди встреча с человеком, которого бросила на несколько дней без всякого предупреждения.

Она ухмыляется.

– Ну, конечно, мой брат делал вид, что ему плевать. Но я-то видела, как он страдает. Да там только слепой бы не увидел. И ты сейчас тоже в этом убедишься.

Затем она отвозит меня куда-то далеко от самого Принстона и оставляет около бара с неоновой вывеской. Выдохнув, я ползу внутрь, услышав визг шин Марии, которая пред-

варительно пожелала мне той удачи, которой не существует, потому что хорошо знает своего упрямого брата. Она убедила меня в том, что Диего приехал на машине и сможет отвести нас обратно, когда мы помиримся. Но что-то мне подсказывает, что всё будет далеко не так. У меня даже есть подозрения, что я могу пойти пешком.

Я ползу вдоль стоек, оглядываясь на каждого парня в чёрной одежде и пытаясь найти моего горячего Фуэнтеса. У меня дрожат руки, а сердце давно сказало мне «пока». Но всё это кажется цветочками, когда мой взгляд встречается со взглядом Диего. И чёрт возьми, он реально плохо выглядит. Чёрные волосы спутаны, как птичье гнездо. Щетина, словно он забыл, что такое бритье, в какой-то степени напоминает Ноя, построившего ковчег. Чёрная футболка помята, под глазами синяки, а губы лишены привычного красноватого оттенка. Я тянусь к нему, но он даже не шевелится.

– Мелтон, – в пустоту говорит он и едва заметно улыбается, – я знал, что ты сведёшь меня с ума. Теперь я в этом убедился. Пошла вон, гребаная шиза!

– Боги, Фуэнтес, ты ударился что ли? Какая к чёрту шиза? Эта всё та же Грейс, которая обожает твой пылкий нрав, заставляет твой член танцевать и сносит сучку-Бейкер с ног. Давай, прикоснись ко мне.

Он морщится, как от чего-то противного, и это задевает меня. Неужели он совсем забыл меня за это время? Но слова Марии находят свой отклик в душе, вновь даря надежду.

– Где ты была? – глухо спрашивает он.

Я рассказываю ему всё то, что говорила Марии, но если та с бурей эмоций обрушилась на меня, то Диего, словно мёртвый воробушек, смотрит на меня и всё. Ноль действий. Ему совершенно плевать или он больше не может дать тех эмоций, которые давал раньше?

– То есть ты была в Лондоне? Встретилась со своим бывшим?

– Это всё, что ты услышал из моей тридцатиминутной речи?

Он хмурится и встаёт из-за стойки.

– Я, блядь, переживал за тебя. Я не мог найти себе, чёртово место, беспокоился на счёт того, что я чем-то обидел тебя. Рвал волосы на голове, бухал всю эту проклятую неделю. А ты была в сраном Лондоне и кайфовала со своим бывшем болтом? Да ты угараешь надо мной.

– Ты все преподнёс не так…

Губы Диего дёргаются в улыбке, и я уже было делаю шаг в его сторону, чтобы коснуться скулы, скрывающейся под жесткостью щетины, но улыбка Диего перерастает в оскал. Он начинает не просто смеяться, он начинает нервно и исторично хохотать в припадке, от чего холодок пронзает каждую частичку тела и души. Это дерьмово. Это очень и очень дерьмово, потому что таким я ещё не могла его наблюдать.

– Заткнись! Просто заткнись, – он идёт к выходу из бара, накинув резко куртку на плечо.

Мне ничего не остаётся делать, и я следую за ним. Точней, я бегу за ним, потому что идиотка тут только я. От совершённой ошибки, мне хочется падать в его ноги, но какая-то капля гордости не позволяет это сделать, потому что я всё рассказала, даже про Арчера, которого хотела исключить из истории.

– Ты говорил, что кто-то должен быть мудрым в отношениях, Фуэнтес! – стуча зубами от резкого ударившего в лицо холода, верещу я, обнимая себя руками, – ты говорил, что…

– Что, Грейс, что я говорил? – с вызовом, небрежно кидает он, повернувшись в мою сторону, но продолжая пятиться назад, пока я застыла под козырьком кафе.

– Ничего, ведь твои слова ничего не значат для тебя, – специально отчеканиваю я, чтобы получить от него тех эмоций, которые помогут мне вернуть его. Вернуть нас.

И это помогает. Диего застывает посередине парковки, которая напоминает фильм ужасов: места практически пустые, лишь тройка машин; тусклый свет, где один из фонарей мигает то ли из-за неисправной проводки, то ли из-за помирающей лампочки столетней давности; вокруг ничего, лишь деревья и пустота, и в какой-то момент я ловлю себя на страхе, что где-то по лесу бегают уродливые безумцы, ищущие свою жертву для будущего супчика из потрошенных человеческих органов. Встряхнув головой, я выбрасываю из сознания просмотренные фильмы в виде *поворот не туда* и вскидываю подбородок. Если выбирать между возвращением в

Лондон к родителем и поворотом не туда, то я однозначно выберу второе, потому что там меня просто убьют и пустят на полуфабрикаты, то в первом меня будут пожирать заживо: медленно и извращённо.

– Мелтон! – рычит Диего, – очнись, нахрен!

Сфокусировав взгляд, я нахожу Диего в паре дюймов от себя, мужчина трясёт моё плечо достаточно неплохо, а точней так, что я качаюсь из стороны в сторону, напоминая сосиску.

– Чего тебе? – фыркаю я, скидывая его руку с плеча.

– Что ты сказала? – цедит он, – повтори!

– Ты внезапно оглох?

Диего начинает рычать, хрипеть и бубнить что-то себе под нос, но я не разбираю ничего из его речи, лишь ругательства.

– Что у тебя было с ним? – вновь находит его тёмный взгляд мой.

– С кем?

– С твоим бывшим, не прикидывайся дурочкой.

– Ничего.

– Говори правду, Грейс! – хрипит он.

– Тебе в точности передать мои слова?

– Блядь, да! – взревел он, вновь схватив моё плечо в грубой хватке, но я не чувствовала боли, я лишь желала получить то, что вижу сейчас, а именно то, что он сомневается в правильности своего ухода от меня из кафе.

– Я влюблена. Ты не знаешь, насколько он красив… – на

одном дыхании произношу я, сомневаясь, говорить ли продолжение, но решаюсь быть честной до конца, даже несмотря на то, что этим хотела причинить боль Арчеру, – а как он трахает меня…

Рык Диего и в следующую секунду, его губы находят мои в страстном поцелуе, из-за которого мы начинаем задыхаться, чуть ли не пожирая друг друга, но всё равно не обрываем физическую связь. Жар в теле и душе способен растопить даже те ледники, которые образовались в мезозойском периоде. Не было и дня, чтобы я не вспоминала Диего в Лондоне. Все эти дни, которые казались нескончаемыми, я мечтала лишь о том, что вновь коснусь его. Поглаживание щеки шершавой подушечкой большого пальца, даёт понять, что ко мне вернулся мой Диего. Оставляя на губах последний поцелуй, он находит мой лоб своим и закрывает глаза, продолжая гладить мою щеку, а я в ответ таять и крепко хвататься за его плечи, как за спасательный круг.

– Больше никогда так не делай, Грейс. Не смей оставлять меня.

Приоткрыв губы, Диего, кажется, хочет сказать что-то ещё, но снова смыкает их.

– Я не оставлю тебя, – киваю я, не желая расставаться с ним и на секунду последующих дней, но понимаю, что это нормально, ведь я студентка, а он преподаватель.

– Я хочу уехать куда-нибудь.

– Я поеду с тобой, куда скажешь.

– Ладно, – выдыхает он, опаляя моё лицо дыханием, которое за секунду на морозе становится едва тёплым.

Скорость нашей машины можно было сравнить со скоростью улитки, хотя, нет, мы намного медлительней этого моллюска. Если её по праву считаю самым медленным существом на планете, то сейчас пьедестал заняли мы. Пока салон заполняла песня Ocean Jet – Stand the Night, существование которой сегодня для меня открыл мужчина за рулём. Признаться честно, песни у них очень даже неплохие. И та, что играет сейчас – понравилась мне больше остальных. Судя по довольной улыбке на губах Диего, он считается себя победителем в войне за музыкальные предпочтения.

Но что-то было ещё. Он изменился, словно боялся, сторонился и был предельно осторожен в вождение. Сейчас он похож на того, кто только что сел за руль: ужас в глазах, страх и нервные передёргивания. Автомобиль, которым не пользовались долгое количество времени можно легко угадать, и моя задница занимает кресло именно в этой машине. Смотря в чуткие и внимательные глаза Диего, которые следили за дорогой, я попыталась разбавить обстановку легкостью и непринуждённостью. Проведя по густой щетине, я улыбнулась.

– Фуэнтес, если ты боишься водить машину, то это могу сделать я.

– Ты никогда не сядешь за руль, – без какой-либо эмоции отчеканил он, не взглянув в мою сторону и на долю секун-

ды. *Мы вновь вернулись в корочке льда между нами?*

– Сделаю вид, что ничего не слышала, – кивнула я, смягчая тон до шёпота, – ты ещё злишься на меня? Я же рассказала тебе…

– Я не злюсь и не обижаюсь, Грейс, это удел маленьких мальчиков. Я всё понял.

– Что тогда не так? Ты сам предложил уехать.

– Я просто слежу за дорогой.

Вздохнув, я наклонилась и оставила легкий поцелуй на предплечье руки, напряжённые мускулы которой невозможно не заметить даже ночью из космоса. Диего не дрогнул и не поменялся в лице, он продолжал следить за дорогой, из-за чего я снова выдохнула и переключила следующую мелодию. Новая песня той же группы с названием Unfettered, заполнила салон машины. Предприняв новую попытку смягчить, как мне казалось, наколенную обстановку, я прибавила громкости и задвигалась в ритм музыке. Люк на потолке позволял насладиться каждой сияющей звездой на небе, каждым попутным ветром, каждой вспышкой новых фар, пролетающих мимо, каждой секундой этого вечера, ведь за несколько дней я безумно соскучилась по мужчине рядом. Мне плевать, в каком он расположении духа, потому что я влюблена в любой образ Диего, независимо от настроения и смены внешности. Как я и говорила, важна лишь внутренняя деталь в виде незримой притягательной харизмы.

Плавно поднимаясь с кресла, я вылезла из люка корпусом,

продолжая вырисовывать бёдрами восьмёрку. Руки поднялись к звёздному небу, к которому я подставила лицо, словно под палящее солнце и, закрыв глаза, улыбнулась этой свободе, о которой вновь забыла в Лондоне. Насколько одиночество в самолёте после ненавистных дней и пребывание в обществе любимого человека, могут быть приятными – не описать словами. Маму я старалась исключить из полёта, сделать вид, что её вовсе нет. Это словно аромат цветка, который он оставляет перед тем, как его стебель срезают. Сладкий вкус свободы, который получает заключённый при выходе на волю. Похоже на блаженное чувство, после сдачи последнего экзамена в школе или университете. Первый невероятный и самый вкусный кусочек после протяжной диеты или голодания. И ещё тысяча подобных описаний. Как только пара машин на бешеной скорости промчались мимо, от чего волосы запахнули вверх, Диего начал силой возвращаться меня на место.

– Чёрт возьми, сядь! – зарычал он, нарушая получаемое наслаждение.

Нахмурив брови, я с недовольством приземлилась назад, а Диего рывком убавил музыку до нуля, вцепившись в руль. Следом с визгом машина остановилась на обочине. Протянув руку над коленями, он, с ярым психом, открыл дверцу с моей стороны, распахнув её так, что та легко могла влететь в проезжающую машину.

– Вышла! – заорал он, заставив меня вздрогнуть.

Смотря на него, я уже не видела того Диего, который стал моим. Сейчас передо мной тот, кто убил меня словами после вечеринки. И тот, кто совсем недавно был в кафе. Тёмные глаза обезумели, пронзая ядовитым взглядом. Кажется, что в этот момент они темнее темноты. И тут я всегда остаюсь беспрекословной, подчиняясь его воле. Лишь тело застыло на месте, пока разум отбежал за сотню миль в сторону.

– Выметайся, блядь! – вновь взревел он, из-за чего я сорвалась с места, покинув салон.

В эту же секунду мимо пронеслась желтая спортивная машина на бешеной скорости, чуть ли не сшибая меня и не отбрасывая как минимум до Форкса. Секундой ранее, и сейчас Диего мог набирать номер девять один-один. К счастью, меня успела зацепить лишь волна от движения. Кажется, что этот момент напрочь лишь его здравого рассудка и всякой сдержанности. Со скрипом распахнув дверь со своей стороны, Диего вылетел вслед за мной, застыв на месте, но ненадолго, потому что следом он зарычал вперемешку с безумным криком:

– Ты, блядь, совсем двинутая?

– Ты сам хотел, чтобы я вышла! – в ответ заорала я, покидая полосу движения, где уже на встречу к моему лбу мчался новый попутный автомобиль.

Что-то пугало меня в его взгляде, полном боли, жестокости и сумасшествия. У него случайно нет биполярного расстройства? Запустив обе пятерни в копну волос, он начал

расхаживать по гравию взад-вперёд, напоминая безумного ученого, эксперимент которого вот-вот готов провалиться с громким свистом. Я всяко пыталась разбавить холодную атмосферу между нами, которая появилась вместе с машиной, но сейчас не в силах сделать шаг в его сторону. Проглотив к чертям остатки гордости, которую Диего только что пережевал и выплюнул с криками убраться из салона, я по темноте и холоду направилась в обратный путь, обняв себя руками.

К черту всё, вызову такси к бару.

Минуту спустя, мой верный спутник наконец-то опомнился, судя по быстрым шагам за спиной. Но этого не хотела делать я, плевать, сколько идти, я вернусь назад, потому что тяжело быть в подобной атмосфере, желая получить хоть какую-то романтику и лёгкость. После тех адских дней в обществе моих наидорожайщих родителей, я хочу спокойствия. Диего не готов его дать, в таком случае я лучше проведу остаток вечера и ночи в одиночестве.

– Грейс! – окрикнул Диего, но я не повернулась и не остановилась.

Вышагивая тяжелым шагом дальше, я вновь услышала собственное имя, но уже с нотками ярости, нетерпения и недовольства.

– Грейс, блядь, остановись! – ухватив моё плечо, Диего рывком развернул к себе лицом с силой, из-за которой я покачнулась на месте, пытаясь поймать равновесие и удержать вертикальное положение.

– Ты издеваешься? – зашипела я, – Фуэнтес, катись нахрен!

– Я просил тебя остановиться, – зарычал он, продолжая втыкать пальцы в мою одежду.

– О, – растянув губы в мерзкой улыбке, я следом выплюнула, – а я просила тебя пойти нахрен!

– Успокойся!

– Ты просил меня выметаться, я вымелась в обратном направлении, какого чёрта тебе сейчас нужно? Передумал? А я нет, катись к хренам!

Желая отсалютовать прощанье взмахом руки, я не успела, потому что Диего ухватил меня за запястье. В очередной раз, не совладав с эмоциями, я зажмурилась и закусила губу до железного привкуса крови, который хоть как-то должен спасти меня.

Спасения не было.

– Ты смеёшься надо мной? – взревела я, не удержав порыв скопившейся ярости, – я прилетела сюда, рассказала тебе, что произошло, ты предложил уехать, я согласилась, а сейчас ты вновь занялся уничтожением меня! Сколько это ещё будет длиться? Сколько я ещё могу терпеть? Сколько я ещё буду твоей жертвой? – хрипя от слез и дрожа от холода, я заколотила Диего по мощной груди от бессилия. И от того, что больше не могла носить внутри всю тяжесть, – знаешь, чего я хотела там? Вернуться сюда! Вернуться сюда как можно скорее, чтобы хотя бы обнять тебя. Я думала только о тебе.

Хотела только к тебе. Думала, ты примешь меня и укроешь от боли, но ты становишься виновником этой боли!

– Грейс, остановись, – силой притянув к себе, Диего прижал мою голову к груди, крепко обвивая руками, пока я без всякой силы продолжала стучать его кулаком по груди, утопая в слезах.

– Уйди! – шептала я, но вряд ли он мог слышать меня за шумом пролетающих машин.

Спустя несколько минут, пока мои обессиленные удары не прекратились, Диего тяжело вздохнул, поглаживая меня по голове через шапку.

– Я испугался. Я просто испугался.

– Ты всё испортил!

– Ничего ещё не испорчено.

– Объясни мне, Фуэнтес, за что ты так со мной обращаешься? Почему впускаешь в свою жизнь, но держишь на расстоянии вытянутой руки?

– Грейс, давай успокоимся, – вновь вздохнул Диего, из-за чего-то резко начала биться в его руках, пытаясь вырваться.

– Катись нахрен со своим спокойствием! – заорала я с такой силой, что побоялась выплюнуть гланды. И, кажется, фигурально у меня это получилось, потому что голос полностью осел, судя по обрыванию последнего слова.

Вскинув подбородок, я посмотрела прямо в глаза Диего, после чего сипло процедила:

– Катись. Нахрен. Со. Своим. Спокойствием.

Губы Диего накрыли мои в страстном поцелуе, в который мы оба вложили всю печаль, радость, ярость, тоску, безумие. Все чувства, которые затмевали и наполняли разум и душу.

– Мы должны провести ночь вместе, Грейс, – хрипел он, продолжая целовать моё лицо, – мне нужно… нам нужно…

– Я не понимаю тебя!

Тяжело выдохнув, он резко отпрянул от меня, запустив обе пятерни в копну волос, начав сумбурно бродить вокруг. Я не понимаю, что происходит с этим мужчиной, но сейчас он напоминает заблудившегося, потерявшего путь и в принципе нависающего над пропастью. И я не совсем понимаю, должна ли помочь ему отыскать эту верную дорогу, которая сбилась или резко оборвалась.

Это всё благодаря тебе, Грейси, – шептало «я», которое я уже похоронила, а оно вновь напомнило себе, – *это ты оставила его. Ты даже не попыталась найти способ связи с ним.*

И оно чертовски право. Я ничего не сделала, я лишь грызла себя за безрассудный поступок и одновременно жалела за то, что прилетела в Лондон. Пелена ненависти накрыла сознание, к тому же, к этой отвратительной волне подключился Арчер, который удивил своим появлением после того, как легко оставил меня. За всей этой драмой внутри, я не подумала о самом элементарном: не позвонила дедушке, который мог помочь мне. Я не могу утверждать и быть уверенной на сто процентов, но так у меня была бы надежда, но я ничего

не сделала. Из-за обвинений самой себя, я окоченела. Взгляд сфокусировался на Диего, который в эту секунду выглядел настоящим сумасшедшим.

– Д—Диего, – пролепетала я, получив его стеклянные глаза, – я.. я совсем не думала…

– О чём? – прохрипел он.

– Я могла связаться с дедушкой, чтобы найти тебя… чтобы ты знал… чтобы предупредить…

– Мы уже оставили это.

– Тогда что не так? Почему ты злишься на меня?

– Потому что ты не подумала.

– О чём я не подумала?

– Забудь, Грейс.

Это «*забудь, Грейс*», пробудило во мне настоящего зверя. Кинувшись к нему, я вновь начала стучать кулаками по груди Диего, но ему будто плевать, всё внимание карих глаз было приковано к дороге. Смотря в одну точку, он, казалось, даже не моргал, из-за чего по телу пробегал холодок, но не от мороза. Это мерзкое ощущение того, что я не знаю чего-то, не понимаю, и меня держат в неведении, тянется с тех самых пор, как между мной и Диего возникло чувство окрылённости. Я изо всех сил пытаюсь прорваться внутрь обороны, но на лбу лежит ладонь, удерживающая меня на одном месте, пока ногами я упираюсь и пытаюсь пробиться.

– Хватит! – взревела я, – хватит держать меня на расстоянии.

Карие глаза обратились ко мне, и на миг мне показалось, что он сломался, что сейчас я хоть что-то услышу, но Диего вновь упёрся и отвёл взгляд, сжав челюсти.

– Сядь в машину, Грейс.

Я даже не попыталась послушать его, я застыла на месте, смотря на мужчину перед собой.

– Сядь в эту блядскую машину, Грейс! – резко заорал Диего, голос которого эхом разнесся по пустым полям и заставил вздрогнуть каждую частичку моего тела.

На этот раз я больше не пыталась ослушаться. Развернувшись на пятках, я без оглядки побежала к машине, прыгнув на кресло, подтянув колени и уткнувшись в них лицом. Следом в салон запрыгнул Диего. Колёса с визгом вылетели на дорогу в обратном направлении. На этот раз мне становилось страшно, потому что от размеренного и законопослушного Диего не осталось и следа. Педаль газа вжималась в пол настолько сильно, что легко могла провалиться и унести нас прямиком в ад. Я же не могла выдавить и слова, слёзы ужаса и страха заливали и размывали путь. В следующую секунду, из-за поворота резко выскочила пара ослепляющих фар, и, закрыв глаза, я едва слышно выдавила:

– Я люблю тебя.

Дальше перед глазами пробежала вся моя жалкая и ничтожная жизнь. Машину крутило по трассе, которая и без того была покрыта корочкой льда, помогающей совершать тройные тулупы железяке. Я же успела заживо похоронить

себя и напомнить о том, что скучать по мне будет только Алан, но и он рано или поздно забудет обо мне, перестав оставлять маленькую розочку на плите. Затормозив на середине дороги, нас оглушила кромешная тишина. Я не слышала ничего, даже стук собственного сердца, которое барабанило не на жизнь, а на смерть. Ладони Диего нашли моё лицо, прижившись к влажным щекам. Широко распахнутые карие глаза, смотрели на меня с неистовым ужасом, смешавшимся с болью.

– Грейс, – осипшим голосом заговорил он, – блядь, прости меня!.. Твою мать, прости меня!

Решив быть тем светом, который должен пробиться среди мрака, я прокатила ком из битого стекла по горлу, взглянув в его глаза.

– Всё в порядке, это просто несчастный случай. Он появился неожиданно. Пожалуйста, давай поедем домой…

С минуту, Диего пристально смотрел на меня, после чего, кажется, совладав с эмоциями и дрожью в руках, он поднёс телефон к уху, а через пару секунд заговорил:

– Мы на… мы на том месте… возьми Мартина, приезжай сюда с ним… Не спрашивай, просто приезжай.

Скинув вызов, Диего убрал телефон назад, а я опешила, прокрутив одну фразу тысячу раз за несколько секунд *«возьми Мартина». Мартина?* Я не заметила, чтобы между Диего и его отцом проскользнула ненависть или что-то похожее на вражду. Все вечера с его семьей прошли тепло, уютно и

мирно. Что произошло сейчас, я не совсем понимаю.

– Почему ты назовёшь папу – Мартином?

– Потому что он не мой отец. Он мой отчим. И я называю его папой.

– Отчим? – выдохнула я, моргая глазами из-за неожиданного признания.

Они, конечно, абсолютно не похожи, хотя, какие-то черты я всё же замечала и улавливала, неужели я пыталась найти то, чего нет? Я думала, что Диего взял испанские корни мамы, но ошибалась. В прочем, я во многом ошибаюсь, разве это новость?

– Да, Мартин – мой отчим. Он родной отец Марии, я и Ром имеем другого отца. Ублюдка, который бросил мать, когда она была беременна мной. Надеюсь, он сгнил в сточной канаве от передозировки.

– Я.. я не знала… – прошептала я, нежно поглаживал его поверх куртки на руке.

– Грейс, только не вздумай говорить, что тебе жаль и прочую байду. У меня отличная семья, и я благодарен Мартину, потому что он принимает нас за родных.

– У тебя прекрасная семья, – *чего не скажешь о моей.*

– Ты рада?

– Что?

– Ты узнала что-то обо мне.

– Да, – выдохнула я, – я думала, что вы его дети…

– Он поступил так, как поступают настоящие мужчины.

Не знаю, как для Рома, потому что он ссытся из-за беременности Литы, но я благодарен и уважаю его. Он стал мне отцом.

– Кому ты звонил?

– Даниэлю, отец сядет за руль.

Молча кивнув, я больше не стала вытягивать из Диего что-то ещё. Он абсолютно закрытый человек, не пускающий в душу никого, разве только семью, и то, по некоторым диалогам я понимаю, что внутрь себя – он пускает только себя. Начав забрасывать его вопросами, я, подобно могиле, будут собственноручно копать себе яму и заживо хоронить эти отношения. Ему нужно время, теперь я всё понимаю, и пытаюсь обуздать своё проклятое любопытство внутри.

Три слова. Три слова, которые я выдохнула совершенно не думая, только сейчас напомнили о себе. Посмотрев на Диего, взгляд которого упирался прямо в ночную чащу, я не решалась спросить ещё одно: слышал ли он. Я не уверена, что смогу повторить, как, и не уверена в том, что сказала истину. Люблю ли я его? Не могу сказать. Я влюблена, но что есть любовь? Это слишком сложно. Я уже не понимаю, любила ли Арчера или эта любовь была выдуманной, словно являлась кругом спасения, который он забросил мне в пучину бушевания стихии. Но моя реакция при встрече в Лондоне говорит о том, что что-то было. Я не могу сомневаться, ведь он был моим спасением и стал моим щитом на некоторое время. Но этот щит пал. Он треснул, не выдержав оче-

редной пули. Теперь ошмётки валяются под моими ногами, прося о том, чтобы я собрала их воедино, но я не готова это делать, потому что вместе с ним, треснула я.

– Здравствуй, Грейс.

Вздрогнув, я повернула голову в сторону человека, который поднял каждую волосинку на теле и вырвал меня из круговорота мыслей. Мистер Фуэнтес тепло улыбнулся мне, чего не смогла сделать я. *Он ведь Фуэнтес?* Очередной режущий горло ком прокатился по стенкам. Ощущение безопасности сняло всякий страх, помогая сердцу оттаять.

– Здравствуйте, – выдохнула я.

– Ну, доставим вас домой?

Согласно кивнув, я посмотрела за стекло, где Диего пожал ладонь Даниэля и занял заднее сидение, а его друг махнул мне в знак приветствия, послав дружелюбную улыбку. Выскочив из машины, я ошеломила всех своей резкостью, но улыбка вновь вернулась на лицо отчима Диего, когда я калачиком свернулась на коленях своего мужчины.

Это было случайностью. Мы живы. Всё хорошо.

Через небольшой промежуток времени, который мы провели в полном молчании, я замертво упала на кровать не став принимать даже душ. Хотелось только одного – уткнуться в грудь Диего и уснуть. Каждую адскую ночь в Лондоне, я желала и мечтала только об этом. Вскоре, так и произошло.

Глава 28

Очередное предложение Саманты объединить нашу компанию вспыхнуло, словно лампочка в темной голове подруги, где Томас Эдисон соединил парочку проводов. Он, конечно, всё сделал иным путём, но, кажется, в голове Сам это произошло именно так, потому что промолчав пять минут на обеде, она неожиданно выкрикнула:

– А что на счёт девичника? Пижамная вечеринка?

– Только девочки? – недоверчиво фыркнула Полли.

– Да, никаких парней, только женские сплетни, обсуждение кто какими тампонами пользуется, какие противозачаточные принимает, и сколько у неё было парней, – энергично закивала Саманта, обводя нас глазами.

Мария, голова которой как всегда нашла причал на моём плече, посмотрела на меня так, словно Саманта рехнулась, но я почему-то подумала, что это предложение очень даже неплохое, ведь я никогда не была на таких тусовках.

– Лесбиянка хочет вечеринку для девочек, – захихикала она, – надеюсь меня никто не отстрапонит.

– Фу, Мари, – засмеялась я, – это ужасно.

Саманта выжидающе смотрела на нас, и я решила поддержать её первой.

– Я думаю, что это хорошая идея, – послав подруге улыбку поддержки, я посмотрела на Марию и Донну, которые

тут же кивнули.

– Почему бы и нет.

– Ладно, – сухо бросила Бейкер, – я с большинством.

Так мы и договорились собраться в новой квартире Саманты, у которой не было соседки. Вся квартира, как она нас убеждала, а она не маленькая, принадлежит только ей. Это даже нам на руку, никаких ворчливых соседок, которые не любят гостей. Диего был сразу предупреждён о моей ночной вечеринке в женском клубе, где на футболках будет перечёркнутый значок мужского пола: никаких парней. Эта идея не совсем пришлась ему по вкусу, даже несмотря на то, что он не сказал что-то против. Мне достаточно видеть выражение его лица, чтобы понять то или иное отношение. А когда он против – я вижу и с завязанными глазами. Заверив его, что со мной и с Марией всё будет в порядке, я вышла из квартиры, послав ему самый смачный и воодушевленный воздушный поцелуй, на который он подозрительно выгнул бровь, но всё же поднял уголки губ. Проводив меня взглядом до поворота, он махнул рукой и скрылся за дверью, а я улыбнулась.

Застав Марию у двери, я вскинула брови.

– Решила не приветствовать брата и не помогать мне умолять его?

– Да брось, Гри, – хихикнула она, обняв мою руку, – ты и сама справилась, а я не хочу смотреть на совокупления брата, это отвратительно.

– Чтоб ты знала, я уговаривала его словесно, – засмеялась я, – мне не пришлось переходить к делу.

– Если вы обе сейчас же не сядете в такси, я затащу вас в квартиру насильно и закрою на ключ, – раздался голос Диего с балкона.

Резко вскинув головы, мы посмотрели на мужчину, который склонился на ограждение, сверля нас взглядом.

– Сначала поймай! – показав язык, озорно захихикала Мария, побежав к машине и потянув за собой меня, из-за неожиданности чего, я чуть ли не сломала плитку носом.

Смеясь, я бежала за ней, крепко держа ладонь подруги. Я успела послать ещё один воздушный поцелуй Диего, перед тем, как Мария недовольно дёрнула меня за руку, чтобы я приземлилась рядом. Дверца закрылась, и мы сразу же тронулись с места, пока я провожала глазами дом Диего.

– В самом деле, мой брат – засранец, а ты посылаешь ему воздушные поцелуи, как пятнадцатилетние подростки, – захныкала она.

– Ты же сама хотела, чтобы мы были вместе, – шутя, подтолкнув её плечом, улыбнулась я.

– Да, хотела, но я не хочу делить тебя с ним. Я жадная.

– Но меня же хватает на всех.

– Ну и что? Сейчас я не хочу делиться, – скрестив руки под грудью, она поморщилась и отвернулась к окну, словно маленькая девочка.

Моя очередь проявлять снисходительность к подобным

словам и капризам. Мне приятно, что Мария нашла во мне человека, с которым ей хочется проводить время. У меня никогда не было настоящей подруги, были фальшивки, и сейчас я не хочу потерять ту единственную, которая сама хочет быть рядом. Положив голову на её плечо, я обвила её талию и улыбнулась.

– Злюка.

– Я не злюка, – хмыкнула Мария.

– Но я всё равно люблю тебя, Мари.

Повернув лицо, подруга посмотрела на меня со смесью хмурости и негодования.

– Любишь?

– Да, ты ведь моя подруга.

Помолчав примерно полминуты, на её губах заиграла радушная улыбка, а руки обвили мою шею.

– Я тоже тебя люблю.

– Больше никакого Диего, у нас же вечер без парней, – воодушевлённо улыбнулась я, на что получила энергичный кивок.

Квартира Саманты оказалась довольно просторной и уютной. Небесного цвета стены сосчиталось с белым паркетом и такой же мебелью из дерева. Скинув обувь на небольшом квадрате прихожей, перед глазами развернулась общая комната, где по одной стене расположилась кровать с парочкой тумбочек, всю левую сторону занял огромный зеркальный шкаф, напротив кровати расстелился мягкий диван с кучей

подушек и телевизор, всю стену у окна занимал белоснежный стол, заявленный книгами. Ничего лишнего.

– Можно мне переехать к тебе? – улыбнулась я.

– Кампус перестал тебе нравиться? – захихикала она, – милости просим.

– Чёрт, у тебя есть даже собственная кухня, – захныкала я, войдя на порог квадрата с таким же белоснежным гарнитуром и стеклянным столиком посередине, на котором разместилась ваза с цветами.

– Да, это главное, за что я люблю эту квартиру.

– Ла—а—дано, – протянула я, – ты заслужила её кропотливой работой.

У тебя тоже есть кухня, располагается в квартире Диего, – довольно улыбаясь, напомнило внутреннее «я». И тут оно полностью право.

Но самое большое очарование кухне даёт Диего, лениво разгуливая по ней в шортах. Променяю ли я её на отдельный вид жилья? Ни за что. Я готова сутками напролёт наблюдать за ним и пускать слюни на каждый мускул его тела. Да, я превращаюсь в ванильную дуру, но почему мне это нравится?

Алкоголь, которым был заполнен холодильник Саманты в действительности пугал, но только меня. Если девочки воодушевились количеством бутылок, то я проглотила жирный ком ужаса. В моих интересах пить меньше или вовсе разбавлять его водой, потому что спиртное в моей крови делает самые отвратительные вещи, о которых я даже не думаю, бу-

дучи в здравом рассудке. Теперь моя участь цедить свой бокал сквозь тонкую воронку.

– Начнём? – поиграв бровями, хихикнула Саманта, получая согласные кивки Донны и Марии, Полли в эту минуту скрючила лицо, что присущее ей, – тогда приступим к уничтожению.

Бокалы то и дело успевали наполняться новыми порциями, и когда я растягивала второй, девочки вливали в себя четвёртый, косо смотря на меня. И Сам не выдержала первой.

– Грейс, у тебя депрессия?

– С чего ты взяла?

– С того, что это проклятый бокал всё никак не может опустеть.

– Я просто растягиваю удовольствие, – улыбнулась я, оправдывая себя каким-то бредом.

– Предлагаю так, – хитро улыбнулась она, и все четыре пары глаз уставились на меня, – ты пьёшь штрафные залпом.

– Что за нахрен, Сам? – фыркнула я, – у меня не было в планах напиться.

– Кого это волнует?

– Пей, Грейс, – захихикала Донна, её порывы поддержала Мария, наполняя мой бокал до краёв.

Окинув взглядом девочек, которые с непритворным интересом и весельем смотрели на меня. К чёрту, я ведь могу иногда расслабиться и напиться? Да и когда я в послед-

ний раз вообще позволяла себе подобную мелочь? Конечно, несколько раз это чуть ли не закончилось тем, что меня мог трахнуть какой-то парень из братства или Диего за углом, но тут только девочки и максимум, что со мной может случиться – я проснусь в кровати с Самантой. У меня никогда не было с девушкой, да и я не горю особым желанием попробовать, но лучше с ней и не помнить ничего под утро, чем с каким-то идиотом. Проглотив жидкость одним махом, я растянула губы в улыбке, подставив бокал девочкам, которые тут же наполнили его новой порцией. Таким образом, за минуту в меня влилось сразу три полных бокала.

– Ещё есть вопросы?

– Определённо нет, – захихикала Сам.

Звёздочки над головой начинали блистать, а разум отмирать. Если так будет дальше, то ещё один бокал вырубит хоть что-то понимающую меня и включит ту, что готова совершать глупости, о которых будет жалеть утром. Идея пришла быстро, ведь теперь желание танцевать подливало масло в огонь.

– Никто не против моей музыки? – помахав мобильником в воздухе, я получила отрицательные покачивания головой девочек.

Включив полюбившуюся песню Ocean Jet – unfettered, я на автомате закрутила бёдрами, пока сердце не получило иголку в виде слов Марии.

– Это же любимая группа Диего.

Застыв, я почувствовала, как капелька пота проскользнула по спине, вслед которой пробежал холодок. Бокал в руке Сам застыл у рта, Донна посмотрела на меня притупленным взглядом, а на губах Бейкер заиграла её излюбленная мерзкая ухмылка, из-за которой я желаю вдарить ей со всей силы кулаком и не только. Разум моментально выжег алкоголь в крови.

Блядь, соберись, Грейс, – в панике, голосили внутренние «я».

Собрав все силы в кучу, я равнодушно улыбнулась, создав абсолютное безразличие.

– В таком случае, у него хотя бы хороший музыкальный вкус.

Упав на диван, я сделала большой глоток, потому что благодаря панике, казалось, что я вовсе могу рухнуться в обморок. Наш трудновыстраеваемый карточный домик может развалиться в одну секунду. И я боюсь этого, как огня. Если девочки восприняли слова Марии без всякого подозрения, вновь начав трепаться, то взгляд Бейкер зацепился за меня. Я знаю, она подозревает или пытается развести меня, но я не спичка, которая сломается под нажимом. Хрена с два ей так просто сломать меня. Я, скрипя зубами, буду хранить, и нести нашу тайну через любые тернистые пути.

И какова же была моя радость, когда Саманта подняла всех на ноги, чтобы потанцевать под песню, которую я включила, потому что она понравилась и ей. *Выкуси, Бейкер, это*

обычная группа, которая может понравиться не только Фуэнтесу. Поддавшись соблазну, я закрутила бёдрами, получая волну удовольствия от танцев. У меня есть несколько занятий, благодаря которым я могу уйти от реальности, и движение – одно из них. Песня сменялась новой песней, пока я устало не упала на диван, смотря на дурачащихся девочек. Следом за мной, на мягкую ткань приземлилась Мария. Громкая музыка не позволяла другим услышать нас, что было мне только на руку.

– Мари, больше не делай так.

– Как?

– Ты можешь выдать нас.

– Чего ты боишься, Грейс? – нахмурилась она, скрестив руки под грудью.

– Никто не должен знать, пойми.

– Это он тебе запретил?

– Нет.

– Ты не должна идти у него на поводу, Грейс, если ты хочешь открытости, то пусть все знают…

– Мари… – перебила подругу я.

– А что, я не права? Я уверена, что дело в Диего, потому что он боится!

– Мария, дело не в нём. Это было обоюдное решение.

– Не ври мне, Грейс! Не пытайся выгородить его! После смерти Алисии он сам не свой! Это она с ним сделала. Она сделала его таким. Я даже где-то жалею, что она умерла, но

она не заслуживала его любви, будь она проклята!

Втянув воздух, я не своим голосом выдавила:

– Алисия?

– Да. Эта сука откинулась, и мой брат тоже, только морально.

– Ты не можешь так говорить…

– Могу! – противилась она и морщилась, словно самое отвратительное – произносить имя незнакомой мне девушки. Бывшей девушки Диего. Она умерла.

– Я не знаю, что произошло, но так нельзя говорить…

– Мне плевать, – устало махнула рукой Мария, – чтобы ей там за это вознеслось. Она его погу…

– Фух, – упала рядом Саманта, оборвав Марию на полуслове.

В борьбе с совестью и любопытством – первая проигрывала, потому что я желала увести Марию в сторону и дослушать всё то, что она хочет сказать. В голове то и дело прокручивались слова: «Она сделала его таким». Благодаря ей, Диего такой жестокий и беспрекословный? Что именно она сделала, кроме того, что умерла? Изменила? Подставила? Давила? Угрожала? Водила за нос? Шантажировала? Правдивый ответ я могу получить скорей всего только от человека, который был в этих отношениях, потому что Мария легко может приукрасить. Но то, что сестре Диего она не нравилась, ясно как Божий день.

Теперь мне было вовсе не до веселья, в то время как Ма-

рия легко абстрагировалась от нашего диалога, начав болтать с девочками. Поднявшись с дивана, я подхватила телефон и ушла на кухню, где смотря в окно, слушала продолжительные гудки через динамик.

– Вы уже всё? – шутливо начал Диего.

– Я.. нет. Я хотела спросить: у тебя всё хорошо? – тихо выдохнула я, нервно теребя кулон на шее.

– Да, что со мной может случиться?

– Ничего.

– Грейс, какого чёрта происходит?

– Всё хорошо, я просто хотела убедиться, что с тобой всё в порядке.

– Со мной всё в порядке.

– Хорошо.

Скинув вызов, я ещё несколько секунд смотрела на экран, где исчезло имя Диего. Не знаю, для какой цели я позвонила ему с подобным вопросом, но это ведь нормально волноваться за того, кто тебе не безразличен? А Диего намного больше, чем не безразличен. Сейчас он – моё солнце, вокруг которого я вращаюсь по выдуманной траектории, получая жизненно важный свет. Обернувшись, я застала в дверном проёме Бейкер, которая, скрестив руки, уперлась в меня ядовитым взглядом.

– Хочешь поболтать? – выгнув бровь, улыбнулась я излюбленной защитной реакцией.

– С Фуэнтесом болтала? – язвила она в ответ.

– Ну, что же ты, это был Алан. Он просто беспокоится, а тебе разве не звонил?

Прямая линия, образовавшаяся на губах этой сучки говорила о том, что я задела за живое. Она начала первой и мне ничуть не жалко. Она бьет по Диего, я бью по Алану. И, наверно, мы на подсознательном уровне знаем, за какую струну необходимо дёрнуть, чтобы получить нужную реакцию. Только в отличие от неё, я точно знаю о её чувствах, в то время как она может только догадываться. Пройдя мимо, я задела и её плечом. Победа в этом сражении за мной, но с каждым новым боем, вкус становится приторным, из-за чего начинает першить в горле. Возможно, Диего прав и пора остановиться, но язык так не думает, потому что яд изо рта вырывается раньше, чем я предотвращаю его появление.

Прыгнув на диван, я убрала волосы в сторону и улыбнулась девочкам. Не знаю, по какой причине, но ругань с Бейкер делает меня не то, чтобы выжатой, а в какой-то степени освежающей. Словно с помощью гнева я очищаюсь и перестаю злиться. Такой расклад мне абсолютно не нравится, потому что это перетекает в вампиризм. Я будто питаюсь её ненавистью, и она, судя по тому, как вальяжно прошла по комнате с довольной ухмылкой – тоже. Мне необходимо взять себя под контроль, потому что это пугает, я не хочу стать матерью, которая после ссоры со мной расплывается в улыбке и чувствует себя так, словно сделала пожертвование в благотворительный фонд. Они, конечно, это делают, но не

от желания, а для того, чтобы засветить фамилию. Добро не делается в открытую, я бы предпочла скрыться за анонимностью, чем кичиться данным вложением. Мои родители так не думают. Я вообще не понимаю, как в их обществе смогла вырасти вот такой. Отголоски характера отца или матери во мне присутствуют, но их ничтожное меньшинство, я подавляю это уродство.

Как бы я не пыталась, настроение из-за самобичевания теперь желало лучшего, но кто его может поднять? Никто, разве только Диего, который по моей просьбе выложит все карты на стол, но на что я надеюсь? Он упрям до безумия, я даже не знаю, под каким предлогом вытянуть из него хоть какую-нибудь правду. Мария сама того не ведая, затянула меня в круговорот дичайших раздумий, которые в очередной раз готовы свести с ума. Легонько потрепав подругу за локоть, я получила нужное внимание.

– Мы можем поговорить?

– Да, – коротко кивнула она, поднимаясь с дивана.

Проследовав за ней на кухню, я обернулась, чтобы убедиться в нашем уединении, потому что Бейкер любит лезть не в своё дело и кому-кому, но ей я точно не дам стать той, кто разрушит наш хрустальный домик.

– Что ты имела в виду? – прошептала я.

– О чём?

– О Диего, почему он стал таким?

– Грейс, я не буду тем человеком, который будет расска-

зывать о судьбе своего брата. Я жду, когда он станет мужиком с яйцами.

– Мари…

– Прости, но нет, – отрезала она.

Вздохнув, я подняла голову к потолку, чтобы не дать слезам прокатиться по лицу. Она права, никто не имеет право делиться личным другого человека с кем-то ещё, но мне до боли обидно, потому что полгода я живу в неведении. Мария коротко улыбнулась, после чего скрылась за поворотом, оставляя меня темноте и собственной кромешной тишине.

– Извините, девочки, но я отвратительно себя чувствую.

Стоило мне только заикнуться, как брови каждой недовольно свелись на переносице. Но не Бейкер, от неё я как раз получила лучезарную улыбку, которая говорила о том, что моему уходу она будет только рада.

– Грейс, что фигня? – фыркнула первой Сам.

– Ещё немного, и я свалюсь с ног.

– Предлагаю отпустить её только с одним условием, – выдохнула Саманта, окинув взглядом девочек, – следующие посиделки проводятся у Грейс.

– Я только за, – улыбнулась я.

Девочки отпустили меня, и по тёмным пустым улочкам я перебирала ногами в гордом одиночестве. Путь к кампусу был близким, поэтому смысла в заказе такси – я не видела, а возвращение к Диего сулит только очередной скандал, я не смогу удержать своих демонов, поэтому с моей стороны

разумней упасть в кровать, которая начинает меня забывать. По пути, я успела написать ему сообщение, где уведомила о том, что сегодня останусь в комнате из-за плохого самочувствия. Если дерьмовое настроение можно отнести к подобному самочувствию, то моё сообщение не пропитано ложью. Ответ поступил тогда, когда я ввалилась в комнату и, скинув одежду, зарылась в одеяло. И мне стало ещё хуже, когда я прочла слова беспокойства: «Ты перебрала? Мне приехать?». Набрав отрицательный ответ, я поблагодарила его за заботу и пожелала спокойной ночи. Никто не должен видеть меня сломанной, даже он. Сунув телефон под подушку, я позволила эмоциям выйти наружу. С каждым новым днём, жить в собственном выстроенном панцире становится тяжелее, но я отчаянно удерживаю его, не позволяя узнать себя настоящую – слабую и беззащитную. Может быть, Диего и способен укрыть меня собою, но больнее всего по сердцу бьет именно его скрытность.

Глава 29

Он хищно улыбается, словно я – жертва, а он мой убийца, и я не сомневаюсь в этом, ведь так оно и есть. Радужка его глаза все темнее и темнее с каждой секундой, так что к концу всего спектакля они будут совсем чёрными, я уверена. Пока он стоит в дверном проёме, совершенно не двигаясь, я забиваюсь всё сильнее и сильнее в угол комнаты, прижимаясь спиной к стене и скатываясь к полу. Ещё чуть-чуть и рухну на мраморное покрытие.

Отец приходит в движение, и моё сердце отказывает. Чувствую, как лёгкие перестают работать, глаза отказываются закрываться, будто понимают: я чуть прикрою веки, он воспользуется этим и кинется на меня. Он медленно и с особым изяществом доходит до меня, как лев, который находит себе ужин. Я знаю, когда он в гневе – всем плохо, но сейчас он просто в ярости от случившегося.

– Я повторяю последний раз, милая Грейси. Где твоя сестра? – обманчиво спокойно говорит он и останавливается на расстоянии вытянутой руки от меня, а затем садится на корточки и вновь улыбается, делая вид, что он не тот, кто хочет прибить меня, ударив виском об уголок тумбы.

Я нервно перебираю краешек платья. Естественно, я понятия не умею где Иви. Когда я пришла со школы искусств, ее вещей уже не было, как и ее самой, впрочем. Сначала я ре-

шила, что она могла уехать к бабушке, как и я когда-то, но звериный крик отца, когда он зашёл в её комнату, заставил меня усомниться в этом. Хотя даже если бы я и знала, где Иви, я бы не сказала отцу. Ни за что на свете.

– Говори со мной, девчонка, – уже громче вторит он. Вены на его шее набухли, глаза заплыли кровью, а пальцы на руках вжимаются в ладонь с такой силой, что капельки крови падают на пол.

Он представляет, что давит мою шею этими пальцами.

Я перебираю ножки, прижав их сильнее к груди. Он говорил мне, что страх – удел слабых. Удел тех, что не знают себе цену, не знают своё значение и не знают то, что стоит за достижением каких-либо целей. Ты боишься высоты, поэтому подвергаешь себя тому, что отказываешься от поездок в горы, отмахиваешься от предложений покататься на аттракционах с мальчиком, который давно тебе нравится. Ты лишаешь себя всего, отдавая свою плоть страху. Но я не чувствую этого, потому что единственный мой страх – это мой отец. Он хуже всего, что может представить себе любой. От одного его вида кровь в моих жилах покрывается коркой льда, а органы перестают функционировать, когда всё во мне сжимается от предстоящих пыток.

– Я н-не знаю, о-отец, – заикаясь, шепчу я.

Он закрывает глаза, шумно выдыхает, раскрывая ладони, позволяя всей крови вылиться на пол. Я разрешаю себе расслабиться, подумав, что он оставит эту затею и уй-

дёт, но в эту же секунду он вскакивает и возвышается надо мной. Затем его ладонь плотно примыкает к моей шее.

– Не лги мне, девчонка. Никогда не смей лгать мне. Думаешь, ты и твоя полоумная сестра умнее меня? Да вы, мать твою, мои щенки, ясно тебе это? Ясно?! Все, что заложено в твоей черепной головке – это моя заслуга. Не вашей же матери—потаскушки? Конечно, нет! Так что не думайте, что вы сможете обхитрить меня. Я всегда на тысячу шагов впереди, слышишь? Ты слышишь меня?! – с каждым сказанным словом он начинает кричать ещё громче, и к концу речи я уже зажмуриваю глаза и еле сдерживаю слёзы. Главное – не плакать. Он ненавидит слёзы.

– Я п—правда не знаю, где Иви. Я была в школе, когда она ушла. Может, тебе стоит спросить Фелицию?

– Какая ты умная! Я уже спросил эту суку об этом, но она ничего не знает, потому что занималась сексом с моим водителем в подсобке. Мерзкая шлюха!

Он выплевывает ещё больше матов, а затем снова говорит со мной:

– Ты же понимаешь, что я найду её? Так или иначе, я найду её. Но сейчас ты сможешь спасти себя от участи, которую я уготовил для вас обеих. Тебе все лишь нужно сказать мне: где Иви?

– Если ты можешь найти её, то зачем спрашиваешь меня? Ты тратишь время зря, потому что я не имею понятия, где её носит.

– Лжёшь! Ты лжёшь! Она отказалась делать аборт, поэтому сбежала, я так и знал, – кричит он, и ударяет кулаком в стену. Я дёргаюсь.

– Пожалуйста, отец, успокойся. Я не понимаю о чем ты… какой аборт?

– Да заткнись же ты! Ну почему ты такая глупая, Грейси? Ну почему! – он взвывает и толкает меня на кровать.

Я ударяюсь головой об уголок прикроватной тумбочки, но не издаю и писка, даже когда нащупываю кровь.

Отец шарахается из угла в угол с безумным видом. Он тянет себя за волосы, изредка кидая на меня взгляд темных глаз. Настоящий монстр во плоти думает над тем, как бы побольнее убить меня.

Но я уже не боюсь. Если Иви и ушла, то она вернётся за мной. Я уверена в этом.

– Хорошо, раз уж мы играем по твои правилам, то пусть так, – приторно скалится он и садится рядом на кровать. Я отпрыгиваю в другую сторону, чтобы даже коленями не коснуться него, – скажи мне, Грейси, не говорила ли тебе Иви, куда она собирается пойти? Может, у неё были планы какие-либо? Давай, доченька, расскажи мне, и я обещаю, она будет наказана.

Неужели он и вправду верит, что я скажу ему хоть что-то?

– Я повторяю свой ответ снова: я не знаю, где она. Она ничего не говорила мне.

Он делает губы трубочкой, и медленно выдыхает, закрывая глаза. Его веки дрожат, а дышит он неровно, выдавая его настоящее состояние, хотя он и улыбается.

– Ты уверена, что ничего не знаешь? – тихо спрашивает он.

Это последний вопрос, я знаю. Следом он либо убьёт меня, либо заставит страдать, испытывая такие муки, которые мне не снились.

Но я не боюсь. Уже нет. Иви заберёт меня.

– Да, отец, я говорю тебе правду.

– Последний шанс, Грейси, – шипит это чудовище, открыв глаза, демонстрируя пламя безумия в них, – либо ты, либо она. Чью шкуру ты спасёшь?

Не раздумывая, я отвечаю, приговаривая себя.

– Её.

Его кулаки сжимаются.

– Твоё право, а я ведь так хотел сделать все лучше для тебя. Но ты такая же, как и твоя мать. Такая же тупая. Такая же, как и Иви. Но ничего, я исправлю это. Ты станешь той, кого я хочу видеть на троне после себя. И у тебя уже не будет выбора. Я обещаю тебе, дочь.

Он засучивает рукава и достаёт ремень из штанов, чтобы добавить синяки и раны на спину к уже имеющимся.

По коже ручьями стекает пот. Я чувствую, как озноб смешивается со страхом пережитого сна, который перенёс меня в прошлое, где я была ещё бесстрашной Грейс, надеющейся,

что Иви вернётся за мной, и мы сбежим из этого замка ужасов.

Я распахиваю глаза, попутно пытаясь привести дыхание в норму, и сталкиваюсь с испуганным взглядом Диего. Он растеряно смотрит на меня, пока его руки держат мои в страхе чего-то… но только чего?

– Ты в порядке? – робко спрашиваю его, не зная, что сказать другого.

– Это я должен спросить тебя. В порядке ли ты, Грейс?

Хриплый голос Диего обволакивает моё сердце в уютный плед, и ужас от пережитого сна ослабевает, сводясь к минимуму.

– Со мной все хорошо, это просто сон. Приятно знать, что ты волнуешься, Фуэнтес, но это всего лишь кошмар, у кого их нет?

– Ты кричала, – настаивает на своём он.

Наверное, я должна сейчас рассказать ему о сне, который повторяется практически каждую ночь, демонстрируя мне причину, по которой я всей душой ненавижу отца. Но я не скажу ему ни слова о моём прошлом, пока не услышу того же от него.

Поэтому я пожимаю плечами и перекатываюсь на бок, чтобы лучше видеть его.

– Понятия не имею, о чём ты. Может, не стоило смотреть Пилу на ночь?

– Хочешь сказать, что ты орала, как резаная, из-за ноч-

ного просмотра фильма ужасов? – Диего вскидывает бровь, скептически смотря на меня исподлобья.

– Ну да, я просто впечатлительная, наверное, в этом все дело, – на ходу вру я.

Диего по-прежнему не верит.

– Ну-ну, что-то я не помню в фильме момента с отцом.

Я раскрываю рот, чтобы ответить ему новой порцией лжи и отмазок, но осознаю сказанные им слова.

– Что? Что ты сказал?

Он шумно выдыхает мне в лицо, опаляя его.

– Ты кричала во сне не что-либо, а: «Пожалуйста, отец, не нужно. Я не знаю, где она. Только отпусти меня. Отец, пожалуйста», – он даже не пытается передразнить мой голос. Всё серьёзнее, чем я думала, – я не слышал полностью, потому что ты ещё и дергалась при этом, но это то, что я расслышал.

– Тебе послышалось.

– Нет, мне не послышалось.

– Нет, тебе послышалось, – он хмурится, и я решаю сбежать от разговора, – мне нужно в душ.

Как только я опускаю ноги на прохладный пол, Диего хватает меня за руку. Побег не удался. Зажмуриваюсь и недовольно проворачиваю голову в его сторону.

– Я не буду спрашивать тебя об этом больше, Грейс. Можешь открыть глаза, – я с облегчением распахиваю веки. Диего все также хмур, но зато теперь он не будет допрашивать меня.

– Спасибо, но мне, правда, нужно в душ.

– Ты пойдёшь, но не сейчас.

– Да? – он кивает, – и почему же?

– Потому что мы сыграем в одну игру, – серьёзно говорит Диего, отпускает мою руку и садится рядом со мной.

– Мы можем сыграть и потом, тем более сейчас я не настроена для *этих* игр.

– Женщина, я не о сексе, – слишком разочаровано бубнит Диего.

– Тогда о чём? – теперь моя очередь хмуриться.

– Ты хочешь узнать обо мне, я о тебе, так? – *о нет!*

– Диего, ты обещал, что не будешь допрашивать меня об этом! – стону я.

– Я и не допрашиваю. Ты сама мне расскажешь об этом. Правда за правду. Я первый, – он не даёт мне даже ответить, накрывая рот своей рукой, – у меня были всего одни отношения до тебя. И я не тот парень, который вечно трахается. Чтобы ты понимала, я оттрахал всего десять девушек, может чуть больше.

– Десять девушек – это тоже много, Диего. Монашка из тебя никакая, – шевелю губами под его рукой, и он убирает ладонь, – и что тогда насчёт той девушки, которую ты нагнул в ванной?

Он опускает голову от стыда.

– Признаюсь, это было глупо. Но я пытался забыть тебя, так что не смей отчитывать меня за это.

– О, даже не собиралась.

– Серьёзно? – недоверчиво спрашивает он, подняв на меня свой взгляд.

– Нет, – пусть я не обижаюсь на него за ту выходку, но я не смогу выкинуть её из головы, наверное, никогда.

– Так и думал, впрочем, это неважно, ведь сейчас твоя очередь рассказывать, – Диего устраивается поудобнее, как ребёнок, которому собираются читать сказку, – я готов. Начинай.

А я не готова.

– Не строй мне глазки, Грейси—и—и, – он хитро улыбается и машет мне рукой, что я, наконец, начала говорить, – правда за правду, не забыла? Я поделился с тобой.

– Каким-то бредом, – ворчу себе под нос, но он слышит это. Подушка летит мне в лицо, и я не успеваю словить её, – эй? Ты требуешь от меня крутого рассказа, который объяснит, почему я кричала, а сам рассказываешь мне про количество оттраханных тобой баб. Фуэнтес, это не равноценный обмен, так что иди в задницу.

– Дареному коню в зубы не смотрят. И вообще, давай, не увиливай.

Раз уж дареному коню в зубы не смотрят, то я придумала отличную идею.

– Хорошо, дай мне минутку.

Диего кивает и садится ещё ближе, оказываясь ко мне настолько близко, что я могу слышать то, как он дышит.

– Ты готов?

– Готов.

– Точно готов? – подавляя смешок, спрашиваю я.

Диего закатывает глаза.

– Ха—ха, Грейс, очень смешно.

– Пока не скажешь это, я не расскажу тебе эту ужасную историю.

Огонёк любопытства вспыхивает в его карих глазах, и я уже не сдерживаю смех.

– Да готов я, готов. Начинай.

– Итак… – пытаюсь пародировать загадочный голос, – … давным-давно, когда мне было пятнадцать…

Диего раскрывает рот, задирая нос выше. Никогда бы не подумала, что эта испанская задница настолько любопытная.

– У меня начались месячные!

– Грейс! Ну тебя.

Диего обиженно фыркает и корчит обидчивую гримасу.

– Нет, я серьёзно.

– Ну, конечно, ты серьёзно. У всех женщин есть месячные, – ворчит эта милашка.

– Насколько я тебя сейчас разочарую, если скажу, что прямо сейчас я истекаю кровью на твою кровать? – хихикаю я.

Глаза Диего становятся с пять фунтов. Он подпрыгивает на кровати и сдирает с меня одеяло.

– Чёрт! Грейс! Да ты, блядь, ранена.

Я визжу от смеха, наблюдая за его расстроенным и одно-

временно растерянным лицом.

– Да успокойся ты, это же просто месячные, Диего.

Он скрещивает руки на своей обнаженной груди.

– Во-первых: мы не сможем заниматься сексом. Во-вторых: я не смогу попробовать тебя на вкус, хотя может и смогу, но, блядь, зачем я вообще это сказал, как же мерзко твою мать. В-третьих: у меня даже прокладок нет в квартире. Все ли так просто, как ты говоришь?

Ну и дела.

– Тоже мне проблемы. Проживешь и без секса, извращуга, а с остальным все не так драматично, как это говоришь ты.

– Это я извращуга? Ты нарываешься, малышка Грейс, – Диего улыбается, обнажая белоснежные зубы, и тянется ко мне.

– Но-но, притормози. Я, вообще-то, истекаю кровью на твоей кровать. Тебе не кажется, что меня следует чём-нибудь заткнуть? – я кладу руки на его грудь, чтобы остановить его.

– Отличная идея, прямо сейчас мы этим займёмся, – он тянет свои губы к моим. Я ударяю его в живот с чувством раздражения.

– Я не про это, Фуэнтес. Ты должен купить мне тампоны.

Скрутившись вдвое, он поднимает голову на меня и пыхтит:

– Должен? Да ты меня чуть не вырубила. Ты маленькая и должна бить как маленькая, сечёшь?

– Ну и ну, Диего, не веди себя, как девчонка и сходи мне за

тампонами. И давай побыстрее, потому что я уже становлюсь целой цистерной крови.

Он со стоном идёт к шкафу и переодевается в тёплую одежду, пока я наблюдаю за ним. Он выходит из комнаты, и я уже бегу следом, но слышу хлопок двери. Диего обиделся? Боже – ты мой. Смеясь, я волочу до душевой комнаты и настраиваю себя на десять минут под горячей водой.

Выходя из душа, я захожу в комнату за свежей одеждой и натыкаюсь на светящийся экран телефона: *«Почему тебя снова нет в кампусе? Что-то случилось?»*

Я не спешу набирать Алану ответ, и как раз в этот миг телефон начинает звонить.

– Ну что? Ты потерялся по дороге в аптеку? – гаркнула я на телефонную трубку.

– Я сейчас развернусь и уйду обратно. Тебе нужны тампоны, а не мне, – обиженно ответил Диего.

– Не пудри мне мозги, никуда ты не денешься от своей участи. Что случилось?

– Какие тампоны брать? Тут есть три капельки, пять капелек и семь, – безумно тихо сказал Диего, и я даже отсюда почувствовала, как он покраснел.

Держись, сладкий.

– Что говоришь?

– Какие брать? Три, пять или семь капелек?

– Какие-какие? Не слышу.

– Грейс, – громко рявкнул Диего и быстро добавил не для

меня, – простите, просто у меня беременная женщина. Одна сплошная нервотрёпка, знаете ли.

– Беременная? Ты издеваешься, – прохныкала я. Если он намекает мне на лишний вес, то я придушу его подушкой этой же ночью.

– Какие тампоны, Грейс? На меня уже женщины смотрят с какой-то странной улыбкой. Мне страшно понимаешь нахрен?

Какой же ты милый, Диего, когда бесишься. Но, естественно, я ему этого никогда не скажу. Его эго итак уже не помещается в нашу кровать.

– Пять капель. И купи, пожалуйста, таблетки от спазм. Скажи женщине за кассой, что спазмы именно от месячных.

– Да ты издеваешься, блядь! – взревел Диего и снова сказал не мне, – извините, теперь она требует рожать в воде. Как вы относитесь к родам в ванной? Я – ужасно.

– Можешь не возвращаться, – хмуро проворчала я и сбросила вызов.

К его приходу я была ещё больше раздражена. Жуткие боли внизу живота настигали меня, каждый раз увеличивая свой удар. Свернувшись в кокон, я включила первый попавшийся канал и смотрела в одну точку на телевизоре, пока Диего порхал на кухне.

– Выглядишь хреново, – хмыкнул этот Шерлок, натягивая джинсы.

– В точку, и чувствую я себя точно также. Мне грустно и

скучно одновременно. Это так выматывает.

– Тогда поднимай свою попку, и пойдём в бар.

Он уже стоял одетый и шёл к обувной стойке, я же лежала в пижаме.

– Какой повод?

Он пожимает плечами и зашнуровывает ботинки.

– Без повода, мне просто позвонил Даниэль и пригласил выпить.

– А ты приглашаешь меня, – нудно говорю я, повернув подушку холодной стороной.

– Мне не нравится этот тон. Будь веселее, это всего лишь месячные.

– Прости, но я – пас. Сегодня я амёба, – повернувшись на диване к нему спиной.

Но у Диего было другое мнение на этот счёт. Он взял меня на руки, отнёс в спальню, подошёл к шкафу и начал рыться в нем в поиске моей одежды.

– Прости, солнышко, но сегодня я водитель этого автобуса, – копаясь в вещах, пропел он.

– Убери эту улыбку со своей рожи, Диего, потому что я никуда не пойду. Сегодня у тебя хорошее настроение, зато у меня нет. Бывает и такое, знаешь ли.

– Рожа – это заболевание. И нет, не бывает, когда такой секси испанец ведёт тебя в клуб.

Я фыркаю. Здраво оценивать свои силы – не его сильная сторона.

– Прости, но я вынуждена тебя огорчить…

Джинсы летят мне в голову, а следом летит свитер. Я раздражено отдергиваю их от себя, пытаясь убить взглядом Диего. Он смеётся и, пританцовывая, выходит из комнаты, предварительно крикнув:

– Если ты пойдёшь с нами в клуб, я разрешу маме показать тебе мои детские фотографии.

– Иисусе, я потеряю не так много.

– Ну как знаешь, – слышится за стенкой где-то в коридоре.

Не приходит и пяти секунд, как я уже пытаюсь залезть в джинсы, прыгая на одном месте. *Фуэнтес – ублюдок!*

То, что в крови не было и капли алкоголя не мешало мне скакать, как сумасшедшей по танцполу, пока Диего сидел на барном стуле, лениво потягивая пиво и сигарету. Уговорить меня на клуб – сложная задача, но он успешно с ней справился не только словесно, но и делом. Особенно делом. В итоге я сдалась, а он счастлив. Наши минуты вдвоем, несмотря на толпу вокруг и Даниэля, доставляют мне радость и наслаждение. Я изо всех сил стараюсь растягивать эти секунды и смаковать каждую.

Тело покрывали капли пота от духоты, или мне так казалось из-за танцев. Волосы на затылке стали влажными, а по шее то и дело стекали новые струйки. Но я продолжала крутить бёдрами, закрывая глаза и наслаждаясь ритмами и энергетикой толпы. Уже несколько раз по моей талии скользили чьи-то ладони, которые я смахивала и отталкивала, каждый

раз Диего соскакивал со стула, но я лишь посылала ему улыбку в знак того, что всё в порядке, я могу справиться сама, хотя мне приятны вспышки ярости и ревности в его глазах. По телу проходят разряды электричества, когда я чувствую его блуждающий по телу взгляд. А чувствую я его всегда. Это делает меня самой настоящей безумицей. Мозги превращаются в малиновое желе, когда я в его руках. Кажется, что под этими тёмными глазами я легко могу совершить убийство и стать второй Харли Квин, но лишь для него. Настолько я безумна и безрассудна.

– Ты умрешь за меня?

– Да.

– Слишком просто. Будешь ли, будешь ли ты жить для меня?

– Да.

– Осторожно, никогда не произноси эту клятву, не подумав. Страсть приводит к уступкам, а уступки к подчинению. Ты хочешь этого?

– Хочу.

Как же я хочу. Я хочу быть для него всем, кем Харли хотела стать Джокеру. Мы оба сломаны. Оба безрассудны. Оба упёрты. Оба безумны. Мы оба влюблены. Я знаю, он влюблён. Он не может не ощущать этого чувства, которое завоёвывает каждую клеточку наших тел и душ. Это как яд, который парализует, заставляет организм остановиться. Мой – остановился. Я задыхаюсь без него. Он – моё противоядие от

всех болезней. Мой маяк, на который я плыву, гребя руками, вёслами и всем тем, что попадает в поле зрения. Мой лучик света среди кромешной тьмы, в которую погрузилась жизнь. Мой стимул и мотивация идти к поверхности, когда к ногам привязан булыжник, пытающий потопить. Мой адреналин, прожигающий кровь. Моя надежда и спокойствие на поле. Мой Эверест, на который я взбираюсь, хватаясь руками, ногами и зубами, чтобы дойти до цели. Он – моё желание быть лучше. Стать лучше для него.

Открыв глаза, я встретилась взглядом с Диего, который посмотрел на меня поверх стакана. Подняв уголки губ, я задвигалась под новую песню Dua Lipa – Hysical. Поманив его пальцем к себе, в ответ я получила отрицательное покачивание головой и сексуальную усмешку. Сощурив глаза, я облизала губы и плавно повела бёдрами, медленно поднимая руки вверх, переминаясь с ноги на ногу для более откровенных танцев. Этот мужчина станцует со мной ещё раз любой ценой. Даже если мне придётся скинуть одежду, я это сделаю. И кстати, лифчика на мне нет из-за открытых плеч, на которых держались едва заметные бретели топа. Когда по талии загуляли чужие ладони, Диего соскочил со стула, миновав расстояние между нами за долю секунды. Оттолкнув парня, который тут же исчез в толпе, он склонился у моего уха.

– Грейс, я готов сорвать с тебя трусики в ближайшем закоулке и трахнуть себя в твою удивительную попку, и мне будет плевать на зиму, – прорычал он, сжав мою талию.

Закусив нижнюю губу, я посмотрела на любимого мужчину и облизала губы, которые после растянула в улыбке.

– Я более чем согласна, – прикрикнула я у его шеи и провела по ней языком.

Хватка Диего стала ещё жёстче. Он буквально вонзил в кожу пальцы, крепко сжав скулы.

– Потанцуй со мной, – следом добавила я.

– Чёрт, – прохрипел Диего, начав двигаться в танце, – тебе придётся найти новую одежду, потому что я разорву эту.

Улыбаясь, я кивнула и положила ладони на его плечи, закрутив головой и избивая себя волосами. Подпрыгивая в танце, я выкрикивала слова:

Зачем нужен сон, когда ты рядом со мной?

Всю ночь мы сходим с ума.

Я знаю, что ты всегда поддерживаешь меня, и я делаю это в ответ.

Так давай, давай.

Станем близки физически.

Свет включён, иди за шумом,

Милый, танцуй, словно у тебя нет выбора,

Так давай, давай.

Станем близки физически.

К моему несчастью, это был последний припев в песне. Но он был лучшим, потому что Диего танцевал рядом, наслаждаясь ритмами и движением. Я же была в абсолютном дурмане. Такой счастливой и оживлённой я чувствую себя

только рядом с ним. Мне не хочется верить, что я всё выдумала, но иногда кажется, что я живу иллюзиями, где он – моя абстракция, мечта, сон. Так не может быть. Вот он. Рядом. Не искусственный. Самый что ни на есть настоящий. Мой.

– Может, свалим отсюда? – перекрикивая грохот музыки, предлагает Даниэль, и я считаю это великолепной идеей, иначе окажусь за углом или в туалете, а это плохая идея с красным днём календаря.

– Согласна.

Брови Диего моментально поднимаются вверх от удивления, но он согласно кивает, в итоге наша тройка удаляется.

Пока я мучаюсь с молнией на куртке, которая решила помучить меня в самое неподходящее время, краем глаза улавливаю отсутствие Даниэля рядом с Диего, а вот новую особу не первой свежести улавливаю, и для Фуэнтеса тут попахивает жареным. Сузив глаза, я уже было делаю шаг в их сторону, но Диего сам отворачивается от неё, встречаясь с моим метающим молнии напрямую из корзинки Зевса взглядом. Замок меня начинает интересовать в последнюю очередь, теперь на повестке дня выдрать её крашеные чёрные волосы.

– Фуэнтес, скажи мне, что ты дал ей от ворот поворот, иначе я прокручу в твоей заднице огурец, – сквозь плотно сжатые зубы, начинаю я, буровя взглядом пол под будущей смертницей.

– Ты ревнуешь меня? – усмехается он, на что я бросаю в его сторону самый что ни на есть суровый взгляд.

– На твоём месте я бы не думала прибегать к шуткам с девушкой, у которой самый разгар месячных.

Смеясь, он подхватывает уголки моей куртки и застёгивает замок, плавно прогулявшись молнией по длине. Это какая-то чёртова шутка? Я мучилась с ней как минимум три минуты. Ладно, скорей я пыталась выдрать с корнем этот проклятый замок, потому что была заинтересована в испепелении взглядом Диего и той сучки, что решила прибегнуть на мою территорию. В эти дни у меня всегда обостряются абсолютно все чувства, и на самом деле, я готова убивать, особенно тех, что пытаются свесить лапки на Фуэнтеса. Нихре-на. Я выгрызу глотку за него, только дай повод. Диего, конечно, знать мою позицию в данном плане не обязательно, но дайте мне повод и поманите пальчиком.

До дома наша компания добирается на такси, и пока мужчины укрываются на кухне, я ссылаюсь на усталость и падаю в кровать, где сворачиваюсь клубочком, прихватив в свой круг подушку Диего, пахнущую им. Она всегда помнит его ароматы, и по этой причине я утыкаюсь в неё носом, жадно втягивая любимый запах. Но тот факт, что я не ответила Алану – заставляет меня схватить телефон с тумбочки и оправдаться перед другом.

– Где тебя носит, чёрт возьми? – раздаётся недовольный голос моего лучшего друга.

– У меня проклятые месячные, ты же знаешь, что в эти дни я хочу стереть себя с лица земли на недельку другую, –

бурчу я.

– Знаю, – вздыхает Алан, и я понимаю, что он оттаивает и больше не злиться на меня, – почему тебя вечно нет в комнате?

– Я прячусь в своём укромном месте, – говорю я, прикладывая ладонь к горлу, которое хочу свернуть из-за вранья.

– Каком ещё месте? Сейчас ты там?

– Где меня никто не найдёт. Ненавижу холода. Да.

Ложь. Хотя, почему ложь? Кровать и квартиру Диего я считаю своим самым любимым укромным местом.

– Знаю, – вновь выдыхает Алан, а я улыбаюсь, потому что тут не соврала хотя бы на счёт холодов, – я, вообще-то, хотел спросить.

– Что?

– Я улетаю в Лондон на Новый год, ты… полетишь со мной?

– Ни. За. Что. Нет. Сто раз нет. Миллион раз нет. На этот раз меня не затянет туда даже чёрная дыра.

– Грейс, но…

– Алан, нет. Я сказала, что ни за что не соглашусь встречать Новый год с моим папашей, даже если он останется единственным человеком на планете.

– Он не узнает…

– Ты сам в это веришь?

– Не особо, – грустно отвечает Алан.

– Вот и я о том же. Я закроюсь в комнате и буду радоваться

жизни.

– Я могу остаться с тобой.

– Нет. Ты не обязан возиться со мной. Это семейный праздник, и ты должен быть с семьей. Я только рада побыть одна, мне это нужно.

– Хорошо, – вздыхает Алан, соглашаясь с моими категорическими отрицаниями садиться в самолёт, который доставляет напрямую в ад.

– Тебе не о чём беспокоиться, когда улетаешь?

– Завтра в девять рейс.

– Утра?

– Да.

– Получается, мы увидимся только в следующем году?

– Получается, что так.

– Знаю, ты можешь отметить за нас двоих, оторвись там.

– Очень смешно желать мне это, Гри.

– Знаю, – хохочу я, – выпей соку и упади лицом в утку.

– Так и сделаю.

– Спокойно ночи. Напиши мне, как приземлишься.

– Хорошо.

Я уже было решаюсь сказать «люблю тебя», но прикусываю язык, останавливая подобный порыв. Наши отношения и так не такие, что прежде, а моё «люблю тебя» в корне повернёт их и заранее испортит праздник. Вернув телефон на место, я вновь падаю в подушки.

– Тебе что-нибудь купить в магазине?

Переведя взгляд на дверной проём, я застаю Диего с закинутой рукой за голову, локтем которой он упирается в деревяшку. Глаза автоматически падают на открытую часть его тела между футболкой и джинсами, из-за которых выглядывает резинка от боксеров. Желудок делает сальто, а низ живота и без того сжатого с ноющей болью, начинает ныть ещё сильнее. Будь проклята природа, которая портит и усложняет подобными вещами мою хренову жизнь.

– Нет.

– Хорошо, – кивает Диего, и я уже молю, чтобы он ушёл с глаз, но он делает несколько шагов и садится на край кровати, положив ладонь на мою талию, – сильно больно?

– Чёрт, Фуэнтес, ты думаешь, что я сейчас думаю о боли, когда вижу резинку от твоих трусов?

Смеясь, Диего оставляет поцелуй на моей голове и покидает комнату, оставляя меня с желанием заскулить как собака.

– Это из-за неё он таким стал. Это она виновата.

Слова Марии с болью врезаются в сознание и сердце, и как только я слышу щелчок дверного замка, подлетаю с кровати, забывая о том, что лезть в чужую жизнь и её прошлое – дерьмовая затея. Разве меня это останавливает? Нет. На пятьдесят процентов я хочу стукнуться о ближайший косяк, чтобы остановить себя, а вторые пятьдесят подначивают на поиски. Быстро гуляя по ящикам, я перебираю один за другим, сама не зная, что ищу. Любую зацепку, любую деталь

и любой намёк. Я хочу знать, кто она, кем ему приходилась, что было между ними и почему Мария так плохо отзывается о ней. Я хочу знать, что она сделала с ним. Мои попытки не венчаются успехом, и я уже с поражением закрываю шкаф, когда взглядом улавливаю коробочку из-под обуви. Одна единственная, она покоится в дальнем уголке между парой толстовок. Дрожащими руками я тянусь к ней и чуть ли не роняю на пол из-за волнения. Ком в горле упирается и не желает падать внутрь, не давая потоку воздуха проникать в лёгкие. Дыхание сбилось, а на лбу выступили капли пота, которые я тут же смахиваю трясущейся рукой. Крышка заветной находки отводится в сторону, и я уже мысленно узнаю хоть что-то, но все эти мысли быстро испаряются, потому что коробка пуста. Сморщив лицо, я быстро убираю её ровно так, как она стояла без доли погрешности.

Я точно знаю, что там что-то было, потому что Диего не хранит подобную мелочь. Я уже знаю, что он выкидывает все ненужные и пустые предметы, считая их грудой мусора, которая никогда не понадобится. Но он оставил эту коробку, значит, там что-то было и это не даёт мне покоя. Новый щелчок заставляет меня очнуться и молнией выскочить из гостиной, следом упав в кровать и свернуться в ней новым клубочком. Я хочу узнать этого мужчину, и эти потайные двери манят меня своей неизвестностью. Но у меня нет ключей, и этот факт изводит душу.

Глава 30

Каждый мой год начинался одинаково: я снова в ужасном замке с чудовищем-отцом и матерью бывшей наркоманкой, а, как мы знаем, наркоманов бывших не бывает. Это было похоже на День сурка, мой личный круг ада. Я ненавидела этот праздник всей душой, ведь каждый год одно и то же, одно и то же дерьмо, встречающее меня с распростертыми объятиями. И вот теперь я – новая Грейс, пусть и со старыми проблемами и многочисленными «я», выбралась из всего этого дерьма. И этот Новый год будет совершенно другим.

Резкий и до одури противный звон будильника режет мне уши. Ещё не проснувшись, я уже осознаю то, насколько мне жарко. Увесистая туша Диего лежит практически на мне: его голова на моей груди, ноги сплетены с моими и руки обвивают мою талию и крепко прижимаю к себе. Я убираю мокрые пряди с его лба, невольно любуясь им. Он слишком красив. А особенно, когда он молчит и выглядит так мило и беззащитно.

– Прекрати пялиться и ложись спать, – сонно бормочет это создание и разрушает мою сказку, – даже если ты хочешь в туалет, я не сдвинусь с места.

– Лучше, чтобы ты сделал это. Потому что как только ты сказал про туалет, мне сразу захотелось посетить ванную комнату.

Он страдальчески стонет.

– А ещё лучше, чтобы ты выключила свой неугомонный будильник. Тогда я, может быть, рассмотрю твой вариант.

– Нет, Диего, мне, правда, нужно отойти, – серьёзно отвечаю ему, выключая телефон.

Нехотя он еле как перебирается на свою половину кровати, ложась на спину и позволяя мне слезть, что я и делаю. Дойдя до двери, я оборачиваюсь. Он все также лежит с закрытыми глазами, тихо посапывая.

– Это было легче, чем я думала.

Он не шевелится, убеждая меня в том, что он сразу же заснул, поэтому я иду в ванную и делаю нужные мне дела. Тянусь за зубной щёткой и в этот же момент, дверь за мной щёлкает, и в комнату заходит полуголый Диего с помятым от подушки лицом. Его взгляд туманный, будто он пил не переставая более суток, а тело блестит от пота. Его рука тянется за мою голову, и у меня перехватывает дыхание.

Диего ухмыляется.

– Я не собираюсь сейчас трахать тебя.

Смущённая его заявлением, я с прищуром беру у него их рук мою зубную щётку, за которой он тянулся.

– К твоему сведению, я тоже не думала об этом.

– Не сомневаюсь.

– Как спалось? – удачно перевожу тему, засунув щётку в рот и начиная чистить зубы. Диего проделывает эту же процедуру.

– Прекрасно, но было бы лучше, если бы нам не надо было вставать так рано.

– Сейчас десять, – в Лондоне я просыпалась не позже восьми. Таковы правила отца.

– Это рано для меня. Обычно, ну… до тебя, по выходным я вообще не просыпался, потому что в пятницу делал всё то, что… ты поняла, – сплёвывая, говорит Диего. Его брови сошлись к переносице, а хмурый взгляд карих глаз стремлен куда-то позади меня. Такое чувство, будто он что-то вспоминает.

– Мы итак провели потрясающую пятницу, – возражаю ему, и он приходит в себя.

Диего согласно кивает.

– Но было бы ещё лучше, если бы у тебя не было месячных.

– Все вопросы к природе, а не ко мне. И вообще, ты можешь хоть день прожить без секса? – не то чтобы я сама не думаю об этом всегда при виде Диего.

– Проще простого. Смотри, чтобы сама не начала выть на Луну от своего несчастного положения нетраханной Грейси, – он улыбается мне и, шлёпнув меня по заднице полотенцем, выходит из ванны. Спустя минуту я выхожу следом.

Диего стоит рядом с открытым холодильником, потирая подбородок.

– Похоже на дежавю.

– Что? – оборачиваясь, спрашивает он.

– Мне кажется, мы уже говорили на тему того, что больше в сексе нуждаешься ты, нежели я.

– Не припоминаю такого. Что ты хочешь на завтрак?

Я сажусь на стул за барной стойкой.

– А что ты можешь мне предложить?

– Потрах… – он тут же сжимает губы, недовольно бурча себе что-то под нос, – ладно, ты была права.

– Я всегда права, – с неподдельным чувством превосходства восклицаю я, – ты мне так и не ответил: что ты можешь предложить на завтрак?

– Блинчики?

– Мы ели их на прошлых выходных. Скукота.

– Панкейки? – сразу же предлагает новый вариант.

Я морщу нос.

– Я не люблю панкейки.

– Это же то же самое, что и блинчики. Просто маленькие.

– Предпочитаю большой размер.

– Грейс! Ты специально это делаешь? – мученически кричит Диего и достаёт с полки хлопья, – вот. Это наш завтрак.

– Мы будем есть их сухими?

Он пожимает плечами.

– Я забыл купить молоко, а ты ненавидишь ходить по магазинам.

– Ты предлагал мне блинчики, когда у нас нет молока?

– Я только сейчас заметил, что у нас нет молока. Повторяюсь: ты ненавидишь ходить по магазинам. Повторяю спе-

циально для тебя, чтобы ты немного попсиховала с утра, выполнив ежедневную норму, чтобы потом не мучать меня.

– Не правда. Я люблю ходить по магазинам, просто я не люблю очереди.

– План удался. Очереди везде, Грейс, – он закатывает глаза, садится рядом и ныряет рукой в пачку, доставая горсть хлопьев и кидая их в рот.

– На кладбище? Там их нет.

– У тебя жуткие мысли, может, тебе следует сходить к психологу?

– Если я и пойду к нему, то только с тобой, сумасшедшая испанская задница.

Я беру пару хлопьев из его ладони, когда чей-то телефон начинает звонить.

– Это точно не мой. Алан в самолете, а больше мне некому звонить.

– Откуда ты знаешь, где он? – хмурится Диего, игнорируя пищание.

– Мы говорили об этом вчера.

– Когда ты успела? И вообще, мне не нравится, что вы общаетесь…

– Он мой лучший друг, Диего! Ты не можешь запретить мне общаться с ним.

– Насрать, – резко говорит он, встаёт из-за барной стойки и исчезает в спальне. Писк телефона прекращается, – да… и тебе доброе утро… сбавь темп и скажи медленнее, чтобы

я хоть что-то разобрал… я знаю, что сегодня Новый год, не нужно напоминать мне об этом… я не злой… Мария!… ладно, прости… что-то важное?

Я давлюсь хлопьями от смеха. Диего выглядывает из-за угла, показывая мне средний палец.

– Да, она рядом… сейчас… прекрати визжать, в конце концов, мать твою… я знаю, что у нас одна мать, я говорил не в том смысле… Мария!… Да не злой я! – громкими шагами он доходит до меня и передаёт мне телефон, – она хочет поговорить с тобой. И прекрати ржать, вы обе меня так достали.

Диего разворачивается и топает обратно в комнату, хлопнув дверью. И вот он снова стал Гринчем из-за упоминания об Алане.

– Привет, а ты умеешь доводить его до нервного срыва, – хохочу, подбирая телефон со стойки.

Мария нетерпеливо вздыхает.

– Всё было не так, это ты его разозлила. Он уже был злюкой, когда я позвонила.

– Один-один, госпожа Фуэнтес.

– Хм… а я могу называть тебя будущей госпожой Фуэнтес?

У меня перехватывается дыхание. Я никогда даже не задумывалась о том, что когда-нибудь стану женой Диего. Эта мысль должна была согревать меня, но на самом деле все наоборот. Мне чертовски страшно.

– Ладно, по твоему гробовому молчанию я поняла, что пока рано, – растягивает Мария, – я почему звонила то?

– Ты меня спрашиваешь?

– Нет, я спрашиваю себя, чтобы вспомнить. А! Я хотела спросить тебя, пойдёшь ли ты с нами в магазин за подарками?

Подарки! Я же не купила никому подарки…

– Конечно, я пойду. Во сколько, где и с кем?

– Через час, в Мэсис, я и парочка влюблённых.

– Кто? – недоумеваю я.

Мария пищит.

– Оли, Сам и Полли.

– И кто из них влюблён?

– Я в Оли, Оли в себя, Саманта в Полли, а Полли в мысли об Алане. Всё, мне срочно нужно отойти. Лита и Ром снова спорят о том, как назовут ребёнка.

Подавляя смешок, я спрашиваю:

– А не рано ли?

– Нет, конечно, нет. Я вчера купила карты Таро и посмотрела в ютубе как ими пользоваться. Так вот, я прочитала по картам, что Лита, родит со дня на день. Ром пусть и отказывается верить, но Лита, доверяет моему таланту.

– Боже, да ты прирожденная гадалка, – хрюкаю в трубку от безудержного смеха.

Мария ворчит:

– Не насмехайся надо мной, – быстро сменяется её настро-

ение. И также быстро сменяется на обратное, – всё, люблю и целую, до скорой встречи!

Она нажимает отбой, и я слышу гудки.

Кончив с завтраком, я на цыпочках приближаюсь к двери, вслушиваясь во все звуки. За дверью абсолютная тишина. Настораживаясь, я тихо приоткрываю дверь и проскальзываю в комнату. Мои глаза находят Диего, сидящего на краю кровати. Его локти опираются на колени, а ладони оттягивают темные волосы.

– Вы уже поговорили? – не глядя на меня, спрашивает он. Его голос хриплый, будто он кричал без остановки более часа.

Я медленно дохожу до него и сажусь на пол напротив, обняв руками его ноги, и опускаю свою голову ему на колени. Сначала он немеет, но потом прохладные пальцы поглаживают меня по щеке. Я поднимаю глаза и вижу, что он также смотрит на меня.

– Да, она хочет, чтобы я пошла с ней и ребятами за покупками.

– Правда? – он приподнимает брови, – и что ты ответила ей?

– Что я пойду. Или ты против?

– Нет, почему я должен быть против, это твои друзья, проводи с ними столько времени, сколько считаешь нужным.

– Диего, ты все ещё обижаешься на меня?

Он хмыкает, будто я говорю глупости, хотя в его глазах

начинает читаться чистейшая ярость.

– Ещё чего. Да насрать мне на этого Алана и на тебя… блядь, Грейс, я не то хотел сказать.

– Я знаю.

Пусть это было и обидно, но я все же держу себя в руках, чтобы не сорваться.

– Во сколько вы выходите? – он поджимается губы, поглаживая моё лицо.

Это одно из самых приятных ощущений – чувствовать его ласку на себе.

– Через час. Нужно ли что-нибудь купить?

– Нет, займёмся этим после праздников.

– Уверен? В холодильнике мышь повесилась и бродит перекати—поле, а сегодня, к слову, Новый год. Чем ты собираешься кормить гостей?

– Я глубоко признателен тебе за твою заботу о моей семье…

– Не только о твоей семье. Я ещё и о себе и о своём желудке забочусь, – парирую я.

– Ну да, конечно, моя маленькая эгоистка. Но мне придётся тебя огорчить: этот Новый год мы будем праздновать в ресторане рядом с родительским домом. Кстати об этом, я хотел попросить тебя.

– Я догадываюсь, что ты хочешь попросить. Но мой ответ отрицательный.

Диего нервно улыбается.

– К сожалению, выхода у тебя нет. Собирайся.

– Что? Диего, – я начинаю ныть, когда он поднимается, отодвинув меня в сторону, и идёт к шкафу, – можно же просто позвонить. Давай мы просто позвоним, ну пожалуйста. Видишь, я даже согласилась на эту бредовую идею…

– Это твои бабушка и дедушка. Они не бредовая идея. И такие вещи не обсуждают по телефону, – ругает меня Диего и кидает на кровать мои вещи.

– Ты – говнюк!

Принимая поражение, я начинаю одевать на себя то, что кинул мне Диего. Через минуту мы стоим оба одетые.

Он хватает ключи от машины с тумбочки и идёт к выходу. Я плетусь за ним, проклиная его на ходу.

– Вообще-то через час мне нужно быть в Мэсис.

– И что? – он открывает машину и залезает внутрь, – я подвезу тебя туда и заберу, можешь не переживать.

– Я и не переживала, – я знаю, что со стороны выгляжу как маленькая капризная девчонка.

Всю дорогу я сверлю его профиль, придумывая изощрённые методы расправы. Его это лишь забавляет, поэтому он включает свои любимый песни и жизнерадостно напевает их. Я знаю кто Диего, он – энергетический вампир. Он питается моей злобой, ей богу.

– Кстати, я забыл сказать, – начинает он, убавляя громкость, когда мы почти подъезжаем к их дому.

– Есть ещё что-то? Тебе не кажется, что на сегодня доста-

точно? – мрачно перебиваю его. Диего закатывает глаза.

– Если бы мне так казалось, то я бы заткнулся.

– Была бы очень признательна, – вновь огрызаюсь.

– Грейс, закрой нахрен рот. Это и в твоих интересах тоже.

– Тогда глаголь, раз уж у меня даже выбора нет.

Он сжимает руки на руле, отчего костяшки пальцев белеют.

– Колумбийский университет попросил реванш.

– Что? – я в шоке. Даже больше, чем просто шок.

– Ага. Они решили, что судья отнёсся к ним предвзято, после того, как тебя размазали по полю.

– Меня не…

– Тебя размазали, – кивает Диего, – они посмотрели нашу игру и решили, что мы играем нечестно.

– Что значит нечестно? Им просто нечем оправдать своё поражение.

– Согласен. Так вот они требуют, чтобы мы сыграли с ними ещё раз. На нейтральной территории.

Я вижу, как все в моих глазах темнеет от ярости, которая так и рвётся наружу. Я не умею контролировать гнев, и это не моё преимущество.

Перевожу дыхание и цежу сквозь зубы:

– И когда?

– Через неделю.

Диего смотрит на меня с сочувствием.

– Да они охренели! Пусть засунут этот матч себе в задни-

цу. Я не выйду на поле даже под предлогом расстрела.

– Грейс, – он в поддержку сжимает мою руку, и я постепенно расслаблюсь, – бумаги уже подписаны.

– Плевать. Почему мы должны играть с Брайантовским, а потом ещё и с ними?

– Пожалуйста…

– Нет, нет и ещё раз нет. Ты видел, что они сделали в прошлый раз? Ты хочешь похоронить меня?

Хватка руки Диего ожесточается. Карие глаза становятся совершенно чёрными, а дыхание неровным. Моя ярость тут же улетучивается, при виде этого. Он сильнее впивается ногтями пальцев мне в руку, доставляя терпимую боль. Сейчас он становится похожим на моего отца, когда тот нападал на меня, бил или кричал. Мне приходится напоминать себе, что передо мной мой Диего. Мой Диего.

– Диего.

Я зову его ещё несколько раз, но он меня словно не слышит.

– Приехали, – он грубо выдергивает свою руку и кнопкой открывает мне дверь, забыв сказать вдобавок: «проваливай».

Не понимая причину такого поведения, я цепенею, но все же вылезаю из машины и бреду к двери дома своим новых родственников. Не успеваю даже постучать, как дверь открывается.

– А я говорила тебе, что слышу гул машины, – на пороге стоит улыбающаяся Скарлет и позади неё стоящий Этан.

И мне становится ещё больше неуютно.

– Я.. я не знаю, как начать, – вздыхаю я, упираясь взглядом в стену за бабушкой и дедушкой, в ожидании смотрящих на меня.

– Милая, начинай как угодно, – нежно улыбается бабушка, положив поверх моей кисти свою, – мы всё поймём.

Дедушка тут же откашливается, явно думая о чём-то сверхужасном, к примеру, я беременна. В его глазах, видна смесь замешательства и какой-то досады, словно я сейчас могу разочаровать его отвратительной новостью.

– Сегодня Новый Год, – тихо сообщаю я, и бабушка тут же кивает.

– Ты не знаешь, с кем отметить? – улыбается она, – мы сами хотели тебе предложить приехать к нам, либо мы можем выбраться куда-нибудь вместе.

– Не совсем.

Подняв подбородок, я волнуюсь перед будущим вопросом, и для уверенности, набираю в лёгкие большой запас кислорода, после чего опускаю подбородок и на одном дыхании выдаю:

– Я хотела бы пригласить вас отметить с нами.

– С нами? – удивлённо подняв брови, переспрашивает дедушка.

– Да, с Диего и его семьёй. Мне бы хотелось… встретить этот праздник в кругу близких, в ресторане.

Дедушка, словно с облегчением выдыхает и поднимает

уголки губ, взглянув на бабушку.

– Думаешь, это хорошее предложение, дорогая?

– Определённо да, – улыбаясь, кивает она, после чего две пары глаз обращаются ко мне.

– Я тоже так думаю.

Звон в ушах изначально не даёт мне услышать ответ, но сфокусировавшись и сосредоточившись до меня, наконец-то, доходит их ответ. Я уже было хочу взвизгнуть и броситься к ним на шеи, но останавливаю свой порыв, хотя широкую наисчастливейшую улыбку – скрыть не могу.

Ещё пару минут мы обсуждаем все мелочи: когда, во сколько и прочая дрянь, которую спрашивал без остановки Этан. Обнявшись с обоими, я иду к машине. В моём сердце что-то ёкает, вспоминая тот взгляд Диего, которым он смотрел на меня из-за глупой шутки. Может, она была ему и не по вкусу, но зачем реагировать так остро?

Диего стоит облокотившись на машину, потягивая сигарету. Его глаза устремлены куда-то вдаль, отстраняя его от мира сего.

В моей голове происходит масштабный бунт:

Мы не можем подойти к нему, он может снова надрать нам задницу! Мы же девочки, мы хрупкие создания.

Не утрируй, он не надирал нам зад, он всего лишь сильно сжал руку – сохранял наше тепло.

Ну конечно, тогда любое насилие тоже можно оправдать таким способом. Ой, что вы, он не ударил меня виском

о тумбу, он всего лишь протер моей башкой угол. Так что ли?

Третье «я», более рассудительное, тут же вмешивается:

Вспомните нас и наше поведение. Мы тоже далеки от идеала, так может, стоит прекратить быть лицемерами, требуя от него того, что не делаем сами? Этот парень отлично трахает нас, готовит, танцует и поёт. Ему простительно всё.

Голоса сливаются воедино, и я взвизгиваю, подскакивая на месте.

Диего резко поворачивается в мою сторону.

– Ты уже всё?

– Да, они согласны.

Он коротко кивает, тушит окурок, и мы запрыгиваем в машину.

В абсолютном молчании Диего довозит меня до торгового центра, где уже стоят Оли, Мари, Сам и Полли. И тут до меня доходит элементарная истина: я приехала с Диего. *С Диего, блядь.*

Я начинаю хватать ртом воздух, не переставая энергично моргать. Паника нарастает все больше и больше с каждой секундой, когда я начинаю осознавать всё, что ждёт меня, если я сейчас выйду из этой машины.

– Грейс? – Диего держит мой подборок, поворачивая мою голову, уткнувшуюся в окно, в свою сторону, – что случилось?

– Там Полли, Сам и Оли. Если они узнают… я не знаю, что будет. Но точно ничего хорошего.

– Думаешь, они ещё не знают?

Я кусаю нижнюю губу до привкуса крови.

– Не знаю, в том то и дело. Тем более, откуда им знать?

– Прекрати забивать голову этим. Какая разница, что они думают?

Он начинает злиться, когда я молчу больше, чем положено.

– Ты тренер, а я студентка.

– И что? Мне плевать на это, а тебе? Если эти мелкие засранцы решат что-то растрепать твоему деду, то я буду только рад свалить отсюда.

Теперь моя очередь злиться.

– А меня ты оставишь здесь, ну все с тобой впрочем, ясно. Отличный Новый год, чёрт возьми!

– Успокойся, ты не дала мне договорить. Конечно, я бы взял тебя с собой. Мы бы уехали куда-нибудь в Испанию и наслаждались жизнью, а не этим всем.

Мысль о том, что мы уедем куда-то далеко от Америки и Англии только вдвоём, греет мне душу и сердце. Мы – самая сумасшедшая парочка из всех, что видел этот свет. И провести с ним остаток своей жизни – это даже больше того, о чем я могла мечтать.

– Вижу тебе уже легче, – самодовольно усмехается Диего и целует меня в щёку, – а теперь иди, развлекайся. Напишешь

мне, когда нужно будет забирать тебя, идёт?

– Идёт, – я целую его в ответ, подольше задерживаясь губами на его щеке.

Я вылезаю из машины с такой широчайшей улыбкой, что Полли роняет донатс на асфальт. Она смотрит мне за спину, и я не сомневаюсь, она видит Диего. Его видит не только она: Мария делает вид, что ковыряется в зубе, будто она здесь совсем не причём, скрывая глупую улыбку; с губ Оливера вылетает его фирменное «Да ну нахрен», он пихает Саманту в бок, но та так же, как и Мария, делает вид, что понятия не имеет, что вообще происходит.

Диего сигналит мне, и я оборачиваюсь, чтобы помахать. Когда его машина скрывается из виду, я оборачиваюсь к друзьям. Они стоят в прежних позах.

– Я умер и попал в ад? – Оливер треплет себя за длинную роскошную шевелюру на голове, пытаясь вникнуть в ситуацию.

– Почему ад? Настоящий рай, – сладко протягивает Саманта и хлопает в ладоши, – я рада, что вы больше не скрываете этого.

– Что?

– Ты сейчас что сказала?

– Одуреть.

Все смотрят на неё, выдохнув на холодный воздух то, что нас сейчас потрясло.

Саманта пожимает плечами, хлопая ресницами.

– А что я? Ди и Гри прекрасная пара. Алану пора принять поражение.

– Но… – Полли поднимает указательный палец вверх, чтобы добавить что-то, но я говорю раньше, чем она.

– Никто из вас всех здесь присутствующих не расскажет Алану ничего. Совершенно ничего.

– Я не буду врать своему другу! – с чувством кричит Оливер, за что Саманта наступает ему на ногу.

– Тебя никто не просит врать. Нас всех никто не просит врать. Просто делаем вид, что не знаем ничешеньки, идёт? Все же так просто и все счастливы.

Оливер прищуривается, оценивая сказанное ею, но, в конце концов, медленно кивает, заключая договор.

– Ла-а-адно, все не так плохо, как я думала. Вы прям красавчики, ребята. А ты боялась, Грейс

Теперь все взгляды обращены на Марию.

– Ты знала об этом? – недоверчиво спрашивает Оли.

– Конечно, я знала. Он же мой брат. Я вообще узнала одна из первых, чтобы вы знали.

– Дерьмо. Кто вообще не знал об этом? Такое чувство, что все всё знают.

– Я, – сухо говорит Полли, вскинув руку вверх, – но я догадывалась.

– Молодец, Шерлок. Могу дать тебе по морде за это, – провоцирую её, доставляя себе не удовольствие, а страдания, как ни странно.

– Ты сейчас не в выгодном положении, чтобы вести себя, как сука. Я буду хранить твою тайну, но только ради Сам. Но я все же рада, что ты оказалась как раз той, которой я тебя представляла.

– И какой же?

– Девочки, – ноет рядом Саманта.

Полли закрывает ей рот ладонью и улыбается мне мерзкой улыбкой. Сучка.

– Лицемерной двуличной идиоткой.

Я дёргаюсь, готовясь кинуться на неё, но не успеваю, потому что руки Оливера обвивают мою талию.

– Так, так, так, давайте забудем все ссоры в старом году, а в новом вы перестанете вести себя, как две дикие крысы.

– Ужасное сравнение, – ворчит Полли.

– Если бы это было сравнение.

Теперь уже она рыпается, чтобы выдрать мне пару клоков волос. Саманта притягивает её к себе за руку, а между нами встаёт Мария.

– Итак, леди, пока вы не заключите мирный договор на следующий год, мы не сдвинемся с места.

– Да пожалуйста, – выплевываю я, и Полли повторяет то же самое за мной.

Ну, хоть в чём-то мы сошлись.

– Считаю до трёх, а потом я сломаю вам пару костей. Ром научил меня этому в тринадцать, когда мальчики пытались схватить меня за грудь.

– Ого, да ты опасная девушка, Мари. Слава моим яичкам, что я решил оставить эту затею на потом, – гогочет Оливер, и Мария заливается краской.

В конце концов, мы с Полли сдаёмся и протягиваем друг другу руки, жмём их, и эта троица радостно кричит победные возгласы.

– У меня только один вопрос, – начинает Оливер, когда мы уже начинаем ходить по бутикам, в поиске подходящих подарков, – как давно вы вместе?

– С сентября, наверное. Я не помню, если честно.

– А я думал, что у вас женщин мозг запрограммирован запоминать такие «важные» даты.

– Похоже, не у всех, раз мой отказывается впитывать в себя это. Но зато я помню дату своего первого матча, это считается?

– Не—а, – смеётся он, – я тоже помню дату своей первой игры. Это вроде как в крови у всех спортсменов.

– Тогда дай пять, братишка.

Мы стукаемся кулачками, потому что не могли даже с третьего раза попасть друг другу по ладони – настоящие спортсмены.

Спустя час хождения по бутикам, что мы имеем: Саманта держит пять пакетов полных до отвала, Оли держит один свой и три пакета той же Саманты, Полли засунула всё в рюкзак и насмехается над Оливером, который купил маме лоток для кота. Как оказалось, его мама жуткая кошатница. Но на

четыре кота у неё всего один лоток. Почему так вышло, история умалчивает, а мы с Марией за ручку ходим за всей этой бригадой, рассматривая светящиеся вывески, красивые прилавки, попутно смеясь вместе с Полли.

Я купила подарки абсолютно всем, кроме главного героя моей жизни – Диего. Я не имею понятия, что можно подарить моему суровому, иногда игривому, сумасшедшему парню, который до красного и жёлтого мозга костей практичен и привередлив. И это настоящая дилемма.

Когда мы начинаем понемногу отставать от ребят, я тяну Марию на себя за руку:

– Я не знаю, что подарить ему, Мари, – шёпотом тараторю я, пока Сам и Полли препираются, какие уши лучше купить: Микки Мауса или Понки.

– Диего ценит что-то нужное, возможно, что напомнит ему о чём-то или пригодится в будущем.

– Хочешь сказать, что он практичный? Господи, я и сама это знаю, он выкидывает абсолютно всё, до чего не дотрагивается неделю.

Мария хихикает и кивает, после чего её лицо становится серьёзным, а взгляд проницательным.

– Ты что, совсем не узнала его?

– Он не даёт узнать себя.

– Упрямый. Это точно про него, – фыркает она, – ну, он любит футбол, как ты успела понять, даже в школе играл. Был капитаном. В Барселоне у дедушки с бабушкой должно

быть завалялась его форма.

– Предлагаешь мне слетать за ней на выходных?

– Нет, но знаю, что в его школе лежит мяч.

– Мари, он есть в ближайшем магазине. И ты снова предлагаешь слетать на выходных в Испанию.

– Нет. Тот, что важен для Диего – нет. И он учился тут, в Америке.

– И чем он так ему важен?

– Он играл им на последнем матче и выбил тачдаун, а этот тачдаун стал для команды выигрышным. В итоге: кубок среди школ достался им, а мяч покоится на стенке в школе, как символ победы.

– Чёрт! Ты предлагаешь украсть мяч? Мы можем купить такой же в магазине.

– Не—а, – снова улыбается Мари, и меня уже начинают раздражать её загадки.

– Говори уже! – бурчу я.

– На нём подписи и пожелания каждого члена команды. Думаю, он будет рад заполучить его, потому что хотел забрать после игры.

– Что я должна сделать?

– Каким-то чудесным образом договориться с директором школы. На крайний случай, предложи им денег.

– Диего точно будет ему рад?

– Он был первым квотербеком, который принес школе победу. Да, он будет ходить в туалет кипятком. И обеспечит

тебе самые что ни на есть горячие ночи.

– Мари, ты же понимаешь, что мы должны забрать этот мяч любой ценой прямо сейчас.

Я достаю телефон.

– Где находится его школа?

Она выпячивает нижнюю губу, вспоминая.

– В Фолл—Ривере.

– Это всего в двух часах езды отсюда, – радуюсь я, когда карты показывают мне путь до Фолл—Ривера.

– Но сегодня Новый год, и школа не будет работать, наверное. Какой идиот захочет работать в праздник?

– Если идиот хочет жить, то он отдаст мне этот чёртов мяч.

Настолько сильно я в себя ещё никогда не верила. Моя самооценка и самоуверенность где-то высоко, что может с лёгкостью смотреть на меня и смеяться. Но я все равно добуду этот мяч, чего бы мне это не стоило.

– Понятно, почему мой брат выбрал тебя. Вы оба двинутые.

– Это диагноз?

– Нет, это самая настоящая крутотень. Собирайся, мы сбегаем от них и мчимся на встречу к прошлому Диего, – она вскидывает кулак вверх, изображая, что она супергерой, и мчится к выходу.

Мчимся на встречу к прошлому Диего.

Саманта, Полли и Оли понимающе кивают, когда я объ-

ясняю им ситуацию, поэтому с чистой совестью я залезаю в машину Марии. В ней полный дубак, отчего мы сжимаем друг друга в объятиях, пока машина прогревается. На часах уже четыре, а значит, через несколько часов вся семья Фуэнтес и мы с бабушкой и дедушкой будем начинать отмечать праздник. Я не могу терять ни минуты, чтобы точно успеть везде, нигде не проиграв.

– Тебя уже забирать? – спрашивает меня Диего, когда я звоню ему, чтобы предупредить.

Мария рядом заводит машину и трогается с места.

– Нет, в этом то и дело. Меня не нужно забирать, – мой голос звучит трусливее, чем я представляла.

– Что это значит? – зло рычит Диего.

Я слышу, как он бренчит ключами от машины, наверняка намереваясь сейчас же примчаться за мной, несмотря ни на что.

– Я.. в общем-то, – весь талант врать на ходу канул ко дну.

– Прости, любимый братец, но тебе придётся пожить ещё пару часов без Грейс в своей скучной жизни, – на помощь мне приходит Мария, которая ставит Диего на громкую связь и отмазывает меня.

Он снова рычит.

– Вы объясните мне, в чём дело?

– К сожалению, – смеётся Мария. Она самая бесстрашная девушка на чёртовом белом свете. Испанцы такие испанцы, – это девичьи штучки. Просто знай, что я доставлю её в цело-

сти и сохранности ровно в восемь вечера в ресторан.

– Я убью вас обоих, если что-то случится. И, Грейс, пожалуйста, следи за тем, чтобы моя сестра не натворила дел.

– Хей, ты мог сам попросить меня об этом, – ворчит Мари.

– Ну да, конечно. Я больше доверяю Грейс в этом плане, чем тебе.

– Иди к чёрту.

Мария нажимает отбой, кидает телефон на задние сиденья, впиваясь взглядом в дорогу. Её брови сошлись на переносице, а руки сильно сжимает руль.

– Ужасно быть неуравновешенной, – признаётся Мария, продолжая следить за дорогой. Я молча слушаю, не двигаясь и не дыша, – все ждут от тебя того, что ты кого-то убьёшь, что-то сломаешь, попадёшь в неприятности. Люди начинают делиться на два лагеря: одни пытаются избежать любого контакта с тобой, а другие всеми силами делают все, чтобы обезопасить себя от тебя. Одно и то же. Только первые хотя бы не делают вид, что они – друзья, и не стараются вылечить меня от этой дряни.

– Мари, Диего любит тебя. Да вся твоя семья любит тебя и я вместе с ними. И вообще, мне иногда кажется, что я больше похожа на больную биполярным расстройством, чем ты.

Она тихо смеётся и поворачивает голову в мою сторону. Её глаза красные от слез, а щёки мокрые.

– Мне повезло, что у меня есть ты. Но больше всего повезло Диего. Спасибо тебе за то, что ты с ним. Мы – Фуэнте-

сы, самая безбашенная семья: Ром шизик, Лита истеричка, мама гиперзаботливая, папа пытается быть на одной волне с молодёжью, Диего самый настоящий придурок, а я псих. Но главное наше достоинство – мы любим друг друга. И теперь ты тоже член нашей семьи. Мы любим тебя, Грейс, и никогда не отпустим.

– Звучит, как угроза, – я смеюсь сквозь слёзы, и Мария тянется, чтобы вытереть их с моих щёк, – я тоже люблю вас всех.

Она снова смотрит на дорогу.

– Тогда признайся ему в этом. Признайся, что любишь его.

– Откуда ты знаешь, что я ещё не призналась?

– У нас психов есть некоторые плюсы. Я понимаю людей гораздо больше, чем вы понимаете сами себя.

– Да неужели? Тогда расскажи мне о том, что происходит у тебя и Даниэля. Ты же такая мудрая.

Как я и предполагала, она замолкает.

– Ты задница.

Мы одновременно смеёмся, проезжая вывеску «Принстон».

Эта поездка была самой лучшей за последнее время, клянусь. По пути мы несколько раз останавливались на заправке, потому что то мне, то Мари нужно было сходить по делам и размять попу. На одной остановке мы даже купили тако, но, убедившись, что тако из тако-бэлл гораздо вкус-

нее, мы выкинули их в урну и помчали дальше. Всю дорогу мы слушали музыку, болтали обо всём на свете, кричали на водителей, которые нас подрезали, показывая им средние пальцы. И в конечном итоге мы добрались до Фолл—Ривера. Это довольно уютный маленький городишка, известный своей текстильной промышленностью. Это, кстати, рассказала мне Мари. Она ещё много чего протрещала про город, но я толком ничего не запомнила. Спустя двадцать минут возни на дорогах, мы заехали на территорию школы, и какого было наше удивления, когда во всех окнам горел свет. На радостях мы помчались внутрь, и попали на самый настоящий зимний бал. Если учесть, что я ни разу не была на балах и выпускных, то становится понятно, почему мне было всё это интересно. Мария еле как оттащила меня от напитков и танцпола, чтобы мы вместе пустились в поиски директора и отобрали у него мяч. И это реально получилось! Мужик даже не возмущался и, узнав Марию и вспомнив Диего, он тут же вручил мне мяч, попросив нас, чтобы мы поздоровались с Диего за него. Попрощавшись с бывшей школой Диего, мы поехали обратно в Принстон. Дорога была сказочно ужасной: вьюга трепала всё, что двигалось и нет, снег шёл не переставая, а из-за нулевой температуры был страшный гололёд. Благодаря «чудесной» погоде мы сильно опаздывали в ресторан. На часах уже давно перевалило за восемь, а пропущенных от Диего становилось все больше и больше. Мария вечно стукала меня по рукам, когда я тянулась к телефо-

ну, чтобы принять его звонок. Она убедила меня в том, что он убьёт нас так или иначе, поэтому попросила меня наслаждаться жизнью последние пару минут. И, в конце концов, мы доехали до теперь уже родного мне Принстона.

Уверена, каждый из присутствующих выглядит празднично, чего не сказать о нас: две белые вороны или уроды в семье. Радует только то, что я не одна. Мария рассматривает свои джинсы и свитер, приглаживая куртку и растрепавшиеся волосы, я же в свою очередь копаю носком сапога ямку в снегу. На мне тоже джинсы и футболка, поверх которых куртка – отличный образ.

– Как думаешь, нас хотя бы к окну пустят? – выдыхает Мария, выпуская пар изо рта.

– Нас ведь всё равно убьют, может, мы умрем хотя бы красивыми?

– Сколько нам нужно времени?

– Думаю, что полчаса, если мы поедем в кампус. Я дам тебе что-нибудь своё.

– Согласна, – кивает она, и мы тут же прыгаем назад в салон, следом шины скользят по заснеженной парковке с протянутым визгом. Если нас слышно в ресторане, то все поняли о прибытии двух важных персон, которые потеряли счёт времени и опоздали. И опоздают ещё.

Экран тут же загорается, и имя Диего мелькает сотый раз, а то и тысячный. Как только вызов прекращается, я хватаю телефон, чего не успевает сделать Мария, потому следом за

звонком приходит сообщение.

– Не смей открывать его! – верещит она.

– Я не буду! На экране видно, что написано!

– Если ты откроешь его, то я убью тебя.

– Не стоит марать руки, твой брат написал, что мы можем даже не молиться, потому что нам уже ничего не поможет.

Мария хихикает, то же самое делаю я. Диего, конечно, прибегнет к моральному убийству, но я знаю, что в таком случае лучше выбрать физическое. Но даже если нас оставят в живых, сейчас мне лучше заехать в аптеку, и на этот раз действительно прикупить крем для мозолей, потому что мне светит ни что иное, как испытания на прочность.

Пока мы доехали до кампуса, ни одного звонка от Диего больше не было, и я уже не нервничала, я кусала локти, потому что это ещё хуже. Что лучше, крик или молчание? Однозначно крик, потому молчание похоже на бомбу, которая подорвётся именно тогда, когда ты не готов. А я не готова. В комнате мы были практически пожарниками, которые могут одеться ещё до того, как догорит спичка. В итоге, на меня село белое платье на запах, а на Марию коктейльное красное, и благодаря красной помаде, она стала неотразима, будто на ужин её собирали в четыре руки. Магия красного цвета. Я же предпочла нюдовый цвет. И вот, спустя пять минут, мы уже едем обратно. Машину заносит из-за гололёда, но смерть от рук Диего намного страшней.

Найдя глазами компанию, Мария зашагала первой с гордо

вскинутым подбородком, я же плелась следом, потому что сейчас я определённо трусливее подруги. Как только мы были замечены, в глазах Диего сразу вспыхнул знакомый огонёк, поджигающий на мне платье так же, как и на Марии. О нет, это не совсем взгляд, наполненный желанием, это взгляд «я сверну ваши шеи».

– Явились наши опаздуны, – улыбнулась миссис Фуэнтес, к её улыбке присоединились остальные, даже бабушка с дедушкой, конечно, кроме Диего, – что скажите в своё оправдание?

– Вы сами увидите, – кивнула Мария, и я жутко завидовала ей, потому что сидела между бабушкой и Диего. Жар от второго напоминал адское пламя, я буквально чувствовала его бешенство, в то время как Мария разместилась между мистером Фуэнтес и Ромом.

– Простите, – тихо сказала я.

– Ничего страшного, милая, – улыбнулась бабушка, – надеюсь, ничего не случилось.

– Всё очень даже хорошо, – улыбнулась я, выдохнув немного нервозности, которую ощущаю с того самого момента, когда Диего позвонил первый раз. Дедушка же добродушно улыбнулся, перекинув взгляд между Марией и мной.

– Я убью вас двоих, но только в Новом году, дам завершиться этому на хорошей ноте, – прохрипел Диего, взглядом затягивая петлю на наших шеях.

– Хватит быть занудой! – заявила Мария без доли страха,

я же прижалась задницей к стулу, когда Диего сверкнул в неё тёмным взглядом, – Грейс, ты должна это сделать, чтобы мы больше не слушали гундёж.

Я уже вылупила глаза, и хотела воткнуть вилку в висок, но вовремя поняла, о чём говорит Мария. Поднявшись из-за стола, я ещё раз извинилась и побежала к машине.

Подхватив коробочку, я поспешила назад. Да, мы успели заехать и завернуть подарок Диего в неё, теперь золотистая упаковка, в которой подпрыгивал мяч, болталась у меня под мышкой, когда я бежала назад. Меня не смущал мороз на улице, ведь взгляд Диего поджарил мою задницу, которая согревала в момент кросса до парковки и обратно в платье. Упав на стул, я с мольбой о том, чтобы ему понравилось, протянула коробочку своему мужчине.

– Открывай уже, – воскликнула Мария, хлопая в ладоши, и все уставились на Диего.

– Ты прекрасно выглядишь, – шепнула бабушка и погладила меня по плечу, пока Диего приступил к развязыванию ленточек.

– Спасибо, – улыбнулась я, – вы тоже.

– Вы? – удивлённо воскликнула она.

– Я имею тебя и дедушку, – хихикнула я, получая благодарные улыбки двух людей, которых я впустила в свою жизнь, начав с нуля. Прогулявшись взглядом по молочному платью, которое кружевами огибало её талию, я перевела внимание на дедушку в белой рубашке и темно синих брю-

ках. Они действительно выглядят по-другому, либо я сейчас смотрю на них не как на ректора и его супругу, а как на свою семью.

Когда Диего убрал в сторону упаковку, он медленно открыл крышку. Минутное молчание вновь заставило меня вспомнить о нервных клетках, которые начали шалить. Закусив губу, я ожидала реакции Диего, и казалось, что эта минута растянулась в час. Подняв голову, он посмотрел на меня совершенно иным взглядом, а именно тем, что наполнен нежностью и любовью. Сердце моментально оттаяло, наполняясь теплотой.

– Вы ездили в Фолл—Ривер? – с каким-то трепетом и хрипотой в голосе, спросил Диего, подняв на меня взгляд темных глаз.

– Да, – кивнула я.

– Грейс сумасшедшая. Она сказала, что мы достанем этот мяч любой ценой, – добавила Мария, смотря на нас с довольной улыбкой.

Взгляд Диего притупился, мне даже казалось, что он вовсе не дышал.

– Грейс… – хриплым осевшим голосом начал он, но тут же откашлялся, – ты действительно ездила в Фолл—Ривер ради мяча?

– Да, – ещё раз кивнула я.

– Боже, это так… так… я даже не знаю, как это назвать, – тихо засмеялась миссис Фуэнтес, – наверно, необычно.

– Это называется по-другому, мам, – улыбнулась Мария, взяв её ладонь.

– И как?

– Любовь, – пожала плечами Мария, а я поперхнулась.

Лицо Диего озарила улыбка, и в эту секунду я окончательно выдохнула. Я буду благодарна Марии вечность, а то и больше, но ещё убью её.

– Ты точно сумасшедшая, – улыбнулся он, взяв меня за руку.

– Только когда дело касается тебя, – сжав его ладонь, я ответно улыбнулась.

Получив несколько поцелуев, я упала на сильное плечо и уткнулась в шею, втянув приятный аромат парфюма, смешанного с едва заметным запахом табака. Искоса я успела заметить взгляд дедушки, который смотрел на нас с лёгкой улыбкой и каким-то блеском в глазах, и это сделало меня по-настоящему счастливой, потому что именно он не особо ликовал и был рад, узнав о наших отношениях.

– Тебе нравится? – прошептала я.

Диего молча кивнул, но мог бы этого не делать, потому что я вижу всё по его глазам. Чувствуя на нас взгляд семьи, я поездила задницей на стуле и выровнялась, улыбнувшись всем людям, присутствующим за столом. Но поняла одно – нет Даниэля. Не решаясь спросить, я окинула взглядом ресторан: красный цвет смешался с вставками дерева на стенах; мягкие стулья, большой круглый стол, за которым уме-

стилась наша компания, но дальше я не стала осматриваться, потому что улыбки людей за столом были намного интересней окружения. Думаю, если бы мы сидели в пустых четырёх стенах – я бы радовалась не меньше. Это моя первая встреча Нового Года в кругу тех, кто относится ко мне не как к марионетке, а как к человеку. Когда я слышала выражение: «Как год встретишь, так его и проведёшь», я с сомнением относилась к этому, но сейчас всей душой желаю, чтобы оно стало истиной.

Я буквально подскочила на стуле, когда вспомнила о том, что не написала Алану, в то время как он не забыл и сообщил о прилёте в Лондон. Ухватившись за телефон, я спешно начала тыкать по экрану: «Прости, Мари, Сам и Полли, таскали меня по магазинам, Оливер тоже присоединился к ним. Всё хорошо, я с бабушкой и дедушкой. С Новым Годом». Теперь я могла спокойно выдохнуть и положить телефон на место, но тут же получила ответ от Алана: «Я рад, что ты приняла верное решение. С Новым Годом, Гри, мысленно я с тобой». Отправив ему несколько разных смайликов с закатом, салютами и бокалами, я убрала телефон и подняла глаза.

К счастью, общение с Аланом осталось незамеченным, потому что Диего рассматривал мяч вместе с Ромом и Литой, а это означает то, что Гринч не появится. Парни восторженно перечитывали слова и смеялись, пока Лита иногда морщилась, а бабушка с дедушкой нашли общий язык с родителями Диего. Лишь Мария молчала, что немного напрягало ме-

ня. Получив её взгляд, я немного улыбнулась и губами прошептала:

– Всё хорошо?

Получив в ответ кивок, я не совсем поверила, но не могла завести с ней разговор через стол, потому что нас услышат все, а это определённо не то, чего она хотела бы. Что-то мне подсказывает, что дело в Даниэле, но тогда я не совсем понимаю её. Между ними открытые разлады, где Мария и есть та самая упрямица, но это их личное дело и взаимоотношения, я не могу лезть, пока она сама не обратится ко мне.

Когда наполненные бокалы взметнулись в воздух, моя душа начала разрываться на части, из-за чего хотелось зареветь навзрыд, потому что так уютно я ещё никогда себя не чувствовала. Это сравнимо с полётом в космос, когда ты первый раз видишь планету не с картинок или видео, а собственными глазами: вот же она, настоящая и наполненная жизнью. То же самое сейчас ощущаю я. Это мой первый раз. Мой первый праздник, где я чувствую себя в кругу настоящей семьи. За восемнадцать лет я, наконец-то, ощущаю это тепло, любовь и заботу, которую никогда не могла узнать в обществе своих родителей. Переведя взгляд на бабушку, я получила ответный.

– Я могу сказать тост, – улыбнулась она, смотрятся меня.

– Конечно, – улыбнулся мистер Фуэнтес, – наша семья в этом не особо сильна.

– Не правда, папа! – хихикнула Мария, – в том году Ром

пожелал всем…

– Не повторяй, пожалуйста, – кивнул он в ответ, но тихо засмеялся, его смех поддержала остальная семья.

– Я всего лишь сказал всем не уср… – начал Ром, но тут же получил под дых от Диего, из-за чего начал кашлять.

– Мы все прекрасно помним, что ты сказал, – оборвал его Диего, – пусть в этом году у нас будет что-то получше.

– Спасибо, – сказала бабушка, послав Диего улыбку, – на самом деле, я и представить не могла, что этот год станет для нас чем-то большим, чем смена цифр на календаре. В этом году мы обрели кое-что новое, очень важное для нас.

С последними словами, она всхлипнула и приложила пальцы к уголкам глаз, вероятно, удерживая вырывающиеся наружу слёзы. Дедушка приобнял её за плечи. Выдохнув, она продолжила:

– Мы получили один из самых желанных подарков. Мы получили внучку. Поверьте, вам лучше не спрашивать, почему сейчас, это не так важно, главное, что сейчас она рядом, а это самое большое, что сделала для нас судьба, – всхлипнула она, посмотрев на меня, на что я улыбнулась и взяла её ладонь, – этот год стал переломным, думаю, что каждый за этим столом что-то получил, а что-то потерял, но это делает нас только лучше, ведь что не делается, то к лучшему. Я хочу поднять этот бокал за наше знакомство, за то, что наши дети и внуки счастливы, потому что когда счастливы они – счастливы мы, это дорогого стоит. Спасибо, что пригласили

и спасибо, что приняли нас. С Новым годом!

Бокалы зазвенели, и каждый с улыбкой сделал свой глоток, я же не переставала удерживать ладонь бабушки. Я точно знаю, что между нами особая связь, потому что мы похожи не только внешне, ещё мы отдаёмся одному делу. Я чувствую её нежность в отношении себя, и самое главное, я ощущаю любовь, которой мне так недоставало. Они приняли меня, я в ответ приняла их.

– Спасибо, Грейс, – тихо сказал дедушка, посмотрев на меня с какой-то отцовской любовью. В душе заскрипело и одновременно запело, из-за чего я еле сдержала слёзы, которые были готовы вырваться на волю. Мне стало стыдно за саму себя, за своё поведение.

– Я должна извиниться.

– За что?

– Я была груба и резка.

– Ты вела себя так, как вела бы любая девушка, я горд, что ты выросла именно такой… И прости, если обижу тебя, но я рад, что ты не похожа на родителей.

– Это именно то, чего я хочу: не быть похожей на них.

Дедушка улыбнулся и, подняв бокал, сделал жест того, что сейчас сделает глоток за меня, за нас. Я сделала то же самое. Во всём должна быть взаимность. Не бывает такого, где один делает всё, а другой ничего. На ней строятся любые отношения, для меня она опора и платина для всего.

Разговаривая на отвлеченные темы, мы совсем не замети-

ли, как стрелки часов поднялись до точки двенадцать часов, говорящих о приближении Нового Года, в который мы сделаем шаг вместе. В зал вышли повара, официанты и весь тот персонал, что присутствовал на смене. Посетители за каждым столом подняли свои бокалы, и мы не отставали. Отсчёт секунд в обратном порядке подхватили все, в итоге стены ресторана наполнились десятом голосом, а после ликующими свистами и звоном бокалов.

Этот год станет для меня чем-то большим, не той бессмысленной сменой дней и месяцев, в круговороте которых я жила, а чем-то совершенно другим. Я хочу в это верить. Я хочу, чтобы именно так и было. Когда до ушей донёсся резкий удар, с помощью которого бокал из ладони Литы разлетелся вдребезги, я выпала из мира грёз.

Рома, который с таким же беспокойством смотрел на неё, как и все остальные, держался за живот жены, пока сама она загнулась и застонала.

– Лита? – потрясывая её плечо, он с округлёнными глазами молча искал помощи и поддержки семьи, по которой бегал беспокойным взглядом.

Десятки взглядов сомкнулись на нашем столике, когда миссис Фуэнтес взяла её за руку и начала вторить:

– Вдох-выдох, дорогая, вдох-выдох, всё хорошо.

Слушая её, Лита послушно выполняла упражнение, плотно зажмурив глаза и держа ладонь Рома и миссис Фуэнтес. На лице первого отражалось волнение, паника и боль, кото-

рую ему причиняла жена сильной хваткой, кажется, что я даже видела, как побелела его кожа под ногтями Литы, но Ром не издавал и звука против. Продолжая дышать, она постепенно начала приходить в норму и выпрямляться, а у всех остальных отлегло от сердца. И у меня в том числе. Живот у неё маленький, а это говорит о небольшом сроке, ей рано рожать, хотя, карты Таро в руках Марии говорят об обратном.

– Теперь всё в порядке, – улыбнулась миссис Фуэнтес, – тренировочные схватки.

– Обосраться можно, – протирая ладонями лицо, бубнил Ром.

– Прекрати так выражаться, – шлёпнув его по руке, она улыбнулась и посмотрела на нас, – надеюсь, когда-нибудь и вы подарите нам внуков.

У Диего чуть ли полилось шампанское через нос, я же вытаращила глаза, посмотрев на него. У нас будут дети? Признаться честно, я мечтаю о семье с ним, но до этого ведь так далеко, наши отношения напоминают перепады погоды, где солнце то видно, то оно скрывается за серыми тучками. Нам нужен баланс и стабильность, а смотря на нас ни о какой стабильности не может и быть речи. Мы оба в одну секунду можем стать ураганом, и тут же перейти в лёгкий приятный ветерок. Я решила оставить эти слова и не отвечать, Диего пошёл по моим стопам. Мария, которая похихикивала, смотря на нас, получила от меня прищуренный взгляд и мысленный посыл перевести тему.

– Как думаете, на кого они будут похожи? – продолжила она, когда у меня пересохло в горле. Обязательно скажу ей за это спасибо.

– Мария! – суровым голосом решил остановить её Диего.

– А что? Ты что, не можешь представить?

– Мы можем говорить о чём-то другом?

– Можем, но что в этом такого?

Диего закрутил головой и тяжело выдохнул, я же искоса взглянула на бабушку с дедушкой, на губах которых бегала тень улыбки. Конечно, на бабушке она была видней, потому что лицо дедушки выражало ещё задумчивость.

– Я должна дописать с тобой сочинение, – улыбнулась я, чтобы вытянуть его из круговорота подобной болтовни, и заодно остановить болтовню Марии.

– У нас был договор, – кивнул дедушка.

– Какой?

– Ты выиграешь этот матч.

– А если нет? – хихикнула я, потому что при сегодняшнем положении наших взаимоотношений, он вряд ли скажет мне то, что говорил когда-то.

– Значит, мы сделаем это в следующем году, – пожал плечами дедушка, – но мне бы хотелось в этом. Ты способна надрать их задницы и в этом, докажи мне, что из Диего хороший тренер.

Широко улыбаясь, я посмотрела на мужчину рядом, который больше не слушал Марию, а прислушивался к моему

диалогу с дедушкой. Положив голову на его плечо, я устремила взгляд к дедушке.

– Я докажу это.

Диего тихо засмеялся, обняв меня за плечи, после чего, оставил на моём виске поцелуй, из-за которого я прижалась к нему сильней и закрыла глаза, утопая в объятиях и нежности, которую познаю только я, как первооткрыватель. Моё примыкание к Диего длилось не долго, потому что руку начала тащить Мария, поднимая меня со стула.

– Ты должна пойти со мной!

– Куда?

– Танцевать, – улыбнулась она, махнув головой в сторону свободного пространства, где танцевало несколько человек.

– Ты делаешь это специально? – засмеялся Диего.

– Что хочу, то и делаю, это и моя подруга, – показа ему напоследок язык, она утянула меня за собой. Тело моментально начало отзываться на ритмы музыки, и я уже совершенно не противилась желанию Марии.

Смеясь, мы держались за руки, и размахивали волосами в разные стороны, под песню Alle Farben, Justin Jesso, Yves V – As Far as Feeling go. Улыбка Марии достигала моего сердца, потому что она та самая настоящая и искренняя подруга, которая никогда не была рядом со мной. Я не знаю, чем могла заслужить её дружбу, но за это я готова отдать ей в два раза больше. Мне трудно представить, по какой причине наше общение может прекратиться, но я не допущу ни одной

той, что разведёт наши пути. Как бы не было больно, но я понимаю, что этого не произойдёт, даже если я и Диего решим завершить отношения, чего я тоже не желаю. Каждый из них плотно залез под кожу, и я могу сказать, что это сделала даже Полли. Не знаю как, но ей удалость вбить чернилами своё имя в мою душу. Да и чего говорить, ведь наша мнимая ненависть построена на Алане, и я готова прекратить эту войну, помахав белым флагом. Впервые в жизни я хочу сдаться, потому что когда-то должен восторжествовать мир.

Мария, повисшая на моей шее, озорно смеялась, и я подхватила её смех, заключив в кольцо своих рук. Я люблю каждого таракана в её голове, мне плевать на болезнь, потому что для меня – её не существует, есть только она – моя подруга, та, что понимает и принимает меня.

После своих танцев, мы приземлились на стулья и с большим аппетитом приступили к слишком позднему ужину. Под тёплой улыбкой, которую дарила мне миссис Фуэнтес, я практически тлела. Как же быстро чужая семья может стать тебе до боли родной и близкой, ты начинаешь понимать каждого, смеёшься над их шутками, переживаешь их невзгоды и готова подставить своё плечо в любой момент. Это я обрела тут, но самое главное, я обрела того, кто сидит по правую руку от меня. Он не иначе, как мой подарок за все пережитые трудные ситуации. Я не хочу думать, что когда-нибудь это закончится, потому что не позволю подобному случить-

ся, я стану второй Иви, если оно того потребуется. Я готова на многое, ради него, даже если ни на всё.

Посмотрев на Диего, я улыбнулась и примкнула к его плечу, обвив сильную руку своими и оставив на ней поцелуй. В ответ, мною была получена взаимность, когда губы Диего коснулись моей макушки. Поставив подбородок на его плечо, я заглянула в тёмные глаза. Это моя вселенная, под названием Фуэнтес.

Глава 31

Бессонница докучала и раздражала и без того нервную меня. Завтра состоится матч с Брайантовским университетом и я, мать вашу, хочу сравнять с землёй каждую сучку команды противников. Та ситуация танком, который сбил меня в самом начале мачта – не повторится, иначе Бейкер пластом ляжет с той сучкой, которая позарится вырубить меня с локтя. Тёплая рука Диего, покоившаяся на моём бедре, огибая талию в крепкой хватке легла на пустое место кровати, которое я только что покинула.

Спасибо тому, что я принесла краски в его квартиру, дабы развлечь себя, пока он ведёт тренировки по лакроссу. Этой ночью – они могут стать спасением от негативных эмоций, загрузивших мою голову и тело.

Поставив мольберт, я заняла стул и включила песню Tom Walker – Leave a Light On. Подогнув под себя ногу, мной был сделан первый взмах кистью фиолетового цвета, который по своей сути говорит о неком глубоком стрессе, который я сейчас испытываю. Это было непроизвольно: я поддалась чувствам, которые привели к этому оттенку. Следующим цветом стал желтый, ассоциирующийся с теплом и радостью, которую я испытываю рядом с человеком, на данный момент крепко спящем в соседней комнате. Эта песня стала моим сегодняшним вдохновением, по этой причине, я каждый раз

включала её на повтор.

Настолько глубоко мне удалось уйти в себя, закрыв глаза и поддавшись слепому доверию кисти, что мной не сразу был замечен тот факт, когда вокруг талии обвились руки, которые пускали разряды тока по телу. Убрав волосы в сторону, Диего оставил дорожку нежных поцелуев по плечу, поднимая каждую волосинку и мурашку на коже, от чего я вновь непроизвольно закрыла глаза, тая, словно шоколад под полнящим солнцем. Откинув голову назад, я открыла до него ещё больший доступ к своему телу, которым он владеет словно великий пианист, знающий каждую клавишу своего фортепиано.

– Продолжай, – шепнул он у моего уха, оставляя ещё один томительный поцелуй за мочкой, из-за чего я вздрогнула.

Холст начал наполняться новыми линиями различных оттенков, представляя собой незамысловатые тонкие и жирные полосы. Иногда эти линии резко оборвались, либо оставались протянутыми в зависимости от того, где оставлял свой поцелуй Диего и куда скользили его ладони. Моя песня так и продолжала беспрерывно крутиться, наполняя это мгновенье ещё большей интимностью и нежностью.

– Я хочу, чтобы ты тоже оставил свой след, – едва слышно попросила я, протягивая ему кисть.

– Я не умею рисовать, Грейс, – прошептал Диего.

– Это просто мазня, – вздохнула я.

– Это не просто мазня, – покрутил он головой, повернув

моё лицо к себе за подбородок, – никогда так больше не говори. Это твои эмоции.

– Я хочу, чтобы мои эмоции стали нашими.

– Хорошо, – кивнул Диего, медленно взяв кисть из моих рук и оставив свой синий след на холсте. Цвет ночи, у меня ассоциируется с загадочностью, а именно таким является Диего. Он – тайна, со своим очарованием и недоступностью.

Диего не остановился, следующим цветом стал зелёный, означающий гармонию между мужским и женским началом. Он вряд ли думал о значении цветов, а вот я изучала каждый оттенок и нажим кисти, который он совершал, продолжая осыпать моё тело поцелуями, сводящими с ума.

Повернув голову, я встретилась с губами, от которых не могу оторваться. Я всегда думаю о его поцелуях: таких трепетных, нежных, осторожных, но в то же время настойчивых, грубых и остервенелых. Я целиком отдаюсь той страсти, которая граничит с крайностью безумия между нами. Запустив руку в темных затылок, я опрокинула голову на его плечо и сплелась с ним языком в танцах.

Прохладная кисть заскользила по ложбинке между грудью, которую открывала тонкая белая хлопчатая рубашка, застегнутая на насколько пуговиц. Следующая линия на моём теле протянулась вдоль руки. По телу пробиралась дрожь от каждого движения кисти по коже, пока поцелуи Диего становились такими горячими, что сейчас от меня могла остаться лишь кучка пепла.

Забрав кисть, я полностью обернулась, сев поверх его и обвив ногами его ноги, словно лиана. Положа ладонь на грудь, я помогла Диего откинуться на спинку стула, дабы открыть для себя пространство. Узор красной кисти пошёл по крепкой груди к торсу, огибая каждый кубик пробивающегося пресса его тела. В эту минуту, жаркие ладони вели вдоль моих бёдер, воспламеняя пожар в душе и теле.

Пока узоров на его теле становилось больше, Диего не оставался в долгу: расстегнув пуговицы рубашки и открыв грудь, он подхватил краску пальцем и заскользил им от шеи к груди, из-за чего я не сдержала стон, откинув голову к потолку и закрыв глаза от наслаждения его прикосновений.

– Ты такая сексуальная, когда прикусываешь губу и так делаешь, – прошептал он, проведя ладонями по талии к груди, которую сжал в ладонях, доводя до пика, когда я готова взорваться только от одного его хрипловатого шёпота и касаний.

Проглотив слюну, я вернула взгляд к тёмным глазам и прильнула ближе, проведя ладонью по груди, на которой смазала краску и оставила её на его шее. Вырисовывая рисунки языком, я пошла вдоль шеи, спускаясь ниже к груди. Ладони уже пробрались к выпуклому месту на шортах, двигаясь вверх-вниз. Плавно сползая с его коленей, я заняла позицию у ног, попутно стягивая шорты, которые упали вниз.

– Чёрт, Грейс, – хрипло выругался Диего, когда я сомкнула на нём губы.

Положив ладонь на мою макушку, он откинул голову вверх и снова выругался, когда я подключила язык. Наблюдать, слушать вздохи и доставлять ему подобное удовольствие – приводило меня в ещё большее возбуждение. Никогда и ничего такого раньше со мной не было. Первый раз подобного рода занятие, возбуждает меня не меньше того, кому это делается. Смотря на то, как он запускает пятерню в волосы и отдергивает их, издавая при этом самые сексуальные звуки на свете, я начинала отдаваться ему с ещё большим рвением. Как только наши глаза встретились, – Диего резко поднял меня с пола и уложил на стол, скрывшись головой между моих ног, что заставило тело выгнуться на плоской поверхности, словно я – радуга, возникающая после дождя. Язык, который огибал каждую клеточку и доводил до дрожи, был настолько неутолим, что уже через минуту меня затрясло, а руки мертвой хваткой вцепились в края стола.

Поднявшись, Диего притянул моё тело ближе и заполнил собой, из-за чего я вновь выгнулась и издала громкий стон, который наверняка донёсся до всех соседей в доме. Но в этот момент мало волновало то, что нас может кто-то слышать. Сейчас мир померк и остался где-то вдали, как и всегда, когда мы находились наедине.

Пока я не разлетелась и не очутилась в реальности, всё для меня было пустым. Мир пуст, если в нём нет поцелуев и рук Диего.

Следы краски были разбросаны по всему моему телу, как

и на Диего, шея которого была в точках от моих пальцев. Когда он поднял голову и заглянул в мои глаза, после нашего обоюдного завершения. Оставив нежный, но колючий из-за щетины поцелуй на внутренней стороне моего бедра, он отстранился, а во мне зажегся новый пожар. С ним – я становлюсь ненасытной.

Расставив ладони по обеим сторонам моей талии, Диего навис надо мной, с лёгкой улыбкой на губах.

– Когда ты лежишь на столе голая и в краске – это что-то.

Поднявшись в сидячее положение, я запустила пальцы в его волосы, примкнув губами в поцелуе.

– Я хочу ещё, – прошептала я между сплетением наших языков.

На губах Диего вновь заиграла довольная улыбка, после которой он рыкнул и, одним махом, поднял меня со стола, заняв стул. Теперь он принадлежал только мне, позволяя мне управлять ситуацией.

Краска делала этот момент ещё восхитительней, поэтому забрав на пальцы несколько оттенков, я провела ими вдоль сильной руки, удерживающей меня. Наши поцелуи вновь становились настойчивыми и обжигающими. Я чувствовала, как по спине стекают капли краски, которые оставил Диего. Положив ладони на его плечи, я задвигалась. И быть сверху – это что-то неземное. Я полностью контролировала процесс, который будоражил кровь.

Откинув голову назад, я закрыла глаза и погрузилась в

наш мир, который закрыт от всех тысячью замками и печатями. Никто не способен разрушить эти чувства, пылающие между нами. Мы оба без остатка отдаёмся и сгораем в них. Всё то, что было до – никогда не сможет сравниться с тем, что есть сейчас.

Обернув мою шею рукой, Диего запустил пятерню в волосы на затылке, привлекая меня ближе. Соприкоснувшись с ним лбом, я смотрела в тёмные глаза, которые видели каждый потайной уголок моей души.

– Я люблю тебя, Мелтон, – прохрипел Диего, полностью обезоружив меня словами, которые помогли огню на пике дойти до бомбы, взорвавшей меня изнутри.

Не останавливаясь, я помогла ему дойти до того же, прошептав возле губ:

– Я люблю тебя, Фуэнтес.

Упав лбом на плечо Диего, я тяжело дышала, но не могла понять: от нахлынувших чувств и от того, что услышала взаимность, или же от того, что устала. По коже бегали мурашки, поднятые словами и его близостью, которая всегда туманит разум.

– Продолжишь картину? – прошептал он.

– Если ты поможешь.

– Хорошо.

Как только одежда вернулась на тело в виде шорт Диего и моей рубашки, он занял тот же стул, где между его ног устроилась я. Взяв кисти в руки, мы наносили различные мазки

на полотне, которые пересекались друг с другом, как и наши чувства.

Рисование всегда было для меня слишком интимным моментом, в какой-то степени глубже и проникновенней, чем секс. В такие минуты я всегда оставалась наедине со своими чувствами и мыслями, не желая делиться ими в виде разговоров. Мне всегда нравилось показывать себя на картинах. Понимали эти эмоции лишь те, кто разбирается в искусстве, но разве я желаю кричать на весь мир о своём внутреннем переживании? Нет. Сегодня я первый раз пустила в своё пространство кого-то, но в этом человеке я тону с каждым новым днём глубже и глубже. Лишь он может познать и раскрыть меня так, как никто другой. Лишь ему позволено читать меня как открытую книгу.

Капля краски расползлась по кончику носа, благодаря Диего, который это сделал, тихо смеясь над моим лицом. Сузив глаза, я подхватила чёрный цвет и одним взмахом провела линию на его щеке.

– Это было зря, – засмеялся он, смахнув ладонью краску, но лишь ещё больше размазал её по лицу.

– Это тоже, – улыбнулась я, указывая на своё лицо, где была краска.

– Тебе просто подходит красный цвет.

– А тебе чёрный, – пожала я плечами, за что вновь получила новую порцию узора на лице.

Визгнув, я подскочила со стула и отпрянула в сторону. На-

ши тела и без того в цветах радуги, а теперь ещё и лица, стягивающие кожу из-за быстрого засыхания. Выпрямившись, Диего поднял один уголок губ, смотря на меня из-подо лба тем взглядом, который всегда сбивал с ног. И сейчас исключений не было. Я приросла к полу, а он успел подхватить меня на руки, сделав резкий поворот вокруг собственной оси, из-за чего крылья за спиной расправились, а я озорно засмеялась, позволяя ему кружить себя.

Вернув меня на ноги в состоянии алкогольного опьянения, но без алкоголя, я оставила поцелуй на предплечье Диего и вернулась к мольберту.

Смотря на то, что у нас получилось: я растянулась в улыбке. Это лучшая картина, написанная мной. В ней всё – каждая клеточка души, которую я отдаю Диего, делающего штрихи вместе со мной. Наверно второе место пьедестала займёт тот образ, который я сделала карандашом в библиотеке. Я никогда и ни за что не выброшу тот рисунок, но и не покажу кому-то. Он всегда будет со мной, как оберег или талисман. Диего его видел, но ему я позволяю видеть свою уязвимость.

– Время пять утра, через пару часов ты должна встать на лекции, – оповестил меня Диего, пока я полоскала кисти.

Вздохнув, я согласно кивнула, но не желала, чтобы эта ночь завершалась, в ней было всё: интимность, нежность, страсть, таинственность и любовь. Она стала той, что притянула нас друг к другу ещё больше, потому что в ней прозву-

чали признания в любви.

Смыв под душем краску с тел, мы упали в кровать и примкнули в обоюдных объятиях, переплетая руки и ноги.

Также быстро, как пришёл сон – начал верещать будильник, говорящий о том, что пора возвращаться в реальность, где я – студентка, а Диего – преподаватель. Никаких взглядов, прикосновений, улыбок, поцелуев и отстраненных от темы тренировок разговоров. Одновременно с благодарностью университету за наше знакомство, я проклинаю его, потому что мы не можем быть вместе открыто. Мы должны прятаться и скрывать чувства, разрывающие изнутри.

Выскользнув из-под тёплых рук и одеяла, я собрала по полу вещи и покинула комнату. Обычно завтрак готовил Диего, ведь ему никуда не нужно спешить, чего не сказать обо мне. Вряд ли он проснётся до моего ухода, ведь наш сон длился пару часов, но почему-то в это утро я бодра, как никогда ранее. Наверно, чувства окрылили меня настолько, что утро стало добрым. Оно всегда было добрым, если я оставалась у него.

Сделав завтрак для себя, я не забыла о Диего, который вскоре встанет и обнаружит его на столе. Я люблю готовить для него, но никогда не была жаворонком, а вот Диего именно такой, потому что просыпался в пять или шесть утра. Не понимаю, откуда у людей такое рвение покидать кровать в туман и прохладу, когда можно понежиться в тёплой постели.

Горячие ладони коснулись моей талии, а следом за ними, на мою шею легли губы, из-за неожиданности – я вздрогнула, но улыбнулась.

– Ты сошёл с ума.

– Почему? – томно прошептал Диего, оставляя поцелуи за ухом.

– Потому что ты можешь спать ещё как минимум несколько часов.

– У меня тренировка по лакроссу в восемь.

Выдав нечленораздельное мямление, я встретила с ним губами, а следом указала на стул:

– Завтрак готов.

– Мне нравится, что сегодня готовишь ты, – улыбнулся он, направляясь к столу, – и отличная попка.

– Если ты будешь спать дольше, то его могу готовить я, – завернув лицо и посмотрев на то, как Диего вальяжно занял стул, блуждая по мне взглядом, который запускал волну мурашек по коже, после чего, мои глаза обратились к столу, а щеки вспыхнули. Совсем недавно я была на нём абсолютно голой. Диего, кажется, понял всё по моему взгляду, потому что вскинул бровь с ехидной улыбкой на губах. Оторвав внимание от поверхности, я вернула взгляд к мужчине за столом, решив поблагодарить за лесть, – и спасибо за комплимент.

Спешно закинув в себя завтрак, я оставила поцелуй на щетинистой скуле и поспешила в университет, потому что опаз-

дывала. Впрочем, как обычно.

Чему я была невероятно благодарная, так это тому, что данные лекции проведу в одиночестве. Сейчас я не хочу слушать даже тупые шутки Оливера, и уж тем более не желаю встречаться взглядом с Аланом, который в последнее время и вовсе ушёл в себя. Ведь я не слепая. Может быть, его чувства начали рушить нашу дружбу, но я всё та же Гри, от которой не ускользнёт его притворные улыбки и тоска. Он всегда будет моим лучшим другом. Я лишь надеюсь на то, что он вскоре опомнится и снимет розовые очки, сквозь которые смотрит на мир и меня в том числе.

Время до начала матча приблизилось моментально, я не заметила, как пролетели лекции и то, как ноги перебирались по тропинке. Курт, который занимался организацией матча между нами и сучками из Брайантовского, сейчас стоял рядом с рефери и что-то обсуждал. Заметив нас, они кивнули ректору университета соперников, и на поле вышли главные танки, которые сегодня будут умолять нас, чтобы мы не засунули им наколенники в рот. Толпа и без того ревела, а теперь к ней добавились новые визги стороны противников, а точней, их болельщиков.

Вальяжной походкой они дошли до линии, где уже стояли мы. Практически не двигаясь и не дыша, мы сверлили друг друга взглядом, пока не началась игра. Нападающий их команды быстро передал пас между ног игроку из своей команды. Одна из наших девочек тут же оказалась возле него, в то

время как противник попытался передать мяч другому игроку. Она быстро перехватила мяч и кинула Полли, которая, чертовски офигенно сделала манёвр и сделала пас в очковую зону. Судья подал знак, и наша команда сплелась звездой, положив руки друг другу на плечи. Нас никто не мог услышать, кроме нас самих.

– Сучка-Макмайклз, которая играет их квотербеком, должна умереть в эти десять минут, – практически кричала Донна. Сучка-Макмайклз, как назвала её Донна, на самом деле оказалась ещё той сукой: она была меньше Донны, из-за чего ловко выбивала из-под её ног землю, пробираясь к ней, словно змея.

Все кивнули, давая немую клятву.

– Тринадцатый номер крикнула мне, что мы будем сосать член парней из их команды по футболу. Докажем им, что все будет в точности наоборот.

– Тринадцатый номер – Авани Кэмпбелл, – прошипела Полли, – я знаю, где живёт эта гнида, так что после матча навестим её.

Мы рассмеялись, стукнувшись кулачками.

– Так, теперь серьёзно: мы должны выиграть. И не просто выиграть, а так, чтобы их вынесли отсюда дохлыми. За работу! – крикнула я голосом капитана.

Каждая из моих девочек кивнула в знак понимания. Прорычав кричалку, мы вернулись в игру, готовые рвать и метать всех на своём пути.

Гул студентов сопровождал всю игру, пока мы сбивали с ног наших противниц и зарабатывали очки. Последние десять минут, когда счёт был равным. Америка попыталась кинуть мне пас в броске, что можно только один раз, но огромная сучка толкнула её так, что каждый из присутствующих слышал хруст костей Америки. Проводив её печальным взглядом, мы мысленно пообещали ей победу, и мы сделали это: в последние минуты мы с Полли, как и в тот раз, играли в паре; она подала мне мяч с рук, когда мы находились далеко до той зоны, которая принесла бы нам большее количество очков. Мне ничего не оставалось, как бежать туда, сломя голову и, огибая всех противниц, которые смотрели на меня голодным взглядом. Одна из них увязалась за мной, и в ней я увидела схожесть с той самой сукой из Колумбийского, которая в прошлый раз заставила меня видеть звёзды и слышать другие голоса в голове. Неконтролируемая ярость овладела мной: я пошла на неё, не задумываясь ни о чём. В глазах я видела лишь темную пелену, на которую не обращала внимание, стремительно летев сторону этой шлюхи.

– Нет, Грейс! Ты должна отпустить её! Мы надерём их зад потом, детка. Беги, блядь, Мелтон! Сделай это! – кричала Полли где-то далеко от меня, но я услышала её: сквозь гнев я всё-таки смогла расслышать её голос. Подмигнув своей добыче, я сменила курс и сделала грандиозный пас, который послужил победой.

Стадион наполнился криками, которые я уже не слышала.

Вкус победы затмил всё, что было, но лучшими стали объятия Полли. Она и другие девочки оказались возле меня сразу же после подачи. Каждая из них обняла меня, накладываясь слоями друг на друга, но единственная, кого я смогла почувствовать, была Полли.

– Ты смогла.

– Мы смогли.

Радость была такой, что не описать словами. Каждая из нас смотрела на кучку бродящих танков по полю, лица которых представляли собой мину из дерьма.

– Эй, – крикнула я стаду лузеров, пока наши болельщики голосили на трибунах в радостных овациях, – вы дважды должны отсосать нашим парням.

И без того мрачные лица, начали краснеть, в особенности танка под номером тринадцать, ибо данное предложение выражала она. Пора окунуть её ротик в смазку, потому что парней в нашей команде достаточное количество для мозолей. Кажется, что у каждого танка – дрогнул глазной нерв.

Отсалютовав им средние пальцы, девочки зашагали в сторону дверей, бурно обсуждая прошедший матч, я же сделала вид, что хочу немного отдышаться, потому что чувствовала взгляд Диего. Перешнуровав бутсы, я поднялась с травы и медленно направилась к дверям, зная, что буду догнана. Как только дверь разделила меня от трибун и гула толпы, я почувствовала рядом человека, который сделал эту ночь восхитительной.

– Ты была невероятной, – улыбнулся Диего, медленно передвигая ногами так же, как и я, потому что мы оба не хотели разлучаться.

– Была? – шутя, выгнула я бровь и скрестила руки под грудью, остановившись в центре коридора, в паре футов от двери в раздевалку.

– Ты невероятная, – улыбнулся Диего, заправив выпавший локон за ухо и попутно проведя костяшками по щеке, положил ладонь на моё плечо, пуская новые разряды электромагнитных волн по телу, – машина для убийств.

– Фуэнтес, это должно звучать, как комплимент? – улыбнулась я, сдержав порыв рвущегося наружу смеха.

– Вроде как… – оборвался он на полуслове, резко завернув голову в сторону дверей. Лицо Диего помрачнело, как и моё, когда я проследила за его взглядом.

Алан. Не сомневаюсь, он видел и слышал абсолютно всё.

Сердце у меня застучало с такой силой, что я была готова выплюнуть на пол все отбитые органы, но ещё с дикой агонией, оно упало в пятки. Так, как страшно мне было сейчас – никогда не было. Весь мой вид показывал то, что я в ужасе, хотя я старалась держать холоднокровие. Алан знает меня хорошо, и легко всё поймёт по округлившимся глазам. И он понял, а я взмолилась всем богам.

– Это правда? – заорал мой, скорей всего, бывший лучший друг, направляясь к нам тяжёлыми шагами, которые затмевали стуком ор толпы за стенами университетских кори-

доров.

– Алан, я всё объясню, – спешно начала оправдываться я, хотя знала, что уже поздно.

– Ты трахалась с ним? – продолжал орать он, пронзая меня убийственным взглядом, который переходил с Диего на меня и обратно, – отвечай, твою мать! Ты трахалась с ним?

– Алан, пожалуйста… – начала задыхаться я, пытаясь успокоить друга и положив руку на его предплечье, но она тут же была скинута, словно раскалённый уголь, попавший на кожу. Алан смотрел на меня ожидая ответа так, словно я самое отвратительное существо на свете.

– Я должен разобраться сам, – вступил Диего, заслужив такой злобный взгляд Алана, что у меня перехватило дух, а язык будто застрял в сухом горле. Ещё никогда мне не открывался друг с подобной стороны.

– С чем ты должен разобраться? – рычал Алан грубым и громким тоном, который наверняка было слышно даже в Гарвардском университете, – Полли была права! Чёртов ублюдок, ты трахал её! – в эту секунду кулак Алана влетел в скулу Диего и всё, что я могла – пискнуть, в ужасе отпрянув назад.

Слёзы катились по щекам с бешеной скоростью, из-за чего силуэты двух мужчин, кулаки которых влетали в лица друг друга – расплывались.

– Алан! – опомнилась я, пытаясь разнять вцепившихся друг в друга самых родных мужчин своей жизни, – пожалуй-

ста… Диего!

На мои крики из раздевалки выбежали девочки. На лице каждой отразился такой ужас и одновременный писк, что в ушах зазвенело. Было поздно что-то делать, уверена, они слышали, потому что я успела зацепить ошарашенный взгляд Донны, которая застыла с выпученными глазами. Собственно, такой взгляд был у каждой.

– Ты трахал её! – орал Алан, не переставая взмахивать кулаком, но изначально было известно, что Диего легко будет доминировать над ним.

Итого: оба совершенно потеряли рассудок, вместе с ними это сделала я. Теперь кулак Диего рассеивал воздух и врезался в лицо Алана. В эту секунду я напугалась настолько сильно, что упала на пол, прижавшись спиной к стене и дрожа от истерики, которая накрывала меня, словно цунами. Хватая воздух, я не могла выдавить и слова, потому что горло сковал ужас.

– Диего… – хрипло прошептала я, когда он очередной раз расселил воздух кулаком, над окровавленным лицом Алана, но застыл, встретившись со мной взглядом.

Отпрянув от Алана, он поднялся на ноги, и сделал шаг назад, вероятно, не веря тому, что сейчас практически до смерти забивал моего лучшего друга. Подняв окровавленные руки в воздух, он запустил обе пятерни в волосы, пятясь назад, в то время как я продолжала всхлипывать и давиться воздухом, а девочки не трогаясь с места, смотрят то на меня, то

на двух окровавленных парней.

Взгляд Полли вновь стал настолько ледяным, что мог превратить этот проклятый университет в снежное королевство. Уголки её губ поднялись в язвительной улыбке, потому что она только что доказала перед всеми правдивость своих слов. То некоторые время назад, когда мы уловили мир на поле и помахали друг другу белым флагом – испарился, на смену товарищеской—Полли пришла сучка—Полли, полностью благоговеющая над сложившейся ситуацией. Она буквально ликовала, но ещё её взгляд был переживающий за Алана.

Кинувшись к нему, она получила не то, что желала в виде жилетки, в которую хотела позволить выплакаться, а скинутые руки и отстранение. Алан сам поднялся с пола, не наградив её даже взглядом. Он лишь смотрел на меня с такой отвратительной гримасой, что, казалось, будто его может стошнить прямо на меня от того, какой падшей я ему виделась сейчас. Я не знаю, сколько лёгкие не наполнялись кислородом, но судя по засухе во рту и жадном втягивании воздуха – долго. Бросив в меня окончательный взгляд, он прошёл мимо Диего, задев его плечом, но второй не шелохнулся. Глаза второго были черней некуда, и обращались ко мне. Я бы никогда не подумала, что Алан разукрасит Диего, как и Диего Алана, они оба отлично постарались.

Что. Я. Наделала.

Спина Алана исчезла за дверью, но самую большую боль

мне причинил Диего. Он ушёл следом. Они оба оставили меня. Вкус победы моментально испарился, на смену ему пришёл привкус крови и полного опустошения.

Глава 32

Когда ты остаёшься один, то мысли в твоей голове начинают оправдывать это положение. Ты либо принимаешь свою сторону и винишь всех, кроме себя, конечно же, в том, что ты остался совсем один. Или же ты начинаешь задумываться над тем, что это не твоя проблема. Уверяю, каждый из нас поначалу думает, что место рядом с нами, когда тот самый паршивец оставил этот стул рядом пустеть, займёт кто-то другой. Но признайтесь сами себе, пусть головой мы и понимаем это, но сердцем вы все ещё с тем самым человеком.

Когда Алан и Диего ушли, оставив меня одну и перед выбором, я поняла, что не смогу прожить без них, без каждого из них. Но если первый – мой лучший друг, то второй – любимый человек. И, к сожалению, мне пришлось сделать один из решающих выборов для исхода моей жизни. И я выбрала.

Поднимаясь по лестнице, в голове пытаюсь представить себе, куда мог уйти Диего. Он пусть и тёмная лошадка, но, в конце концов, он тоже такой же человек со своими же тараканами. И как бы я не бесилась из-за его скрытности, которая доводит меня до нервного срыва, – я все же терплю. Я люблю его, поэтому жду, когда он найдёт в себе силы и расскажет мне всё, что у него на душе.

Как только я оказываюсь на *нашей* лестничной площадке, я замечаю, что дверь в квартиру широко распахнута, пригла-

шая к себе всех, кто будет проходить мимо. Вздох облегчения вырывается их моей груди, и я влетаю в квартиру, шныряя по ней глазами, чтобы найти Диего. Как только я прохожу в гостиную, передо мной открывается потрясающий вид на настоящий бардак, который обычно не свойственен моему перфекционисту. Один шаг и я оказываюсь рядом со столиком, на котором разбросаны вырезки из газет. Прищурившись, я решаю для начала понять, что в них, а затем продолжить поиски. Моё сердце бешено стучит, потому что я понимаю, что эти фотографии, газеты, обрывки – это его прошлое. И я узнаю всё не от него, а от этих бумажек. Какое-то из моих «я» напоминает мне, почему меня бросил Арчер. Я вела себя, как жена, пытающаяся заподозрить своего мужа в измене, из-за чего прибегала к вторжению в личную жизнь. И то, что сейчас лежит на столе, – это личная жизнь Диего. Но жизнь меня ничему не учит, поэтому смахнув волосы назад, я сажусь на диван и смотрю на столик, нервно сглатывая. Я не знаю с чего начать. Глаза бегают по всему хламу и находят *её*. Тянусь к фотографии и дрожащими руками подношу к себе. На ней изображена девушка лет семнадцати. Её волосы собраны в тугой пучок на голове, но несколько прядей всё-таки выбрались из причёски. Она стоит где-то в лесу, улыбаясь фотографу влюблённой улыбкой не только губами, но и своими серыми глазами. Мои глаза начинают непонятно гореть, тогда я отбрасываю фотографию в сторону и хватаю вырезку из газеты. Я не понимаю ровным счетом ничего, по-

тому что абсолютно все написано на испанском. В очередной раз, убеждаясь в том, что я – ничтожество, которое не доверяет Диего, я беру телефон и навожу на текст для переводчика. С косым переводом я всё-таки улавливаю ужасную суть.

«Два дня назад весь Фолл-Ривер потрясла новость об ужасной аварии, в которой погибло более десяти человек. В ночь с третьего марта на четвёртое одна из скончавшихся в этой аварии – Алисия Контрерас ехала домой, в то время как в ее сторону проезжала фура, затем между ними произошло столкновение, снесшее ещё несколько машин. Насколько нам известно, Алисия не справилась с управлением из-за неисправного тормоза. Состояние в момент аварии всех погибших проверяется».

Алисия. Алисия, про которую говорила Мария? Ладно, Грейс, это просто несчастный случай, никак не относящийся к Диего. Выдохнув, я принимаюсь переводить другую газетную вырезку.

«Ещё никто не забыл об аварии, как ещё одно ужасное известие сотрясло наш маленький город. Погибшая в той страшной аварии Алисия Контрерас была пьяна, а также в ее крови нашли наркотики. Информация о том, как в её крови оказались наркотические вещества проверяются».

Энергично моргаю, уставившись в телефон с переводом. Не мог же Диего быть виноват в том, что его девушка была под наркотиками? Он, конечно, не святой, но я не верю в его причастность к этому. Он не тот человек, который может

убить, пусть и косвенно. На дрожащих ногах я поднялась с дивана и пошла на звук, доносящийся из ванной комнаты. Уже дойдя до двери, я чётче услышала всхлипывания, бормотания отборного мата и, несомненно, это был Диего. Прислонившись к дереву, разделяющему нас, я скатилась вниз, издав характерный звук, когда случайно задела плечом ручку двери, из-за чего та дернулась, а звуки по ту сторону прекратились. *Не берите меня на разведку. Из меня шпион точно такой же, как из Саманты скопидомка.*

Затаив дыхание, я попыталась сделать вид, что меня здесь нет. Зачем я собралась это делать; я не скажу на это абсолютно ничего. Мне просто нужно быть здесь, и это единственное, что я знаю точно, и что не подведёт меня никогда. Глупо верить сейчас в Диего, если он сам выбрал уйти от меня, хотя, рассматривать ситуацию с этой стороны тоже глупо. Я вскружила голову каждому из них, но если Алан в этом замешан случайно, то забраться к Диего глубоко в голову и грудь – моё желание. Моё страстное желание, которое овладевало мной каждый раз, когда я его видела. Я впервые в жизни настолько сильно полюбила человека, что готова отдать за него абсолютно все: своё сердце, душу, да, твою мать, я готова отдать всю себя. Что я могу на это сказать? Да ничего.

Как было и ожидаемо, всякие звуки по ту сторону двери попросту прекратились, и я уже начала сомневаться в том, что мне не показалось. Но затем я почувствовала спиной тепло, и я уверена, что оно принадлежит Диего. Он так же, как

и я, прислонился спиной к двери. В осознании того, что нас разделяет какая-то деревяшка, – это лишь чертова аллегория. На самом деле нас разделяет гораздо больше, чем кусок дерева.

Наконец набравшись смелости, я все же выдыхаю горячий воздух, который уже давно сидел в моей груди, но я никак не могла выдохнуть, чтобы не разрыдаться. Казалось, что если я сейчас сделаю хоть маленький вздох, то мозг поймёт – я жива, и начнёт подавать сигналы слёзным железам, и тогда я точно пропаду. Пока я не с мокрыми глазами, мне все ещё кажется, что я сильная, хотя это точно не так. Я самый слабый человек из нас троих.

– Диего, мы можем поговорить об этом? – сейчас я и смогу понять, скрывает он от меня что-то или же нет, ведь тем для разговора у нас две: сцена Алана и то, что находится на кофейном столике в гостиной.

И мне вновь начало казаться, что никого за дверью нет, потому что глухое молчание было ответом на мой вопрос. Как только я приподнялась, чтобы проверить свой разум и открыть дверь, он, наконец, заговорил.

– Я знаю, что давно должен был сказать тебе об этом, ещё тогда, когда понял, что влюблён в тебя, но это казалось мне чем-то недосягаемым. Можешь считать меня трусом, потому что я таковым и являюсь, ведь я боюсь, что ты отвернешься от меня после услышанного. Поэтому я должен предупредить тебя: твой уход убьёт меня. Но, чёрт, это твоё дело, и

я приму всё, хорошо?

Исчерпывающее начало, от которого у меня волосы встали дыбом. *Неужели это он убил ту девушку?* Мой мозг, наконец, начал работать, и я вспомнила всё, что мне рассказала Мария. Алисия – это та самая бывшая Диего, что сломала его. Значит, он решил ей отомстить, убив её? Бред. Но если это все серьёзно и он на самом деле сделал это, то останусь ли я с ним, зная горькую правду? Останусь, потому что я не способна уйти от него. Каждый может оступиться, это могла быть случайность, ошибка и вовсе не его вина. Я могу придумывать ему миллион оправданий, ведь именно так делает человек, который любит до потери пульса.

– Просто расскажи мне обо всём, а потом я уже решу, что нам делать, – я облизываю пересохшие губы и готовлюсь услышать всё, что он расскажет и доверит мне. Готовлюсь впитывать и осмысливать каждое его слово, придавая особое значение. Всё, что он сейчас скажет, решит нашу дальнейшую судьбу, и я не утрирую.

Ещё с минуту он молчит, а затем начинает рассказ:

– Ещё до моего рождения моя семья и семья Даниэля очень хорошо дружили. Они знали друг друга лучше, чем собственные родственники знают их же. Так вышло, что моя мама и мама Даниэля родили нас практически в один и тот же день, что послужило нашему сплочённому детству вдвоём. Пусть у меня и был Ром, но он часто зависал со своими друзьями. Как бы не звучало грустно, да и похрен, но мы ни-

когда не были с ним близки так, как я близок с Даниэлем. А потом родилась Мария. Я знаю, что он любит её больше, чем самого себя, как бы он этого не скрывал. Да и она любит его, я уверен, просто… она не готова признаться в этом, пока что. Практически в одно и то же время с Марией, родилась и Алисия – младшая сестра Даниэля. Так и вышло, что росли мы вчетвером. Наша четверка была самой безбашенной, нас боялась каждая бабка, и проклинал каждый дед, которому мы забрасывали мяч на участок, сбивая с ног садовых гномов. Пока Даниэль тайно воздыхал по Мари, Алисия была влюблена в меня. И её влюблённость доставляла неприятности абсолютно всем, потому что я не отвечал ей взаимностью, а она страдала, а значит, страдал и Даниэль, который в свою очередь трепал нервы Мари. Он решил, что лучший способ решить эту проблему, поговорить со мной. Он попросил меня, чтобы я начал встречаться с его сестрой, чтобы со временем она поняла, что я никакой не принц из её сказок, и тогда она забудет меня и эту глупую затею.

– Это же неправильно. Ты ведь не испытывал к ней ничего, – возмутилась я. Если бы со мной поступил так парень, то он бы остался без шансов на детей, – пусть вы были ещё детьми, но ты мог разрушить все её представление о любви с детства.

– Да, согласен. Я готов надавать себе по шее за это, но какой теперь от этого толк? Я просто знаю, что не допущу таких ошибок больше никогда, – недовольно ворчит он, при-

знавая, что был неправ. Очень неправ. Чертовски, – но я любил её, пусть как сестру, но любил. Поэтому мне пришлось согласиться. Со временем стало всё только хуже. Наш план потерпел крах, потому что она не только не забыла об этих чувствах, но и укрепила их. Я сдался и просто начал позволять проводить ей время со мной. Мне стало безразлично, я устал стараться показать ей свою не идеальность. К выпускному классу отношения с ней начали выжимать из меня соки, поэтому я часто пропадал вне дома и нашего квартала, чтобы не видеть её. Я не скажу, что она ужасная, нет, она потрясающая, но я был не для неё, а она тем более не для меня. В это время, пока я шатался подальше от дома, я познакомился с группой парней, во главе которых был один парень – Энрике. Он пользовался уважением среди них, но я единственный видел в нем то, что не видел никто – сущность змеи. Он готов был прыснуть свой яд в любого, как только тот повернётся спиной или даст повод усомниться в себе. Сначала с ними были прикольно, мы проводили время на вечеринках, курили, рисовали граффити, бегали от шерифа и прочая хрень. А потом эти идиоты начали промышлять наркотой. Один парень нашёл у своей матери, которая работала фармацевтом, капли в глаза с наркотическим эффектом, которые могли знатно вшатать тебя, если ты закапаешь их в нос. Они проверили это и решили, что это способ нажиться на пацанах помладше. Но так как капли были только по рецепту, они выкрали парочку тюбиков и начали разбавлять с

водой пропорцией один к одному. Эффект был не такой, но подросткам нравился.

– Ты говорил, что никогда не принимал наркотики, и что ты против всего этого дерьма. Ты не мог соврать мне, я видела твои глаза. Ты говорил правду, Диего.

– Я не врал тебе, Грейс. Я в самого дела не принимал их. Когда они начали продавать наркоту, я сразу же сказал им, что сваливаю. Энрике был против. Этот ублюдок решил, что может управлять мной, но не мог ничего сделать против моего слова. Решающим ходом для него стала вечеринка в честь выпуска. Перед ней я поговорил с Даниэлем, и мы решили, что мне пора завязывать играть в эти игры с Алисией. Я должен был расстаться с ней. Энрике подслушал наш разговор и приперся на вечеринку. Он подошёл к нам с Алисией, когда я увёл ее на улицу, чтобы покончить со всем. Энрике начал гавкать сначала на меня, а потом на Алисию. Я хотела как следует начистить его лицо, но она была против. Энрике увидел, что я не стану отвечать на провокацию в свою сторону, поэтому рассказал Алисии наш разговор с Даниэлем. И я сорвался… я бил его, бил, и ещё сильнее бил, пока он не отключился. Но когда я обернулся, чтобы посмотреть на Алисию и убедиться, что она все ещё тут, – она уже бежала к машине. И тогда я понял, что за это время я полюбил её не как сестру, а как девушку. Я мчался за её машиной, звонил ей, но когда поднял глаза на дорогу, её машина полыхала.

В моём сердце что-то кольнуло, из-за чего я судорожно

схватилась за грудь рукой, пытаясь привести в норму дыхание:

– Что было дальше?

– Она скончалась на месте. Я был счастлив, что её семья не обвиняла меня в её смерти, но не мог сказать того же о себе. Я страдал. Умирал изнутри. Через два дня мне пришла повестка в суд. Оказалось, что её смерть спихнули на меня: кто-то из шайки Энрике имел связи и подкинул данные о том, что в крови Алисии найдены наркотики. А затем сам Энрике пришёл к шерифу и напомнил ему о взломе в аптеку, когда были украдены десятки упаковок с тем каплями, которые как раз его шестерки разбавляли и продавали детям. Они спихнули всё, что сделали сами, на меня.

– Почему они это сделали? За что они так поступили? – наивно не понимала я.

Диего горько усмехнулся.

– Они натворили много дел, за которые их должны были предстать под ответственность. Им просто нужно было на кого-то свалить это всё.

– Но почему ты? Я просто не понимаю. Он мог подставить любого, но выбрал тебя. Почему?

– Всё гораздо проще, чем ты думаешь. Я подорвал авторитет Энрике в глазах его шайки, когда отказался делать то, что он велел. Он решил отомстить мне таким образом.

Я сжимаю руки в кулаки, скрипя зубами. *Ублюдки.*

– Дальше?

– А дальше суд. Никаких стоящих доказательств моей причастности не были найдены, поэтому судья отправил меня сюда. Это вроде как исправительные работы.

– То есть ты здесь не работаешь?

– Нет, я отбываю срок, чтобы меня не забросили в тюрьму с прочим сбродом. Меня вроде как помиловали. Судья узнал, что я играл в футбол в школе и неплохо играл как раз таки. Поэтому он решил, что лучшим наказанием или что-то типа того, может стать моё обучение кучки студентов.

– Ты говорил об этом… ты говорил, что не хочешь находиться здесь, – начинаю вспоминать его слова, сказанные очень давно, но будто вчера.

– Когда-то не хотел, но теперь есть ты. Ты удерживаешь меня здесь, а так бы я давно свалил и положил болт на хреново решение судьи. Но всё-таки я обязан отдать должное твоему деду. Он спас мою шкуру, когда никакой университет не хотел брать к себе в тренера такого ублюдка, как я.

Дедушка. Я отлично делаю поспешные выводы. Если быть точной до конца: поспешные ложные выводы. Это благодаря ему Диего тут, а не в клетке с нелюдями. Не в силах больше терпеть, я подскакиваю и распахиваю дверь. Диего практически падает, но я валюсь к нему и прижимаюсь так сильно, что чувствую его сердцебиение. Он сразу же опомнился и обнял меня руками, уткнувшись носом в волосы. Я верю ему, у меня нет сомнений. Я знаю, что он говорит правду, и мне плевать на мнение стада.

– Мне так жаль, что всё это приключилось с тобой.

– Полагаю, я.. я заслужил этого. С того момента я начал верить в то, что жизнь даёт нам то, что мы обязательно пройдём и выйдем победителями. Глупо, да?

Я качаю головой:

– Нет, конечно, нет. Кажется, я тоже начинаю верить в это. Моя жизнь настоящее дерьмо, но я надеюсь на то, что я становлюсь сильнее походя через это. Или я просто становлюсь стервой.

– Ну, или так, – от души смеётся Диего, поглаживая меня по спине.

– Я должна признаться тебе: я давно знала о наличии этой Алисии. Просто, я не знала, кто это и какую роль она играла в твой жизни.

– Кто сказал тебе?

Я закусываю губу.

– Прости, – с досадой выдыхаю я, – я не могу сказать.

– Мария. Да, это точно она. Вот же маленькая болтливая засранка!

– Не говори о ней так, она всё-таки моя подруга. И твоя сестра, между прочим.

– Мне нравится, что ты защищаешь мою сестру. Это выглядит… мило, что ли. Но я всё-таки хочу как следует выпотрошить из неё все живое.

– Ого, самый суровый парень Принстона сказал слово – мило? Ну и дела, – не обращая внимания на шуточную угро-

зу, захихикала я.

Мы вместе смеёмся.

– Ты… ты бы хотел вернуть её? Если бы был шанс на то, что она будет жива, то ты… – я с трудом собираюсь, чтобы договорить, с каждой секундой ещё больше проклиная себя за то, что решилась на этот вопрос, – ты бы воспользовался им?

– Да, – незамедлительно отвечает он, но тут же дополняет, отодвигаясь от меня. Он смотрит на меня с той любовью, с которой не смотрел на меня ни единый человек в этом мире. Он гладит меня по щеке и шепчет, – но я бы ни за что не пошёл на это, если бы ценой стала жизнь с тобой, Грейс. Я люблю тебя так, как не любил никого.

И тут я не могу дышать.

Я готовлюсь сказать ему то же самое в ответ, но неожиданный звон мобильного прерывает меня, когда я уже раскрываю рот.

– Подождут. Я хотела сказать, что я тоже люблю тебя.

Он улыбается и притягивает меня обратно к себе, а телефон продолжает истерично звонить.

– Может, ты возьмёшь уже трубку? Не удивлюсь, если это Мария, которая подслушивала нас разговор, и хочет поскорее потрещать на тему того, что я наконец-то признался тебе во всём.

– Она хотела, чтобы ты поделился этим со мной? – шокировано спрашиваю я. Я знаю, что наши отношения с Мари-

ей идеальные, но я не думала, что она хочет, чтобы я стала частью семьи Фуэнтес, узнав крупицу их истории.

– Конечно, она хотела. Да она при каждой удобном случае спрашивала про то, когда у меня, наконец, появятся яйца, – ворчит Диего, – да возьми ты уже телефон, Грейс. Умоляю. Я подожду тебя здесь, если ты так боишься отпустить меня.

Легонько бью его по руке, заслужив шлёпок по заднице, и иду к сумочке. Нырнув рукой в неё, я достаю телефон, на экране которого высветились имя Саманты.

– Что-то случилось? Я просто… я просто сейчас не дома, – на ходу придумываю отмазку, – и очень занята. Очень.

Из трубки доносятся всхлипывания.

– Эй, Сам, в чём дело?

Молчание.

И тут я понимаю, что случилось что-то серьёзное. Предчувствие того, что она скажет далеко не хорошую новость, заставляет меня замереть на месте, найдя опору правой рукой в стене. Может, что-то с Полли? Или её стажировка накрылась медным тазом? Да что господи Боже там стряслось.

Ещё один всхлип.

– Пожалуйста, не молчи. Меня уже всю трясёт.

Она снова молчит. Мне слышны лишь её горькие всхлипывания и какие-то неразборчивые звуки.

Всхлип. Она оглушает меня своим дыханием, отчего из трубки доносятся громкие помехи.

– Алан мёртв.

И я падаю. Не ощущаю ничего кроме пульсирующей боли, за которой скрывается нечто большее.

Алан мёртв.

Алан мёртв.

Алан мёртв.

Телефон лежит где-то далеко. Не помню, как выкинула его. Последнее, что я вообще помню, это её слова. *Алан мёртв.*

– Грейс, – рядом звучит голос Диего.

Я поднимаю свой мутный взгляд вверх и сталкиваюсь с обеспокоенными глазами Диего. Он падает ко мне, прижимая свои холодные руки к моим щекам.

– Скажи мне, что случилось?

Я смотрю словно сквозь него. Какие-то блеклые очертания и ничего более.

– Он умер.

И следом я проваливаюсь в бездну своей боли, страданий и одного единственного вопроса:

Почему?

Глава 33

В начале своего пути в Принстоне я уже размышляла на тему боли. Я думала, что самое худшее позади, ведь наши отношения с Диего стали лучшими во всех смыслах. Вчера он открылся мне, поведал свою историю, свой путь, и это было лучшим мгновением за всю мою жизнь: осознавать, что человек, который стал тебе ближе, чем любой на планете, доверяет тебе – это сравнимо с полётом в космос. Мне хотелось петь и плясать, кричать и шептать ему слова любви, потому что я наконец-то смогла признаться себе, что люблю его. Люблю его по-настоящему, из-за чего мои прошлые отношения с Арчером сейчас кажутся детским лепетом. В Диего я нашла себя, я нашла отдушину, он мой антидепрессант и триггер. Вся боль, что он принёс со своим появлением в мою жизни, ушла в небытие в тот самый момент, когда его душа открыла мне прочную железную дверь с тысячей замков. Но кто знал, что на смену ей придёт то, что станет моей погибелью.

Я потеряла его.

Я потеряла самого близкого человека в моей жизни, но это я поняла только тогда, когда место рядом со мной оказалось пустым спустя много лет вместе. Сейчас я знаю, что никакая любовь Диего, бабушки и дедушки, семьи Диего не сравнится с теми чувствами, что я испытывала к Алану и он ко мне.

Наверное, я буду держать свою любовь к нему на протяжении всей жизни, потому что много пути у меня нет. *Жаль, что я поняла это слишком поздно.*

Кто-то сравнивает свою жизнь с поездом. Люди выходят на своих остановках, оставляя в твоей голове только воспоминания. И я верила в эту идеологию, только я не верила в то, что когда-нибудь Алан сойдёт с этого поезда, даже не помахав мне рукой. От этого становится только больнее.

Стоя перед зеркалом в ванной комнате, где пару часов назад нашли мертвого Алана, я смотрю на себя и не узнаю этого человека передо мной. *Это не я. Без него я – не я.* Волосы спутались в что-то непонятное для этого мира, отражая мои мысли в голове, которые с таким же хаосом расположились в моей черепной коробке. Забавно, что даже мои собственные «я» в шоке от происходящего, из-за чего я не слышу от них ничего: ни нравоучений, ни споров, абсолютно ничего. Видимо все тараканы в голове ушли вместе с моим лучшим другом. Быстро поправляю шарф, повязанный вокруг моей шее, и представляю, что это петля, которая приведёт меня к Алану. Мечтать не вредно, и с этими мыслями я выхожу из комнаты. Глаза тут же находят Саманту, которая уставилась в пол. Я знаю, она также разбита, как и я. Всю ночь она не отходила от меня, пока я сидела на полу в ванной на холодном кафеле, застывшая и безжизненная. Пару раз она попыталась оттащить меня в кровать, потому что время давно доходило до четырёх утра, но у неё ничего не выходило. В

голове сразу мелькали картинки того, как Алан укладывал меня в кровать после вечеринок в Лондоне, а родителям говорил, что мы долго сидели в библиотеке, готовясь к экзаменам. Вот он – мой лучший друг.

Слышу, как Саманта делает тяжелый вздох, и жду, когда она скажет то, что написано у неё на лице. Но она молчит также, как и я. С минуту мы просто смотрим друг другу в глаза, пока дверь не открывается, и в комнату не заходит Оливер. Привычная для него маска весельчака придурка слетела в тот же миг, когда он узнал последние новости.

Он откашливается, думая, что мы в состоянии гипноза смотрим на него, и всё, что он скажет, на нас не подействует. Скорее всего, это именно так.

– Машина уже приехала, вы выходите или останетесь здесь? – хрипло говорит он, смотря на меня. Он понимает, что из присутствующих я разбита больше всех.

Саманта кивает и встаёт с кровати, поправляя длинную чёрную юбку. В начале года она говорила мне, как ненавидит этот цвет, потому что он ассоциируется у неё с похоронами её деда. Насколько ей сейчас тяжело хоронить второго человека в своей жизни и знать, что он будет не последним. Мне хотелось спросить у неё это, потому что я впервые на таком мероприятии, но я не могла найти нужных слов, а звуки не хотели исходить из моего горла.

Оливер молча покидает комнату. Сам доходит до двери и оборачивается в мою сторону. Может, она ожидает того,

что я тоже должна выйти? Сейчас я думаю, что это худшее решение в жизни. Здесь, в комнатке, я словно в куполе. Который, покинув, мне придётся принять неизбежное.

– Тебе больно, – шепчет она. Первая слеза катится по её щеке, и я замечаю, что сегодня она не накрашена. Хотя обычно она наносила хотя бы пудру, считая, что так она создаёт щит. Видимо, её броня раскололась так же, как и у нас всех.

Горло саднит, потому что со вчерашнего дня я не пила и не говорила.

– Больно, – я не подтверждаю её слова. Она прекрасно все знает. Здесь совершенно другой подтекст, который понимаем только мы.

Новый вихрь слёз накатывает на неё, из-за чего она поднимает голову вверх, пытаясь загнать их обратно. Стоит ли говорить, что вчера я делала то же самое, но ничего не помогло. Единственное верное решение – дождаться, пока слёзы кончатся, что сделала я.

– Я хотела рассказать тебе ещё вчера, но все мы были так убиты горем, а особенно ты, что я просто не нашла в себе сил разбить тебя ещё больше.

– Что ты хотела сказать мне, Саманта? – настойчиво спрашиваю я. Всё, что касается Алана, я хочу знать и буду знать. Потому что это единственное, что осталось от него. Единственное, что может объяснить его поступок, чем он руководствовался.

Она сглатывает.

– Я, правда, не знала…

– Не тяни. Мне плевать на всю эту хрень с «знала» или «не знала». Скажи мне, и мы поедем, – нетерпеливо ворчу я, чувствуя, как паника во мне нарастает. Я знаю, что услышу сейчас. И это убьёт меня ещё больше.

– В баре недалеко отсюда работает мой друг Келтон, он позвонил мне вчера вечером, когда я была неподалёку.

По телу промаршировали множество мурашек, а пот уже катился вниз по спине.

– Что он сказал тебе? – моё сердце сейчас бьется быстрее, чем у любого человека.

Я вижу, как маска боли, сочувствия и стыда застывает на лице Саманты, но я не могу попросить её остановиться.

– Он сказал, что мой друг сидит в баре, напиваясь до отвала башки, смотрит на фотографию какой-то блонди и говорит с ней, периодически целуя фото. Он также рассказал, что этот парень нарвался на парочку в чёрных косухах и после того, как они надрали ему зад, он ушёл куда-то в сторону кампуса, – слёзы вновь хлынули из её глаз, она практически падает мне в ноги, – я знала, что это Алан, а на фото ты. Нетрудно было догадаться. Но я решила, что вы сами с этим разберётесь. Прости меня, Боже, Грейс. Если бы я только знала…

Она продолжает сквозь слёзы шептать мне извинения и, в конце концов, падает на пол, закрывая лицо руками.

Как я и думала, вина в его смерти полностью лежит на

мне. Ненависть и отвращение к себе накрывает меня волной, отчего я также, как и Сам, падаю на пол рядом с ней. Она рыдает, я молчу, уставившись неизвестно куда. Если бы сейчас зашёл врач, то нас бы определили в психушку, но я ещё здесь, как и она, так что мы продолжаем заниматься своими делами.

– Прости меня, – шепчет она, задыхаясь в слезах.

Я не смотрю на неё. И так знаю, что увижу. Это принесёт мне ещё больше боли.

– Не надо. Это не твоя вина.

– Не смей так говорить, – ни с того ни с сего, она начинает кричать на меня. Взяв меня за плечи, она впивается в них ногтями и яростно трясёт меня, – это не только твоя вина! Она общая. Мы все виноваты в его смерти.

– Причём здесь вы, Сам? О какой вашей вине может идти речь? Я врала ему, я врала своему лучшему другу, слышишь? Я разбила его сердце, доверие, жизнь. Я, а не вы.

– Не смей говорить так. Мы все знали обо всём, но молчали. Если бы никто не врал ему изо дня в день, он бы не почувствовал себя человеком, которого все предали, он бы …не умер… – в агонии кричит она, на последних словах затихая.

Минус один человек. Она так же, как и остальные, признала факт его смерти. Осталась одна я – трусиха и лгунья.

– Хорошо, – кто-то говорил, что нужно делать вид, что понимаешь психов, чтобы псих перестал зверствовать, – отпу-

сти мои плечи, подними задницу и пошли. Сегодня не день для разборок.

– Да, ты права. Но мы поговорим об этом, ты же знаешь это? – вставая, говорит она, продолжая держать меня за руку.

Когда я молчу, она вдавливает ногти сильнее, отчего я визжу.

– Да, да, да, я знаю, только отпусти меня, чертова женщина-кошка. Ночью я отрежу твои ногти, клянусь.

– А я уже думала, ты никогда не вернёшься к прежней Грейс, – чуть улыбается она, пока закрывает дверь комнаты.

– Не дождёшься, сучка. Я замучаю вас всех до смерти, и преподам урок Алану на том свете, – мне ни капли не до шуток, но смех – моя защитная реакция. Так должно быть.

Саманта сплетает наши пальцы, пока мы идём к выходу из кампуса и направляемся на парковку.

– Я знаю, что ты доведёшь меня. Уверена, что доведёшь всех, – тихо хихикает она, а затем посылает мне настороженный взгляд, – он уже знает об этом?

Проглатываю горечь.

– Он был рядом со мной, когда ты позвонила.

– Тогда иди, думаю, сейчас он нужен тебе, как никто другой, – она указывает в сторону.

Диего стоит, облокотившись на свою машину, и с сочувствием смотрит на меня, закуривая сигарету. В сердце что-то щёлкает, я отпускаю руку Саманты и бегу к Диего. Он тут же выкидывает окурок и ловит меня, когда я с разбегу при-

жимаюсь к нему, обвивая руками шею, до которой с трудом дотянулась. Аромат его парфюма, смешанный с мятой и табаком, действием на меня, как слабительное. *Как же он мне нужен.*

– Спасибо, – найдя в себе смелость, шепчу я.

Он сильнее прижимает меня к себе.

– Я так и думал, что буду нужен тебе сегодня, – хмыкает он мне в волосы.

– Ты всегда будешь нужен мне, Диего.

– Я знаю, – он отодвигает меня от себя и целует в лоб, чувственно касаясь кожи своими мягкими губами, и шепчет, – я люблю тебя.

Честно, я думала, что после вчерашних признаний мы сделаем вид, что ничего не было. Но такой расклад радует меня больше всего.

– И я люблю тебя.

– Делаешь одолжение?

– Говоришь, как Хардин?

– Кто это, чёрт возьми? – хмуро спрашивает он, вглядываясь в мои глаза. Ревнивец.

Обхожу его и залезаю в машину. На улице не май месяц и холодно жутко, тем более прощальная панихида должна вот-вот начаться.

Диего садиться следом.

– Кто. Это. Такой.

– О чём ты?

– Не делай вид, что не понимаешь. Кто такой Хардин? Что за имя вообще такое? – ворчит он.

И впервые за сегодня я улыбаюсь.

– Прекрати, милашка. Это персонаж книги. Поехали скорее, я хочу успеть туда к началу, а не к концу.

Диего закатывает глаза, но все же без слов заводит мотор машины и везёт нас на кладбище.

– Ты сидишь здесь, – белокурая девочка, чьи волосы были сплетены в небрежную косу, но, кажется, всё было ей к лицу.

Алан непроизвольно дёрнулся от звука её голоса, который так ласкал слух, что ему хотелось петь, улыбаться и забыть все обиды к матери. Он сам не понял, как начал улыбаться.

– Один, – продолжила она, и он только сейчас заметил, что всё это время стоял и молчал, глупо улыбаясь ей в глаза.

Прочистив горло, Алан решил, что пора показаться мужчиной:

– Я думал.

Неплохое начало, но это не произвело никакого впечатления на девочку.

– И о чём же? Если что-то интересное, то поделись, а если нет, то прекрати быть парнем без яиц.

– Парнем без яиц? – ахнул Алан, – кто тебя научил таким словам? Моя мама запрещает говорить мне даже «чёрт».

– Мой отец научил меня этому. Он часто ругается, но разве имеет мой возраст к этому какое-то отношение? Я рано или поздно начну ругаться так же, как и он, как и твоя мама или моя.

Алан нахмурился. По-честному, он даже не думал о том, что когда-нибудь будет сквернословить. Он знает, что его отец даст его поджопник за любое матерное слово.

– Твой отец хороший человек?

И он сразу же пожалел, что задал этот вопрос, потому что в глазах девочки он сразу же сравнялся с землей.

– Почему ты спрашиваешь меня об этом? Разве имеет значение, какой мой отец, если я буду хорошим человеком?

– Ну …если тебя будет воспитывать урод, то ты и.. – он прикусил губу от досады. Сейчас он понял, кто перед ним. Грейс Мелтон – дочь лучшей подруги его матери. Последний раз он встречался с Грейс тогда, когда им было пять лет, а затем она уехала неизвестном направлении, а её родители не говорили никому её местоположение. Он прекрасно помнит её – свою первую, единственную любовь. И даже расстояние, и то, что он уже вырос и далеко не пятилетний мальчишка, не развеяло его чувства к ней. Он все ещё любит её, как любит муж жену.

Грейс шумно выдохнула и захрустела костяшками пальцев.

– Лучше молчи, Алан.

– Ты помнишь меня? – с придыханием спросил он, надеясь

услышать положительный ответ.

– Конечно, я помню тебя. Но не узнаю.

– Почему? Я слишком потолстел …или …что со мной?

– Ты накручиваешь себя. Твоё тело рельефно для парня двенадцатилетнего возраста, твои глаза и волосы всё также привлекают меня своим цветом и блеском. Но твой характер… ты рассердился на свою мать из-за глупого торта?

От стыда он покраснел.

– Я, ну…

– Сейчас это не имеет значения. Спустись к ней и сделай то, что должен. Тогда я снова увижу в тебе своего лучшего друга и расскажу, где была всё это время, и какое дерьмо пережила.

Алан так и сделал. Окрылённый любовью он помчался к матери и извинился перед ней. А обратно летел в комнату с нарастающим напряжением в сердце; он знал, что теперь никто не заберёт у него Грейс. Он будет завоёвывать её вновь и вновь, если это будет нужно.

Слёзы градом скатывались по моим щекам, но я не ощущала того, что я плачу. Лишь взгляд на зеркало сказал мне об этом.

– Кто это с ней? – шипела Грейс, разглядывая Иви и парня, с которым она сегодня пришла домой. Естественное, парень пролез через окно, потому что отец не пустил бы его даже к будке собаки.

Руки в татуировках, ухоженная щетина, блестящие волосы зачёсаны назад – он и впрямь красавчик. И Грейс знает, что он выглядит так, как мечтала Иви. Неудивительно, что её сестра откапала такого парня и забрала себе.

Алан нахмурился, наблюдая за тем, как Грейс откровенно разглядывает пацана. Она никогда не смотрела так на него. Собственнический рык вырвался из груди Алана, он хотел заслонить собой Грейс, чтобы она смотрела только на него.

– Понятия не имею.

– Не ворчи, – не отрывая глаз от мощной груди, обтянутой чёрной футболкой, пошептала она и облизала пересохшие губы, – как думаешь, отец знает, что моя дорогая сестра встречается с парнем в татушках?

– Конечно, нет. Ты же видишь Иви? А значит, он её не прибил. Соответственно, он пока ещё в неведении, – Алан прошёлся взглядом по телу парня в тот момент, когда он начал снимать футболку.

Если бы сейчас Иви и её пацан повернули головы, то увидели бы приоткрытую дверцу огромного шкафа в другом конце комнаты, где сидели Алан и Грейс и наблюдали. Они искали журналы старшей сестры Грейс, чтобы вырезать оттуда буквы для школьного проекта. И в этот момент через окно начал залезать какой-то парень возраста восемнадцати лет. Грейс тут же подумала, что это вор, но резиденция Мелтонов оснащена лучшей охраной, поэтому это просто

невозможно. Алан затащил её в шкаф, когда в комнату ворвалась Иви. А сейчас эта парочка быстро раздевается, и ребята понимают, что будет дальше.

– Он же её съест!

– Похоже на то.

Язык татуированного шарил в глотке Иви, пока она пыталась расстегнуть лифчик.

– Не смотри, – тихо взвизгнула Грейс Алану, когда бюстгальтер упал на пол и обнажил груди Иви, – вот это у неё сиськи!

– Эй, ты не разрешила смотреть мне, но смотришь сама. Это не честно, – проскулил Алан, подглядывая. Он с трудом сглотнул слюну, когда увидел ту картину, что творилась по ту сторону дверцы шкафа.

Парень обнимал грудь Иви, сжимая и поглаживая, пока их рты слились в поцелуе, а руки Иви снимали с него штаны. Джинсы пали на пол, а следом она стянула с него боксеры. Свободной рукой, которая не тянула волосы пацана, она провела ладонью по его длине. В следующую секунду он откинул её на кровать и вонзил свой член в неё жёсткими движениями. Ускоряясь и ускоряясь, он облизывал её шею, пока она стонала и извивалась.

– Если отец узнаёт, он убьёт и её, и её парня.

– Да ладно тебе, круто же.

Грейс метнула на Алана строгий взгляд.

– Я сказала тебе не смотреть. Закрой глаза. Быстро.

Он со стоном прикрыл глаза.

– Интересно, а ей больно?

– Наверное, да. Ты когда-нибудь мастурбировала?

– Не—а. Зачем мне это?

– Не знаю. Девочки часто это делают.

– Будто парни делают это реже.

Алан смущенно улыбнулся.

– Последний раз я дрочил вчера ночью.

– Фу. Избавь меня от этой информации!

– Это физиология, – пожал он плечами.

Грейс запищала:

– Не хочу ничего знать про твоего дружка и его совместимость с твоей рукой. Я вообще не вижу смысла в сексе. Это же …мерзко.

– Ты просто ещё не встретила того человека, с которым захочешь быть вместе во всём. Когда встретишь, тогда само сердце подтолкнёт тебя слиться с ним. Быть едиными.

– Откуда такие познания?

– Так сказал папа.

– Я верю Логану, но это не меняет того факта, что секс причинит мне боль. А я этого не хочу.

– Никто не причинит тебе боль, обещаю, – тихо поклялся Алан.

Его рука скользнула к ладони Грейс и сплела их пальцы. В это время яростные стоны Иви были слышны повсюду.

– Иви! – грозный голос отца приближался к комнате.

– Ей пиздец, – шепнул Алан.

– Нам тоже. Если ты не забыл, то мы наблюдаем за этим от и до. Если не убьёт папа, то убьёт Иви.

– Будь тише, и мы успеем сбежать до того, как нас заметят.

Парень подскочил с тела Иви и принялся натягивать трусы и джинсы.

– Прости меня. Я должна быть тише.

Он нежно погладил её по щеке и поцеловал в нос. От этого жеста Грейс ахнула.

– Все в порядке. Встретимся завтра на трассе? У меня будет гонка.

Иви подала ему футболку. Но он не одел её. Лишь закинул на спину.

– Если отец отпустит меня.

– Твою мать, Иви. Я выдеру твою задницу! – голос отца уже отчетливо слышался рядом с дверью.

Парень метнул злой взгляд на Иви.

– Ты уверена, что всё будет в порядке? Я могу остаться и поговорить с этим хреном.

– Все будет хорошо. Лезь скорее, – она подтолкнула его к окну, и он начал спускаться.

– Я люблю тебя, детка.

– Я люблю тебя, Ноа.

Он успел спрыгнуть в тот момент, когда разъярённый отец влетел в комнату. Он тут же подлетел к окну,

оттолкнув Иви. Нагнувшись, он принялся высматривать незваного гостя, но никого не нашёл. Парень успел сбежать.

– Что. Ты. Делала. В комнате.

– Смотрела фильм.

Отец обвёл взглядом комнату и остановился на закрытом ноутбуке.

– Мерзкая лгунья. Молись, чтобы Грейс стала не такой, как ты. Иначе я убью тебя собственными руками, если твой пример окажется для неё заразительным.

С этими словами он хлопнул дверью комнаты.

– Ты плачешь? – спросил Диего. Он остановился у ворот церкви, расстегнул ремень и навис надо мной, – Грейс, я не могу видеть то, как ты плачешь.

– Прости, но сегодня и ближайшую десятку лет я буду ходить с ведром слёз.

Диего зажмурил глаза и аккуратно опустил свои губы мне на лоб.

– Мне так жаль.

– Как думаешь, это когда-нибудь закончится?

– Что?

– Это дерьмо, творящиеся в моей жизни. Я устала, Диего. От всего устала, понимаешь?

Он выдохнул и начал нежно гладить меня по волосам, целуя моё лицо.

– Вся жизнь состоит из кучи дерьма. С самого рождения ты встречаешься с этим и заканчиваешь жизнь тем же са-

мым. Остаётся только достойно пройти все это. Это твой путь, твои трудности, которые сделают тебя тем, кто ты есть. Все мы живём этим. И ты сможешь справиться. Тем более я с тобой, Грейс.

– Но со мной больше нет Алана…

– Он есть. Он всегда будет в твоём сердце, пока ты помнишь его, ты будешь жить с ним глубоко в душе. А сейчас ты должна почтить его память, так что выходи из машины и идём. Сегодняшний день будет сложнейшим, но дальше будет легче. Просто потерпи.

Я в слезах кивнула и прижалась губами к его губам. Никакого страстного поцелуя. Я делилась своей болью, а он впитывал её, ослабляя мои страдания.

Выйдя из машины, Диего сразу равняется со мной и сплетает наши пальцы в крепкий замок, символизирующий, что он всё ещё со мной, что он всегда будет рядом. Мы идём по заснеженной тропинке к холму, на котором располагается церковь, когда на тропу выходит Арчер. Его светлые волосы мокрые от снега, но не настолько слипшиеся, чтобы вызывать отвращение. На нем вместо темной куртки осеннее пальто, которое может и подходило бы для Лондонской погоды. При виде меня он тут же ускоряется, и спустя несколько секунд я и Диего стоим лицом к лицу с моим бывшим парнем.

– Грейс, не передать словами, как тебе сейчас трудно, но ты же знаешь, что мы все с тобой? – *сегодня, блядь, все ре-*

шили сказать это? По факту они исчезнут сразу же после панихиды.

– Не стоит, – бурчу я и тут же перевожу взгляд на Диего, реакция которого волнует меня больше, чем незваный гость.

Глаза Диего мечутся между нами. Он недоумевает, но тут же карие глаза приобретают чёрный цвет – он, наконец, понимает что к чему.

– Так ты, значит, Арчер, – с призрением выплевывает он.

Мой бывший перестаёт смотреть на меня, удостоив вниманием Диего.

– Да, это я, а мы знакомы? – он не глуп и понимает с каким тоном и намерениями говорит с ним Диего, но старается держаться максимально интеллигентно, как и учат в высшем обществе.

Диего сжимает мои пальцы, и я практически пищу от боли.

– К счастью, нет, мы, мать твою, не знакомы.

Арчер хмурится и продвигается ближе вперёд.

– А я так понимаю, ты тот, в кого влюблена Грейс? – он с ног до головы осматривает Диего, – она не могла настолько отчаяться.

– Она отчаялась, когда встретила тебя. Но ты снизошёл и порвал с ней.

– Откуда ты… – Арчер кидает на меня недовольный взгляд и возвращается к Диего, – мне наплевать кто ты такой, мне нужно лишь поговорить с Грейс, так что уйди с до-

роги и не мешай.

Диего дёргается в моих руках. Я начинаю переживать ещё сильнее, но по-прежнему в ступоре молчу.

– Мы и не обсуждаем кто я такой. Какая это вообще разница, Аче…

– Я Арчер, – рычит тот.

– Ха, да? Похрен.

Не в силах дальше слушать это, тем более Арчер и Диего уже на исходе, поэтому я тяну последнего на себя.

– Диего, пожалуйста, только не сегодня, – молю я его. Он расслабляется и позволяет мне тащить его.

Арчер выскакивает перед нами.

– Нам надо поговорить, – настойчиво повторяет он, но уже для меня, а не для Диего.

– Иди нахрен, – Диего вырывается из моих рук и сталкивается лбом с Арчером. Тот не дрожит и не задерживает дыхание от предстоящей битвы.

Да что за день то такой?

– Диего, пожалуйста.

Он игнорирует меня.

– Давай, Доменик, иди к Грейс, ты же умный пёсик.

– Ты хочешь, чтобы твоя смазливая рожа выглядывала у тебя из задницы? Потому что именно это я собираюсь сделать. Грейс, ты позволишь мне?

Чуть я открываю рот, Арчер перебивает меня:

– О, надо же, какой ты послушный пёсик. Даже разреше-

ние спрашиваешь. Идём, я дам тебе лакомство.

Губы Диего растягиваются в ехидной улыбке.

– Тебя удивляет то, что я поинтересовался у своей девушки можно ли мне выбить все дерьмо из её *бывшего* парня?

Он специально выделяет интонацией слово «бывший», выводя Арчера из себя. Мой более—менее мудрый и взрослый Диего потерялся где-то в тундре, давая волю этому парню, который смотрит на Арчера с самой сексуальной, но опасной улыбкой.

– Я хочу поговорить со своей девушкой…

– Бывшей девушкой.

– Пошёл к черту, грёбаный эмигрант, – зло кричит на него Арчер, и я встаю между ними.

– Всё, хватит, имейте совесть. Хотя бы немного, – я глазами указываю на прохожих, которые идут в церковь на прощание с Аланом, попутно смотря весь этот спектакль, – Арчер, у тебя есть минута.

Он сжимает челюсти, разгибая и сгибая пальцы.

– Сначала давай отойдём или прикажи своему… этому мужику уйти, – с неприкрытым отвращением блюет Арчер, на что Диего закатывает глаза.

– Может, мне задницу тебе поцеловать, а?

– А давай, целуй.

– Ублюдок, – шипит Диего и вновь кидается на него, но я преграждаю ему путь.

Кладу ладони на его грудь, которая тяжело вздымается, и

заставляю посмотреть на меня.

– Пожалуйста, всего минуту, а потом я больше никогда не увижу его. И ты тоже.

Он испытывающее смотрит на меня, но сдаётся и отступает. Как только Диего отходит на несколько футов от нас и достаёт сигарету, Арчер, наконец, говорит:

– Я-то думал, что ты шутишь, пытаешься заставить меня ревновать.

– Зачем мне это? – с недоумением спрашиваю у него, глядя на своего Фуэнтеса. *Что за горячий красавчик, да ещё и бунтарь. Боже, как я его нашла?*

Арчер что-то ворчит себе под нос, но я даже не напрягаюсь, чтобы расслышать.

– Мне жаль, что так вышло… это большая потеря для тебя, нас…

– Ага.

– Это всё? То есть… я приехал.

– И? Вообще, зачем ты приехал?

Арчер хлопает глазами.

– Алан умер. Наш друг, наш общий друг, он – мёртв.

– Да неужели? А без тебя я не знала, – голос срывается, когда я кричу это ему в лицо. Краем глаза замечаю, что Диего приходит в движение и идёт в нашу сторону, но я останавливаю его, – Арчер, что тебе нужно? Говори и попрощаемся.

Он вздыхает и нервно теребит пуговицу своего пальто.

– Наши родители хотят, чтобы…

– Нет, – перебиваю его, – можешь не продолжать. Мне это не интересно.

Он говорит что-то ещё, но я уже не слышу. Я цепляюсь за руку Диего и иду в церковь, оставляя своё прошлое в виде Арчера позади.

Каждый в церкви держал в руках по темному цветку, сохранял холодное лицо и стоял ровно, будто в строю. Заметив своих ребят, я не пошла в их сторону. Сегодня я не достойна их поддержки. Скользнув взглядом по ним, я увидела впервые грустного Оливера, который обычно шутил, пел песни, смеялся; заметила и плачущую Донну, которая стояла среди парней команды по лакроссу рядом со своим другом; Саманта уже дошла до ребят и стояла рядом с Полли, на лице которой застыла маска ужаса. *Какого это, терять любовь?*

– Сегодня мы все здесь собрались, чтобы попрощаться с Аланом Джонасом. Каждый может высказать всё, что считает нужным, чтобы проводить его, почтить память о нём, – сказал священник и отошёл в сторону, давая возможность родителям Алана пройти к стойке рядом с гробом.

– Алан всегда был особенным ребёнком, – раздался грустный голос женщины. Страдания и боль так и сочились из её голоса, – он всегда отличался своим особенным мышлением, мыслями, идеями. Все, кто знали его, знают, о чём я говорю, – тихие голоса согласились с ней, вспоминая всё лучшее, что было в Алане.

Белла запнулась, достала платок из пальто и спрятала в

нем своё лицо. Послышались её душераздирающие рыдания.

– Очень сложно хоронить близких, а особенно тяжело родителям хоронить своих детей. Мы не ожидали, что такое случится с нашей семьёй. Мы всё ещё живём в каком-то вакууме. Прости нас, Алан. За то, что мы где-то были ужасными родителями. За то, что где-то упрекали тебя. За то, что бывало, не слушали тебя. Мы любим тебя, сын. Ты навсегда в нашей памяти, – в слезах сказал Логан. Он положил свой цветок на крышку гроба и взял цветок из каменной руки Беллы, чтобы сделать то же самое.

Взявшись за руки, они отошли в сторону, утирая друг другу слёзы.

Следующими вышли ребята. Каждый из них был готов выразить всё, что накопилось в наших сердцах с уходом Алана.

– Это полный пиздец, – выругался Оливер, – простите, святой отец, – извиняюще улыбнулся Оливер священнику, на что тот кивнул, – следует начать с того, что Алан был, прежде всего самым отличным другом. Он всегда был рядом, когда были такие моменты, когда дерьмо сочилось изо всех дыр. Простите, святой отец.

– Оливер, – рявкнула на него Саманта, наступив ему на ногу.

– Чувак, мы познакомились с тобой, когда ты пришел в команду пробоваться в капитаны. И, чёрт, я тогда подумал: «Нифига он многое о себе возомнил. Новичок решил стать лидером. Что за хрень!». И я чертовски сожалею о том, что

подумал так, потому что ты лучший игрок в лакросс. Спасибо тебе за все. Навсегда в нашей памяти.

Оливер прошёлся к гробу и опустил цветок.

Протерев лицо и убрав лишние пряди, которые мешали говорить, Саманта задрожала, чуть улыбнувшись.

– В тот день я рассталась со своей девушкой. Шла по коридору кампуса с разбитым сердцем. Помнишь, как я врезалась в тебя, и ты уронил телефон. Не помню, разбился он или нет, это не так важно. Главное, что ты даже не накричал на меня, как это сделал бы другой парень. Ты даже спросил у меня, почему я плачу, проводил до комнаты, шутя по пути, чтобы развеселить меня. И у тебя получилось, ведь я не ревела с того дня ни разу. Спасибо тебе за то, что ты появился в моей жизни, и жаль, что ты исчез из неё.

Сам уткнулась носом в грудь Оливера и истошно зарыдала, пока тот пытался её успокоить, хотя у самого из глаз прыснули слёзы. Место рядом с гробом заняла на дрожащих ногах Полли. Бледное лицо сверху прикрывал капюшон толстовки под расстёгнутой курткой. Её волосы вовсю трепал ветер, и если раньше она бы взвизгнула из-за испорченной укладки, то сейчас она с пустотой в глазах смотрит вдаль. С минуту она молча стояла на месте, не шевелясь, пока её скрипучий, от долгих криков, голос не раздался:

– Мы познакомились в спортивном лагере. Ты был самым красивым парнем, да и всегда останешься таким. Забавно, что первая наша встреча произошла тогда, когда ты был без

своего сердца – без Грейс. Я увидела тебя таким, какой ты являешься вдали от неё и, Боже, было больно признавать, что тебе лучше с ней. Но это не помешала мне влюбиться в тебя… я вечно крутилась вокруг тебя, пытаясь заставить тебя заметить меня не как друга, а как девушку, но все было напрасно. Знал бы ты, как сильно мне было больно, и насколько сильно я возненавидела ту, что видела только по фотографиям, которые ты мне показывал перед сном, когда клал её фото под подушку и рассказывал мне ваши приключения. Как же я тогда безумно хотела стать Грейс. И вот я поступаю в Принстон и тут – ты. Иисусе, я думала, что это – судьба. Ровно неделю мы были вдвоём. Ходили в парк, в кинотеатр, в кафе, играли в приставку. А потом приехала Грейс и бум – меня уже нет. Нет, я была, но не на первом месте. Как же я ненавидела Грейс, потому что я видела почему, ты её любил. Да, она классный капитан, хорошая подруга, пусть и сучка, простите святой отец. Я хочу попросить у тебя прощение, Алан, за то, что моя любовь к тебе сделала меня слабее. В последний раз, когда я тебя видела, ты сказал мне то, что я должна была услышать давно. Поэтому теперь ты должен знать, что я не ненавижу Грейс. Она классная, и кто, как не ты, знает об этом. Алан, спасибо тебе за то, что разрешил мне влюбиться в тебя…

Каждый смог что-то сказать от себя в память тому, в честь кого мы здесь все собрались. Плавно очередь закончилась, а священник оповестил нас, что через десять минут мы долж-

ны будем «отпустить» Алана. И все в этот момент посмотрели на того, кто ещё не сказал ни слова с начала панихиды. И этот человек – я. Когда десятки пар глаз устремились в мою сторону, мне стало страшно от самой идеи выйти вперёд. Я не смогу, и я знаю это. Но они так не думали. В поиске помощи я судорожно скользила глазами по толпе людей. Дедушка кивнул мне, подняв кулак вверх. Он верит в меня. Бабушка ответила мне тем же, нежно улыбнувшись. Она тоже верит в меня. Диего, Мария и Ром шепнули слова поддержки. Они также верят в меня. Оливер, Саманта, Донна и родители Алана улыбнулись мне. Они верят в меня. И последний человек, чья поддержка мне нужна была сейчас, наверное, больше всего, была Полли. Она стояла в самом конце и смотрела прямо мне в глаза. Усмехнувшись моей трусостью, она указала взглядом на пустующее место, которое так и ждёт меня, рядом с гробом и шепнула:

– Ты сможешь, трусиха.

И я смогла. Взяв цветок, я встала лицом к мемориалу, где была его фотография, чтобы обращаться именно к Алану. Прочистила горло и начала:

– Вы когда-нибудь теряли человека? Не просто человека, с которым вы сидели за одной партой на уроке химии или который уступил тебе место в метро. *Близкого человека.* Если да, то вы точно знаете это чувство пустоты, будто кто-то вырвал ваше сердце, печень, почку, желудок – разницы нет, потому что в конечном итоге вы всё равно останетесь без ча-

стички себя. И этот кто-то, что внедрился в ваш организм и разрушил вас, – *тот* самый человек. *Тот*, с кем вы были вместе и в горе, и в радости. *Тот,* с кем ты мог поговорить обо всём, не беспокоясь о том, что тебя осудят. *Тот,* кто был с тобой всегда, и пусть не рядом, но в голове, в сердце он был. А теперь *его* не стало. Ваша жизнь больше не будет такой как прежде, потому что нет этого пазла, без которого картина потеряла все краски. И тогда в душе наступает зима после долгого лета. Ничего больше не будет вас греть.

Однажды ты сказал мне, что у каждого человека есть тот, без кого твоя жизнь – жалкое существование без смысла, предоставляющее только путешествие по миру в поиске того, что заполнит ноющую дыру в груди. Помнишь, что я тогда ответила тебе? Свято место пустым не бывает, людей всегда можно заменить другими людьми. Так вот, Алан, я – идиотка. Я никогда не смогу заменить тебя никем и никогда. Мы познакомились с тобой, когда была совсем детьми. С того момента мы были неразлучны вообще. Нас даже называли Чип и Дейлом, помнишь? Я помню… Ты показал мне, что такое настоящая дружба, а не жалкий лепет пустых слов. Ты привёл меня на тренировку по футболу, и это стало одним из смыслов моей жизни. Мы так редко ссорились, что я вообще не помню такие моменты. Хотя… нет, помню. Ты сказал мне, что Скуби-Ду и Шегги глупые и бесполезные персонажи мультика. Время уже подходит к концу, а я всё ещё не могу остановиться, потому что так тяжело отпустить это всё,

знаешь ли. Священник уже стучит меня по плечу, приятель, так что это конец моей тирады. Спасибо тебе за то, что появился в моей жизни. Спасибо за то, что всегда был со мной. Спасибо тебе за то, что ты существовал… Мне жаль, что я так и не сказала тебе самые главные слова: я люблю тебя. Я безумно сильно люблю тебя, Алан. Покойся с миром, мой самый лучший друг. Я никогда не забуду тебя, потому что отныне ты – моя звезда над головой, которая будет освещать путь этой дерьмовой жизни, которая станет таковой без тебя.

Не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как панихида закончилась. Гроб Алана закопали, а цветы положили на мемориал. Все уже ушли: кто в слезах, кто, дрожа от холода, кто рассуждая на тему того, почему такой лучезарный парень покончил жизнь самоубийством. Я попросила оставить меня здесь посидеть ещё немного. Сев на мраморную плитку, я обняла себя руками, устремив взгляд куда-то вдаль, пока до меня не донёсся звук рядом. Дрожащая от холода Полли возвышалась надо мной, держа в руках белый конверт.

– Хочешь замёрзнуть насмерть?

Я подняла на неё опухшие глаза, встретившись с точно такими же красными глазами.

– Было бы неплохо.

– Плохая попытка.

– Я даже не пытаюсь. Какой теперь толк.

– Грейс, ты сильнее нас всех вместе взятых. Сколько ты уже пережила в этом чертовом Принстоне? Просто дай себе

отпустить его, он хотел бы этого. Мне жаль, правда. Ты не поймёшь, чем я руководствовалась, но ты должна знать, что я до последнего была за тебя, ведь это твоя жизнь и твои отношения. Я видела, что ты не давала ему ложные надежды, Грейс. И я не говорила Алану про вашу связь с Диего. Он сам увидел, а потом спросил меня, и я просто растерялась.

– Мне сейчас не хочется разбираться со всем этим дерьмом. Его все равно не вернуть, так что уходи, и дай мне побыть в одиночестве.

Эта дура, кажется, не понимает с первого раза, потому что она не сдвинулась с места. Вспыхнув от злости, я уже была готова встать и выкинуть её отсюда, но она быстро протянула мне конверт.

– Что это? – я постаралась вложить все недовольство в голос, разглядывая кусок бумаги.

– Письмо Алана, которое он передал в тот день.

– Ты последняя, кто его видел из нас?

– Да, – кивнула та.

– То есть ты, блядь, знала, что он написал предсмертное письмо, и молчала? – орала я ей в лицо, подскочив и схватив её за воротник куртки.

Но она даже не пыталась вырваться.

– Я не читала письмо. Если бы я прочла, то исправила это. Ты даже не представляешь, как меня терзают мысли из-за того, что я поступила благородно и не стала читать чужую переписку. Мы всё виноваты в его смерти.

Не став дальше слушать её, я схватила конверт, разорвала его и вынула письмо. Черные буквы, написанные рукой Алана, ударили мне в сердце острыми кинжалами. Хватая ртом воздух, я провела рукой по листку и начала читать.

«*Дорогая Гри,*

Если я скажу тебе, что уже давно думаю о том, что хочу умереть, то ты мне не поверишь? Ты всегда видела меня улыбчивым, веселым. Да, я хотел, чтобы ты запомнила меня только таким. Но в последний момент сорвался, прости. Надеюсь, что ты будешь помнить меня не ревнивым идиотом, а крутым лучшим другом.

Я давно потерял смысл жизни. Каждый день перестаёт удивлять меня, заставлять проживать дальше и дальше. Мне казалось, что это заезженная пластина, которая уже истрепала своё. Так оно и оказалось. Никогда не вини себя в этом. Думаю, что я сам виноват. Пора раскрыть себе все карты, да, солнце?

Я любил тебя с самого первого дня, как увидел тебя. И люблю до сих пор. В моём сердце всегда была лишь одна любовь – любовь к тебе. Быть твоим лучшим другом было для меня пыткой, но я знал, что не могу иначе, ведь, выразив тебе свои чувства, потеряю тебя. А без тебя я – не я. Когда ты ушла из моей жизни, то стало все ещё хуже. Я – эгоист, который надеялся на то, что ты будешь только со мной. Но ты полюбила другого. И я рад за тебя, пускай это и сломало меня окончательно. Никогда не перечитывай это сно-

ва: это бред слабого человека. Я настоящий трус и слабак. Единственное, что мучает меня, это то, что вы все врали мне. Но уже сейчас я понимаю, что сам вынудил вас врать мне. Это последние строчки моего прощания.

Обещай мне, что никогда не позволишь родителям влиять на тебя. Обещай мне, что впустишь в свою жизнь бабушку и дедушку. Они заслужили счастье. Обещай мне, что не отпустишь свою любовь. Обещай мне, что будешь помнить меня, как самого лучшего друга. Я люблю тебя. И всегда буду любить.

Не думай о встрече со мной на том свете, в другой жизни. Я тот самый ублюдок, который попадёт в ад. А твоё место в раю, Грейс».

Если бы я не подняла голову, то лист с письмом скорей мог разложиться в моих руках из-за слёз или его можно было выжимать, как полотенце после стирки. Солнце лупило даже в закрытые глаза с такой силой, что я не могла не поморщиться, но в какой-то момент я словно почувствовала присутствие Алана рядом, будто он и есть моё солнце, которое теперь может согревать меня в такие морозные дни. Как же хочется оказаться не на лавочке среди могил, а на лекции, где он сторонится профессора, посягающего на его задницу, или обнимает меня, чтобы этот же профессор отстал от него, приняв нас за пару влюблённых. Собрав остатки последних сил, которые, как, оказалось, ещё остались в моих раздробленных костях, я опустила голову, втянула морозный воздух

и открыла глаза. Я ошибалась, когда думала, что этот день худший. Вовсе нет. Оказывается, бывает ещё хуже, потому что три пары глаз в виде отца, матери и Арчера смотрели на меня через несколько могил.

Глава 34

Эта свора всего отвратительно, омерзительного, адского – тащится за мной, пока я еле волочу себя к выходу с кладбища. Под ногами хрустит снег, и его я слышу, но не пламенные речи моего папаши Сатаны, который вторит так, словно это его дебют на сцене. Кому нужны его гнилые словечки? Не мне. Конечно, с моей стороны приплетать к ним Арчера не лучшая идея, но, судя по тому, что он находится в компании моих родителей – даёт полное право.

Хрум. Хрум. Хрум.

Я должна держаться хотя бы до выхода, кладбище не самое лучшее место посылать отца к чёрту, хотя, надежда на то, что его тут же засосёт в землю по моей просьбе – греет душу. Плюсом ко всему я благодарю небесам за то, что Диего оставил меня одну по моей же просьбе, и сейчас его не видят родители. Конечно, Арчер мог трепануть, но в таком случае я протяну его язык и отрежу ширинкой джинс. Когда в сознание начинают проникать слова отца о том, что Алан – сосунок, мои ноги застывают на месте, а глаза закрываются на секунду, и распахиваются уже с огненной ненавистью, желающей развеять прах отца прямо над могилами.

– Ты, – шиплю я, резко развернувшись и ткнув в его грудь пальцем с такой силой, что чуть ли не ломаю в нём грудные кости, – знал его с детства, но не мог приехать попрощаться,

ты будешь гореть за это в аду.

– Твой дружок откинулся не совсем вовремя, у меня были дела поважнее, – насмехается отец.

– Надеюсь, загробный мир существует, и тебя слышат, – цежу я, – твоим мучителем будет лично Аластар, заживо сдирающий с тебя дешёвую шкуру.

– Убери свои пальчики, Грейси, – нарочито устало, цокает он, – я бы не был на твоём месте так уверен, козыри у меня.

– Дешёвый фарс, – выплевываю я и, развернувшись, продолжаю движение, но не долго.

Мужская ладонь аккуратно сковывает моё запястье, останавливая на ходу, но она явно не принадлежит отцу, который никогда не нуждался в нежностях. Арчер. Голубые глаза смотрят на меня с… *беспокойством*? Он смеётся надо мной? Смотря за его спину, я вижу родителей в паре футов от нас.

– Ты не понял ничего с первого раза? – шиплю я, переводя взгляд на него.

– Грейс, послушай, это ради твоего же блага, ты должна пойти с ними, – с толикой настойчивости и нежности, его голос звучит почти убедительно, но нутро чует, что это ловушка.

– Возвращайся в Лондон вместе с моими золотыми родителями и больше никогда не возвращайся, – фыркаю я, вырывая руку.

– Грейс, ты не понимаешь! – продолжает настаивать он тем же тоном.

Сделав вид, словно ищу что-то в пальто, я вытаскиваю руку и размахиваю перед лицом бывшего средним пальцем с улыбкой на губах. Пусть катятся прямо в ад, я лично помогу доставить каждого члена этой сраной группировки туда.

– Теперь понятно?

Вздыхая, он качает головой. На какой-то момент мне даже кажется, что я улавливаю панику и страх в его небесных глазах, но я больше не так наивна, меня не проведёшь. Я не та Грейси, которую отправили в Америку. Я скорей откручу себе голову, чем пойду за ними. Следом мой посыл получают родители.

– Кажется, моя дочурка плохо понимает по-хорошему, – притворно спокойно улыбается отец, когда мимо проходят люди, оставляя нас одних.

Когда он делает шаг в нашу сторону, я инстинктивно делаю два назад и, замечая это, Арчер хмурится. Ещё бы, ведь он не знает ни о чём, что происходило со мной в нашем идеальном замке.

– Ты сядешь в эту машину, Грейси, потому что на кону жизнь твоего дворняги, – оголяя белоснежную улыбку, вторит он.

Проглотив ком ужаса, я стараюсь сделать равнодушный вид, но, кажется, дрожь в коленях выдаёт меня. Арчер не мог им сказать. Не может быть. Они не могут знать о Диего.

– А что, в кампусе разрешили заводить животных? – язвлю я, возводя барьер непонимания и защиты.

– Оказывает да, твой дедуля разве тебе не сообщил?

Ему известно о том, что я всё узнала о бабушке с дедушкой? Видимо да, судя на надменной роже отца, словно он выиграл пару мировых воин.

– Да—да, Грейси, я всегда на шаг впереди, а тут, получается, что сразу на три шага.

– Что ты несёшь?

– Я позволил, чтобы ты узнала о них, скажи спасибо. О, да, может, поговорим о твоём наказанном дружке? Как думаешь, ему нравится на свободе?

Парализованная, я чувствую, как по спине сбегают капли пота, смешиваясь с холодом ужаса и страха. На этот раз стена падает к ногам, крушась на мелкие ошмётки.

– А теперь садись в машину, и мы поболтаем.

Со своими словами, отец и мама направляются к своему такому же идеально пафосному и вычурному внедорожнику, а моё сердце медленно перестаёт подавать сигналы кровотоку.

– Я говорил тебе, Грейс, – тихо говорит Арчер, в которого я тут же стреляю ядовитым взглядом, – я хочу поддержать тебя. Я говорил, что буду рядом, и я рядом. Но сейчас лучше послушать его.

Не знаю почему, но на этот раз я верю его словам, окунаясь в прошлое.

«– Ты же знаешь, что я всегда защищу тебя? – шепчет он у моей шеи, после чего отстраняется и смотрит в глаза, –

ведь так?

Автоматически голова согласно кивает, а Арчер одаряет меня зачаровывающей улыбкой, которая заставляет бабочек порхать высоко над животом.

– Я обещаю всегда быть рядом, чтобы бы ни было, Грейс. Кем бы мы ни были друг другу…

– Ты хочешь расстаться? – в ужасе шепчу я, распахнув глаза.

– Нет, глупышка, – улыбается он, – я хочу, чтобы ты знала это.

– Я знаю это, – снова киваю я, повторяя его слова.

– Вот и хорошо.

Арчер оставляет нежный поцелуй на моём лбу, продолжая поглаживать мою спину, когда я вновь расслабляюсь в кровати, зная, что усну рядом с ним, даже если на утро его уже не будет в комнате.

Я знаю, он будет рядом, потому что Арчер держит слово, для него это дело чести. Он пришёл сегодня, когда я позвонила ему после нового концерта отца. Моих слёз он не видел, ведь я пролила их до его прихода и звонка в целом, но даже под замком в собственной комнате я не чувствовала себя в безопасности до тех пор, пока не пришёл он. Он – мой герой. Мой супермен.»

Я уже ожидала ведро с дерьмом, которое обычно выливает отец, но как только Арчер и я сели в машину, она тут же покатилась по дороге, а мои родители не торопились горячо

обсуждать последние новости со мной. Раскинув ноги, отец закинул одну на вторую, а в руках у него уже удерживался стакан с виски, в то время как в бокале мамы покачивалось белое вино. Посмотрев на Арчера, который незаметно пожал плечами, я уставилась в окно, они в любом случае далеко меня не увезут. Отцу просто нравится подолгу мучить людей интригами, я знаю этого ублюдка. Мне хочется выплюнуть весь гнев в лицо матери, потому что это был сын её лучшей подруги, но, как оказалось, она такая же гнилая, как и её любимый супруг. Собственно, лучшая подруга для неё пустое место, это ежу понятно. Чёртовы моральные уроды. Прямое доказательство, что внешность обманчива.

Как и предполагалось, машина остановилась у кампуса, и так как мне никто не торопился открывать дверь или заводить разговор, я покинула её сама, ошарашив маму *отсутствием воспитания*. Чьи это проблемы, мама? Не мои. Я плевала на подобные жесты. Когда я уже дотянулась до дверной ручки, на неё легла ладонь, принадлежавшая Арчеру, на которого я тут же посмотрела.

– Ты что, собираешься идти со мной в мою комнату? – с особым недовольством поморщилась я, думая о лишь том, что когда об этом узнает Диего, он снесет его белоснежную голову с плеч.

– Да.

– Забудь об этом.

– Грейс…

– Я сказала, забудь об этом. Ты не понял, что я не одна?

– Понял.

– Вот и славно.

– Вы долго будете стоять в дверях? – раздался слишком спокойный голос отца, на которого я моментально перевела взгляд. Мама, поддерживающая его руку, словно первая леди страны. Они в образе идеальной семейки, где я – урод.

Издав фырканье, я дёрнула ручку и первой зашла в кампус, не ожидая и не желая, чтобы эта троица вышагивала за мной, но три пары ног стучали по плитке за спиной, заполняя эхом пустые стены. Благо, что никто не увидит меня в этой компании, потому что все разъехались по домам на каникулы. Открыв дверь в комнату, где, как и в последний раз было чисто, я мысленно порадовалась тому, что не услышу любимые нотации мамы. Не зная, что делать дальше, я просто скинула пальто на стул, искоса взглянув на лица родителей, которые выражали открытое отвращение к комнате, которую я когда-то делила с Сам, и которая оставила рамку с нашей общей фотографией. Проглотив ком из слёз, я уперлась глазами в фотографию, где Саманта показывала язык, повесив на плечо Полли руку и склонив к ней голову, вторая же в свойственной ей манере скрестила руки под грудью и попыталась выдавить улыбку; Мария крепко обхватив мою шею, сделала губы бантиком, вместе с ней это сделала я, а за нами Оливер и Алан, оба они широко улыбаются, пока первый обнимает моего лучшего друга за плечи и показыва-

ет средний палец. Тело задрожало, а первая слеза сбежала по щеке, но я тут же её смахнула, чтобы никто не видел то, как сломила меня смерть Алана. Как же долго мы делали это фото, но даже оно получилось немного смазанным, потому что после снимка, телефон упал на землю. Нам было так весело и хорошо вместе. На кадр смотрела не только я, искоса я успела заметить, что Арчер рассматривает каждого на снимке. В эту секунду в комнату, как по зову сердца ввалился Оливер. Увидев сей сбор в моей комнате, он успел только открыть рот и обвести взглядом присутствующих.

– Не знал, что ты раздвигаешь ноги сразу перед несколькими, – лениво цокнул отец.

Рот Оли был готов порваться, но он стукнул зубами, плотно сжав челюсть. От пошлого Оливера, который вечно подкатывает ко мне свои яйца – не осталось и следа.

– Мы можем поговорить? – обратился ко мне друг, явно с трудом сдерживая едкие замечания в сторону отца, который желал их услышать.

Молча кивнув, я сделала несколько шагов в сторону двери, как пальцы отца впились в моё плечо, а глаза пуговицы втоптали меня в землю.

– Твой очередной дружок подождёт своей очереди, – скалился отец.

– Эй, ты, – позвал его Оливер, удивляя тоном и выбранным обращением Арчера и маму, отец же лениво повернул голову в его сторону, словно получил желаемое.

– *Эй, ты*? – цокнул отец, рассматривая Оли с ног до головы, – мальчик, попроси маму приготовить тебе обед в школу.

– Ха—ха—ха, обосраться можно, оказывается, эта чопорная морда шутить умеет, дайте ему приз лучшего комика и пусть он валит, – с насмешкой, язвил друг, чему улыбнулась даже я, так с ним ещё никто не разговаривал. Желание отсалютовать Оли пять – было бы хорошей идеей, но я сдержалась, а его лицо полностью сменилось на непроницаемое, – я положил свой большой член на тебя и то, что ты решил поговорить с ней первым. Да, ты не ослышался, большой, и когда я говорю большой, я имею в виду очень большой. Наш общий лучший друг умер, и сейчас именно я поговорю с ней, и только потом позволю это сделать тебе, и то, если мы не решим свалить отсюда.

Сдерживая улыбку, потому что лицо отца стало пунцовым, я сбросила его руку и закрыла за спиной дверь.

– Лучше бы ты была сиротой, – фыркнул Оли.

– Мне бы хотелось того же.

– Грейс… Алан, он был нашим общим другом и ты не должна винить себя, – вздохнул он, – мы можем собраться вечером и просто вспомнить его?

– Да, – тут же кивнула я, потому что знаю, как медленно, но верно меня будет убивать одиночество и воспоминания.

– И.. в общем, если Диего будет с тобой, то никто не против.

– Ладно.

– Тогда, созвонимся в семь и договоримся о месте.

– Хорошо.

Оливер уже сделал несколько шагов в сторону, как тут же вернулся назад, крепко сжав меня в своих объятиях, где я смогла расслабиться и обнять его в ответ. Я никогда не позволяла ему делать это, но сейчас сама была готова кинуться к нему на шею, потому что он остался рядом. Да, он рядом, несмотря на то, что произошло с Аланом. Я вижу, как ему тоже плохо и как не хватает Алана, но Оливер крепкий орешек, он держится, в то время как моя плотина разваливается.

– Увидимся вечером.

Оставив быстрый поцелуй на моей макушке, он направился вглубь кампуса, а я выдохнула, повернув ручку и войдя на порог комнаты. Как только глаза зацепились за отца, который стоял возле стола, где теперь уже не было рамки, ярость вновь заставила кровь закипеть.

– Верни. Фотографию. На. Место.

Пронзая его ядом каждого брошенного слова, я готова была кинуться на его лицо и выцарапать глаза.

– Придётся забыть о подобных этому, – заулыбался отец.

– Я скорей забуду тебя.

– Что же ты так, Грейси, ты ведь ничего не знаешь. Ты присядь, я сейчас тебе расскажу, и ты сделаешь правильный выбор.

– Я не собираюсь слушать тебя.

– Оставьте нас одних, – приказывает отец, и Арчер с

мамой моментально удаляются, но взгляд первого успевает найти мой и выразить соболезнования. Он знает, что заготовил отец или он просто жалеет меня?

Смотря на своего донора спермы, я не скрываю лютое отвращение к его компании. Нравится ему это или нет, но продам его даже не за сигарету, а отдам даром, и готова сама заплатить, лишь бы избавить себя от его общества раз и на всю жизнь. Вскинув подбородок, я с высоты птичьего полёта, осматриваю идеальный костюм пепельного цвета, золотые запонки с гербом, который он сам себе придумал, отполированные чёрные туфли, следом глаза находят мусорное ведро, где я обнаруживаю разбитую рамку, которую хочу забрать, делая шаг, но рука отца быстро находит мою шею и отбрасывает назад, а его нога пинает мусорное ведро, откуда вываливаются осколки, которые с болью впиваются мне в сердце.

– Ещё раз ты меня тронешь, – шиплю я.

– И что? Прибежит твой мексиканец или испанец, кто он там? Жалкий дворняга, – скалится отец.

– Он испанец, чёртов ты ублюдок.

– Собирай вещи.

– Я не собираюсь менять место жительства.

– Тогда я быстро поменяю твоё мнение.

Поправляя пиджак, отец обращает ко мне глаза, в которых играют знакомые бесы, готовые уничтожить меня. Я и опомниться не успеваю, как рука отца прибивает мою спину

к стене, а его ядовитый взгляд находит мой, когда в нос ударяет дежавю.

– Какая досада, если ты успела обзавестись американской мечтой. Придётся оставить её, потому что ты собираешь свои вещи сейчас же и улетаешь с нами. У тебя скоро свадьба.

– Нет, – цежу я.

– Я давал тебе другие варианты выбора? Я сейчас расскажу тебе, что будет дальше, не согласись ты со мной, – скалится он, – хочешь, чтобы твоя дворняга разгуливала на воле?

Холодок пробегает по спине, но я стараюсь держаться и делать вид, словно его слова лишь дешёвый метод управления мной.

– Я лишу его этой свободы, потому что он – убийца, ты трахаешься с убийцей, – продолжает улыбаться отец, – я упеку его за решётку по щелчку пальцев, дополнив биографию новыми пунктами, тебе стоит только дать мне повод. Твой дедуля сжалился, дал шанс, чтобы он отрабатывал наказание, но твой дедуля пустое место передо мной. Поняла? Я уничтожу его физически и морально. Каждый день в клетке он будет молить о том, чтобы ему пустили пулю в лоб. Он будет ненавидеть тебя, а знаешь почему? Потому что будет знать, что это ты отправила его туда. Это ты лишила его встреч с будущим племянником и младшей сестрой. Ты разделила его с семьёй. Ты лишила его свободы. Хочешь?

– Ты не сможешь, он не виноват! – хриплю я, но больше

не могу держаться, слёзы выдают меня.

– Разве? Докажи, – скучающе закатывает глаза отец.

Зажмурив глаза, я со всей силы наступаю пяткой от сапог ему на ногу и, вырвавшись, подхватываю пальто. От силы, с которой я распахиваю дверь, краска летит на пол, а сама она чуть ли не сходит с петель.

И я бегу. Бегу без оглядки. Я не знаю ни одного места, где мне могут помочь. Хотя, нет, знаю. Я бегу в тот дом, в котором была лишь дважды.

Кулаки барабанят по входной двери бабушки и дедушки, пока зубы скрипят друг о друга. Слёзы не переставали заливать щеки, пока я бежала, и по пути я успела содрать колени до крови, когда отец прислал сообщение: «В семь в аэропорту». Он знает, что поймал меня, увидел мою слабую сторону, мою уязвимость. Он знает, что я попала в западню, ведь я всегда выбирала защитить кого-то собственной грудью. Но Иви нашла выход, почему его не найду я?

Продолжая стучать, я практически задыхалась и уже отчаялась, когда дверь открылась, а на пороге появилась Скарлет. В следующую секунду я бросилась к ней на шею, в ответ она обвила меня руками, поглаживая по спине.

– Грейс… милая, мне так жаль, он был хорошим парнем.

– Нет… – мотая головой в разные стороны, захлёбывалась я.

– Нет? – удивленный тон бабушки, наконец-то, разбудил моё сознание.

– Отец, он… он знает.

– Что знает, милая?

– О Диего, он угрожает Диего… Он прилетел…

– Прилетел? – раздаётся голос Этана за спиной, а его ладонь ложиться на мою спину, из-за чего я хватаю и сжимаю её с такой силой, что в глазах дедушки мелькают эмоции физической боли, но он ничего не говорит.

Находясь в объятиях бабушки, я крепко держу ладонь дедушки, продолжая заплывать слезами и пытаясь отыскать в себе силы, чтобы успокоится для того, чтобы рассказать им. Оба они доводят меня до дивана, Скарлет остается со мной, продолжая успокаивать меня поглаживанием по спине, а Этан с грохотом начинает поднимать кухню вверх дном, готовя для меня чай с ромашкой и земляникой, как его попросила жена.

– Грейс, расскажи нам, что произошло? – с нежностью в голосе, говорит она, смотря на меня зелёными глазами.

Наполняя легкие кислородом, я закрываю глаза и пытаюсь досчитать до десяти и успокоиться, как меня учил Алан.

«– Закрой глаза, Гри, – улыбается он, держа меня за руку, – это всего лишь матч, всё будет хорошо.

– Это не всего лишь матч! – возражаю я, дыша как паровоз из-за паники и страха.

– Хорошо, это игра. Твоя игра. Сегодня твой день, и ты станешь лучшим игроком.

– Откуда ты знаешь? – всхлипываю я.

– Потому что по-другому быть не может. Закрой глаза и считай до десяти.

Сжав его ладонь, я послушно закрываю глаза и выдыхаю.

– Медленно или быстро?

– Спокойно, я могу помочь тебе. Посчитаем вместе?

– Да, – киваю я.

– Тогда начинаем. Один… два… три…

В один голос с Аланом, я называю порядок цифр от одного до десяти. И к последней, мои нервы послушно встают смирно, позволяя уверенности пробиться вперёд. Когда я открываю глаза, я улыбаюсь лучшему другу, который лучезарно улыбается мне.»

Это воспоминание заставляет меня считать и плакать из-за того, что я больше никогда не увижу эту улыбку. Я больше не открою глаза и не увижу его. Он больше никогда не поддержит меня. Никогда не сожмёт мою ладонь и не скажет, что я всё смогу.

Но это вновь помогает, даже несмотря на то, что я в новых слезах.

Дедушка уже наполнил кружку чаем, протянув её мне. Принимая напиток, я делаю глоток, смахиваю слёзы и начинаю рассказывать им о встрече с отцом на кладбище, упуская письмо Алана, которое покоится в кармане джинс. Мой пересказ звучит слово в слово нашего диалога на кладбище и в кампусе. У меня больше нет страха перед этими людьми, они хотели лучшего для меня, я простила их и начала с чи-

стого листа, как и с Диего. Под завершение, две пары глаз смотрят на меня с ужасом и с печалью.

– Я не говорила ему про вас… я не знаю, как он узнал… – шепчу я, утирая капли с лица.

– Рано или поздно, он бы всё равно узнал, Грейс, – с грустью улыбается дедушка, пожимая плечами, – это был лишь вопрос времени, мы все это понимаем.

– Иви сбежала… она сбежала с Ноа, потому что была беременна, что, если я тоже могу?

– Быть беременной? – поглаживаю тыльную часть кисти, спрашивает бабушка.

– Нет… если мы тоже можем сбежать.

– Грейс, – вздыхает дедушка, поднимаясь с дивана, – мы ведь говорим не о шестнадцатилетнем мальчике, а о мужчине, который и ректору смеет перечить.

Покачивая головой, он начинает расхаживать по комнате взад-вперед, вероятно, обдумывая, а я обращаю взгляд к бабушке, которая коротко, но тоже грустно улыбается мне. Дедушка прав, Диего слишком гордый и самоуверенные для того, чтобы сбегать.

– Я не могу оставить его… – шепчу я, – я обещала…

– Милая, как бы мне не было тяжело, но у Иви была другая ситуация. Я не хочу ставить под сомнения слова твоего отца, мы обе знаем его способности ломать чужие судьбы. Спроси себя: ты готова пожертвовать собой ради Диего?

– Да, – не раздумывая, выпаливаю я.

– Это должно быть только твоё решение.

– Я не знаю, что мне делать.

– Значит, задай себе следующий вопрос: хочу ли я жить, зная, что он счастлив?

– Хочу, – еле выдавливаю я, понимая, что не могу отказаться от Диего.

– Значит, это и есть ответ.

– Но я не понимаю, – всхлипываю я.

– Милая, ты всё понимаешь.

Поднимая нас с дивана, она начинает двигаться в сторону входной двери, и мне становиться по-настоящему плохо, когда я думаю, что сейчас меня выпроводят из дома. Но я ошибаюсь, потому что Скарлет заворачивает на лестницу, по которой начинает подниматься, ведя меня следом за собой. Пройдя мимо двух дверей, она открывает третью, пропуская меня вперёд.

– Это была комната твоей матери, – немного улыбается Скарлет, входя следом за мной.

Белая деревянная кровать стоит ближе к окну, изголовье, напоминает ветки, переплетающиеся между собой. В уголке висит ловушка для снов, перья которой в фиолетовых и голубых цветах и судя по частому выбору одежды мамы – это её любимые оттенки. Рядом с кроватью – тумбочка, а с другой стороны торшер. По правую сторону от неё – шкаф, в уголках которого наклеены сердечки, и мне очень хочется заглянуть внутрь, чтобы узнать маму той, кем она была до

встречи с отцом. Странно, что в комнате нет рабочего стола, тут так мало всего, словно чего-то не хватает. Посмотрев на Скарлет, я указываю на шкаф взглядом «можно заглянуть внутрь?», и тут же получаю согласный кивок.

– Я могу оставить тебя тут одну, если хочешь.

Соглашаюсь с предложением и Скарлет закрывает дверь, а я, пройдясь ладонью по дереву, медленно приоткрываю дверцы, сразу замечая, что каждая украшена фотографиями и какими-то вырезками то ли из молодёжных журналов, то ли из тетрадей, которые разукрашены яркими цветами. Множество обрывков в виде фотографий групп, в одной из которых я узнаю Битлз и Квин. Куча вещей, небрежно взваленных на полки, словно их даже не пытались сложить аккуратно, это говорит лишь о том, что моя мать не всегда была такой аккуратисткой и любимицей всего идеального, когда-то она была бунтаркой. Закрыв шкаф, я следом открываю ящик, где лежит ежедневник, исписанный всякой ерундой и не намекающий на то, что это личный дневник, кроме того, он наполовину пуст и порван, словно из него часто вырывали листы. Осмотрев комнату, я пробую найти что-нибудь под кроватью, но ничего, пока глаза случайно не натыкаются на фиолетовую тонкую ленточку, свисающую с угла кровати. Её сложно заметить, только если будут проводить обыск, как это делаю я. Вытянув из-под перекладин свёрток, я начинаю блуждать по страницам глазами, пока не нахожу старую замызганную записку, где переписываются два чело-

века:

«– Ты уедешь со мной?

– Да.

– Ты уверена?

– Да.

– Это то, чего ты хочешь?

– Да.

– Будешь принцессой в замке?

– Да.»

На этом всё, и я со стопроцентной уверенностью скажу, что это был отец и мама. Да, она принцесса, как ей и хотелось. Только скорей принцесса в башне с драконом. И это навеивает меня на то желание стать Джокеру той самой Харли Квин. Мама стала. Если бы другая желала вырваться из этой клетки, то моя мать наслаждается подобной тюрьмой. Бабушка говорила правду, она сама выбрала такую жизнь, потому что именно в неё рвалась. Глаза находят вырезанный отрезок из какого-то текста: «*Отпустить – не значит сдаться. Чаще всего это единственное верное решение, победа над обстоятельствами*». И это выбивает из меня весь дух.

Я должна отпустить Диего. Бабушка права, при другом раскладе я потеряю его и потеряю его любовь. Я в любом случае потеряю его, возможно, он даже возненавидит меня, но я буду знать, что он на свободе, я буду знать, что он счастлив и он со своей семьей. Я готова посадить себя в клетку ради

него. Я всегда так делала ради тех, кого люблю. Ради Алана. Ради Иви. Ради Диего. Я буду заслонять их собой столько, сколько потребуется, потому что буду знать, что из всех страдаю только я. Разве ради близких не стоит жертвовать собой? Разве они не те, кто этого достоин? Если не ради них, то ради кого ещё?

Диего не виноват, что мы встретились. Никто не виноват. Так произошло и его жизнь не должна зависеть от меня, также и его семья. Они не могут потерять его ещё и физически, потому что морально он уже закрыт. Либо его потеряю только я, либо его потеряю я и ещё шесть человек, а в будущем семь, когда у Рома родится ребёнок. Кого я выбираю? Себя. Такой выбор сделает любой человек, потому что он единственный правильный. Я не имею права забирать у него свободу и семью. Но он забрал моё сердце и душу. И я готова попрощаться с ними раз и навсегда, потому что они в правильных руках.

Смотря на дневник перед собой, я достаю записку Алана и вновь позволяю слезам пробраться наружу. Он больше никогда не поможет мне разобраться с самой собой. Закрывая глаза, я представляю, что он сидит рядом, его волосы вновь небрежно торчат в разные стороны, придавая игривую сексуальность и обаяние, он топает пяткой по полу и потирает подбородок, подбирая правильные слова. Но теперь это лишь плод моей фантазии, с помощью которой я хочу восстановить прошлое, с помощью которой я могу почувство-

вать его вновь. От боли, которая разрывает меня изнутри, хочется выть и лезть по стенам, но я держусь. Держусь, как он всегда говорил:

«– Гри, ты сильнее всех нас вместе взятых.

– Да, с собачьей кличкой, – хмурюсь я.

– Ты – боец, самый настоящий боец, как любая собака.

– Ну, спасибо, теперь ты признаешь меня собакой.

– Собаки верные, сильные, готовые прийти на помощь и защитить собою.»

Я знаю, что не смогу сказать Диего что-то в лицо, я думала, что я сильная, но я слабая. Если Алан думал, что я борцовская собака, то на самом деле я лишь мелкий тюфяк, которого носят в сумочке. Вырывая лист бумаги, я нахожу в ящике ручку и пишу, потому что вижу в только один выход – записка. Я знаю, какую боль может доставить лишь один лист бумаги, потому что сегодня таким человеком была я. Это эгоистично с моей стороны, но я пишу. Пишу ложь, которая должна заставить его отвернуться от меня, дав понять, что я не то, что мы были заранее обречены. Я убеждаю его, что всё в прошлом, что это лишь отношения на сексуальной почве, но сама не верю в то, что пишу.

Оставив дом бабушки и дедушки с тем, что мне нужно подумать, я вновь попадают под морозную вьюгу, бьющую в лицо, но я выбираю не такси, а идти пешком в надежде на то, что свалюсь с ног с болезнью, которая убьёт меня, ведь будущая жизнь не сулит быть сладкой.

Чемодан быстро забивается, и всё это время я реву. Слёзы бьют ключом из глаз. Я не могу остановиться, да и зачем? Я выплакиваю свою боль, потому что у меня нет другого выхода. И всё, о чём я могу думать – Диего. Ночи с ним. Дни с ним. Завтраки. Ужины. Тренировки. Свидания. Ссоры. Всё это огромным камнем давит на мою голову, благодаря чему я иду в свой собственный ад. Он будет ненавидеть меня, но со своей стороны я буду знать, что он счастлив и свободен. Буду знать, что руки моего отца никогда не дотянутся до него, потому что я собираюсь выставить условия, которые раз и навсегда лишат его этой возможности. Лишь в этом я нахожу утешение и оправдание своему поступку.

По пути, я заезжаю в университет и проскальзываю в тренерскую, дверь, в которую открыта. Пустой кабинет напоминает мне о втором разе. Закрывая глаза, я трясущимися руками кладу письмо на стол Диего под тактический план, который мы делали вместе. Когда люди говорят о том, как тяжело тем, кого оставили, они не думают о том, как тяжело тем, кто оставляет. Но я скажу: тем, кто должен оставить свой свет, свою жизнь, своё сердце, свою душу в виде другого человека – ещё хуже. Я знаю это по себе. Нет ничего хуже, чем вырывать собственное сердце из груди. Нет ничего хуже, чем отказываться от самого себя. А именно это чувство того, что ты мертв внутри, ощущает человек, который оставляет.

Телефон пятый раз верещит у меня в кармане, но я уже знаю, что это Оливер или Саманта, которые звонили до это-

го. Достав мобильник, я хочу отключить его, пока колёса чемодана стучат позади, но застываю. Одно имя из пяти букв способно заставить моё и без того распотрошенное сердце вновь разбиться. Жду, когда Диего скинет вызов, чтобы написать ему, но он вновь звонит. Я всё же дожидаюсь того момента, когда экран тухнет и быстро набираю слова: «Всё будет хорошо. Я люблю тебя». Мне больше нечего сказать, и я успеваю нажать кнопку отправить до того, как телефон выхватывают из моих рук. В следующую секунду он падает на плитку, а каблук отца впивается в экран.

– Правильный выбор, Грейси, – скалится отец, позади которого стоит Арчер и мама, только первый не в таком радужном настроении, как мама. Брови Арчера сведены на переносице, он явно гадает, почему я пришла.

– Не один ты ставишь тут условия, – сухо говорю я, впиваясь глазами в отца, – и если ты настолько глуп для того, чтобы не знать о возможности резервного копирования или простой памяти, где имена и номера наизусть, то тебе стоит поправить мозги.

– А у тебя есть выбор? – бросает он, игнорируя мои слова об облаке.

– А у Иви он разве был?

Моё упоминание сестры не остаётся бесследным. Лицо отца вмиг приобретает багровый оттенок. Он явно ведёт дебаты внутри себя. Спустя минуту, он надевает маску равнодушия.

– Какие к чёрту условия ты ещё придумала?

– Ты никогда не тронешь Диего. Ты забудешь о нём и о его семье.

– Иначе что?

– Иначе тебе придётся заводить третьего ребёнка. И не факт, что он не станет Иви или мной.

– Дальше что?

– Ты меня слышал?

– Я соблюдаю твои условия до тех пор, пока ты соблюдаешь мои, – шипит он, создавая спокойный вид, словно мы болтаем по душам, – твои бродяжные друзья отправляются туда же.

Ничего не отвечая, я глотаю ком и следую за родителями, которые довольные собой, вышагивают по аэропорту считая остальных пассажиров за челядь и грязь под ногами. Арчер не торопится догонять их, он идёт в ногу со мной, в то время как я хочу избавить себя от его лица. Неизвестно, сколько ещё я должна буду видеть его в своей жизни, и портить отношения с человеком, который когда-то, но поддерживал меня – не лучшая идея, кроме того, у меня больше никого нет.

Каждая минута моей жизни теперь напоминает пытку и растягивается в вечность. Кажется, что время оцепенело, оно больше не бежит вперёд, как делало это тогда, когда я проводила его наедине с Диего. Я больше никогда не коснусь его, а он меня. Я больше никогда не услышу его голос. Я больше не имею права связываться с ним, иначе собственноручно

поставлю крест на его жизни.

– Грейс, что он имеет в виду? – шепчет Арчер, когда родители сидят за нашими спинами и поднимают бокалы в знак своей победы, пока обслуживающий персонал кружит и порхает над ними, словно их не двое в частом лайнере, а целый эконом-класс.

– Не трогай меня, – не глядя на него, сквозь зубы отвечаю я, смотря в иллюминатор.

Пока Арчер вновь начинает шептать просьбу объясниться, я закрываю глаза и смахиваю первые слёзы. Моя жизнь уничтожена. Я уничтожена. Раздавлена. Убита. Я так рада, что успела раскрыться перед Диего. Рассказать ему об Арчере, о своей жизни. Это помогло мне сделать новый глоток свежего воздуха. Но какой сейчас от этого толк? Наверно только тот, что Диего понимает то, что я тоже открыла для него свою душу. Воссоздавая его образ в голове, я сама того не понимаю, как вслух шепчу:

– Я люблю тебя, прости меня. Господи, пожалуйста, я так люблю тебя…

– Грейс, – мою руку нежно сжимают и трясут, и я на выдохе произношу одно имя.

– Диего…

Глаза тут же открываются, когда я нахожу не любимые карие, преходящие в чёрные, а голубые, принадлежащие Арчеру.

– Я сказала, убери руки от меня, – фыркаю я, скидывая

его ладони и смахивая собственные слёзы.

– Ты же знаешь, что можешь рассказать мне, я буду рядом, и я понимаю, что ты любишь его.

– Что ты хочешь услышать? – шиплю я, не позволяя пробиться сквозь свою браню.

– Грейс, – выдыхает он, словно это его отрывают от самого дорого, словно это он жертвует собой ради кого-то. Едва сдерживая свою неприязнь, я продолжаю сверлить Арчера взглядом, – в жизни так не бывает.

– Что?

– Не всегда люди могут быть вместе.

Кажется, что он сказал всё, но посмотрев за мою спину, где родители выпивают за моё поражение и свой успех, он вновь переводит взгляд на меня.

– В нашем случае так не бывает, Грейс.

Задержав взгляд на Арчере, я вновь обращаю его к пушистым облакам, где перед глазами ускользает и рассеивается всё то, что я обрела в Америке: друзей, семью, любовь, себя.

Говорят, если любишь, то ты ни за что ты уйдёшь. Но это самая настоящая ложь, ведь ты сделаешь всё ради человека, которого любишь. И даже позволишь ему жить без тебя. Любовь – это жертва. Ты жертвуешь собой ради другого, если знаешь, что так ему будет лучше.

Эпилог

Не держи на меня обид,

Я с тобою всегда святилась,

Ну, подумаешь, была влюблена,

Ну, подумаешь, не сложилось,

Вспоминай меня иногда,

Как тебе настроение дарила,

И случайно встретив меня,

Улыбнись и пройди мимо.

Помнишь, ты говорил, что нет ничего вечного? А я спорила и упиралась, что вечной может быть любовь. Ты оказался прав, Диего. Я признаю твою правоту.

Всё случилось слишком быстро. Ты должен понять меня. Я не была готова и сейчас не готова. Нам потребовалось много времени, чтобы что-то понять, но я хочу завершить и не желаю продолжать. Каждый шаг и пазл, был построен на сексе, а я больше его не хочу. К сожалению, это всё, что

ты можешь мне дать на данном этапе, а я пережила этот этап.

Я наслаждалась буквально каждым мгновением, проведённым с тобой. Дышать с тобой одним воздухом – это было для меня уже нечто превосходное, что распирало мою душу, взрывалось во мне, утоляя жажду твоей любви. Я любила просыпаться с тобой в одной кровати и, пока ты спишь, наблюдать за тобой, убирая спавшие пряди со лба. Я любила говорить с тобой обо всём, спорить, я даже ссориться с тобой любила. Я любила проводить с тобой каждую секунду своей ничтожной жизни, чтобы в конце долго дня заснуть в твоих объятиях, под твоё размеренное дыхание, щекотавшее мою шею. Я любила твой характер, сравнимый с непослушным пламенем, который покорял меня каждый раз. Я любила твою загадочность, твои мысли, твои рассуждения. Я любила твою семью, восхищаясь ею каждый раз, как будто заново. Я любила всего тебя, каждую клеточку в твоём теле.

Но так больше продолжаться не может. Ты должен пережить нас, потому что НАС – больше нет. Наши отношения разрушают всё вокруг. Мы разрушили Алана. Разрушили Полли. Разрушили команду. И мы разрушаем себя. Каждый день мы по крупицам разрушаем себя.

Ты стал для меня новой книгой или планетой, которую я стремилась познать со всех возможных и невозможных сторон. И в какой-то момент, мне удалось. Я повелась на

азарт и риск, ты был моим адреналином, но всё это перекрывали чувства. Мои реальные чувства к тебе. Мы нарушили всякие границы и правила, которые каждый раз образовывались на пути, но сейчас именно та линия, которую не в силах перейти ни ты, ни я. Мы больше не можем слепо смотреть вдаль, потому что путь оборван. Его больше нет. Это тупик, а тупик означает только конец. Наш конец.

Всё было заранее обречено. Песочные часы, которые уменьшали и рассеивали наши скоротечные минуты – опустели. А это означает только одно – времени не осталось.

Сохрани меня в памяти, и если решишь вспомнить, то прошу об одном: вспомни только хорошее. Жизнь вновь может поиграть и пересечь наши судьбы, поэтому у меня есть вторая просьба: при встрече со мной – пройди мимо. Ты должен это сделать, потому что я должна остаться в прошлом, именно там моё место. Я знаю, память не разрушить. Я благодарю тебя за опыт, потому что это короткое время, которое нам предоставила жизнь – оказалось лучшим за все мои восемнадцать лет.

P.S. Помнишь, в ответ я говорила, что нет ничего невозможного? Когда-то данную фразу мне вбивали в голову родители, а я всегда слушала и мысленно посылала их к чёрту, ведь у меня были скованные руки. Они и сейчас скованы, ничего не изменилось. Я всегда думала, что они несут какую-то чушь, потому что человек, который во всём ограничен – никогда не сможет следовать данному выражению.

И когда я отвечала тебе этой фразой, я просто перечила. Мне было без разницы как, это был глупый детский принцип: встать в позу и топнуть ножкой как маленькая девочка. Но кто бы мог подумать, что я тоже окажусь права. Ведь невозможное случилось. Этим «невозможным» были мы: наши чувства и наши отношения.

С любовью, твоя Грейси.